Н. М. КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Н. М. КАРАМЗИН

V

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В двенадцати томах

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1993

Николай Михайлович
КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Том V

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1993

ББК 63.3(2)43
К21

Ответственный редактор
член-корреспондент
Российской академии наук
А. Н. САХАРОВ

Подготовка текста:
В. Ю. АФИАНИ, В. М. ЖИВОВ, В. П. КОЗЛОВ

Автор послесловия
В. А. КУЧКИН

Комментарии к «Примечаниям»
Н. М. Карамзина
В Ю. АФИАНИ, М. И. АФАНАСЬЕВА,
В. П. КОЗЛОВ, Г. А. КОСМОЛИНСКАЯ

Переводы иноязычных текстов
подготовлены
М. И. АФАНАСЬЕВОЙ

Указатели составлены
К. Н. КУРКОВЫМ, Е. К. СИВКОВОЙ

К $\frac{0503020200-046}{042(02)-93}$ Подписное

ISBN 5-02-008661-4

© Российское академическое издательство «Наука», 1993
© Подготовка текста, послесловие, комментарии, перевод иноязычных текстов, указатели, 1993

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Том V

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОНСКИЙ. Г. 1363—1389

Гнев Ханский. Стеснение Князей Удельных. Договор. Усмирение Князя Нижегородского. Язва. Великий пожар. Каменный Кремль. Частные победы над Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобия Тверских Князей. Запустение Херсона. Нашествие Литвы. Война с Орденом. Сила Мамая. Вторичное нашествие Ольгерда. Благоразумие Михаила Тверского. Любовь народная к Димитрию. Знамения. Возвращение Вел. Князя из Орды. Война с Олегом. Новое впадение Литвы. Междоусобие. Третие нашествие Ольгерда. Избиение Татар в Нижнем. Последний Тысячский в Москве. Война с Тверским Князем. Первая смертная казнь в Москве. Поход в Болгарию. Начало Казани. Нашествие Моголов. Пословица. Победа над Моголами. Успехи в войне с Литвою. Дела церковные. Нашествие Мамаево. Измена Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерлан. Нашествие Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступ к столице. Вероломство Тохтамыша. Взятие и разрушение Москвы. Скорбь Димитрия. Изгнание Олега. Восстановление Москвы. Изгнание Митрополита. Ненависть Князя Тверского к Димитрию. Сын Димитриев в Орде. Тяжкая дань. Мир с Олегом. Ссора и мир с Новымгородом. Крещение Литвы. Жестокость Князя Смоленского. Бегство сына Димитриева из Орды. Смерть Князя Нижегородского. Вражда между Вел. Князем и Владимиром. Их примирение. Новый порядок наследства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитриевы. Строение городов и монастырей. Дела церковные. Ересь Стригольников. Крещение Перми. Сношения с Грециею. Путешествие Пимена. Италианцы в нашей службе. Деньги вместо кун. Огнестрельное искусство в России. Кометы. Зима до 20 Апреля.

<Г. 1363>. Калита и Симеон готовили свободу нашу более умом, нежели силою: настало время обнажить меч. Увидим битвы кровопролитные, горестные для человечества, но благословенные Гением России: ибо гром их пробудил ее спящую славу, и народу уничиженному возвратил благородство духа. Сие важное дело не могло совершиться вдруг и с непрерывными успехами: Судьба испытывает

людей и Государства многими неудачами на пути к великой цели, и мы заслуживаем счастие мужественною твердостию в противностях оного.

Димитрий Иоаннович, удостоенный Великокняжеского сана Мурутом, желая господствовать безопаснее, искал благосклонности и в другом Царе, Авдуле, сильном Мамаевою Ордою: Посол сего Хана явился с милостивою грамотою, и Димитрий долженствовал вторично ехать в Владимир, чтобы принять оную согласно с древними обрядами. Хитрость бесполезная: угождая обоим Ханам, Великий Князь оскорблял того и другого; по крайней мере утратил милость Сарайского, и возвратясь в Москву, сведал, что Димитрий Константинович опять занял Владимир: ибо Мурут прислал ему с сыном бывшего Владетеля Белозерского, Иоанном Феодоровичем, и с тридцатью слугами Ханскими ярлык на Великое Княжение[1]. <Гнев Ханский>. Но гнев Царский уже не казался гневом Небесным: юный внук Калитин осмелился презреть оный, выступил с полками, чрез неделю изгнал Димитрия Константиновича из Владимира, осадил его в Суздале, и в доказательство великодушия позволил ему там властвовать как своему присяжнику.

<Стеснение Князей Удельных>. Мысль Великого Князя или умных Бояр его, мало по малу искоренить систему Уделов, оказалась ясно: он выслал Князей Стародубского и Галицкого из их наследственных городов, обязав Константина Ростовского быть в точной и совершенной зависимости от Главы России[2]. Изумленные решительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновению древнему и закону отцев их, они жаловались, но повиновались: первые отъехали к Князю Андрею Нижегородскому, а Константин в Устюг.

<Г. 1364. Договор>. В сие время Димитрий Иоаннович лишился брата и матери. Тогда он с двоюродным братом своим, Владимиром Андреевичем, заключил договор, выгодный для обоих[3]. Митрополит Алексий был свидетелем и держал в руках святый крест: юные Князья, окруженные Боярами, приложились к оному, дав клятву верно исполнять условия, которые состояли в следующем: «Мы клянемся жить подобно нашим родителям: мне, Князю Владимиру, уважать тебя, Великого Князя, как отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мне, Димитрию, не обижать тебя и любить, как меньшого

брата. Каждый из нас да владеет своею отчиною бесспорно: я, Димитрий, частию моего родителя и Симеоновою; ты Уделом своего отца. Приятели и враги да будут у нас общие. Узнáем ли какое злоумышление? объявим его немедленно друг другу. Бояре наши могут свободно переходить, мои к тебе, твои ко мне, возвратив жалованье, им данное. Ни мне в твоем, ни тебе в моих Уделах не покупать сел, не брать людей в кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владимир, обязан доставлять тебе, Великому Князю, с Удела моего известную дань Ханскую. Сборы в волостях Княгини Иулиании принадлежат нам обоим. Людей черных, записанных в Сотни, мы не должны принимать к себе в службу, ни свободных земледельцев, мне и тебе вообще подведомых. Выходцам Ординским отправлять свою службу, как в старину бывало» (сим именем означались Татары, коим наши Князья дозволяли селиться в Российских городах). «Если буду чего искать на твоем Боярине или ты на моем, то судить его моему и твоему чиновнику вместе; а в случае несогласия между ими решить тяжбу судом Третейским. Ты, меньший брат, участвуй в моих походах воинских, имея под Княжескими знаменами всех Бояр и слуг своих: за что во время службы твоей будешь получать от меня жалóванье».— Отнимая Уделы свойственников дальних, Великий Князь не хотел поступить так с ближним, и Княжение Московское оставалось еще раздробленным.

<Г. 1365>. Между тем в Сарае один Хан сменял другого: преемник Мурутов, Азис, думал также низвергнуть Калитина внука, и Димитрий Константинович снова получил Ханскую грамоту на Великое Княжение, привезенную к нему из Орды весною сыном его, Василием, и Татарским Вельможею Урусмандом; но сей Князь, видя слабость свою, дал знать Димитрию Московскому, что он предпочитает его дружбу милости Азиса, и навеки отказывается от достоинства Великокняжеского. Умеренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродетель; однако ж Димитрий Иоаннович изъявил ему за то благодарность. Андрей Константинович преставился в Нижнем [4]: [1*]— желая наследовать сию область, и сведав, что она уже занята меньшим братом его, Борисом, Князь Суздальский прибегнул к Московскому [-1*]. Древнее обыкновение употреблять людей духовных в важных делах государственных еще не переменилось: Св. Сергий,

Игумен пустынной Троицкой Обители, был вызван из глубины лесов и послан объявить Владетелю[2*] Нижегородскому, чтобы он ехал судиться с братом к Димитрию Иоанновичу. Борис, утвержденный между тем на престоле Ханскою грамотою, ответствовал, что Князей судит Бог. Исполняя данное ему от Митрополита повеление, Сергий затворил все церкви в Нижнем; но и сия духовная казнь не имела действия. <Усмирение Князя Нижегородского>. Надлежало привести в движение сильную рать Московскую: Димитрий Суздальский предводительствовал ею. <Г. 1365—1367>. Тогда Борис увидел необходимость повиноваться: выехал на встречу к брату, уступил ему Нижний и согласился взять один Городец; а Великий Князь, благодеянием привязав к себе Димитрия Константиновича, женился после на его дочери, Евдокии: свадьбу праздновали в Коломне со всеми пышными обрядами тогдашнего времени.

<Язва>. Сие происшествие случилось в год ужасный для Москвы. Язва, описанная нами в княжение Симеоново, вторично посетила Россию. Во Пскове она возобновилась чрез 8 лет (и Князь Изборский, Евстафий, с двумя сыновьями был ее жертвою); а в 1364 году купцы и путешественники завезли оную из Бездежа в Нижний Новгород, в Коломну, в Переславль, где умирало в день от 20 до 100 человек[5]. Летописцы говорят о свойстве и признаках болезни таким образом: «Вдруг ударит как ножем в сердце, в лопатку, или между плечами; огонь пылает внутри; кровь течет горлом; выступает сильный пот и начинается дрожь. У других делаются железы, на шее, бедре, под скулою, пазухою, или за лопаткою. Следствие одно: смерть неизбежная, скорая, но мучительная. Не успевали хоронить тел; едва десять здоровых приходилось на сто больных; несчастные издыхали без всякой помощи. В одну могилу зарывали семь, восемь и более трупов. Многие домы совсем опустели; в иных осталось по одному младенцу». В 1365 году зараза открылась в Ростове, Твери, Торжке: в первом городе скончались в одно время Князь Константин Васильевич, его супруга, Епископ Петр, а во втором вдовствующая Княгиня Александра Михайловича с тремя сыновьями, Всеволодом Холмским, Андреем, Владимиром,— их жены, также супруга и сын Константина Михайловича, Симеон, множество Вельмож и купцев. В 1366 году и

Москва испытала то же бедствие. Сия жестокая язва несколько раз проходила и возвращалась. В Смоленске она свирепствовала три раза: наконец (в 1387 году) осталось в нем только пять человек, которые, по словам летописи, вышли и затворили город, наполненный трупами.

<Великий пожар>. Москва не за-долго до язвы претерпела и другое несчастие: пожар, какого еще не бывало, и который слывет в летописях *великим пожаром Всесвятским*, ибо начался церковию Всех Святых[6]. Сей город разделялся тогда на *Кремль*, *Посад*, *Загородье* и *Заречье*: в два часа или менее огонь, развеваемый ужасною бурею, истребил их совершенно. Многие Бояре и купцы не спасли ничего из своего имения.— <Каменный Кремль>. Видя, сколь деревянные укрепления ненадежны, Великий Князь в общем совете с братом, Владимиром Андреевичем, и с Боярами, решился построить *каменный Кремль*, и заложил его весною в 1367 году. Надлежало, не упуская времени, брать меры для безопасности отечества и столицы, когда Россия уже явно действовала против своих тиранов: могли ли они добровольно отказаться от господства над нею и простить ей великодушную смелость? <Частные победы над Моголами>. Мурза Ординский, Тагай, властвуя в земле Мордовской или в окрестностях Наровчата, выжег нынешнюю Рязань: Олег соединился с Владимиром Димитриевичем Пронским и с Князем Титом Козельским (одним из потомков Св. Михаила Черниговского), настиг и разбил Тагая в сражении кровопролитном. <Г. 1367>. Столь же счастливо Димитрий Нижегородский с братом своим, Борисом, наказал другого сильного Могольского хищника, Булат-Темира. Сей Мурза, овладев течением Волги, разорил Борисовы села в ее окрестностях, но бежал от наших Князей за реку Пьяну; многие Татары утонули в ней или были истреблены Россиянами; а сам Булат-Темир ушел в Орду, где Хан Азис велел его умертвить[7].— Сии ратные действия предвещали важнейшие.

<Разбои Новогородской вольницы>. Великий Князь, готовясь к решительной борьбе с Ордою многоглавою, старался утвердить порядок внутри отечества. Своевольство Новогородцев возбудило его негодование: многие из них, под названием охотников, составляли тогда целые полки, и, без всякого сношения с Правительством, езди-

ли на добычу в места отдаленные. Так они (в 1364 году) ходили по реке Оби до самого моря с молодым Вождем Александром Обакуновичем и сражались не только с иноплеменными Сибирскими народами, но и с своими Двинянами. Сей же Александр и другие смельчаки отправились вниз по Волге на 150 лодках [8]; умертвили в Нижнем великое число Татар, Армян, Хивинцев, Бухарцев; взяли их имение, жен, детей; вошли в Каму, ограбили многие селения в Болгарии и возвратились в отчизну, хвалясь успехом и добычею. Узнав о том, Великий Князь объявил гнев Новогородцам; велел захватить их чиновника в Вологде, ехавшего из Двинской области, и сказать им, что они поступают как разбойники, и что купцы иноземные находятся в России под защитою Государя. Правительство, извиняясь неведением, нашло способ умилостивить Димитрия.

<Междоусобия Тверских Князей>. Самая язва не прекратила междоусобия Тверских Князей. Василий Михайлович Кашинский, долговременный неприятель Всеволода Холмского, ссорился и с братом его, Михаилом Александровичем (княжившим прежде в Микулине) за область умершего Симеона Константиновича. Дядя хотел быть Главою Княжения; а племянник доказывал, что он, будучи сыном брата старшего, есть наследник его прав и властелин всех частных Уделов [9]. Они хотели решить тяжбу судом духовным: уполномоченный для того Митрополитом, Тверский Епископ обвинил дядю, но долженствовал сам ехать в Москву для ответа: ибо Василий и брат Симеонов, Иеремий Константинович, жаловались на его несправедливость Святому Алексию. Сие дело казалось неважным: открылись следствия несчастные для Твери и Москвы. Юноша Михаил имел достоинства, властолюбие и сильного покровителя в знаменитом Ольгерде Литовском, женатом на его сестре. Зная, что Великий Князь и Митрополит держат сторону Василиеву — зная также намерение первого господствовать самодержавно над всею Россиею — Михаил уехал в Литву. Пользуясь его отсутствием, Василий и Иеремий гнали усердных к нему Бояр, и предводительствуя данною им от Димитрия Московскою ратию, опустошили Михаилову область, в надежде, что он не дерзнет возвратиться. Но Михаил спешил отмстить дяде и брату, ведя с собою войско Литовское; взял Тверь, пленил свою тет-

ку, и думал осадить Кашин, где заключился Василий; однако ж Епископ примирил их, с условием, что дядя уступит старейшинство племяннику, и будет довольствоваться областию Кашинскою.

Князь Московский участвовал в сем мире и подтвердил его. Но прозорливые советники Димитриевы, боясь замыслов Михаила — который назвался *Великим Князем Тверским*[10], и хотел восстановить независимость своей области — употребили хитрость: ими, как вероятно, наученный, Иеремий Константинович приехал к Димитрию о новыми жалобами, требуя, чтобы он взял на себя распорядить Уделы в Твери. Михаила позвали в Москву дружелюбно и ласково: сам Св. Алексий обнадежил его в безопасности, уверяя, что суд Великого Князя навсегда утвердит тишину в Тверских владениях. Слово Митрополита и святость гостеприимства не дозволяли страшиться обмана. Михаил желал видеть столицу Димитрия (уже славную тогда в России), узнать его лично, беседовать с благоразумными Вельможами Московскими: он въехал гостем, но сделался невольником. <Г. 1368>. Нарядили Третейский суд; хотели предписывать законы Михаилу; удалили от него Бояр Тверских, и содержали их как пленников в разных домах с Князем. Обман недостойный Правителей мудрых! и виновники не воспользовались оным. Летописцы говорят, что прибытие Ханского Вельможи Карача, заставило советников Димитриевых освободить утесненного Князя: сей Мурза, как вероятно, вступился за него; вероятно и то, что Св. Алексий, невольно вовлеченный в дело противное совести, удержал их от дальнейшего насилия. Михаил спешил удалиться, громогласно обвиняя Димитрия и Митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольным и не жаловаться! Он уступил, без сомнения также невольно, Городок или область Симеона Константиновича, Князю Иеремию, с коим отправился туда чиновник Московский.

Надлежало довершить оружием, что начали коварством. Василий Кашинский умер[11]: Великий Князь, как бы желая только защитить сына его, Михаила, от притеснений, послал войско в Тверь; а Михаил Александрович ушел к Ольгерду. Сей Литовский Государь, более двадцати лет воюя непрестанно с Немецким Орденом, с Поляками, Россиянами, купил славу Героя кровию бесчисленного множества людей и пеплом городов: равнодуш-

но смотрел на изнурение своих подданных, и бодрый в летах старости, все еще искал новых приобретений. <Запустение Херсона>. В 1363 году он ходил с войском к Синим Водам, или в Подолию, и к устью Днепра, где кочевали три Орды Могольские [12]; разбив их, гнался за ними до самой Тавриды; опустошил Херсон, умертвил большую часть его жителей, и похитил церковные сокровища: с того времени, как вероятно, опустел сей древний город, и Татары Заднепровские находились в некоторой зависимости от Литвы. Поход к берегам Черного моря не препятствовал Ольгерду беспокоить Россию: Военачальники его взяли Ржев, а сын, Андрей Полоцкий (в 1368 году) старался овладеть другими пограничными местами нашими. Россияне также действовали наступательно, и юный Князь Владимир Андреевич ознаменовал свое мужество счастливым успехом, изгнав Литву из города Ржева. В сих обстоятельствах Ольгерд должен был ревностно вступиться за шурина, который предлагал ему итти прямо к Москве и смирить дерзкого юношу, уже столь решительного в замыслах самовластия. <Нашествие Литвы>. Собрав многочисленные полки, он выступил к пределам России с братом Кестутием, также поседевшим в битвах, и с сыном его, отроком Витовтом, будущим Героем, грозным для всех народов соседственных. Летописцы рассказывают, что Кестутий, возвращаясь однажды с войском из Пруссии, увидел в Полонге красавицу, именем Бириту, и влюбился в нее: дав идолам своим обет вечно сохранить девство и за то слывя богинею в народе, она не хотела быть женою храброго Князя; но Кестутий насильно сочетался с нею браком. От сей Бириты родился знаменитый Витовт.

Князь Смоленский, добровольно или принужденно, соединил дружину свою с полками Литовскими, которые шли, не зная, куда: ибо Ольгерд умел хранить тайну в важных предприятиях, чтобы нападать внезапно, и любил побеждать хитростию еще более, нежели силою [13]. Он был окружен Россиянами и купцами иноземными; но цель его похода оставалась неизвестною в Москве до самого того времени, как сей завоеватель приближился к нашим границам. Изумленный Великий Князь отправил гонцев во все области для собрания войска, и желая остановить стремление неприятеля, велел Боярину, Димитрию Минину, итти вперед с одними полками Москов-

скими, Коломенскими и Дмитровскими. Вторым начальником был Воевода Князя Владимира Андреевича, именем Иакинф Шуба. Уже Ольгерд как лев свирепствовал в Российских владениях: не уступая Моголам в жестокости, хватал безоружных в плен, жег города; убил Князя Стародубского, Симеона Димитриевича Кропиву, а в Оболенске Князя Константина Юрьевича, происшедшего от Св. Михаила Черниговского [14], и близ Тростенского озера ударил всеми силами на Воеводу Минина. <Ноября 21>. Многие наши Князья, Бояре легли на месте, и полки Московские были истреблены совершенно. Ольгерд, истязая пленников, спрашивал: где Великий Князь? и есть ли у него войско? Все ответствовали единогласно, что Димитрий в столице и еще не успел соединить сил своих. Победитель спешил к Москве, где Великий Князь с братом, Владимиром Андреевичем, с Митрополитом Алексием, со всеми знаменитейшими людьми затворился в Кремле, велев обратить в пепел окрестные здания [15]. Три дня Ольгерд стоял под стенами, грабил церкви, монастыри, не приступая к городу: каменные стены и башни устрашали его; а зимние морозы не позволяли ему заняться трудною осадою. Довольный корыстию и множеством пленников, он удалился, гоня перед собою стада и табуны, отнятые у земледельцев и городских жителей; вышел из России, и хвалился тем, что она долго не забудет сделанных им в ней опустошений. В самом деле Великое Княжество не видало подобных ужасов в течение сорока лет, или со времен Калиты, и сведало, что не одни Татары могут разрушать Государства.

<Война с Орденом>. Как скоро сия буря миновалась, Великий Князь отправил брата, Владимира Андреевича, защитить Псковитян от Немцев. Оскорбленные убиением некоторых Россиян на границах Ливонии в мирное время, Псковитяне (в 1362 году) остановили у себя гостей Немецких, а жители Дерпта Новогородских [16]. Были съезды и переговоры. Новгород посылал Бояр своих в Дерпт: наконец с обеих сторон задержанным купцам дали свободу; однако ж Псковитяне взяли с Немцев не мало серебра за их вероломство, и не могли долго ужиться с ними в мире. Открылась новая ссора за границы: Посол от Великого Князя ездил в Дерпт, и не успел ни в чем. В след за ним явилось войско Немецкое, предво-

димое Магистром Вильгельмом Фреймерзеном, Архиепископом Фромгольдом и многими Коммандорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки под его степами и ночью ушло. «К несчастию (говорит тамошний Летописец) Князь Александр и главные чиновники наши были в разъезде по селам, а мы ссорились с Новымгородом». <Г. 1369>. Прибытие Князя Владимира Андреевича восстановило согласие между ими; с того времени Новогородцы действовали за-одно с своими братьями, Псковитянами: принудили Немцев бежать от Изборска и вторично от Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузен, и (в 1371 году) заключили с Орденом мир.

<Г. 1370—1371>. Потрясенная нашествием Литвы Москва имела нужду в отдохновении: Великий Князь возвратил Михаилу спорную область Симеона Константиновича; но не замедлил снова объявить ему войну: принудил его вторично бежать [3*] в Литву, взял Зубцев, Микулин, и пленил [3*] множество людей, чтобы ослабить Державу опасного противника. Раздраженный бедствием своего невинного народа, Михаил вздумал свергнуть Димитрия посредством Татар [17]. <Сила Мамая>. Уже Мамай силою или хитростию соединил так называемую *Золотую* или Сарайскую Орду, где царствовал Азис, и свою Волжскую; объявил Ханом Мамант-Салтана и господствовал под его именем. Вероятно, что он был недоволен Димитрием, или, находясь в дружелюбном сношении с Ольгердом, хотел угодить ему; по крайней мере, выслушав благосклонно Михаила, дал ему грамоту на сан Великого Князя: Посол Ханский долженствовал ехать с ним в Владимир. Но времена безмолвного повиновения миновались: конные отряды Московские спешили занять все пути, чтобы схватить Тверского Князя, и Михаил, ими гонимый из места в место, едва мог пробраться в Вильну.

Одержав победу над Крестоносцами Немецкими, седый Ольгерд наслаждался или скучал тогда миром. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрий сделал Литве новую, чувствительную досаду, посылав Воевод Московских осаждать Брянск и тревожить владения союзника ее, Князя Смоленского [18]. <Вторичное нашествие Ольгерда>. Ольгерд решился вторично итти к Москве, как скоро болота и реки замерзли от первого холода зимнего. Несколько тысяч земледельцев шли впереди, прокладывая прямые дороги.

Войско не останавливалось почти ни днем, ни ночью; не смело ни грабить, ни жечь селений, чтобы не тратить времени, и в исходе Ноября приступило к Волоку Ламскому, где начальствовал храбрый, опытный муж, Василий Иванович Березуйский, один из Князей Смоленских, верный слуга Димитриев. Три дни бились под стенами, и рать многочисленная не могла одолеть упорства осажденных, так, что Ольгерд, потеряв терпение, с досадою удалился от ничтожной деревянной крепости: ибо время казалось ему дорого. Но Россияне оплакивали своего знаменитого начальника: неприятельский воин скрылся во рву, и видя Князя Березуйского стоящего перед городскими воротами, ударил его сквозь мост копием. Сей верный сын отечества, довольный спасением города, посвятил Небу последние минуты жизни: он скончался Монахом.

6 Декабря Ольгерд и правая рука его, мужественный Кестутий, расположились станом близ Москвы; с ними был и Князь Смоленский Святослав. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада, и вторично не дерзнули приступить к Кремлю, где сам Димитрий начальствовал: Митрополит Алексий находился тогда в Нижнем Новегороде, к сожалению народа, всегда ободряемого в опасностях присутствием Святителя. Но Великий Князь и Бояре, предвидя следствие взятых ими мер, спокойно ожидали оного. Брат Димитриев, Владимир Андреевич, стоял в Перемышле с сильными полками, готовый ударить на Литовцев с тылу; а Князь Владимир Димитриевич Пронский вел к Москве Рязанское войско. Ольгерд устрашился, и требовал мира; уверял, что не любя кровопролития, желает быть *вечно* нашим другом, и в залог искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за Князя Владимира Андреевича. Великий Князь охотно заключил с ним *перемирие* до Июля месяца [19]. Не смотря на то, сей коварный старец шел назад с величайшею осторожностию, боясь тайных засад и погони: столь мало верил он святости государственных договоров и чести народа, имевшего причину ненавидеть его, как жестокого злодея России!

Не только страх быть окруженным полками Российскими, но и другие обстоятельства вселяли в Ольгерда сие нетерпеливое желание мира: а именно, новые неприятельские замыслы Немецкого Ордена, о коих слегка

упоминается в наших летописях, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледельцам убрать хлеба; в Декабре и Генваре было удивительное тепло: в начале же Февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлеб, осенью засыпанный снегом. Сия оттепель, испорченные дороги, разлитие рек и трудность доставать съестные припасы могли иметь гибельные следствия для войска в земле неприятельской.— Одним словом, Ольгерд, думая только о себе, забыл пользу своего шурина и не включил его в договор мирный.

<Г. 1371. Благоразумие Михаила Тверского>. Оставленный зятем, Михаил вторично обратился к Мамаю и выехал из Орды с новым ярлыком на Великое Княжение Владимирское. Хан предлагал ему даже войско; но сей Князь не хотел оного, боясь подвергнуть Россию бедствиям опустошения и заслужить справедливую ненависть народа: он взял только Ханского Посла, именем Сарыхожу, с собою [20]. Узнав о том, Димитрий во всех городах Великого Княжества обязал Бояр и чернь клятвою быть ему верными, и вступил с войском в Переславль Залеский. Тщетно враг его надеялся преклонить к себе граждан Владимирских; они единодушно сказали ему: «У нас есть Государь законный; иного не ведаем». Тщетно Сарыхожа звал Димитрия в Владимир слушать грамоту Хана: Великий Князь ответствовал: «к ярлыку не еду, Михаила в столицу не впускаю, а тебе, Послу, даю путь свободный». Наконец сей Вельможа Татарский, вручив ярлык Михаилу, уехал в Москву, где, осыпанный дарами и честию, пируя с Князьями, с Боярами, славил Димитриево благонравие. Михаил же, видя свое бессилие, возвратился с Мологи в Тверь и разорил часть соседственных областей Великокняжеских.

Между тем грамота Ханская оставалась еще в его руках: сильный Мамай не мог простить Димитрию двукратное ослушание, имея тогда войско готовое ко впадению в Россию, к убийствам и грабежу. Великий Князь долго советовался с Боярами и с Митрополитом; надлежало или немедленно восстать на Татар, или прибегнуть к старинному уничижению, к дарам и лести. Успех великодушной смелости казался еще сомнительным: избрали второе средство, и Димитрий — без сомнения зная расположение Мамаево — решился ехать в Орду, утвержденный

в сем намерении Моголом Сарыхожею, который взялся предупредить Хана в его пользу. <Любовь народная к Димитрию>. Народ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый Государь будет иметь в Орде участь Михаила Ярославича Тверского, и что коварный Сарыхожа, подобно злодею Кавгадыю, готовит ему верную гибель. По крайней мере никто не мог без умиления видеть, сколь Димитрий предпочитает безопасность народную своей собственцой, и любовь общая к нему удвоилась в сердцах благодарных. <Июня 15>. Митрополит Алексий провожал его до берегов Оки: там усердно молился Всевышнему, благословил Димитрия, Бояр, воинов, всех Княжеских спутников, и торжественно поручил им блюсти драгоценную жизнь Государя доброго[21]; он сам желал разделить с ним опасности: но присутствие его было нужно в Москве, где оставался Совет Боярский, который уже по отбытии Димитрия заключил мир с Литовскими Послами, в следствие торжественного обручения Елены, Ольгердовой дочери, за Князя Владимира Андреевича: свадьба совершилась чрез несколько месяцев.

<Знамения>. С нетерпением ожидали вестей из Орды; суеверие, устрашенное необыкновенными явлениями естественными, предвещало народу государственное бедствие. В солнце видны были черные места, подобные гвоздям, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днем в двух саженях не льзя было разглядеть лица человеческого; птицы, не смея летать, станицами ходили по земле[22]. Сия тьма продолжалась около двух месяцев. Луга и поля совершенно иссохли; скот умирал; бедные люди не могли за дороговизною купить хлеба. Печальное уныние царствовало в областях Великокняжеских: думая воспользоваться оным, Михаил Тверский хотел завоевать Кострому; однако ж взял одну Мологу, обратив в пепел Углич и Бежецк.

<Возвращение Великого Князя из Орды>. В исходе осени усердные Москвитяне были обрадованы счастливым возвращением своего Князя: Хан, Царицы, Вельможи Ординские и в особенности Темник Мамай, не предвидя в нем будущего грозного сопротивника, приняли Димитрия с ласкою; утвердили его на Великом Княжении, согласились брать с оного дань гораздо умереннейшую прежней и велели сказать Михаилу: «мы хотели силою оружия возвести тебя на престол Владимирский; но ты

отвергнул наше предложение, в надежде на собственное могущество: ищи же покровителей, где хочешь!»[23]. Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу Князей Московских и тем дороже цепили покорность Димитрия. В Орде находился сын Михаилов Иоанн, удержанный там за 10 000 рублей, коими Михаил был должен Царю. Димитрий, желая иметь столь важный залог в руках своих, выкупил Иоанна и привез с собою в Москву, где сей юный Князь жил несколько времени в доме у Митрополита; но, согласно с правилами чести, был освобожден, как скоро отец заплатил Димитрию означенное количество серебра; Михаил же оставался неприятелем Великого Князя: Воеводы Московские, убив в Бежецке Наместника Михаилова, опустошили границы Тверские.

<Война с Олегом>. Тогда явился новый неприятель, который хотя и не думал свергнуть Димитрия с престола Владимирского, однако ж всеми силами противоборствовал его системе Единовластия, ненавистной для Удельных Князей: то был смелый Олег Рязанский, который еще в государствование Иоанна Иоанновича показал себя врагом Москвы. Озабоченный иными делами, Димитрий таил свое намерение унизить гордость сего Князя, и жил с ним мирно: мы видели, что Рязанцы ходили даже помогать Москве, теснимой Ольгердом. Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татар, Великий Князь скоро нашел причину объявить войну Олегу, неуступчивому соседу, всегда готовому спорить о неясных границах между их владениями. Воевода, Димитрий Михайлович Волынский, с сильною ратию Московскою вступил в Олегову землю, и встретился с полками сего Князя, не менее многочисленными, и столь уверенными в победе, что они с презрением смотрели на своих противников. «Друзья! говорили Рязанцы между собою: нам нужны не щиты и не копья, а только одни веревки, чтобы вязать пленников, слабых, боязливых Москвитян». *Рязанцы*, прибавляет Летописец, *бывали искони горды и суровы*: суровость не есть мужество, и *смиренные*, *набожные* Москвитяне, устроенные Вождем искусным, побили их на голову[24]. Олег едва ушел. Великий Князь отдал Рязань Владимиру Димитриевичу Пронскому, согласному зависеть от его верховной власти. <Г. 1372> Но сим не кончилась история Олегова: любимый народом, он скоро изгнал Владимира и снова завоевал

все свои области; а Димитрий, встревоженный иными, опаснейшими врагами, примирился с ним до времени.

Михаил, все еще имея тесную связь с Литвою, всячески убеждал Ольгерда действовать с ним за-одно против Великого Князя, без сомнения представляя ему, что время укрепит Димитрия в мужестве и властолюбии; что сей Государь, столь еще юный, рано или поздно отмстит ему за двукратную осаду Москвы, и захочет возвратить отечеству прекрасные земли, отторженные Литвою от России; что надобно низвергнуть опасного неприятеля или по крайней мере частыми нападениями ослаблять его силу. *Вечный мир*, клятвенно утвержденный в Москве Литовскими Послами, и новый брачный союз с Домом ее Князей произвели единственно то, что Ольгерд не захотел сам предводительствовать войском, а послал Кестутия, Витовта, Андрея, сына своего, и Князя Димитрия Друцкого разорять наше отечество. <Новое впадение Литвы. Апреля 6>. Не уступая брату ни в скорости, ни в тайне воинских замыслов, Кестутий весною осадил Переславль, столь внезапно, что схватил многих земледельцев на полях и Бояр, выехавших в села для хозяйственных распоряжений. В такое время, когда едва сошел снег и глубокие реки находились в полном разливе, никто не ожидал неприятеля внутри России. Впрочем сие Литовское впадение было одним быстрым набегом: Кестутий выжег предместие, но снял осаду и соединился с войском Михаила, который опустошил села вокруг Дмитрова, взяв окуп с города [25]. Обе рати двинулись к Кашину; истребили селения вокруг его и также взяли дань с граждан, а Князя Михаила Василиевича, преданного Димитрию, обязали клятвою быть подвластным Тверскому. На возвратном пути Литовцы злодействовали и в самых владениях их союзника; Михаил же, оставив Наместников в Торжке, величал себя победителем.

<Междоусобие>. Но победа еще ожидала его. Не зная, кто останется Главою России, Михаил или Димитрий, Новогородцы (в 1370 году) дали на себя грамоту первому, обещая ему повиноваться как своему законному Властителю, *если* Хан утвердит его в Великокняжеском достоинстве. Когда же Димитрий возвратился из Орды с Царскою милостию, тогда они заключили с ним договор противиться общими силами Михаилу, Литве и Рижским Немцам: Великий Князь обязывался самолично

предводительствовать войском или прислать к ним брата, Владимира Андреевича[26]. Сведав, что Михаил занял Торжек, Новогородцы спешили выгнать оттуда его Наместников, ограбили всех купцев Тверских и взяли с жителей клятву быть верными их древнему Правительству. <Маия 31>. Немедленно обступив Торжек, Михаил требовал, чтобы виновники сего насилия и грабежа были ему выданы, и чтобы жители снова приняли к себе Тверского Наместника. Бояре Новогородские ответствовали надменно; сели на коней и выехали в поле с гражданами[27]. Мужество и число Тверитян решили битву: смелый Воевода Новогородский, Александр Абакумович, победитель Сибирских народов, и знаменитые товарищи его пали мертвые в первой схватке; другие бежали, и не спаслися: конница Михаилова топтала их трупы, и Князь, озлобленный жителями, велел зажечь город с конца по ветру. В несколько часов все здания обратились в пепел, монастыри и церкви, кроме трех каменных; множество людей сгорело или утонуло в Тверце, и победители не знали меры в свирепости: обдирали до-нага жен, девиц, монахинь; не оставили на образах ни одного золотого, ни серебряного оклада, и с толпами пленных удалились от горестного пепелища, наполнив 5 скудельниц мертвыми телами. Летописцы говорят, что злодейства Батыевы в Торжке не были так памятны, как Михаиловы.

<Третие нашествие Ольгерда. Июля 12>. Совершив сей подвиг, Тверский Князь готовился к важнейшему. Набег Кестутиев, прервав мирную связь между Литвою и Россиею, долженствовал иметь следствие, и старец Ольгерд хотел предупредить Димитрия: зная твердо путь к его столице, со многочисленным войском устремился к оной; шел, по своему обыкновению, без отдыха, и соединясь с Михаилом близ Калуги[28], думал, что Москвитяне увидят его только на Поклонной горе. Но знамена Великого Князя уже развевались в поле: передовый отряд Московский, быстро ударив на Ольгердов, гнал бегущих до самого их главного войска. Российское стало против Литовского, готовое к бою; числом одно не уступало другому: надлежало одолеть искусством или храбростию. Между двумя станами находился крутый овраг и глубокая дебрь: ни те, ни другие не хотели сойти вниз, чтобы начать битву, и несколько дней миновало в бездействии, коим воспользовался Ольгерд для предложения мира.

С обеих сторон желали оного: если бы Россияне одержали верх, то Литовцы, удаленные от своих границ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгерд победил, то Димитрий предал бы ему Россию в жертву. Первый имел выгоду опытности; но самая сия опытность не позволяла ему верить слепому случаю, от коего не редко зависит успех или бедствие на войне. Зная же, что так называемый *вечный* мир есть пустое слово, они заключили единственно перемирие от 1 Августа до 26 Октября, и Вельможи Литовские именем Ольгерда, Кестутия и союзника их, Святослава Смоленского, а Бояре Российские именем Великого Князя и брата его, Владимира Андреевича, написали договор, включив в него с одной стороны Князей Тверского и Брянского, с другой же Рязанских, названных *Великими*[29]. Главные условия были таковы: «Нет войны между нами. Путь нашим Послам и купцам везде свободен. Князь Михаил должен возвратить все похищенное им в областях Великого Княжения во время трех бывших перемирий и вывести оттуда своих Наместников; а буде они не выедут, то Димитрий может их взять под стражу, и сам управиться с Михаилом в случае новых его насилий: Ольгерду же в таком случае не вступаться за шурина. Когда люди Московские, посланные в Орду жаловаться на Князя Тверского, успеют в своем деле, то Димитрий поступит как угодно Богу и Царю: чего Ольгерд не должен ставить ему в вину. Михаилу нет дела до Великого Княжения, а Димитрию до Твери; они ведаются только чрез Послов.— Князь Литовский обязан возвратить Димитрию сию договорную грамоту, буде вздумает по истечении срока возобновить неприятельские действия».

Таким образом старец Ольгерд заключил свои впадения в Россию, которые могли бы иметь гораздо вреднейшее следствие для ее целости, если бы он нашел в Димитрии менее бодрости и неустрашимости. Историк Литовский, вместо трех походов, описывает только один, рассказывая следующие обстоятельства, несогласные с известиями наших современных Летописцев: «Димитрий, надменный успехами своего оружия, хотел отнять у Литвы Витебск, Полоцк и Киев; прислал Ольгерду *кремень*, *огниву*, *саблю*, и велел объявить, что Россияне намерены в Светлую Неделю похристосоваться с ним в Вильне огнем и железом. Ольгерд немедленно выступил с войском в средине Великого

поста и вел с собою Послов Димитриевых до Можайска; там отпустил их, и дав им зажженный фитиль, сказал: *Отвезите его к вашему Князю. Ему ненужно искать меня в Вильне: я буду в Москве с красным яицом прежде, нежели этот фитиль угаснет. Истинный воин не любит откладывать: вздумал и сделал.*— Послы спешили уведомить Димитрия о предстоящей опасности, и нашли его в день Пасхи идущего к Заутрене; а восходящее солнце озарило на Поклонной горе стан Литовский. Изумленный Великий Князь требовал мира: Ольгерд благоразумно согласился на оный, взяв с Россиян много серебра и все их владения до реки Угры. Он вошел с Боярами Литовскими в Кремль, ударил копьем в стену на память Москве, и вручил *красное яицо* Димитрию[30].— Не говоря о хронологических ошибках сего Историка, заметим только, что Угра не могла быть границею между Ольгердовым Государством и Россиею, пока Смоленск оставался еще Княжеством особенным или неприсоединенным к Литве.

Ольгерд не рассудил за благо нарушить перемирия, и года два не беспокоил России. Иные опасности явились; медленно, но грозно восходила туча над Великим Княжением от берегов Волги. Еще Димитрий соглашался быть данником Моголов, однако ж не хотел терпеть насилия с их стороны. <Г. 1374. Избиение Татар в Нижнем>. Вопреки, может быть, слову данному Ханом, Послы Мамаевы, приехав в Нижний с воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошнего Князя, Димитрия Константиновича, и граждан: сей Князь, исполняя, как вероятно, предписание Московского, велел или дозволил народу умертвить Послов, с коими находилось более тысячи Мамаевых воинов: главного из них, Мурзу Сарайку, заключили в крепости с его особенною дружиною. <Г. 1375>. Прошло около года: объявили Сарайке, что он должен проститься с товарищами, и что их будут содержать в разных домах. Испуганный сею вестию, Мурза ушел от приставов, вбежал в дом Епископский, зажег оный и с помощию слуг своих оборонялся: они пустили несколько стрел и едва не ранили самого Суздальского Епископа, Дионисия; но скоро были все жертвою народной злобы[31].

Неизвестно, старался ли Димитрий Константинович или Великий Князь оправдать сие дело пред судилищем Ханским: по крайней мере гордый Мамай не стерпел та-

кой явной дерзости, и послал войско опустошить пределы Нижегородские, берега Киши и Пьяны, где начальствовал Боярин Парфений, и где чрез несколько дней не осталось ничего, кроме пепла и трупов.

Сия месть не могла удовлетворить гневу Мамаеву: он клялся погубить Димитрия, и Российские мятежники взялись ему в том способствовать. Мы упоминали о знаменитости Московских чиновников, называемых Тысячскими, которые, подобно Князьям, имели особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно с древним обычаем, чтобы предводительствовать их людьми военными [32]. Димитрий уничтожил сей важный сан, неприятный для самовластия Государей и для Бояр, обязанных уступать первенство чиновнику народному. <Последний Тысячский в Москве>. Последний Московский Тысячский, Василий Васильевич Вельяминов, умерший Схимником, оставил сына, именем Ивана, хотевшего, может быть, заступить место отца: недовольный Великим Князем, он вместе с богатым купцем Некоматом ушел к Михаилу Тверскому, и представил ему случай воспользоваться злобою Мамая на Димитрия, чтобы отнять Владимир у Московского Князя. Отправив коварного Вельяминова и Некомата к Хану, Михаил сам ездил в Литву, и возвратясь в Тверь, получил из Орды грамоту на Великое Княжение. Мамай обещал ему войско: Ольгерд также. Не дав им времени исполнить столь нужное обещание, легкомысленный Князь Тверский объявил войну Димитрию, послал своих Наместников в Торжек и сильный отряд к Угличу.

<Война с Тверским Князем>. Великий Князь оказал деятельность необыкновенную, предвидя, что он в одно время может иметь дело и с Тверитянами, и с Литвою, и с Моголами: гонцы его скакали из области в область; полки в след за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинах Волока.— Все Князья Удельные, или служащие Московскому, находились под его знаменами: Владимир Андреевич, внук Калитин; Димитрий Константинович Суздальский [33] с двумя братьями и сыном; Князья Ростовские Василий и Александр Константиновичи, с двоюродным их братом, Андреем Феодоровичем; Иоанн Смоленский, Василий Ярославский, Феодор Михайлович Моложский, Феодор Романович Белозерский [4*], Василий Михайлович Кашин-

ский (сын умершего Михаила Васильевича), Андрей Стародубский, Роман Михайлович Брянский, Роман Симеонович Новосильский, Симеон Константинович Оболенский и брат его, Иоанн Торусский. Некоторые из сих Князей — на пример, Смоленский и Брянский — не были Владетельными: ибо в Смоленске господствовал Святослав, дядя сего Иоанна, а в Брянске сын Ольгердов. В Стародубе и Белозерске уже властвовали Наместники Московские[34]. Оболенск, Торусса и Новосиль, древние Уделы Черниговские в земле Вятичей, подобно Ярославлю, Мологе и Ростову, зависели тогда от Великого Княжения; однако ж имели своих особенных Владетелей, потомков Св. Михаила Черниговского.

Димитрий, взяв Микулин, 5 Августа осадил Тверь. Он велел сделать два моста чрез Волгу, и весь город окружить тыном. Началися приступы кровопролитные. Верные Тверитяне никогда не изменяли Князьям своим: говели, пели молебны, и бились с утра до вечера; гасили огонь, коим неприятель хотел обратить их стены в пепел, и разрушили множество туров, защиту осаждающих. Все Михаиловы области были разорены Московскими Воеводами, города взяты, люди отведены в плен, скот истреблен, хлеб потоптан; ни церкви, ни монастыри не уцелели: но Тверитяне мужественно умирали на стенах, повинуясь Князю и надеясь на Бога. Осада продолжалась три недели: Димитрий с нетерпением ждал Новогородцев, которые явились наконец в его стане, пылая ревностию отплатить Михаилу за бедствие Торжка. Еще сей Князь, видя изнеможение своих воинов от ран и голода, ободрял себя мыслию, что Ольгерд и Кестутий избавят его в крайности: Литовцы действительно шли к нему в помощь; но узнав о силе Димитриевой, возвратились с пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: он избрал последнее средство, и Владыка Евфимий со всеми знатнейшими Тверскими Боярами пришел в стан к Димитрию, требуя милости и спасения.

Великий Князь показал достохвальную умеренность, предписав Михаилу условия не тягостные, согласные с благоразумною Политикою. Главные из оных были следующие[35]: «По благословению отца нашего, Алексия Митрополита всея Руси, ты, Князь Тверский, дай клятву за себя и за наследников своих признавать меня *старейшим* братом, никогда не искать Великого Княжения

Владимирского, нашея отчины, и не принимать оного от Ханов, также и Новагорода Великого; а мы обещаемся не отнимать у тебя наследственной Тверской области. Не вступайся в Кашин, отчину Князя Василия Михайловича; отпусти захваченных Бояр его и слуг, также и всех наших, с их достоянием. Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взятые в Торжке, вместе с имением граждан, ныне свободных от данной ими тебе присяги: да будут свободны и те, кого ты закабалил из них грамотами. Но предаем забвению все действия нынешней Тверской осады: ни тебе, ни мне не требовать возмездия за убытки, понесенные нами в сей месяц.— Князья Ростовские и Ярославские *со мною один человек*: не обижай их, или мы за них вступимся.— Откажись от союза с Ольгердом: когда Литва объявит войну Смоленскому — тогда уже союзнику Димитриеву — или другим Князьям, нашим братьям: мы обязаны защитить их, равно как и тебя.— В рассуждении Татар поступай согласно с нами: решимся ли воевать, и ты враг их; решимся ли платить им дань, и ты плати оную.— Когда я и брат мой, Князь Владимир Андреевич, сядем на коней, будь нам товарищ в поле; когда пошлем Воевод, да соединятся с ними и твои».

В других статьях сей договорной грамоты сказано, что Михаил, в исполнение прежних условий, освободит всех людей Великокняжеских, задержанных в Твери им или его Боярами по долгам, искам и ручательству; что Бояре вольны отъехать для службы от Московского Князя к Тверскому, или от Тверского к Московскому, но лишаются в таком случае своих жалованных поместьев; что села изменников Ивана Вельяминова и Некомата принадлежат Димитрию; что земли и воды Новогородцев, из чести служащих Михаилу, остаются под ведением Новагорода; что тамошние купцы могут безопасно ездить чрез области Тверские; что гражданин свободный обязан платить дань Князю той области, где живет: хотя бы и находился в службе другого, но подсуден единственно своему Государю; что в делах спорных Бояре Московские и Тверские съезжаются для суда на границе, а в случае несогласия избирают Князя Олега Рязанского в посредники; что беглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые Московские люди не платят в Твери ничего, кроме законных, издавна уставленных пошлин;

что всякой насильственный перевод жителей из одной земли в другую воспрещается, и проч. Довольный смирением гордого соперника, Димитрий оставил ему все права Князя независимого и название *Великого*, подобно Смоленским и Рязанским Князьям. Новогородцы же заключили особенный договор с Михаилом, который обязался дать свободу их пленникам, *Житым* (или нарочитым) и простым людям; возвратить товары, отнятые у купцев Новогородских, восстановить древние границы между обеими землями, наблюдать правила доброго соседства, не стоять за беглых рабов, должников [36], и проч.— Сия междоусобная война, счастливая для Великого Князя, была долгое время оплакиваема в Тверских областях, разоренных без милосердия: ибо воевать значило тогда свирепствовать, жечь и грабить. Димитрий, руководствуясь обычаем как уставом народным, не заслужил упреков от современников, которые напротив того славили его великодушие: ибо он не захотел совершенно истребить Твери [37] и свергнуть Михаила с наследственного престола. <Первая смертная казнь в Москве>. Летописцы тем более клянут истинных виновников сего бедствия, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнув чрез несколько лет возвратиться в Великое Княжение, были казнены всенародно, к устрашению подобных им злодеев. Народ Московский, долго уважав и любив отца Иванова, чиновника столь знаменитого, с горестию смотрел на казнь сего несчастного сына, прекрасного лицем, благородного видом; она совершилась на древнем *Кучкове поле*, где ныне монастырь Сретенский.

<Г. 1376>. Великий Князь, распустив часть войска, послал другую на Болгаров с Воеводою, Князем Димитрием Михайловичем Волынским, женатым на его сестре, Анне [38]. Сей Князь — один из потомков Святополка II, как вероятно, или Романа Галицкого — выехав из Волыни служить Государю Московскому, усердствовал отличаться подвигами мужества. Казанская Болгария, еще прежде России покоренная Батыем, с того времени зависела от Ханов, и жители смешались с Моголами. Мурза Булактемир, как мы упоминали, овладел ею в 1361 году: после властвовал там Осан, неприятель Димитрия Константиновича Суздальского, сверженный им в 1370 году. <Поход в Болгарию>. Взяв с собою Посла Ханского — следственно действуя с согласия Мамаева — сын Димит-

риев, Василий, и брат, Князь Городецкий, ходили с войском в Болгарию: приняли дары от Осана, но возвели на его место другого Князя[39]. Новый поход Россиян в сию землю имел важнейшую цель: Великий Князь, уже явный враг Моголов, хотел подчинить себе Болгарию. <Марта 16>. Сыновья Димитрия Суздальского соединились с полками Московскими и приближились к *Казани*, городу славному в нашей Истории: сообщим любопытное предание о начале его. <Начало Казани>. «Сын Батыев — так говорит один Летописец XVI века, бывший любимым слугою Царя Казанского[40] — сын Батыев, именем Саин, шел воевать Россию, но обезоруженный смирением и дарами ее Князей, остановился: тут он вздумал завести селение, где бы чиновники Татарские, посылаемые для собрания дани в наше отечество, могли иметь отдохновение. Место было изобильно, *пчелисто* и *пажитно*; но страшные змии обитали в оном: сыскался волхв, который обратил их в пепел. Хан основал город *Казань* (что значит *котел* или *золотое дно*) и населил его Болгарами, Черемисами, Вотяками, Мордвою, ушедшими из областей Ростовских во время крещения земли Русской; любил сие место, где сближаются ее пределы с Болгариею, Вяткою, Пермию, и часто сам приезжал туда из Сарая: оно долгое время называлось еще *Саиновым Юртом*». Сей Хан *Саин* был или Сартак, единственный Батыев сын, известный по летописям, или сам Батый, коего Историк Татарский, Абульгази, обыкновенно именует *Сагином*[41].

Казанцы встретили Россиян в поле: многие из них выехали на вельблюдах, думая видом и голосом сих животных испугать наших коней; другие надеялись произвести тоже действие стуком и громом: но видя неустрашимость Россиян, побежали назад. Войско Российское, истребив огнем села их, зимовища, суда, заставило двух Болгарских Владетелей, Осана и Махмат-Салтана, покориться Великому Князю. Они дали ему и Димитрию Суздальскому 2000, а на воинов 3000 рублей, и приняли в свой город Московского чиновника или таможенника[42]: следственно обязались быть данниками России. Ободренная сим успехом, она готовилась к дальнейшим подвигам.

<Г. 1377. Нашествие Моголов>. Еще Мамай отлагал до удобнейшего времени действовать всеми силами против Великого Князя (ибо в Орде снова свирепствовала тогда язва), однако ж не упускал случая вредить Россия-

нам. Соседы Нижегородской области, Мордва, взялись указать Моголам безопасный путь в ее пределы, и Царевич, именем Арапша, с берегов Синего или Аральского моря пришедши служить Мамаю, выступил с Ханскими полками. Димитрий Суздальский известил о том Великого Князя, который немедленно собрал войско защитить тестя, но долго ждав Моголов, и надеясь, что они раздумали итти к Нижнему, послал Воевод своих гнаться за ними, а сам возвратился в столицу. Сие ополчение состояло из ратников Переславских, Юрьевских, Муромских и Ярославских: Князь Димитрий Константинович присоединил к ним Суздальцев под начальством сына, Иоанна, и другого Князя, Симеона Михайловича [43]. К несчастию, ум предводителей не ответствовал числу воинов. <2 Августа>. Поверив слухам, что Арапша далеко, они вздумали за рекою Пьяною, на степи Перевозской, тешиться ловлею зверей как дома в мирное время. Воины следовали сему примеру беспечности: утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги; спустив одежду с плеч, искали прохлады; другие рассеялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на траве. Одним словом, везде представлялась глазам веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья Мордовские тайно подвели Арапшу, о коем говорят Летописцы, что он был карла станом, но великан мужеством, хитр на войне и свиреп до крайности [44]. Арапша с пяти сторон ударил на Россиян, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и в общем смятении бежали к реке Пьяне, устилая путь своими трупами, и неся неприятеля на плечах. <Пословица>. Погибло множество воинов и Бояр: Князь Симеон Михайлович был изрублен, Князь Иоанн Димитриевич утонул в реке, которая прославилась сим несчастием (осуждая безрассудность Воевод Димитриевых, древние Россияне говорили в пословицу: за *Пьяною люди пьяны*).— Татары, одержав совершенную победу, оставили за собою пленников с добычею, и на третий день явились под стенами Нижнего Новагорода, где царствовал ужас: никто не думал обороняться. Князь Димитрий Константинович ушел в Суздаль; а жители спасались в лодках вверх по Волге. Неприятель умертвил всех, кого мог захватить; сжег город, и таким образом наказав его за убиение Пос-

лов Мамаевых, удалился, обремененный корыстию. Сын Димитрия Константиновича, чрез несколько дней приехав на сие горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорелую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить в ней тело своего несчастного брата, Иоанна, утонувшего в реке.

В то же время Моголы взяли нынешнюю Рязань: Князь Олег, исстреленный, обагренный кровию, едва мог спастися. Впрочем они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пеплом, в особенности берега Суры, где Арапша не оставил в целости ни одного селения [45]. Многие Бояре и купцы лишились всего имения; в том числе Летописцы именуют одного знаменитого гостя, Тараса Петрова: Моголы разорили шесть его цветущих, многолюдных сел, купленных им у Князя за рекою Кудимою; видя, что собственность в сих местах ненадежна, он навсегда переехал в Москву.— Чтобы довершить бедствие Нижнего Новагорода, Мордовские хищники по следам Татар рассеялись злодействовать в его Уезде; но Князь Борис Константинович настиг их, когда они уже возвращались с добычею, и потопил в реке Пьяне, где еще плавали трупы Россиян. Сей Князь Городецкий вместе с племянником, Симеоном Димитриевичем, и с Воеводою Великого Князя, Феодором Свиблом, в следующую зиму опустошил без битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилища и жителей. Он взял в плен жен и детей, также некоторых людей чиновных, казненных после в Нижнем. Народ в злобном остервенении влачил их по льду реки Волги и травил псами.

<Г. 1378>. Сия бесчеловечная месть снова возбудила гнев Мамаев на Россиян: ибо земля Мордовская находилась под властию Хана. Нижний Новгород, едва возникнув из пепла, вторично был взят Татарами: жители бежали [5*] за Волгу.— Князь Димитрий Константинович, будучи тогда в Городце, прислал объявить Мамаевым Воеводам, чтобы они удовольствовались окупом и не делали зла его Княжению. <Июля 24>. Но исполняя в точности данное им повеление, они хотели крови и развалин: сожгли город [46], опустошили Уезд, и выходя из наших пределов, соединились еще с сильнейшим войском, посланным от Мамая на самого Великого Князя.

Димитрий Иоаннович, сведав заблаговременно о замыс-

лах неприятеля, имел время собрать полки, и встретил Татар в области Рязанской, на берегах Вожи. Мурза Бегич предводительствовал ими. <Августа 11. Победа над Моголами>. Они сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на Россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы; ехали вперед легкою рысью. Великий Князь стоял в средине, поручив одно крыло Князю Даниилу Пронскому, а другое *Окольничему*, или ближнему Княжескому чиновнику, Тимофею[47]. По данному знаку все наше войско устремилось против неприятеля, и дружным, быстрым нападением решило дело: Моголы обратили тыл; бросая копья, бежали за реку. Россияне кололи, рубили и топили их в Воже целыми тысячами. Несколько именитых Мурз находилось в числе убитых. Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день Великий Князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами. Довольный столь блестящим успехом, он возвратился в Москву. Сия победа достопамятна тем, что была первою, одержанною Россиянами над Татарами с 1224 года, и не стоила им ничего, кроме труда убивать людей: столь изменился воинственный характер Чингисханова потомства! Юный Герой Димитрий, торжествуя оную вместе со всеми добрыми подданными, мог сказать им словами Библии: *Отступило время от них*: *Господь же с нами*[48]!

Мамай — истинный Властелин Орды, во всем повелевая Ханом — затрепетал от гнева, услышав о гибели своего войска; собрал новое, и столь быстро двинулся к Рязани, что тамошний Князь, Олег, не имел времени ни ждать вспоможения от Великого Князя, ни приготовиться к отпору; бежал из столицы за Оку, и предал отечество в жертву варварам. Но Мамай, кровопролитием и разрушениями удовлетворив первому порыву мести, не хотел итти далее Рязани и возвратился к берегам Волги, отложив решительный удар до иного времени[49].

<Успехи в войне с Литвою>. Димитрий успел между тем смирить Литву. Славный Ольгерд умер в 1377 году, не только Христианином, но и Схимником по убеждению его супруги, Иулиании, и Печерского Архимандрита Давида, приняв в крещении имя Александра, а в Монашестве Алексия, чтобы загладить свое прежнее отступление от

Веры Иисусовой. Некоторые Летописцы повествуют, что он гнал Христиан и замучил в Вильне трех усердных исповедников Спасителя, включенных нашею Церковию в лик Святых [50]; но Литовский Историк славит его терпимость, сказывая, что Ольгерд казнил 500 Виленских граждан за насильственное убиение семи Францисканских Монахов и торжественно объявил свободу Веры. Смерть сего опасного властолюбца обещала спокойствие нашим юго-западным границам, тем более, что она произвела в Литве междоусобие. Любимый сын и преемник Ольгердов, Ягайло, злодейски умертвив старца Кестутия, принудил сына его, младого Витовта, искать убежища в Пруссии. Андрей Ольгердович Полоцкий, держав сторону дяди, ушел во Псков, дал клятву быть верным другом Россиян и приехал в Москву служить Великому Князю. Перемирие, заключенное с Литвою в 1373 году, было давно нарушено: ибо Москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржев [51]. <Г. 1379, Декабря 9>. Пользуясь раздором его сыновей, Димитрий в начале зимы отрядил своего брата, Владимира Андреевича, Князей Волынского и Полоцкого, Андрея Ольгердовича, с сильным войском к Стародубу и Трубчевску, чтобы сию древнюю собственность нашего отечества снова присоединить к России. Оба города сдалися; но Полководцы Димитриевы, как бы уже не признавая тамошних обитателей единокровными братьями, дозволяли воинам пленять и грабить. В Трубчевске княжил брат Андреев, Димитрий Ольгердович: ненавидя Ягайла, он не хотел обнажить меча на Россиян, дружелюбно встретил их с женою, с детьми, со всеми Боярами, и предложил свои услуги Великому Князю, который, в благодарность за то, отдал ему Переславль Залесский *с судом и с пошлиною* [52].— Таким образом Димитрий мог надеяться в одно время и свергнуть иго Татар, и возвратить отечеству прекрасные земли, отнятые у нас Литвою. Сия великая мысль занимала его благородную душу, когда он сведал о новых грозных движениях Орды, и долженствовал остановить успехи своего оружия в Литве, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описания знаменитейшего из воинских подвигов древней России предложим Читателю церковные дела сего времени, коими Димитрий, не смотря на величайшую государственную опасность, занимался с особенною ревностию.

<Дела церковные>. Еще в 1376 году Патриарх Филофей сам собою поставил Киприана, ученого Сербина, в Митрополиты для России; но Великий Князь, негодуя на то, объявил, что Церковь наша, пока жив Св. Алексий, не может иметь другого[6*] Пастыря[53]. Киприан хотел преклонить к себе Новогородцев, и сообщил им избирательную грамоту Филофееву: Архиепископ и народ ответствовали, что воля Государя Московского в сем случае должна быть для них законом. Отверженный Россиянами, Киприан жил в Киеве и повелевал Литовским Духовенством, в надежде скоро заступить место Св. Алексия: ибо сей добродетельный старец уже стоял на праге смерти. Но Великий Князь в мыслях своих назначил ему иного преемника.

Между всеми Московскими Иереями отличался тогда Священник села Коломенского, Митяй, умом, знаниями, красноречием, острою памятию, приятным голосом, красотою лица, величественною наружностию и благородными поступками, так, что Димитрий избрал его себе в отцы Духовные и в *Печатники*; то есть, вверил ему хранение Великокняжеской печати[54]: сан важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость Государева к сему человеку, наставнику, Духовнику всех Бояр, равно сведущему в делах мирских и церковных. Он величался как Царь, по словам Летописцев: жил пышно, носил одежды драгоценные, имел множество слуг и Отроков. Прошло несколько лет: Димитрий, желая возвести его на степень еще знаменитейшую, предложил ему заступить место Спасского Архимандрита, Иоанна, который в глубокой старости посвятил себя тишине безмолвия. Хитрый Митяй не соглашался, и был силою введен в монастырь, где надели на него клобук Инока вместе с мантиею Архимандрита, к удивлению народа, особенно к неудовольствию Духовных. «Быть до обеда бельцем (говорили они) а после обеда Старейшиною Монахов есть дело беспримерное».

Сей новый сан открывал путь к важнейшему. Великий Князь, предвидя близкую кончину Св. Алексия, хотел, чтобы он благословил Митяя на Митрополию. Алексий, искренний друг смирения, давно мыслил вручить Пастырский жезл свой кроткому Игумену Сергию, основателю Троицкой Лавры[55]: хотя Сергий, думая единственно о посте и молитве, решительно ответствовал, что ни-

когда не оставит своего мирного уединения, но святый старец, или в надежде склонить его к тому, или не любя гордого Митяя (названного в Иночестве Михаилом) отрекся исполнить волю Димитриеву, доказывая, что сей Архимандрит еще *новоук* в Монашестве. Великий Князь просил, убеждал Митрополита: посылал к нему Бояр и Князя Владимира Андреевича; наконец успел столько, что Алексий благословил Митяя, как своего Наместника, прибавив: «*если* Бог, Патриарх и Вселенский Собор удостоят его править Российскою Церковию».

Св. Алексий (в 1378 году) скончался, и Митяй, к изумлению Духовенства, самовольно возложил на себя *белый* клобук; надел мантию с источниками и скрижалями; взял посох, печать, казну, ризницу Митрополита; въехал в его дом и начал судить дела церковные самовластно. Бояре, Отроки служили ему (ибо Митрополиты имели тогда своих особенных светских чиновников), а Священники присылали в его казну известные оброки и дани[56]. Он медленно готовился к путешествию в Царьград, желая, чтобы Димитрий велел прежде Святителям Российским поставить его в Епископы, согласно с уставом Апостольским или Номоканоном. Великий Князь призвал для того всех Архиереев в Москву: никто из них не смел ослушаться, кроме Дионисия Суздальского, с твердостию объявившего, что в России один Митрополит законно ставит Епископов. Великий Князь спорил, и наконец уступил, к досаде Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между сим нареченным Митрополитом и Дионисием, ибо они имели наушников, которые старались усилить их вражду. «Для чего — сказал первый Архиерею Суздальскому — ты до сего времени не был у меня и не принял моего благословения?» Дионисий ответствовал: «Я Епископ, а ты Поп: и так можешь ли благословлять меня?» Митяй затрепетал от гнева; грозил, что не оставит Дионисия и *Попом*, когда возвратится из Царяграда, и что собственными руками спорет скрижали с его мантии. Епископ Суздальский хотел предупредить врага своего и ехать к Патриарху; но Великий Князь приставил к нему стражу. Тогда Дионисий решился на бесчестный обман: дал клятву не думать о путешествии в Константинополь, и представил за себя порукою мужа славного добродетелию, Троицкого Игумена Сергия; получив же свободу, тайно уехал в Гре-

цию, и ввел невинного Сергия в стыд [57]. Сей случай ускорил отъезд Митяя, который уже 18 месяцев управлял Церковию, именуясь Наместником. В знак особенной доверенности Великий Князь дал ему несколько белых хартий, запечатанных его печатию, дабы он воспользовался ими в Константинополе сообразно с обстоятельствами, или для написания грамот от имени Димитриева, или для нужного займа денег. Сам Государь, все Бояре старейшие, Епископы проводили Митяя до Оки; в Грецию же отправились с ним 3 Архимандрита, Московский Протопоп Александр, несколько Игуменов, 6 Бояр Митрополитских, 2 переводчика и *целый полк*, как говорят Летописцы, всякого рода людей, под главным начальством *Большого* Великокняжеского Боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинского, собственного Посла Димитриева. Казну и ризницу везли на телегах.

За пределами Рязанскими, в степях Половецких, Митяй был остановлен Татарами, и не испугался, зная уважение их к сану духовному. Приведенный к Мамаю, он умел хитрою лестию снискать его благоволение, получил от нового тогдашнего Хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлык [58],— достиг Тавриды, и в Генуэзской Кафе сел на корабль. Уже Царьград открылся глазам Российских плавателей; но Митяй, как вторый Моисей (по выражению Летописца), долженствовал только издали видеть цель своего путешествия и честолюбия: занемог и внезапно умер, может быть весьма естественно; но в таких случаях обыкновенно рождается подозрение: он был окружен тайными неприятелями, ибо уверенный в особенной любви Великого Князя, излишнею своею гордостию оскорблял и духовных и светских чиновников. Тело его свезли на берег и погребли в Галате.

Вместо того, чтобы уведомить Великого Князя о происшедшем и ждать от него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить в Митрополиты кого нибудь из бывших с ними Духовных: одни хотели Иоанна, Архимандрита Петровского, который первый учредил в Москве общее житие братское [59]; а другие Пимена, Архимандрита Переславского. Долго спорили: наконец Бояре избрали Пимена, и будучи озлоблены укоризнами Иоанна, грозившего обличить их несправедливость пред Великим Князем, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пимен торжествовал, и нашедши в ризнице Ми-

тяевой белую хартию Димитрия, написал на оной письмо от Государя Московского к Императору и Патриарху такого содержания: «Посылая к вам Архимандрита Пимена, молю, да удостоите его быть Митрополитом Российским: ибо не знаю лучшего». Царь и Патриарх Нил изъявили сомнение. «Для чего (говорили они) Князь ваш требует нового Митрополита, имея Киприана, поставленного Филофеем?» Но Пимен и Бояре достигли своей цели щедрыми дарами, посредством других белых хартий Димитриевых, заняв у купцев Италиянских и Восточных столь великое количество серебра, что сей Государь долго не мог выплатить оного. Смягченный корыстию, Патриарх сказал: «не знаю, верить ли Послам Российским; но совесть наша чиста» — и посвятил Пимена в Софийском храме.

Оскорбленный вестию о кончине Митяевой, Великий Князь едва верил самовольству Послов своих; объявил Пимена наглым хищником Святительства, и призвав в Москву Киприана заступить место Св. Алексия, встретил его с великими почестями, с колокольным звоном, со всеми знаками искреннего удовольствия [60]; а Пимена велел остановить на возвратном пути, в Коломне, и за крепкою стражею отвезти в Чухлому. С него торжественно сняли белый клобук: столь власть Княжеская первенствовала у нас в делах церковных! Главный Боярин, Юрий Олешинский, и все сообщники [7*] Пименовы были наказаны заточением. Сие случилось уже в 1381 году, то есть, после славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать.

<Нашествие Мамаево>. Мамай пылал яростию и нетерпением отмстить Димитрию за разбитие Ханских полков на берегах Вожи; но видя, что Россияне уже не трепещут имени Могольского и великодушно решились противоборствовать силе силою, он долго медлил, набирая войско из Татар, Половцев, Харазских Турков, Черкесов, Ясов, Буртанов или Жидов Кавказских, Армян и самых Крымских Генуэзцев [61]: одни служили ему как подданные, другие как наемники. <Г. 1380>. Наконец, ободренный многочисленностию своей рати, Мамай призвал на совет всех Князей Ординских и торжественно объявил им, что идет, по древним следам Батыя, истребить Государство Российское. «Казним рабов строптивых! сказал он в гневе: да будут пеплом грады их, веси и церкви Христианские! Обогатимся Русским золотом» [62]! Желая еще более обна-

дежить себя в успехе, Мамай вступил в тесный союз с Ягайлом Литовским, который условился действовать с ним за-одно. К сим двум главным утеснителям и врагам нашего отечества присоединился внутренний изменник, менее опасный могуществом, но зловреднейший коварством: Олег Рязанский, воспитанный в ненависти к Московским Князьям, жестокосердый в юности, и зрелым умом мужеских лет наученный лукавству. Испытав в поле превосходную силу Димитрия, он начал искать его благоволения; будучи хитр, умен, *велеречив*, сделался ему другом, советником в общих делах государственных и посредником — как мы видели — в гражданских делах Великого Княжения с Тверским[63]. <Измена Олегова>. Думая, что грозное ополчение Мамаево, усиленное Ягайловым, должно необходимо сокрушить Россию — страшась быть первою жертвою оного и надеясь хитрым предательством не только спасти свое Княжество, но и распространить его владения падением Московского, Олег вошел в переговоры с Моголами и с Литвою чрез Боярина Рязанского, Епифана Кореева; заключил с ними союз и тайно условился ждать их в начале Сентября месяца на берегах Оки[64]. Мамай обещал ему и Ягайлу все будущие завоевания в Великом Княжении, с тем, чтобы они, получив сию награду, были верными данниками Ханскими.

Димитрий в исходе лета сведал о походе Мамаевом, и сам Олег, желая скрыть свою измену, дал ему знать, что надобно готовиться к войне[65]. «Мамай *со всем царством* идет в землю Рязанскую против меня и тебя, писал он к Великому Князю: Ягайло также; *но еще рука наша высока*: бодрствуй и мужайся!» В обстоятельствах столь важных, решительных, первою мыслию Димитрия было спешить в храм Богоматери и молить Всевышнего о заступлении. Облегчив сердце излиянием набожных чувств, он разослал гонцев по всем областям Великого Княжения, чтобы собирать войско и немедленно вести оное в Москву. Повеление его было исполнено с редким усердием: целые города вооружились в несколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду к столице. Князья Ростовские, Белозерские, Ярославские, с своими слугами,— Бояре Владимирские, Суздальские, Переславские, Костромские, Муромские, Дмитровские, Можайские, Звенигородские, Углицкие, Серпуховские с *Детьми Боярскими*[66] или с воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые

одни за другими вступали в ворота Кремлевские. Стук оружия не умолкал в городе, и народ с умилением смотрел на бодрых воинов, готовых умереть за отечество и Веру. Казалось, что Россияне пробудились от глубокого сна: долговременный ужас имени Татарского, как бы от действия сверхъестественной силы, исчез в их сердце. Они напоминали друг другу славную победу Во кскую; исчисляли все бедствия претерпенные ими от варваров в течение ста-пятидесяти лет, и дивились постыдному терпению своих отцев. Князья, Бояре, граждане, замледельцы были воспламенены равным усердием, ибо тиранство Ханов равно всех угнетало, от престола до хижины. Какая война была праведнее сей? Счастлив Государь, обнажая меч по движению столь добродетельному и столь единодушному! Народ, до времен Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами Моголов, в бедности, в отчаянии, не смел и думать о свободе: отдохнув под умным правлением Князей Московских, он вспомнил древнюю независимость Россиян, и менее страдая от ига иноплеменников, тем более хотел свергнуть оное совершенно. Облегчение цепей не мирит нас с рабством, но усиливает желание прервать оные.

Каждый ревновал служить отечеству: одни мечем, другие молитвою и делами Христианскими. Между тем, как юноши и мужи блистали оружием на стогнах Москвы, жены и старцы преклоняли колена в святых храмах; богатые раздавали милостыню, особенно Великая Княгиня, супруга нежная и чувствительная [67]; а Димитрий, устроив полки к выступлению, желал с братом Владимиром Андреевичем, со всеми Князьями и Воеводами, принять благословение Сергия, Игумена уединенной Троицкой Обители, уже знаменитой добродетелями своего основателя. Сей святый старец, отвергнув мир, еще любил Россию, ее славу и благоденствие: Летописцы говорят, что он предсказал Димитрию кровопролитие ужасное, но победу — смерть многих Героев православных, но спасение Великого Князя [68]; упросил его обедать в монастыре, окропил святою водою всех бывших с ним Военачальников и дал ему двух Иноков в сподвижники, именем Александра Пересвета и Ослябю, из коих первый был некогда Бояриным Брянским и витязем мужественным [69]. Сергий вручил им знамение креста на Схимах и сказал: «вот оружие нетленное! да служит оно вам вместо шлемов!» Димитрий

выехал из Обители с новою и еще сильнейшею надеждою на помощь Небесную.

В тот час, когда полки с распущенными знаменами уже шли из Кремля в ворота Флоровские, Никольские и Константино-Еленские[70], будучи провождаемы Духовенством с крестами и чудотворными иконами, Великий Князь молился над прахом своих предместников, Государей Московских, в церкви Михаила Архангела, воспоминая их подвиги и добродетели. Он нежно обнял горестную супругу, но удержал слезы, окруженный свидетелями, и сказав ей: «Бог наш заступник!» сел на коня. Одни жены плакали. Народ стремился в след за воинством, громогласно желая ему победы. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливым предзнаменованием.— В Москве остался Воеводою Феодор Андреевич, блюсти столицу и семейство Княжеское.

В Коломне соединились с Димитрием верные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрий, предводительствуя сильною дружиною Полоцкою и Брянскою[71]. Великий Князь хотел осмотреть все войско; никогда еще Россия не имела подобного, даже в самые счастливые времена ее независимости и целости: *более ста-пятидесяти тысяч* всадников и пеших стало в ряды, и Димитрий, выехав на обширное поле Девичье, с душевною радостию видел ополчение столь многочисленное, собранное его Монаршим словом в городах одного древнего Суздальского Княжения, некогда презираемого Князьями и народом южной России. Скоро пришла весть, что Мамай, совокупив всю Орду, уже три недели стоит за Доном и ждет Ягайла Литовского. В тоже время явился в Коломне Посол Ханский, требуя, чтобы Димитрий заплатил Моголам ту самую дань, какую брал с его предков Царь Чанибек. Еще не доверяя силам своим и боясь излишнею надменностию погубить отечество, Димитрий ответствовал, что он желает мира, и не отказывается от дани *умеренной*, согласно с прежними условиями, заключенными между им и Мамаем; но не хочет разорить земли своей налогами тягостными в удовлетворение корыстолюбивому тиранству. Сей ответ казался Мамаю дерзким и коварным. С обеих сторон видели необходимость решить дело мечем.

Димитрий сведал тогда измену Олега Рязанского и тайные сношения его с Моголами и с Литвою; не ужаснулся, но с видом горести сказал: «Олег хочет быть новым Свято-

полком[72]!» и приняв благословение от Коломенского Епископа, Герасима, 20 Августа выступил к устью реки Лопасни. Там настиг его Князь Владимир Андреевич, внук Калитин, и Великий Воевода Тимофей Васильевич, со всеми остальными полками Московскими. 26 Августа войско переправилось за Оку, в землю Рязанскую, а на другой день сам Димитрий и *Двор* Княжеский, к изумлению Олега, уверившего своих союзников, что Великий Князь не дерзнет им противоборствовать, и захочет спастися бегством в Новгород или в пустыни Двинские[73]. Слыша о силах Димитрия, равно боясь его и Мамая, Князь Рязанский не знал, что ему делать; скакал из места в место; отправлял гонцев к Татарам, к Ягайлу, уже стоявшему близ Одоева; трепетал будущего и раскаивался в своей измене; чувствуя, сколь ужасен страх в злодействе, он завидовал опасностям Димитрия, ободряемого чистою совестию, Верою и любовию всех добрых Россиян.

6 Сентября войско наше приближалось к Дону, и Князья рассуждали с Боярами, там ли ожидать Моголов, или итти далее? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, Князья Литовские, говорили, что надобно оставить реку за собою, дабы удержать робких от бегства; что Ярослав Великий таким образом победил Святополка и Александр Невский Шведов[74]. Еще и другое, важнейшее обстоятельство было опорою сего мнения: надлежало предупредить соединение Ягайла с Мамаем. Великий Князь решился — и, к ободрению своему, получил от Св. Сергия письмо, в коем он благословлял его на битву, советуя ему не терять времени. Тогда же пришла весть, что Мамай идет к Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкие наши отряды встречались с Татарскими, и гнали их. Димитрий собрал Воевод, и сказав им: «час суда Божия наступает», 7 Сентября велел искать в реке удобного броду для конницы и наводить мосты для пехоты. <Сентября 8. Славная битва Куликовская>. В следующее утро был густый туман, но скоро рассеялся: войско перешло за Дон, и стало на берегах Непрядвы, где Димитрий устроил все полки к битве. В средине находились Князья Литовские, Андрей и Димитрий Ольгердовичи, Феодор Романович Белозерский и Боярин Николай[8*]— Васильевич; в собственном[-8*] же полку Великокняжеском Бояре Иоанн Родионович Квашня, Михаил Брянок, Князь Иоанн Васильевич Смоленский; на правом крыле Князь Андрей Феодорович Рос-

товский, Князь Стародубский того же имени и Боярин Феодор Грунка; на левом Князь Василий Васильевич Ярославский, Феодор Михайлович Моложский и Боярин Лев Морозов; в Сторожевом полку Боярин Михаил Иоаннович, внук Акинфов[9*], Князь Симеон Константинович Оболенский, брат его Князь Иоанн Торусский и Андрей Серкиз; а в засаде Князь Владимир Андреевич, внук Калитин, Димитрий Михайлович Волынский[75], победитель Олега и Болгаров, муж славный доблестию и разумом,— Роман Михайлович Брянский, Василий Михайлович Кашинский и сын Романа Новосильского. Димитрий, стоя на высоком холме и видя стройные, необозримые ряды войска, бесчисленные знамена, развеваемые легким ветром, блеск оружия и доспехов, озаряемых ярким осенним солнцем,— слыша всеобщие громогласные восклицания: «Боже! даруй победу Государю нашему!» и вообразив, что многие тысячи сих бодрых витязей падут чрез несколько часов, как усердные жертвы любви к отечеству, Димитрий в умилении преклонил колена, и простирая руки к златому образу Спасителя, сиявшему вдали на *черном знамени* Великокняжеском, молился в последний раз за Христиан и Россию; сел на коня, объехал все полки и говорил речь к каждому, называя воинов своими верными товарищами и *милыми братьями*, утверждая их в мужестве и каждому из них обещая славную память в мире, с венцем мученическим за гробом[76].

Войско тронулось, и в шестом часу дня увидело неприятеля среди обширного поля Куликова. С обеих сторон Вожди наблюдали друг друга, и шли вперед медленно, измеряя глазами силу противников: сила Татар еще превосходила нашу. Димитрий, пылая ревностию служить для всех примером, хотел сражаться в передовом полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главного войска, в месте безопаснейшем. «Долг Князя — говорили они — смотреть на битву, видеть подвиги Воевод и награждать достойных. Мы все готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы»[77]. Но Димитрий ответствовал: «Где вы, там и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вам: *братья*! *умрем за отечество*? Слово мое да будет делом! Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить свою голову в пример другим». Он не изменил себе и великодушию: громогласно читая Псалом: *Бог нам*

прибежище и сила, первый ударил на врагов, и бился мужественно как рядовый воин; наконец отъехал в средину полков, когда битва сделалась общею.

На пространстве десяти верст лилася кровь Христиан и неверных[78]. Ряды смешались: инде Россияне теснили Моголов, инде Моголы Россиян; с обеих сторон храбрые падали на месте, а малодушные бежали: так некоторые Московские неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тыл. Неприятель открыл себе путь к Большим или Княжеским знаменам, и едва не овладел ими: верная дружина отстояла их с напряжением всех сил. Еще Князь Владимир Андреевич, находясь в засаде, был только зрителем битвы, и скучал своим бездействием, удерживаемый опытным Димитрием Волынским. Настал девятый час дня: сей Димитрий, с величайшим вниманием примечая все движения обеих ратей, вдруг извлек меч, и сказал Владимиру: «теперь наше время». Тогда засадный полк выступил из дубравы, скрывавшей его от глаз неприятеля, и быстро устремился на Моголов. Сей внезапный удар решил судьбу битвы: враги изумленные, рассеянные, не могли противиться новому строю войска свежего, бодрого, и Мамай, с высокого кургана смотря на кровопролитие, увидел общее бегство своих; терзаемый гневом, тоскою, воскликнул: «велик Бог Христианский!» и бежал в след за другими. Полки Российские гнали их до самой реки Мечи, убивали, топили, взяв стан неприятельский и несметную добычу, множество телег, коней вельблюдов, навьюченных всякими драгоценностями[79].

Мужественный Князь Владимир, Герой сего незабвенного для России дня, довершив победу, стал *на костях* или на поле битвы, под черным знаменем Княжеским, и велел трубить в воинские трубы: со всех сторон съезжались к нему Князья и Полководцы, но Димитрия не было. Изумленный Владимир спрашивал: «где брат мой и *первоначальник* нашей славы?» Никто не мог дать об нем вести[80]. В беспокойстве, в ужасе Воеводы рассеялись искать его, живого или мертвого; долго не находили: наконец два воина увидели Великого Князя лежащего под срубленным деревом. Оглушенный в битве сильным ударом, он упал с коня, обезпамятел и казался мертвым; но скоро открыл глаза. Тогда Владимир, Князья, чиновники, преклонив колена, воскликнули единогласно: «Государь! ты победил врагов!» Димитрий встал: видя брата, видя ра-

достные лица окружающих его и знамена Христианские над трупами Моголов, в восторге сердца изъявил благодарность Небу; обнял Владимира, чиновников; целовал самых простых воинов, и сел на коня, здравый веселием духа, и не чувствуя изнурения сил.— Шлем и латы его были иссечены, но обагрены единственно кровию неверных: Бог чудесным образом спас сего Князя среди бесчисленных опастностей, коим он с излишнею пылкостию подвергался, сражаясь в толпе неприятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрий, провождаемый Князьями и Боярами, объехал поле Куликово, где легло множество Россиян, но в четверо более неприятелей [81], так, что, по сказанию некоторых Историков, число всех убитых простиралось до двух сот тысяч. Князья Белозерские, Феодор и сын его Иоанн, Торусские Феодор и Мстислав, Дорогобужский Димитрий Монастырев, первостепенные Бояре Симеон Михайлович, сын Тысячского Николай Васильевич, внук Акинфов Михаил, Андрей Серкиз, Волуй, Бренко, Лев Морозов и многие другие положили головы за отечество: а в числе их и Сергиев Инок Александр Пересвет, о коем пишут, что он еще до начала битвы пал в единоборстве с Печенегом, богатырем Мамаевым, сразив его с коня и вместе с ним испустив дух; кости сего и другого Сергиева Священновитязя, Осляби, покоятся доныне близ монастыря Симонова [82]. Останавливаясь над трупами мужей знаменитейших, Великий Князь платил им дань слезами умиления и хвалою; наконец, окруженный Воеводами, торжественно благодарил их за оказанное мужество, обещая наградить каждого по достоинству, и велел хоронить тела Россиян. После, в знак признательности к добрым сподвижникам, там убиенным, он уставил праздновать вечно их память в Субботу Дмитровскую [83], доколь существует Россия.

Ягайло в день битвы находился не более как в 30 или в 40 верстах от Мамая: узнав ее следствие, он пришел в ужас и думал только о скором бегстве, так, что легкие наши отряды нигде не могли его настигнуть. Со всех сторон счастливый Димитрий, одним ударом освободив Россию от двух грозных неприятелей, послал гонцев в Москву, в Переславль, Кострому, Владимир, Ростов и другие города, где народ, сведав о переходе войска за Оку, денно и нощно молился в храмах. Известие о победе столь решительной произвело восхищение неописанное. Казалось,

что независимость, слава и благоденствие нашего отечества утверждены ею навеки; что Орда пала и не восстанет; что кровь Христиан, обагрившая берега Дона, была последнею жертвою для России, и совершенно умилостивила Небо. Все поздравляли друг друга, радуясь, что дожили до времен столь счастливых, и славили Димитрия, как второго Ярослава Великого и нового Александра, единогласно назвав его *Донским*, а Владимира Андреевича *Храбрым* [84], и ставя Мамаево побоище выше Алтского и Невского. Увидим, что оно, к сожалению, не имело тех важных, прямых следствий, каких Димитрий и народ его ожидали; но считалось знаменитейшим в преданиях нашей Истории до самых времен Петра Великого, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бедствий России, но доказало возрождение сил ее, и в несомнительной связи действий с причинами отдаленными служило основанием успехов Иоанна III, коему судьба назначила совершить дело предков, менее счастливых, но равно великих.

Для чего Димитрий не хотел воспользоваться победою, гнать Мамая до берегов Ахтубы и разрушить гнездо тиранства? Не будем обвинять Великого Князя в оплошности. Татары бежали, однако же все еще сильные числом, и могли в Волжских Улусах собрать полки новые; надлежало итти в след за ними с войском многолюдным: каким образом продовольствовать оное в степях и пустынях? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а Россияне долженствовали бы везти хлеб с собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имея лошадей не приученных питаться одною иссохшею травою. Множество раненых требовало призрения, и победители чувствовали нужду в отдохновении. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнет восстать на Россию, Димитрий не хотел без крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнейшим опасностям войны, и в надежде заслужить счастие умеренностию, возвратился в столицу. Шествие его от поля Куликова до врат Кремлевских было торжеством непрерывным [85]. Везде народ встречал победителя с веселием, любовию и благодарностию; везде гремела хвала Богу и Государю. Народ смотрел на Димитрия как на Ангела-хранителя, ознаменованного печатию Небесного благоволения. Сие блаженное время казалось истинным очарованием для добрых Россиян: оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой, и сведав еще, что сей изменик старался вредить Московским полкам на возвратном их пути чрез области Рязанские, истреблял мосты, даже захватывал и грабил слуг Великокняжеских, Димитрий готовился наказать его. Тогда именитейшие Бояре Рязанские приехали в Москву объявить, что Князь их ушел с своим семейством и Двором в Литву; что Рязань поддается Герою Донскому и молит его о милосердии. Димитрий отправил туда Московских Наместников; но хитрый Олег, быв несколько месяцев изгнанником, умел тронуть его чувствительность знаками раскаяния и возвратился на престол, с обещанием отказаться от Ягайловой дружбы, считать Великого Князя старшим братом и быть с ним за-одно в случае войны или мира с Литвою и Татарами. В сем письменном договоре сказано, что Ока и Цна служат границею между Княжениями Московским и Рязанским; что места, отнятые у Татар, бесспорно принадлежат тому, кто их отнял; что город *Тула*, названный именем Царицы *Тайдулы*, жены Чанибековой, и некогда управляемый ее Баскаками, остается собственностию Димитрия, равно как и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная им у тамошнего крещеного Князя, именем Александра Уковича[86]. Великодушие действует только на великодушных: суровый Олег мог помнить обиды, а не благотворения; скоро забыл милость Димитрия, и воспользовался первым случаем нанести ему вред.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнув своих Улусов в виде робкого беглеца, скрежетал зубами и хотел еще отведать сил против Димитрия; но судьба послала ему иного неприятеля. <Тамерлан>. Тохтамыш, один из потомков Чингисхановых, изгнанный из Орды Капчаской Ханом Урусом[87], снискал дружбу славного Тамерлана, который, смиренно называясь Эмиром или Князем Моголов Чагатайских, уже властвовал над обеими Бухариями. С помощию сего второго Чингиса Тохтамыш, обявив себя наследником Батыева престола, шел к морю Азовскому. Мамай встретил его близ нынешнего Мариуполя, и на том месте, где Моголы в 1224 году истребили войско наших соединенных Князей, был разбит на голову; оставленный неверными Мурзами, бежал в Кафу, и там кончил жизнь свою: Генуэзцы обещали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить победителю или

завладеть Мамаевою казною[88]. Тохтамыш воцарился в Орде и дружелюбно дал знать всем Князьям Российским, что он победил их *врага общего*. Димитрий принял Ханских Послов с ласкою, отпустил с честию, и в след за ними отправил собственных с богатыми дарами для Хана; то же сделали и другие Князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамыш не мог удовольствоваться приветствиями: он хотел властвовать как Батый или Узбек над Россиею.

<Г. 1381>. В следующее лето Хан послал к Димитрию Царевича Акхозю и с ним 700 воинов, требовать, чтобы все Князья наши, как древние подданные Моголов, немедленно явились в Орде. Россияне содрогнулись. «Давно ли — говорили они — мы одержали победу на берегах Дона? не уже ли кровь Христианская лилась тщетно?» Государь думал согласно с народом, и Царевичу в Нижнем Новегороде сказали, что Великий Князь не ответствует за его безопасность, если он приедет в столицу с воинскою дружиною[89]. Акхозя возвратился к Хану, отправив в Москву некоторых из своих товарищей. Даже и сии люди, устрашенные знаками народной ненависти Россиян к Моголам, не посмели туда ехать; а Димитрий, излишно надеясь на слабость Орды, спокойно занимался делами внутреннего правления.

<Г. 1382. Нашествие Тохтамыша>. Прошло около года: Хан молчал, но в тишине готовился действовать. Вдруг услышали в Москве, что Татары захватили всех наших купцев в земле Болгарской и взяли у них суда для перевоза войска Ханского чрез Волгу; что Тохтамыш идет на Россию; что вероломный Олег встретил его близ границы, и служит ему путеводителем, указывая на Оке безопасные броды[90]. Сия весть, привезенная из Улусов некоторыми искренними доброхотами Россиян, изумила народ: еще великодушная решимость Правителей могла бы воспламенить его ревность, и Герой Донский с мужественным братом своим, Владимиром Андреевичем, спешили выступить в поле; но другие Князья изменили чести и славе. Сам тесть Великого Князя, Димитрий Нижегородский, сведав о быстром стремлении неприятеля, послал к Хану двух сыновей с дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что от важного урона, претерпенного Россиянами в битве Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудели людьми воен-

ными: наконец советники Димитриевы только спорили о лучших мерах для спасения отечества, и Великий Князь, потеряв бодрость духа, вздумал, что лучше обороняться в крепостях, нежели искать гибели в поле. Он удалился в Кострому с супругою и с детьми, желая собрать там более войска, и надеясь, что Бояре, оставленные им в столице, могут долго противиться неприятелю.

Тохтамыш взял Серпухов и шел прямо к Москве, где господствовало мятежное безначалие. Народ не слушался ни Бояр, ни Митрополита, и при звуке колоколов стекался на Вече[91], вспомнив древнее право граждан Российских, в важных случаях решить судьбу свою большинством голосов. Смелые хотели умереть в осаде, робкие спасаться бегством; первые стали на стенах, на башнях, и бросали камнями в тех, которые думали уйти из города; другие, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали к городским воротам; наконец, убежденные представлениями людей благоразумных, что в Москве останется еще не мало воинов отважных, и что в долговременной осаде всего страшнее голод, позволили многим удалиться, но в наказание отняли у них все имущество. Сам Митрополит Киприан выехал из столицы в Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковного Пастыря: он был иноплеменник! Волнение продолжалось: народ, оставленный Государем и Митрополитом, тратил время в шумных спорах, и не имел доверенности к Боярам.

<Мужественный Князь Остей>. В сие время явился достойный Воевода, юный Князь Литовский, именем Остей, внук Ольгердов, посланный, как вероятно, Димитрием. Умом своим и великодушием, столь сильно действующим в опасностях, он восстановил порядок, успокоил сердца, ободрил слабых. Купцы, земледельцы окрестных селений, пришедшие в Москву с детьми и с драгоценнейшею собственностию,— Иноки, Священники требовали оружия[92]. Немедленно образовались полки; каждый занял свое место, в тишине и благоустройстве. Дым и пламя вдали означили приближение Моголов, которые, следуя обыкновению, жгли на пути все деревни, и 25 Августа обступили город. Некоторые их чиновники подъехали к стене, и зная Русский язык, спрашивали, где Великий Князь Димитрий? Им ответствовали, что его нет в Москве. Татары, не пустив ни одной стрелы, ездили вокруг Крем-

ля, осматривали глубину рвов, башни, все укрепления, и выбирали места для приступов; а Москвитяне, в ожидании битвы, молились в церквах; другие же, менее набожные, веселились на улицах; выносили из домов чаши крепкого меду и пили с друзьями, рассуждая: «Можем ли бояться нашествия поганых, имея город твердый и стены каменные с железными воротами? Неприятели скроются, когда испытают нашу бодрость, и сведают, что Великий Князь с сильными полками заходит им в тыл». Сии храбрецы, всходя на стену и видя малое число Татар, смеялись над ними [93]; а Татары издали грозили им обнаженными саблями, и ввечеру, к преждевременной радости Москвитян, удалились от города.

<Приступ к столице>. Сие войско было только легким отрядом: в следующий день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Сам Тохтамыш предводительствовал ею. Он велел немедленно начать приступ. Москвитяне, пустив несколько стрел, были осыпаны неприятельскими [10*]. Татары стреляли с удивительною меткостию, пешие и конные, стоя неподвижно или на всем скаку, в обе стороны, взад и вперед [94]. Они приставили к стене лестницы; но Россияне обливали их кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами, и к вечеру отразили. Три дни продолжалась битва; осажденные теряли многих людей, а неприятель еще более: ибо не имея стенобитных орудий, он упорствовал взять город силою. И воины и граждане Московские, одушевляемые примером Князя Остея, старались отличить себя мужеством. В числе Героев Летописцы называют одного суконника, именем Адама, который с ворот Флоровских застрелил любимого Мурзу Ханского. Видя неудачу, Тохтамыш употребил коварство, достойное варвара.

<26 Августа. Вероломство Тохтамыша>. В четвертый день осады неприятель изъявил желание вступить в мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъехав к стенам, сказали Москвитянам, что Хан любит их как *своих* добрых *подданных*, и не хочет воевать с ними, будучи только личным врагом Великого Князя; что он немедленно удалится от Москвы, буде жители выдут к нему с дарами, и впустят его в сию столицу, осмотреть ее достопамятности. Такое предложение не могло обольстить людей благоразумных; но с Послами находились два сына Димитрия Нижегородского, Василий и Си-

меон: обманутые уверениями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они как Россияне и Христиане дали клятву, что Хан сдержит слово и не сделает ни малейшего зла Москвитянам[95]. Храбрый Остей советовался с Боярами, с Духовенством и народом: все думали, что ручательство Нижегородских Князей надежно; что излишняя недоверчивость может быть пагубна в сем случае, и что безрассудно подвергать столицу дальнейшим бедствиям осады, когда есть способ прекратить их. Отворили ворота: Князь Литовский вышел первый из города и нес дары; за ним Духовенство с крестами, Бояре и граждане. Остея повели в стан Ханский — и там умертвили. <Взятие и разрушение Москвы>. Сие злодейство было началом ужаса: по данному знаку обнажив мечи, тысячи Моголов в одно мгновение обагрились кровию Россиян безоружных, напрасно хотевших спастися бегством в Кремль: варвары захватили путь, и вломились в ворота; другие, приставив лестницы, взошли на стену. Еще довольно ратников оставалось в городе, но без вождей и без всякого устройства: люди бегали толпами по улицам, вопили как слабые жены и терзали на себе волосы, не думая обороняться. Неприятель в остервенении своем убивал всех без разбора, граждан и Монахов, жен и Священников, юных девиц и дряхлых старцев; опускал меч единственно для отдохновения и снова начинал кровопролитие. Многие укрывались в церквах каменных: Татары отбивали двери, и везде находили сокровища, свезенные в Москву из других, менее укрепленных городов. Кроме богатых икон и сосудов, они взяли, по сказанию Летописцев, несметное количество золота и серебра в Казне Великокняжеской, у Бояр старейших, у купцев знаменитых, наследие их отцев и дедов, плод бережливости и трудов долговременных. К вечному сожалению потомства, сии грабители, обнажив церкви и домы, предали огню множество древних книг и рукописей, там хранимых, и лишили нашу Историю, может быть, весьма любопытных памятников[96].

Не будем подробно описывать всех ужасов сего несчастного для России дня: легко представить себе оные. И в наше время, когда неприятель, раздраженный упорством осажденных, силою входит в город, что может превзойти бедствие жителей? ни язва, ни землетрясение. А Татары со времен Батыевых не смягчились сердцем,

и в своей Азовской роскоши утратив отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирепость народа степного. Обремененные добычею, утружденные злодействами, наполнив трупами город, они зажгли его и вышли отдыхать в поле, гоня перед собою толпы юных Россиян, избранных ими в невольники.— «Какими словами — говорят Летописцы — изобразим тогдашний вид Москвы? Сия многолюдная столица *кипела* прежде *богатством и славою* [97]: в один день погибла ее красота; остались только дым, пепел, земля окровавленная, трупы и пустые, обгорелые церкви. Ужасное безмолвие смерти прерывалось одним глухим стоном некоторых страдальцев, иссеченных саблями Татар, но еще не лишенных жизни и чувства».

Войско Тохтамышево рассыпалось по всему Великому Княжению. Владимир, Звенигород, Юрьев, Можайск, Дмитров, имели участь Москвы. Жители Переславля бросились в лодки, отплыли на средину озера, и тем спаслися от погибели; а город был сожжен неприятелем [98]. Близ Волока стоял с дружиною смелый брат Димитриев, Князь Владимир Андреевич: отпустив мать и супругу в Торжек, он внезапно ударил на сильный отряд Моголов и разбил его совершенно. Извещенный о том беглецами, Хан начал отступать от Москвы; взял еще Коломну и перешел за Оку. Тут вероломный Князь Рязанский увидел, сколь милость Татар, купленная гнусною изменою, ненадежна: они поступали в его земле как в неприятельской; жгли, убивали, пленили [11*] жителей, и заставили самого Олега скрыться. Тохтамыш оставил наконец Россию, отправив шурина своего, именем Шихомата, Послом к Князю Суздальскому.

<Скорбь Димитрия>. С какою скорбию Димитрий и Князь Владимир Андреевич, приехав с своими Боярами в Москву, увидели ее хладное пепелище и сведали все бедствия, претерпенные отечеством, и столь неожидаемые после счастливой Донской битвы! «Отцы наши — говорили они, проливая слезы [99] — не побеждали Татар, но были *менее* нас злополучны!» Действительно *менее* со времен Калиты, памятных началом устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрия в том, что он не следовал правилам Иоанна I и Симеона, которые искали милости в Ханах для пользы государственной; но Великий Князь, чистый в совести пред Богом и народом, не боял-

ся ни жалобы современников, ни суда потомков; хотя скорбел, однако ж не терял бодрости, и надеялся умилостивить Небо своим великодушием в несчастии.

Он велел немедленно погребать мертвых и давал гробокопателям по рублю за 80 тел: что составило 300 рублей [100]; следственно в Москве погибло тогда 24 000 человек, кроме сгоревших и потонувших: ибо многие, чтобы спастись от убийц, бросались в реку. <Изгнание Олега>. Еще не успели совершить сего печального обряда, когда Димитрий послал Воевод Московских наказать Олега, приписывая ему успех Тохтамышев и бедствие Великого Княжения. Подданные должны были ответствовать за своего Князя: он ушел, предав их в жертву мстителям, и войско Димитриево, остервененное злобою, в конец опустошило Рязань, считая оную гнездом измены и ставя жителям в вину усердие их к Олегу.— <Восстановление Москвы>. Вторым попечением Димитрия было возобновление Москвы; стены и башни Кремлевские стояли в целости: Хан не имел времени разрушить оные. Скоро кучи пепла исчезли, и новые здания явились на их месте; но прежнее многолюдство в столице и в других взятых Татарами городах уменшилось надолго.

<Изгнание Митрополита>. В то время, когда надлежало дать Церкви новых Иереев вместо убиенных Моголами, святить оскверненные злодействами храмы, утешать, ободрять народ Пастырскими наставлениями, Митрополит Киприан спокойно жил в Твери. Великий Князь послал за ним Бояр своих [101], но объявил его, как малодушного беглеца, недостойным управлять Церковию, и возвратив из ссылки Пимена, поручил ему Российскую Митрополию; а Киприан с горестию и стыдом уехал в Киев, где господствовал сын Ольгердов, Владимир, Христианин Греческой Веры. Столь решительно поступал Димитрий в делах церковных, живо чувствуя достоинство Государя, любя отечество, и желая, чтобы Духовенство служило примером сей любви для граждан! Он мог досадовать на Киприана и за дружескую связь его с Михаилом Александровичем Тверским, который, вопреки торжественному обету и письменному договору 1375 года, не хотел участвовать ни в славе, ни в бедствиях Московского Княжения, и тем изъявил холодность к общей пользе Россиян. <Ненависть Князя Тверского к Димитрию>. Скоро обнаружилась и личная, давнишняя ненависть его к Димитрию:

как бы обрадованный несчастием Москвы и в надежде воспользоваться злобою Тохтамыша на Великого Князя, он с сыном своим, Александром, уехал в Орду, чтобы снискать милость Хана и с помощию Моголов свергнуть Донского с престола [102].

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвах: раззоренное Великое Княжение требовало мирного спокойствия, и народ уныл. <Г. 1383, Апреля 23>. Великодушный Димитрий, скрепив сердце, с честию принял в Москве Ханского Мурзу, Карача, объявившего [12]* ему, что Тохтамыш, страшный во гневе, умеет и миловать преступников, в раскаянии. <Сын Димитриев в Орде>. Сын Великого Князя, Василий, со многими Боярами поехав [13]* Волгою на судах в Орду, знаками смирения столь угодил Хану, что Михаил Тверский не мог успеть в своих происках, и с досадою возвратился в Россию. <Г. 1384. Тяжкая дань>. Но милость Тохтамышева дорого стоила Великому Княжению: кровопийцы Ординские, пазываемые Послами, начали снова являться в его пределах, и возложили на оное весьма тягостную дань, в особенности для земледельцев: всякая деревня, состоящая из двух и трех дворов, обязывалась платить полтину серебром [103]; города давали и *золото*. Сверх того, к огорчению Государя и народа, Хан в залог верности и осьми тысяч рублей долгу удержал при себе юного Князя Василия Димитриевича, вместе с сыновьями Князей Нижегородского и Тверского. Одним словом, казалось что Россияне долженствовали проститься с мыслию о государственной независимости как с мечтою; но Димитрий надеялся вместе с народом, что сие рабство будет не долговременно; что падение мятежной Орды неминуемо, и что он воспользуется первым случаем освободить себя от ее тиранства [104].

<Г. 1385>. Для того Великий Князь хотел мира и благоустройства внутри отечества; не мстил Князю Тверскому за его вражду, и предлагал свою дружбу самому вероломному Олегу. Сей последний неожидаемо разграбил Коломну, пленив тамошнего Наместника, Александра Остея, со многими Боярами [105]: Димитрий послал туда войско под начальством Князя Владимира Андреевича, но желал усовестить Олега, зная, что сей Князь любим Рязанцами и мог быть своим умом полезен отечеству. <Мир с Олегом>. Муж, знаменитый святостию,

Игумен Сергий, взял на себя дело миротворца: ездил к Олегу, говорил ему именем Веры, земли Русской, и смягчил его сердце так, что он заключил с Димитрием искренний, вечный союз, утвержденный после семейственным: Феодор, сын Олегов (в 1387 году) женился на Княжне Московской, Софии Димитриевне.

<Ссора и мир с Новымгородом>. Великий Князь долженствовал еще усмирить Новогородцев. Они (в 1384 году) дали Князю Литовскому, Патрикию Наримантовичу, бывший Удел отца его: Орехов, Кексгольм и половину Копорья; но тамошние жители изъявили негодование. Сделался мятеж в Новегороде: Славянский Конец, обольщенный дарами Патрикия, стоял за сего Князя на Вече Двора Ярославова; другие Концы взяли противную сторону на Вече Софийском. Вооружались; шумели, писали разные грамоты или определения и наконец согласились, вместо упомянутых городов, отдать Патрикию Ладогу, Русу и берег Наровский, не считая нужным требовать на то Великокняжеского соизволения [106]. Сие дело могло оскорбить Димитрия: он имел еще важнейшие причины быть недовольным. В течение десяти лет оставляемые в покое соседями, Новогородцы, как бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именем *молодечества*, и многочисленными толпами ездили грабить купцев, селения и города по Волге, Каме, Вятке. В 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а в 1375 вторично явились под стенами первой, где начальствовал Воевода Плещей: их было 2000, а вооруженных Костромских граждан 5000; но малодушный Плещей, с двух сторон обойденный неприятелем, бежал: разбойники взяли город, и целую неделю в нем злодействовали; пленили [14*] людей, опустошали домы, купеческие лавки, и бросив в Волгу, чего не могли увезти с собою, отправились к Нижнему; захватили и там многих Россиян, и продали их как невольников Восточным купцам в Болгарах. Еще недовольные богатою добычею, сии храбрецы, предводительствуемые каким-то Прокопием и другим Смоленским Атаманом, пустились далее вниз по Волге, к Сараю, и грабили без сопротивления до самого *Хазитороканя* или Астрахани, древнего города Козаров; наконец, обманутые лестию тамошнего Князя Могольского, именем Сальчея, были все побиты; а Вятчане (в 1379 году) истребили другую шайку таких разбойников близ Каза-

ни. Занятый опастностями и войнами, Димитрий терпел сию дерзость Новогородцев и видел, что она возрастала: Правительство их захватывало даже его собственность, или доходы Великокняжеские, и (в 1385 году) отложилось от церковного суда Московской Митрополии: Посадник, Бояре, *Житые* (именитые) и черные люди всех пяти Концев торжественно присягнули на Вече, чтобы ни в каких тяжбах, подсудных Церкви, не относиться к Митрополиту, но решить оные самому Архиепископу Новогородскому по Греческому Номоканону или Кормчей Книге, вместе с Посадником, Тысячским и четырмя посредниками, избираемыми с обеих сторон из Бояр и людей Житых. Испытав бесполезность дружелюбных представлений и самых угроз, огорчаемый строптивостию Новогородцев и явным их намерением быть независимыми от Великого Княжения, Димитрий прибегнул к оружию, чтобы утвердить власть свою над сею знаменитою областию и со временем воспользоваться ее силами для общего блага или освобождения России.

<Г. 1386>. Двадцать-шесть областей соединили своих ратников под знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигород, Можайск, Волок Ламский, Ржев, Серпухов, Боровск, Дмитров, Переславль, Владимир, Юрьев, Муром, Мещера, Стародуб, Суздаль, Городец, Нижний, Кострома, Углич, Ростов, Ярославль, Молога, Галич, Белозерск, Устюг. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бежецка, Торжка (кроме знатнейших Бояр сего последнего) взяли сторону Димитрия. Зимою, пред самым Рождеством Христовым, он с братом Владимиром Андреевичем и другими Князьями выступил из Москвы; не хотел слушать Послов Новогородских, и в день Богоявления расположился станом в тридцати верстах от берегов Волхова, обратив в пепел множество селений. Там встретил его Архиепископ, старец Алексий, с убедительным молением простить вину Новогородцев, готовых заплатить ему 8000 рублей. Великий Князь не согласился, и Новогородцы, извещенные о том, готовились к сильному отпору, под начальством Патрикия и других Князей, нам неизвестных [107]; оградили вал тыном, сожгли предместия, двадцать четыре монастыря в окрестностях и все домы за рвом в трех Концах города, в Плотинском, в Людине и в Неревском; два раза выходили в поле для битвы, ожидая неприятеля, и возвраща-

лись, не находя его. Имея войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалев ни домов, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотели отвратить кровопролитие, и послали двух Архимандритов, 7 Иереев и 5 граждан, от имени пяти Концев, чтобы склонить Димитрия к миру. С одной стороны знаки раскаяния и смирения, с другой твердость, но соединенная с умеренностию, произвели наконец желаемое действие. Великий Князь подписал мирную грамоту, с условием, чтобы Новгород всегда повиновался ему как Государю верховному, платил ежегодно так называемый *черный бор*, или дань, собираемую с черного народа, и внес в казну Княжескую 8000 рублей за долговременные наглости своих разбойников. Новогородцы тогда же вынули из Софийского сокровища и прислали к Димитрию 3000 рублей, отправив чиновников в Двинскую землю для собрания остальных пяти тысяч: ибо Двиняне имев также участие в разбоях Волжских, долженствовали участвовать и в наказании за оные. Димитрий возвратился в Москву с честию и без всякого урона, оставив в областях Новогородских глубокие следы ратных бедствий. Многие купцы, земледельцы, самые Иноки лишились своего достояния, а некоторые люди и вольности (ибо Москвитяне по заключении мира освободили не всех пленников); другие, обнаженные хищными воинами, умерли от холода на степи и в лесах.— К несчастию, Новогородцы не приобрели и внутреннего спокойствия: ибо Великий Князь, довольный их покорностию, не отнял у них древнего права избирать главных чиновников и решить дела государственные приговором Веча. Так (в 1388 году) три Конца Софийской Стороны восстали на Посадника Иосифа, и злобствуя на Торговую, где сей чиновник нашел друзей и защитников, более двух недель не имели с нею никакого сообщения [108]. Исполняя, кажется, волю Димитриеву, Новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикия Наримантовича; а чрез два года отдали их другому Князю Литовскому, Лугвению-Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны с Шведами или Немцами иметь в нем полководца и жить с его братьями в союзе.

<Крещение Литвы>. В сие время Литва была уже в числе Держав Христианских. Ягайло (в 1386 году) с согласия Вельмож Польских женился на Ядвиге, доче-

ри и единственной наследнице их умершего Короля Людовика, принял Веру Латинскую в Кракове вместе с достоинством Государя Польского и крестил свой народ волею и неволею [109]. Чтобы сократить обряд, Литовцев ставили в ряды целыми полками: Священники кропили их святою водою и давали имена Христианские: в одном полку называли всех людей Петрами, в другом Павлами, в третьем Иоаннами, и так далее; а Ягайло ездил из места в место толковать на своем отечественном языке Символ Веры. Древний огнь Перкунов угас навеки в городе Вильне; святые рощи были срублены или обращены в пепел, и новые Христиане славили милость Государя, дарившего им белые, суконные кафтаны: «ибо сей народ (говорит Стриковский) одевался до того времени одними кожами зверей и полотном». Происшествие, столь благословенное для Рима, имело весьма огорчительные следствия для Россиян: Ягайло, дотоле покровитель Греческой Веры, сделался ее гонителем; стеснял их права гражданские, запретил брачные союзы между ими и Католиками, и даже мучительски казнил двух Вельмож своих, не хотевших изменить Православию в угодность Королю [110]. К счастию, многие Князья Литовские — Владимир Ольгердович Киевский, братья его Скиригайло и Димитрий, Феодор Волынский, сын умершего Любарта, и другие — остались еще Христианами нашей Церкви и заступниками единоверных.

Впрочем, не смотря на разномыслие в духовном законе, Ягайловы родственники служили Королю усердно, кроме одного Андрея Ольгердовича Полоцкого, друга Димитриева и Москвитян. Между тем, как сей Князь делил с Димитрием опасности и славу на поле Куликове, Скиригайло господствовал в Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадив его на кобылу [111], с бесчестием и насмешками вывезли из города) он прибегнул к Магистру Ливонскому, Конраду Роденштеину, и вместе с ним 3 месяца держал (в 1382 году) Полоцк в осаде. Напрасно жители молили Новогородцев как братьев о защите; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если он избавит их от Скиригайла: Новогородцы отправили только мирное посольство к Ягайлу, а Конрад Роденштеин ответствовал: «для кого оседлал я коня своего и вынул меч из ножен, тому не изменю вовеки». Мужество осажденных заставило не-

приятеля отступить, и любимый ими Андрей с радостию к ним возвратился; но Скиригайло в 1386 году, предводительствуя войском Литовским, взял сей город, казнил в нем многих людей знатных, и пленив самого Андрея, отослал его в Польшу, где он три года сидел в тяжком заключении.

<Г. 1387. Марта 22. Жестокость Князя Смоленского>. Сей несчастный сын Ольгердов имел верного союзника в Святославе Иоанновиче, Смоленском Князе: желая отмстить за него, Святослав вступил в нынешнюю Могилевскую Губернию, и начал свирепствовать как Батый в земле населенной Россиянами, не только убивая людей, но и вымышляя адские для них муки: жег, давил, сажал на кол младенцев и жен, веселяся отчаянием сих жертв невинных [112]. Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но Летописцы говорят о сих злодействах Святослава с живейшим омерзением: он получил возмездие. Войско его, осаждая Мстиславль, бывший город Смоленский, отнятый Литвою, увидело в поле знамена неприятельские: Скиригайло Ольгердович и юный Герой Витовт, сын Кестутиев, примирившийся с Ягайлом, шли спасти осажденных. <Апреля 29>. Святослав мужественно сразился на берегах Вехри, и жители Мстиславские смотрели с городских стен, на битву, упорную и кровопролитную. Она решилась в пользу Литовцев: Святослав пал, уязвленный копием на вылет, и чрез несколько минут испустил дух. Племянник его, Князь Иоанн Васильевич, также положил свою голову; а сыновья, Глеб и Юрий, были взяты в плен со многими Боярами. Победители гнались за Россиянами до Смоленска: взяли окуп с жителей сего города, выдали им тела убитых Князей, и посадив Юрия, как данника Литвы, на престоле отца его, вышли из владения [15*]– Смоленского. Глеб –[15*] Святославич остался в их руках аманатом.

Сии происшествия долженствовали быть крайне оскорбительны для Великого Князя: ибо Святослав, отстав от союза с Литвою, усердно искал Димитриевой дружбы, и вместе с Андреем Ольгердовичем служил щитом для Московских границ за Западс. Но Димитрий, опасаясь Литвы, еще более опасался Моголов, и готовясь тогда к повому разрыву с Ордою, имел нужду в приязни Ягайловой. <Бегство сына Димитриева из Орды>. Сын Великого Князя Василий, три года жив невольником при

Дворе Ханском, тайно ушел в Молдавию, к тамошнему Воеводе Петру [113], нашему единоверцу, и мог возвратиться в Россию только чрез владения Польские и Литву. Димитрий отправил на встречу к нему Бояр, поручив им, для личной безопасности Василиевой, склонить Ягайла к дружелюбию. <Г. 1388, Генваря 19>. Они успели в деле своем: Василий Димитриевич прибыл благополучно в Москву, провождаемый многими Панами Польскими.

Вероятно, что бегство его из Орды было следствием намерения Димитриева свергнуть иго Тохтамышево: другие случаи также доказывают сие намерение. <Смерть Князя Нижегородского>. Тесть Донского, Димитрий Константинович, преставился Схимником в 1383 году, памятный сооружением каменных стен в Нижнем Новегороде и любовию к отечественной Истории (ибо мы ему обязаны древнейшим харатейным списком Нестора). Сыновья его и дядя их, Борис Городецкий, находились тогда в Орде, споря о наследстве [114]: Хан отдал Нижегородскую область дяде, а племянникам, Симеону и Василию, Суздаль, удержав последнего аманатом в Сарае. Скучав долго неволею и праздностию — тщетно хотев, подобно сыну Донского, бежать в Россию — Василий умилостивил наконец Тохтамыша и приехал с его жалованною грамотою княжить в Городце. Но сия милость Ханская казалась ему неудовлетворительною: с помощию Великого Князя он и брат его, Симеон Суздальский, (в 1388 году) отняли Нижний у дяди, и презрев грамоты Ханские, обязались во всяком случае верно служить Димитрию: Борис же остался Князем Городецким, в зависимости от Московского, который, действуя таким образом против воли Тохтамыша, явно показывал худое к нему уважение.

<Вражда между Вел. Князем и Владимиром>. В то время, как Россияне Великого Княжения с надеждою или страхом могли готовиться ко второй Донской битве, они были изумлены враждою своих двух главных защитников. Димитрий и Князь Владимир Андреевич, братья и друзья, казались дотоле одним человеком, имея равную любовь к отечеству и ко славе, испытанную общими опасностями, успехами и противностями рока <Г. 1389>. Вдруг Димитрий, огорченный, как надобно думать, старейшими Боярами Владимира и его к ним пристрастием, велел их взять под стражу, заточить, развезти по разным городам. Сей поступок, доказывая власть Велико-

княжескую, мог быть согласен с законами справедливости, но крайне огорчил народ, тем более, что Татары начинали уже действовать против России, взяв нечаянно Переславль Рязанский: единодушие первых ее Героев было всего нужнее для безопасности Государства [115]. Явив пример строгости, Димитрий спешил удовлетворить желанию народа и собственного сердца: чрез месяц, в день Благовещения, обнял брата как друга и новою договорною грамотою утвердил искренний с ним союз. <Их примирение>. В ней сказано, что Владимир признает Димитрия отцем, сына его Василия братом *старшим*, Георгия Димитриевича *равным*, а меньших сыновей Великого Князя *младшими* братьями; что они будут жить в любви неразрывной, подобно как их отцы жили с Симеоном Гордым, и должны взаимно объявлять друг другу наветы злых людей, желающих поселить в них вражду; что ни Димитрию, ни Владимиру без общего согласия не заключать договоров с иными Владетелями; что первому не мешаться в дела братних городов, второму в дела Великого Княжения, но судить тяжбы Москвитян обоим вместе чрез Наместников, а в случае их несогласия прибегать к суду Митрополита или Третейскому, коего решение остается законом и для Князей; что Великому Князю, ни Боярам его, не покупать сел в Уделе Владимировом, ни Владимиру в областях, ему не принадлежащих; что если Димитрий, удовлетворяя нуждам государственным, обложит данию своих Бояр поместных, то и Владимировы обязаны внести такую же в казну Великокняжескую; что гости, *суконники* и *городские* люди свободны от службы, и проч. Далее сказано, что Владимир, *если Богу* не угодно будет *избавить Россию от Моголов*, участвует во всех ее тягостях и дает Ханам *триста-двадцать* рублей в число *пяти* тысяч Димитриевых, по сей же соразмерности платя и долги государственные.

<Новый порядок наследства>. Сия грамота наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в Великокняжеском достоинстве, отменяя древний, по коему племянники долженствовали уступать оное дяде. Владимир именно признает Василия и братьев его, в случае Димитриевой смерти, законными наследниками Великого Княжения.

<Кончина Великого Князя>. Примирение державных братьев казалось истинным торжеством государст-

венным. Народ веселился, не предвидя несчастия, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно, Димитрию едва исполнилось сорок лет: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза светлые, огненные, изображая внутреннюю крепость сложения, ручались за долголетие [116]. Вдруг, к общему ужасу, разнеслася весть о тяжкой болезни Великого Князя: к успокоению народа сказали, что опасность ее миновалась; но Димитрий, не обольщая себя надеждою, призвал Игуменов Сергия и Севастиана, вместе с девятью главными Боярами, и велел писать духовное завещание. Объявив Василия Димитриевича наследником Великокняжеского достоинства, он каждому из пяти сыновей дал особенные Уделы: Василию Коломну с волостями, Юрию Звенигород и Рузу, Андрею Можайск, Верею и Калугу, Петру Дмитров, Иоанну несколько сел, а Великой Княгине Евдокии разные поместья и знатную часть Московских доходов. Сверх областей наследственных, Димитрий отказал второму сыну Галич, третьему Белозерск, четвертому Углич, купленные Калитою у тамошних Князей Удельных; сии города дотоле не были еще совершенно присоединены к Московскому Княжению.

Несколько дней Бояре и граждане утешались мнимым выздоровлением любимого их Государя. В сие время супруга его родила шестого сына, именем Константина, окрещенного старшим братом, Василием Димитриевичем, и Мариею, вдовою последнего Тысячского [117]. Но скоро болезнь вновь усилилась, и Великий Князь, чувствуя свой конец, желал видеть супругу, еще слабую от следствия родов; изъявляя удивительную твердость, долго говорил с нею и с детьми; приказывал им быть во всем ей послушными и действовать единодушно, любить отечество и верных слуг его. Бояре в безмолвной горести стояли вдали: он велел им приближиться и сказал: «Вам, свидетелям моего рождения и младенчества, известна внутренность души моей. С вами я царствовал и побеждал врагов для счастия России; с вами веселился в благоденствии и скорбел в злополучиях; любил вас искренно и награждал по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вам одним грубым словом; вы были не Боярами, но Князьями земли Русской. Теперь вспомните, что мне всегда говорили: *умрем за тебя и детей твоих*. Служите верно моей супруге и юным сы-

новьям: делите с ними радость и бедствия». Представив им семнадцати-летнего Василия Димитриевича как будущего их Государя, он благословил его; избрал ему девять советников из Вельмож опытных [118]; обнял Евдокию, каждого из сыновей и Бояр; сказал: *Бог мира да будет с вами*! сложил руки на груди и скончался. <Маия 19>. На другой день погребли Димитрия в церкви Архангела Михаила. Трапезундский Митрополит Феогност, приехавший на то время гостем в Москву, совершил сей печальный обряд вместе с некоторыми Епископами и Святыми Игуменом Сергием.

<Свойства Димитриевы>. Не льзя, по сказанию Летописцев, изобразить глубокой душевной скорби Россиян в сем случае: долго стенание и вопль не умолкали при Дворе и на стогнах: ибо никто из потомков Ярослава Великого, кроме Мономаха и Александра Невского, не был столь любим народом и Боярами, как Димитрий, за его великодушие, любовь ко славе отечества, справедливость, добросердечие. Воспитанный среди опасностей и шума воинского, он не имел знаний почерпаемых в книгах, но знал Россию и науку правления [119]; силою одного разума и характера заслужил от современников имя *орла высокопарного* в делах государственных; словами и примером вливал мужество в сердца воинов, и будучи младенец незлобием, умел с твердостию казнить злодеев. Современники особенно удивлялись его смирению в счастии. Какая победа в древние и новые времена была славнее Донской, где каждый Россиянин сражался за отечество и ближних? но Димитрий, осыпаемый хвалами признательного народа, опускал глаза вниз и возносился сердцем единственно к Богу всетворящему.— Целомудренный в удовольствиях законной любви супружеской, он до конца жизни хранил девическую стыдливость, и ревностный во благочестии подобно Мономаху, ежедневно ходил в церковь, всякую неделю в Великий пост приобщался Святых Таин и носил власяницу на голом теле; однако ж не хотел следовать обыкновению предков, умиравших всегда Иноками: ибо думал, что несколько дней или часов Монашества перед кончиною не спасут души, и что Государю пристойнее умереть на троне, нежели в келье.

Таким образом Летописцы изображают нам добрые свойства сего Князя; и славя его как *первого победителя Татар*, не ставят ему в вину, что он дал Тохтамышу разо-

рить Великое Княжение, не успев собрать войска сильного, и тем продлил рабство отечества до времен своего правнука.

Димитрий сделал, кажется, и другую ошибку: имев случай присоединить Рязань и Тверь к Москве, не воспользовался оным: желая ли изъявить великодушное безкорыстие? но добродетели Государя, противные силе, безопасности, спокойствию Государства, не суть добродетели. Может быть, он не хотел изгнанием Михаила Тверского, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думал, что Олег, хитрый, деятельный, любимый подданными, лучше Московских Наместников сохранит безопасность юго-восточных пределов России, если искренно с ним примирится для блага отечества.— Димитрий прибавил к Московским владениям одну купленную им Мещеру, и подчинив себе Князей Ярославских, не хотел отнять у них наследственного Удела, довольный правом предписывать им законы [120].

<Строение городов и монастырей>. В княжение Донского были основаны города Курмыш и Серпухов: первый (в 1372 году) Борисом Константиновичем Городецким, а вторый (в 1374) Князем Владимиром Андреевичем, который, чтобы приманить туда людей, дал жителям многие выгоды и льготу, оградил его дубовыми стенами и сделал в нем Наместником своего Окольничего, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, в 1384 году начав строить каменную крепость Яму на берегу Луги (ныне Ямбург), совершили оную в 33 дни; а в 1387 обвели Порхов также кирпичными стенами, вместо прежних деревянных [121].— Знаменитые монастыри Чудов, Андроньев, Симоновский в Москве, Высоцкий близ Серпухова, и другие остались также памятниками времен Донского. Первые два основаны Митрополитом Алексием (который, обогатив Чудовскую Обитель драгоценными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завещал погребсти себя в оной), последние Святым Сергием Радонежским. Игумен Симонова монастыря, Феодор, племянник Сергиев и Духовник Великого Князя, отличаясь умом и знаниями, несколько раз ездил в Константинополь: поставленный там в Архимандриты, он исходатайствовал у Патриарха Нила, чтобы его Обитель называлась Патриаршею и ни в чем не зависела от Митрополита Российского [122]. Исполняя волю Князя Владимира Андреевича, своего друга, Св. Сергий избрал прекрасное место в двух верстах от нового города

Серпухова, и собственными руками заложил монастырь Высоцкий, оставил в нем игуменствовать любимого ученика, именем Афанасия, который после выехал навсегда из отечества, недовольный изгнанием Митрополита Киприана, и преставился в Цареграде.

<Дела церковные>. Церковные дела, важные по тогдашнему времени, заботили Великого Князя не менее государственных. Он простил Митрополита Пимена единственно в досаду Киприану, но не мог иметь к нему ни любви, ни уважения, и желал дать Церкви иного, достойнейшего Пастыря. Мы говорили о Епископе Дионисии, враге Митяя: обманом уехав в Константинополь, он нашел милость в Патриархе и возвратился оттуда с саном *Архиепископа* Суздальского, Нижегородского и Городецкого[123]. Будучи хитр, ласков, благотворителен, Дионисий умел оправдать себя в глазах Димитрия и заслужил его доброе мнение достохвальным подвигом Христианского учителя. <Ересь Стригольников>. Еще во время Алексия Митрополита открылась в Новегороде ересь *Стригольников*, названных так от имени Карпа Стригольника, человека простого, но ревностного суевера, утверждавшего, что Иереи Российские, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важного сана, и что истинные Христиане должны от них удаляться. Многие люди, думая согласно с ним, перестали ходить в церковь, и народ, озлобленный их нескромными, дерзкими речами, утопил в Волхове трех главных виновников раскола, Карпа и Диакона Никиту с товарищем[124]. Сия излишняя строгость, как обыкновенно бывает, не уменшила, но втайне умножила число еретиков: Архиепископ Новогородский Алексий писал о том к Патриарху Нилу, который уполномочил Дионисия искоренить зло средствами благоразумного убеждения. Дионисий отправился в Новгород, во Псков, где Стригольники имели также своих учеников; доказывал им, что плата, определенная законом, не есть лихоимство, и наконец примирил их с Церковию, к удовольствию всех правоверных. Отдавая справедливость сей заслуге, Великий Князь желал видеть Дионисия на месте Пимена, и велел ему ехать в Константинополь для поставления, будучи уверен в согласии Патриарха. Воля Димитриева действительно исполнилась; но Владимир Ольгердович Киевский остановил нового Митрополита на возвратном пути из Греции в Москву, объявив, что Киприан есть

Глава всей Российской Церкви — и честолюбивый Дионисий умер в Киеве под стражею. Таким образом Великий Князь два раза не имел успеха в избрании Митрополитов, и как бы обезоруженный неблагоприятностию судьбы, хотел по крайней мере, чтобы древняя столица Св. Владимира и Москва имели одного Пастыря духовного. Начался суд между Пименом и Киприаном в Цареграде, куда Великий Князь, в след за первым, отправил Симоновского Архимандрита, Феодора, с грамотами и дарами. Прошло около трех лет, и дело решилось ничем: Киприан остался Митрополитом Киевским, а Пимен, возвратясь в Москву, через год уехал опять в Грецию, тайно от Великого Князя, расположенного к нему весьма немилостиво: что случилось за месяц до кончины Димитриевой.

<Крещение Перми>. Важнейшим происшествием для Церковной Истории сего времени было обращение Пермян в Христианскую Веру. Вся обширная страна от реки Двины до хребта гор Уральских издревле платила дань Россиянам; но довольные серебром и мехами, там собираемыми, они не принуждали жителей к перемене Закона. Юный Монах, сын одного Устюжского церковника, именем Стефан, воспламенился ревностию быть Апостолом сих идолопоклонников; выучился языку Пермскому, изобрел для него новые особенные буквы, числом 24, и перевел на оный главные церковные книги с Славянского [125]; хотел также узнать язык Греческий и долго жил в Ростовском монастыре Св. Григория Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библиотекою. Изготовив себя ко званию народного учителя, он взял благословение от Коломенского Епископа, Герасима, Наместника Митрополии, и Великокняжеские грамоты для своей безопасности; отправился в Пермь, и начал проповедывать Бога истинного людям грубым, невеждам, но добродушным. Они слушали его с изумлением; некоторые крестились охотно; другие, в особенности жрецы или кудесники Пермские, встревоженные сею новостию, говорили: «Как верить человеку, из Москвы пришедшему? Не Россияне ли издревле угнетают Пермь тяжкими данями? [16]* От них ли ждать нам истины и добра? Служа многим богам отечественным, изведанным благодеяниями долговременными, безумно променять их на одного, чуждого и неизвестного. Они посылают нам соболей, куниц и рысей, коими Вельможи Русские украшаются, торгуют и дарят Ханов, Греков и Нем-

цев. Народ! твои учители суть опытные старцы; а сей иноплеменник юн летами, следственно и разумом». Но Стефан под защитою Княжеских грамот, Неба и своей кротости более и более успевал в душеспасительном деле; умножив число новых Христиан до тысячи, он построил церковь близ устья реки Выми и славил Творца вселенныя на языке Пермском; а жители, самые упорные в язычестве, с любопытством смотрели на обряды Христианского богослужения, дивяся красоте храма. Наконец, желая доказать им бессилие идолов, Стефан обратил в пепел одну из их знаменитейших кумирниц. Народ видел и безмолвствовал в ужасе, кудесники вопили, святый муж проповедывал. Тщетно главный волхв, именем Пама, хотел защитить свою Веру: кумиры, разрушенные пламенем, свидетельствовали их ничтожность. Он вызвался пройти невредим сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефан сделал тоже. «Я не повелеваю стихиями, ответствовал смиренный Инок: но Бог Христианский велик: иду с тобою». Пама думал только устрашить его: видя же смелость противника, отказался от испытания, и тем довершил торжество истинной Веры. Убежденные мудрым учением Стефана, жители целыми толпами крестились и вместе с ним сокрушали идолов, в домах, на улицах, дорогах и в рощах, бросая в огонь драгоценные кожи зверей, приносимые в дар сим деревянным богам, и полотняные тонкие пелены, коими их обвивали. Пишут, что главными идолами народа Пермского и Обдорского были *Воипель* и так называемая *Золотая баба*, или каменное изображение старухи с двумя младенцами; что суеверные, убивая лучших своих оленей в честь ее, кровию оных мазали рот и глаза истукану, отвечавшему на вопросы любопытных о тайнах судьбы; что близ того места, в горах, часто раздавался звук, подобный трубному, и проч. Создав еще две церкви, Стефан завел при оных училища, чтобы образовать молодых людей для сана Иерейского, и поехал в Москву требовать учреждения особенной Епископии Пермской. Великий Князь лично знал и любил его: Митрополит Пимен также. Они нашли Стефана достойным Епископского сана, и сей новый Святитель, возвратясь в землю, им просвещенную, заслужил имя отца Пермян: учил, благодетельствовал; во время голода доставлял им хлеб из Вологды, и ездил в Новгород, ходатайствовать за них у Правительства[126]. Одним словом, введение Христианства в сих местах, ут-

вержденного одною Апостольскою проповедию и силою добродетели, было счастливою эпохою для обитателей и в самом их гражданском состоянии: народ благодарный доныне с любовию говорит там о делах своего первого наставника, описанных Иноком Епифанием, учеником Св. Сергия. Употребив всю жизнь на благотворение, Стефан хотел закрыть глаза в Москве, где и преставился в княжение Василия Димитриевича (в 1396 году) с названием Святого; тело его погребено в Кремле, в церкви Преображения.

<Сношения с Грециею>. Между достопамятностями Димитриева времени должно заметить частые путешествия Греческих духовных сановников, особенно из Палестины, в Москву для собрания милостыни. Знаменитейший из них был Иерусалимский Архимандрит Нифонт, который посредством золота, вывезенного им из России, достиг Патриаршества [127]. Утесняемые неверными, Греки пользовались усердием наших предков к Святым Местам, и требуя денег для восстановления храмов разоренных, употребляли оные более на мирские, нежели на церковные нужды.— Вообще Греция, приближаясь к своему конечному падению, и недоброжелательством Рима как бы исключенная из системы Держав Христианских, была в самой тесной связи с единоверною Россиею, которая начинала воскресать в Москве, и хотя не могла защитить Константинополя, но уделяла ему часть своего избытка, посылая дары Императору и Патриарху. Житель Цареградский во глубине нашего Севера, как прежде в Киеве, находил для себя второе отечество, где люди ученые столько любили язык его, что Алексий Метрополит даже в Русских грамотах подписывал имя свое по-Гречески. В Константинополе обитало всегда множество Россиян, привлекаемых купечеством или набожностию, и живших там обыкновенно в монастыре Св. Иоанна Предтечи. <Путешествие Пимена>. Чтобы дать Читателю ясное понятие о тогдашнем пути от Москвы до Царяграда, приведем здесь некоторые места из записок одного Российского духовного сановника, бывшего в Греции вместе с Митрополитом Пименом [128].

«Мы выехали из Москвы — пишет он — 13 Апреля в 1389 году, во Вторник Страстныя недели, и Митрополит велел Епископу Смоленскому, Михаилу, вместе с Архимандритом Спасским Сергием записывать все достопамятности сего путешествия. Пробыв Великую Субботу в Ко-

ломне, отправились мы Окою в день Пасхи к Рязани, где, за несколько верст от Переславля, встретили нас сыновья Олеговы: наконец и сам Князь со всеми Боярами и со крестами. Дружелюбно угостив Пимена, он проводил его из города в Фомино Воскресение; а Воевода Княжеский, Станислав, долженствовал охранять нас в пути до реки Дона: ибо в сих местах бывают частые разбои. За нами везли на колесах три струга с большою лодкою, и в Четверток спустили их на реку Дон. В Пятницу мы приехали к урочищу Кир-Михаилову, где прежде находился город. Тут откланялись Митрополиту Бояре Олеговы и Епископы, Ермий Рязанский, Феодор Ростовский, Евфросин Суздальский, Даниил *Звенигородский*[129]. Исаакий же Черниговский и Михаил Смоленский в Воскресенье сели с Пименом на суда и поплыли вниз рекою Доном.

Не льзя вообразить ничего унылее сего путешествия. Везде голые, необозримые пустыни; нет ни селения, ни людей; одни дикие звери, козы, лоси, волки, медведи, выдры, бобры, смотрят с берега на странников как на редкое явление в сей стране; лебеди, орлы, гуси и журавли непрестанно парили над нами. Там существовали некогда города знаменитые[130]: ныне едва приметны следы их.

В Понедельник миновали мы реку Мечу и Сосну, во Вторник Острую Луку, в Среду Кривый Бор[131], а в шестый день плавания устье Воронежа. 9 Маия встретил нас Князь Юрий Елецкий (потомок Михаила Черниговского) с своими Боярами и со множеством людей. Исполняя данное ему Олегом повеление, он изъявил Митрополиту искреннее дружелюбие и снабдил его всем нужным.

Оттуда приплыли мы к Тихой Сосне, и на ее берегах увидели ряд белых каменных столпов, подобных малым стогам[132]: работа и вид прекрасны!

Оставив за собою реки Червленный Яр, Битюг и Хопер, в пятое Воскресение после Светлого миновали мы устье Медведицы и других рек, а во Вторник *Серклию* (Саркел?) [17]*, город древний, а ныне только развалины[133]. Тут в первый раз на обеих сторонах Дона показались Татары Сарыхозина Улуса и бесчисленное множество их скота, овец, коз, волов, вельблюдов, коней. Мысль, что мы уже вступили в землю сих варваров, приводила нас в трепет; но они не сделали никому обиды, а только спрашивали везде, куда едем, и давали нам молока. Таким образом

проплыв еще мимо Улуса Вулатова и Акбугина, мы на кануне Вознесения достигли Азова, города Фряжского и Немецкого; а в Неделю Святых Отцев перегрузились в корабль на устье Дона». Тут путешественник рассказывает, что Генуэзцы, у коих Пимен (в 1380 году) занимал деньги в Греции на имя Великого Князя, схватили его как неисправного должника и хотели заключить в темницу; однако ж Митрополит откупился серебром, и благополучно отправился в свой путь Азовским и Черным морем.

<Итальянцы в нашей службе>. Осыпая в Москве единоверных Греков благодеяниями, Димитрий привлекал в Россию и других Европейцев.

Между его грамотами находим одну, данную Андрею *Фрязину* (вероятно Генуэзцу) на область Печерскую, бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матфеем Фрязином[134]. В грамоте сказано, чтобы жители ему повиновались, и что он, следуя древним уставам, должен блюсти там общее спокойствие. Димитрий, Глава Новогородцев, имел, как видно, право давать Наместника Печерянам, их подданным. Таким образом Москва и в XIV веке не чуждалась иностранцев, которые могли быть нужны для ее гражданского образования, и мнение, что до времен Иоанна III она не имела никакого сношения с Западом Европы, есть ложное. Азовские и Таврические Генуэзцы служили посредниками между Италиею и нашим Севером.

<Деньги вместо кун>. В государствование Донского Россияне Великого Княжения оставили куны, заменив оные мелкою, серебряною монетою, для коей служила образцем Татарская. Моголы в древнем своем отечестве и в Китае вместо денег употребляли древесную кору и лоскутки кожаные с клеймом Ханским; но в Бухарии и в Капчаке имели собственную серебряную и медную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою*[135]. Россияне сим именем назвали и свою, то есть, серебряную *деньгами*, а медную *пулами*. Последние уже ходили и при отце Донского; а древнейшие из серебряных, доныне нам известных, биты в княжение Димитрия, весом 1/4 золотника, с изображением всадника. В мирном условии Тверского Князя с Димитрием, заключенном в 1375 году, еще упоминается о *резанях* или мелких кунах; но в позднейших договорах цены вещей определяются только *алтынами* и *деньгами* (коих считалось 6 в алтыне).

<Огнестрельное искусство в России>. Последний год Димитриева княжения особенно достопамятен началом огнестрельного искусства в России. Пишут, что Монах Францисканский, Константин Ангклицен или Бартольд Шварц, изобрел порох около половины XIV века, и сообщил сие важное открытие Венециянам, воевавшим тогда с Генуэзцами. Французы в 1338 году уже знали оное, и Король Английский, Эдуард III, в славной битве при Креси (в 1346), разил неприятелей пушками. Вероятно, что Аравитяне еще гораздо ранее употребляли порох. Восточные Историки XIII столетия описывают его действие, и Гренадский Владетель, Абалвалид Исмаил Бен Ассер, в 1312 году имел снаряд огнестрельный. Нет сомнения, что и Монах Рогер Бакон за 100 лет до Бартольда Шварца умел составлять порох: ибо ясно говорит, в своем творении de nullitate Magiae, о свойстве и силе оного. Сказание нашего собственного Летописца, что в 1185 году Князь Половецкий, Кончак, возил с собою Харазского Турка, *стрелявшего живым огнем*, также заставляет думать, что оружие сего человека могло быть огнестрельное. Но в России оно не употреблялось до 1389 года, когда, по известию одной летописи, вывезли к нам из земли Немецкой *арматы* и *стрельбу огненную*, с того времени сведанную Россиянами. Хотя еще в описании Московской осады 1382 года упоминается о *пушках*; но так назывались у нас прежде не нынешние воинские орудия сего имени, а большие самострелы или махины, коими осажденные бросали камни в осаждающих.— При сыне Донского, Василии, уже делали в Москве и порох [136].

<Кометы>. Наконец, описав историю времен Димитрия, прибавим, что Летописцы наши, согласно с другими, говорят о явлении Комет зимою в 1368 и весною в 1382 годах [137]: вторая, по их мнению, предвестила грозное Тохтамышево нашествие. <Зима до 20 Апреля>. Достойно замечания, что в следующий год около Москвы снег лежал целый месяц после Святой Пасхи и люди ездили на санях до 20 Апреля. Разные небесные знамения, чудесные для невежества, также засухи и великие пожары были весьма обыкновенны в государствование Димитрия.

Глава II

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ Г. 1389—1425

Великое Княжение сделалось наследием Владетелей Московских. Характер Аристократии. Договор. Политика Василиева. Брак. Вел. Князь в Орде. Разорение Вятки. Нижний Новгород и Суздаль присоединены к Москве. Дела с Новымгородом. Нашествие Тамерлана. Славная икона Владимирская. Бедствие Азова. Дела Литовские. Взятие Смоленска. Свидание Вел. Князя с Витовтом. Россия Литовская. Дела Новогородские. Происшествия в Орде. Замыслы Витовта. Наши завоевания в Болгарии. Война Витовта 1* с Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверского. Временная независимость Велик. Княжения. Удача и неблагоразумие Князя Смоленского. Политика Витовта. Неудовольствия Новогородцев. Злодейство Князя Смоленского. Разрыв с Литвою. Свидригайло. Войны с Ливониею. Нашествие Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владимира Храброго. Происшествия в Орде. Дела Новогородские. Язва. Голод. Мысль о преставлении света. Кончина и характер Василия. Завещание. Договор с Рязанским Князем. Дары посланные в Грецию. Дочь Василиева за Императором. Дела церковные. Судная грамота. Разные известия. Добродетель супруги Донского.

<Г. 1389. Августа 15. Великое Княжение сделалось наследием Владетелей Московских>. Димитрий оставил Россию готовую снова противоборствовать насилию Ханов: юный сын его, Василий, отложил до времени мысль о независимости, и был возведен на престол в Владимире Послом Царским, Шахматом. Таким образом достоинство Велококняжеское сделалось наследием Владетелей Московских. Уже никто не спорил с ними о сей чести. Хотя Борис Городецкий, старейший из потомков Ярослава II, немедленно по кончине Донского отправился в Сарай; но целию его исканий был единственно Нижний Новгород, отнятый у него племянниками. Тохтамыш, неблагодарно предприяв воевать сильную Империю Тамерланову, велел ему ехать за собою к границам Персии; наконец дозволил остаться в Сарае, и разорив многие города бывшего своего заступника, по возвращении в Улусы отпустил Бориса

в Россию с новою жалованною грамотою на область Нижегородскую [138].

<Характер Аристократии>. Великий Князь, едва вступив в лета юношества, мог править Государством только с помощью Совета: окруженный усердными Боярами и сподвижниками Донского, он заимствовал от них сию осторожность в делах государственных, которая ознаменовала его тридцати-шестилетнее княжение, и которая бывает свойством Аристократии, движимой более заботливыми предвидениями ума, нежели смелыми внушениями великодушия, равно удаленной от слабости и пылких страстей. Опасаясь прав дяди Василиева, Князя Владимира Андреевича, основанных на старейшинстве и на славе воинских подвигов, господствующие Бояре стеснили, кажется, его власть и не хотели дать ему надлежащего участия в правлении: Владимир, ни в чем не нарушив договора, заключенного с Донским — був всегда ревностным стражем отечества, и довольный жребием Князя второстепенного — оскорбился неблагодарностию племянника, и со всеми ближними уехал в Серпухов, свой удельный город, а из Серпухова в Торжек. <Договор>. Сия несчастная ссора, как и бывшая с отцем Василия, скоро прекратилась возобновлением дружественной грамоты 1388 года. Владимир, сверх его прежнего Удела и трети Московских доходов, получил Волок и Ржев: за то обещал повиноваться юному Василию как старейшему, ходить на войну с ним или с полками Великокняжескими, *сидеть в осаде*, где он велит, и проч.; а с Волока платить Ханам 170 рублей в число пяти тысяч Василиевых [139].

Обстоятельство, что Владимир Андреевич во время раздора с племянником жил в области Новогородской, достойно замечания. Владетели Московские, присвоив себе исключительное право на сан Великокняжеский, считали и Новгород наследственным их достоянием, вопреки его древней, основанной на грамотах Ярославовых свободе избирать Князей. <Г. 1390>. От того сыновья Калитины, Симеон, Иоанн, при восшествии на престол были в раздоре с сим гордым народом: Василий также; и Новогородцы охотно дали убежище недовольному Владимиру, чтобы иметь в нем опору на всякой случай; но видя искреннее примирение дяди с племянником, желали и сами участвовать в оном. Дело шло единственно о чести или обряде. «Мы рады повиноваться Князю Московскому, говорили

они: только прежде напишем условия как люди вольные». Сии условия по обыкновению состояли в определении известных прав Княжеских и народных. Василий не захотел спорить, и в присутствии Бояр Новогородских, в Москве, утвердив печатию договорную грамоту, отправил к ним в Наместники Вельможу Московского, Евстафия Сыту [140].— Заметим, что со времен Калиты Новогородцы уже не имели собственных, особенных Князей, повинуясь Великим или Московским, которые управляли ими чрез Наместников: ибо Наримант, Патрикий, Лугвений и другие Князья, Литовские и Российские, с того времени находились у них единственно в качестве Воевод, или частных властителей.

<Политика Василиева>. Три предмета долженствовали быть главными для Политики Государя Московского: надлежало прервать или облегчить цепи, возложенные Ханами на Россию — удержать стремление Литвы на ее владения, усилить Великое Княжение присоединением к оному Уделов независимых. В сих трех отношениях Василий Димитриевич действовал с неусыпным попечением, но держась правил умеренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своим преемникам дальнейшие успехи в славном деле государственного могущества.

<Брак>. На семнадцатом году жизни он сочетался браком с юною Софиею, дочерью Витовта, сына Кестутиева [141]. Изгнанный Ягайлом из отечества, сей витязь жил в Пруссии у Немцев. В одной из летописей сказано, что Василий, в 1386 году бежав из Орды в Молдавию, на пути в Россию был задержан Витовтом в каком-то Немецком городе, и наконец, освобожденный с условием жениться на его дочери, чрез пять лет исполнил сие обещание, согласно с честию и пользою государственною. Уже Витовт славился разумом и мужеством; имел также многих друзей в Литве, и по всем вероятностям не мог быть изгнанником. Василий надеялся приобрести в нем или сильного сподвижника против Ягайла или посредника для мира с Литвою. Бояре Московские, Александр Поле, Белевут, Селиван, ездили за невестою в Пруссию и возвратились чрез Новгород. <Г. 1391. Января 9>. Князь Литовский, Иван Олгимонтович, проводил ее до Москвы, где совершилось брачное торжество к общему удовольствию народа.

<Г. 1392, Июля 16. Вел. Князь в Орде>. Скоро Великий Князь отправился к Хану. За несколько месяцев перед тем Царевич Беткут, посланный Тохтамышем от

берегов Волги и Казанки сквозь дремучие леса к Северу, разорил Вятку, где со времен Андрея Боголюбского обитали Новогородские выходцы в свободе и независимости, торгуя или сражаясь с Чудскими соседственными народами [142]. Слух о благосостоянии сей маленькой Республики вселил в Моголов желание искать там добычи и жертв корыстолюбия. <Разорение Вятки>. Изумленные внезапным их нашествием, жители не могли отстоять городов, основанных среди пустынь и болот в течение двух сот лет: одни погибли от меча, другие навеки лишились вольности, уведенные в плен Беткутом; многие спаслися в густоте лесов, и предприяли отмстить Татарам. Новогородцы, Устюжане соединились с ними, и на больших лодках рекою Вяткою доплыв до Волги, разорили Жукотин, Казань, Болгарские, принадлежащие Ханам города, и пограбили всех купцев, ими встреченных. Однако ж не сии случаи заставили Великого Князя ехать в Орду: намерение его обнаружилось в следствиях, составивших достопамятную эпоху в постепенном возвышении Московского Княжения. Он был принят в Орде с удивительною ласкою. Еще никто из Владетелей Российских не видал там подобной чести. Казалось, что не данник, а друг и союзник посетил Хана. Утвердив Нижегородскую область за Князем Борисом Городецким, Тохтамыш, согласно с мыслями Вельмож своих, не усомнился признать Василия наследственным ее Государем. Великий Князь хотел еще более, и получил все по желанию: Городец, Мещеру, Торусу, Муром. Последние две области были древним Уделом Черниговских Князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамыш, начав гибельную для себя войну с грозным Тамерланом, боялся, чтобы Россияне не пристали к сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарного повелителя Золотой Орды, шел от моря Аральского и Каспийского к пустыням северной Азии. Хотя Летописцы не говорят того, однако ж вероятно, что Василий, требуя милостей Хана, обещал ему не только верность, но и сильное вспоможение: как Глава Князей Российских, он мог ручаться за других, и тем обольстить или успокоить преемника Мамаева: корыстолюбие Вельмож Ординских и богатые дары Василиевы решили всякое сомнение. Уже Тохтамыш двинулся с полками на встречу к неприятелю за Волгу и Яик [143]: Великий Князь спешил

удалиться от кровопролития; а Посол Ханский, Царевич Улан, долженствовал возвести его на престол Нижегородский.

<Октября 26>. Три месяца Василий был в отсутствии: народ Московский праздновал возвращение юного Государя как особенную милость Небесную. <Нижний Новгород и Суздаль присоединены к Москве>. Еще не доехав до столицы, Великий Князь из Коломны отправил Бояр своих с Ханскою грамотою и с Послом Царевым в Нижний, где Князь Борис, недоумевая, что ему делать, собрал Вельмож на совет. Но знатнейший из них, именем Румянец, оказался предателем. Князь хотел затворить ворота городские. «Посол Царев (сказал Румянец) и Бояре Московские едут сюда единственно для утверждения любви и мира с тобою: впусти их и не оскорбляй ложным подозрением. Окруженный нами, верными защитниками, чего можешь страшиться?» Князь согласился, и поздно увидел измену. Бояре Московские, въехав в город, ударили в колокола, собрали жителей, объявили Василия их Государем. Тщетно Борис звал к себе дружину свою. Коварный Румянец ответствовал: «мы уже не твои» — и с другими единомышленниками предал Бориса слугам Великокняжеским[144]. Сам Василий с Боярами старейшими прибыл в Нижний, где учредив новое правление, поручил сию область Наместнику, Димитрию Александровичу Всеволожу. Так рушилось, с своими Уделами, особенное Княжество Суздальское, коего именем долго называлась сильная Держава, основанная Андреем Боголюбским, или все области северо-восточной России между пределами Новогородскими, Смоленскими, Черниговскими и Рязанскими.— Борис чрез два года умер. Его племянники, Василий, прозванием Кирдяпа, и Симеон, бежав в Орду, напрасно искали в ней помощи. Хотя Царевич Эйтяк вместе с Симеоном (в 1399 году) приступал к Нижнему и взял город обманом; но имея у себя едва тысячу воинов, не мог удержать оного[145.2]*. Супруга Симеонова, быв долго под стражею в России, нашла способ уйти в землю Мордовскую, подвластную Татарам, и жила в каком-то селении у Христианской церкви, сооруженной Хивинским Турком Хазибабою: Бояре Великого Князя, посланные с отрядом войска, взяли сию несчастную Княгиню и привезли в Москву. Между тем ее горестный супруг, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лет скитался с Моголами по диким

степям, служил в разные времена четырем Ханам, и наконец прибегнул к милости Великого Князя, который возвратил ему семейство и позволил избрать убежище в России. Симеон, изнуренный печалями, добровольно удалился в независимую область Вятскую, где и скончался чрез пять месяцев (в 1402 году), быв жертвою общей пользы государственной. Старший брат Симеонов, Василий Кирдяпа, умер также в изгнании. Сыновья Василиевы и Борисовы то служили при Дворе Московском, то уходили в Орду; а внук Кирдяпин, Александр Иванович Брюхатый, женился после на дочери Великого Князя, именем Василисе[146].

<Дела с Новымгородом>. Руководствуясь правилами государственного блага, Василий и в других случаях не боялся казаться ни излишно властолюбивым, ни жестоким. Так в следствие вторичного несогласия с Новогородцами, не хотевшими платить ему *черной* или народной дани, изъявил он строгость необыкновенную, хитро соединив выгоды казны своей с честию Главы Духовенства. Митрополит Киприан, бесспорно заступив место умершего в Цареграде Пимена, ездил (в 1392 году) из Москвы в Новгород; с пышными обрядами служил Литургию в Софийском храме; велегласно учил народ с амвона, и две недели пировал у тамошнего Архиепископа, Иоанна, вместе с знаменитейшими чиновниками, которые, в знак особенного уважения, от имени всего города подарили ему несколько дворов. Но сие дружелюбие изменилось, когда Митрополит в собрании граждан объявил, чтобы они, следуя древнему обыкновению, относились к нему в делах судных. Посадник, Тысячский и все ответствовали единодушно: «мы клялися, что не будем зависеть от суда Митрополитов, и написали грамоту». *Дайте мне оную*, сказал Киприан: *я сорву печать, и сниму с вас клятву*. Народ не хотел, и Киприан уехал с великою досадою[147]. Зная, сколь Митрополиты пребыванием своим в Москве способствовали знаменитости ее Князей и нужны для их дальнейших успехов в Единовластии, Василий с жаром вступился за Пастыря Церкви. Посол Великокняжеский представил Новогородцам, что они, с 1386 года платив Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать Митрополита судиею в делах гражданских, или испытают гнев Государев. Новогородцы отвечали, что народная дань издревле шла обыкновенно

в общественную казну, а Князь довольствовался одними пошлинами и дарами; что второе требование Василия, касательно Митрополита, противно их совести[148]. Сей ответ был принят за объявление войны. <Г. 1393>. Полки Московские, Коломенские, Звенигородские, Дмитровские, предводимые дядею Великого Князя, Владимиром Андреевичем Храбрым, и сыном Донского, Юрием, взяли Торжек и множество пленников в областях Новагорода, куда сельские жители с имением, с детьми бежали от меча и неволи. Уже рать Московская, совершив месть, возвратилась, когда Василий узнал, что Торжек, оставленный без войска, бунтует, и что ревностный доброхот Великокняжеский, именем Максим, убит друзьями Новогородского Правительства. Тут он решился неслыханною у нас дотоле казнию устрашить мятежников: велел Боярам снова итти с полками в Торжек, изыскать виновников убийства и представить в Москву. Привели семдесят человек. Народ собрался на площади и был свидетелем зрелища ужасного. Осужденные на смерть, сии преступники исходили кровию в муках: им медленно отсекали руки, ноги, и твердили, что так гибнут враги Государя Московского!... Василий еще не имел и двадцати лет от рождения: действуя в сем случае, равно как и в других, по совету Бояр, он хотел страхом возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вместе с Государством от разновластия.— Новогородцы с своей стороны искали себе удовлетворения в разбоях: взяли Кличен, Устюжну; сожгли Устюг, Белозерск, не щадя и святых храмов, обдирая иконы и книги церковные: пытали богатых людей, чтобы узнать, где скрыты их сокровища; пленяли граждан, земледельцев, и наполнив добычею множество лодок, отправили все вниз по Двине. Два Князя предводительствовали сими хищниками: Роман Литовский и Константин Иоаннович Белозерский, коего отец и дед пали в славной Донской битве[149]. Сей юный Князь, не захотев быть подручником Государя Московского, вступил в службу Новагорода, его неприятеля. Но война не продолжилась; ибо Новогородцы, изведав твердый характер Василия, разочли, что лучше уступить ему требуемую им дань, нежели отказаться от купеческих связей с Московскими владениями и подвергать опасностям свою торговлю Двинскую, которой он, господствуя над Устюгом и Белымозером, легко мог препятствовать[3*]: обстоятельство всегда решительное в их

ссорах с Великими Князьями. Надлежало удовольствовать и Митрополита, тем необходимее, что Патриарх Константинопольский, Антоний, взял его сторону и велел им сказать: «повинуйтеся во всем Главе Церкви Российской». И так они прислали знатнейших людей в Москву умилостивить Государя смиренными извинениями и вручить Киприану судную грамоту. Митрополит благословил их, а Великий Князь отправил Бояр в Новгород для утверждения мира. С ними ездил и Посол Митрополитов, коему чиновники и народ дали там 350 рублей в знак дружелюбия.

<Нашествие Тамерлана>. В то время, когда юный Василий, приобретениями и строгостию утверждая свое могущество, с радостию взирал издали на внешние и внутренние опасности Капчакской ненавистной Орды,— в то самое время он увидел новую тучу варваров, готовую истребить счастливое творение Иоанна Калиты, Героя Донского и его собственное, то есть, вторично обратить Россию в кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерлане, Тимуре или Темир-Аксаке[150]: будучи сыном одного ничтожного Князька в Империи Чагатайских Моголов, и рожденный во дни ее падения, когда безначалие, раздоры, властолюбие Эмиров предали оную в жертву *-Хану Кашгарскому и Гетам или Калмыкам, он в первом цвете юности замыслил избавить отечество от неволи,— восстановить величие оного, наконец покорить -* вселенную и громом славы жить в памяти веков. Вздумал и совершил. Явление сих исполинов в мире, безжалостно убивающих миллионы, ненасытимых истреблением, и разрушающих древние здания гражданских обществ для основания новых, ничем не лучших, есть тайна Провидения. Движимые внутренним беспокойством духа, они стремятся от трудного к труднейшему, губят людей и в награду от них требуют себе названия Великих. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: под защитою гор и пустынь собирая верных товарищей, приучая их и себя к воинской доблести, неутомимо тревожа Гетов, он бесчисленными успехами купил славу Героя. Враги побежденные удалились; Держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить врагов внутренних, Эмиров властолюбивых, и самого бывшего друга и главного сподвижника, Гуссеина: они погибли, и народный сейм единодушно возгласил Тимура, на тридцать-пятом году его жизни, Монархом Чагатайской Державы и Сагеб-

Керемом или *владыкою мира*. Сидя в златом венце на престоле сына Чингисханова, опоясанный Царским поясом, осыпанный, по Восточному обыкновению, золотом и каменьями драгоценными, Тимур клялся Эмирам, стоящим пред ним на коленах, оправдать делами свое новое достоинство и победить всех Царей земли. Боясь казаться народу хищником, сей лукавый властолюбец жаловал потомков Чингисовых в Великие Ханы, держал их при себе и повелевал будто бы только именем сих законных Государей Могольских. Война следовала за войною, и каждая была завоеванием. В 1352 году, за семь лет до его восшествия на престол Чагатайский, укрываясь в пустынях от неприятелей, он не имел в мире ничего, кроме одного тощего коня и дряхлого вельблюда; а чрез несколько лет сделался Монархом двадцати-шести Держав в трех частях мира. Овладев восточными берегами моря Каспийского, устремился на Персию, или древний Иран, где, между реками Оксом и Тигром, долго царствовал род Чингисов, но тогда, вместо Монарха, господствовали многие Князья слабые: одни смиренно облобызали ковер Тимурова престола; другие сражались и гибли. Богатый Ормус заплатил ему дань золотом: Багдад, некогда столица великих Калифов, покорился. Уже вся Азия от моря Аральского до Персидского залива, от Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравии, признавала Тимура своим повелителем, когда он, собрав Эмиров, сказал им: «Друзья и сподвижники! счастие, благоприятствуя мне, зовет нас к новым победам. Имя мое привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю землю. Царства Индии нам отверсты: сокрушу, что дерзнет противиться, и буду владыкою оных» [151]. Эмиры изумились: цепи гор высоких, глубокие реки, пустыни, огромные слоны и миллионы воинственных жителей устрашали их воображение. Но Тимур, уверенный в своем счастии, шел смело по следам Героя Македонского в сию цветущую страну мира, где История полагает колыбель человеческого рода, и куда искони стремились завоеватели, от Вакха до Семирамиды, от Сезостриса до Александра Великого; в страну славнейшую древностию преданий, но менее других известную по летописям. Тимур перешел Инд, взял Дели (где уже более трех веков властвовали султаны Магометанской Веры) и на берегах Гангеса истребив множество Гебров огнепоклонников, остановился у той славной скалы, которая, имея вид телицы, извергает

из недр своих сию знаменитую в баснословии Востока реку. Там сведал он о бунте Христиан Грузинских, о блестящих успехах Баязетова оружия, и возвратился; смирил первых, не взирая на их неприступные горы, и не терпя равного себе в воинской славе, хотел, чтобы Султан Турецкий удержал быстрое стремление своих завоеваний, которые в окрестностях Евфрата сближались с Могольскими. «Знай — писал он к Баязету [152] — что мои воинства покрывают землю от одного моря до другого; что Цари служат мне телохранителями и стоят рядами пред шатром моим; что судьба у меня в руках и счастие всегда со мною. Кто ты? муравей Туркоманский: дерзнешь ли восстать на слона? Если ты в лесах Анатолии одержал несколько побед ничтожных; если робкие Европейцы обратили тыл пред тобою: славь Магомета, а не храбрость свою.... Внемли совету благоразумия: останься в пределах отеческих, как они ни тесны; не выступай из оных, или погибнешь». Гордый Баязет ответствовал равнодушно: «Давно желаю воевать с тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на меч мой!» Баязет имел время изготовиться к сей войне: ибо враг его, раздраженный тогда Султаном Египетским, устремился к Средиземному морю. Сирия, Египет, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завоеванием лестным. Разбив Мамелюков под стенами Алепа, в тот самый час, когда свирепые Моголы лили кровь единоверцев в сем городе, Тимур спокойно беседовал с учеными мужами Алепскими и красноречиво доказывал им, что он друг Божий; что одни упрямые враги его будут ответствовать Небу за претерпеваемые ими бедствия. Сей хитрый лицемер действительно при всяком случае изъявлял набожность, пред битвами обыкновенно совершал молитву на коленах, за победы торжественно благодарил Всевышнего, и на пути к Дамаску, где надлежало ему сразиться с войском Египетским, остановил многочисленные полки свои, чтобы в глазах их смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для Мусульманов. Султан Египетский, Фаруч, заключил в темницу Послов Могольских: Тимур писал к нему: «Великие завоеватели собирают воинства, ищут опасностей и битв единственно для чести и памяти бессмертной. Сей грозный шум ополчений, где миллионы людей бывают в движении, производим любовию ко славе, а не к стяжанию: ибо человек может насытиться в день одною половиною

хлеба. Ты дерзнул оскорбить меня: если бы камни говорить могли, они научили бы тебя осторожности». Победив Фаруча, он с ласкою угостил в шатре своем ученого Кади Веледдина, присланного жителями Дамаска умилостивить его; говорил с ним об истории народов (ибо все происшествия мира, Востока и Запада, по словам современного Арабского Писателя, были ему известны); хвалил Государей милосердых, и так мало заботился о снискании сей добродетели, что оставил в Дамаске одни кучи пепла. Нигде Татары не находили столько богатства, золота и всяких драгоценностей, как в сем городе, где шесть веков цвела торговля.— Скоро решилась и судьба Баязетова. Страшные Янычары уступили превосходному числу, мужеству или счастию Моголов. Пленив Баязета, Тимур обнял его, посадил на ковре Царском рядом с собою и старался утешить рассуждениями о тленности мирского величия: отняв у него корону, подарил ему одежду драгоценную, и хвастовством великодушия еще более, нежели своею победою, унизил сего бывшего знаменитого Монарха.— Обложив данию Султана Мамелюков, Османов, Императора Греческого; властвуя от моря Каспийского и Средиземного до Нила и Гангеса, Тимур жил в Самарканде и называл себя Главою лучшей половины мира. В сию столицу возвращался он после всякого завоевания, наслаждаться кратковременным отдохновением; украшал великолепно мечети, разводил сады, и желая слыть благотворителем людей, соединял каналами реки, строил новые города, в надежде, что слабые умы, ослепляемые призраками лицемерных государственных добродетелей, простят ему множество разрушенных им городов древних, убиение миллионов и высокие пирамиды голов человеческих, коими его Моголы знаменовали свои победы на месте кровопролития, на пепелищах Дели, Багдада, Дамаска, Смирны.

Еще Тимур не совершил всех описанных нами завоеваний, когда, оскорбленный неблагодарностию Тохтамыша, он в первый раз приближился к границам России. Войско его шло от Самарканда и реки Сигона через Ташкент, Ясси или Туркестан, за коим уже начиналось владение Капчакской Орды, в нынешних степях Киргизских. Стоя на высоком холме, Тимур, долго с удивлением смотрел на их необозримые, гладкие равнины, подобные морю, и велел тут, в память векам, соорудить высокую каменную

пирамиду с означением Эгиры и дня, когда он вступил в сии ужасные пустыни. Четыре месяца шли Татары к Северу, питаясь наиболее мясом диких коз, сайгаков, птичьими яицами и травою. Звериная ловля представляла в сих пустынях зрелище шумной войны. Рассыпаясь на великом пространстве, Моголы составляли круг и гнали зверей прямо к ставке Императорской при звуке оружия и труб. Тимур выезжал на коне, и встречая целые стада всякого рода животных, стрелял любых; наконец, утомленный охотою, входил в шатер свой обедать. Тогда воины бросались на зверей, убивали всех без остатка, разводили бесчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для них в сих безводных местах самым счастливейшим открытием.— Достигнув пятидесятого Градуса Широты, между реками Эмбою и Тоболом, войско остановилось. Тимур в богатой одежде и в Царском венце сел на коня; имея в руке златую державу, объехал все полки, и довольный их исправностию, вооружением, бодрым духом, велел итти далее, к берегам Урала. Там показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей Хан презрел совет умных Вельмож, которые говорили ему, что страшно быть врагом счастливого: ненавидя в Тимуре хищника власти, принадлежащей потомкам Чингисхановым, он грозился свергнуть его с трона. Ежедневные сшибки передовых отрядов заключились кровопролитным сражением в степях Астраханской Губернии: разбитый Тохтамыш бежал за Волгу; а Тимур на ее берегах великолепно праздновал свою победу, среди обширного луга, где прекрасные невольницы разносили яства в золотых и серебряных чашах; окруженный своими женами, он сидел на престоле Капчакском и с удовольствием внимал песням, коими стихотворцы Могольские славили сей блестящий успех его оружия, и которые были названы *Фатенамей Капчак*, или *торжеством Капчакским*; двадцать-шесть дней Эмиры и воины пировали, наслаждаясь всеми утехами роскоши. Но Тимур не хотел быть долее в сей завоеванной им стране, и тем же путем, чрез 11 месяцев, возвратился в Самарканд.

Прошло около трех лет. Тохтамыш, оставленный в покое неприятелем, снова господствовал над Ордою Капчакскою, и снова послал войско разорять северную Персию. «Во имя всемогущего Бога — писал к нему Тамерлан — спрашиваю, с каким намерением ты, Хан Капчакский,

управляемый Демоном гордости, выступаешь из своих пределов? Разве забыл ты последнюю войну, когда рука моя обратила в прах твои силы, богатства и владения? Неблагодарный! вспомни, сколь некогда оказал я тебе милостей! Еще можешь раскаяться. Хочешь ли мира? хочешь ли войны? избирай; мне все едино. Но самая глубина морская не скроет врага от нашей мести». Тохтамыш хотел войны, и расположился станом на берегу Терека: ибо Монарх Чагатайский был уже в Дербенте. <Г. 1395>. Между Тереком и Курою, близ нынешнего Екатеринограда, произошло славное в Восточных летописях кровопролитие. Потомки Чингисхановы сражались между собою в ужасном остервенении злобы, и гибли тмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замешались; но сей свирепый Герой, рожденный быть счастливым, умел твердостию исторгнуть победу из рук Тохтамышевых: окруженный врагами, изломав копие свое, уже не имея ни одной стрелы в колчане, хладнокровно давал Вождям повеление сломить густые толпы неприятельские. Стрелки его, чтобы остаться неподвижными, целыми рядами бросались на колена, и левое крыло шло вперед. Еще Хан Золотой Орды мог бы новым усилием решить битву в свою пользу; но прежде времени ослабев духом, бежал. Тамерлан гнался за ним до Волги, где, объявив Койричака Аглена, сына Урусова, Властителем Орды Капчакской, надел на него венец Царский [153].

Сии удары, нанесенные Моголами Моголам, изнурили силы Волжских и долженствовали веселить Россиян мыслию о близкой счастливой свободе отечества. Надеялись, что Тамерлан, сокрушив неприятеля, вторично отступит к границам своей Империи, и что внутренние междоусобия Орды Капчакской довершат ее гибель. Но грозный завоеватель Востока в след за бегущим Тохтамышем устремился к Северу; перешел Волгу, степи Саратовские, и вступив в наши юго-восточные пределы, взял Елец, где господствовал Князь Феодор, отрасль Карачевских Владетелей и данник Олега Рязанского [154]. Весть о нашествии сего нового Батыя привела в ужас всю Россию. Ожидали такого же общего разрушения, какое за 160 лет перед тем было жребием Государства нашего; рассказывали друг другу о чудесных завоеваниях, о свирепости и несметных полках Тамерлановых; молились в церквах и готовились к Христианской смерти, без надежды отразить силу силою.

Но Великий Князь бодрствовал в Совете Бояр мудрых, и в сие решительное время явил себя достойным сыном Димитрия: не устрашился ни славы Тамерлана, ни четырех сот тысяч Моголов, которые, по слуху, шли под его знаменами; велел немедленно собираться войску и сам принял начальство, в первый раз украсив юношеское чело свое шлемом бранным и напомнив Москвитянам те незабвенные дни, когда Герой Донский ополчался на Мамая. Уже многие из Воевод Димитриевых скончали жизнь; другие, служив отцу, хотели служить и сыну; старцы сели на коней и явились пред полками в доспехах, обагренных кровию Татарскою на Куликове поле. Народ ободрился: войско шло охотно, тем же путем, которым вел оное Донский против Мамая, и Великий Князь, поручив Москву дяде своему, Владимиру Андреевичу, стал за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встретить неприятеля.

<Славная икона Владимирская>. Между тем все церкви Московские были отверсты с утра до глубокой ночи. Народ лил слезы пред олтарями и постился. Митрополит учил его и Вельмож Христианским добродетелям, торжествующим в бедствиях. Но слабые трепетали. Желая успокоить граждан любезной ему столицы, Великий Князь писал к Митрополиту из Коломны, чтобы он послал в Владимир за иконою Девы Марии, с коею Андрей Боголюбский переехал туда из Вышегорода и победил Болгаров. Сие достопамятное пренесение славного в России Образа [5*] из древней в ее новую столицу было зрелищем умилительным: бесчисленное множество людей на обеих сторонах дороги преклоняло колена, с усердием и слезами взывая: *Матерь Божия! спаси Землю Русскую!* Жители Владимирские провождали икону [6*] с горестию: Московские приняли с восхищением, как залог мира и благоденствия. Митрополит Киприан, Епископы и все Духовенство в ризах служебных, с крестами и кадилами; за ними Владимир Андреевич Храбрый, семейство Великокняжеское, Бояре и народ встретили святыню вне града на *Кучкове поле*, где ныне монастырь Сретенский; увидев оную вдали, пали ниц, и в радостном предчувствии уже *благодарили* Небо [155]. Поставили образ [7*] в Соборном храме Успения и спокойнее ждали вестей от Великого Князя.

Тамерлан, пленив Владетеля Елецкого со всеми его Боярами, двинулся к верьховью Дона и шел берегами сей реки, опустошая селения. Знаменитый Персидский Исто-

рик сего времени, Шерефеддин, любя хвалить добродетели своего Героя, признается, что Тамерлан, подобно Батыю, усыпал трупами поля в России, убивая не воинов, а только людей безоружных. <Августа 26>. Казалось, что он хотел итти к Москве; но вдруг остановился, и целые две недели быв неподвижен, обратил свои знамена к Югу и вышел из Российских владений. Без сомнения не одно смелое, великодушное ополчение Князя Московского произвело сие удивительное для современников действие: надлежит искать и других причин вероятных. Хотя Историки Восточные повествуют, что Моголы Чагатайские обогатились у нас несметною добычею, и навьючили вельблюдов слитками золота, серебра, мехами драгоценными, кусками *тонкого полотна Антиохийского* и *Русского*[156]; однако ж вероятнее, что сокровища, найденные ими в Ельце и в некоторых городках Рязанских, не удовлетворяли их корыстолюбию и не могли наградить за труды похода в земле северной, большею частию лесистой, скудной паствами и в особенности теми изящными произведениями человеческого ремесла, коих употребление и цену сведали Татары в образованных странах Азии. Наступала дождливая осень: с людьми обыкшими кочевать в местах плодоносных и теплых благоразумно ли было итти далее к Северу, чтобы встретить зиму со всеми ее жестокостями? И путь к Москве надлежало еще открыть битвою с войском довольно многочисленным, которое умело победить Мамая. Завоевание Индии, Сирии, Египта, богатых Природою[8*] и торговлею, славных в Истории мира, пленяло воображение Тамерлана: Россия, к счастию, не имела для него сей прелести. Он спешил удалиться от непогод осенних, и по течению Дона спустился к его устью.

Сия весть радостно изумила наше войско. Никто не думал гнаться за врагом, который, еще не видав знамен Великого Князя, не слыхав звука воинских труб его, как бы в смятении бежал к Азову. Юный Государь мог бы приписать спасение отечества великодушной своей твердости, но вместе с народом приписал оное силе сверхъестественной, и возвратясь в Москву, соорудил каменный храм Богоматери с монастырем на древнем *Кучкове поле*[157]: ибо, как пишут современники, Тамерлан отступил в самый тот день и час, когда жители Московские на сем месте встретили Владимирскую икону. Оттоле Церковь наша торжествует праздник Сретения Богоматери 26 Августа, в па-

мять векам, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россию от ужаснейшего из всех завоевателей.

<Бедствие Азова>. Что Тамерлан готовил Москве, то испытал несчастный Азов, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное Посольство, составленное из купцев Египетских, Венециянских, Генуэзских, Каталонских и Бискайских, встретило Монарха Чагатайского на берегу Дона с дарами и ласками. Он успокоил их на словах, и в тоже время велев одному из Эмиров осмотреть городские укрепления, внезапно приступил к оным. Азов и богатства его исчезли. Ограбив лавки и домы, умертвив или оковав цепями всех тамошних Христиан, которые не успели спастися бегством на суда, Моголы обратили город в пепел [158].— Завоевав землю Черкесскую и Ясскую, взяв самые неприступные крепости в Грузии, Тамерлан у подошвы Кавказа дал праздник войску. В огромном шатре, окруженном блестящими столпами, среди Вельмож и Полководцев, он сидел на золотом троне, украшенном драгоценными каменьями, и при звуке шумных мусикийских орудий пил Грузинское вино, желая здравия и дальнейших побед своим неутомимым сподвижникам. Уведомленный о непокорстве жителей Астраханских, Тамерлан, презирая холод зимний и глубокий снег, пошел к сему городу, укрепленному, сверх каменных, *ледяными стенами*; срыл его до основания; разрушил огнем и столицу Ханскую, Сарай; наконец удалился к границам своей Империи, предав, как он сказал, Державу Батыеву *губительному ветру истребления*. Орда Капчакская находилась тогда в жалостном состоянии: утратив бесчисленное множество людей в битвах с Моголами Чагатайскими, она была еще феатром кровопролитных междоусобий. Три Хана спорили о господстве над нею: Тохтамыш, Койричак и Тимур Кутлук [159]. Сей последний, будучи также рода Батыева, и служив Тамерлану, в противность его воле остался в степях Капчакских, набирал войско и величал себя истинным Царем Ординским.

<Дела Литовские>. Сии происшествия, благоприятные для России, успокоив Великого Князя в рассуждении Моголов, позволили ему обратить внимание на Литву, которою несколько лет управлял Скиригайло, Наместник своего брата, Короля Польского. Но с 1392 года там уже властвовал независимо тесть Василиев, Витовт Александр, в следствие мира и договора с Королем Ягайлом,

уступившим ему и Волынию с Брестом. Одаренный от природы умом хитрым, Витовт пылал властолюбием, и приняв от Немцев Веру Христианскую, сохранил в душе всю жестокость язычника[160]; не только, подобно другим завоевателям, равнодушно жертвовал в битвах бесчисленным множеством людей для приобретения новых земель, но смело нарушал и все святейшие уставы нравственности: играл клятвами, изменял; безжалостно лил кровь своих ближних; умертвил трех сыновей Ольгердовых: Вигунта Кревского отравил ядом; Нариманта повесил на дереве и расстрелял; Коригайлу отсек голову. В Новегороде Северском господствовал их брат, Корибут: Витовт пленил его, и выгнав Владимира Ольгердовича из Киева, отдал нашу древнюю столицу Скиригайлу, который, подобно Владимиру исповедывал Веру Греческую, был щедр к народу, но свиреп нравом, любил вино до крайности и жил не долго. Единственно ли по личной ненависти, или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себе Киев, Архимандрит монастыря Печерского зазвал Скиригайла в гости, напоил, и дал ему отраву, столь явно, что весь город знал причину его смерти[161]. Народ жалел об нем: следственно не имел участия в злодействе; а Витовт прислав туда Князя Иоанна Ольшанского в качестве своего Наместника, не думал о наказании сего злодейства, и тем как бы объявил себя тайным совиновником оного. Скоро присоединил он к Литовской Державе и всю Подолию, где княжил внук Феодора Кориятовича, именем также Феодор, присяжник Ягайлов[162]. Слабый Король Польский не дерзал ни в чем противиться мужественному, решительному сыну Кестутиеву, и даже предавал ему единокровных братьев. Вдовствующая супруга Ольгердова, Иулиания, скончала дни свои в Витебске, и меньший сын ее, Свидригайло, заняв сей город силою, велел тамошнего Наместника Королевского сбросить с высокой стены: оскорбленный тем Ягайло молил Витовта о мести. Она совершилась, но только в пользу Государя Литовского, который, [9]*-завоевав Друцк, Оршу-[9]* и Витебск *с помощию огнестрельного снаряда*, отправил к Королю плененного им Свидригайла, а владение его [10]*-взял себе-[10]*. Кроме Литвы, господствуя в лучших областях древней России, Витовт хотел похитить и самый остаток ее достояния.

Князь Смоленский, Юрий Святославич, шурин сего Князя, служил ему при осаде Витебска, как данник Лит-

вы[163]; но Витовт, желая совершенно покорить сие Княжение, собрал войско многочисленное, и распустив слух, что идет на Тамерлана, вдруг явился под стенами Смоленска, где Юриевы братья ссорились друг с другом об Уделах; сам Юрий находился тогда в Рязани у тестя своего, Олега. Глеб Святославич, старший из братьев, приехал с Боярами в стан Литовский: Витовт, обласкав его как друга, сказал, что слыша о раздоре Князей Смоленских, желает быть посредником между ими и за каждым утвердить наследственную собственность. Легковерные Святославичи спешили к нему с дарами, провождаемые всеми знатнейшими Боярами, так, что в крепости не оставалось ни одного Воеводы, ни стражи. Ворота городские были отворены; народ, в след за Князьями, стремился толпами видеть Героя Литовского, готового бороться с великим Тамерланом. Но как скоро несчастные Князья вступили в шатер Витовтов, сей коварный объявил их своими пленниками; велел зажечь предместие, и в ту же минуту устремился на город. <Взятие Смоленска>. Никто не противился: Литовцы грабили, пленяли жителей, и взяв[11*] крепость, провозгласили Витовта Государем сей области Российской. Народ был в изумлении[164]. Отправив Князей Смоленских в Литву, а Глебу Святославичу дав в Удел местечко Полонное, Витовт старался утвердить за собою столь важное приобретение: жил несколько месяцев в Смоленске; поручил его Наместнику, Князю Литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожил легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался с Великим Князем.

<Г. 1396. Свидание Вел. Князя с Витовтом>. Нет сомнения, что Василий Димитриевич с прискорбием видел сие новое похищение Российского достояния, и не мог быть ослеплен ласками тестя; но ему казалось благоразумнее соблюсти до времени приязнь его и целость хотя Московского Княжества, нежели подвергнуть гибели сию единственную надежду отечества, войною с Государем сильным, мужественным, алчным ко славе и к приобретениям. Василий осторожный, рассмотрительный, имел отважность, но только в случае необходимости, когда слабость и нерешительность ведут к явному бедствию; он сразился бы с Тамерланом, сокрушителем Империй: но с Витовтом еще можно было хитрить, и Великий Князь сам поехал к нему в Смоленск, где, среди веселых пиров на-

ружного дружелюбия, они утвердили границы своих владений. <Россия Литовская>. В сие время уже почти вся древняя земля Вятичей (нынешняя Орловская Губерния с частию Калужской и Тульской) принадлежала Литве: [12]*–Карачев, Мценск–[12]*, Белев, с другими удельными городами Князей Черниговских, потомков Святого Михаила, которые волею и неволею поддалися [13]* Витовту [165]. Захватив Ржев и Великие Луки, властвуя от границ Псковских с одной стороны до Галиции и Молдавии, а с другой до берегов Оки, до Курска, Сулы и Днепра, сын Кестутиев был Монархом всей южной России, оставляя Василию бедный Север, так, что Можайск, Боровск, Калуга, Алексин, уже граничили с Литовским владением.— Дела Ординские были также предметом совещания сих двух Государей, из коих один мыслил только избавиться от ига, а другой возложить оное на самих Ханов, или столь обессилить их, чтобы они ни в каком случае не могли быть опасны для его областей полуденных.— Вместе с Великим Князем находился в Смоленске Митрополит Киприан, ходатайствуя за пользу нашей Церкви или собственную. Дав слово не притеснять Веры Греческой, Витовт оставил Киприана Главою Духовенства в подвластной ему России, и Митрополит, поехав в Киев, жил там 18 месяцев [166].

Вероятно, что Великий Князь взял обещание с тестя своего не беспокоить и пределов Рязанских; по крайней мере, сведав, что Олег сам вошел в Литовские границы и начал осаду Любутска (близ Калуги), Василий послал туда Боярина, представить ему, сколь безрассудно оскорблять сильного. Олег возвратился; но Витовт уже хотел мести: вступил в его землю [167]; истребил множество людей; заставив Олега укрыться в лесах, вышел с добычею и пленом. Сие действие не нарушило доброго согласия между им и Василием Димитриевичем. Обагренный кровию бедных Рязанцев, он заехал в Коломну видеться с Великим Князем и весело праздновал там несколько дней, осыпаемый ласками и дарами.

<Дела Новогородские>. Непосредственным, явным следствием сего вторичного свидания было общее их Посольство [14]* к Новогородцам с требованием, чтобы они прервали дружескую связь с Немцами, врагами Литвы. Витовт с неудовольствием видел также, что сын убитого им Нариманта Ольгердовича, Патрикий, и Князь Смоленский,

Василий Иоаннович, нашли в Новегороде убежище от его насилия; а Великий Князь мог досадовать на чиновников Новогородских за то, что они, в противность договору, опять не хотели зависеть в судных делах от Митрополита. Киприан, вторично быв у них в 1395 году вместе с Послом Константинопольского Патриарха, бесполезно доказывал им, сколь такое нарушение обета несогласно с доброю совестию и с честию. Впрочем, смягченный[15*] дарами жителей, выехал оттуда мирно, благословив Архиепископа и народ[168]. Имел ли Василий Димитриевич какую нибудь досаду на Ливонских Немцев, требуя от Новагорода разрыва с ними, или желал сего единственно в угодность тестю, неизвестно: вероятнее, что он только искал предлога для исполнения своих замыслов, которые обнаружились в последствии. Новогородцы с удивлением выслушали Посольство[16*] Московское и Витовтово. Быв семь лет в вражде с Немцами по делам купеческим, они в 1391 году примирились торжественно на общем съезде в Изборске, где находились Депутаты Любека, Готландии, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду в свободной торговле, условились предать вечному забвению взаимные обиды, и Немцы, приехав в Новгород, восстановили там свою Контору, церковь и дворы[169]. Сия торговля процветала тогда более, нежели когда нибудь; из самых отдаленных мест Германии купцы ежегодно являлись на берегах Волхова со всеми ремесленными произведениями Европы; и Новогородцы, ни мало не расположенные исполнить волю Государя Московского, еще менее Витовтову, ответствовали: «Господин Князь Великий! у нас с тобою мир, с Витовтом мир и с Немцами мир»; не хотели слушать угроз, но с честию отпустили Послов назад.

Великий Князь — чаятельно, предвидев сей отказ — немедленно *объявил гнев*, то есть войну Новугороду, и спешил воспользоваться ее правом. Земля Двинская издавна имела богатую торговлю, получая так называемое серебро *Закамское* и лучшие меха с границ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, в особенности птицеловством, для коего Великие Князья, в силу договоров с Новымгородом, ежегодно отправляли туда *сокольников*, предписывая в грамотах земскому начальству давать им подводы и корм[170]. Еще Иоанн Калита замышлял овладеть совершенно Двинскою землею: правнук его желал исполнить сие намерение, и сделал то без всякого

кровопролития. <Г. 1397>. Не редко утесняемые Новогородским корыстолюбивым Правительством, Двиняне дружелюбно встретили рать Московскую, охотно поддалися Василию Димитриевичу, и приняли от него Наместника, Князя Феодора Ростовского. Самые Воеводы Новогородские, там бывшие, в следствие тайных сношений с Москвою, объявили себя верными слугами Великого Князя, который в сие время занял Торжек, Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вместе с Заволочьем они лишались способа не только иметь из первых рук важные произведения климатов Сибирских, но и выгодно торговать с Немцами, которые всего более искали у них мехов драгоценных. Архиепископ Новогородский Иоанн, Посадник Богдан и знаменитейшие чиновники спешили в Москву; но Великий Князь, лично оказав им ласку, не хотел слышать о возвращении Двинской земли.

<Г. 1398>. Тогда отчаяние пробудило воинственный дух в Новогородцах. Они собралися на Вече и требовали благословения от Архиепископа, сказав ему: «Когда Великий Князь изменою и насилием берет достояние Святыя София и Великого Новагорода, мы готовы умереть за правду и за нашего *Господина, за Великий Новгород*». Архиепископ благословил их, и все граждане дали клятву быть единодушными. Посадник Тимофей Юрьевич, предводительствуя осмью тысячами воинов, обратил в пепел *старый* Белозерск, а жители *нового* откупились шестидесятью рублями. Князья Белозерские и Воеводы Московские, там бывшие, приехали в стан Новогородский с изъявлением покорности. Разорив богатые волости Кубенские близ Вологды, Новогородцы три недели без успеха осаждали Гледен, сожгли посады Устюга, даже Соборную в нем церковь, и взяв там славную чудотворную икону Богоматери, в насмешку именовали ее своею пленницею [171]. Войско их разделилось: 3000 пошли к Галичу грабить и пленять людей; 5000, вступив в Двинскую землю, осадили крепость Орлец, где заключился Наместник Великокняжеский с Двинскими Новогородскими Воеводами, которые передались к Государю Московскому. Нападали и оборонялись с равным усилием близ месяца; наконец осажденные принуждены были сдаться: чем решилась судьба всех Двинских областей. Посадник Тимофей Юрьевич в одной руке держал меч казни для изменников, в другой милостивую

грамоту для жителей, готовых раскаяться в вине своей: толпами стекаясь к его знаменам, они смиренно *били челом*, в надежде на милосердие Великого Новагорода. Посадник оковал цепями главного Двинского Воеводу, Новогородского Боярина Иоанна с братьями, Айфалом, Герасимом и Родионом; Великокняжеского Наместника, Феодора Ростовского, отняв у него казну, отпустил к Государю со всеми людьми воинскими; обложил Московских купцев тремя стами рублей, а Двинских жителей двумя тысячами; взял у них еще 3000 коней, и возвратился с торжеством в Новгород. Окованные изменники были представлены народу: Иоанна скинули с моста в Волхов; братья его, Герасим и Родион, постриглись в Монахи, с дозволения Архиепископа и граждан; Айфал ушел с дороги.— Зная меру сил своих, и ни мало не ослепленные удачею мести, Новогородцы предложили мир Великому Князю. Посадник Иосиф и Тысячский явились во дворце его с дарами и с видом хитрого смирения; не могли обольстить Государя проницательного, но успели во всем: ибо Василий знал, что Новогородцы в то же время имели сношения с Витовтом, предлагая ему на некоторых условиях быть их Главою и покровителем[172]. Великий Князь не сомневался, что они могли действительно, в случае крайности, приступить к Литве, и скрыв внутреннюю досаду, отказался от Двинской земли, Вологды и других владений Новогородских; дал им мир и послал брата своего, Андрея, для исполнения всех условий оного. <Г. 1399>. Тогда Витовт, считая себя осмеянным, немедленно отослал к Новогородцам мирный договор, заключенный с ними в самый первый год восшествия его на престол Литовский. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявлением войны и называлось посылкою *разметных грамот*. Но Витовт отсрочил сию войну, занимаясь приготовлениями к другой, важнейшей.

<Происшествия в Орде>. Тохтамыш, по отшествии Тамерлана, собрал новые силы: еще большая часть Орды признавала его своим Ханом. Он вступил в Сарай, отправил Посольства к Державам соседственным и называл себя единственным повелителем Батыевых Улусов[173]. Но Тимур Кутлук — или, по нашим летописям, Темир Кутлуй — напал на него внезапно, победил, и взял Сарай. Тохтамыш с своими Царицами, с двумя сыновьями, с казною и с Двором многочисленным бежал в Киев, искать

защиты сильного Витовта, который с удовольствием объявил себя покровителем столь знаменитого изгнанника, гордо обещая возвратить ему Царство. Уже Витовт отведал счастия против Моголов, и в окрестностях Азова пленив целый Улус, населил ими разные деревни близ Вильны, где потомство их живет и доныне[174]. <Замыслы Витовта>. Он утешался мыслию слыть победителем народа, коего ужасалась Азия и Европа,— располагать троном Батыевым, открыть себе путь на Восток и сокрушить самого Тамерлана. Готовя удар решительный, Герой Литовский желал, как вероятно, склонить и Великого Князя к содействию: по крайней мере в сие время приезжал от него Посол в Москву, Князь Ямонт, Наместник Смоленский. Ничто не могло быть для России благоприятнее войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевесу того или другого? Ханы Ординские требовали от нас дани: Литовцы совершенного подданства. Великое Княжество Московское, отсылая серебро в Улусы, еще гордилось независимостию в сравнении с бывшими Княжествами Днепровскими, и благоразумный Василий Димитриевич, не смотря на мнимую дружбу тестя, знал, что он захватив Смоленскую область, готов взять и Москву. И так, вместо полков, Великий Князь отправил в Смоленск, где находился Витовт, супругу свою с Боярами и приветливыми словами. Лукавый отец ее не уступал в ласках зятю; великолепно угостил дочь, наших Бояр, и в знак родительской нежности дал ей множество икон с[17*] памятниками Страстей Господних, выписанными из Греции одним Князем Смоленским[175].

<Наши завоевания в Болгарии>. Не хотев участвовать в замышляемой борьбе Литвы с Моголами, Василий в то же время не устрашился сам поднять на них меч, чтобы отмстить им за разорение Нижнего Новагорода, о коем мы выше упоминали. Он послал брата своего, Князя Юрия Димитриевича, в Казанскую Болгарию с сильным войском, которое взяло ее столицу (и ныне известную под именем *Болгаров*), Жукотин, Казань, Кременчуг[176]; три месяца опустошало сию торговую землю и возвратилось с богатою добычею. Летописцы говорят, что никогда еще полки Российские не ходили столь далеко в Ханские владения, и Василий Димитриевич слыл с того времени

Завоевателем Болгарии; но время истинных прочных завоеваний для России еще не наступило.

Может быть, хитрый Великий Князь в дружелюбных сношениях с Витовтом представлял ему сей счастливый поход как действие союза, заключенного ими против Моголов; но Государь Литовский, не менее хитрый, видел в зяте тайного, опасного врага, который только до случая оставлял его спокойно владеть наследием Ярославова потомства. Безопасность Литовских приобретений в России требовала гибели Княжения Московского, уже сильного; и Витовт, обещаясь восстановить власть Тохтамыша над Золотою Ордою, Заяицкою, Болгариею, Тавридою и Азовом, именно поставил в условие, как уверяют наши Летописцы, чтобы сей Хан отдал Москву Литве [177].

<Война Витовтова с Моголами>. Долго Витовт готовился к важному походу, собирая войско в Киеве. Тщетно Польская Королева Ядвига, хваляся проницанием будущего, предсказывала ему бедствие [178]; слабый Ягайло дал брату знатнейших Воевод своих: Спитка Краковского, Сандивогия Остроpогского, Доброгостия Самотульского, Иоанна Мазовского и других с отборными ратниками. Знамена Литовские развевались пред самыми стенами Киева, украшенные трофеями побед Гедимина, Ольгерда и Кестутия. Дружины наших Князей, данников Витовта, стояли в рядах с Литовцами, Жмудью, Волохами, а Моголы Тохтамышевы полком особенным, равно как и 500 богатовооруженных Немцев, присланных Великим Магистром Прусского Ордена. Пятдесят Князей, Российских и Литовских, под верховным начальством Витовта предводительствовали ратию, многочисленною и бодрою.

В сие время явился Посол Тимура Кутлука. Именем своего Хана он говорил Князю Литовскому: «Выдай мне Тохмамыша, врага моего, некогда Царя великого, ныне беглеца презренного: так непостоянна судьба жизни!» Витовт сказал [179]: «иду видеться с Тимуром» — и пошел к Югу тем самым путем, коим некогда ходил Мономах разить диких Половцев. За реками Сулою и Хоролем, на берегах Ворсклы стоял Тимур Кутлук с Моголами, более желая мира, нежели битвы. «Почто идешь на меня? велел он сказать Витовту: я не вступал никогда в землю твою с оружием». Князь Литовский ответствовал: «Бог готовит мне владычество над всеми землями. Будь моим сыном и данником, или будешь рабом». Тимур неотступно пред-

лагал мир; признавал Витовта *старейшим*; соглашался даже, по словам наших Летописцев, платить ему ежегодно некоторое количество серебра. Гордый Князь Литовский, подражая хвастовству Восточному[180], хотел еще, чтобы Моголы изображали на своих деньгах знамение или печать [18*]-его: в таком случае обещал [18*] не помогать Тохтамышу. Хан требовал срока на три дни, и между тем дарил, чествовал, ласкал Витовта Посольствами[19*]. Сие удивительное смирение было, кажется, одною хитростию, чтобы продлить время и соединиться с остальными полками Татарскими.

<Эдигей>. Все переменилось, когда пришел в стан к Моголам седый Князь Эдигей, славный умом и мужеством. Он был вторым Мамаем в Орде и повелевал Ханом; некогда служил Тамерлану и носил на себе знаки его милостей. Сведав от Тимура о мирных условиях, предложенных Витовтом, Эдигей сказал: «лучше умереть», и требовал свидания с Князем Литовским. Они съехались на берегу Ворсклы. «Князь храбрый! говорил Вождь Татарский: Царь наш справедливо мог признать тебя отцем: ты его старее летами, но моложе меня: и так изъяви мне покорность, плати дань и на деньгах Литовских изобрази печать мою». Сия насмешка привела Витовта в ярость: он громогласно возвестил битву и привел полки в движение. Благоразумнейший из Воевод его, Спитко Краковский, видя множество Татар, еще советовал искать мира на условиях честных для обеих сторон; но юные витязи Литовские кричали: «сокрушим неверных!» и знаменитый Пан Щуковский, гордый сердцем, дерзкий языком, сказал ему: «Если по любви к жене прекрасной и к наслаждениям роскоши ты боишься смерти, то не охлаждай других, готовых отдать жизнь за славу». Великодушный Спитко ответствовал: «Несчастный! я паду в битве, а ты обратишь тыл»[181]. <Август 12>. Войско Литовское перешло за Ворсклу и сразилось.

Рать Ханская была многочисленнее. Витовт надеялся на свои пушки и пищали; но сии орудия, как говорят Летописцы, действовали слабо в открытом поле, где Татары, рассыпаясь, могли нападать на ряды Литовские с боку: скажем лучше, что искусство огнестрельное находилось тогда во младенчестве; не умели заряжать скоро, ни с легкостию обращать пушку во все стороны. Однако ж Литовцы привели в смятение толпы Эдигеевы, и считали себя

уже победителями, когда Тимур Кутлук, ученик Тамерланов, зашел им в тыл и стремительным ударом сломил полки их. Тохтамыш прежде всех оставил место сражения; за ним Витовт и надменный Пан Щуковский; а великодушный Спитко умер Героем. Ужасное кровопролитие продолжалось до самой глубокой ночи: Моголы резали, топтали неприятелей, или брали в плен, кого хотели. Ни Чингисхан, ни Батый не одерживали победы совершеннейшей. Едва ли третия часть войска Литовского спаслася. Множество Князей легло на месте, и в том числе Глеб Святославич Смоленский, Михаил и Димитрий Даниловичи Волынские, потомки славного Даниила, Короля Галицкого — сподвижник Димитрия Донского, Андрей Ольгердович, который, бежав от Ягайла, несколько времени жил во Пскове, и возвратился служить Витовту — Димитрий Брянский, также сын Ольгердов и также верный союзник Донского — Князь Михайло Евнутиевич, внук Гедиминов — Иоанн Борисович Киевский — Ямонт, Наместник Смоленский, и другие [182]. Хан Тимур Кутлук гнал остатки неприятельского войска к Днепру, взял с Киева 3000 рублей серебра Литовского в окуп, а с монастыря Печерского особенно 30 рублей; оставил там своих Баскаков, и погромив Витовтовы области до самого Луцка, возвратился в Улусы.— Так Литовский Герой, хотев удивить мир великим подвигом, снискал один стыд, лишился войска, открыл Моголам путь в свои владения, и должен был опасаться еще дальнейших худых следствий.

Весть о несчастии его произвела в Москве, в Новегороде, в Рязани, действие двоякое: жалели о многих Россиянах, падших под знаменами Литовскими; с изумлением видели, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, нового тиранства Ханов, и вместе утешались мыслию, что силы опасной Литвы ослабели. Но Витовт имел в России истинного друга, который огорчился бы его бедствиям, если бы успел сведать оное. Сей друг, Князь Михаил Тверский, преставился почти в самое то время, когда Хан разбил Литовцев [183]. Бесполезно истощив все способы вредить Донскому, Михаил Александрович жил наконец мирно, ибо видел, что правление юного Василия не уступает Димитриеву ни в силе, ни в мудрости; оставив намерение лишить Владетелей Московских Великокняжеского сана и вообще противиться успехам их могущества, он заключил даже оборонительный союз с Васи-

лием на случай впадения в Россию Моголов, Немцев, Ляхов, Литвы, но тайно держался Витовта, как естественного недоброжелателя или завистника Москвы, и (в 1397 году) посылал к нему сына, Иоанна, женатого на Марии, сестре Витовтовой, без сомнения не столько для родственного свидания, сколько для важных государственных переговоров.

Хотя Василий не изъявлял никаких враждебных намерений в рассуждении Твери, однако ж Князь ее с беспокойством видел, что он весьма ласково принял его племянника, Иоанна Всеволодовича Холмского, который, не хотев зависеть от дяди, уехал в Москву, сочетался браком с Анастасиею, сестрою Великого Князя, и был Наместником в Торжке[184]. <Кончина Князя Тверского>. Имея 66 лет от рождения, Михаил еще бодрствовал духом и телом; но вдруг занемог столь жестоко, что в несколько дней все его силы исчезли. Он написал духовную грамоту: отдал старшему сыну, Иоанну, Тверь, Новый Городок, Ржев, Зубцев, Радилов, Вобрын, Опоки, Вертязин; другому сыну, Василию, и внуку Иоанну Борисовичу Кашин с Коснятиным; а меньшему, Феодору, два городка Микулина, повелевая им жить в любви и слушаться брата старшего. Обстоятельства кончины его достопамятны. К нему возвратились тогда Послы из Константинополя, Тверский Протопоп Даниил и церковники, которые ездили с милостынею в Грецию и привезли от Патриарха в дар Князю икону Страшного Суда. Забыв болезнь и слабость, он встал с ложа, встретил сию икону на дворе, целовал оную с великим усердием, и пригласил к себе на пир знатнейшее Духовенство вместе с нищими, слепыми и хромыми; братски обедал с ними, и водимый слугами, каждому из гостей поднес так называемую *прощальную чашу* вина, моля их, чтобы они благословили его. Никто не мог удержаться от слез. Облобызав детей, Бояр, слуг, Михаил пошел в Соборную церковь, поклонился гробу отца и деда, указал место для своей могилы, и стал на паперти, где собралося множество людей, которые смотрели на него с горестным умилением. Сей некогда величественный Князь, быв необыкновенно высок и дороден, казался уже тению; бледный, слабый, едва передвигал ноги. Народ плакал и безмолвствовал; но когда Михаил, смиренно преклонив голову, сказал: «иду от людей к Богу: братья! отпустите меня с искренним благословением! тогда все

зарыдали, единодушно восклицая: Господь благословит тебя, Князь добрый!» Он сошел с ступеней. Сыновья и Бояре хотели вести его во дворец: но Михаил, к изумлению их, указал рукою на Лавру Св. Афанасия; приведенный в сей монастырь, был там пострижен Епископом Арсением, назван Матфеем, и в седьмый день скончался, с именем Князя умного, милостивого и *грозного* в похвальном смысле: ибо он, как сказано в Летописи, *не потакал Боярам*, любя правосудие; истребил в своем Княжении разбои, воровство, ябеду; уничтожил *злые налоги торговые*; утвердил города, успокоил села, так, что жители других областей тысячами переселялись в Тверскую.— С жизнию Михаила исчезло и благоденствие сего Княжения: начались Боярские смуты и раздоры между его сыновьями. Иоанн, узнав о торжестве Хана и несчастии своего шурина, отправил Посольство [20*] к первому, смиренно моля, чтобы он дал ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую [185]. <Г. 1400>. Послы уже не застали Тимура Кутлука: он умер; но сын его, Шадибек, исполнил желание Иоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками Ханскими, вопреки советам матери стал утеснять братьев и племянника. Они искали защиты в Москве. Великий Князь бескорыстно старался мирить их, хотя и не на-долго. Два раза Иоанн приступал к Кашину, и держал брата, Василия Михайловича, как пленника в Твери; освободил его, но послал в Кашин своих Наместников. В сем междоусобии Летописцы обвиняют наиболее невестку Иоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родом Смолянку; впрочем он гнал и сына ее, желая быть единовластным. В угодность, может быть, Государю Московскому Иоанн примирился с зятем его, Князем Холмским, и не мешал ему спокойно жить в Уделе отцевском; но сей Князь, скоро умерший Схимником и бездетным, должен был отказать свою наследственную область сыну Иоаннову, Алексадру [186]. Одним словом, Удельная Система вообще клонилась тогда в России к падению.

<Временная независимость Великого Княжения>. Не смотря на ослабление Литовских сил, Князь Тверский желал остаться другом Витовта, и возобновил с ним прежний союз, одобренный и, согласно с их волею, утвержденный Государем Василием Димитриевичем, который не думал объявить себя врагом тестя (уважая льва, хотя и раненного), особенно по тому, что имел причину опасаться

Орды[187]: ибо со времени нашествия Тамерланова прервал все сношения с нею, как бы не зная, кого признавать ее Главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренние раздоры Моголов, не утишенные и славною их победою над Литвою, не дозволяли им обратить внимания на Москву.— Витовт с своей стороны более нежели когда нибудь искал дружбы Великого Князя, чтобы удалить его от союза с Олегом и с изгнанником Смоленским, Юрием Святославичем, который выдал дочь свою, Анастасию, за Василиева брата, Юрия; тогда же сын Владимира Храброго, Иоанн, женился на внуке Олеговой. Легко было предвидеть, что Князь Смоленский захочет воспользоваться несчастием Литвы; в самом деле он неотступно убеждал тестя возвратить ему престол: чего желал тайно и Василий Димитриевич, однако ж не согласился помогать им. <Г. 1401. Удача и неблагоразумие Князя Смоленского>. Уверенные по крайней мере в его искреннем доброхотстве, Олег и Юрий, собрав войско, незапно осадили Смоленск, где жители, ненавидя Литовское правление, отворили ворота и с восхищением приняли своего законного Князя. К сожалению, день народного торжества и веселия обратился в день лютого кровопролития: Юрий Святославич, ослепленный местию, умертвил Витовтова Наместника, Князя Романа Михайловича Брянского, происшедшего от Св. Михаила Черниговского, и множество Бояр Смоленских, которые держали сторону Литвы[188]. Он не знал, что милость в таких случаях благоприятствует не только человеколюбию, но и собственным выгодам Государя. Головы отцев и мужей пали: жены, дети и друзья убиенных остались, возбуждали в народе ненависть к свирепому Князю и могли говорить: «иноплеменный Витовт здесь властвовал мирно; Князь Российский возвратился лить нашу кровь». Одна жестокость рождает часто необходимость другой. Когда Витовт, узнав о взятии Смоленска, явился пред стенами оного с войском, с пушками, многие из граждан хотели сдаться Литве. Умысел их открылся: Юрий казнил всех без пощады, и на сей раз отразив неприятеля, заключил с ним перемирие.

<Г. 1402>. Ободренный своим успехом и неудачами Литвы, Князь Рязанский послал сына, именем Родслава, воевать Брянск, имея намерение, если можно, освободить и сей древний Черниговский Удел от власти иноплеменников. Но Витовт успел взять меры. Одним из лучших

его Полководцев был Лугвений-Симеон Ольгердович: еще в 1392 году он возвратился в Литву из Новагорода, и женился на сестре Василия Димитриевича[189], Марии (которая, жив с ним пять лет, преставилась в Мстиславле, откуда тело ее привезли в Москву). Лугвений, отряженный Витовтом, соединился с Александром Патрикиевичем Стародубским, встретил Рязанцев у Любутска, и побив их на голову, пленил самого Родслава. Сей успех в тогдашних обстоятельствах был весьма важен для Витовта; ободрил Литву, устрашил Россиян. Ненавидя Олега, Витовт мстил ему жестоким заключением сына его в оковы и в темницу, в которой он томился три года, и наконец, за 2000 рублей, получил свободу. Старец Олег не мог пережить сего несчастия и скончался Иноком: Князь ума редкого и славнейший из всех Рязанских Владетелей; долговременный, лукавый враг Донского и Москвы, но любимый своим народом и достохвальный в его последних усилиях возвратить отечеству Литовские завоевания. Имев Христианское имя Иакова, он назван в Монашестве Иоакимом и погребен в Обители Солотчинской, им основанной близ Рязани[190]. Сын его, Феодор, сел на престол отца, утвержденный в сем наследстве грамотою Хана Шадибека. (Чрез некоторое время он был изгнан Князем Пронским, Иоанном Владимировичем; а после, заключив с ним мир, княжил спокойно, будучи в тесной связи с шурином своим, Государем Московским).

<Г. 1403>. Витовт еще несколько времени оставлял Юрия Смоленского в покое. Собрав силы, он послал Лугвения на Вязьму, зная мужество сего Ольгердова сына и доверенность к нему Россиян, которые любили его как единоверного. Лугвений овладел Вязьмою без кровопролития, пленив ее Князя Иоанна Святославича[191]. <Г. 1404>. Тогда Витовт со всеми полками двинулся к Смоленску; целые семь недель осаждал его с величайшим усилием, ежедневно стреляя из пушек, но отступил без малейшего успеха: столь крепок был город, и столь упорно защищаем Юрием. Потерпели одни волости Смоленские, разоренные Литвою. Юрий, опасаясь нового нападения, желал видеться с Великим Князем; оставил в Смоленске супругу, Бояр, и дав им слово возвратиться немедленно, спешил в Москву. Василий Димитриевич принял его дружелюбно. «Будь моим великодушным покровителем, говорил Юрий: Витовт тебя уважает: примири

нас, или защити меня, если он презрит твое ходатайство. Когда же не хочешь того, будь Государем моим и Смоленским. Желаю лучше служить тебе, нежели видеть иноплеменника на престоле Мономахова потомства». Предложение казалось лестным. Но зная твердое намерение Витовта снова покорить Смоленск, чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сие Княжение к Москве есть объявить ему войну, Великий Князь не соглашался быть ни ходатаем, ни защитником, ни Государем Смоленска, следуя правилу жить в мире с Литвою, пока Витовт не касался собственных Московских владений. Так говорят Летописцы; однако ж долговременное пребывание Юрия в Москве свидетельствует по крайней мере, что он не терял надежды успеть в своем искании: изменники предупредили его.

<Политика Витовта>. Будучи врагом опасной Литвы, сей Князь, к несчастию, имел врагов еще опаснейших между Смоленскими Боярами, озлобленными казнию их ближних: пользуясь его отсутствием, они тайно призвали Витовта и сдали ему город. Полки Литовские без малейшего сопротивления вступили в крепость, обезоружили воинов, взяли некоторых верных Бояр под стражу, впрочем не делая жителям никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юриева была отправлена в Литву, и Витовт, заняв всю Смоленскую область, везде определил своих чиновников, к неудовольствию изменников Российских, которые надеялись управлять ею; но гражданам и сельским жителям даровал особенную льготу, желая отвратить народ от Юрия и привязать к себе [192]: в чем успел совершенно, и чрез несколько лет в кровопролитной с Немцами битве, где более 60 000 человек легло на месте, одержал победу единственно храбростию верных ему Смоленских воинов.— Таким образом взяв древний город Российский в первый раз обманом, вторично изменою, Витовт благоразумною политикою утвердил его за Литвою на 110 лет, и тем заключил ее важные присвоения в России. Время счастливых возвратов было для нас уже не далеко.

Нечаянная весть о взятии Смоленска поразила Юрия Святославича; изумила и Великого Князя, так, что он вообразил себя обманутым, и призвав Юрия, осыпал его укоризнами, говоря: «Ты хотел единственно обольстить меня лукавыми предложениями: Смоленск не мог сдаться

Литве без твоего повеления»[193]. Напрасно сей несчастный Князь уверял, что виною тому измена Бояр: Василий остался в подозрении, и Юрий, не находя в Москве ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, решился искать той и другой в вольном Новегороде.

<Неудовольствия Новогородцев>. Государствование Василия Димитриевича было для Новогородцев временем беспокойным: они никак не могли долго жить с ним в мире, видя его непрестанные покушения на их свободу и достояние. Так он (в 1401 году) велел Митрополиту задержать в Москве Новогородского Архиепископа Иоанна, который ревностно ходатайствовал за гражданские права своей духовной паствы[194]. Так, чрез несколько месяцев, воины Великокняжеские схватили в Торжке двух знаменитых Бояр, неприятных Государю, и взяли все их имение. Так рать Московская без объявления войны вступила в Двинскую землю, будучи предводима Новогородскими изменниками, Айфалом и братом его, Герасимом расстригою, ушедшим из монастыря: они пленили Двинского Посадника, многих Бояр, и везде грабили без милосердия; но разбитые в Колмогорах, оставили пленников и бежали. (Сей мятежник Айфал, не успев в замыслах против отечества, разбойничал после на Каме и Волге, имея у себя до 250 судов; был в плену у Татар и наконец убит на Вятке Михайлом Рассохиным, подобным ему беглецом Новогородским.) — Хотя Великий Князь освободил взятых в Торжке Бояр и Архиепископа Иоанна, более трех лет сидевшего в келье Николаевского монастыря; однако ж Новгород ждал и впредь с его стороны таких же утеснений, будучи готов противиться оным.

Юрий Святославич, с сыном Феодором, братом Владимиром и Князем Симеоном Мстиславичем Вяземским, явился там среди народа и смиренно просил убежища. Новогородцы любили казаться великодушными в таких случаях. Мысль быть покровителями одного из знаменитейших Князей Российских, гонимого Витовтом, отверженного Великим Князем, льстила их гордости. Они приняли изгнанника с ласкою, и сделали еще более: дали ему 13 городов в управление[195]: Русу, Ладогу и другие, с условием, чтобы он, как воин мужественный, ревностно блюл целость их владений, не щадя ни трудов, ни жизни. Взаимные клятвы утвердили сей договор, равно неприятный Витовту и Василию Димитриевичу. Первый, будучи

тогда уже в мире с Новымгородом, жаловался, что его злодей снискал там дружбу и доверенность; а Великий Князь с неудовольствием видел, что сей народ в случае столь важном действует самовластно, без всякого сношения с Москвою. <Г. 1406>. Впрочем Юрий не долго жил в области Новогородской: привыкнув господствовать неограниченно, он скучал своею зависимостию от народного Веча, и возвратился в Москву с новою надеждою на покровительство Василия Димитриевича, который, начиная тогда ссориться с Витовтом за впадение Литвы в границы Пскова, принял Юрия весьма дружелюбно и сделал Наместником в Торжке. Но сей несчастный изгнанник скоро лишился и милости Великого Князя и сожаления людей, в глазах целой России возложив на себя знамение гнусного преступника.

<Злодейство Князя Смоленского>. Князь Симеон Мстиславич Вяземский разделял с ним бедствие изгнания как друг и знаменитый слуга его. Он имел прекрасную, добродетельную супругу, именем Иулианию. Равно жестокий и сластолюбивый, Юрий пылал вожделением осквернить ложе Симеоново; не успел в том ни соблазном, ни коварными хитростями, и дерзнул на явное злодеяние: в своем доме, среди веселого пира, убил Князя Вяземского, и думал воспользоваться ужасом несчастной супруги. Но любя непорочность более всего в мире, она схватила нож, и хотев ударить им насильника в горло, уязвила в руку. Одно чувство уступило место другому: любострастие гневу. Юрий, обнажив меч, догнал Иулианию на дворе, изрубил ее в куски, и велел бросить в реку [196]. Такая гнусность могла постыдить век: впечатление, произведенное оною в сердцах современников, оправдала его. Юрий, подобно Каину ознаменованный печатию злодейства, гонимый всеобщим презрением, не смея показаться ни Князьям, ни народу, уехал в Орду; скитался в степях несколько месяцев и кончил жизнь в одном пустынном монастыре области Рязанской. Он был последним из Владетельных Князей Смоленских, происшедших от внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

<Разрыв с Литвою>. Наконец пришло время явной вражды между Государем Московским и Литвою. Псков, освобожденный Новогородцами от всех обязанностей подданства, был управляем собственными законами; принимал Наместников от Василия Димитриевича, но избирал

себе чиновников и Князей или Воевод, иногда чужеземных: так Андрей Ольгердович и сын его, Иоанн, несколько времени начальствовали в оном[197]. Сия вольность не даровала благоденствия Псковитянам: угрожаемые с одной стороны Ливонским Орденом, с другой Витовтом, напрасно требовали они защиты от своих братьев, Новогородцев, которые завидовали успехам их счастливой торговли, и не только отказывались помогать им, не только в мирных договорах с Немцами, с Литвою, умалчивали о Пскове, но даже сами теснили и приходили осаждать его; не имея успеха в сих нападениях, мирились, и всегда неискренно. Сверх того он вторично был жертвою язвы, которая несколько раз возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастием, коварный Витовт, будто бы честно объявляя войну, послал *разметную* Псковскую *грамоту* к Новогородцам, напал неожидаемо на владения Псковитян, взял город Коложе и пленил 11 000 Россиян. В то же время Магистр Ливонский опустошил селения вокруг Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости, Псковитяне немедленно отмстили Витовту разорением Великих Лук и Новоржева, ему подвластных; отняли у Литвы Коложское знамя, и разбили Немцев близ Киремпе: но ведая меру сил своих, прибегнули к Государю Московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имели свою особенную систему политическую, и в самом деле мало зависели от Великого Князя: однако ж Василий, называясь их Государем, решился доказать истину сего названия; отправил к ним брата, Константина Димитриевича, и требуя удовлетворения от Витовта, начал собирать полки. Его *система осторожности* не переменилась: он хотел мира, но хотел доказать и готовность[21*] к войне в случае необходимости, чтобы[21*] удержать хищность Литвы и спасти остаток независимой России.

Витовт ответствовал гордо. Призвав в союз к себе Иоанна Михайловича Тверского, Великий Князь послал Воевод на Литовские города: Серпейск, Козельск и Вязьму[198]. Воеводы возвратились без успеха: огорченный сим худым началом, и думая, что Витовт со всеми силами устремится на Москву, Василий Димитриевич решился возобновить дружелюбную связь с Ордою, вопреки мнению старых Бояр; требовал вспоможения от Шадибека и представлял, что Литва есть общий их враг. Не было слова о дани и зависимости: Василий искал только союза

Татар, и юный Шадибек, управляемый доброхотами Государя Московского, действительно прислал ему несколько полков. Выступив в поле, Великий Князь сошелся с Витовтом близ Крапивны (в Тульской Губернии). Вместо битвы, начались переговоры: ибо ни с которой стороны не хотели отважиться на случай решительный, и Герой Литовский, помня претерпенное им бедствие на берегах Ворсклы, уже научился не верить счастию. Заключили перемирие и разошлися.

<Г. 1407>. Мира не было. Литовцы чрез несколько месяцев сожгли и присоединили к своим владениям Одоев, где княжили потомки Св. Михаила Черниговского, быв в некоторой зависимости от сильнейших Владетелей Рязанских[199]; а Великий Князь взял Дмитровец, но снова заключил перемирие с тестем под Вязьмою, и также не на-долго. Еще за год до сего времени выехал в Москву из Литвы сын Князя Иоанна Ольгимонтовича, Александр Нелюб, со многими единоземцами: вступив в нашу службу, он получил себе во владение город Переславль Залесский. <Г. 1408. Свидригайло>. В след за ним прибыл в Москву Свидригайло Ольгердович, который, будучи недоволен данным ему от Витовта Уделом Северским, Брянским, Стародубским, и замышляя господствовать над всею Литвою, вздумал предложить услуги свои Великому Князю. Ему сопутствовали Епископ Черниговский Исакий, Князья Звенигородские, Александр и Патрикий, Феодор Александрович Путивльский, Симеон Перемышльский, Михайло Хотетовский, Урустай Минский, и целый полк Бояр Черниговских, Северских, Брянских, Стародубских, Любутских, Рославских, так, что дворец Московский весь наполнился ими, когда они пришли к Государю. Москвитяне с любопытством смотрели на своих единоплеменников, уже принявших обычаи иноземные; а Бояре южной России дивились величию Москвы (за сто лет едва известной по имени), красоте ее церквей, святых Обителей, и пышности Двора Василиева, напомнившей им древние предания о блестящем Дворе Ярослава Великого. Всего же более дивились они в ней благоустройству гражданскому, необыкновенному в их странах, где троны Владимирова потомства стояли пусты, и где Паны Литовские, искажая язык Славянский, давали чуждые законы народу. Великий Князь осыпал пришельцев милостями, и к общему удивлению отдал Свидригайлу в Удел не только Пере-

славль, Юрьев, Волок, Ржев и половину Коломны, но даже столицу Владимирскую с селами, доходами и людьми, как сказано в летописи[200]: столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло уверительно говорил о тайных связях своих с Вельможами Литовскими; хвалился завоевать с помощию Москвитян в несколько месяцев всю землю Витовтову; обещал Василию Новгород Северский и склонил его к возобновлению неприятельских действий против тестя. Великий Князь не был легковерен; но мог надеяться, что имея с собою Ягайлова брата, или подлинно найдет друзей в Литве, или приобретет мир выгодный. В последнем отчасти и не обманулся. Витовт встретил зятя на берегах Угры. Многочисленное войско его состояло, кроме Литвы, из полков Киевских (предводимых Олельком Владимировичем, внуком Ольгердовым), Смоленских, и даже из Немцев, присланных к нему Великим Магистром Прусским[201]. Тщетно Свидригайло искал изменников в стане Литовском: самые Россияне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки Великокняжеские. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; с обеих сторон действовали только легкими отрядами, избегая главного сражения; наконец, в следствие многих переговоров, согласились в мирных условиях, назначив Угру пределом между Литвою и Московскими владениями в нынешней Калужской Губернии. Города Козельск, Перемышль, Любутск, возвратились к России и были с того времени Уделом Владимира Андреевича *Храброго*. Сохраняя честь свою, Великий Князь не хотел выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязал тестя не беспокоить впредь области Псковитян, которые после заключили с Литвою мир особенный.

<Войны с Ливониею>. Впрочем покровительство Василия Димитриевича не доставило Пскову безопасности. Брат его, Константин, взяв за Наровою Немецкий городок Порх, уехал назад в Москву; а Магистр[22]* Ливонский, Конрад Фитингоф, соединясь с Курляндцами, разбил Псковитян: три Посадника и 700 лучших граждан легло на месте. Еще два раза входил он в их владения, жег села, пленял людей, не щадя и Новогородцев, которые, злобствуя на Псковитян, отказались и тогда действовать с ними за-одно против общих неприятелей. Сии частые войны с Ливониею обыкновенно не имели никаких важных след-

ствий. Хотя Немцы[23*] мыслили присоединить Псков к своим владениям с согласия Витовта и Свидригайла (как то видно из договора, заключенного между ими в 1402 году): но имея более властолюбия, нежели силы, они только грабили, убивали несколько сот человек и чувствовали нужду в мире для выгод торговли[202]. Народное Право с обеих сторон так мало уважалось, что иногда умерщвляли Послов: в Нейгаузене (в 1414 году) изрубили Псковского, во Пскове Дерптского. Сия вражда прекратилась в 1417 году мирным договором на 10 лет, и Великий Князь участвовал в оном как посредник. Но Псковитяне, честно соблюдая мир с Немцами, снова возбудили на себя гнев Витовта, который принуждал их объявить войну Ливонии. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу Посольствами[24*] в Литву и в Москву. Витовт грозил им непрестанно; однако ж не сделал ничего более, вероятно из уважения к зятю, коего Псковитяне всегда признавали своим верховным Государем, и который давал им Князей или Наместников. Три раза начальствовал там Константин, брат Василиев; после Князья Ростовские, Андрей и Феодор Александровичи, сын последнего Александр и Феодор Патрикиевич Литовский.

Доселе государствование Василия было славно и счастливо: он усилил Великое Княжение знаменитыми приобретениями без всякого кровопролития; видел спокойствие, благоустройство, избыток граждан в областях своих; обогатил казну доходами; уже не делился ими с Ордою и мог считать себя независимым. Хотя Послы Ханские от времени до времени являлись в Москве (Царевич Эйтяк в 1403 году, и Мирза, Казначей Шадибеков, в 1405): но, вместо дани, получали единственно маловажные дары, и возвращались с ответом, что Великое Княжение Московское будто бы оскудело и не в силах платить серебра Ханам[203]. Напрасно Тимур Кутлук и Шадибек звали к себе Василия: он не хотел послать к ним никого из своих братьев или Бояр старейших, ожидая, чем кончатся междоусобия Ординские. Еще Тохтамыш, отверженный Витовтом, скитался по отдаленным Улусам, искал друзей и надеялся возвратить себе Царство; когда же, настигнутый в пустынях, близ Тюменя, отрядом войска Шадибекова, он пал в сражении: Великий Князь, с намерением питать мятеж в Орде, дал в России убежище сыновьям его. Слабый Хан молчал, а знаменитый Эдигей, сподвижник

Тамерланов, победитель Витовта, Князь всемогущий в Улусах, находился в дружеских сношениях с Василием; давал ему ласковое имя сына и коварный совет воевать Литву, в то же время советуя Витовту искоренить Московское Княжение. Так Моголы, некогда страшные одною силою, уже начали хитрить в слабости, стараясь производить вражду между Государями, для них опасными. <Нашествие Эдигея>. В 1407 году, когда Князь Тверский, Иоанн Михайлович, приехал Волгою на судах в Ханскую столицу (чтобы судиться там с Юрием Всеволодовичем, братом умершего Иоанна Холмского, желавшим присвоить себе Тверское Княжение), сделалась в Орде перемена: Булат-Салтан изгнал Шадибека, зятя Эдигеева, и сел на Царство, но еще более своих предшественников зависел от Эдигея. Сей хитрый старец — видя, что Государь Московский и Витовт никак не хотят отважиться на решительную войну между собою — предприял наконец оружием смирить первого; готовя рать многочисленную, все еще уверял его в своей ревностной дружбе, и писал к нему, выступив в поход: «Се идет Царь Булат с Великою Ордою наказать Литовского врага твоего за содеянное им зло России. Спеши изъявить Царю благодарность: если не лично, то пришли хотя сына, или брата, или Вельмож». С сею грамотою приехал в Москву один из чиновников Татарских. Василий имел друзей в Орде и знал о ратных ее движениях; но по всем известиям думал, что Моголы действительно хотят воевать Литву: ибо Эдигей умел скрыть свою истинную цель от самых Вельмож Ханских. Никто не беспокоился в Москве, где, по сказанию одного Летописца, уже мало оставалось Бояр старых, и где юные советники Великокняжеские мечтали в гордости, что они могут легко обманывать старца Эдигея и располагать в нашу пользу силами Моголов. Однако ж Василий Димитриевич был изумлен скорым походом Ханского войска и немедленно отправил Боярина Юрия в стан оного, чтобы иметь вернейшее сведение о намерении Татарского Полководца; велел даже собирать войско в городах, на всякой случай. Но Эдигей, задержав Юрия, шел вперед с великою поспешностию — и чрез несколько дней услышали в Москве, что полки Ханские стремятся прямо к ней.

Сия весть поколебала твердость Великокняжеского Совета: Василий не дерзнул на битву в поле и сделал то же, что его родитель в подобных обстоятельствах: уехал

с супругою и с детьми в Кострому, оставив защитниками столицы дядю, Владимира Андреевича Храброго, братьев Андрея и Петра со множеством Бояр и Духовных сановников (Митрополит Киприан уже окончался). Великий Князь надеялся на крепость стен Московских, на действие своих пушек и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагоприятную для осады долговременной. Не одна робость, как вероятно, заставила его удалиться. Он мог скорее Боярина или Наместника подвигнуть северные города Российские к единодушному восстанию против неприятеля для избавления столицы, и Татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что Великий Князь собирает там войско. Но граждане Московские судили иначе, и роптали, что Государь предает их врагу, спасая только себя и детей. Напрасно Князь Владимир, украшенный сединою честной старости и славною памятию Донской битвы, ободрял народ своим величественным спокойствием в опасности: слабые унывали. Чтобы Татары не могли сделать примета к стенам Кремлевским, сей Князь велел зажечь вокруг посады[204]. Несколько тысяч домов, где обитали мирные семейства трудолюбивых граждан, запылали в одно время. Жители не думали спасать имения, и толпами бежали к городским воротам. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся детей, молили единственно о том, чтобы их впустили в оные: необходимость предписывала жестокий отказ, ибо от излишнего многолюдства опасались голода в крепости. Зрелище было страшно: везде огненные реки и дым облаками, смятение, вопль, отчаяние. К довершению ужаса, многие злодеи грабили в домах, еще не объятых пламенем, и радовались общему бедствию.

Ноября 30, ввечеру, Татары показались, но вдали, опасаясь действия огнестрельных городских орудий. Декабря 1 пришел сам Эдигей с четырмя Царевичами и многими Князьями, стал в Коломенском, отрядил 30 000 в след за Василием к Костроме, и послал одного из Царевичей, именем Булата, сказать Иоанну Михайловичу Тверскому, чтобы он немедленно шел к нему со всею его ратию, самострелами и пушками[205]. Между тем полки Татарские рассыпались по областям Великого Княжения: взяли Переславль Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец: то есть, сожгли их, пленив жителей, ограбив церкви и монастыри. Счастлив, кто мог спастися бегством! Не было ни малейшего сопротивления. Россияне

казались стадом[25]* овец, терзаемых хищными волками. Граждане, земледельцы, падали ниц пред варварами; ждали решения судьбы своей, и Моголы отсекали им головы, или расстреливали их в забаву; избирали любых в невольники, других только обнажали: но сии несчастные, оставляемые без крова, без одежды среди глубоких снегов в жертву страшному холоду и мятелям, большею частию умирали. Пленников связывали и вели как псов на смычках: иногда один Татарин гнал перед собою человек сорок[206]. Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя в Владимире и в пяти других городах, имея воинскую многочисленную дружину, обязанный милостию Великого Князя, которая не изменилась и со времени неудачного похода Литовского, бежал и скрылся в лесах от Моголов. (Сей мнимый Герой, обличив свое малодушие, скоро выехал из России с великим богатством и стыдом, ограбив на пути наши села и пригороды).

Эдигей, обложив Москву, нетерпеливо ждал к себе Князя Тверского с орудиями стенобитными и не предпринимал ничего против города; но Иоанн Михайлович поступил в сем случае как истинный Россиянин и друг отечества: он гнушался мыслию способствовать гибели Московского Княжения, хотя и весьма опасного для независимости Тверского; поехал к Эдигею один с немногими Боярами, и возвратился из Клина, будто бы от нездоровья[207]. Сие великодушие могло стоить ему дорого: к счастию, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки Ханские, которые гнались за Великим Князем, не могли настигнуть его и, к досаде Эдигея, пришли назад. Не смотря на ослушание Иоанна Тверского и недостаток в нужных для осады снарядах, сей Вождь Ординский упорствовал взять Москву, если не приступом, то голодом, и хотел зимовать в Коломенском. Но вести, полученные им от Хана, расстроили его намерение. Уже прошел тот век, когда наследники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тмами, и могли в одно время громить Восток и Запад: внутренние несогласия, кровопролития, язва, Герой Донский и Тамерлан столь уменьшили многолюдство в Улусах, что Булат, отправив войско в Россию, остался беззащитным, и едва не был пленен каким-то мятежным Ординским Царевичем, хотевшим овладеть его столицею. Хан заклинал Полководца своего возвратиться немедлен-

но. Обстоятельства действительно были таковы, что Эдигей не мог терять времени, с одной стороны опасаясь Великого Князя, собиравшего в Костроме войско, а с другой еще страшнейших врагов в Орде; призвал Вельмож на совете, и положил чрез несколько часов отступить от нашей столицы; но желая казаться победителем, а не бегущим, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послал объявить Московским начальникам, что соглашается не брать их города, если они дадут ему окуп.

Москва представляла зрелище и ратной деятельности ревностных подвигов благочестия; с утра до ночи воины стояли на стенах, Священники в отверстых храмах пели молебны, народ постился. «Богатые — говорит Летописец — обещали Небу наградить бедных, сильные не теснить слабых, судии быть правосудными,— и солгали пред Богом» [208]! Владимир Андреевич, Князья, Бояре, целые три недели тщетно ждали приступа, и не имея запасов хлебных, страшились голода. Удивленные предложением Эдигея, и не зная, что сделало его миролюбивым, они с радостию дали ему 3000 рублей, и прославили милость Божию, когда сей Князь, отправив вперед добычу с обозом, 21 Декабря выступил из Коломенского; взял еще на возвратном пути Рязань, и скоро удалился от пределов Российских. Но следы сего ужасного нашествия остались на долго неизгладимы в оных. «Вся Россия — пишут современники — от реки Дона до Белаозера и Галича, была потрясена сею грозою. Целые волости опустели. Кто избавился от смерти и неволи, тот оплакивал ближних или утрату имения. Везде *туга* и скорбь, предсказанные некоторыми книжниками года за три или за четыре. Многие удивительные знамения также возвестили гнев Божий: со многих святых икон текло миро, или капала кровь», и проч. Суеверие всегдашнее в таких случаях: люди слабые, пораженные внезапным ударом, обыкновенно ищут сверхъестественных предзнаменований его в минувшем времени, как бы надеясь впредь лучшим вниманием к таинственным указаниям Судьбы отвращать подобные бедствия.

<Письмо Эдигеево>. Впрочем Эдигей, кроме добычи и пленников, не приобрел ничего важного сим подвигом, к коему он несколько лет готовился, и грозное письмо, отправленное им с пути к Великому Князю, не имело никаких следствий. Оно достопамятно: предлагаем его содержание [209].

«От Эдигея поклон к Василию, по думе с Царевичами и Князьями.— Великий Хан послал меня на тебя с войском, узнав, что дети Тохтамышевы нашли убежище в земле твоей. Ведаем также происходящее в областях Московского Княжения: вы ругаетесь не только над купцами нашими, не только всячески тесните их, но и самых Послов Царских осмеиваете. Так ли водилось прежде? Спроси у старцев: земля Русская была нашим верным Улусом; *держала страх*, платила дань, чтила Послов и гостей Ординских. Ты не хочешь знать того — и что же делаешь? Когда Тимур сел на Царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни Князя, ни Боярина. Минуло Царство Тимурово: Шадибек 8 лет властвовал: ты не был у него! Ныне царствует Булат уже третий год: ты, старейший Князь в Улусе Русском, не являешься в Орде! Все дела твои не добры. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил Боярин Феодор Кошка и напоминал тебе о Ханских благотворениях. Ныне сын его недостойный, Иоанн, Казначей и друг твой: что скажет, тому веришь, а думы старцев земских не слушаешь. Что вышло? разорение твоему Улусу. Хочешь ли княжить мирно? призови в совет Бояр старейших: Илию Иоанновича, Петра Константиновича, Иоанна Никитича и других, с ними согласных в доброй думе; пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили Царю Чанибеку, да не погибнет в конец Держава твоя. Все, писанное тобою к Ханам о бедности народа Русского, есть ложь: мы ныне сами видели Улус твой, и сведали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох: куда ж идет серебро? Земля Христианская осталась бы цела и невредима, когда бы ты исправно платил Ханскую дань; а ныне бегаешь как раб!... Размысли и научися!» — Но Великий Князь не хотел слушаться ни приказаний, ни советов его, сведав о новом мятеже в Орде; возвратился в столицу, и с любовию обнял дядю своего, Владимира Андреевича, довольный по крайней мере тем, что он, не имев способа защитить [26*] другие города [26*], сдал ему Москву в целости.

<Г. 1410. Кончина Владимира Храброго>. Сей знаменитый внук Калитин жил не долго и преставился с доброю славою Князя мужественного, любившего пользу отечества более власти. Он первый отказался от древних прав семейственного старейшинства, и был из Князей Российских *первым дядею служившим племяннику*. Кратковре-

менные ссоры его с Донским и Василием происходили не от желания присвоить себе Великокняжеский сан, а только от смут Боярских. Сия великодушная жертва возвысила в Владимире пред судилищем потомства достоинство Героя, который счастливым ударом решил судьбу битвы Куликовской, а может быть и России. В Архиве наших древностей хранятся договоры сего Князя с Василием и завещание. Он возвратил племяннику города Волок и Ржев, взяв от него в замену Углич, Городец на Волге, Козельск, Алексин, не в Удел временный, а в наследственное владение или в отчину, с обязательством, в случае смерти Василиевой, повиноваться его сыну как Государю верховному, ходить с ним самим на войну и посылать детей своих с полками Московскими[210]. В духовной записи Владимир Андреевич поручает супругу и детей Великому Князю; отказывает свою треть Москвы всем пяти сыновьям вместе так, чтобы они ведали ее по-годно; старшему сыну, Иоанну, дает Серпухов, Алексин, Козельск, (а буде сей город снова отойдет к Литве, то Любутск) — Симеону Боровск и половину Городца: другую половину Ярославу, вместе с Малоярославцем (названным так от имени сего Владимирова сына) — Андрею Радонеж — Василию Перемышль и Углич — супруге Елене Ольгердовне множество сел (в том числе Коломенское, Тайнинское и славную мельницу на устье Яузы); ей же с меньшими детьми большой двор Московский (другим сыновьям особенные домы и сады). Свидетелями духовной были Игумены Никон Радонежский, Савва Спасский и 5 Бояр Владимировых. Как сия, так и договорные, выше упомянутые грамоты свидетельствуют, что Великий Князь и Владимир, надеясь избавиться от ига Моголов, еще не были в том уверены: ибо последний обязывается делить с первым Ординские тягости и платить ему за Углич 105 рублей на семь тысяч рублей Ханской дани, а за Городец 160 р. на 1500 р.

<Происшествия в Орде. Г. 1411. Г. 1412>. В самом деле Великий Князь, при новой перемене в Орде, еще на время отказался от государственной независимости. Темир, неизвестный по летописям Восточным, свергнул Булата, и прогнав Эдигея к берегам Черного моря, должен был уступить престол Капчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовтову, нашему недоброжелателю, который прислал в Россию грозных Послов, и в доса-

ду Василию Димитриевичу хотел восстановить Княжение Нижегородское, объявив сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наследниками[211]: чего они искали в Орде, и смелейший из них, Даниил Борисович, за год до того времени с дружиною Князей Болгарских разбил в Лыскове брата Василиева, Петра Димитриевича; а Воевода Даниилов с Казанским Царевичем, Талычем, ограбил Владимир, имея у себя не более пяти сот Моголов и Россиян: столь унизилась знаменитая столица Боголюбского! Летописцы, в объяснение сего случая, сказывают, что она тогда не имела стен; что ее Наместник, Юрий Васильевич Щека, был в отсутствии, и что неприятели тайно пришли лесом из-за реки Клязмы в самый полдень, когда все граждане спали! Сам Митрополит, преемник Киприанов, Фотий, будучи в сие время близ Владимира, на Святом озере, едва мог спастися от Татар бегством в непроходимые пустыни Сенежские. Впрочем ни Лысковская победа, ни опустошение домов и церквей Владимирских, не могли возвратить Даниилу родительского престола: союзники его, Казанские Моголы, немедленно ушли назад с добычею. Но ярлык Хана в руках Князей Нижегородских, дружба Зелени-Салтана с Витовтом, новый тесный союз Иоанна Михайловича Тверского с Государем Литовским, у коего сын его, Александр, гостил в Киеве[212], и намерение Иоанново ехать в Орду, казались Василию Димитриевичу столь опасными, что он решился сам искать благосклонности Хана, и провождаемый всеми знатнейшими Вельможами, с богатыми дарами отправился в столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сын Тохтамышев, Керимбердей, застрелил сего недруга Россиян, и воцарился. Сей новый Хан, как вероятно, по смерти отца имел с другими братьями убежище в областях Московских, и следственно основанное на признательности благорасположение к Василию: по крайней мере Великий Князь, им обласканный, достиг своей цели; то есть, возвратился с уверением, что бывшие Владетели Суздальские не найдут в нем [27]*–(Хане)–[27]* покровителя, а Витовт друга, особенно ко вреду России. Иоанн Михайлович Тверский, также милостиво принятый Керимбердеем, с его согласия удержал за собою Кашин, не смотря на все искания брата, Василия Михайловича[213]. Сей бедный Князь, взятый под стражу Наместниками Тверскими, ушел из за-

ключения, скитался по лесам, был в Москве, у Хана, и не мог нигде найти защиты. Василий Димитриевич хотя привез его с собою из Орды, однако ж не хотел в угодность изгнаннику ссориться с Иоанном, который изъявил столько великодушия в бедственное для Москвы время, и в личном с ним знакомстве, при Дворе Хана, доказал ему искренними объяснениями, что не имеет никаких вредных для Великого Княжения замыслов.

<Г. 1415—1423>. Нет сомнения, что Василий, будучи в Ханской столице, снова обязался платить дань Моголам: он платил ее, кажется, до самого конца жизни своей, не смотря на внутренние беспорядки, на частые перемены в Орде. Керимбердей, друг Россиян, был неприятелем Витовта, который, желая свергнуть его с престола, объявил Царем Капчакским Князя Могольского, именем Бетсабулу, и в Вильне торжественно возложил на него знаки Царского достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукном багряным[214]. Керимбердей, победив сего Витовтова Хана, отсек ему голову; но скоро погиб от руки своего брата, Геремфердена, бывшего усердным союзником Государя Литовского. Кроме сего главного Хана, непрестанно являлись в Улусах иные Цари, воевали между собою или грабили наши пределы: так (в 1415 году) один из них, взяв Елец, убил тамошнего Князя; так Царь Барак, сын Койричака, победив другого, именем Куйдадата, приступал (в 1422 году) к Одоеву, и пленил множество людей, но должен был оставить их, настиженный в степях Князем Юрием Романовичем Одоевским и Мценским Воеводою, Григорием Протасьевичем, которые после, соединясь с Друцкими Князьями, разбили и Куйдадата. Сей Царь тревожил набегами и Литовские и Российские области: по чему Витовт, сведав о приближении его к Одоеву, требовал содействия от Великого Князя; и хотя Москвитяне не успели взять участия в битве: однако ж Витовтовы Полководцы, пленив двух жен Куйдадатовых, одну отправили к своему Государю, а другую в Москву.— Между тем и старец Эдигей, уступив Орду Капчакскую или Волжскую сыновьям Тохтамышевым, властвовал как Государь независимый в Улусах Черноморских. Будучи врагом Витовта, он (в 1416 году) разорил многие Литовские области; не мог взять укрепленного Киевского замка, но ограбил и сжег все тамошние церкви вместе с Печерскою Лаврою, пленив несколько тысяч граждан, так, что с сего

времени, по словам Историка Длугоша, Киев опустел совершенно. Наконец Эдигей, желая спокойствия, прислал в дар Витовту трех вельблюдов, покрытых красным сукном, и 27 коней, с следующею грамотою: «Князь знаменитый! в трудах и подвигах честолюбия застигла нас обоих унылая старость: посвятим миру остаток жизни. Кровь, пролиянная нами в битвах взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранные, коими мы друг друга огорчали, развеяны ветром; пламя войны очистило сердца наши от злобы; вода угасила пламя»[215]. Они заключили мир.

<Дела Новогородские>. Имея долговременную рать с Прусским Орденом, Витовт жил мирно с Василием Димитриевичем, который даже не отказался помогать ему войском. В 1422 году, при осаде *Голуба* или Кульма, были у Витовта союзные дружины Московская и Тверская, или *Великие Россияне*, как сказано в тогдашней переписке Ордена[216]. Уверяя зятя в своей приязни, Витовт в тоже время грозил Новогородцам, как Державе особенной. Желая быть в дружбе и с Литовским Государем и с Московским, они вторично приняли к себе Ольгердова сына, Лугвения, начальствовать в их областных городах, а брата Василиева, Константина Димитриевича, Наместником Великокняжеским в столицу[217]; но сия Политика не имела совершенного успеха. Примирясь с Немцами, Витовт и Король Ягайло велели Лугвению ехать в Литву, и все трое вместе возвратили мирные грамоты Новогородцам. Лугвений писал, что он, быв у них только на жалованье, разрывает сию связь, неприятную его братьям, которые составляют с ним одного человека. «Да будет война между нами! сказали Вечу Послы Королевские и Витовтовы именем двух Государей: вы обещали и не хотели действовать с нами против Немцев; вы торжественно злословите нас и называете *погаными*; вы благотворите сыну врага нашего, Юрия Святославича». Феодор Юрьевич Смоленский действительно жил там и пользовался великодушною защитою Правительства: сей юный Князь спешил объявить своим покровителям, что не хочет быть для них виною опасной вражды; он немедленно удалился в Немецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться к Великому Князю; но не имея к нему доверенности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миром (в 1414 году), *на старых условиях*, как сказано в летопи-

си: ибо Государь Литовский не думал прямо воевать с ними, а только искушал их твердость угрозами, в надежде, что сия народная Держава согласится иметь одну политическую систему с Литвою, одних друзей и неприятелей: то есть, давать ему или войско или серебро в случае войны с Немцами. Властолюбие его тогда не простиралось далее: ибо Василий Димитриевич, уступив тестю Смоленск, без кровопролития не уступил бы Новагорода, который издревле считался областию Великокняжескою. Однако ж Новогородцы поставили на своем, удержав право мириться и воевать по собственной воле, а не в угодность Государю Литовскому.

Во все княжение Василия Димитриевича они не имели никакой *важной* рати с неприятелями внешними. Толпы Шведов грабили иногда в окрестностях городка Ямы (ныне Ямбурга), в Корелии и на берегах Невы, но уходили немедленно; Россияне, в наказание за то, сожгли предместие Выборга и несколько сел в окрестностях. Двинский Посадник, Яков Стефанович, ходил с малочисленною дружиною воевать пределы Норвегии; а *Мурмане* или Норвежцы, числом до пяти сот, приплыв в лодках к тому месту, где ныне Архангельск, обратили в пепел 3 церкви и злодейски умертвили Иноков Монастырей Николаевского и Михайловского.— С Ливонскими Немцами (в 1420 году) был у Новогородцев дружелюбный съезд на берегу Наровы: именем первых сам Магистр[28]* Сиферт, Ландмаршал Вильрабе, Ревельский Коммандор Дидрих и Фогт Венденский Иоанн, от Россиян же Наместник Московский, Князь Феодор Патрикиевич, два Посадника и три Боярина утвердили вечный мир на древних условиях времен Александра Невского, касательно границ и торговли[218]. Госвин, Феллинский Коммандор, и Ругодивский или Нарвский Фогт, Герман, приезжали для того в Новгород.

Сия вольная Держава долее обыкновенного наслаждалась тогда и внутренним гражданским спокойствием. Только один случай возмутил оное. Расскажем его в доказательство, какие маловажные причины могут иногда волновать общество народное. Некто людин или простой гражданин, именем Стефан, злобствуя на Боярина Данила Божина, схватил его на улице, крича: «добрые люди! помогите мне управиться с злодеем». Народ взял сторону людина, и без всякого исследования сбросил Данила с мосту. Один добродушный рыболов не дал утонуть невинному

Боярину, а народ в неистовстве разграбил дом сего человека. Дело могло бы тем кончиться; но Данило, желая мести, посадил своего обидчика в темницу: о чем узнав, все граждане Торговой Стороны взволновались, ударили в Вечевый колокол, надели доспехи, взяли знамя и пришли в Кузмодемьянскую улицу, где жил Боярин Данило: в несколько минут дом его был сравнен с землею и Стефан освобожден. Завидуя избытку Бояр, и приписывая им дороговизну хлеба, они разграбили множество дворов и монастырь Св. Николая, утверждая, что в нем Боярские житницы. Сторона Софийская, где обитали граждане знатнейшие, противилась их злодениям, и также вооружилась. Звонили в колокола, бегали, вопили, и стараясь занять Большой мост, стреляли друг в друга. Одним словом, казалось, что свирепый неприятель вошел в город, и что жители, по их древнему любимому выражению, умирают *за Святую Софию*. В сие самое время сделалась ужасная гроза: от непрестанной молнии небо казалось пылающим; но мятеж народа был еще ужаснее грозы. Тогда Архиепископ Новогородский Симеон, возведенный на сию степень по жребию из простых Иноков (не будучи даже ни Священником, ни Диаконом), муж редких добродетелей, собрал все Духовенство в храме Софийском, облачился в ризы Святительские, и провождаемый Клиросом вышел к народу, стал посреди мосту, и взяв в руки животворящий крест, начал благословлять обе Стороны. В одно мгновение шум и волнение утихли; толпы сделались неподвижны; оружие и шлемы упали на землю, и вместо ярости изобразилось на лицах умиление. «Идите в домы свои с Богом и с миром!» вещал добродетельный Пастырь — и граждане в безмолвии, в тишине, в духе смирения и братства, разошлися[219]. Сей достопамятный случай прославил Архиепископа Симеона.

С Великим Князем жили Новогородцы в мире, более притворном, нежели искреннем: они не преставали ни опасаться Василия, ни досаждать ему. В 1417 году изменники, беглецы Новогородские, Симеон Жадовский и Михайло Рассохин, собрав толпы бродяг на Вятке, в Устюге, вместе с Боярином брата Василиева, Юрия Димитриевича, из областей Великокняжеских нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то Бояре Новогородские, выгнав сих разбойников, сами ограбили Устюг, будто бы без ведома Правительства, так же, как Рассохин и Жа-

довский действовали будто бы без всякого сношения с Москвою [220]. Ссора Василия Димитриевича с братом Константином, в 1420 году, подала Новогородцам случай сделать не малую досаду первому. Следуя новому уставу в правах наследственных, Великий Князь требовал от братьев, чтобы они клятвенно уступили старейшинство пятилетнему сыну его, именем Василию. Константин не хотел сделать того и лишился Удела; Бояр его взяли под стражу; имение их описали. Злобствуя на Великого Князя, он уехал в Новгород, где Правительство, ни мало не боясь Василиева гнева, с отменными ласками приняло Константина Димитриевича, дало ему в Удел все города, бывшие за Лугвением, и какой-то особенный денежный сбор, именуемый *Коробейщиною* [221]. Великий Князь должен был оскорбиться; но скрыл гнев, и примирился с братом, огорчаемый тогда ужасными естественными бедами отечества.

<Язва>. Язва, которая со времен Симеона Гордого несколько раз посещала Россию, ужаснее прежнего открылась в княжение Василия Димитриевича: во Пскове и в Новегороде [29*]–была–[29*] четыре раза, и дважды в областях Московских, Тверских, Смоленских, Рязанских. [30*]–Признаки и следствия оказывались те же: а именно, железа; кровохаркание, озноб, жар,— и смерть неминуемая–[30*]. Иногда приходила сия гибельная чума во Псков из Ливонского Дерпта, иногда из других мест, или возобновлялась от употребления вещей зараженных. Опустошив Азию, Африку, Европу, она нигде не свирепствовала так долго, как в нашем отечестве, где от 1352 года до 1427 в разные времена бесчисленное множество людей было ее жертвою: в одном Новегороде, по известию Немецкого Историка Кранца, умерло 80 000 человек в 6 месяцев: «люди (говорит он) ходя падали на улицах и в одну минуту испускали дух; здоровые шли погребать усопших, и внезапно лишаясь жизни, в той же могиле были сами погребаемы» [222]. Ни посты, ни чин Ангельский не спасали: алчная смерть, в городах и селах наполняя скудельницы трупами, искала добычи и в святых Обителях душевного мира. Строили церкви; отказывали имение монастырям: иных средств не употребляли. Суеверные Псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимых ведьм, и зная по преданию, что древнейшая церковь Христианская, в их городе созданная, была посвящена Св. Власию, возоб-

новили оную на старом месте, в надежде, что Господь скорее услышит там их моление о конце сего бедствия. <Голод>. Еще не довольно: в 1419 году выпал глубокий снег 15 Сентября, когда еще хлеб не был убран; сделался общий голод и продолжался около трех лет во всей России; люди питались кониною, мясом собак, кротов, даже трупами человеческими; умирали тысячами в домах и гибли на дорогах от зимнего необыкновенного холода в 1422 году. Сперва продавался оков ржи (или 8 осмин) по рублю, в Костроме по два, в Нижнем по шести рублей (что составляло фунт с 1/4 серебра); наконец не-где было купить осьмины. Зная, что во Пскове находилось много ржи запасной, жители Новогородские, Тверские, Московские, Чудь, Корела, толпами устремились в сию область, богатые покупать и вывозить хлеб, а скудные кормиться милостынею. Скоро цена там возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двух рублей. Псковитяне, запретив вывоз хлеба, изгнали всех пришельцев, и сии бедные с женами, с детьми умирали на большой дороге. Кроме того, Москва и Новгород были приводимы в ужас частыми пожарами. В 1421 году необыкновенное наводнение затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровлях; множество домов и церквей обрушилось. К сим страшным явлениям надлежит еще прибавить зимы без снега, бури неслыханные, дожди *каменные* и славную Комету 1402 года, для суеверов Италии предвестницу смерти Миланского Герцога, Иоанна Галеаса. <Мысль о преставлении света>. Одним словом, Россияне ждали конца миру, и сию мысль имели самые просвещеннейшие люди тогдашнего времени. «Иисус Христос — говорили они — сказал, что в последние дни будут великие знамения небесные, глад, язвы, брани и неустройства; восстанет язык на язык, Царство на Царство: все видим ныне. Татары, Турки, Фряги, Немцы, Ляхи, Литва, воюют вселенную. Что делается в нашем православном отечестве? Князь восстает на Князя, брат острит меч на брата, племянник *кует* копие на дядю»[223]. В самых делах государственных о том упоминалось. Когда Псковитяне в 1397 году заключали мир с Новогородцами, Архиепископ Иоанн, будучи между ими посредником, склонил их к дружелюбию словами: «дети! видите уже последнее время!»

<Г. 1425, Февраля 27. Кончина и характер Василия>. Среди общего уныния и слез, как говорят Летописцы, Василий Димитриевич преставился на 53 году от рождения, княжив 36 лет, с именем Властителя благоразумного, не имев любезных свойств отца своего[31]*, добросердечия, мягкости во нраве, ни пылкого воинского мужества, ни великодушия геройского, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый Князьями, народом, уважаемый друзьями и неприятелями. Присвоив себе Нижний Новгород, Суздаль, Муром,— вместе с некоторыми из бывших Уделов Черниговских в древней земле Вятичей: Торусу, Новосиль, Козельск, Перемышль, равно как и целые области Великого Новагорода: Бежецкий Верх, Вологду и проч., сей Государь утвердил в своем подданстве Ростов, коего Владетели, со времен Иоанна Даниловича зависев от Москвы, сделались уже действительными слугами Василия, посылаемые им в качестве Наместников управлять другими городами. В Хлыновской летописи сказано, что он[32]* посылал войско на Вятку с Князем Симеоном Ряполовским, но не мог овладеть ею: современные же грамоты доказывают, что Василий действительно присоединил ее к Московским областям, и что брат его, Юрий, Князь Галицкий, господствовал над оною. Впрочем сия народная Держава еще сохраняла свои древние уставы гражданской вольности. Не хотев мечем покорять ни Рязани, ни Твери, Василий имел решительное большинство над Князьями их и следственно приближался к Единовластию в России; усилив Державу Московскую приобретениями важными, сохранил ее целость от хищности Литовской, и менее всех своих предшественников платил дань Моголам[224]. Может быть, он сделал ошибку в Политике, дав отдохнуть Витовту, разбитому Ханом; может быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь с Ордою, и вместе с Олегом Рязанским ударить на Литву, чтобы соединить южную Россию с северною, а после тем удобнее свергнуть иго Ханское. Но все ли обстоятельства нам известны? Успех предприятия столь великого и смелого был ли действительно вероятен? Князь Московский, Государь шести или семи нынешних Губерний в северной России, имел ли способ сокрушить Витовта, который, властвуя над ее лучшею, многолюднейшею половиною и над всею Литвою, располагая также силами Польши, легко мог, утратив одно вой-

ско на берегах Ворсклы, собрать другое? Великий Князь без сомнения не думал щадить тестя и не жертвовал отечеством какой нибудь семейственной слабости (быв несколько раз готов сразиться с Витовтом в поле); но действовал так по лучшему своему государственному разумению. Смелость оправдывается только успехом; безвременная, неудачная губит Державы — и часто благодарность отечества принадлежит тому, кто без крайности не дерзал на опасность, и не искал имени *Великого*.

<Завещание>. Довольно, что Василий умел обуздывать тестя, и не дал ему поглотить остальных владений независимой России. С 1408 года они жили в непрерывном согласии, и года за два до кончины Великого Князя супруга его ездила к отцу в Смоленск, может быть не только для свидания, но и для важных государственных переговоров[225]. Василий, кажется, чувствовал себя близким к смерти; хотел заблаговременно взять меры к утверждению сына на престоле Великокняжеском, и в завещании своем говорит, что он поручает его, вместе с материю, дружескому заступлению тестя и брата, Государя Литовского, который именем Божиим ему в том обязался[226]. Вероятно, что Княгиня София в сем важном деле была посредницею между отцем и супругом. Василий оставлял сына младенцем; знал честолюбие братьев, в особенности Юрия и Константина; предвидел, что они могут воспротивиться новому уставу наследства, подчинявшему дядей племяннику, и надеялся, что сильный и не менее гордый Витовт, признательный к лестной его доверенности, захочет оправдать ее ревностию к пользе юного внука, согласной с нашею государственною: ибо древний, многосложный, неясный закон родового старейшинства более всего питал междоусобие в России. Мог ли Великий Князь действительно ожидать бескорыстных услуг от тестя, поседевшего в кознях властолюбия? Но сия доверенность кажется более хитростию, нежели слабодушным легковерием: она состояла только в словах, и возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василиева в случае насилия со стороны дядей, не давала Литве никаких способов поработить Москву: ибо Совет Великокняжеских Бояр, пестунов Государя-отрока, знал, чего требовать от иноплеменного покровителя, и до чего не допускать его.

В сем завещании Василий, *благословляя* сына *Великим Княжением* и поручая матери, отказывает ему все

родительское наследие и собственный *примысл* (Нижний Новгород, Муром), *треть Москвы* (ибо другие две части принадлежали сыновьям Донского и Владимира Андреевича), Коломну и села в разных областях; сверх того *большой луг* за Москвою рекою, Ходынскую мельницу, двор Фоминский у Боровицких ворот и загородный у Св. Владимира; а из вещей драгоценных золотую шапку, бармы, крест Патриарха Филофея, каменный сосуд Витовтов, хрустальный кубок, дар Короля Ягайла, и проч.; все иные вещи отдает супруге, также и многие волости, прибавляя: «там Княгиня моя господствует и судит до кончины своей; но должна оставить их в наследство сыну: села же, ею купленные, вольна отдать, кому хочет. Дочерям отказываю каждой по пяти семей из рабов моих; Княгинины холопи остаются служить ей; прочих освобождаю»[227]. Грамота скреплена восковыми печатями, четырмя Боярскими и пятою Великокняжескою с изображением всадника; а внизу подписаны Митрополитом Фотием (Греческими словами). Заметим, что Василий Димитриевич уже именно объявляет здесь сына преемником своим в достоинстве Великокняжеском; но при жизни старшего сына, Иоанна, умершего отроком, написав подобное же завещание, говорит в оном[228]: «а даст Бог Князю Ивану Великое Княжение держати»: следственно еще предполагает необходимость Ханского на то согласия. Сия первая духовная сочинена около 1407 года, и скреплена одною серебряною, вызолоченною печатию с изображением Св. Василия Великого и с надписью: *Князя Великого Василия Димитриевича всея Руси.*

<Договор с Рязанским Князем>. В числе грамот сего времени сохранился также договор Великого Князя с Феодором Ольговичем Рязанским, писанный в 1403 году. Феодор, обязываясь чтить Василия старейшим братом, называет Владимира Андреевича и Юрия Димитриевича равными себе, а других сыновей Донского меньшими братьями; дает слово не иметь никаких сношений с Ханами и с Литвою без ведома Василиева, уведомлять его о всех движениях или намерениях Орды, жить в любви с Князьями Торусскими и Новосильскими, слугами[33]* Великого Князя; признает Оку границею своих и Московских владений, и проч. Василий же, уступив ему Тулу, обещает не подчинять себе ни земли Рязанской, ни ее Князей; именует Феодора *Великим* Князем, но вообще

говорит языком верховного, хотя и снисходительного, или умеренного в властолюбии повелителя [229].

К блестящим для России деяниям Василиева государствования принадлежит услуга, оказанная сим Великим Князем Императору Греческому, Мануилу. Уже славное Царство Константина Великого находилось при последнем издыхании. Уступив всю Малую Азию, Фракию и другие владения Османским Туркам, которые осаждали и Царьград, спасенный единственно Тамерланом, счастливым врагом Баязетовым; утратив почти все, кроме столицы, Мануил находился в крайности, и не имея казны, не мог иметь и войска, нужного для своей защиты. <Дары посланные в Грецию>. Сведав о сем жалостном оскудении Монарха единоверного, Василий Димитриевич не только сам отправил к нему (в 1398 году) знатное количество серебра с Монахом Ослебею, бывшим Любутским Боляричем, но уговорил и других Князей Российских сделать то же [230]. <Дочь Василиева за Императором>. Сии дары были приняты в Константинополе с живейшею благодарностию: Царь, Патриарх, народ прославили великодушие Россиян; и Мануил, чтобы еще более утвердить дружелюбную связь с Москвою, женил (в 1414 году) сына своего, Иоанна, на дочери Василия Димитриевича, Анне. И так брачные союзы между Государями Восточной Империи и Российскими начались и заключились невестами одного имени. Брак первой Анны, супруги Владимира Святого, имел счастливые действия для Греции; но внука Донского видела там одни бедствия, и чрез три года скончалась от морового поветрия [231]. Супруг ее царствовал под именем Иоанна Палеолога и не оставил детей.

<Дела церковные>. Церковные дела сего времени особенно достопамятны в нашей Истории. Мы видели, что при Димитрии Россия имела двух Митрополитов: северная Пимена, южная Киприана. Кончина первого соединила обе Митрополии, и Киприан, быв для того в Цареграде, выехал оттуда с великою пышностию, провождаемый двумя Греческими Митрополитами, Адрианопольским и Гаанским, тремя Архиепископами (Феодором Ростовским, Евфросином Суздальским, Исаакием Черниговским), Епископом Михаилом Смоленским, Греком Иеремиею Рязанским и Феодосием Туровским [232,34*]. Великий Князь, Бояре и народ с великою честию встретили Киприана в Котлах, радуясь, что Глава всего Духовенства Россий-

ского снова будет обитать в Московской столице, и зная уже личные его достоинства. В самом деле сей Митрополит имел жаркое усердие к Вере и нравственность непорочную, строго судил неправды Епископов, и не дозволял им противиться власти Княжеской. Так он справедливо наказал Епископа Тверского, Евфимия Вислена, обвиняемого Князем, Духовенством и народом в разных беззакониях; свел его с Епископии и велел ему жить в келье Чудова монастыря; а Епископа Туровского, Антония, в угодность Витовту лишив и сана Святительского, отняв у него *белый* клобук, ризницу, источники и скрижали, заключил в Симоновской Обители. Другой Епископ Литовской России, Савва Луцкий (в 1401 году) призванный на Собор девяти Архиереев в Москве, долженствовал отказаться от своей Епархии: вероятно, также имев несчастие заслужить гнев Витовтов. Мы говорили о судьбе Архиепископа Новогородского Иоанна, около трех лет сидевшего в монастыре Николаевском единственно по негодованию Великого Князя на сего ревностного ходатая прав Новогородских. Действуя всегда согласно с пользою или волею государственных Властителей, Киприан сохранил под своим начальством Епархии южной России и был отменно любим Василием Димитриевичем. Мы должны упомянуть здесь о грамоте, будто бы данной Киприану сим Государем на суды церковные, и внесенной в некоторые новейшие летописи, с прибавлением, что она выписана из старого Московского Номоканона[233]. В ней сказано: «Се аз Князь Великий Василий Димитриевич, размыслив с отцем своим, Митрополитом Киприаном, возобновляю древние уставы церковные прадеда моего, Св. Владимира, и сына его, Ярослава, согласно с Греческим Номоканоном.... В лето 6911» (1403). Сии два устава, мнимый Владимиров и Ярославов, суть явно подложные: мог ли благоразумный Василий Димитриевич верить их истине? мог ли сам Митрополит предложить Государю законы столь нелепые, по которым надлежало платить за бранное слово, сказанное женщине, во сто раз более, нежели за гнуснейшие преступления и злодейства[234]? Киприан славился не только благочестием, но и дарованиями разума. Уважаемый Константинопольским Духовенством, он был призван им на Собор, чтобы торжественно низвергнуть беззаконного Патриарха Макария, и вместе с знаменитейшими Греческими Святителями подписал имя свое на *свитке* Мака-

риева *осуждения*. Любя уединение, он жил большею частию вне Москвы, в селе Голенищеве, между Воробьевыми горами и Поклонною, где наслаждаясь приятными видами и тишиною, переводил книги с Греческого и сочинил житие Св. Петра Митрополита[235], в коем, говоря о себе весьма скромно, описывает виденные им мятежи и бедствия в Греции. Как ревностный учитель Веры, он имел удовольствие обратить трех знаменитых Вельмож Ханских: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выехали из Орды в Москву, и просвещенные его беседами, захотели креститься. Сей торжественный обряд совершился на берегу Москвы реки, в присутствии Великого Князя и всего Двора, при колокольном звоне и радостных восклицаниях бесчисленного народа. Москвитяне плакали от умиления, видя древних гордых врагов своих смиренно внимающих гласу Митрополита, и веселились мыслию, что торжество нашей Веры предзнаменует и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трех Святых Отроков, Анании, Азарии и Мисаила, сии новокрещенные ходили вместе по городу, дружелюбно кланялись народу и были им приветствуемы как братья[236].— Уважаемый и любимый, Киприан скончался в маститой старости, за несколько дней до смерти (в 1406 году) написав грамоту к Василию Димитриевичу, ко всем Князьям Российским, Боярам, Духовенству, мирянам, благословляя их и требуя Христианского прощения. Архиепископ Ростовский, Григорий, читая оную в слух над гробом его в Успенском Соборе, произвел общее рыдание. С того времени все новейшие Митрополиты Московские списывали сию грамоту и приказывали читать ее на своем погребении.

Преемником Киприановым был (в 1409 году) Фотий, Морейский Грек, который знал хорошо язык Славянский, хотя обыкновенно писал имя свое по-Гречески[237]: муж разумный и добродетельный, как говорят Летописцы, но весьма несчастливый в своем церковном правлении. Приехав в северную Россию, опустошенную тогда Эдигеем, он с великою ревностию старался о восстановлении Митрополитского достояния, расхищенного и неприятелем и корыстолюбцами. Стяжания церковные были захвачены мирянами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать их и тягаться с людьми сильными, с Князьями, с Боярами: чем Фотий возбудил на себя досаду многих; говорили, что он печется более о мирском, неже-

ли о духовном; винили его в излишнем корыстолюбии, может быть отчасти и справедливо; по крайней мере сам Великий Князь ему недоброхотствовал, и не любя Митрополита, смотрел по видимому равнодушно и на вред, скоро претерпенный Митрополиею.

Хитрый Витовт без сомнения издавна видел с неудовольствием своим Российские земли под духовною властию Святителя инодержавного. Митрополиты наши именовались Киевскими, но жили в Москве, усердствовали ее Государям, и повелевая совестию людей, питали дух братства между южною и северною Россиею, опасный для Правления Литовского; сверх того, собирая знатные доходы в первой, истощали ее богатство и переводили оное в Московское Великое Княжение. Благоразумная Политика Киприанова удаляла исполнение Витовтова замысла: сей Пастырь, выехав из Литовских владений в Москву, как в столицу Государя правоверного, следственно и Митрополии, не оставлял Киева; посетив его в 1396 году, жил там около осьмнадцати месяцев; ездил и в другие южные Епархии; вообще угождал Витовту. Фотий, Монах от юности, мало сведущий в делах государственных, и воспитанный в ненависти к Латинской Церкви, не искал милости в Витовте, усердном Католике; не хотел даже быть в областях его, и требовал единственно доходов оттуда. Тогда Витовт, созвав Епископов южной России, предложил им избрать особенного Митрополита, и велел подать себе жалобу на Фотия как на Пастыря нерадивого. Тщетно Фотий хотел отвратить удар: он спешил в Киев, чтобы примириться с Витовтом или ехать в Константинополь к Патриарху; но ограбленный в Литве, долженствовал возвратиться в Москву. Наместники его были высланы из южной России, волости и села Митрополитские описаны на Государя и розданы Вельможам Литовским[238]. Согласно с желанием Духовенства, Витовт послал в Константинополь ученого Болгарина, именем Григория Цамблака, ласковыми письмами убеждая Императора и Патриарха поставить сего достойного мужа в Митрополиты Киевские. Когда же, доброхотствуя Фотию, Патриарх не исполнил его воли: все Епископы южной России съехались в Новогродок, и сами собою, в угодность Государю, посвятили Цамблака в Митрополиты, написав во всенародное известие следующую достопамятную грамоту[239]:

«Всякое даяние благо и всяк дар совершен, свыше исходяй от Отца светом. И мы приняли сей дар Небесный; и мы утешились оным, Епископы стран Российских, друзья и братья по Духу Святому, смиренный *Архиепископ* Полоцкий и Литовский, Феодосий, Епископ Исаакий Черниговский, Дионисий Луцкий, Герасим Владимирский, Севастиан Смоленский, Харитоний Хельмский, Евфимий Туровский. Видя запустение Церкви Киевской, главной в Руси, имея Пастыря только именем, а не делом, мы скорбели душею: ибо Митрополит Фотий презирал наше духовное стадо; не хотел ни править оным, ни видеть его; корыстовался единственно нашими церковными доходами, и переносил в Москву древнюю утварь Киевских храмов. Бог милосердый подвигнул сердце Великого Князя Александра Витовта, Литовского и многих Русских земель Господаря: он изгнал Фотия и просил иного Митрополита от Царя и Патриарха; но ослепленные неправедною мздою, они не вняли молению праведному. Тогда Великий Князь собрал нас Епископов, всех Князей Литовских, Русских и других подвластных ему, Бояр, Вельмож, Архимандритов, Игуменов, Священников — и мы в Новом Граде Литовском, в храме Богоматери, по благодати Святого Духа и преданию Апостольскому посвятили Киевской Церкви Митрополита, именем Григория, и свергнули Фотия, представив его вины Патриарху, да не рекут люди сторонние: *Государь Витовт иной Веры; он не печется о Киевской Церкви*, которая есть мать Русским, ибо Киев есть мать всем градам нашим. Епископы издревле имели власть ставить Митрополитов, и при Великом Князе Изяславе посвятили Климента. Так и Болгары, древнейшие нас в Христианстве, имеют собственного Первосвятителя; так и Сербы, коих земля не может равняться ни величеством, ни множеством народа с областями Александра Витовта. Но что говорить о Болгарах и Сербах! Мы последовали уставу Апостолов, которые предали нам, ученикам своим, благодать Св. Духа, равно действующую на всех Епископов. Собираяся во имя Господне, Святители везде могут избирать достойного учителя и Пастыря, Самим Богом избираемого. Да не скажут легкомысленные: *отлучимся от них, когда они удалились от Церкви Греческой*! Нет: мы храним предания Святых Отцев, клянем ереси, чтим Патриарха Константиноградского и других; имеем одну Веру с ними, но отвергаем только беззаконную в церков-

ных делах власть, присвоенную Царями Греческими: ибо не Патриарх, но Царь дает ныне Митрополитов, торгуя важным Первосвятительским саном. Так Мануил, любя не славу Церкви, а корысть свою, в одно время прислал нам трех Митрополитов: Киприана, Пимена и Дионисия. Сие было виною многих долгов, убытков, мятежа, убийства[240], и — что всего хуже — бесчестия для нашей Митрополии. Рассудив же, что не подобает Царю-мирянину ставить Митрополитов за деньги, мы избрали достойного Первосвятителя.... В лето 6924 Индикта, Ноября 15» (в 1415 году).

Тщетно Фотий писал грамоты к Вельможам и народу южной России, опровергая незаконное посвящение Григория, как дело одной мирской власти или *иноверного мучителя*, врага истинной Церкви[241]: древняя единственная Митрополия наша разделилась оттоле на две, и Московские Первосвятители оставались только по имени Киевскими. Григорий Цамблак, муж ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить Церковь Греческую с Латинскою, ездил для того с Литовскими Панами в Рим и в Константинополь, но возвратился без успеха и скончался в 1419 году, хвалимый в южной России за свое усердие к Вере и проклинаемый в Московской Соборной церкви как отступник[242]. Он уставил торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написал ее житие вместе со многими Христианскими поучениями. Преемником его в Киевской Митрополии был Герасим, Смоленский Епископ, поставленный Константинопольским Патриархом в 1433 году[243].

<Судная грамота>. Отвергая мнимую Василиеву грамоту о суде церковном, между памятниками его княжения нашли мы другую, гораздо несомнительнейшую, о суде гражданском. Она тем любопытнее, что со времен Ярослава Великого до XV века не встречалось нам ни в летописях, ни в архивах, ничего относительного к древнему Российскому законодательству. Сия судная грамота писана к Двинским жителям, когда они в 1397 году признали себя подданными Государя Московского, и содержит следующее[244]:

«Буде я, Великий Князь, определю к вам в Наместники своего Боярина, или Двинского, то они должны поступать согласно с сим предписанием.

Ежели сделается убийство, то сыскать убийцу; ежели не найдут его, то волость платит Наместнику 10 рублей; за рану кровавую 30 белок, за синюю 15 белок; а преступник наказывается особенно.

Кто обесчестит Боярина словами или ударит, с того взыскивают Наместники пеню по чину или роду обиженного.

Буде драка случится в пиршестве, и там же прекратится миром: то Наместникам и Дворянам нет дела; а будет мир сделается уже после, то Наместник берет куницу *шерстью*.

Перепахав или перекосив межу на одном поле или на одном лугу, виновный дает барана, за перепаханную межу сельскую 30 белок, за Княжескую 120 белок; но его не вязать.— Вообще все судимые, дающие порук, остаются свободны. С человека скованного Дворянами судейским не просить ничего; всякое обещание в таком случае недействительно.

У кого найдется краденое, но кто сведет с себя татьбу, и доищется вора: тому нет наказания. Вор же платит в первый раз цену украденного; за преступление вторичное наказывается тяжкою денежною пенею, а в третий раз виселицею. Тать во всяком случае должен быть заклеймен.

Уличенный в *самосуде* платит 4 рубля; а самосуд есть то, когда гражданин или земледелец, схватив татя, отпустит его за деньги, а Наместники о сем узнают.

Кто будучи вызываем к суду, не явится, на того Наместники дают грамоту *правую бессудную* или обвинительную.

Господин, ударив холопа своего и нечаянно убив до смерти, не ответствует за то Наместникам.

В тяжбах со всякого рубля Наместнику полтина.

Обиженные Наместником приносят жалобу мне, Великому Князю. Я потребую его к ответу; и буде в срок не явится, то велю Приставу Княжескому поступить с ним как с виновным.

Двинские купцы не должны быть судимы ни в Устюге, ни в Вологде, ни в Костроме. Если будут обличены в татьбе, то представить их ко мне, Великому Князю, и ждать моего суда, или жаловаться на них Двинским моим Наместникам.

Двиняне торгуют без пошлины во всех областях Великого Княжения, платя единственно Устюжским и Вологодским Наместникам [35*]–две меры–[35*] соли с ладии, а с воза две белки», и проч. Далее определяется платеж Дворянам или судейским Отрокам (как они в древней Русской Правде именуются) за труд и переезды.

Сии законы уже не сходствуют с Уставом Ярослава Великого, определяя смертную казнь за воровство, наказываемое у нас в старину одною денежною пенею.— Под именем *белок*, упоминаемых здесь в означении цен, должно разуметь не древние векши, или кожаную монету, а действительные бельи шкуры, так же, как в другом месте сей грамоты сказано, что Наместник за драку берет куницу *шерстью*: следственно кунью шкуру. Нет вероятности, чтобы виновный за кровавую рану и за перепахание межи платил только 30 *векшей*: сумму ничтожную по цене древних кожаных денег. Впрочем сии деньги, или *куны*, тогда еще ходили в Двинской земле: ибо Новогородское Правительство отменило их уже в 1410 году, заменив оные медными грошами Литовскими и Шведскими Оршугами, а в 1420 году серебряною монетою, подобною Московской и другим Российским, продав медную Немцам. То же сделали и Псковитяне; и с сего времени во всей России начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконец столь унизились в цене, что в 1407 году Псковитяне давали ими 15 гривен за полтину серебра [245].

<Разные известия>: В прибавление к Истории Василия Димитриевича сообщим следующие известия:

В его Княжение Россияне начали счислять годы мироздания с Сентября месяца, оставив древнее летосчисление с Марта. Вероятно, что Митрополит Киприан первый ввел сию новость, подражая тогдашним Грекам [246].

Уже при Димитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам или фамилиям, вместо прозвищ, коими различались прежде люди одного имени и отчества [247]: при Василии сие обыкновение утвердилось, и древние Славянские имена вышли из употребления.

В сие время Москва славилась иконописцами, Симеоном Черным, старцем Прохором, Городецким жителем, Даниилом и Монахом Андреем Рублевым, столь знаменитым, что иконы его в течение ста-пятидесяти лет служили образцем для всех иных живописцев. В 1405 году он расписал церковь Св. Благовещения на Дворе Великокняже-

ском, а в 1408 Соборную Св. Богоматери в Владимире, первую вместе с Греком Феофаном и с Прохором, а вторую с Даниилом.— И в литейном художестве Москва имела искусных мастеров: один из них (в 1420 году) научил Псковского гражданина Феодора лить свинцовые доски для кровли церковной: за что Псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптские Немцы, скрывая от Россиян все успехи полезных художеств, никак не хотели присылать к ним своих мастеров [248].

В 1404 году Монах Афонской горы, именем Лазарь, родом Сербин, сделал в Москве первые боевые часы, которые были поставлены на Великокняжеском дворе, за церковию Благовещения, и стоили более полутораста рублей, то есть, около тридцати фунтов серебра. Народ удивлялся сему произведению искусства как чуду [249].

В 1394 году Великий Князь, желая более укрепить столицу, велел копать ров от Кучкова поля, или нынешних Стретенских ворот, до Москвы-реки, глубиною в человека, а шириною [36*] в сажень. Для сего, к неудовольствию граждан, надлежало разметать многие домы: ибо ров шел сквозь улицы и дворы [250]. Следственно Москва была тогда уже обширнее нынешнего Белого города.

В 1390 году знатный юноша, именем Осей, сын Великокняжеского пестуна, был смертельно уязвлен оружием в Коломне *на игрушке*, как сказано в летописи [251]: сие известие служит доказательством, что предки наши, подобно другим Европейцам, имели рыцарские игры, столь благоприятные для мужества и славолюбия юных витязей.

В послании Митрополита Фотия, писанном в 1410 году к Новогородскому Архиепископу Иоанну, находим некоторые достопамятные черты относительно к тогдашним понятиям, обыкновениям и нравам. Фотий велит наказывать эпитимиею мужа и жену, которые совокупились браком без церковного, Иерейского благословения, и венчать свадьбы после [37*]-Обедни, а не в полдень, не ночью; дозволяет [-37*] третий брак единственно молодым людям, не имеющим детей, и с условием не входить в церковь пять лет, или заслужить прощение искренним, ревностным покаянием, слезами и сокрушением сердца; возбраняет девицам замужство прежде двенадцати лет; всех, дерзающих пить вино до обеда, лишает причащения; строго осуждает непристойную брань именем отца или матери; запрещает Духовенству торговать и лихоимствовать. Инокам и Чер-

ницам жить в одном монастыре, вдовым Иереям быть в женских Обителях, людям легковерным слушать басни и принимать *лихих баб с узлами*, с ворожбою и с зелием. Сей Митрополит изъявлял отменное усердие к истинному Христианскому просвещению и писал многие учительные послания к Духовенству, Князьям и народу [252].

<Добродетель супруги Донского>. Василий Димитриевич за 18 лет до кончины своей оплакал смерть матери [38]*, Евдокии, славной умом, а еще более Христианскими добродетелями, и сравниваемой Летописцами с Мариею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великого, в ревности к украшению церквей. Она построила Вознесенский Девический монастырь в Кремле, церковь Рождества Богоматери и другие, расписанные Греком Феофаном и Симеоном Черным [253]. Сия Княгиня набожная сколь любила добродетель, столь ненавидела ее личину: изнуряя тело свое постами, хотела казаться тучною; носила на себе несколько одежд; украшалась бисером, являлась везде с лицем веселым, и радовалась, слыша, что злословие представляет ее целомудрие сомнительным. Говорили, что Евдокия желает нравиться, и даже имеет любовников. Сия молва оскорбила сыновей, особенно Юрия Димитриевича, который не мог скрыть своего беспокойства от матери: Евдокия призвала их, и свергнула с себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ее тела и кожу совершенно иссохшую от неумеренного воздержания. «Верьте — сказала она — что ваша мать целомудренна; но виденное вами да будет тайною для мира. Кто любит Христа, должен сносить клевету и благодарить Бога за оную» [254]. Но злословие скоро умолкло: Евдокия, не задолго до кончины оставив мир, и названная в монашестве Евфросиниею, преставилась с именем Святой Угодницы Божией.

Глава III

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛИЕВИЧ ТЕМНЫЙ Г. 1425—1462

Чудо. Междоусобие. Язва. Нашествие Литвы. Съезд в Литве. Характер Витовта. Происшествия Литовские. Набеги Татар. Суд в Орде. Междоусобия. Злодейство. Распря с Новымгородом. Рождение Иоанна Великого. Дань Ординская. Изгнанный Хан в Белеве. Царство Казанское. Смерть Димитрия Красного. Собор Флорентийский. Новая вражда. Дела Новогородские. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествие Царя Казанского. Плен Великого Князя. Ужас и бедствие Москвы. Разбой Князя Тверского. Освобождение Василия. Землетрясение. Злодейство Шемякино. Ослепление Вел. Князя. Безрассудность Шемяки. Пословица. Вероломство. Смирение Василия. Обручение юного Иоанна. Изгнание Шемяки. Клятва. Благоразумное правление Василиево. Булла Папы. Иоанн Соправитель. Договоры. Достопамятное послание. Последняя из знаменитых битв Княжеского междоусобия. Нашествие Татар. Смерть Шемяки. Успехи Единовластия. Усмирение Новагорода. Рязанский Князь воспитывается в Москве. Неблагодарность Василиева. Покорение Вятки. Дела Псковские. Набеги Татар. Кончина и свойства Василиевы. Жестокость тогдашних нравов. Суеверие. Перемена монеты в Новегороде. Дела церковные. Взятие Константинополя Турками. Начало Крымской Орды.

<Г. 1425>. Новый Великий Князь имел не более десяти лет от рождения. Подобно отцу и деду в начале их государствования, он зависел от Совета Боярского, но не мог равняться с ними ни в счастии, ни в душевных способностях. Не быв еще никогда жертвою внутреннего междоусобия, Великое Княжение Московское при Василии Темном долженствовало испытать сие зло и видеть уничижение своего Венценосца, им заслуженное. Только Провидение, обстоятельства и верность народная, как бы вопреки худым советникам Престола спасли знаменитость Москвы и Россию.

<Чудо>. Сей Князь еще в колыбели именовался *Великим* по следующему происшествию, коего истину утверждают Летописцы. Мать его не скоро разрешилась от бремени и терпела ужасные муки. Беспокойный отец просил одного святого Инока Иоанновской Обители молиться

о Княгине Софии. «Не тревожься! ответствовал старец: Бог дарует тебе сына и наследника всей России». Между тем Духовник Великокняжеский, Священник Спасского Кремлевского монастыря, сидел в своей келье и вдруг услышал голос: «иди и дай имя *Великому Князю Василию*». Священник отворил дверь, и не видя никого, удивился; спешил во дворец, и сведал, что София действительно в самую ту минуту родила сына. Невидимого вестника, приходившего к Духовнику, сочли Ангелом; младенца назвали Василием, и народ с сего времени видел в нем своего будущего Государя, ожидая от него, как вероятно, чего нибудь необыкновенного[255]. Надежда осталась без исполнения, но могла быть причиною особенного усердия Москвитян к сему внуку Донского.

<Междоусобие>. Василий Димитриевич преставился ночью: Митрополит Фотий в тот же час послал своего Боярина, Иакинфа Слебятева, в Звенигород к Князю Юрию Димитриевичу, с требованием, чтобы он, вместе с меньшими братьями, признал племянника Великим Князем[256]. Но Юрий, всегда имев надежду, в противность новому уставу, быть преемником старшего брата, не захотел ехать в Москву, удалился в Галич, и сведав о торжественном восшествии юного Василия на Великокняжеский престол, отправил к нему Посла с угрозами. Ни дядя, ни племянник не думал уступить старейшинства; и хотя заключили перемирие до Петрова дни, однако ж Юрий, не теряя времени, собирал войско в городах своего Удела. Великий Князь предупредил его, и вместе с другими дядями выступил к Костроме. Юрий ушел в Новгород Нижний; наконец за реку Суру, откуда Константин Димитриевич, отправленный в след за ним с полками Великокняжескими, возвратился в Москву без всякой битвы[257]. Юрий требовал нового перемирия на год; а Василий по совету матери, дядей и самого Витовта Литовского, послал к нему в Галич Митрополита Фотия, который, быв встречен за городом всем Княжеским семейством, с изумлением увидел там множество собранного из разных областей народа. Юрий думал похвалиться бесчисленностию своих людей, и густыми толпами их усыпал всю гору при въезде в Галич с Московской стороны; но Митрополит, отгадав его мысль, с насмешкою дал ему чувствовать, что крестьяне не воины, и сермяги не латы. Начали говорить о мире: Юрий не хотел оного, требуя единственно перемирия, и столь

разгневал Фотия, что сей Первосвятитель, не благословив ни Князя, ни города, немедленно уехал. В летописи сказано, что в самый день Митрополитова отбытия сделался мор в Галиче; что Юрий, приведенный тем в ужас, верхом поскакал в след за Фотием, и догнав его за озером, в селе Пасынкове, слезами и раскаянием убедил возвратиться; что благословение Пастыря, данное народу, прекратило болезнь, и Князь послал в Москву двух Вельмож заключить мир, обещав не искать Великого Княжения, пока Царь Ординский решит, кому принадлежит оное.

<Язва. Г. 1426—1431>. Смутное начало Василиева княжения предвещало бедствия государственные России, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали в истории отца его, и которая с Троицына дни возобновилась в Москве, завезенная туда из Ливонии через Псков, Новгород и Тверь, где в один год скончались Князь Иоанн Михайлович, сын Иоаннов Александр и внук Юрий Александрович, княжив месяц. Брат Юриев, Борис, сел на Тверском престоле, отдав племяннику, Иоанну Юрьевичу, город Зубцев и взяв под стражу дядю своего, Василия Михайловича Кашинского. В Москве преставились дядя Великого Князя Петр Димитриевич и три сына Владимира Храброго, Андрей, Ярослав и Василий. В Торжке, Волоке, Дмитрове и в других городах умерло множество людей. Отличным знаком сей новой язвы был синий или багровый пузырь на теле: синий предзнаменовал неизбежную смерть в третий день, а багровый выгнивал, и недужные оставались живы. Летописец говорит, что с сего времени, как некогда с Ноева потопа, век человеческий сократился в России, и предки наши сделались щедушнее, слабее; что в разных местах были страшные явления; что от великой засухи (в 1430 году) воды истощились; земля, боры горели; люди среди густых облаков дыма не могли видеть друг друга; звери, птицы и рыбы в реках умирали; везде голод и болезни свирепствовали[258]. Одним словом, последние годы Василия Димитриевича и первые сына его составляют печальнейшую эпоху нашей Истории в XV веке. Язва возобновлялась еще во Пскове и в Москве около 1442 и 1448 года.

<Нашествие Литвы>. Неприятели внешние также беспокоили Россию. Корыстолюбивый Витовт, не боясь малолетнего Василия, (в 1426 году) приступил к Опочке, городу Псковскому, с войском многочисленным, в коем

были даже Богемцы, Волохи и дружина Хана Татарского, Махмета. Жители употребили хитрость: сделали тонкий мост перед городскими воротами, укрепив его одними веревками, и набив под ним, в глубоком рве, множество острых кольев; а сами укрылись за стенами. Неприятели, не видя никого, вообразили, что крепость пуста, и толпами бросились на мост: тогда граждане подрезали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали в муках; другие же, взятые в плен, терпели еще лютейшие: граждане сдирали с них кожу, в глазах Витовта и всего осаждающего войска [259]. Сие варварство имело счастливый успех: ибо Князь Литовский — уверенный, что Россияне будут обороняться до последнего издыхания — отступил к Вороначу. Тут сделалась страшная буря с грозою, столь необыкновенная, что Литовцы ожидали преставления света, и сам Витовт обхватив руками шатерный столб, в ужасе вопил: *Господи помилуй*! Сие худое начало расположило его к миру. Псковитяне, тревожимые Немцами, оставленные Новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество Великого Князя, коего Посол не мог ничего для них сделать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрез два года он посетил и богатых Новогородцев, которые спорили с ним о границах и дерзнули назвать его изменником. Современный Историк Польский описывает их людьми мирными, преданными сластолюбию и роскоши: в надежде на свои непроходимые болота они смеялись над угрозами Витовта и велели ему сказать, что варят мед для его прибытия; но сей [1*] старец, еще бодрый и деятельный, со многочисленным войском открыл себе путь сквозь опасные зыби так называемого *Черного леса*. Десять тысяч работников шли впереди с секирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которые служили мостом для пехоты, конницы и снаряда огнестрельного, пищалей, *тюфяков* и пушек. Витовт осадил Порхов. Летописцы рассказывают, что самая огромная из его пушек, сделанная Немецким мастером Николаем, называемая *Галкою* и привезенная на 40 лошадях, одним выстрелом сразила каменную городскую башню и стену в церкви Св. Николая; но разлетелась на части и своими обломками умертвила множество Литовцев, в том числе и самого мастера вместе с Воеводою Полоцким. В городе начальствовал Посадник Григорий и знаменитый муж Исаак Борецкий: не имея ни малой надежды отстоять крепость, они выехали к не-

приятелю и предложили ему 5000 рублей; а Новогородцы, прислав Архиепископа Евфимия с чиновниками в стан Литовский, также старались купить мир серебром. Витовт мог бы без сомнения осадить и Новгород; однако ж — рассуждая, что верное лучше неверного — взял 10000 рублей, за пленников же [2*] особенную тысячу, и сказав: «впредь не смейте называть меня ни изменником, ни бражником», возвратился в Литву. Сия дань, составляя не менее пятидесяти-пяти пуд серебра, была тягостна для Новогородцев, которые собирали ее по всем их областям и в Заволочье; каждые десять человек вносили в казну рубль: следственно в Новогородской земле находилось не более ста-десяти тысяч людей или владельцев, плативших государственные подати [260].

<Съезд в Литве>. Не смотря на сии неприятельские действия Витовта в северо-западной России, он жил мирно с юным внуком своим, Великим Князем; обязал его даже клятвою не вступаться ни в Новогородские, ни в Псковские дела, и в 1430 [3*] году дружески пригласил к себе в гости [261]. С Василием отправился в Литву и Митрополит Фотий. В Троках нашли они седого, осьмидесятилетнего Витовта, окруженного сонмом Вельмож Литовских [4*]. Скоро съехались к нему многие гости [5*]–знаменитые: Князья Борис Тверский, Рязанский, Одоевские, Мазовские, Хан Перекопский, изгнанный Господарь Волошский Илия, Послы Императора Греческого, Великий Магистр Прусский, Ландмаршал Ливонский с своими сановниками, и Король Ягайло [–5*]. Летописцы говорят, что сей торжественный съезд Венценосцев и Князей представлял зрелище редкое; что гости старались удивить хозяина великолепием своих одежд и многочисленностию слуг, а хозяин удивлял [6*] гостей пирами роскошными, каких не бывало в Европе, и для коих ежедневно из погребов Княжеских отпускалось 700 бочек меду, кроме вина, Романеи, пива,— а на кухню привозили 700 быков и яловиц, 1400 баранов, 100 зубров, столько же лосей и кабанов. Праздновали около семи недель, в Троках и в Вильне; но занимались и важным делом: оно состояло в том, что Витовт, по совету Цесаря [7*]–Сигизмунда (имевшего с ним, в Генваре 1429 года, свидание в Луцке) [–7*] хотел назваться *Королем* Литовским и принять венец от руки Посла Римского. К досаде сего величавого старца, Вельможи Польские воспротивились его намерению, боясь,

чтобы Литва, сделавшись особенным Королевством, не отделилась от Польши, к их вреду обоюдному: чего действительно тайно желал хитрый Цесарь. Тщетно грозил Витовт: сам Папа, взяв сторону Ягайловых Вельмож, запретил ему думать о венце Королевском, и веселые пиры заключились болезнию огорченного хозяина. Все разъехались: один Фотий жил еще несколько дней в Вильне, стараясь, как вероятно, о присоединении Киевской Митрополии к Московской; наконец, отпущенный с ласкою, сведал в Новогродке о смерти Витовта [262]. <Характер Витовта>. Сей Князь, тогда славнейший из Государей северной Европы, был для нашего отечества ужаснее Гедимина и Ольгерда, своими завоеваниями стеснив пределы России на Юге и Западе; в теле малом вмещал душу великую; умел пользоваться случаем и временем, повелевать народом и Князьями, награждать и наказывать; за столом, в дороге, на охоте занимался делами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несметное множество серебра, золота, расточал оные щедро, но всегда с пользою для себя; человеколюбия не ведал; смеялся над правилами государственного нравоучения; ныне давал, завтра отнимал без вины; не искал любви, довольствуясь страхом; в пирах отличался трезвостию и подобно Ольгерду не пил ни вина, ни крепкого меда, но любил жен, и не редко оставляя рать в поле, обращал коня к дому, чтобы лететь в объятия юной супруги. С ним, по словам Историка Польского [263], воссияла и затмилась слава народа Литовского, к счастию России, которая без сомнения погибла бы навеки, если бы Витовтовы преемники имели его ум и славолюбие; но Свидригайло, брат Ягайлов, и Сигизмунд, сын Кестутиев, один после другого властвовав над Литвою, изнуряли только ее силы междоусобием, войнами с Польшею, тиранством и грабительством. <Происшествия Литовские>. Свидригайло, зять Князя Тверского, Бориса, всегда омраченный парами вина, служил примером ветрености и неистовства, однако ж был любим Россиянами за его благоволение к Вере Греческой. Брат Витовтов, Сигизмунд, изгнав Свидригайла — бывшего потом несколько лет пастухом в Молдавии — господствовал как ужаснейший из тиранов, и палимый страстию златолюбия, губил Вельмож, купцев, богатых граждан, чтобы овладеть их достоянием; не веря людям, вместо стражи держал при себе диких зверей, и не мог спастися от ножа

убийц: Князья Иоанн и Александр Черторижские, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемником был (в 1440 году) сын Ягайлов, Казимир; а добродушный сын Сигизмундов, Михаил, умер изгнанником в России, отравленный каким-то злодеем по наущению Вельмож Литовских, как думали.— Новогородцы в 1431 году заключили мирный договор с Свидригайлом, а в 1436 с Сигизмундом [264].

<Набеги Татар>. Что в сие время происходило в Орде, о том не имеем никакого сведения. В 1426 году Татары пленили несколько человек в Украйне Рязанской; другая многочисленная толпа их, предводительствуемая Царевичем и Князем, чрез три года опустошила Галич, Кострому, Плесо и Луг. Единственною целию сих впадений был грабеж. Настигнув хищников, Рязанцы отняли у них и добычу и пленных; а дяди Князя Великого, Андрей и Константин Димитриевичи, ходили в след за Царевичем до Нижнего. Они не могли догнать неприятеля; но Князь Стародубский-Пестрый и Феодор Константинович Добрынский, недовольные их медленностию, тайно отделились от Московского войска с своими дружинами, и на голову побили задний отряд Татарский. Осенью в 1430 году Князь Ординский Айдар воевал Литовскую Россию и приступал ко Мценску; отраженный тамошним храбрым начальником, Григорьем Протасьевым, употребил обман: дав ему клятву в дружестве, вызвал его из города и взял в плен. Золотая Орда повиновалась тогда Хану Махмету, который, уважая Народное Право, осыпал Айдара укоризнами, а мужественного Воеводу, Григория, ласками, и возвратил ему свободу: пример чести, весьма редкий между варварами! В том же году, весною, Великий Князь посылал Воеводу своего, Князя Феодора Давидовича Пестрого, на Волжскую и Камскую Болгарию, где Россияне взяли не мало пленников [265].

<Суд в Орде>. Миновало около шести лет после заключенного юным Василием мира с дядею его, Юрием: условие, решить спор о Великом Княжении судом Ханским, оставалось без исполнения: для того ли, что Цари непрестанно менялись в мятежной Орде, или Василий хотел уклониться от сего постыдного для наших Князей суда, в надежде смирить дядю? Они действительно в 1428 году клятвою утвердили договор, чтобы каждому остаться при своем [266]; но Юрий, года три жив спокойно,

объявил войну племяннику. Тогда Великий Князь предложил дяде ехать к Царю Махмету: согласились, и Василий, раздав по церквам богатую милостыню, с горестным сердцем оставил Москву; в прекрасный летний день, Августа 15, обедал на лугу близ Симонова монастыря, и не мог без слез смотреть на блестящие главы ее храмов. Никто из Князей Московских не погибал в Орде: Бояре утешали юного Василия рассказами о чести и ласках, оказанных там его родителю; но мысль, отдать себя в руки неверным и с престола знаменитого упасть к ногам варвара, омрачала скорбию душу сего слабого юноши. За ним отправился и Юрий. Они вместе прибыли в Улус Баскака Московского, Булата, друга Василиева и неприятеля Юриева. Но сей последний имел заступника в сильном Мурзе Тегине, который увез его с собою зимовать в Тавриду и дал слово исходатайствовать ему Великокняжеское достоинство. К счастию Василия, был у него Боярин хитрый, искательный, велеречивый, именем Иоанн Димитриевич: он умел склонить всех Ханских Вельмож в пользу своего юного Князя, представляя, что им будет стыдно, если Тегиня один доставит Юрию сан Великокняжеский; что сей Мурза необходимо присвоит себе власть и над Россиею и над Литвою, где господствует друг Юриев, Свидригайло; что сам Царь Ординский уже не посмеет ни в чем ослушаться Вельможи толь сильного, и что все другие сделаются рабами Тегини. Такие слова уязвили *как стрела*, по выражению Летописца, сердце Вельмож Ханских, в особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у Царя за Василия и чернить Тегиню, так, что легковерный Махмет наконец обещал им казнить смертию сего Мурзу, буде он дерзнет вступиться за Юрия. <Г. 1432>. Весною дядя Василиев приехал из Тавриды в Орду; а с ним и Тегиня, который, сведав о расположении Царя, уже не смел ему противоречить. Махмет нарядил суд, чтобы решить спор дяди с племянником, и сам председательствовал в оном. Василий доказывал свое право на престол новым уставом Государей Московских, по коему сын после отца, а не брат после брата, долженствовал наследовать Великое Княжение. Дядя, опровергая сей устав, ссылался на летописи и на завещание Димитрия Донского, где он (Юрий), в случае кончины Василия Димитриевича, назван его преемником[267]. Тут Боярин Московский, Иоанн, стал пред Махметом и

сказал: «Царь верховный! молю, да позволишь мне, смиренному холопу, говорить за моего юного Князя. Юрий ищет Великого Княжения по древним правам Российским, а Государь наш по твоей милости, ведая, что оно есть твой Улус: отдашь его, кому хочешь. Один требует, другой молит. Что значат летописи и мертвые грамоты, где все зависит от воли Царской? Не она ли утвердила завещание Василия Димитриевича, отдавшего Московское Княжение сыну? Шесть лет Василий Васильевич на престоле: ты не свергнул его, следственно сам признавал Государем законным». Сия, действительно хитрая речь имела успех совершенный: Махмет объявил Василия Великим Князем и велел Юрию *вести под ним коня*: древний обряд Азиатский, коим[8*] означалась власть Государя верховного над его подручниками или зависимыми Князьями. Но Василий, уважая дядю, не хотел его уничижения; а как в сие время восстал на Махмета другой Царь Могольский, Кичим-Ахмет, то Мурза Тегиня, пользуясь смятением Хана, выпросил у него для Юрия город Дмитров, область умершего Князя Петра Димитриевича. Племянник и дядя благополучно возвратились в Россию, и Вельможа Татарский, Улан Царевич, торжественно посадил Василия на трон Великокняжеский в Москве, в храме Богоматери у златых дверей[268]. С сего времени Владимир утратил право города столичного, хотя в титуле Великих Князей все еще именовался прежде Москвы.

<Междоусобия>. Суд Ханский не погасил вражды между дядею и племянником. Опасаясь Василия, Юрий выехал из Дмитрова, куда Великий Князь немедленно прислал своих Наместников, изгнав Юриевых[269]. Скоро началась и явная война от следующих двух причин. Московский Вельможа Иоанн, оказав столь важную услугу Государю, в награду за то хотел чести выдать за него дочь свою. Или невеста не нравилась жениху, или Великий Князь вместе с материю находил сей брак неприличным: Иоанн получил отказ, и Василий женился на Марии, дочери Ярослава, внуке Владимира Андреевича Храброго. Надменный Боярин оскорбился. «Неблагодарный юноша обязан мне Великим Княжением и не устыдился меня обесчестить», говорил он в злобе, и выехал из Москвы, сперва в Углич к дяде Василиеву, Константину Димитриевичу, потом в Тверь и наконец в Галич к Юрию. Обоюдная ненависть к Государю Московскому служила для них

союзом: забыли прошедшее и вымышляли способ мести. Боярин Иоанн не сомневался в успехе войны: положили начать оную, как можно скорее. <Г. 1433. Февраля 8>. Между тем сыновья Юриевы, Василий Косой и Димитрий Шемяка, дружески пируя в Москве на свадьбе Великого Князя, сделались ему неприятелями от странного случая, который на долгое время остался памятным для Москвитян. Князь Димитрий Константинович Суздальский некогда подарил нареченному зятю своему, Донскому, золотой пояс с цепями, осыпанный драгоценными каменьями; Тысячский Василий, в 1367 году, во время свадьбы Донского, тайно обменял его на другой, гораздо меньшей цены, и дал сыну Николаю, женатому на Марии, старшей дочери Князя Суздальского[270]. Переходя из рук в руки, сей пояс достался Василию Юриевичу Косому и был на нем в час свадебного Великокняжеского пиршества. Наместник Ростовский, Петр Константинович, узнал оный, и сказал о том матери Василия, Софии, которая обрадовалась драгоценной находке, и, забыв пристойность, торжественно сняла пояс с Юриевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гневом, бежали из Дворца, клялись отмстить за свою обиду, и немедленно, исполняя повеление отца, уехали из Москвы в Галич.

Прежде они хотели, кажется, быть миротворцами между Юрием и Великим Князем: тогда же, вместе с Бояриным Иоанном, старались утвердить родителя в злобе на Государя Московского. Не теряя времени, они выступили с полком многочисленным; а юный Василий Василиевич ничего не ведал, до самого того времени, как Наместник Ростовский прискакал к нему с известием, что Юрий в Переславле. Уже Совет Великокняжеский не походил на Совет Донского или сына его: беспечность и малодушие господствовали в оном. Вместо войска, отправили Посольство на встречу к Галицкому Князю с ласковыми словами[271]. Юрий стоял под стенами Троицкого монастыря; он не хотел слышать о мире: Вельможа Иоанн и другие Бояре его ругали Московских и с бесчестием указали им возвратный путь. <Апреля 25>. Тогда Великий Князь собрал несколько пьяных воинов и купцев; в двадцати верстах от столицы, на Клязьме, сошелся с неприятелем, и видя силу оного, бежал назад; взял мать, жену; уехал в Тверь, а из Твери в Кострому, чтобы отдаться в руки победителю: ибо Юрий, вступив в Москву и всенародно

объявив себя Великим Князем, пошел туда и пленил Василия, который искал защиты в слезах. Боярин Иоанн, думая согласно с сыновьями Галицкого Князя, считал всякое снисхождение неблагоразумием. Юрий также не славился мягким сердцем; но имел слабость к одному из Вельмож своих, Симеону Морозову, и приняв его совет, дал в Удел племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновал сей мир веселым пиршеством, и с дарами отпустил Василия в его Удельный город.

Открылось, что Морозов или обманул своего Князя, или сам обманулся. Приехав в Коломну, Василий начал отовсюду сзывать к себе народ, Бояр, Князей: все шли к нему охотно, ибо признавали его законным Государем, а Юрия хищником, согласно с новою системою наследства, благоприятнейшею для общего спокойствия. Сын, восходя на трон после отца, оставлял все, как было, окруженный теми же Боярами, которые служили прежнему Государю: напротив чего брат, княживший дотоле в каком нибудь особенном Уделе, имел своих Вельмож, которые, переезжая с ним в наследованную по кончине брата землю, обыкновенно удаляли тамошних Бояр от правления и вводили новости, часто вредные. Столь явные выгоды и невыгоды вооружили всех против старой мятежной системы наследственной и против Юрия. В несколько дней Москва опустела: граждане не пожалели ни жилищ, ни садов своих, и с драгоценнейшим имуществом выехали в Коломну, где не доставало места в домах для людей, а на улицах для обозов. Одним словом, сей город сделался истинною столицею Великого Княжения, многолюдною и шумною. В Москве же царствовали уныние и безмолвие: человек редко встречался с человеком, и самые последние жители готовились к переселению. Случай единственный в нашей Истории, и произведенный не столько любовию к особе Василия, сколько усердием к правилу, что сын должен быть преемником отца в Великокняжеском сане!

Юрий укорял своего любимца, Морозова, неблагоразумным советом: а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокого, не удовольствовались словами: пришли к сему Боярину в набережные сени, и сказав: «ты погубил нашего отца!» собственною рукою умертвили его[272]. Боясь гнева родительского, они выехали в Кострому. Князь же Юрий, видя невозможность остаться в Москве, сам отправился в Галич, велев объявить племяннику, что уступает

ему столицу, где Василий скоро явился с торжеством и славою, им не заслуженною, провождаемый Боярами, толпами народа и радостным их кликом. Зрелище было необыкновенное: вся дорога от Коломны до Москвы представлялась улицею многолюдного города, где пешие и конные обгоняли друг друга, стремясь в след за Государем, как *пчелы за маткою*, по старому, любимому выражению наших Летописцев.

<Г. 1434>. Но бедствия Василиева княжения только-что начинались. Хотя Юрий заключил мир, возвратил племяннику Дмитров, взяв за то Бежецкий Верх с разными волостями, и дал слово навсегда отступиться от больших сыновей, признав их в договорной грамоте врагами общего спокойствия [273]: однако ж скоро нарушил обещание, послав к детям свою Галицкую дружину, с которою они разбили Московское войско на реке Куси. Великий Князь разорил Галич. Юрий ушел к Белуозеру: собрав же силы, и призвав Вятчан, вместе с тремя сыновьями, Косым, Шемякою, Димитрием Красным, одержал в Ростовских пределах столь решительную победу над Василием, что сей слабодушный Князь, не смев возвратиться в столицу, бежал в Новгород, оттуда на Мологу, в Кострому, в Нижний; а Юрий, осадив Москву, через неделю вступил в Кремль, пленил мать и супругу Василиеву. Народ был в горести. «Не изменяй мне в злосчастии», писал Великий Князь к двоюродному брату, Иоанну, сыну умершего Андрея Можайского [274]. Иоанн ответствовал ему: «Государь! я не изменю тебе в душе; но у меня есть город и мать: я должен мыслить об их безопасности; и так еду к Юрию». Уже Шемяка и Димитрий Красный стояли с войском в Владимире, готовясь итти к Нижнему: Василий трепетал и думал бежать в Орду: на сей раз счастие услужило ему лучше Москвитян.

Юрий, снова объявив себя Великим Князем, договорными грамотами утвердил союз с племянниками своими, Иоанном и Михаилом Андреевичами, Владетелями Можайска, Белаозера, Калуги, и с Князем Иоанном Феодоровичем Рязанским, требуя, чтобы они не имели никакого сношения с изгнанником Василием [275]. Достойно замечания, что сии грамоты начинаются словами: *Божиею милостию*, которые прежде не употреблялись в государственных постановлениях..... В грамоте Рязанской сказано, что Тула принадлежит Иоанну, и что он не должен принимать

к себе Мещерских Князей в случае их неверности или бегства: сии Князья, подданные Государя Московского, происходили, как вероятно, от Александра Уковича, у коего Димитрий Донский купил Мещеру.— Юрию было около шестидесяти лет от рождения, не имея ни ума проницательного, ни души твердой, он любил власть единственно по тщеславию, и без сомнения не возвысил бы Великокняжеского сана в народном уважении, если бы и мог удержаться на престоле Московском. <Июня 6>. Но Юрий внезапно скончался, оставив духовную, писанную, кажется, еще за-долго до его смерти[276]: деля между сыновьями только свои наследственные города, он велит им платить *Великому Князю* с Галича и Звенигорода 1026 рублей в счет Ординской *семитысячной* дани: следственно или Василий тогда еще не был изгнан, или Юрий мыслил возвратить ему Великое Княжение (что менее вероятно). Сын Юриев, Косой, немедленно принял на себя имя Государя Московского и дал знать о том своим братьям; они же, не любя и презирая его, ответствовали: «когда Бог не захотел видеть отца нашего на престоле Великокняжеском, то мы не хотим видеть на оном и тебя»; примирились с Василием, и выгнали Косого из столицы. В знак благодарности Великий Князь, возвратясь на Московский престол, отдал Шемяке Углич со Ржевом, наследственную область умершего дяди их, Константина Димитриевича, а Красному Бежецкий Верх, удержав за собою Звенигород, Удел Косого, и Вятку. Мы имеем их договорную грамоту, наполненную дружескими с обеих сторон уверениями[277]. Шемяка, следуя обыкновению, именует в оной Василия старейшим братом, отдает себя в его покровительство, обязывается служить ему на войне, и платить часть Ханской дани, с условием, чтобы Великий Князь один сносился с Ордою, не допуская Удельных Владетелей ни до каких хлопот.

Сие дружество между Князьями равно малодушными и жестокосердыми не могло быть истинным. Мы уже видели характер Шемяки, который не устыдился обагрить собственных рук кровию Вельможи Морозова: увидим и Василиев в деле гнусном, достойном Азиатского варвара.

Но брат Шемякин, Косой, еще превосходил их в свирепости: имея товарища в бегстве своем, какого-то Князя Романа, он велел отрубить ему руку и ногу, за то, что сей несчастный хотел тайно оставить его[278]! Напрасно искав

заступников в Новегороде, ограбив берега Мсты, Бежецкую и Двинскую область, Косой с толпами бродяг вступил в северные пределы Великого Княжения; разбитый близ Ярославля, ушел в Вологду, пленил там чиновников Московских, и с новым войском явился на берегах Костромы, где Великий Князь заключил с ним мир, отдав ему город Дмитров. Они не долго жили в согласии: чрез несколько месяцев Косой выехал из Дмитрова в Галич, призвал Вятчан, и взяв Устюг на договор, вероломно убил Василиева Наместника, Князя Оболенского, вместе со многими жителями. В сие время Шемяка приехал в Москву звать Великого Князя на свадьбу, помолвив жениться на дочери Димитрия Заозерского: злобясь на его брата, Василий оковал Шемяку цепями и сослал в Коломну[279]. Действие столь противное чести не могло быть оправдано подозрением в тайных враждебных усмыслах сего Юриева сына, еще не доказанных и весьма сомнительных. Наконец в Ростовской области встретились неприятели: Косой предводительствовал Вятчанами и дружиною Шемяки; с Василием находились меньший брат Юрьевичей, Димитрий Красной, Иоанн Можайский и Князь Иоанн Баба, один из Друцких Владетелей, пришедший к нему с полком Литовских копейщиков[280]. Готовились к битве; но Косой, считая обман дозволенною хитростию, требовал перемирия. Неосторожный Василий заключил оное и распустил воинов для собрания съестных припасов. Вдруг сделалась тревога: полки Вятские во всю прыть устремились к Московскому стану, в надежде пленить Великого Князя, оставленного ратниками. Тут Василий оказал смелую решительность: уведомленный о быстром движении неприятеля, схватил трубу воинскую, и подав голос своим, не тронулся с места. В несколько минут стан наполнился людьми: неприятель вместо оплошности, вместо изумления, увидел пред собою блеск оружия и стройные ряды воинов, которые одним ударом смяли его, погнали, рассеяли. Несчастный Юрьевич, готовив плен Василию, сам попался к нему в руки: Воевода Борис Тоболин и Князь Иоанн Баба настигли Косого в постыдном бегстве[281]. <Злодейство>. Совершилось злодейство, о коем не слыхали в России со второго-надесять века: Василий дал повеление ослепить сего брата двоюродного. Чтобы успокоить совесть, он возвратил Шемяке свободу и города Удельные. В договорной грамоте, тогда написанной, Ше-

мяка именует старшего брата недругом Великого Князя, обязываясь выдать все его имение, в особенности святые иконы и кресты, еще отцем их из Москвы увезенные; отказывается от Звенигорода, предоставляя себе полюбовно разделить с меньшим братом, Димитрием Красным, другие области наследственные и данные ему Великим Князем в Угличе и Ржеве[232]. Несчастный слепец жил после того 12 лет в уединении, как бы забвенный всеми и самыми единокровными братьями. Великий Князь будет наказан за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобного ему варвара.

<Распря с Новымгородом. Г. 1437—1440>. Спокойный внутри Московского владения, сей юный Государь имел тогда распрю с Новогородцами, которые в самом начале его княжения посылали войско наказать Устюжан за их грабительство в Двинской земле, и взяли с сего города в окуп 50 000 белок и шесть сороков соболей, к досаде Василия. [9*]—Но он, не желая явной войны с ними, вызвался —[9*] отдать им все родителем его захваченные Новогородские земли в уездах Бежецкого Верха, Волока Ламского, Вологды, с условием, чтобы и Бояре их возвратили ему собственность Княжескую; однако ж не исполнял обещания и не присылал Дворян своих для развода земель, пока Новогородцы не уступили ему *черной дани*, собираемой в Торжке. В договорной грамоте, написанной по сему случаю, именно сказано, что Великий Князь берет по новой гривне с четырех земледельцев[10*] или с сохи, в которую впрягаются две лошади, а третья на подмогу; что плуг и ладья считаются за две сохи: невод, лавка, кузница и чан кожевный за одну; что земледельцы, работающие из половины, платят только за полсохи; что наемники месячные, лавочники и старосты Новогородские свободны от всякой дани; что если кто, оставив свой двор, уйдет в господский или утаит соху, то платит за вину вдвое, и проч.[283]— Сей договор заключен был единственно на год: после чего Новогородцы опять ссорились с Василием, смеясь над мнением тех людей, которые советовали им не раздражать Государей Московских. Летописцы повествуют, что внезапное падение тамошней великолепной церкви Св. Иоанна наполнило сердца ужасом, предвестив близкое падение Новагорода[284]: гораздо благоразумнее можно было искать сего предвестия в его нетвердой системе политической, особенно же в возрастающей силе Великих Князей, кото-

рые более и более уверялись, что он под личиною гордости, основанной на древних воспоминаниях, скрывает свою настоящую слабость. Одни непрестанные опасности Государства Московского, со стороны Моголов и Литвы, не дозволяли преемникам Иоанна Калиты заняться мыслию *совершенного* покорения сей народной Державы, которую они старались только обирать, зная богатство ее купцев. Так поступил и Василий: зимою в конце 1440 года двинулся с войском к Новугороду, и на пути заключил с ним мир, взяв 8000 рублей. Между тем Псковитяне, служа Великому Князю, успели разорить несколько селений в областях Новогородских, а Заволочане в Московской[285].— <Рождение Иоанна Великого>. В сей самый год (1440), Генваря 22, родился у Василия сын, Тимофей-Иоанн, коему Провидение, сверх многих великих дел, назначило сокрушить Новгород. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба Государя столь чрезвычайного утаиться от мудрых гадателей? Пишут, что Новогородский добродетельный старец, именем Мисаил, в час Иоаннова рождения пришел к Архиепископу Евфимию, и сказал: «Днесь Великий Князь торжествует: Господь даровал ему наследника. Зрю младенца, ознаменованного величием: се Игумен Троицкия Обители, Зиновий, крестит его, именуя Иоанном! Слава Москве: Иоанн победит Князей и народы. Но горе нашей отчизне: Новгород падет к ногам Иоанновым, и не восстанет»[286]! Летописцы не сомневались в истине сего чудесного сказания, изобретенного без сомнения уже в то время, когда сын Василиев совершил бессмертные свои подвиги.

<Дань Ординская>. Василий старался жить дружно с Ханом, и по верному свидетельству грамот платил ему обыкновенную дань, вопреки некоторым Летописцам, сказывающим, что Царь Махмет, любя его, освободил Россию от всех налогов[287]. Впадения Татар в Рязанские области не тревожили Москвитян; но перемена, случившаяся в Орде, нарушила спокойствие Великого Княжения. <Изгнанный Хан в Белеве>. Махмет (в 1437 году) был изгнан из Улусов братом своим, Кичимом, искал убежища в России и занял Белев, город Литовский. Оказав некогда благодеяние Василию, он надеялся на его дружбу, и крайне изумился, услышав, что Великий Князь приказывает ему немедленно удалиться от пределов Российских. Сей Хан, в самом изгнании гордый, не хотел повиноваться,

имея у себя около трех тысяч воинов. Надлежало прибегнуть к оружию. Василий послал туда многочисленную рать, вверив оную братьям, Шемяке и Димитрию Красному, Вождям столь недостойным, что они казались народу атаманами разбойников, от Москвы до Белева не оставив ни одного селения в целости: везде грабили, отнимали скот, имение, и нагружали возы добычею. Конец ответствовал началу. Приступив к Белеву, Московские Воеводы отвергнули все мирные предложения Махмета, устрашенного их силою, и вогнали Татар в крепость, убив зятя Царева[288]. На другой день Хан выслал трех Князей для переговоров. «Отдаю в залог вам моего сына, Мамутека, велел он сказать нашим Полководцам: сделаю все, чего требуете. Когда же Бог возвратит мне Царство, обязываюсь блюсти землю Русскую, и не брать с вас никакой дани». Воеводы Московские не хотели ничего слушать. «И так смотрите!» сказали Князья Махметовы, возвысив голос, и перстом показывая им на Российских воинов, которые в сию минуту толпами бежали от городских стен, гонимые каким-то внезапным ужасом. Вся рать Московская дрогнула и с воплем устремилась в бегство: Шемяка и другие Князья также. Моголы едва верили глазам своим; наконец поскакали за Россиянами, секли их, топтали, и возвратились к Хану с вестию, что многочисленное войско Великокняжеское исчезло как дым. Успех столь блестящий не ослепил Махмета: сей благоразумный Хан предвидел, что ему, отрезанному от Улусов, не льзя удержаться в России и бороться с Василием: он выступил из Белева и чрез землю Мордвы прошел в Болгарию, к тому месту, где находился древний Саинов Юрт, или Казань, в 1399 году опустошенная Россиянами[289]. Около сорока лет сей город состоял единственно из развалин и хижин, где укрывалось несколько бедных семейств. Махмет, выбрав новое лучшее место, близ старой крепости построил новую, деревянную, и представил оную в убежище Болгарам, Черемисам, Моголам, которые жили там в непрестанной тревоге, ужасаемые частыми набегами Россиян. В несколько месяцев Казань наполнилась людьми. Из самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признав Махмета Царем и защитником. <Царство Казанское>. Таким образом сей изгнанник Капчакский сделался возобновителем или истинным первоначальником Царства Казанского, основанного на раз-

валинах древней Болгарии, Государства образованного и торгового. Моголы смешались в оном с Болгарами и составили один народ, коего остатки именуются ныне Татарами Казанскими, и коего имя около ста лет приводило в трепет соседственные области Российские. Уже в следующий год Махмет с легким войском явился под стенами Москвы, откуда Василий, боязливый, малодушный, бежал за Волгу, оставив в столице начальником Князя Юрия Патрикиевича Литовского. К счастию, Татары не имели способа овладеть оною: удовольствовались грабежем, сожгли Коломну и возвратились с добычею.— Между тем в Большой или Золотой Орде господствовал брат Махметов, Кичим, среди опасностей, мятежей и внутренних неприятелей. Моголы, ослепленные безрассудною злобою, терзали друг друга, упиваясь собственною кровию. Первейший из Князей Ординских, именем Мансуп, погиб тогда от руки Кичима.

<Г. 1440. Смерть Димитрия Красного>. После несчастного приступа к Белеву Василий не мог иметь доверенности ни к усердию, ни к чести сыновей Юриевых, Шемяки и Димитрия Красного; однако ж (в 1440 году) возобновил дружественный союз с ними на прежних условиях: то есть, оставил их мирно господствовать в отцевском Уделе и пользоваться частию Московских доходов[290]. Меньший брат, Димитрий, скоро умер в Галиче, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Он лишился слуха, вкуса и сна; хотел причаститься Святых Таин, и долго не мог, ибо кровь непрестанно лила у него из носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастие. Димитрий успокоился, требовал пищи, вина; заснул — и казался мертвым. Бояре оплакали Князя, закрыли одеялом, выпили по нескольку стаканов крепкого меду и сами легли спать на лавках в той же горнице. Вдруг мнимый мертвец скинул с себя одеяло, и не открывая глаз, начал петь стихиры. Все оцепенели от ужаса. Разнесся слух о сем чуде: дворец наполнился любопытными. Целые три дни Князь пел и говорил о душеспасительных предметах, узнавал людей, но не слыхал ничего; наконец действительно умер с именем Святого: ибо — как сказывают Летописцы — тело его, чрез 23 дни открытое для погребения в Московском Соборе Архангела Михаила, казалось живым без всяких знаков тления и без синеты[291].— Шемяка наследовал Удел Крас-

ного, и еще несколько времени жил мирно с Великим Князем.

<Собор Флорентийский>. В сии два года внутреннего спокойствия Москвитяне и вся Россия были тревожимы соблазном в важном деле церковном, о коем Летописцы говорят весьма обстоятельно, и которое, минутно польстив властолюбию Рима, утвердило отцев наших в ненависти к Папам. Митрополит Фотий преставился в 1431 году, написав умилительную грамоту к Великому Князю и ко всему народу: он весьма красноречиво изображает в ней претерпенные им в Святительстве печали; жалеет о днях своей мирной, уединенной юности; оплакивает разделение Митрополии, безвременную кончину Василия Димитриевича, бедствия и междоусобия Великого Княжения [292]. Шесть лет по смерти Фотия Церковь наша сиротствовала без Главы, от внутренних смятений Государства Московского. Сими обстоятельствами думал воспользоваться Митрополит Литовский, Герасим, и старался подчинить себе Епископов России, но без успеха: он посвятил в Смоленске только Новогородского Архиепископа; Евфимия; другие не хотели иметь с ним никакого дела. Наконец Василий созвал Святителей и велел им назначить Митрополита: все единодушно выбрали знаменитого Иону, Архиерея Рязанского. «Таким образом — говорят Летописцы — исполнилось достопамятное слово блаженного Фотия, который, посетив однажды Симоновскую Обитель, и видя там юного Инока, мирно спящего, с удивлением смотрел на его кроткое, величественное лице; долго расспрашивал об нем Архимандрита, и сказал, что сей юноша будет первым Святителем в земле Русской: то был Иона». Но предсказание исполнилось уже после: ибо Константинопольский Патриарх, еще до прибытия Ионы в Царьград, посвятил нам в Митрополиты Грека Исидора, родом из Фессалоники, славнейшего Богослова, равно искусного в языке Греческом и Латинском, хитрого, гибкого, красноречивого [293]. Исидор не за-долго до сего времени был в Италии и снискал любовь Папы: вероятно даже, что он по согласию с ним домогался власти над Российскою Церковию, дабы тем лучше способствовать важным намерениям Рима, о коих теперь говорить будем.

Супруг Княжны Московской, Анны, Иоанн Палеолог, царствовал в Константинополе, непрестанно угрожаемом силою Турецкою; лишенный едва не всех областей слав-

ной Державы своих предков — стесненный в столице, и на берегах самого Воспора видя знамена Амуратовы — сей Государь искал покровителя в Римском Первосвященнике, коего воля хотя уже не была законом для Государей Европы, однако ж могла еще действовать на их Советы. Старец умный и честолюбивый, Евгений IV, сидел тогда на Апостольском престоле: он именем Св. Петра обещал Императору Иоанну воздвигнуть всю Европу на Турков, если Греки мирно, беспристрастно рассмотрев Догматы обеих Церквей, согласятся во мнениях с Латинскою, чтобы навеки успокоить совесть Христиан и быть единым стадом под началом единого Пастыря. Евгений требовал не безмолвной покорности, но торжественного прения: истина, объясненная противоречиями, долженствовала быть общим уставом Христианства. Император советовался с Патриархами. Еще древние предубеждения сильно отвращали их от духовного союза с надменным Римом; но Амурат II уже измерял оком Царьград как свою добычу: предубеждения умолкли. Положили, да будет *осьмый* Собор Вселенский в Италии. Там, кроме царя и знатнейшего Духовенства обеих Церквей, надлежало собраться всем Государям Европы в духе любви Христианской; там Иоанн Палеолог, вступив с ними в братский союз единоверия, долженствовал убедительно представить им опасности своей Державы и Церкви православной, гремя в их слух именем Христа и Константина Великого: успех мог ли казаться сомнительным? Евгений ручался за оный, и сделал еще более: взял на себя все расходы, коих требовало путешествие Императора и Духовенства Греческого в Италию: ибо Византия, некогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменников! Вооруженныя суда Евгениевы явились в пристани Царяграда: Император с братом своим, Димитрием Деспотом, с Константинопольским Патриархом Иосифом и с семью стами первейших сановников Греческой Церкви, славных ученостию или разумом, сели на оные (24 Ноября, 1437 года) в присутствии бесчисленного множества людей, которые громогласно желали им, чтобы они возвратились с миром церковным и с воинством Крестопосцев для отражения неверных [294].

Между тем Иона возвратился в свою Рязанскую Епархию, хотя бесполезно съездив в Грецию, но обласканный Царем и Патриархом, которые, отпуская его с честию,

сказали ему: «жалеем, что мы ускорили поставить Исидора, и торжественно обещаем тебе Российскую Митрополию, когда она вновь упразднится». За ним прибыл в Москву и новый Митрополит, не только именем, но и делом Иерарх *всей России*: ибо Герасима Смоленского уже не было. (Свидригайло, господствуя над Литвою, в 1435 году сжег его на костре в Витебске, узнав, что он находился в тайных сношениях с Сигизмундом Кестутиевичем, врагом сего неистового сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами Царя и Патриарха, Василий встретил Исидора со всеми знаками любви, дарил, угощал в Кремлевском дворце[295]; но изумился, сведав, что Митрополит намерен ехать в Италию. Сладкоречивый Исидор доказывал важность будущего осьмого Собора и необходимость для России участвовать в оном. Пышные выражения не ослепили Василия. Напрасно ученый Грек описывал ему величие сонма, где Восток и Запад, устами своих Царей и Первосвятителей, изрекут неизменяемые правила Веры. Василий ответствовал: «Отцы и деды наши не хотели слышать о соединении Законов Греческого и Римского; я сам не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебе. Помни только чистоту Веры нашей и принеси оную с собою!» Исидор клялся не изменять Православию, и в 1437 году, Сентября 8, выехал из Москвы с Епископом Суздальским Аврамием, со многими духовными и светскими особами, коих число простиралось до ста. Сие *первое* путешествие Россиян в Италию описано одним из них с великою подробностию: сообщим здесь некоторые обстоятельства оного[296].

Новогородский Архиепископ Евфимий, быв тогда в Москве, проводил Исидора до своей Епархии; а Князь Тверский, Борис, послал с ним в Италию Вельможу Фому. Митрополит от Вышнего Волочка плыл рекою Мстою до Новагорода, где, равно как и во Пскове, Духовенство и гражданство изъявило усердную к нему любовь дарами и пиршествами. Доселе он казался ревностным наблюдателем всех обрядов Православия; но выехав из России, немедленно обнаружил соблазнительную наклонность к Латинству. Встреченный в Ливонии Дерптским Епископом и нашими Священниками (ибо в сем городе находились две Русские церкви), Исидор с благоговением приложился к крестам Духовенства Католического, и потом уже к образам Греческим: сопутники его ужаснулись,

и с того времени не имели к нему доверенности. Архиепископ, чиновники Рижские также осыпали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Там он получил письмо от Великого Магистра Немецкого, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагал ему свои услуги и советы для безопасного путешествия чрез Орденские владения. Но Исидор сел в Риге на корабль, отправив более двух сот лошадей сухим путем, и (19 Мая 1438 года) пристал к берегу в Любеке, откуда чрез Люнебург, Брауншвейг, Лейпциг, Эрфурт, Бамберг, Нюренберг, Аугсбург и Тироль проехал в Италию, везде находя гостеприимство, дружелюбие, почести, и везде осматривая с любопытством не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбия, Искусств, ума гражданского. С каким удивлением Россияне, дотоле не выезжав из отечества, загрубевшего под игом варваров, видели в Немецкой земле города цветущие, здания прочные, удобные и красивые, обширные сады, каменные водоводы, или, по их словам, рукою человека пускаемые реки! Достойно замечания, что Эрфурт показался им самым богатейшим в Германии городом, наполненным всякими товарами и хитрыми произведениями рукоделия. Горы Тирольские изумили наших путешественников своими снежными громадами, современными рождению оных (как говорит Автор) и превышающими течение облаков: зрелище в самом деле разительное для жителей плоской земли, в особенности непонятное для них смешением климатов: ибо Россияне в одно время видели там и вечное царство зимы, на вершинах гор, и плодоносное лето со всеми его красотами, неизвестными в нашем северном отечестве: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущие на отлогостях Тирольских, среди цветников естественных.— Августа 18 Исидор прибыл в Феррару.

В сем городе уже несколько месяцев ожидали его Император и Папа, как Главу Российской знаменитой Церкви, мужа ученейшего и друга Евгениева. Кроме духовных сановников, Кардиналов, Митрополитов, Епископов, там находились Послы Трапезундские, Иверские, Армянские, Волошские [11]*; но, к удивлению Иоанна Палеолога, не было ни Императора Немецкого, ни других Венценосцев Западных. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрелище раздора; уже семь лет славный в Истории *Собор Базельский*, действуя независимо и в против-

ность Евгению, смеялся над его Буллами, давал законы в делах Веры, обещал искоренить злоупотребления духовной власти, и преклонил к себе почти всех Государей Европейских, которые для того отказались участвовать в Италиянском Соборе[297]. Однако ж заседания начались с великою торжественностию в Ферраре, в церкви Св. Георгия, после долговременного спора между Императором Иоанном и Папою о местах: Евгений желал сидеть среди храма, как Глава Веры; Иоанн же хотел сам председательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейского. Решили тем, чтобы в средине церкви, против олтаря, лежало Евангелие; чтобы на правой стороне Папа запимал первое, возвышенное место между Католиками, а ниже его стоял трон для отсутствующего Императора Немецкого; чтобы Царь Иоанн сидел на левой, также на троне, но далее Папы от олтаря[298]. Надлежало согласиться в четырех мнениях: 1) об исхождении Св. Духа. 2) о чистилище, 3) о квасных просфорах, 4) о первенстве Папы. С обеих сторон выбрали Ораторов: Римляне Кардиналов Альбергати, Иулиана, Епископа Родосского и других; Греки трех Святителей, Марка Ефесского (мужа ревностного, велеречивого), Исидора Российского и юного Виссариона Никейского, славного ученостию и разумом, но излишно уклонного в рассуждении Догматов Веры. Пятнадцать раз сходились для прения о Св. Духе: наши единоверцы утверждали, что Он исходит единственно от Отца; а Римляне прибавляли: *и Сына*, ставя в доказательство некоторые древние рукописи Святых Отцев, отвергаемые Греками как подложные. Умствовали, истощали все хитрости богословской Диалектики и не могли согласиться в сей части Символа: выражение Filioque [и от Сына] оставалось камнем претыкания. Уже Марко Ефесский гремел против Латинской ереси, и вместо духовного братства ежедневно усиливался дух раздора. Греки скучали в отдалении от домов своих и жаловались на худое содержание: Евгений также, не видя успеха, скучал бесполезными издержками, и в конце зимы уговорил Императора переехать во Флоренцию, будто бы опасаясь язвы в Ферраре, но в самом деле для того, что Флорентийцы дали ему не малую сумму денег за честь видеть Собор в их городе[299].

Не льзя без умиления читать в Истории о последних тайных беседах Иоанна Палеолога, в коих сей несчаст-

ный Государь изливал всю душу свою пред Святителями Греческими и Вельможами, изображая с одной стороны любовь к Правоверию, а с другой бедствия Империи и надежду спасти ее посредством соединения Церквей[300]. «Думаю только о благе отечества и Христианства, говорил он: после долговременного отсутствия возвратимся ли без успеха, с единым стыдом и горестию? Не мышлю о своих личных выгодах: жизнь кратковременна, а детей не имею; но безопасность Государства и мир Церкви для меня любезны». Митрополит Российский осуждал упрямство Марка Ефесского и других Святителей, говоря: «лучше соединиться с Римлянами душею и сердцем, нежели без всякой пользы уехать отсюда: и куда поедем?» Виссарион еще убедительнее представлял жалостное состояние Империи. Наконец, по многих прениях, Греки уступили, и согласились, 1) что Св. Дух исходит от Отца и Сына; 2) что опресноки и квасный хлеб могут быть равно употребляемы в священнодействии; 3) что души праведные блаженствуют на небесах, грешные страдают, а средние между теми и другими очищаются, *или* палимые огнем, *или* угнетаемые густым мраком, *или* волнуемые бурею, *или* терзаемые иным способом; что все люди телесно воскреснут в день суда и явятся пред судилищем Христовым, дать отчет в делах своих; 4) что Папа есть Наместник Иисуса Христа и Глава Церкви; что Патриарх Константинопольский занимает вторую степень, и так далее. 6 Июля [12]*–(1439 года)–[12]* было последнее заседание Собора в Кафедральном храме Флорентийском, где обе Церкви совокупили торжественность и великолепие своих обрядов, чтобы тем сильнее действовать на сердца людей. В присутствии бесчисленного народа, между двумя рядами Папских телохранителей, вооруженных палицами, одетых в латы серебряные и держащих в одной руке пылающие свечи, Евгений служил Обедню[301, 13]*; гремела музыка Императорская; пели славу Вседержителя на языке Греческом и Латинском. Папа, воздев руки на небо, проливал слезы радости, и величественно благословив Царя, Князей, Епископов, чиновников Республики Флорентийской, велел Кардиналу Иулиану и Архиепископу Виссариону читать с амвона *хартию соединения*, написанную следующим образом: «Да веселятся небеса и земля! Разрушилось средостение между Восточною и Западною Церковию; мир возвратился на краеугольный камень

Христа; два народа уже составляют единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихий свет вожделенного согласия сияет паки. Да ликует мать наша, Церковь, видя чад своих, после долговременного разлучения, вновь совокупленных любовию; да благодарит Всемогущего, Который осушил ее горькие об них слезы. А вы, верные сыны мира Христианского, благодарите мать вашу, Церковь Кафолическую, за то, что Отцы Востока и Запада не устрашились опасностей пути дальнего, и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на сем святом Соборе и воскресить любовь, коея уже не было между Христианами». Следуют упомянутые статьи примирения и согласия в Догматах Веры, подписанные Евгением, осмью Кардиналами, двумя Патриархами Латинскими (Иерусалимским и Градским), осьмью Архиепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а от имени Греков Императором, тремя Местоблюстителями престолов Патриарших (ибо Иосиф, Патриарх Константинопольский, скончался за несколько дней до того во Флоренции), семнадцатью Митрополитами, Архиепископами и всеми бывшими там Святителями [302], кроме одного Марка Ефесского, неумолимого старца, презрителя угроз и корысти. Сведав, что сей твердый муж не подписал хартии, Папа гневно воскликнул: «и так мы ничего не сделали!» и требовал, чтобы Император или принудил его к согласию, или наказал как ослушника; но Марко тайным отъездом спасся от гонения.

Выгоды, приобретенные уступчивостию Греков, состояли для них в том, что Евгений дал им несколько тысяч флоринов, обязался прислать в Константинополь 300 воинов с двумя галерами для охранения сей столицы, и в случае нужды обещал Иоанну именем Государей Европейских гораздо сильнейшее вспоможение. Греки хотели еще, чтобы толпы богомольцев, ежегодно отправляясь из Европы морем в Палестину, всегда приставали в Цареграде для выгоды тамошних жителей: Папа включил и сию статью в договор; наконец с великою честию отпустил Императора, который, быв два года в отсутствии, возвратился в Грецию оплакать безвременную кончину своей юной супруги, Марии, и видеть общий мятеж Духовенства [303]. Узнав происшедшее на Флорентийском Соборе, оно разделилось во мнениях: некоторые хотели держаться его

постановлений; другие, и большая часть, вопили, что истинная Церковь гибнет, и что не Пастыри верные, но изменники, ослепленные златом Римским, заключили столь беззаконный, столь унизительный для Греков союз с Папою; что один Марко Ефесский явил себя достойным служителем Христовым, и проч. Сии последние одержали верх. Вопреки Императору и новому Патриарху Митрофану, ревностному защитнику Соединения, народ бежал из храмов, где священнодействовали их единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, так, что не смотря на усилия Папы Евгения и преемника его, не смотря на явную неминуемую гибель своего отечества, Греки захотели лучше умереть, нежели согласиться на исхождение Св. Духа от Сына, на опресноки и чистилище. Достопамятный пример твердости в богословских мнениях! Впрочем сомнительно, чтобы Папа мог тогда спасти Империю, если бы Восточная Церковь и покорилась его духовной власти. Веки Крестовых ополчений миновали; ревностный дух Христианского братства уступил место малодушной Политике в Европе: каждый из Венценосцев имел свою особенную государственную систему, искал пользы во вреде других и не доверял им. Немецкая земля, быв феатром жестокой войны, произведенной расколом Иоанна Гусса, более и более слабела в долговременное, ничтожное царствование Фридерика III. Англия и Франция с величайшим усилием боролись между собою. Испания, еще разделенная, не простирала мыслей своих далее собственных ее пределов. Португаллия занималась единственно мореплаванием и новыми открытиями в Африке: Италия церковными делами, торговлею и внутренними распрями. Дания и Швеция, бедные людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному, и непрестанно опасаясь друг друга, не мешались в дела иных Держав Европейских. Только Венгрия и Польша несколько времени бодрствовали на берегах Дуная, изъявляя ревность противиться успехам Амуратова оружия; но Варнская битва, столь несчастная для Короля Владислава, на-долго отвратила их от войны с мужественными Турками. Еще духовная власть сильно действовала над умами и в Советах государственных; но уже не имела прежнего единства. Мнимая божественность Пап исчезла: Соборы, Костницкий и Базельский, судили и низвергали их. Сии шумные сонмы Церковной Аристократии издали

готовили падение духовной и совершенную независимость мирской власти. Иерархи разных земель уже разнствовали и в мыслях, во многих отношениях предпочитая особенные выгоды своих Государств Папиным. В сих обстоятельствах Европы мог ли Евгений ручаться за единодушие Венценосцев ее, чтобы сокрушить Оттоманскую Державу, или погибнуть на берегах Воспора для спасения Византии? Устрашенные победами Амурата и Магомета II, Государи Западные трепетали в бездействии. Тщетно Герой Альбании, знаменитый Скандербег, давал им пример великодушия, один с горстию людей отражая многочисленное воинство Султанское: ни мало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его в их собственные междоусобия, к удовольствию неверных[304].— Одним словом, Иоанн Палеолог не только не успел, но, по всем вероятностям, и не мог успеть в своем намерении, чтобы соединением двух Церквей отвратить конечную гибель Империи Греческой.

Главные орудия сего мнимого соединения, Архиепископ Виссарион и Митрополит Исидор, были награждены от Папы Кардинальскими шапками: первый остался в Италии; вторый с именем Легата Апостольского для всех земель северных отправился из Флоренции 6 Сентября[305], сел на корабль в Венеции, переехал Адриатическое море и чрез Далмацию и Кроатскую землю прибыл в столицу Венгрии, в Будин, откуда написал грамоты во все подведомые ему Епархии Литовские, Российские, Ливонскую, изъясняясь таким образом: «Исидор, милостию Божиею преосвященный Митрополит Киевский и всея Руси, *Легат от ребра* (à latere) *Апостольского*, всем и всякому Христианину вечное спасение, мир и благодать. Возвеселитеся ныне о Господе: Церковь Восточная и Римская навеки совокупилися в древнее мирное единоначалие. Вы, добрые Христиане Церкви Константинопольской, Русь, Сербы, Волохи, и все верующие во Христа! приимите сие святое соединение с духовною радостию и честию. Будьте истинными братьями Христиан Римских. Един Бог, едина Вера: любовь и мир да обитают между вами! А вы, племена Латинские, также не уклоняйтеся от Греческих, признанных в Риме истинными Христианами: молитеся в их храмах, как они в ваших будут молиться. Исповедуйте грехи свои тем и другим Священникам без различия; от тех и других принимайте тело Христово, равно святое

и в пресном и в кислом хлебе. Так уставила общая мать ваша, Церковь Кафолическая», и проч.

Исидор спешил в Киев, где Духовенство встретило его как единственного Митрополита всех Российских Епархий, и весною 1440 году прибыл в Москву, с грамотою от Папы к Великому Князю[306]. Евгений извещал его «о благословенном успехе Флорентийского Собора, славном в особенности для России: ибо Архипастырь ее более способствовал оному». Письмо от начала до конца было ласково и скромно. Папа молил Василия быть милостивым к Исидору и давать ему те церковные оброки, коими издревле пользовались наши Митрополиты. Духовенство и народ с нетерпением ожидали своего Первосвятителя в Кремлевском храме Богоматери. Исидор явился окруженный многими сановниками: пред ним несли крест Латинский и три серебряные *палицы:* Россияне удивились сей новости, и еще более, когда Митрополит в Литургии помянул Евгения Папу, вместо Вселенских Патриархов. Когда же, по окончании службы, Диакон Исидоров, в стихаре и с орарием став на амвоне, велегласно прочитал грамоту Флорентийского Осьмого Собора, столь несогласную с древним учением нашей Церкви: тогда все, духовные и миряне, в изумлении смотрели друг на друга, не зная, что мыслить о слышанном. Имя Собора Вселенского, Царя Иоанна, и согласие знатнейших православных Иерархов Греции, искони наших учителей, заграждали уста: безмолвствовали Епископы и Вельможи.

В сем общем глубоком молчании раздался только один голос — Князя Великого. С юных лет зная твердо уставы Церкви и мнения Святых Отцев о Символе Веры, Василий увидел отступление Греков от ее правил, воспылал ревностию обличить беззаконие, вступил в прение с Исидором и торжественно наименовал его лжепастырем, губителем душ, еретиком; призвал на совет Епископов, Бояр, искусных в книжном учении, и велел им основательно рассмотреть Флорентийскую Соборную грамоту. Все прославили ум Великого Князя. Святители и Вельможи сказали ему: «Государь! мы дремали; ты един за всех бодрствовал, открыл истину, спас Веру: Митрополит *отдал ее на злате* Римскому Папе, и возвратился к нам с ересью». Исидор силился доказывать противное, но без успеха: Василий посадил его за стражу в Чудове монастыре, требуя, чтобы он раскаялся, отвергнув соединение с Латин-

скою Церковию. Таким образом хитрость, редкий дар слова и великий ум сего честолюбивого Грека, имев столь много действия на Флорентийском Соборе, где ученейшая Греция состязалась с Римом, оказались бессильными в Москве, быв побеждены здравым смыслом Великого Князя, уверенного, что перемены в Законе охлаждают сердечное усердие к оному, и что неизменяемые Догматы отцев лучше всяких новых мудрований. Узнав же, что Исидор чрез несколько месяцев тайно ушел из монастыря, благоразумный Василий не велел гнаться за ним, ибо не хотел употребить никаких жестоких мер против сего сверженного им Митрополита, который, въехав в Россию гордо, пышно и величаво, бежал из нее как преступник, в страхе, чтобы Москвитяне не сожгли его под именем еретика на костре [307].

Исидор благополучно достиг Рима с печальным известием о нашем упрямстве, и в награду за свой ревностный подвиг занял одно из первых мест в Думе Кардиналов, еще именуясь *Российским*; а Великий Князь, с согласия всех Епископов, вторично избрав Иону в Митрополиты, (в 1443 году) отправил Боярина Полуехта в Константинополь с грамотою к Царю и Патриарху, в коей описывает всю историю нашего Христианства со времен Владимира, и говорит далее [308]: «По кончине блаженного Фотия земля Русская несколько лет оставалась без духовного Пастыря, волнуемая нашествием варваров и внутренним междоусобием: наконец мы послали к вам Епископа Рязанского, Иону, мужа от юных лет благочестивого и добродетельного, желая, да поставите его в Митрополиты; но вы, или от замедления нашего, или следуя единственно прихоти самовластия, дали нам Исидора. Богу известно, что я долго колебался и мыслил отвергнуть его; но ласковая грамота Патриархова, моление Посла вашего и сладкоречивое смирение Исидорово тронули мое сердце... Когда же он, вопреки своей клятве, изменил Православию: тогда мы созвали боголюбивых Святителей нашей земли, да изберут нового достойнейшего Митрополита, как и прежде, в чрезвычайных случаях, у нас бывало. Но хотим соблюсти обряд древний: требуем твоего Царского согласия и Патриаршего благословения, уверяя вас, что никогда произвольно не отлучимся от Церкви Греческой, доколе стоит Держава Русская. И так ожидаем, что вы исполните мое прошение и не замедлите уведомить нас о вашем здра-

вии, да возвеселимся духом ныне и присно и во веки веков. Аминь». Сей Посол не доехал до Константинополя: ибо Василий приказал ему возвратиться, сведав тогда, как говорит Летописец, совершенное отступление Императора Греческого от истинной Веры. С того времени Иона первенствовал, кажется, в делах нашей Церкви, хотя еще и не был торжественно признан ее Главою [309]; а Епископы южной России снова имели особенного Митрополита, посвященного в Риме, именем Григория Болгарина, ученика Исидорова, вместе с ним ушедшего из Москвы. Они держались Флорентийского Соединения, которое в Литве и в Польше доставило им все выгоды и преимущества Духовенства Латинского, подтвержденные в 1443 году указом Владислава III [310]. Преемник Владиславов, Казимир, даже уговаривал Великого Князя признать Киевского Иерарха Главою и Московских Епископов, представляя, как вероятно, что духовное единоначалие утвердит благословенный союз между северною и южною Россиею; но Святители наши предали Григория анафеме. Московская Митрополия осталась независимою, а Киевская подвластною Риму, будучи составлена из Епархий Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимирской, Полоцкой, Хельмской и Галицкой [311].

Такие следствия имел славный Собор Флорентийский. Еще несколько лет защитники и противники его писали, спорили, опровергали друг друга; наконец бедствие, постигшее Константинополь, пресекло и споры и долговременные усилия властолюбивого Рима для подчинения себе Византийской Церкви. Духовенство же Московское, отвергнув соблазн, тем более укрепилось в Догматах Православия.

Россияне имели нужду в мире церковном, чтобы великодушнее сносить несчастия государственные, коими Небо скоро посетило наше отечество.

<Новая вражда>. Уже осенью в 1441 году открылась новая вражда между Великим Князем и Димитрием Шемякою, который, сведав о приближении Московского войска к Угличу, бежал в Новогородскую область, и собрав несколько тысяч бродяг, вместе с Князем Александром Черторижским, выехавшим к нему из Литвы, внезапно подступил к Москве: хотя Игумен Троицкий, Зиновий, примирил их; но Шемяка, боясь Василия, дал знать Новогородцам, что желает навсегда к ним переселиться. Они

гордо сказали: «Да будет, Князь, твоя воля! Если хочешь к нам, мы тебе рады; если не хочешь, как тебе угодно» [312]. Сей ответ или не полюбился ему, или тогдашние обстоятельства Новагорода отвратили его от намерения искать там убежища: Шемяка остался в своем Уделе.

<Г. 1443–1445. Дела Новогородские>. Новгород, волнуемый внутри, угрожаемый извне, не имел ни твердого правления, ни ясной политической системы. В 1442 году народ, без всякого доказательства обвиняя многих людей в зажигательстве, жег их на кострах, топил в Волхове, побивал каменьем. Худые урожаи и десятилетняя дороговизна приводили граждан в отчаяние. «Вопль и стенание (говорит Летописец) раздавались на площадях и на улицах; бедные шатались как тени, падали, умирали, дети пред родителями, отцы и матери пред детьми; одни бежали от голода в Литву, или в землю Немецкую, или во Псков; другие из хлеба шли в рабство к купцам Магометанской и Жидовской Веры. Не было правды ни в судах, ни во граде. Восстали ябедники, лжесвидетели, грабители; наши старейшины утратили честь свою, и мы сделались поруганием для соседов» [313]. К сим народным бедствиям присоединились [14]* внешние опасности. Слабая [15]* Держава может существовать только союзом с сильными: ослепленный Новгород досаждал всем и не имел друзей. Один из Князей Суздальских, Василий Юрьевич, внук Кирдяпин и наследственный враг Москвы, был ласково принят Новогородцами и начальствовал у них в Яме. К неудовольствию же Великого Князя они вызвали из Литвы внука Ольгердова, Иоанна Владимировича, и дали ему свои пригороды в угодность Казимиру; между тем не угодили и последнему. Казимир хотел, чтобы они взяли от него Наместников в свою столицу и явно отложились от Василия Василиевича, говоря: «для вас единственно я не заключил с ним мира; поддайтесь мне, и вы будете со всех сторон безопасны» [314]. Новогородцы, еще не расположенные изменить Русскому отечеству, посмеялись над властолюбием Казимира: отпустили Иоанна в Литву, и вторично приняли к себе Лугвениева сына, Юрия, бывшего в Москве. Тщетно Псковитяне искали их дружбы и давали им пример благоразумия, стараясь быть в тесной связи с Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти северо-западную Россию от хищности иноплеменников. Князья — иногда Российские, иногда Ли-

товские — начальствовали во Пскове, но всегда именем Великого Князя, с его согласия, и присягали в верности сперва ему, а потóм народу. Следуя иным правилам, Новогородцы видели в гражданах сей области уже не братьев, а слуг Московских, и своих совместников в выгодах Немецкой торговли. Те и другие воевали, мирились, заключали договоры, особенно с Державами иноземными, не думая о благе общем. Новогородцы в 1442 году взяли всех Немецких купцев под стражу [315]: Псковитяне дружелюбно торговали с Ганзою. В Шведской Финляндии властвовал тогда Государственный Маршал, Карл Кнутсон, получив ее в Удел от Верховного Совета и Короля: он жил в Выборге, и стараясь ничем не оскорблять Новогородцев, злобился на Псковитян, которые повесили несколько Чухонцев за воровство в земле своей: мстил им, без объявления войны брал людей в плен и требовал окупа. В 1443 году Магистр [16]* Ливонского Ордена, Финке фон-Оберберген, возобновил мир с областию Псковскою на 10 лет и был неприятелем Новогородцев: сжег предместие Ямы, и велел сказать им как бы в насмешку, что не он, а Герцог Клевский из заморья воюет Россию.

Так сказано в нашей летописи: бумаги Немецкого Ордена, хранящиеся в древнем Кенигсбергском Архиве, объясняют для нас сей предлог войны с ее достопамятными обстоятельствами [316]. Еще в 1438 году Великий Магистр [17]* Немецкий писал к Новогородскому Князю Юрию, чтобы он благосклонно принял юного Принца Клевского, Эбергарда, едущего в Палестину через Россию, и доставил ему все способы для пути безопасного; но Эбергард возвратился в Ригу с жалобами на претерпенные им в Новогородской земле оскорбления. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, без их ведома, начало неприятельские действия. Финке уверял, что Орден желает единственно удовлетворения за обиду Принца Клевского и за многие другие, сделанные Немцам *беспокойными, наглыми Россиянами, любящими отнимать чужое и жаловаться.* Великий Герцог Литовский, Казимир, был между ими посредником, величаясь именем *Государя Новогородцев*, единственно по тому, что они со времен Гедиминовых принимали к себе Литовских Князей в областные начальники; но Финке, благосклонно встретив Казимировых Послов, не устыдился взять под стражу Новогородского, даже ограбил его и выслал *нагого* из Ливо-

нии.— Раздраженные Новогородцы опустошили Ливонские селения за Наровою: Немцы землю Водскую, берега Ижеры и Невы; опять приступили к Яме и хотели пушками разрушить ее стены, но через пять дней сняли осаду. Немецкие Летописцы прибавляют, что Россияне заманили Магистра в какое-то ущелье и побили у него множество воинов; что он, желая отмстить им новым впадением в их пределы, возвратился с новою неудачею и стыдом[317]. Не смотря на то, гордый Финке вторично отвергнул мирные предложения Новогородцев, сказав их Послам в Риге, что не заключит мира, если они не уступят ему всей реки Наровы с островом. Доселе действовав только собственными силами, Ливонцы предприняли наконец вооружить на Россиян знатную часть Европы, посредством Великого Магистра Прусского, бывшего в тесной связи с Римом и с Государями Северными; хотели уже не грабежа, не маловажных сшибок, но решительного удара. В 1447 году Орден заключил договор с Королем Дании, Норвегии и Швеции, Христофором, чтобы совокупными силами воевать землю Новогородскую: Немцам взять Копорье и Нейшлот, Шведам Орехов, Ландскрону, и проч. Великий Магистр[18]* Прусский убеждал Папу содействовать молитвою и деньгами к усмирению *неверных* Россиян; писал к Императору, к Курфирстам, и вызывал из Германии всех православных витязей служить Богу и Его матери, казнить *отступников злочестивых* на берегах Волхова; писал также ко всем городам Ганзейским, к Любеку, Висмару, Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцам своим возить хлеб в Новгород. Вооруженные Ливонские суда заняли Неву и брали в добычу всякой нагруженный съестными припасами корабль, идущий в Ладожское озеро, не исключая ни союзных Шведских, ни Прусских. Войско Немецкого Ордена отправилось морем из Данцига и сухим путем из Мемеля к Нарве: пехота, конница и пушкари, с Рыцарем Генрихом, искусным в употреблении огнестрельного снаряда. В Бранденбурге, Эльбинге, Кенигсберге и во всех городах Прусских народ торжественно молился о счастливом успехе *Христианского оружия против язычников* (contra paganos) Новогородских и союзников их, *Москвитян*, *Волохов* и *Татар*: Латинские Обедни и церковные ходы долженствовали склонить Небо к совершенному истреблению сей Российской народной Дер-

жавы, более именем, нежели силами *великой*, опустошенной тогда голодом и болезнями.

Какие были следствия мер столь важных и грозных? В наших летописях сказано единственно, что Ливонские Рыцари, Король Шведский и *Прусский* (то есть, Великий Магистр[19*] Немецкого Ордена) в 1448 году имев битву с Новогородцами на берегах Наровы, ушли назад; а Двиняне близ Неноксы разбили Шведов, которые приходили туда морем из Лапландии[318].— Ни *Татары*, ни *Волохи*, ни *Москвитяне* не помогали Новугороду. «Я даю ему Князей, но без войска», писал Казимир к Немцам. В бумагах Орденских упоминается только о каком-то знаменитом человеке, который в 1447 году ехал из Моравии *с шестью стами всадников* на помощь к Новогородскому Князю Юрию, сыну Лугвениеву.

В сие время Новогородцы имели еще двух неприятелей: Князь Борис Тверский безжалостно грабил их землю, и народ Югорский, угнетаемый ими, объявил себя независимым. Воеводы Двинские, Василий Шенкурский и Михайло Яковлев, пришли к ним с тремя тысячами воинов. Жители употребили хитрость. «Дайте нам время собрать дань, говорили они: сделав расчет между собою, мы покажем вам урочища и станы»; но усыпив Россиян обещаниями и ласками, побили их на голову. Новогородцы оружием усмирили сих бунтующих данников, а Князя Тверского старались усовестить словами дружелюбными; заключили наконец союз с добрыми Псковитянами и перемирие с Немцами на 25 лет[319].

<Войны>. Гораздо важнейшие происшествия ожидают нас в Московском Великом Княжении. Смерть Витовта, деда, опекуна Василиева, уничтожив связь притворного дружества между Литвою и нашим Государством, возобновила их естественную, взаимную ненависть друг ко другу, еще усиленную раздором Церковным. Неприятели Казимировы искали убежища в Москве: сын Лугвениев, Князь Юрий, выехав из Новагорода, и заняв вооруженною рукою Смоленск, Полоцк, Витебск, но будучи не в силах противиться Казимиру, бежал к Великому Князю. Однако ж войны не было до 1444 года: в сие время, зимою, Василий послал двух служащих ему Царевичей Могольских на Брянск и Вязьму. Нечаянность их впадения благоприятствовала успеху, если можно назвать успехом грабеж и кровопролитие бесполезное: Татары и Москвитяне

опустошили села и города почти до Смоленска. <Г. 1445>. Явились мстители: 7000 Литовцев, предводимых семью Панами, разорили беззащитные окрестности Козельска, Калуги, Можайска, Верея. Собралось несколько сот Россиян под начальством Воевод Можайского, Верейского и Боровского: презирая многочисленность неприятеля, они смело ударили на Казимировых Панов в Суходрове, и были разбиты. Впрочем Литовцы, не взяв ни одного города, удалились с пленниками [320].

Великий Князь не мог отразить их для того, что имел дело с другим неприятелем. Царевич Золотой Орды, именем Мустафа, желая добычи, вступил в Рязанскую область, пленил множество безоружных людей, и взяв за них окуп, ушел; но скоро опять возвратился к Переславлю, требуя уже не денег, а только убежища. Настала зима необыкновенно холодная, с глубокими снегами, жестокими морозами и вьюгами: Татары не могли достигнуть Улусов, лишились коней и сами умирали в поле. Граждане Переславские, не смея отказать им, впустили их в свои жилища; однако ж не на-долго: ибо Василий послал Князя Оболенского с Московскою дружиною и с Мордвою выгнать Царевича из наших пределов [321]. Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати Великокняжеской, по требованию первых вышел из города, стал на берегах речки Листани и спокойно ожидал неприятелей. С одной стороны наступили на него Воеводы Московские с конницею и пехотою, вооруженною *ослопами* или палицами, топорами и рогатинами; с другой Рязанские *Козаки* и Мордва на лыжах [20*], с сулицами, копьями и саблями. <Храбрость Мустафы>. Татары, цепенея от сильного холода, не могли стрелять из луков, и не смотря на свою малочисленность, смело пустились в ручной бой. Они конечно не имели средства спастися бегством; но от них зависело отдаться в плен без кровопролития: Мустафа не хотел слышать о таком стыде, и бился до изнурения последних сил. Никогда Татары не изъявляли превосходнейшего мужества: одушевленные словами и примером начальника, резались как исступленные и бросались грудью на копья. Мустафа пал Героем, доказав, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсем застыла в сердце Моголов; другие также легли на месте; пленниками были одни раненые, и победители, к чести своей, завидовали славе побежденных.— Чрез несколько времени Татары Золотой Орды — желая, как

вероятно, отмстить за Мустафу — воевали области Рязанские и Мордовские; но не сделали ничего важного.

<Нашествие Царя Казанского>. Неприятель опаснейший явился с другой стороны, Царь Казанский, Улу-Махмет; взял Старый Новгород Нижний, оставленный без защиты, и шел к Мурому [322]. Великий Князь собрал войско: Шемяка, Иоанн Андреевич Можайский, брат его Михаил Верейский и Василий Ярославич Боровский, внук Владимира Храброго, находились под Московскими знаменами. Махмет отступил: передовый отряд наш разбил Татар близ Мурома, Гороховца и в других местах. Не желая во время тогдашних зимних холодов гнаться за Царем, Великий Князь возвратился в столицу. Весною пришла весть, что Махмет осадил Нижний Новгород, послав двух сыновей, Мамутека и Ягуба, к Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать их. Василий Васильевич с одною Московскою ратию пришел в Юрьев, где встретили его Воеводы Нижегородские: долго терпев недостаток в хлебе, они зажгли крепость и ночью бежали оттуда. Чрез несколько дней присоединились к Москвитянам Князья Можайский, Верейский и Боровский, но с малым числом ратников. Шемяка обманул Василия: сам не поехал и не дал ему ни одного воина; а Царевич Бердата, друг и слуга Россиян, еще оставался назади [323]. <Июля 6>. Великий Князь расположился станом близ Суздаля, на реке Каменке: слыша, что неприятель идет, воины оделись в латы, и подняв знамена, изготовились к битве; но долго ждав Моголов, возвратились в стан. Василий ужинал и пил с Князьями до полуночи; а в следующий день, по восхождении солнца отслушав Заутреню, снова лег спать. Тут узнали о переправе неприятеля через реку Нерль: сделалась общая тревога, Великий Князь, схватив оружие, выскочил из шатра, и в несколько минут устроив рать, бодро повел оную вперед, при звуке труб, с распущенными хоругвями. Но сие шумное ополчение, предводимое внуками Донского и Владимира Храброго, состояло не более, как из 1500 Россиян, если верить Летописцу; силы Государства Московского не уменьшились: только Василий не умел подражать деду и словом творить многочисленные воинства; земля оскудела не людьми, но умом Правителей.

Впрочем сия горсть людей казалась сонмом Героев, текущих к верной победе. Князья и воины не уважали

Татар; видели их превосходную силу, и вопреки благоразумию схватились с ними на чистом поле близ монастыря Евфимиева. Неприятель был вдвое многочисленнее [324]; однако ж Россияне первым ударом обратили его в бегство, может быть притворное: он хотел, кажется, чтобы наше войско расстроилось. По крайней мере так случилось: Москвитяне, видя тыл неприятельской рати, устремились за нею без всякого порядка: всякой хотел единственно добычи; кто обдирал мертвых, кто без памяти скакал вперед, чтобы догнать обоз Царевичей или брать пленников. Татары вдруг остановились, поворотили коней и со всех сторон окружили мнимых победителей, рассеянных, изумленных. Еще Князья наши старались восстановить битву; сражались толпы с толпами, воин с воином, долго, упорно; везде число одолело, и Россияне, положив на месте 500 Моголов, были истреблены. <Плен Великого Князя>. Сам Великий Князь, личным мужеством заслужив похвалу — имея простреленную руку, несколько пальцев отсеченных, тринадцать язв на голове, плеча и грудь синие от ударов — отдался в плен вместе с Михаилом Верейским и знатнейшими Боярами. Иоанн Можайский, оглушенный сильным ударом, лежал на земле: оруженосцы посадили его на другого коня и спасли. Василий Ярославич Боровский также ушел; но весьма не многие имели сие счастие. Смерть или неволя были жребием остальных. Царевичи выжгли еще несколько сел, два дни отдыхали в монастыре Евфимиеве, и сняв там с несчастного Василия златые кресты, послали оные в Москву, к его матери и к супруге, в знак своей победы [325].

<Ужас и бедствие Москвы>. Столица наша затрепетала от сей вести: Двор и народ вопили. Москва видала ее Государей в злосчастии и в бегстве, но никогда не видала в плену. Ужас господствовал повсюду. Жители окрестных селений и пригородов, оставляя домы, искали убежища в стенах Кремлевских: ибо ежечасно ждали нашествия варваров, обманутые слухом о силе Царевичей. <Июля 14>. Новое бедствие довершило жалостную судьбу Москвитян и пришельцев: ночью сделался пожар внутри Кремля, столь жестокий, что не осталось ни одного деревянного здания в целости: самые каменные церкви и стены в разных местах упали; сгорело около трех тысяч человек и множество всякого имения [326]. Мать и супруга Великого Князя с Боярами спешили удалиться от сего

ужасного пепелища: они уехали в Ростов, предав народ отчаянию в жертву. Не было ни Государя, ни правления, ни столицы. Кто мог, бежал; но многие не знали, где найти пристанище, и не хотели пускать других. Чернь в шумном совете положила укрепить город: избрали властителей; запретили бегство; ослушников наказывали и вязали; починили городские ворота и стены; начали строить и жилища. Одним слово, народ сам собою восстановил и порядок из безначалия и Москву из пепла, надеясь, что Бог возвратит ей и Государя.— <Разбой Князя Тверского>. Между тем, пользуясь ее сиротством и несчастием, хищный Князь Борис Александрович Тверский прислал Воевод своих разграбить в Торжке все имение купцев Московских[327].

Не смотря на пороки или недостатки Василия, Россияне Великого Княжения видели в нем единственного законного Властителя и хотели быть ему верными: плен его казался им тогда главным бедствием. Царевичи, хотя и победили, вместо намерения итти к Москве — чего она в безрассудном страхе ожидала — мыслили единственно как можно скорее удалиться с добычею и с важным пленником, имея столь мало войска. От Суздаля они пришли к Владимиру[328]; но только погрозив жителям, через Муром возвратились к отцу в Нижний. <Августа 25>. Сам Махмет опасался Россиян и не рассудил за благо остаться в наших пределах: зная расположение Шемяки, отправил к нему Посла, именем Бигича, с дружескими уверениями; а сам отступил к Курмышу, взяв с собою Великого Князя и Михаила Верейского.

Шемяка радовался бедствию Василия, которое удовлетворяло его властолюбию и ненависти к сему злосчастному пленнику. Он принял Царского Мурзу с величайшею ласкою: угостил[21*], и послал с ним к Махмету Дьяка Феодора Дубенского для окончания договоров. Дело шло о том, чтобы Василию быть в вечной неволе, а Шемяке Великим Князем под верховною властию Царя Казанского. Но Махмет, долго не имев вести о Бигиче, вообразил или поверил слуху, что Шемяка убил его и хочет господствовать в России независимо. Еще и другое обстоятельство могло способствовать счастливой перемене в судьбе Василия. Один из Князей Болгарских или Могольских, именем Либей, завладел тогда Казанью (после он был умерщвлен сыном Ханским, Мамутеком). Желая скорее возвратиться в Бол-

гарию, Царь советовался с ближними, призвал Великого Князя, и ласкою объявил ему свободу, требуя от него единственно умеренного окупа и благодарности[329]. <Октября 1. Освобождение Василия>. Василий, прославив милость Неба и Царскую, выехал из Курмыша с Князем Михаилом, с Боярами и со многими Послами Татарскими, коим надлежало проводить его до столицы; отправил гонца в Москву к Великим Княгиням и сам в след за ним спешил в любезное отечество. Между тем Дьяк Шемякин и Мурза Битич плыли Окою от Мурома к Нижнему: услышав о свободе Великого Князя, они возвратились от Дудина монастыря в Муром, где Наместник, Князь Оболенский, взял Бигича под стражу.

<Землетрясение>. В тот самый день, когда Царь отпустил Василия в Россию — 1 Октября — Москва испытала один из главных естественных ужасов, весьма необыкновенный для стран северных: землетрясение. В шестом часу ночи поколебался весь город, Кремль и посад, домы и церкви; но движение было тихо и непродолжительно: многие спали и не чувствовали оного; другие обеспамятели от страха, думая, что земля отверзает недра свои для поглощения Москвы[330]. Несколько дней ни о чем ином не говорили в домах и на Красной площади; считали сей феномен предтечею каких нибудь новых государственных бедствий, и тем более обрадовались нечаянному известию о прибытии Великого Князя. Не только в столице, но и во всех городах, в самых хижинах сельских добрые подданные веселились как в день светлого праздника, и спешили издалека видеть Государя. В Переславле нашел Василий мать, супругу, сыновей своих, многих Князей, Бояр, Детей Боярских и вообще столько ратных людей, что мог бы смело итти с ними на сильнейшего из врагов России. Сия усердная, великолепная встреча напомнила величие Героя Димитрия, приветствуемого народом после Донской битвы: дед пленял Россиян славою, внук трогал сердца своим несчастием и неожидаемым спасением.— Но Василий (17 Ноября) с горестию въехал в столицу, медленно возникающую из пепла; вместо улиц и зданий видел пустыри; сам не имел дворца, и жив несколько времени за городом в доме своей матери, на Ваганкове, занял в Кремле двор Князя Литовского, Юрия Патрикиевича.

<Злодейство Шемяки>. Еще мера зол, предназначенных судьбою сему Великому Князю, не исполнилась: ему

надлежало испытать лютейшее, в доказательство, что и на самой земле бывает возмездие по делам каждого. Опасаясь Василия, Димитрий Шемяка бежал в Углич, но с намерением погубить неосторожного врага своего, который, еще не ведая тогда всей его злобы и поверив ложному смирению, новою договорною грамотою утвердил с ним мир[331]. Димитрий вступил в тайную связь с Иоанном Можайским, Князем слабым, жестокосердым, легкомысленным, и без труда уверил его, что Василий будто бы клятвенно обещал все Государство Московское Царю Махмету, а сам намерен властвовать в Твери. Скоро пристал к ним и Борис Тверский, обманутый сим вымыслом, и страшась лишиться Княжения[332]. Главными их наушниками и подстрекателями были мятежные Бояре умершего Константина Димитриевича, завистники Бояр Великокняжеских; сыскались изменники и в Москве, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимого: в числе их находились Боярин Иван Старков, несколько купцев, Дворян, даже Иноков. Умыслили не войну, а[22]* предательство; положили нечаянно овладеть столицею и схватить Великого Князя; наблюдали все его движения и ждали удобного случая.

<Г. 1446>. Василий, следуя обычаю отца и деда, поехал молиться в Троицкую Обитель[333], славную добродетелями и мощами Св. Сергия, взяв с собою двух сыновей с малым числом придворных. Заговорщики немедленно дали о том весть Шемяке и Князю Можайскому, Иоанну, которые были в Рузе, имея в готовности целый полк вооруженных людей. Февраля 12 ночью они пришли к Кремлю, где царствовала глубокая тишина; никто не мыслил о неприятеле; все спали: бодрствовали только изменники, и без шума отворили им ворота. Князья[23]* вступили в город, вломились во дворец, захватили мать, супругу, казну Василиеву, многих верных Бояр, опустошив их домы; одним словом, взяли Москву. В ту же самую ночь Шемяка послал Иоанна Можайского с воинами к Троицкой Лавре.

Великий Князь, ничего не зная, слушал Обедню[24]* у гроба Св. Сергия. Вдруг вбегает в церковь один Дворянин, именем Бунко, и сказывает о происшедшем. Василий не верит. Сей Дворянин служил прежде ему, а после отъехал к Шемяке, и тем более казался вестником ненадежным. «Вы только мутите нас, ответствовал Василий: я в мире с братьями»[334] — и выгнал Бунка из монастыря; но одумался и послал несколько человек занять гору на Мос-

ковской дороге. Передовые воины Иоанновы, увидев сих людей, известили о том своего Князя: он велел закрыть 40 или 50 саней цыновками, и спрятав под ними ратников, отправил их к горе. Стражи Василиевы дремали, не веря слуху о неприятеле и спокойно глядели на мнимый обоз, который, тихо взъехав на гору, остановился: цыновки слетели с саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — уверенные, что жертва в их руках — они сели на коней и пустились во всю прыть к селу Клементьевскому. Уже Василий не мог сомневаться в опасности, собственными глазами видя скачущих всадников: бежит на конюшенный двор, требует лошадей, и не находит ничего готового; все люди в изумлении от ужаса, не знают, что говорят и делают. Уже всадники пред вратами монастырскими. Великий Князь ищет, убежища в церкви: пономарь, впустив его, запирает двери. Чрез несколько минут монастырь наполнился людьми вооруженными: сам Иоанн Можайский подъехал на коне к церкви и спрашивал, где Великий Князь? Услышав его голос, Василий громко закричал: «Брат любезный! помилуй! Не лишай меня святого места: никогда не выду отсюда: здесь постригуся; здесь умру». Взяв с гроба Сергиева икону Богоматери, он немедленно отпер южные двери церковные, встретил Иоанна, и сказал ему: «Брат и друг мой! животворящим крестом и сею иконою, в сей церкви, над сим гробом Преподобного Сергия клялися мы в любви и верности взаимной; а что теперь делается надо мною, не понимаю». Иоанн ответствовал: «Государь! если захотим тебе зла, да будет и нам зло. Нет, желаем единственно добра Христианству, и поступаем так с намерением устрашить Махметовых слуг, пришедших с тобою, чтобы они уменьшили твой окуп». Великий Князь поставил икону на ее место, пал ниц пред ракою Св. Сергия и начал молиться громогласно, с таким умилением, с таким жаром, что самые злодеи его не могли от слез удержаться; а Князь Иоанн, кивнув головою пред образами, спешил выйти из церкви, и тихо сказал Боярину Шемякину, Никите: «возьми его!» Василий встал и спросил: «где брат мой, Иоанн?» *Ты пленник Великого Князя, Димитрия Юрьевича*, отвечал Никита, схватив его за руки. «Да будет воля Божия!» сказал Василий. Жестокий Вельможа посадил несчастного Князя в голые сани вместе с каким-то Монахом и повез в столицу; а Московских Бояр всех оковали цепями: дру-

гих же слуг Великокняжеских ограбили и пустили нагих.

<Февраля 16. Ослепление Великого Князя>. На другой день привезли Василия в Москву прямо на двор к Шемяке, который жил в ином доме; на четвертый день, ночью, ослепили Великого Князя, от имени Димитрия Юрьевича, Иоанна Можайского и Бориса Тверского, которые велели ему сказать: «для чего любишь Татар и даешь им Русские города в кормление? для чего серебром и золотом Христианским осыпаешь неверных? для чего изнуряешь народ податями? для чего ослепил ты брата нашего, Василия Косого?» — Вместе с супругою отправили Великого Князя в Углич, а мать его Софию в Чухлому. Сыновья же Василиевы, Иоанн и Юрий, под защитою своей невинности спаслися от гонителей: пестуны сокрыли их в монастыре и ночью уехали с ними к Князю Ряполовскому, Ивану, в село Боярово, не далеко от Юрьева [335]. Сей верный Князь с двумя братьями, Симеоном и Димитрием, вооружился, собрал людей, сколько мог, и повез младенцев, надежду России, в Муром, укрепленный и безопаснейший других городов.

Ужас господствовал в Великом Княжении. Оплакивали судьбу Василия, гнушались Шемякою. Князь Боровский, Василий Ярославич, брат Великой Княгини Марии, не хотев остаться в России после такого злодеяния, отъехал в Литовскую землю, где Казимир дал ему в Удел Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Но Дворяне Московские, хотя и с печальным сердцем, присягнули Димитрию Шемяке, все, кроме одного, именем Федора Басенка, торжественно объявившего, что не будет служить варвару и хищнику. Димитрий велел оковать его: Басенок [336] ушел из темницы в Литву со многими единомышленниками к Василию Ярославичу, который сделал его и Князя Симеона Ивановича Оболенского начальниками в Брянске. Шемяка, приняв на себя имя Великого Князя, отдал Суздаль презрительному сподвижнику своему, Иоанну Можайскому; но скоро взял у него назад сию область и в следствие письменного договора уступил, вместе с Нижним, с Городцом и даже с Вяткою, как законную наследственную собственность, внукам Кирдяпиным, Василию и Феодору Юрьевичам; то есть, бессмысленно хотел уничтожить полезное дело Василия I, присоединившего древнее Суздальское Княжение к Москве. В договорной грамоте Шемяка, предоставив себе единственно честь старейшинства, согла-

шается, чтобы Юрьевичи, подобно их прадеду Димитрию Константиновичу, тестю Донского, господствовали независимо и сами управлялись с Ордою [337]; обе стороны равно обязываются не входить ни в какие особенные переговоры с несчастным слепцем Василием; села и земли, купленные Московскими Боярами вокруг Суздаля, Городца, Нижнего, долженствовали безденежно возвратиться к прежним владельцам, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклонным к двум изгнанникам, которые, не хотев служить Василию Темному, скитались по России из места в место? Он боялся народной ненависти и малодушно искал опоры в сих братьях, из коих старший, служа Новугороду, отличился в битве с Немцами и славился храбростию. <Безрассудность Шемяки. Пословица>. Не имея ни совести, ни правил чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка в краткое время своего владычества усилил привязанность Москвитян к Василию, и в самых гражданских делах попирая ногами справедливость, древние уставы, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице *о суде Шемякине*, доныне употребительной [338].

Он не умертвил Великого Князя единственно для того, что не имел дерзости Святополка I; лишив его зрения, оправдывался законом мести и собственным примером Василия, который ослепил Шемякина брата. Но Москвитяне — соглашаясь, что несчастие Василиево было явным попущением Божиим — усердно молили Небо избавить их от Властителя недостойного; воспоминали добрые качества слепца: его ревность в Правоверии, суд без лицеприятия, милость к Князьям Удельным, к народу, к самому Шемяке. Лазутчики Димитрия в столице, на площади, в домах Бояр и граждан, видели печаль, слышали укоризны; даже многие города не поддавались ему. В сих обстоятельствах надлежало Шемяке показать смелую решительность: к счастию, злодеи не всегда имеют оную; устрашаются крайности, и не достигают цели. Он боялся младенцев Великокняжеских, хранимых в Муроме Князьями Ряполовскими, верными Боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотел употребить насилия: призвал в Москву Рязанского Епископа Иону, и сказал ему: «Муж святый! обещаю доставить тебе сан Митрополита; но прошу твоей услуги. Иди в свою Епископию, в город Муром; *возьми* детей Великого Князя *на свою епитрахиль*

и привези ко мне: я готов на всякую милость; выпущу отца их; дам им Удел богатый [25]*, да господствуют в оном и живут в изобилии», Иона, не сомневаясь в его искренности, отправился в Муром, и ревностно старался успеть в Димитриевом поручении. Бояре колебались. «Если не послушаем Святителя — думали они — то Димитрий силою возмет Муром и детей Великокняжеских: что будет с ними, с несчастным их родителем и с нами?» Бояре требовали клятвы от Ионы, и привели младенцев в храм Богоматери, где Епископ, отпев молебен, торжественно принял их с церковной пелены на свою епитрахиль, в удостоверение, что Димитрий не сделает им ни малейшего зла [339]. <Маия 6>. Князья Ряполовские и друзья их, успокоенные обрядом священным, сами поехали с драгоценным залогом к Шемяке, бывшему тогда в Переславле. Сей лицемер плакал будто бы от умиления: ласкал, целовал юных невинных племянников; угостил обедом и дарами, а на третий день отправил с тем же Ионою к отцу в Углич. Иона возвратился в Москву и занял дом Митрополитский; но Василий и семейство его остались под стражею. Шемяка не исполнил обета.

<Вероломство>. Сие вероломство изумило Бояр: добрые Князья Ряполовские были в отчаянии. «Не дадим веселиться злобе», сказали они и решились низвергнуть Димитрия. К ним пристали Князь Иван Стрига Оболенский, Вельможа Ощера и многие Дети Боярские [340]: условились с разных сторон итти к Угличу; в один день и час явиться под его стенами, овладеть городом, освободить Василия. Заговор не имел совершенного успеха; однако ж произвел счастливое действие. Узнав намерение Ряполовских, тайно выехавших из Москвы, Димитрий отправил Воеводу своего в догон за ними; но сии мужественные витязи разбили дружину Шемякину, и видя, что умысел их открылся, поехали в Литву к Василию Ярославичу Боровскому, чтобы вместе с ним взять меры в пользу Великого Князя. Они проложили туда путь всем их многочисленным единомышленникам: из столицы и других городов люди бежали в Малороссию, проклиная Шемяку, который трепетал в Московском дворце, ежедневно получая вести о всеобщем негодовании народа. Призвав Епископов, он советовался с ними и с Князем Иоанном Можайским, освободить ли Василия? чего неотступно требовал Иона, говоря ему: «Ты нарушил устав правды; ввел меня

в грех, постыдил мою старость. Бог накажет тебя, если не выпустишь Великого Князя с семейством и не дашь им обещанного Удела. Можешь ли опасаться слепца и невинных младенцев? Возьми клятву с Василия, а нас Епископов во свидетели, что он никогда не будет врагом твоим». Шемяка долго размышлял; наконец согласился.

<Смирение Василия>. Должны ли вероломные надеяться на верность обманутых ими? Но злодеи, освобождая себя от уз нравственности, мыслят, что не всем дана сила попирать ногами святыню, и сами бывают жертвою легковерия. Димитрий хотел, по тогдашнему выражению, *связать душу* Василиеву Крестом и Евангелием, так, чтобы не оставить ему на выбор ничего, кроме рабского смирения или ада; приехал в Углич со всем Двором, с Князьями, Боярами, Епископами, Архимандритами; велел позвать Василия, обнял его дружески, винился, изъявлял раскаяние, требовал прощения великодушного. «Нет! ответствовал Великий Князь с сердечным умилением: я один во всем виновен; пострадал за грехи мои и беззакония; излишно любил славу мира и преступал клятвы; гнал вас, моих братьев; губил Христиан и мыслил еще изгубить многих; одним словом, заслуживал казнь смертную. Но ты, Государь, явил милосердие надо мною и дал мне средство к покаянию». Слова лились рекою вместе с слезами; вид, голос, подтверждали их искренность. Шемяка был совершенно доволен; все другие плакали, славя Ангельское смирение души Василиевой. Может быть, Великий Князь действительно говорил и чувствовал одно в порыве Христианской набожности, которая питается уничижением земной гордости. <Сентября 15>. Обряд крестного целования заключился великолепною трапезою у Шемяки: Василий обедал у него с супругою и с детьми, со всеми Вельможами и Епископами; принял [26]* богатые дары и Вологду в Удел; пожелал Димитрию благополучно властвовать над Московским Государством и с своими домашними отправился к берегам Кубенского озера.

Скоро увидел Шемяка свою ошибку. Василий, пробыв несколько дней в Вологде как в печальной ссылке, поехал на богомолье в Белозерский Кириллов монастырь, где умный Игумен Трифон, согласно с его желанием, объявил ему, что клятва, данная им в Угличе, не есть законная, быв действием неволи и страха. «Родитель оставил тебе в наследие Москву, говорил Трифон: да будет грех клят-

вопреступления на мне и на моей братии! Иди с Богом и с правдою на свою отчину; а мы за тебя, Государя, молим Бога». Игумен и все Иеромонахи благословили Василия на Великое Княжение. Он успокоился в совести. Ежедневно приходило к нему множество людей из разных городов, требуя чести служить верою и правдою истинному Государю России; в том числе находились знатнейшие Бояре и Дети Боярские. <Обручение юного Иоанна>. Василий уже не хотел ехать назад в Вологду, но прибыл в Тверь, где Князь Борис Александрович, оставив прежнюю злобу, вызвался помогать ему, с условием, чтобы он женил сына своего, семилетнего Иоанна, на его дочери, Марии. Торжественное обручение детей утвердило союз между отцами, и Тверская дружина усилила Великокняжескую[341]. Василий решился итти к Москве.

С другой стороны спешили туда Князья Боровский, Ряполовские, Иван Стрига Оболенский, Федор Басенок, собрав войско в Литве[342]. На пути они нечаянно встретили Татар и готовились к битве с ними; но открылось, что сии мнимые неприятели шли на помощь к Василию, предводимые Царевичами Касимом и Ягупом, сыновьями Царя Улу-Махмета. «Мы из земли Черкасской и друзья Великого Князя, говорили Татары; знаем, что сделали с ним братья недостойные; помним любовь и хлеб его; желаем теперь доказать ему нашу благодарность». Князья Российские дружески обнялися с Царевичами и пошли вместе.

Шемяка, сведав о намерении Василия, и желая не допустить его до Москвы, расположился станом у Волока Ламского; но Великий Князь, уверенный в доброхотстве ее граждан, тайно отправил к ним Боярина Плещеева с малочисленною дружиною. Сей Боярин умел[27*] обойти рать Шемякину, и ночью, на кануне Рождества, был уже под стенами Кремлевскими. В церквах звонили к Заутрене; одна из Княгинь ехала в Собор: для нее отворили Никольские ворота, и дружина Великокняжеская, пользуясь сим случаем, вошла в город. Тут раздался стук оружия: Наместник Шемякин убежал из церкви; Наместник Иоанна Можайского попался в руки к Василиевым Воеводам, которые в полчаса овладели Кремлем. Бояр неприятельских оковали цепями; а граждане с радостию вновь присягнули Василию[343].

<Г. 1447. Изгнание Шемяки>. Димитрий Шемяка услышал в одно время, что Москва взята, и что от Твери

идет на него Великий Князь, а с другой стороны Василий Ярославич Боровский с Татарами: не имея доверенности ни к своему войску, ни к собственному мужеству, Димитрий и Можайский ушли в Галич, оттуда в Чухлому и в Каргополь, взяв с собою мать Василиеву, Софию. <Февраля 17>. Великий же Князь соединился близ Углича с Василием Боровским и завоевал сей город, под коим убили одного из храбрейших его Воевод, Литвина Юрия Драницу; в Ярославле нашел Царевичей, Касима с Ягупом, и при восклицаниях усердного народа вступил в Москву, послав Боярина Кутузова сказать Шемяке: «Брат Димитрий! какая тебе честь и хвала держать в неволе мать мою, а свою тетку? Ищи другой славнейшей мести, буде хочешь: я сижу на престоле Великокняжеском!» Димитрий советовался с Боярами. Видя изнеможение своих людей, утомленных бегством — желая смягчить Великого Князя, и чувствуя в самом деле бесполезность сего залога — он велел знатному Боярину своему, Михайлу Сабурову, проводить Великую Княгиню до Москвы. Василий встретил мать в Троицкой Лавре [344]; а Боярин Сабуров, им обласканный, вступил к нему в службу.

Князья Шемяка и Можайский искали мира посредством Василия Ярославича Боровского и Михаила Андреевича, брата Иоаннова; винились, давали обеты верности. Шемяка отказывался от Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Иоанн от Козельска и разных волостей; тот и другой обязывался возвратить все похищенное ими в Москве: казну, богатые кресты, иконы, имение Княгинь и Вельмож, древние грамоты, ярлыки Ханские, требуя единственно, чтобы Василий оставил их обоих мирно господствовать в Уделах наследственных и не призывал к себе до избрания Митрополита, который один мог надежно ручаться за личную для них безопасность в столице [345]. Великий Князь простил Иоанна, и дал ему Бежецкий Верх, из уважения к его брату, Михаилу Андреевичу, и сестре Анастасии, супруге Бориса Тверского; но еще не хотел примириться с Шемякою. Полки Московские шли к Галичу. Наконец, убежденный ходатайством их общих родственников, Василий простил и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искренним другом, славить милость его до последнего издыхания и никогда не мыслить о Великом Княжении. <Клятва>. Крестная или клятвенная грамота Димитриева, тогда написанная, за-

ключалась сими словами: «Ежели преступлю обеты свои, да лишуся милости Божией и молитвы Святых Угодников земли нашея, Митрополитов Петра и Алексия, Леонтия Ростовского, Сергия, Кирилла и других; не буди на мне благословения Епископов Русских», и проч.— Великий Князь с торжеством возвратился из Костромы в Москву, отпраздновав мир и Пасху в Ростове у Епископа Ефрема.

<Благоразумное правление Василиево>. Своим последним несчастием как бы примиренный с Судьбою, и в слепоте оказывая более государственной прозорливости, нежели доселе, Василий начал утверждать власть свою и силу Московского Княжения. Восстановив спокойствие внутри оного, он прежде всего дал Митрополита России, коего мы восемь лет не имели от раздоров Константинопольского Духовенства и от собственных наших смятений. Епископы Ефрем Ростовский, Аврамий Суздальский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский съехались в Москву; а Новогородский и Тверский прислали грамоты, изъявляя свое единомыслие с ними[346]. <Г. 1448>. Они, в угодность Государю, посвятили Иону в Митрополиты, ссылаясь будто бы, как сказано в некоторых летописях, на данное ему (в 1437 году) Патриархом благословение; но Иона в грамотах своих, написанных им тогда же ко всем Епископам Литовской России, говорит, что он избран по уставу Апостолов Российскими Святителями, и строго укоряет Греков Флорентийским Собором. По крайней мере с того времени мы сделались уже совершенно независимы от Константинополя по делам Церковным: что служит к чести Василия. Духовная опека Греков стоила нам весьма дорого. В течение пяти веков, от Св. Владимира до Темного, находим только шесть Митрополитов-Россиян; кроме даров, посылаемых Царям и Патриархам, иноземные Первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, как вероятно, меры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали их в Грецию. Они не могли иметь и жаркого усердия к государственным пользам России; не могли и столько уважать ее Государей, как наши единоземцы. Сии истины очевидны; но страх коснуться Веры, и переменою в ее древних обычаях соблазнить народ, не дозволял Великим Князьям освободиться от уз духовной Греческой власти; несогласия же Константинопольского Духовенства по случаю Флорентийского Собора представили Василию удобность сделать то, чего

многие из его предшественников хотели, но опасались.— Избрание Митрополита было тогда важным государственным делом: он служил Великому Князю главным орудием в обуздании других Князей. <Булла Папы>. Иона старался подчинить себе и Литовские Епархии: доказывал тамошним Епископам, что преемник Исидоров, Григорий, есть Латинский еретик и лжепастырь; однако ж не достиг своей цели, и возбудил только гнев Папы, Пия II, который нескромною Буллою (в 1458 году) объявил Иону *злочестивым сыном, отступником*, и проч.[347].

<Г. 1449—1450. Иоанн соправитель. Договоры>. Вторым попечением Василия было утвердить наследственное право юного сына: он назвал десятилетнего Иоанна соправителем и *Великим Князем, чтобы* Россияне заблаговременно привыкли видеть в нем будущего Государя: так именуется Иоанн в договорах сего времени, заключенных с Новымгородом и с разными Князьями[348]. Во время несчастия Василиева Новогородцы признали Шемяку своим Князем и заставили его клятвенно утвердить все древние права их: Василий, желая тогда отдохновения и мира, также дал им крестный обет не нарушать сих прав, довольствоваться старинными Княжескими пошлинами и не требовать народной или Черной дани. Знатнейшие сановники Новагорода приезжали в Москву и написали договор, во всем подобный тем, какие они заключали с Ярославом Ярославичем и другими Великими Князьями XIII века.— Столь же снисходительно поступил Василий и со внуками Кирдяпы: оставил их господствовать в Нижнем, в Городце, в Суздале, с условием, чтобы они признавали его своим верховным повелителем, отдали ему древние ярлыки Ханские на сей Удел, не брали новых и вообще не имели сношения с Ордою[349].— Князь Рязанский, Иоанн Феодорович, обязался грамотою не приставать ни к Литве, ни к Татарам; быть везде за-одно с Василием, и судиться у него в случае раздоров с Князем Пронским; а Великий Князь обещал уважать их независимость, возвратив Иоанну многие древние места Рязанские по берегам Оки; Бориса же Тверского называет в грамоте *равным себе братом*, уверяя, что ни он Василий, ни сын его не будет мыслить о присоединении Твери к Московским владениям, хотя бы Татары и предложили ему взять оную. Из благодарности к верным своим друзьям и сподвижникам, Василию Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Иоанна

Можайского, Великий Князь утвердил за первым Боровск, Серпухов, Лужу, Хотунь, Радонеж, Перемышль, а за вторым Верею, Белоозеро, Вышегород, оставив им обоим часть в Московских сборах, и даже освободив некоторые области Михаилова Удела на несколько лет от Ханской дани, то есть, взяв ее на себя. Сии грамоты были все подписаны Митрополитом Ионою, который способствовал и доброму согласию Василиеву с Казимиром. Посол Литовский, Гарман, был тогда в Москве с письмами и с дарами; а Великий Князь посылал в Литву Дьяка своего, Стефана. Иона, называясь отцем обоих Государей, уверял Казимира, что Василий искренно хочет жить с ним в любви братской.

<Новое вероломство Шемяки>. Новое вероломство Шемяки нарушило спокойствие Великого Княжения. Еще в конце 1447 года Епископы Российские от имени всего Духовенства писали к нему, что он не исполняет договора: не отдал увезенной им Московской казны и драгоценной святыни; грабит Бояр, которые перешли от него в службу к Василию; сманивает к себе людей Великокняжеских; тайно сносится с Новымгородом, с Иоанном Можайским, с Вяткою, с Казанью [350]. Над *Синею* или Ногайскою Ордою, рассеянною в степях между Бузулуком и Синим или Аральским морем, отчасти же между Черным и рекою Кубою, господствовал Седи-Ахмет [351], коего Послы приезжали к Великому Князю: Шемяка не хотел участвовать в издержках для их угощения, ни в дарах Ханских, ответствуя Василию, что Седи-Ахмет не есть истинный Царь. <Достопамятное послание>. «Ты ведаешь — писали Святители к Димитрию — сколь трудился отец твой, чтобы присвоить себе Великое Княжение, вопреки воле Божией и законам человеческим: лил кровь Россиян, сел на престоле и должен был оставить его; выехал из Москвы только с пятью слугами, и сам звал Василия на Государство; снова похитил оное — и долго ли пожил? Едва достиг желаемого, и се в могиле, осужденный людьми и Богом. Что случилось и с братом твоим? В гордости и высокоумии он резал Христиан, Иноков, Священников: благоденствует ли ныне? Вспомни и собственные дела свои. Когда безбожный Царь Махмет стоял у Москвы, ты не хотел помогать Государю и был виною Христианской гибели: сколько истреблено людей, сожжено храмов, поругано девиц и Монахинь? Ты, ты будешь от-

ветствовать Всевышнему. Напал варвар Мамутек: Великий Князь *сорок раз* посылал к тебе, молил итти с ним на врага; но тщетно! Пали верные воины в битве крепкой: им вечная память, а на тебе кровь их! Господь избавил Василия от неволи: ослепленный властолюбием, и презирая святость крестных обетов, ты, вторый Каин и Святополк в братоубийстве, разбоем схватил, злодейски истерзал его: на добро ли себе и людям? Долго ли господствовал? и в тишине ли? Не беспрестанно ли волнуемый, пореваемый страхом, спешил из места в место, томимый в день заботами, в нощи сновидениями и мечтами? Хотел бóльшего, но изгубил свое меньшее. Великий Князь снова на престоле, и в новой славе: ибо данного Богом человек не отнимет. Одно милосердие Василиево спасло тебя. Государь еще поверил клятве твоей и паки видит измену. Пленяемый честию Великокняжеского имени, суетною, если она не Богом дарована; или движимый златолюбием, или уловленный прелестию женскою, ты дерзаешь быть вероломным, не исполняя клятвенных условий мира: именуешь себя Великим Князем, и требуешь войска от Новогородцев, будто бы для изгнания Татар, призванных Василием и доселе им не отсылаемых. Но ты виною сего: Татары немедленно будут высланы из России, когда истинно докажешь свое миролюбие Государю. Он знает все твои происки. Тобою наущенный, Казанский Царевич Мамутек оковал цепями Посла Московского. Седи-Ахмета не признаешь Царем; но разве не в сих же Улусах отец твой судился с Великим Князем? Не те ли же Царевичи и Князья служат ныне Седи-Ахмету? Уже миновало шесть месяцев за срок, а ты не возвратил ни святых крестов, ни икон, ни сокровищ Великокняжеских. И так мы, служители олтарей, по своему долгу молим тебя, Господин Князь Димитрий, очистить совесть, удовлетворить всем праведным требованиям Великого Князя, готового простить и жаловать тебя из уважения к нашему ходатайству, если обратишься к раскаянию. Когда же в безумной гордости посмеешься над клятвами, то не мы, но сам возложишь на себя тягость духовную: будешь чужд Богу, Церкви, Вере, и проклят навеки со всеми своими единомышленниками и клевретами».— Сие послание не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года без кровопролития, с одной стороны в убеждениях миролюбия, с другой в тайных и явных кознях. Наконец Димитрий ре-

шился воевать. Он хотел нечаянно взять Кострому; но Князь Стрига и мужественный Феодор Басенок отразили приступ. Узнав о том, Василий собрал и полки и Епископов, свидетелей клятвы Шемякиной, чтобы победить или устыдить его. Сам Митрополит провождал войско к Галичу. Как усердный Пастырь душ, он еще старался обезоружить врагов: успел в том, но не на-долго. Шемяка не преставал коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что один гроб может примирить их — Василий уже хотел действовать решительно; призвал многих Князей, Воевод из других городов, и составил ополчение сильное. Шемяка, думая сперва уклониться от битвы, пошел к Вологде; но, вдруг переменив мысли, расположился станом близ Галича: укреплял город, ободрял жителей, и всего более надеялся на свои пушки. Василий, лишенный зрения, не мог сам начальствовать в битве: Князь Оболенский предводительствовал Московскими полками и союзными Татарами. Оставив Государя за собою, под щитами верной стражи, они стройно и бодро приближались к Галичу. Шемяка стоял на крутой горе, за глубокими оврагами; приступ был труден. То и другое войско готовилось к жестокому кровопролитию с равным мужеством: Москвитяне пылали ревностию сокрушить врага ненавистного, гнусного злодеянием и вероломством; Шемяка обещал своим первенство в Великом Княжении со всеми богатствами Московскими. Полки Василиевы имели превосходство в силах, Димитриевы выгоду места. Князь Оболенский и Царевичи ожидали засады в дебрях; но Шемяка не подумал о том, воображая, что Москвитяне выдут из оврагов утомленные, расстроенные и легко будут смяты его войском свежим: он стоял неподвижно и смотрел, как неприятель от берегов озера шел медленно по тесным местам. Наконец Москвитяне достигли горы и дружно устремились на ее высоту; задние ряды их служили твердою опорою для передних, встреченных сильным ударом полков Галицких. <Последняя из знаменитых битв Княжеского междоусобия. Г. 1450. Генваря 27>. Схватка была ужасна: давно Россияне не губили друг друга с таким остервенением. Сия битва особенно достопамятна, как *последнее* кровопролитное действие Княжеских междоусобий..... Москвитяне одолели: истребили почти всю пехоту Шемякину, и пленили его Бояр; сам Князь едва мог спастися: он бежал в Новгород. Василий, услышав о победе, благо-

дарил Небо с радостными слезами; дал Галичанам мир и своих Наместников; присоединил сей Удел к Москве и возвратился с веселием в столицу [352].

<Июня 29>. Новогородцы не усомнились принять Димитрия Шемяку, величаясь достоинством покровителей знаменитого изгнанника, и надеясь чрез то иметь более средств к обузданию Василия в замыслах его самовластия; не хотели помогать Димитрию, однако ж не мешали ему явно готовиться к неприятельским действиям против Великого Князя, и собирать воинов, с коими он чрез несколько месяцев взял Устюг [353]. Шемяка мыслил завоевать северный край Московских владений, хотел приобрести любовь жителей, и для того не касался собственности частных людей, довольствуясь единственно их присягою; но те, которые не соглашались изменить Великому Князю, были осуждены на смерть: бесчеловечный Шемяка навязывал им камни на шею и топил сих добродетельных граждан в Сухоне. Не теряя времени, он пошел к Вологде, чтобы открыть себе путь в Галицкую землю; но не мог завладеть ни одним городом и возвратился в Устюг, где Великий Князь около двух лет оставлял его в покое.

<Нашествие Татар>. В сие время Татары занимали Василия. Казань уже начала быть опасною для Московских владений: в ней царствовал Мамутек, сын Махметов, злодейски умертвив отца и брата [354]. В 1446 году 700 Татар Мамутековой дружины осаждали Устюг и взяли окуп с города мехами, но возвращаясь потонули в реке Ветлуге. Отрок Великокняжеский, десятилетний Иоанн Василиевич, чрез два года ходил с полками для отражения Казанцев от Муромских и Владимирских пределов. Другие шайки хищников Ординских грабили близ Ельца и даже в Московской области: Царевич Касим, верный друг Василиев, разбил их в окрестностях Похры и Битюга. <Г. 1451>. Гораздо более страха и вреда претерпела наша столица от Царевича Мазовши: отец его, Седи-Ахмет, Хан Синей или Ногайской Орды, требовал дани от Василия, и хотел принудить его к тому оружием. Великий Князь шел встретить Царевича в поле; но сведав, что Татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился в столицу, приказав Князю Звенигородскому не пускать их через Оку. Сей малодушный Воевода, объятый страхом, бежал со всеми полками, и дал неприятелю путь свободный; а Василий, вверив защиту Москвы Ионе

Митрополиту, матери своей Софии, сыну Юрию и Боярам — супругу же с меньшими детьми отпустив в Углич — рассудил за благо удалиться к берегам Волги, чтобы ждать там Городских Воевод с дружинами[355].

<Июля 2>. Скоро явились Татары, зажгли посады и начали приступ. Время было сухое, жаркое; ветер нес густые облака дыма прямо на Кремль, где воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видеть, до самого того времени, как посады обратились в пепел, огонь угас и воздух прояснился. Тогда Москвитяне сделали вылазку; бились с Татарами до ночи и принудили их отступить. Не смотря на усталость, никто не мыслил отдыхать в Кремле: ждали нового приступа, готовили на стенах пушки, самострелы, пищали. Рассветало; восходит солнце, и Москвитяне не видят неприятеля: все тихо и спокойно. Посылают лазутчиков к стану Мазовшину: и там нет никого; стоят одни телеги, наполненные железными и медными вещами; поле усеяно оружием и разбросанными товарами. Неприятель ушел ночью, взяв с собою единственно легкие повозки, а все тяжелое оставив в добычу осажденным. Татары, по сказанию Летописцев, услышав вдали необыкновенный шум, вообразили, что Великий Князь идет на них с сильным войском, и без памяти устремились в бегство. Сия весть радостно изумила Москвитян. Великая Княгиня София отправила гонца к Василию, который уже перевозился за Волгу, близ устья Дубны. Он спешил в столицу, прямо в храм Богоматери, к ее славной Владимирской иконе; с умилением славил Небо и сию заступницу Москвы; облобызав гроб Чудотворца Петра и приняв благословение от Митрополита Ионы, нежно обнял мать, сына, Бояр; велел вести себя на пепелище, утешал граждан, лишенных крова; говорил им: «Бог наказал вас за мои грехи: не унывайте. Да исчезнут следы опустошения! Новые жилилища да явятся на месте пепла! Буду вашим отцем; даю вам льготу; не пожалею казны для бедных». Народ, утешенный сожалением и милостию Государя, *почил* (как сказано в летописи) *от минувшего зла*; и где за день господствовал неописанный ужас, там представилось зрелище веселого праздника, Василий обедал с своим семейством, Митрополитом, людьми знатнейшими: граждане, не имея домов, угощали друг друга на стогнах и на кучах обгорелого леса.

<Г. 1452>. Видя снова мир и тишину в Великом Княжении, Василий не хотел долее терпеть Шемякина господства в Устюге: не мало времени готовился к походу; наконец выступил из Москвы: сам остановился в Галиче, а сына своего, Иоанна, с Князьями Боровским, Оболенским, Феодором Басенком и с Царевичем Ягупом (братом Касимовым) послал разными путями к берегам Сухоны. Шемяка по видимому не ожидал сего нападения: не дерзнул противиться, оставил в Устюге Наместника, и бежал далее в северные пределы Двины; но и там, гонимый отрядами Великокняжескими, не нашел безопасности: бегал из места в место, и едва мог пробраться в Новгород. Воеводы Московские на щадили нигде друзей сего Князя: лишали их имения, вольности, и посадив Наместников Василиевых в области Устюжской, возвратились к Государю с добычею [356]. <Г. 1453. Смерть Шемяки>. Но еще Шемяка был жив и в непримиримой злобе своей искал новых способов мести: смерть его казалась нужною для государственной безопасности: ему дали яду, от коего он скоропостижно умер. Виновник дела, столь противного Вере и законам нравственности, остался неизвестным. <Июля 23>. Новогородцы погребли Шемяку с честию в монастыре Юрьевском. Подъячий, именем Беда, прискакал в Москву с вестию о кончине сего жестокого Василиева недруга и был пожалован в Дьяки [357]. Великий Князь изъявил нескромную радость.

<Успехи Единовластия. Г. 1454>. Как бы ободренный смертию опасного злодея, он начал действовать гораздо смелее и решительнее в пользу Единовластия. Иоанн Можайский не хотел вместе с ним итти на Татар: Великий Князь объявил ему войну, и заставил его бежать со всем семейством в Литву, куда ушел из Новагорода и сын Шемякин [358]. Жители Можайска требовали милосердия. «Даю вам мир вечный, сказал Великий Князь: отныне навсегда вы мои подданные». Наместники Василиевы остались там управлять народом.

<Усмирение Новагорода>. Новогородцы давали убежище неприятелям Темного, говоря, что Святая София никогда не отвергала несчастных изгнанников. Кроме Шемяки, они приняли к себе одного из Князей Суздальских, Василия *Гребенку*, не хотевшего зависеть от Москвы. Великий Князь имел и другие причины к неудовольствию [359]: Новогородцы уклонялись от его суда, утаивали Княже-

ские пошлины и называли приговоры Веча вышним законодательством, не слушаясь Московских Наместников и следуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно в случае крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василий готовится к походу; слышали угрозы; получили наконец *разметные грамоты* в знак объявления войны — и все еще думали быть непреклонными <Г. 1456>. Великий Князь, провождаемый Двором, прибыл в Волок, куда, не смотря на жестокую зиму, полки шли за полками, так, что в несколько дней составилась рать сильная [28*]. Тут Новогородцы встревожились, и Посадник их явился с челобитьем в Великокняжеском стане: Василий не хотел слушать. Князь Оболенский-Стрига и славный Феодор Басенок, Герой сего времени, были посланы к Русе, городу торговому, богатому, где никто не ожидал нападения неприятельского: Москвитяне взяли ее без кровопролития и нашли в ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться к Великому Князю: оно шло с пленниками; за ним везли добычу. Воеводы остались назади, имея при себе не более двух сот Боярских Детей и ратников: вдруг показалось 5000 конных Новогородцев, предводимых Князем Суздальским. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Феодор Басенок сказали дружине, что Великий Князь ждет победителей, а не беглецов; что гнев его страшнее толпы изменников и малодушных; что надобно умереть за правду и за Государя. Новогородцы хотели растоптать неприятеля: глубокий снег и плетень остановили их. Видя, что они с головы до ног покрыты железными доспехами, Воеводы Московские велели стрелять не по людям, а по лошадям, которые начали беситься от ран и свергать всадников. Новогородцы падали [29*] на землю; вооруженные [29*] длинными копьями, не умели владеть ими; передние смешались: задние обратили тыл, и Москвитяне, убив несколько человек, привели к Василию знатнейшего Новогородского Посадника, именем Михаила Тучу, взятого ими в плен на месте сей битвы [360].

Известие о том привело Новгород в страх несказанный. Ударили в Вечевый колокол; народ бежал на Двор Ярославов; чиновники советовались между [30*] собою, не зная [30*], что делать; шум и вопль не умолкал с утра до вечера. Граждан было много, но мало воинов смелых; не надеялись друг на друга; редкие надеялись и на собствен-

ную храбрость; кричали, что не время воинствовать, и лучше вступить в переговоры. Отправили Архиепископа Евфимия, трех Посадников, двух Тысячских и 5 Выборных от людей Житых; велели им не жалеть ласковых слов, ни самых денег в случае необходимости. Сие Посольство имело желаемое действие. Архиепископ нашел Василия в Яжелбицах; обходил всех Князей и Бояр, склоняя их быть миротворцами; молил самого Великого Князя не губить народа легкомысленного, но полезного для России своим купечеством, и готового загладить впредь вину свою искреннею верностию. Обещания не могли удовлетворить Василию: он требовал серебра и разных выгод. Новогородцы дали Великому Князю 8500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему Черную или народную дань, Виры или судные пени; отменили так называемые *Вечевые грамоты*, коими народ стеснял власть Княжескую [31]*; клялися не принимать к себе Иоанна Можайского, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его, и никого из лиходеев Василиевых; отступились от земель, купленных их согражданами в областях Ростовской и Белозерской; обещали употреблять в государственных делах одну печать Великокняжескую, и проч.; а Василий в знак милости уступил им Торжек [361]. В сем мире участвовали и Псковитяне, которые, забыв долговременную злобу Новогородцев, давали им тогда помощь и находились в раздоре с Василием. Таким образом Великий Князь, смирив Новгород, предоставил сыну своему довершить легкое покорение оного.

<Рязанский Князь воспитывается в Москве>. В то время умер в Монашестве Князь Рязанский Иоанн Феодорович, внук славного Олега, поручив осьмилетнего сына, именем Василия, и дочь Феодосию Великому Князю. Сия доверенность была весьма опасна для независимости Рязанского Княжения: Василий Темный, желая будто бы лучше воспитать детей Иоанновых, взял их к себе в Москву, но послав собственных Наместников управлять Рязанью, властвовал там как истинный Государь [362].

<Неблагодарность Василиева>. Властолюбие его, кажется, более и более возрастало, заглушая в нем святейшие нравственные чувства. Внук славного Владимира *Храброго*, Василий Ярославич Боровский, шурин, верный сподвижник Темного, жертвовал ему своим владением, отечеством; гнушаясь злодейством Шемяки, не хотел

иметь с ним никаких сношений; осудил себя на горькую участь изгнанника, искал убежища в земле чуждой, и непрестанно мыслил о средствах возвратить несчастному слепцу свободу с престолом. Какая вина могла изгладить память такой добродетельной заслуги? И вероятно ли, чтобы Ярославич, усердный друг Василия, сверженного с престола, заключенного в темнице, изменил ему в счастии, когда сей Государь уже не имел совместников и властвовал в мирном величии? Доселе Князь Боровский не изъявлял излишнего честолюбия, довольный наследственным Уделом, и частию Московских пошлин; охотно уступил Василию области деда своего, Углич, Городец, Козельск, Алексин, взяв за то Бежецкий Верх с Звенигородом, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наследниками Великого Княжения[363]. <Июля 10>. Вероятнее, что Василий, желая сделаться единовластным, искал предлога снять с себя личину благодарности, тягостной для малодушных: клеветники могли услужить тем Государю, расположенному быть легковерным — и Великий Князь, без всяких околичностей взяв шурина под стражу, сослал его в Углич. Удел сего мнимого преступника был объявлен Великокняжеским достоянием; а сын Ярославича, Иоанн, ушел с мачихою в Литву, и вместе с другим изгнанником, Иоанном Андреевичем Можайским, вымышлял средства отмстить их гонителю. Они заключили тесный союз между собою, написав следующую грамоту (от имени юного Князя Боровского: «Ты, Князь Иван Андреевич, будешь мне старшим братом. Великий Князь вероломно изгнал тебя из наследственной области, а моего отца безвинно держит в неволе. Пойдем искать управы: ты владения, я родителя и владения. Будем одним человеком. Без меня не принимай никаких условий от Василия. Если он уморит отца моего в темнице, клянися мстить; если освободит его, но с тобою не примирится, клянуся помогать тебе. Если Бог дарует нам счастие победить или выгнать Василия, будь Великим Князем; возврати моему отцу города его, а мне дай Дмитров и Суздаль. Не верь клеветникам и не осуждай меня по злословию; что услышишь, скажи мне и не сомневайся в истине моих крестных оправданий. Что завоюем вместе, городов или казны, из того мне треть; а буде по грехам не сделаем своего доброго дела, то останемся и в изгнании неразлучными: в какой земле найдешь себе место, там и я с тобою»,

и проч.[364] Сбылося только последнее их чаяние: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги Государя Московского имели убежище в Литве, но не находили там ни сподвижников, ни денег. Казимир отправлял дружелюбные Посольства к Василию, думая единственно о безопасности своих Российских владений.— Напрасно также верные слуги Ярославича, с горестию видя несколько лет заточение своего Князя, мыслили освободить его: взаимно обязались в том клятвою, условились тайно ехать в Углич, вывести Князя из темницы, и бежать с ним за границу. Умысел открылся. Сии люди исполняли долг усердия к законному их Властителю, несправедливо утесненному; но Великий Князь наказал их как злодеев, и притом с жестокостию необыкновенною: велел некоторым отсечь руки и голову, другим отрезать нос, иных *бить кнутом*[365]. Они погибли без стыда, с совестию чистою. Народ жалел об них.

Присвоив себе Удел Галицкий, Можайский и Боровский, Василий оставил только Михаила Верейского Князем Владетельным; других не было: внуки Кирдяпины, несколько лет правив древнею Суздальскою областию в качестве Московских присяжников, волею или неволею выехали оттуда[366]. Уже все доходы Московские шли в казну Великого Князя; все города управлялись его Наместниками. <Г. 1458—1459. Покорение Вятки>. Одна Вятка, быв частию Галицкой области, не хотела повиноваться Василию: жители ее как мы видели, помогали Юрию, Шемяке, Косому, и за несколько лет до того времени сами собою выжгли Устюжскую крепость Гледен. Князь Ряполовский, посланный смирить Вятчан, долго стоял у Хлынова и возвратился без успеха: ибо они задобрили Воевод Московских дарами. В следующий год пошло туда новое сильное войско с Великокняжескою дружиною, со многими Князьями, Боярами, Детьми Боярскими; присоединив к себе Устюжан, взяло городки Котельнич, Орлов, и покорило Вятчан Государю Московскому. Однако ж дух вольности не мог вдруг исчезнуть в сей народной державе, основанной на законах Новогородских. Василий удовольствовался данию и правом располагать ее воинскими силами[367].

<Дела Псковские>. Любя умножать власть свою, он еще не дерзал коснуться Твери, где Князь Борис Александрович, сват его, скончался независимым (в 1461 году),

оставив престол сыну, именем Михаилу[368].— Василий не теснил более и Новогородцев, и дружелюбно гостил у них (з 1460 году) около двух месяцев, изъявляя милость к ним и Псковитянам, которые прислали ему в дар 50 рублей, жаловались на Немцев и требовали, чтобы он позволил Князю Александру Черторижскому остаться у них Наместником. Василий согласился; но Черторижский сам не захотел того и немедленно уехал в Литву. Псковитяне желали иметь у себя Василиева сына, Юрия: отпущенный родителем из Новагорода, сей юноша был встречен ими с искреннею радостию и возведен на престол в храме Троицы; ему вручили славный меч Довмонта: Юрий взял его и клялся оградить им безопасность знаменитого Ольгина отечества. Надлежало отмстить Ливонским Немцам, которые, утвердив мир с Россиянами на 25 лет, сожгли их церковь на границе. Но дело обошлось без войны: Орден требовал перемирия, заключенного потом с *согласия Велококняжеского* на пять лет в Новегороде, куда приезжали для того Послы Архиепископа Рижского и Дерптские; а Князь Юрий в след за родителем возвратился в Москву, получив в дар от Псковитян 100 рублей и вместо себя оставив у них Наместником Иоанна Оболенского-Стригу[369].

<Набеги Татар. Г. 1455—1461>. Нет сомнения, что Василий в последние годы жизни своей или совсем не платил дани Моголам, или худо удовлетворял их корыстолюбию: ибо они, не смотря на собственные внутренние междоусобия, часто тревожили Россию, и приходили не шайками, но целыми полками. Два раза войско Седи-Ахметовой Орды вступало в наши пределы: Воевода Московский, Князь Иван Юрьевич, победил Татар на сей стороне Оки, ниже Коломны[370]; а сын Великого Князя, Иоанн, мужественно отразил их от берегов ее: после чего Ахмат, Хан Большой Орды, сын Кичимов, осаждал Переславль Рязанский, но с великою потерею и стыдом удалился, виня главного Полководца своего Казата Улана, в тайном доброхотстве к Россиянам.— Царь Казанский также был неприятелем Москвитян: Великий Князь хотел сам итти па Казань; но встреченный его Послами в Владимире, заключил с ними мир.

<Кончина и свойства Василиевы>. Василий еще не достиг старости: несчастия и душевные огорчения, им претерпенные, изнурили в нем телесные силы. Он явно изнемогал, худел, и думая, что у него сухотка, прибегнул

к мнимому целебному средству, тогда обыкновенно употребляемому в оной: жег себе тело горящим трутом; сделались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотел умереть Монахом: ему отговорили [371]. Василий написал духовную: утвердил Великое Княжение за старшим сыном, Иоанном, вместе с третию Московских доходов (другие же две отказал меньшим сыновьям); Юрию отдал Дмитров, Можайск, Серпухов и все имение матери своей, Софии (которая преставилась Инокинею в 1453 году); третиему сыну, Андрею Большому, Углич, Бежецкий Верх, Звенигород; четвертому, именем Борису, Волок Ламский, Ржев, Рузу и села прабабы его, Марии Голтяевой, по ее завещанию; Андрею Меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери их Ростов (с условием не касаться собственности тамошних Князей), городок Романов, казну свою, все Удельные волости, которые бывали прежде за Великими Княгинями, и все, им купленные или отнятые у знатных изменников (что составляло великое богатство); сверх того клятвою обязал сыновей слушаться родительницы не только в делах семейственных, но и в государственных [372]. Таким образом он снова восстановил Уделы, довольный тем, что Государство Московское (за исключением Вереи) остается подвластным одному Дому его, и не заботясь о дальнейших следствиях: ибо думал более о временной пользе своих детей, нежели о вечном государственном благе; отнимал города у других Князей только для выгод собственного личного властолюбия; следовал древнему обыкновению, не имев твердости быть навеки основателем новой, лучшей системы правления, или Единовластия. Всего страннее то, что Василий в духовном завещании *приказывает* супругу и детей своих Королю Польскому, Казимиру, называя его братом. Оно подписано Митрополитом Феодосием, который за год до того времени был поставлен нашими Святителями из Архиепископов Ростовских на место скончавшегося Ионы.— <Г. 1462, Марта 17>. Василий преставился на сорок-седьмом году жизни, хотя несправедливо именуемый первым Самодержцем Российским со времен Владимира Мономаха [373], однако ж действительно приготовив многое для успехов своего преемника: начал худо; не умел повелевать, как отец и дед его [32*]повелевали[32*]; терял честь и Державу, но оставил Государство Московское сильнейшим прежнего: ибо рука Божия, как бы вопреки малодушному Князю,

явно влекла оное к величию, благословив доброе начало Калиты и Донского.

<Жестокость тогдашних нравов>. Кроме междоусобия, государствование Темного ознаменовалось разными злодействами, доказывающими свирепость тогдашних нравов. Два Князя ослеплены, два Князя отравлены ядом[374]. Не только чернь в остервенении своем без всякого суда топила и жгла людей, обвиняемых в преступлениях; не только Россияне гнусным образом терзали военопленных: даже законные казни изъявляли жестокость варварскую. Иоанн Можайский, осудив на смерть Боярина, Андрея Дмитриевича, всенародно сжег его на костре вместе с женою за мнимое волшебство. Москва в первый раз увидела так называемую торговую казнь, неизвестную нашим благородным предкам: самых именитых людей, обвиняемых в государственных преступлениях, начали всенародно *бить кнутом*. Сие унизительное для человечества обыкновение заимствовали мы от Моголов.

<Суеверие>. Суеверие и нелепые понятия о случаях естественных господствовали в умах, и летописи сего времени наполнены известиями о чудесных явлениях: то небо пылало в огнях разноцветных, то вода обращалась в кровь; образа слезили; звери переменяли свой вид обыкновенный. В 1446 году Генваря 3, по баснословному сказанию Новогородского Летописца, шел сильный дождь, и сыпались из тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, так, что все пространство между рекою Мстою и Волховцем, верст на пятнадцать, покрылось хлебом, собранным крестьянами и принесенным в Новгород, к радостному изумлению его жителей, угнетаемых дороговизною в съестных припасах[375].

<Перемена монеты в Новегороде>. Сей же Летописец, изображая тогдашние несгодья своей отчизны, причисляет к оным и перемену в деньгах. Посадник, Тысячский и знатные граждане, избрав пять мастеров, велели им перелить старую серебряную монету и вычитать за труд по деньге с двух гривен; а скоро отменили и старые рубли, или куски серебра, к великому огорчению народа, который долго волновался и кричал, что Правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать им работу, не думая об его убытке. Несколько человек, оговоренных в делании подложной монеты, утопили в Волхове; других ограбили[376].

<Дела Церковные>. Мы описали святые подвиги Стефана Пермского, который водворил Христианство на берегах северной Камы: преемниками его в Епископстве сей еще мало-известной страны были Исаакий и Питирим, ревностные наставники и благотворители тамошних обитателей. Дикие народы соседственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидели новых Христиан Пермских и тревожили их своими набегами: так Князь Вогуличей, именем Асыка, с сыном Юмшаном приходил (в 1455 году) воевать берега Вычегды, и вместе с другими пленниками захватив самого Епископа Питирима, злодейски умертвил сего добродетельного Святителя[377].— Здесь в первый раз упоминается о Вогуличах в деяниях нашей Истории.

В сие время был основан знаменитый монастырь Соловецкий, на диком острове Белого моря, среди лесов и болот. Еще в 1429 году благочестивый Инок Савватий водрузил там крест и поставил уединенную келлию; а Св. Зосима, чрез несколько лет, создал церковь Преображения, устроил Общежительство и выходил в Новегороде жалованную грамоту на весь остров, данную ему от Архиепископа Ионы и тамошнего Правительства за осмью свинцовыми печатями[378]. Как в иных землях алчная любовь к корысти, так у нас Христианская любовь к тихой, безмолвной жизни расширяла пределы обитаемые, знаменуя крестом ужасные дотоле пустыни, неприступные для страстей человеческих.

Россияне при Василии Темном были поражены несчастием Греции как их собственным. Народ, именуемый в Восточных летописях Гоцами, в Византийских Огузами или Узами, единоплеменный с Торками, которые долго скитались в степях Астраханских, служили Владимиру Святому, обитали после близ Киева, и до самого нашествия Татар составляли часть Российского конного войска[379] — сей народ мужественный, способствовав в Азии основанию и гибели разных Держав (Гасневидской, Сельчукской, Харазской) наконец под именем *Турков Османских* основал сильнейшую Монархию, ужасную для трех частей мира, и еще доныне знаменитую. Осман или Отоман, Эмир Султана Иконийского, воспользовался падением его Державы, разрушенной Моголами: сделался независимым; захватил около 1292 года некоторые места в Вифинии, в Пафлагонии, в Архипелаге, и дал наследникам

своим пример счастливого властолюбия, коим они столь удачно воспользовались, что в конце XIV века уже господствовали над всею Малою Азиею и Фракиею, обложив данию Константинополь. Тамерлан и междоусобие сыновей Баязетовых могли только на время удержать быстрое стремление Османских завоеваний: оно возобновилось при Амурате, и наконец при Магомете II увенчалось падением Византии, которое не было внезапностию: Европа долго ожидала его с беспокойством; но победы, одержанные Турками над Королями Венгерскими, Сигизмундом и Владиславом, вселяли ужас в Государей Европейских, нечувствительных к воплю Греков, над коими восходила туча разрушения. Самые Греки — когда Магомет явно готовился осадить их столицу, распоряжал полки, строил крепости на берегах Воспора — в безумном отчаянии проклинали друг друга за Богословские мнения! Славный Кардинал Исидор, бывший Митрополит Российский, находился тогда в стенах Византии и предлагал Царю Константину именем Папы сильное вспоможение, с условием, чтобы Духовенство Греческое утвердило постановление Флорентийского Собора. Царь, Вельможи, Иерархи, согласились: народ не хотел о том слышать; ревностные Иноки, Монахини, восклицали на стогнах: «горе Латинской ереси! образ Богоматери спасет нас»[380]!... Но знамя Султанское уже развевалось пред вратами Св. Романа. <Взятие Константинополя Турками >. Магомет с двумя стами тысячами воинов и с тремя стами судов приступил к Царюграду, где считалось 100 000 жителей, а вооружилось только пять тысяч, граждан и Монахов, для его защиты: другие единственно плакали, молились в церквах и звонили в колокола, чтобы менее трепетать от грома Магометовых пушек! Сия горсть людей, усиленная двумя тысячами иноземцев под начальством храброго Генуэзского Витязя Джустиниани, представляла все могущество Восточной Империи! Греки ожидали чуда для их спасения; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магомет, разрушив стены, по трупам Янычаров вошел в город, и славная смерть великодушного Царя Константина достойно заключила бытие Империи: он пал среди неприятелей, сказав: «для чего не могу умереть от руки Христианина?»... Вероятно, что некоторые из наших единоземцев были очевидными тому свидетелями: по крайней мере Летописец Московский рассказывает весьма подробно

о всех обстоятельствах осады и взятия Константинопольского, с ужасом прибавляя, что храм Святыя Софии, где Послы Владимировы в десятом веке пленились величием и красотою истинного богослужения, обратился в мечеть Лжепророка. Греция была для нас как бы вторым отечеством: Россияне всегда с благодарностию воспоминали, что она сообщила им и Христианство, и первые художества, и многие приятности общежития. В Москве говорили о Цареграде так, как в новейшей Европе со времен Людовика XIV говорили о Париже: не было иного образца для великолепия церковного и мирского, для вкуса, для понятия о вещах. Однако ж соболезнуя о Греках, Летописцы наши беспристрастно судят их и Турков, изъясняясь следующим образом: «Царство без грозы есть конь без узды. Константин и предки его давали Вельможам утеснять народ; не было в судах правды, ни в сердцах мужества; судии богатели от слез и крови невинных, а полки Греческие величались только цветною одеждою; гражданин не стыдился вероломства, а воин бегства, и Господь казнил Властителей недостойных, умудрив Царя Магомета, коего воины играют смертию в боях и судии не дерзают изменять совести. Уже не осталось теперь ни единого Царства православного, кроме Русского. Так исполнилось предсказание Св. Мефодия и Льва Мудрого, что Измаильтяне овладеют Византиею; исполнится, может быть, и другое, что Россияне победят Измаильтян и на седьми холмах ее воцарятся» [381]. О сем древнем пророчестве мы упоминали в Истории Ярослава Великого: оно служило тогда утешением для Россиян. Другие народы Европейские, не имея тесных связей с Грециею, оставались почти равнодушными к ее бедствию; а Папа, Николай V, хвалился, что он предсказал ей гибель за нарушение Флорентийского договора. Хотя Кардинал Исидор, плененный в Цареграде Турками, но ушедший из неволи, по возвращении в Италию писал ко всем Государям Западным, что они должны восстать на Магомета, *предтечу Антихристова* и *чадо Сатаны*: однако ж сие красноречивое послание (внесенное в летописи Латинской Церкви) осталось без действия [382]. Награжденный за свое усердие и страдание милостию Папы, Исидор умер в Риме с именем Константинопольского Патриарха, и был погребен в церкви Св. Петра, до конца жизни сетовав о падении Греческой Империи, любез-

ного ему отечества, коего спасению хотел он пожертвовать чистою Верою своих предков.

Впрочем Россияне, жалея о Греции, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой Империи было и для них опасно. Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостию, и за ближайшими опасностями не видала отдаленных: Улусы и Литва ограничивали круг ее деятельности; Ливонские Немцы и Шведы занимали единственно Новогородцев и Псковитян; все прочее составляло для нас мир чуждый, предмет одного любопытства, а не государственного внимания.

<Начало Крымской Орды>. С Василиева времени сделалась известною *Крымская Орда*, составленная Эдигеем из Улусов Черноморских. Повествуют, что сей знаменитый Князь, готовясь умереть, заклинал многочисленных сыновей своих не делиться: но они разделились и все погибли в междоусобии[383]. Тогда Моголы Черноморские избрали себе в Ханы осьмнадцати-летнего юношу, одного из потомков Чингисовых (как уверяют), именем Ази, спасенного от смерти и воспитанного каким-то земледельцем в тишине сельской. Сей юноша, из благодарности к своему благотворителю приняв *его* имя, назвался Ази-*Гирей*: в память чего и все Ханы Крымские до самых позднейших времен назывались *Гиреями*. Другие же Историки пишут, что Ази-Гирей, сын или внук Тохтамышев, родился в Литовском городе Троках, и что Витовт доставил ему господство в Тавриде[384]; по крайней мере сей Хан был всегда усердным другом Литвы и не тревожил ее владений, которые простирались до самого устья рек Днепра и Днестра[385]. Покорив многие Улусы в окрестностях Черного моря, Ази-Гирей основал новую независимую Орду Крымскую, обложил данию города Генуэзские в Тавриде, имел сношение с Папою, и желая наказать Татар Волжских за частые их впадения в области Казимировы, разбил врага нашего, Хана Седи-Ахмета, который, спасаясь от него бегством, искал пристанища в Литве и был там заключен в темницу: «дело весьма несогласное с государственным благоразумием, пишет Историк Польский[386]: способствуя уничижению Волжской Орды, мы готовили себе опасных неприятелей в Россиянах, дотоле слабых под ее игом».— Сие новое гнездо хищников, славных под именем Татар Крымских, до самых позднейших времен беспокоило наше отечество.

Глава IV

СОСТОЯНИЕ РОССИИ ОТ НАШЕСТВИЯ ТАТАР ДО ИОАННА III

Сравнение России с другими Державами. Следствие нашего ига. Введение смертной казни и телесных наказаний. Благое действие Веры. Изменение гражданского порядка. Начало Самодержавия. Медленные успехи Единодержавия. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имеет и добрые следствия. Выгоды Духовенства: характер нашего. Мы не приняли обычаев Татарских. Правосудие. Искусство ратное. Происхождение Козаков. Купечество. Изобретения. Художества. Словесность. Пословицы. Песни. Язык.

Наконец мы видим пред собою цель долговременных усилий Москвы: свержение ига, свободу отечества. Предложим Читателю некоторые мысли о тогдашнем состоянии России, следствии ее двувекового порабощения.

<Сравнение России с другими Державами>. Было время, когда она, рожденная, возвеличенная Единовластием, не уступала в силе и в гражданском образовании первейшим Европейским Державам, основанным на развалинах Западной Империи народами Германскими; имея тот же характер, те же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные нам Варяжскими или Немецкими Князьями, явилась в новой политической системе Европы с существенными правами на знаменитость и с важною выгодою быть под влиянием Греции, единственной Державы, не испроверженной варварами. Правление Ярослава Великого есть без сомнения сие счастливое для России время: утвержденная и в Христианстве и в порядке государственном, она имела наставников совести, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флот, Единодержавие и свободу гражданскую. Что в начале XI века была Европа? феатром Поместного (Феодального) тиранства, слабости Венценосцев, дерзости Баронов, рабства народного, суеверия, невежества. Ум Альфреда и Карла Великого блеснул во мраке, но не надолго; осталась их память: благодетельные учреждения и замыслы исчезли вместе с ними.

Но разделение нашего отечества и междоусобные войны, истощив его силы, задержали Россиян и в успехах гражданского образования: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась к просвещению. Крестовые походы сообщили ей сведения и художества Востока; оживили, распространили ее торговлю. Селения и города откупались от утеснительной власти Баронов; Государи по собственному движению давали гражданам права и выгоды, благоприятные для общей пользы, для промышленности и для самых нравов; лучшая Исправа (Полиция) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностию пути, жизнь и собственность. Обретение Иустинианова Кодекса в Амальфи было счастливою эпохою для Европейского правосудия: понятия людей о сем важном предмете гражданства сделались яснее, основательнее. Всеобщее употребление языка Латинского доставляло способ и Духовным и мирянам черпать мысли и познания в творениях древних, уцелевших в наводнение варварства. Одним словом, с половины XI века состояние Европы явно переменялось в лучшее; а Россия со времен Ярослава до самого Батыя орошалась кровию и слезами народа. Порядок, спокойствие, столь нужные для успехов гражданского общества, непрестанно нарушались мечем и пламенем Княжеских междоусобий, так, что в XIII веке мы уже отставали от Держав Западных в государственном образовании.

Нашествие Батыево испровергло Россию. Могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастию, не угасла: имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре: дальнейшее наблюдение открывает и в самом зле причину блага, и в самом разрушении пользу целости.

Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножались, народ освобождался от рабства, города входили в тесную связь между собою для взаимной защиты в утеснениях; изобретение компаса распространило мореплавание и торговлю; ремесленники, художники, Ученые ободрялись Правительствами; возникали Университеты для вышних Наук; разум приучался к созерцанию, к правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирепость; Дворянство уже стыдилось разбоев,

и благородные витязи славились милосердием к слабым, великодушием, честию; обходительность, людскость, учтивость сделались известны и любимы. В сие же время Россия, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!

Если бы Моголы сделали у нас то же, что в Китае, в Индии, или что Турки в Греции; если бы, оставив степь и кочевание, переселились в наши города: то могли бы существовать и доныне в виде Государства. К счастию, суровый климат России удалил от них сию мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмешивались в дела гражданские, требовали только серебра и повиновения от Князей. Но так называемые *Послы Ординские* и Баскаки, представляя в России лице Хана, делали, что хотели; самые купцы, самые бродяги Могольские обходились с нами как с слугами презрительными. <Следствие нашего ига>. Что долженствовало быть следствием? нравственное унижение людей. Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая Татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее, и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов. От времен Василия Ярославича до Иоанна Калиты (период самый несчастнейший!) отечество наше походило более на темный лес, нежели на Государство: сила казалась правом; кто мог, грабил: не только чужие, но и свои; не было безопасности ни в пути, ни дома; татьба сделалась общею язвою собственности [387]. Когда же сия ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцепенение миновало, и закон, душа гражданских обществ, воспрянул от мертвого сна: тогда надлежало прибегнуть к строгости неизвестной древним Россиянам. <Введение смертной казни и телесных наказаний>. Нет сомнения, что жестокие судные казни означают ожесточение сердец, и бывают следствием частых злодеяний. Добросердечный Мономах говорил детям: «не убивайте виновного; жизнь Христианина священна»: не менее добросердечный победитель Мамаев, Димитрий, уставил торжественную смертную казнь, ибо не видал иного способа устрашать преступников. Легкие денежные пени могли некогда удерживать наших пред-

ков от воровства; но в XIV столетии уже вешали татей. Россиянин Ярославова века знал побои единственно в драке: иго Татарское ввело телесные наказания; за первую кражу клеймили, за вины государственные секли кнутом. Был ли действителен стыд гражданский там, где человек с клеймом вора оставался в обществе? — Мы видели злодеяния и в нашей древней Истории: но сии времена представляют нам черты гораздо ужаснейшего свирепства в исступлениях Княжеской и народной злобы [388]; чувство угнетения, страх, ненависть, господствуя в душах, обыкновенно производят мрачную суровость во нравах. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однако ж действие часто бывает долговременнее причины: внуки имеют некоторые добродетели и пороки своих дедов, хотя живут и в других обстоятельствах. Может быть, самый нынешний характер Россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством Моголов.

Некоторые думали, что суеверие обезоруживало нас против сих тиранов; что Россияне видели в них бич гнева Небесного и не дерзали восстать на исполнителей Вышней мести, подобно как чернь доныне мыслит, что не льзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведенного молниею. История не доказывает того: Россияне неоднократно изъявляли самую безрассудную дерзость в усилиях свергнуть иго; не доставало согласия и твердости. Но заметим, что вместе с иными благородными чувствами ослабела в нас тогда и храбрость, питаемая народным честолюбием. Прежде Князья действовали мечем: в сие время низкими хитростями, жалобами в Орде. Древние Полководцы наши, воспаляя мужество в воинах, говорили им о стыде и славе: Герой Донской битвы о венцах Мученических [389]. <Благое действие Веры>. Если мы в два столетия, ознаменованные духом рабства, еще не лишились всей нравственности, любви к добродетели, к отечеству: то прославим действие Веры; она удержала нас на степени людей и граждан, не дала окаменеть сердцам, ни умолкнуть совести; в уничижении имени Русского мы возвышали себя именем Христиан, и любили отечество как страну Православия.

<Изменение гражданского порядка>. Внутренний государственный порядок изменился: все, что имело вид свободы и древних гражданских прав, стеснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь в Орде, возвраща-

лись оттуда грозными властелинами: ибо повелевали именем Царя верховного. Совершилось при Моголах легко и тихо, чего не сделал ни Ярослав Великий, ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод III: в Владимире и везде, кроме Новагорода и Пскова, умолк Вечевый колокол, глас вышнего народного законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россов. Сие отличие и право городов древних уже не было достоянием новых: ни Москвы, ни Твери, коих знаменитость возникла при Моголах. Только однажды упоминается в летописях о Вече Московском, как действии чрезвычайном, когда столица, угрожаемая свирепым неприятелем, оставленная Государем, видела себя в крайности без начальства. Города лишились права избирать Тысячских, которые важностию и блеском своего народного сана возбуждали зависть не только в Княжеских чиновниках, но и в Князьях [390].

<Начало Самодержавия>. Происхождение наших Бояр теряется в самой глубокой древности: сие достоинство могло быть еще старее Княжеского, означая витязей и граждан знатнейших, которые в Славянских Республиках предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наследственным, а только личным; хотя в России давалось после Государем [391]: но каждый из древних городов имел своих особенных Бояр, как знатнейших чиновников народных, и самые Княжеские Бояре пользовались каким-то правом независимости: так в договорных грамотах XIV и XV века обыкновенно подтверждалась законная свобода Бояр переходить из службы одного Князя к другому; недовольный в Чернигове, Боярин с своею многочисленною дружиною ехал в Киев, в Галич, в Владимир, где находил новые поместья и знаки всеобщего уважения [392]. Одним словом, сии государственные сановники издревле казались народу мужами верховными, и занимая везде первые места вокруг престолов, составляли у нас некоторую Аристократию. Но когда южная Россия обратилась в Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя к себе города и земли; когда число Владетельных Князей уменшилось, а власть Государева сделалась неограниченнее в отношении к народу: тогда и достоинство Боярское утратило свою древнюю важность. Где Боярин Василия Темного, им оскорбленный, мог искать иной

службы в отечестве? Уже и слабая Тверь готовилась зависеть от Москвы.— Власть народная также благоприятствовала силе Бояр, которые, действуя чрез Князя на граждан, могли и чрез последних действовать на первого: сия опора исчезла. Надлежало или повиноваться Государю, или быть изменником, бунтовщиком: не оставалось средины и никакого законного способа противиться Князю.— Одним словом, рождалось Самодержавие.

Сия перемена, без сомнения неприятная для тогдашних граждан и Бояр, оказалась величайшим благодеянием Судьбы для России. Удержав некоторые обыкновения свободы, естественной только в малых областях, предки наши не могли обуздывать ими воли Государя Единодержавного, каков был Владимир Святый или Ярослав Великий, но пользовались оными во время раздробления Государства, и борение двух властей, Княжеской с народною, еще более ослабляло силу его. Если Рим спасался Диктатором в случае великих опасностей, то Россия, обширный труп после нашествия Батыева, могла ли иным способом оживиться и воскреснуть в величии? Требовалось единой и тайной мысли для намерения, единой руки для исполнения: ни шумные сонмы народные, ни медленные думы Аристократии не произвели бы сего действия. Народ и в самом уничижении ободряется и совершает великое, но служа только орудием, движимый, одушевляемый силою Правителей. Власть Боярская производила у нас *Боярские смуты*. Совет Вельмож иногда внушает мудрость Государю, но часто волнуется и страстями. Бояре не редко питали междоусобие Князей Российских; не редко даже судились с ними в Орде, обнося их пред Ханами [393]. Самодержавие, искоренив сии злоупотребления, устранило важные препятствия на пути России к независимости, и таким образом возникало вместе с Единодержавием до времен Иоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

<Медленные успехи Единодержавия>. История свидетельствует, что есть время для заблуждений и для истины: сколько веков Россияне не могли живо увериться в том, что соединение Княжений необходимо для их государственного благоденствия? Некоторые Венценосцы начинали сие дело, но слабо, без ревности достойной оного; а преемники их опять все разрушали. Даже и Москва, более Киева и Владимира наученная опытами, как

медленно и недружно двигалась к государственной целости! Уставилось лучшее право наследственное; древние Уделы возвращались к Великому Княжению: но [1]*-оно-[1]*, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Иоанна Калиты [2]*, в истинном смысле все еще не было единым Государством; даже судное право, пошлины, доходы Московские принадлежали им совокупно. Так называемое *братское старейшинство* Великого Князя состояло в том, что Удельные Владетели, имея свои особенные гражданские уставы, законы, войска, монету, обязывались иметь с ним одну политическую систему, давать ему войско и серебро для Ханов. Но сие обязательство было условное: если он нарушал договор, всегда обоюдный; если утеснял их, то они могли, возвратив крестные грамоты, законно искать управы мечем. Народ, граждане, Бояре Удельные знали только своего Князя, не присягали Государю Московскому, и в случае междоусобной войны лили кровь его подданных, не заслуживая имена бунтовщиков. Так было еще и при Василии Темном. Однако ж Великий Князь имел уже столько перевеса в силах, что мог легко сделаться единовластным: все зависело от решительной воли и твердого характера; все изготовилось к счастливой перемене: теперь означим или напомним Читателю, какими средствами?

<Постепенная знаменитость Москвы>. Москва, будучи одним из беднейших Уделов Владимирских, ступила первый шаг к знаменитости при Даниле, которому внук Невского, Иоанн Димитриевич, отказал Переславль Залесский, и который, победив Рязанского Князя, отнял у него многие земли. Сын Даниилов, Георгий, зять Хана Узбека, присоединил к своей области Коломну, завоевал Можайск и выходил себе в Орде Великое Княжение Владимирское; а брат Георгиев, Иоанн Калита, погубив Александра Тверского, сделался истинным Главою всех иных Князей, обязанный тем не силе оружия, но единственно милости Узбековой, которую снискал он умною лестию и богатыми дарами.

Предложим замечание любопытное: *иго Татар обогатило казну Великокняжескую*, исчислением людей, установлением поголовной дани, и разными налогами, дотоле неизвестными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростию Князей обращенными в их собственный доход:

Баскаки, сперва тираны, а после мздоимные друзья наших Владетелей, легко могли быть обманываемы в затруднительных счетах[394]. Народ жаловался, однако ж платил; страх всего лишиться изыскивал новые способы приобретения, чтобы удовлетворять корыстолюбию варваров. Таким образом мы понимаем удивительный избыток Иоанна Даниловича, купившего не только множество сел в разных землях, но и целые области, где малосильные Князья, подверженные наглости Моголов и теснимые его собственным властолюбием, волею или неволею уступали ему свои наследственные права, чтобы иметь в нем защитника для себя и народа. Сии так называемые *Окупные Князьки* оставались между тем в своих проданных владениях, пользуясь некоторыми доходами и выгодами[395]. Углич, Белоозеро, Галич, Ростов, Ярославль сделались снова городами Великокняжескими, как было при Всеволоде III.

Так возвеличил Москву Иоанн Калита, и внук его, Димитрий, дерзнул на битву с Ханом... Сей Герой не приобрел почти ничего, кроме славы; но слава умножает силы — и наследник Димитриев, ласкаемый, честимый в Орде, возвратился оттуда с милостивым ярлыком или с жалованною грамотою на Суздаль, Городец, Нижний; восстановил таким образом *древнее Суздальское Великокняжение Боголюбского* во всей полноте оного, и мирным присвоением бывших Уделов Черниговских — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространил Московскую Державу, которая, с прибавлением Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной России Ярослава Великого, будучи сверх того усилена внутри твердейшим началом Самодержавия. Рюрик, Святослав, Владимир брали земли мечем: Князья Московские поклонами в Орде — действие оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытия и могущества России! Ярослав обуздывал народ и Бояр своим величием: смиренные тиранством Ханов, они уже не спорили о правах с Государем Московским, требуя от него единственно покоя и безопасности со стороны Моголов; видели прежних Владетельных Князей слугами Донского, Василия Димитриевича, Темного, и менее жалели о своей древней вольности.

<Зло имеет и добрые следствия>. История не терпит Оптимизма и не должна в происшествиях искать до-

казательств, что все делается к лучшему: ибо сие мудрование несвойственно обыкновенному здравому смыслу человеческому, для коего она пишется. Нашествие Батыево, кучи пепла и трупов, неволя, рабство толь долговременное, составляют конечно одно из величайших бедствий, известных нам по летописям Государств; однако ж и благотворные следствия оного несомнительны. Лучше, если бы кто нибудь из потомков Ярославовых отвратил сие несчастие восстановлением Единовластия в России, и правилами Самодержавия, ей свойственного, оградил ее внешнюю безопасность и внутреннюю тишину: но в два века не случилось того. Могло пройти еще сто лет и более в Княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и Веру, которые спаслися Москвою: Москва же обязана своим величием Ханам.

<Выгоды Духовенства>. Одним из достопамятных следствий Татарского господства над Россиею было еще возвышение нашего Духовенства, размножение Монахов и церковных имений. Политика Ханов, утесняя народ и Князей, покровительствовала Церковь и ее служителей; изъявляла особенное к ним благоволение; ласкала Митрополитов и Епископов; снисходительно внимала их смиренным молениям, и часто, из уважения к Пастырям, прелагала гнев на милость к пастве. Мы видели, как Св. Алексий Митрополит успокоивал отечество своим ходатайством в Орде. Знатнейшие люди, отвращаемые от мира всеобщим государственным бедствием, искали мира душевного в святых Обителях, и меняя одежду Княжескую, Боярскую, на мантию Инока, способствовали тем знаменитости духовного сана, в коем даже и Государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имением движимым и недвижимым [396]. Всякой, готовясь умереть, что нибудь отказывал Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россию. Владения церковные, свободные от налогов Ординских и Княжеских, благоденствовали; сверх украшения храмов и продовольствия Епископов, Монахов, оставалось еще не мало доходов на покупку новых имуществ. Новогородские Святители употребляли

Софийскую казну в пользу государственную[397]; но Митрополиты наши не следовали сему достохвальному примеру. Народ жаловался на скудость: Иноки богатели. Они занимались и торговлею, увольняемые от купеческих пошлин.— <Характер нашего Духовенства>. Кроме тогдашней набожности, соединенной с высоким понятием о достоинстве Монашеской жизни, одни мирские преимущества влекли людей толпами из сел и городов в тихие, безопасные Обители, где слава благочестия награждалась не только уважением, но и достоянием; где гражданин укрывался от насилия и бедности, не сеял и пожинал! Весьма не многие из нынешних монастырей Российских были основаны прежде или после Татар: все другие остались памятником сего времени.

Однако ж, не смотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишнего властолюбия, [3*]свойственного Духовенству Западной Церкви[-3*], и служа Великим Князьям в государственных делах полезным орудием, не спорило с ними о мирской власти. В раздорах Княжеских Митрополиты бывали посредниками, но избираемые единственно с обоюдного согласия, без всякого действительного права; ручались в истине и святости обетов, но могли только убеждать совесть, не касаясь *меча мирского*, сей обыкновенной угрозы Пап для ослушников их воли; отступая же иногда от правил Христианской любви и кротости, действовали так в угодность Государям, от коих они совершенно зависели, ими назначаемые и свергаемые[398]. Одним словом, Церковь наша вообще не изменялась в своем главном, первобытном характере, смягчая жестокие нравы, умеряя неистовые страсти, проповедуя и Христианские и государственные добродетели. Милости Ханские не могли ни задобрить, ни усыпить ее Пастырей: они в Батыево время благословляли Россиян на смерть великодушную, при Димитрии Донском на битвы и победу. Когда Василий Темный ушел из осажденной Москвы, старец, Митрополит Иона, взял на себя отстоять Кремль или погибнуть с народом, и наконец, буде верить летописям, в восторге духа предвестил Василию близкую независимость России[399].— История подтверждает истину, предлагаемую всеми Политиками-Философами, и только для одних легких умов сомнительную, что Вера есть особенная сила государственная. В Западных странах Европейских Духовная

власть присвоила себе мирскую от того, что имела дело с народами полудикими — Готфами, Лонгобардами, [4*]—Франками—[4*] — которые, овладев ими и приняв Христианство, долго не умели согласить оного с своими гражданскими законами, ни утвердить естественных границ между сими двумя властями: а Греческая Церковь воссияла в Державе благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждых ему прав. К счастию, Святый Владимир предпочел Константинополь Риму.

<Мы не приняли обычаев Татарских>. Таким образом имев вредные следствия для нравственности Россиян, но благоприятствовав власти Государей и выгодам Духовенства, господство Моголов оставило ли какие иные следы в народных обычаях, в гражданском законодательстве, в домашней жизни, в языке Россиян? Слабые обыкновенно заимствуют от сильных. Князья, Бояре, купцы, ремесленники наши живали в Улусах, а Вельможи и купцы Ординские в Москве и в других городах. Но Татары были сперва идолопоклонники, после Магометане: мы называли их обычаи *погаными*; и чем удобнее принимали Византийские, освященные для нас Христианством, тем более гнушались Татарскими, соединяя их в нашем понятии с ненавистным зловерием. К тому же, не смотря на унижение рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство в отношении к народу кочующему. Следствием было, что Россияне вышли из-под ига более с Европейским, нежели Азиатским характером. Европа нас не узнавала: но для того, что она в сии 250 лет изменилась, а мы остались, как были. Ее путешественники XIII века не находили даже никакого различия в одежде нашей и Западных народов[400]: то же без сомнения могли бы сказать и в рассуждении других обычаев. Как в Италии, Франции, Англии с падения Рима, так у нас с призвания Князей Варяжских все в главных чертах сделалось Немецким, смешенным с остатками первобытных обычаев Славянских: к чему после присоединилось занятое нами от Греков. Древний характер Славян являл в себе нечто Азиатское; являет и доныне: ибо они, вероятно, после других Европейцев удалились от Востока, коренного отечества народов. Не Татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют Азиатским обыкновением): мы все

то видели у Славян и Россиян гораздо прежде. В языке нашем довольно слов Восточных; но их находим и в других Славянских наречиях; а некоторые особенные могли быть заимствованы нами от Козаров, Печенегов, Ясов, Половцев даже от Сарматов и Скифов: напрасно считают оные Татарскими, коих едва ли отыщется 40 или 50 в Словаре Российском[401]. Новые понятия, новые вещи требуют новых слов: что народ гражданский мог узнать от кочующего?

<Правосудие>. Татары не вступались в наши судные дела гражданские. Во всех Московских владениях Государь давал законы и судил чрез своих Наместников и Дворян: недовольные ими жаловались ему; ни в летописях, ни в грамотах сего времени не упоминается о Приказах. От Наместника зависели Дворские и Сотники: первые судили холопей, вторые поселян; так было и в Уделах. Тяжбы между подданными двух разных Княжений решились Боярами, с обеих сторон избираемыми: в случае их несогласия назначался посредник, или *Третейский суд*, коего решение уже всегда исполнялось. Правосудие тогдашнее не имело, по видимому, твердого основания и большею частию зависело от произвола судящих. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общего народного уложения, вместо коего давали судьям наказы или грамоты Княжеские, весьма краткие, неопределительные[402]. Кроме Двинской судной грамоты Василия Димитриевича мы имеем еще две пятого-надесять века: Псковскую и Новогородскую. В обеих говорится о *законных поединках* в случае доноса сомнительного. Такое странное обыкновение господствовало в целой Европе несколько веков, заступив место *искушений посредством огня и воды*. В *Русской Правде* нет еще ни слова о сих поединках; но в 1228 году они уже были в России способом доказывать свою невинность пред судиями, и назывались *Полем*. Искусство и сила казались действием суда Небесного: одолеть в бою значило оправдаться. Тщетно Духовенство противилось столь несогласному с Христианскою Верою уставу: Митрополит Фотий (в 1410 году) писал к Новогородскому Архиепископу Иоанну, что поединщики не должны вкушать тела и крови Христовой; что всякой, кто умертвит человека в бою, отлучается от Церкви на 18 лет, и что Иереи не могут отпевать убитых[403]: но древний обычай был сильнее убеждений Духовенства, церковной каз-

ни и рассудка.— В грамоте Псковской определены некоторые судные пени[404]; на пример, за вырвание бороды надлежало платить 2 рубля. Далее назначаются разные денежные взыскания: на пример, за барана хозяину 6 денег, за овцу десять, а судье три; объявляются недействительными купля, продажа и мена, совершаемые в пьянстве; запрещается Княжеским людям держать корчмы и продавать мед, а женщинам нанимать за себя судных поединщиков, и проч. Сия грамота есть только отрывок или прибавление к иным уставам; Новогородская же именно ссылается на другие, нам неизвестные грамоты, и содержит в себе единственно особенные постановления, из коих явствует, что Архиепископ в судах церковных руководствовался Номоканоном, а Посадник и Наместники Великокняжеские старыми уставами Новогородскими; что они брали пошлину с дел; что Тысячский имел свою особенную управу; что судьи ездили по городам, обязанные решить всякое дело в определенный срок или заплатить пеню; что вместе с судьями и *Докладчиками* заседали Присяжные, знаменитые граждане, Бояре и Житые люди; что дело предлагалось так называемыми *Расскащиками* или Стряпчими, а записывалось Дьяком или Секретарем с приложением их печатей; что мужья ответствовали в судах за жен, а за вдов сыновья; что жены Боярские и людей Житых присягали дома; что холопи могли свидетельствовать только на холопей, а *Псковитяне* никогда; что прежде законного осуждения никто не мог быть лишаем свободы, и всякому обвиняемому давался срок; что истец и ответчик подвергались тяжкому взысканию, если беззаконно обносили друг друга или судей; что уличенный в насильственном владении платил пеню Великому Князю и Новугороду, Боярин 50 рублей, Житый двадцать, а *Младший* гражданин десять: следственно наказание умножалось по мере знатности или *5*—богатства преступников—5*. К суду Святительскому относились, кроме церковных преступлений, все дела Иереев, Иноков, людей монастырских и проч.; а буде они имели дело с мирянами, то Наместники и судьи Епископские решили оное вместе с Княжескими или городскими чиновниками[405]. В Новегороде Святительские денежные пени были гораздо тягостнее иных; на пример, от судного рубля получал Владыка, Наместник или Ключник его за печать гривну, а Посадник, Тысячские и судьи их только семь денег.

Так ли было и в других Княжениях Российских, мы не знаем; но видим, что Духовенство наше везде старалось умножить свои права судебные, доказывая их древность мнимыми церковными уставами Св. Владимира и Ярослава Великого. Последним решителем в судах церковных был Митрополит: Новогородцы в 1385 году отняли у него сие доходное право, уставив, чтобы Архиепископ и главные их чиновники вершили все дела независимо или без отчета.

Вообще с XI века мы не подвинулись вперед в гражданском законодательстве; но, кажется, отступили назад к первобытному невежеству народов в сей важной части государственного благоустройства: чему виною были замешательства и непостоянство в Правлении внутреннем. Князья, не уверенные в твердости своих престолов, судя народ по необходимости и для собственного прибытка, старались уменьшать для себя затруднения: совесть, присяга, здравый ум естественный казались самым простейшим способом решить тяжбы, согласно с древними обыкновениями и без всяких письменных, общих правил. Законодатель определял единственно род наказаний и денежные пени для главных преступлений: смертоубийства, воровства и проч. Суд духовный, основанный на Кормчей Книге или Номоканоне, был не лучше гражданского: ибо сии законы Греческие во многом не шли к России и долженствовали часто уступать место произволу судей. В таком состоянии находилось правосудие и в других землях Европейских около десятого века; но в пятом-надесять, имея училища законоведения и Римское Право, Европа в сем отношении уже далеко нас опередила.

<Искусство ратное>. Не менее отстали мы и в искусстве ратном: Крестовые походы, дух Рыцарства, долговременные войны и наконец образование строевых, всегдашних войск произвели великие успехи оного во Франции и в других землях[406]; а мы, кроме пороха, в течение сих веков не узнали и не приобрели ничего нового. Состав нашей рати мало изменился. Все главные чиновники государственные: Бояре *Старшие*, *Большие*, *Путные* (или поместные, коим давались земли, доходы казенные, *путевые* и другие), *Окольничие* или ближние к Государю люди, и Дворяне, были истинным сердцем, лучшею, благороднейшею частию войска, и собственно именовались *Двором Великокняжеским*. Вторый многочисленнейший

род записных людей воинских назывался *Детьми Боярскими*: в них узнаем прежних Боярских Отроков; а Княжеские обратились в Дворян. Всякой древний, областный город, имея своих Бояр, имел и Детей Боярских, которые составляли воинскую дружину первых[407]. Купцы и граждане без крайности не вооружались, а земледельцы никогда[408]. Герой Донский умел вывести в поле 150 000 ратников; но для сего требовалось усилий необыкновенных. Часто войско не успевало собраться, когда неприятель уже стоял под Москвою. Древние обычаи не скоро уступают место лучшим. Чтобы иметь всегда полки готовые и не распускать их, надлежало бы определить им жалованье: Государи наши скупились или не могли сделать того без отягощения подданных налогами.

Иностранные Писатели говорят, что Россияне сего времени сражались подобно Моголам: «не стоя на месте, а на скаку действуя стрелами и копьями, то нападая, то вдруг отступая»[409]. Но летописи наши доказывают противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда из конницы, однако ж мы имели и пехоту: становились в ряды сомкнутые; отделяли часть войска вперед, чтобы открыть или удерживать неприятеля, а другую скрывали в засаде; одни полки начинали битву, другие ждали времени и случая ударить на врага; в средине находились обыкновенно так называемые *большие* или Княжеские знамена под защитою Дворян. Мы умели пользоваться местом; располагались станом за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смелую решительность великого ума воинского, как Герой Донский, быстрым движением предупредив соединение Мамая с Ягайлом. Куликовская битва достопамятна не только храбростию, но и самым искусством. Александр Невский также показал оное в сражении со Шведами и с Ливонскими Меченосцами. Летописцы отменно славят ратный ум Димитрия Волынского, победителя Болгаров, Олегова и Мамаева: чем в государствование Темного отличались Князь Василий Оболенский и Московский Дворянин Феодор Басенок[410].— Однако ж Россияне XIV и XV века вообще не могли равняться с предками своими в опытности воинской, когда частые битвы с неприятелями внешними и междоусобные не давали засыхать крови на их мечах, и когда они, так сказать, жили на поле сражения. Кровь лилася и во время ига Ханского, но редко в битвах:

видим много убийств, но гораздо менее ратных подвигов.

<Происхождение Козаков>. Заметим, что летописи времен Василия Темного в 1444 году упоминают о *Козаках* Рязанских, особенном легком войске, славном в новейшие времена. И так Козаки были не в одной Украине, где имя их сделалось известно по Истории около 1517 года[411]; но вероятно, что оно в России древнее Батыева нашествия, и принадлежало Торкам и Берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище Малороссийских Козаков. Торки и Берендеи назывались *Черкасами*[412]: Козаки также. Вспомним *Касогов*, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морем; вспомним и страну *Казахию*, полагаемую Императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что Оссетинцы и ныне именуют Черкесов *Касахами*[413]: столько обстоятельств вместе заставляют думать, что Торки и Берендеи, называясь *Черкасами*, назывались и *Козаками*; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем *Козаков* составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных Татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшего им многие гражданские вольности вместе с землями выше Днепровских порогов, где город *Черкасы* назван их именем. Они разделились на сотни и полки, коих Глава или Гетман в знак уважения получил от Государя Польского, Стефана Батори, знамя Королевское, бунчук, булаву и печать[414]. Сии-то природные воины, усердные к свободе и к Вере Греческой, долженствовали в половине XVII века избавить Малороссию от власти иноплеменников и возвратить нашему отечеству древнее достояние оного.— Собственно так называемые Козаки *Запорожские* были частию Малороссийских: Сеча их, или земляная

крепость ниже Днепровских порогов, служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых Козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа.— Вероятно, что пример Украинских Козаков, всегда вооруженных и готовых встретить неприятеля, дал мысль и северным городам нашим составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболее подверженная нападению Ординских хищников, имела и более нужды в таких защитниках. Люди молодые, бездомовные, записывались в Козаки, побуждаемые к тому или некоторыми особенными, гражданскими выгодами — может быть, освобождением от всяких податей — или прелестию добычи воинской[415]. В Истории следующих времен увидим *Козаков Ординских*, *Азовских*, *Ногайских* и других: сии имя означало тогда *вольницу*, *наездников*, *удальцев*, но не *разбойников*, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон Турецкий[416]: оно без сомнения не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и Веру, добровольно так назвалися.

<Купечество>. Россия, не смотря на все бедствия, нанесенные ей Моголами, в XIV и в XV веке имела знатное купечество. Древний, славный *путь Греческий* для нас закрылся: открылись новые пути торговли, с Востоком чрез Орду, с Константинополем и с Западом чрез Азов посредством реки Дона. Купцы, торгующие шелковыми тканями, назывались в Москве *Сурожанами*, по имени Сурожского или Азовского моря[417]: ибо они привозились к нам из Азова. Сии купцы были главными, вместе с *суконниками*, которые продавали Немецкие сукна, получая оные из Новагорода, где цвела торговля Ганзейская. За сии иностранные произведения мы платили мехами. Россия была тогда привольем зверей, птиц и ловцев. Еще непроходимые, дремучие леса осеняли большую часть земли: тишина, царствуя в глубоком уединении пустынь, благоприятствовала размножению всякого рода животных. Как в XI столетии дикие кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли в лесах южной России, так в северной около пятаго-надесять века бобры, козы, лоси витали на свободе: лебеди стаями плавали на реках и озерах[418]. Россия, скудная людьми — от недавности своего населения, от меча, от пленения, от частых голодов и язвы — тем более изобиловала дикими сокровищами Природы, коих источники всегда иссякают от возрастающего многолюдства. Ординские купцы

живали в Москве, в Твери, в Ростове; они доставляли нам товары ремесленной Азии и лошадей, а брали в обмен (сверх драгоценных мехов, наших собственных и Пермских) множество ловчих птиц, соколов, кречетов, привозимых в Великое Княжение из Двинской земли. Вероятно, что Россияне передавали Моголам и Немецкие сукна, так же, как Немцам плоды Азиатского ремесла. Казань заступила место древнего Царства Болгарского: купцы Московские и другие торговали в ней с Востоком.— Ханы для своих выгод покровительствовали у нас торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тем исправнее платили Ординскую дань. Славный Венециянский путешественник, Марко Пауло, быв около 1270 года в Великой Татарии, в Персии и на берегах Каспийского моря, говорит о *хладной* России, сказывая, что ее жители белы, вообще хороши лицем, и что она богата собственными *серебряными рудниками*[419]: мы не имели их, но действительно могли хвалиться знатным количеством серебра, получаемого нами от Немецких купцев и через Юрру из Сибири. Новогородцы обещали Михаилу Тверскому 6000 фунтов серебра, а Витовту действительно заплатили около шестидесяти пудов: что прежде открытия Америки было весьма много. Не знаем за-подлинно, сколько мы ежегодно давали Ханам; однако ж известно, что в 1384 году с каждой *деревни* собиралось для них около 12 золотников серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно из двух или трех дворов. Города платили иногда и золотом[420]. Кроме сего земледельцы вносили в казну Великокняжескую по гривне с сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривне (что составляло более двух золотников серебра). Дань Ханская отчасти возвращалась к нам из Орды торговлею. Наконец мы столько имели серебра, что могли отменить мордки или *куны*, древние наши *ассигнации*, бывшие не менее пяти сот лет в обращении, и весьма полезные для успехов промышленности за недостатком в металлах. Казна, соблюдая умеренность в выпуске сих кожаных знаков, умела держать их в цене до самого нашествия Батыева: тогда упали куны, ибо Моголы не брали их вместо серебра; они ходили еще несколько времени в Новегороде и Пскове, не имевших тесной связи с Ордою; но скоро и там исчезли от затруднения в торговых счетах с другими Россиянами, которые уже не признавали достоинства *мордок*: что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами*[421] —

и древняя кожаная гривна, оцененная на серебро, обратилась в десятую часть рубля. Нет сомнения, что сия перемена имела вредные следствия для внутренней торговли, вдруг уменьшив в России количество денег. Города купеческие имели серебро; но другие, менее торговые, долженствовали нуждаться в знаках для оценки вещей: так в земле Двинской, по уничтожении кожаных лоскутков, называемых кунами и векшами, опять ходили действительные шкуры куниц и белок вместо денег, как было у нас в самую глубокую древность; то есть, возобновилась непосредственная мена вещей, обыкновенная в состоянии полудиких народов.

Касательно нашей внутренней торговли заметим, что ее свобода и выгоды обыкновенно входили в условия государственных постановлений. Владетельные Князья, определяя легкие законные пошлины с купеческих возов и лодок, прибавляли в договорных грамотах: «а купцам торговать без *рубежа* или без *зацепок*»[422]. Кроме перевоза иностранных вещей из места в место, жители некоторых областей промышляли своими особенными произведениями: Новогородские хмелем и льном, Новоторжские кожами, Галичане и Двиняне солью. Соль Галицкая уже славилась при Донском. Псковитяне в 1364 году также завели-было соляные варницы, но скоро оставили. Хлеб и рыба составляли знатнейший из торгов внутренних. Частые неурожаи, бедственные для народа, обогащали купцев прозорливых.

<Изобретения, художества, роскошь, познания, словесность>. Хотя Моголы как бы заградили нас от Европы; хотя уже Венценосцы ее не вступали с нашими в брачные союзы, и кроме Иннокентиева Посольства к Александру Невскому, кроме Исидорова путешествия в Италию, не было у нас никаких государственных сношений с Западом; хотя вообще иностранные летописи сего времени почти не упоминают о России: однако ж, через торговые связи Новагорода с Германиею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнейшие Европейские открытия, как-то изобретение бумаги и пороха. В XV веке мы уже перестали употреблять хартию или пергамен, заменив его гораздо дешевейшею тряпичною бумагою, покупаемою у Немцев, которые доставляли нам и снаряд огнестрельный[423]. Москва и Галич оборонялись пушками; но в описании полевых битв говорится только о стрелах, мечах и копьях: кажется,

что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городов.— К художествам Русским прибавилось одно новое: монетное, по крайней мере со времен [6*]-Ярослава или со XII века мы, кажется, не имели оного [-6*]. Монетчики назывались *денежниками*.— Памятниками тогдашнего зодчества остались некоторые довольно красивые церкви, в Москве и в других местах. По летописям известно, что Св. Ольга жила в каменном дворце: в Москве же, кроме церквей и городских стен, не было ни одного каменного здания до XV века: ибо Князья и Вельможи предпочитали деревянные домы как благоприятнейшие для здоровья. Сверх того частые мятежи и государственные неустройства отвращали самых богатых людей от мысли строить долговременно и прочно; где нет твердого порядка гражданского, там редко бывают и твердые здания. Новогородский Архиепископ Евфимий в 1433 году поставил у себя на дворе *каменную с тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а Митрополит Иона такую же в 1449 году, с домовым храмом Положения Риз; первую строили Немецкие Архитекторы.— Среди нынейшей Москвы находилось еще не мало рощей и лугов. Князья, Бояре имели свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множестве слуг, в богатой одежде, в высоком доме, в глубоких погребах, наполненных бочками крепкого меда; а всего более в созидании храмов и в драгоценных окладах икон. Упомянув о слугах, заметим, что Великие Князья, умирая, обыкновенно давали своим холопям волю [424]: так поступали и другие знатные люди.

Нет сомнения, что древний Киев, украшенный памятниками Византийских художеств, оживляемый стечением купцев иностранных, Греков, Немцев, Италиянцев, превосходил Москву пятого-надесять века во многих отношениях. Мы загрубели, однако ж не столько, чтобы ум лишился всей животворной силы своей и не оказывал ни в чем успехов. Греция до самого ее падения не преставала действовать на Россию: брала от нас серебро, но давала нам вместе с мощами и книги. Основанием Московской Патриаршей библиотеки, известной в ученой Европе, была Митрополитская, заведенная во время господства Ханского над Россиею и богатая не только церковными рукописями, но и древнейшими творениями Греческой Словесности [425]. Знание Еллинского языка составляло ученость,

почти необходимую для знатнейшего Духовенства, которое находилось в непрестанных сношениях с Царемградом. Таким образом церковная наша зависимость, вредная в смысле Политики, благоприятствовала у нас просвещению; то есть, не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мере в Духовенстве. Любопытные миряне искали сведений в монастырях: вопрошали Иноков о предметах Христианства и нравственности, о самых государственных деяниях времен минувших: ибо там жила История Российская, как и прежде; там, усердным пером Черноризцев, она изображала плачевную судьбу отечества, мешая повествование с наставлениями. Волынский Летописец приводит места из Гомера: Московский упоминает о Пифагоре и Платоне[426]. Кроме церковных или душеспасительных книг, мы имели от Греков всемирные летописи и разные исторические, нравственные, баснословные повести; на пример: о *храбрости Александра Македонского*, перевод Арриана — о *Синагрипе*, *Царе Адоров* — о *витязях древности* — о *богатствах Индии*[427], и проч. Вторая из сих повестей есть Арабская (изданная на Французском языке в продолжении *Тысячи-одной ночи*): вероятно, что она в XIII или в XIV веке была переведена на Русской с Греческого. Между тогдашними произведениями собственной нашей Словесности достопамятны пиитическое изображение Куликовской битвы и похвала Димитрию Донскому. Первое, сочиненное Рязанцем, Иереем Софронием, многими чертами напоминает *Слово о полку Игореве*, хотя и менее стихотворно. На пример[428]: «Князь Владимир так говорит Димитрию: Воеводы наши крепки, витязи Русские славны, кони их борзы, доспехи тверды, щиты червленые, копья злаченые, сабли булатные, *курды* Ляцкие, колчаны Фряжские, сулицы Немецкие; все пути знакомы им, берега Оки сведомы. Хотят витязи положить свои головы за Веру Христианскую и за обиду Великого Князя Димитрия..... Великая Княгиня Евдокия с женами Воеводскими сидит печально в златоверхом тереме, под окнами южными, смотрит в след супругу милому, льет слезы ручьями, и приложив руки к персям, так вещает: Боже великий! умоляю Тебя смиренно: сподоби меня еще видеть моего друга, славного между людьми, Князя Димитрия! Помоги ему на врагов рукою крепкою! Да не падут Христиане от Мамая неверного, как пали некогда от злого Батыя! Да спасется остаток их и да славит имя

Твое святое! Уныла земля Русская: только на Тебя уповаем, Око Всевидящее! Имею двух младенцев беззащитных: кому закрыть их от ветра бурного, от зноя палящего? Возврати им отца, да царствуют во веки!.....

Славный Волынец, муж исполненный ратной мудрости, на кануне битвы, в глубокую ночь, зовет Великого Князя в чистое поле, да узнает там судьбу отечества. Впереди стан Мамаев: за ними Российский. *Внимай*! сказал Волынец... и Димитрий, обратяся к Мамаеву стану, слышит стук и клич, подобный шуму многолюдного торжища или созидаемого града, или звуку труб бесчисленных. Далее грозно воют звери и кричат вороны; гуси и лебеди плещут крылами по реке Непрядве и предвещают грозу необычайную. *Обратися к Стану Русскому*! говорит Волынец — *что слышишь*?.... *Все тихо*, ответствует Димитрий: *вижу только слияние огней небесных с блестящими зарями*... Волынец сходит с коня; ухом приникает к земле; слушает долго; встает и безмолвствует. Великий Князь требует отповеди. *Добро и зло ожидает нас*, говорит ему сей мудрый витязь: *плачут обе страны, единая как вдовица, другая как дева жалобным гласом свирели. Ты победишь, Димитрий; но много, много падет наших*! Димитрий пролил слезы....

Сходятся рати под густою мглою. Знамена Христианские воспрянули; кони под всадниками присмирели; звучат трубы наши громко, Татарские глухо. Стонет земля на Восток до моря, на Запад до реки Дуная. Поле от тягости перегибается; воды из берегов выступают..... Час настал. Каждый воин, ударив по коню, воскликнул: *Господи*! *помози Христианам*! и быстро вперед устремился... Сразились, не только оружием, но и *сами о себя избивая друг друга*; умирали под ногами конскими; задыхались от тесноты на поле Куликове. Зари кровавые блистают от сияния мечей; лес копий трещит и ломается. Удалые витязи наши как величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! разверзлося небо над полками Димитрия; видим светлое облако, исполненное рук человеческих, которые держат лучезарные венцы для победителей... И се воины Князя Владимира рвутся из засады на Мамая, как соколы на стадо гусиное, как гости на пир брачный; ударили, и враг бежит, восклицая: *увы тебе, Мамай*! *вознесся до небес, и в ад нисходишь*!» и проч.

В похвальном слове Димитрию есть сила и нежность.

Описывая добродетели сего Великого Князя, сочинитель говорит[429]: «Некоторые люди заслуживают похвалу в юношестве, другие в лета средние, или в старости: Димитрий всю жизнь совершил во благе. Приняв власть от Бога, он с Богом возвеличил землю Русскую, которая во дни его княжения *воскипела* славою; был для отечества стеною и твердию, а для врагов огнем и мечем; кротко-повелителен с Князьями, тих, *уветлив* с Боярами; имел ум высокий, сердце смиренное; взор красный, душу чистую; мало говорил, разумел много; когда же говорил, тогда Философам заграждал уста; благотворя всем, мог назваться *оком слепых, ногою хромых, трубою спящих в опасности*..... Когда же великий *Царь* земли Русския, Димитрий, заснул сном вечным: тогда *аэр* возмутился, земля потряслася, люди ужаснулись. О день скорби и *туги*, день мрака и бедствия, вопля и захлипания! Народ вещал: *о горе нам, братие! Князь Князей преставился; звезда, сияющая миру, склонилась к западу!*» — О супружеской взаимной любви Димитрия и Великой Княгини Евдокии сказано так: «Оба жили единою душею в двух телах; оба жили единою добродетелию, как *златоперсистый* голубь и *сладкоглаголивая* ластовица с умилением смотряся в чистое зерцало совести.... Видя же его мертвого на одре, Княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненные*; глас ее как утреннее шептание ластовицы, как органы сладкозвучные. Так вещает горестная: «Зашел свет очей моих; погибло сокровище моей жизни! Где ты, бесценный? Почто не ответствуешь супруге?... Цвет прекрасный! для чего увядаешь столь рано? виноград многоплодный! уже ты не даешь плода моему сердцу, ни сладости душе моей!... Воззри, воззри на меня; обратися ко мне на одре своем; промолви слово! Не уже ли забыл меня? Се жена и дети твои!... Кому супругу приказываешь? на кого сирот оставляешь?.... Царь мой милый! как обниму тебя? как послужу тебе?... Где честь твоя и слава? Был Государем всей земли Русской: ныне мертв и ничем не владеешь! Победитель народов побежден смертию! Изменилась твоя слава вместе с лицем твоим!... О жизнь души моей! не знаю, как ласкать, как миловать тебя!... Багряницу многоценную променял ты на сии ризы бедные! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь!... Отвергнув Княжеский венец, худым платом главу покрываешь! Из палаты красной в сей гроб переселяешься!... Ах! если бы Господь услышал молитву мою!...

Молися и ты за свою Княгиню, да умру с тобою, быв неразлучна с тобою в жизни!... Еще юность нас не оставила; еще старость нас не постигла! Ах! не долго я радовалась моим другом! За веселие пришли слезы, за утехи скорбь несносная!... Почто я родилась? или почто не умерла прежде тебя? Тогда я не видала бы твоей кончины, а своей погибели!... Не слышишь жалких речей моих; не умиляешься моими слезами горькими! Крепко уснул, Царь мой; не могу разбудить тебя! С какой войны пришел ты, любезный? От чего столь утомился? Звери земные идут на ложе свое, а птицы небесные летят ко гнездам: ты же, любезный, отходишь навеки от своего дому!... Кому уподоблю, как назову себя? Вдовою ли? ах! не знаю сего имени! Женою ли? но Царь оставил меня!... Вдовы старые! утешайте меня! Вдовы юные! плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнее всех горестей.... Боже великий, Царь Царей! Ты един буди мне истинным утешителем!» — Сии приведенные нами места суть, кажется, лучшие памятники тогдашнего красноречия. Люди всегда находили сильные черты для описания воинских ужасов и горестей любви: воображение и сердце действуют и в то время, когда ум дремлет.

<Пословицы>. Сверх церковного наставления и мудрых изречений Св. Писания, которые врезывались в память людей, Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах. Многие из оных несомнительно относятся к сему времени; на пример: *где Царь, там и Орда*; или *такали, такали Новогородцы, да и протакали*[430]. Ныне умники пишут: в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах: тогда жили в пословицах. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось из рода в род. Мы легко забываем читанное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопытное. Добрый купец, Боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семейственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками.—

<Песни>. Вероятно, что и некоторые народные песни Русские, в особенности исторические о благословенных временах Владимира Святого, были сочинены в веки нашего рабства государственного, когда воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы отечества. Русской поет в веселии и в печали.— <Язык>. Вообще язык наш от XIII до XV века приобрел более чистоты и правильности. Оставляя употребление собственного Русского, необразованного наречия, Писатели тщательнее держались Грамматики церковных книг или древнего Сербского, коего памятник есть наша Библия[431], и коему следовали они не только в склонениях и в спряжениях, но и в выговоре или в изображении слов; однако ж, подобно Летописцу Нестору, ошибались иногда и на употребление: от чего в слоге нашем закоренела пестрота, освященная древностию, так, что мы и ныне в одной книге, на одной странице пишем *злато* и *золото*, *глад* и *голод*, *младость* и *молодость*, *пию* и *пью*. Еще не время было для Россиян дать языку ту силу, гибкость, приятность, тонкость, которые соединяются с выспренними успехами разума в мирном благоденствии гражданских обществ, с богатством мыслей и знаний, с образованием вкуса или чувства изящности: по крайней мере видим, что предки наши трудились над яснейшим выражением своих мыслей, смягчали грубые звуки слов, наблюдали в их течении какую-то плавность[432]. Наконец, не ослепляясь народным самолюбием, скажем, что Россияне сих веков в сравнении с другими Европейцами могли по справедливости казаться невеждами; однако ж не утратили всех признаков гражданского образования и доказали, сколь оно *живуще* под самыми сильными ударами варварства!

Человек, преодолев жестокую болезнь, уверяется в деятельности своих жизненных сил и тем более надеется на долголетие: Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии, так, что История едва ли представляет нам два примера в сем роде. Веря Провидению, можем ласкать себя мыслию, что Оно назначило России быть долговечною.

КОНЕЦ V ТОМА

ПРИМЕЧАНИЯ К V ТОМУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

[1] Великий Князь, отпустив посла Авдулина, ездил из Владимира в Переславль Залесский.— *Никон. Лет.* именует посла Мурутова Иляком, и говорит, что Димитрий Суздальский господствовал тогда в Владимире 12 дней (вместо недели). Сей Летописец прибавляет еще, что Димитрий Константинович, изъявив покорность Великому Князю, уехал в Нижний к своему брату Андрею.

[2] См. *Никон. Лет.* г. 1363, стр. 5, и *Ростовск.* В *Русск. Лет.* Львова сказано: «Тое же зимы повоеваша Князи Ростовские меж собою со Князем Константином *Андреевичем*, и побежал Князь из Ростова ко Ржеву. Того же лета приехал Князь *Владимировичь* в Ростов, а с пим Князь Иван Ржевской с войною в велицей силе, а Князь Константин *Владимировичь* и брат его побежали на Устюг». *В то время*, сколько пам известно, не было в Ростове ни Константипа *Андреевича*, ни Константина *Владимировича*. Сей же Летописец прибавляет, что Великий Князь пленил жену Димитрия Галицкого.

[3] Иоанн Иоаннович преставился в 1364 году, Окт. 23, а мать его, Вел. Княгиня Александра, названная в Монашестве Мариею, Дек. 27; первый погребен в Архангельском Соборе, а вторая в приделе монастыря Спасского или Преображенского.

См. договорную грамоту в *Древн. Рос. Вивлиоф.* I, 74. Писанная на бумаге, и без печатей, сия грамота не есть подлинник. В ней встречаются выражения: *по згадце*, *на перевары*. Первое значило: *по обстоятельствам*, или *по соображению с обстоятельствами*; а *переварами* назывались те места, где варили для Князей оброчный мед.

[4] «В то же лето (1365), Иуниа во 2 день, преставися К. Андрей Конст. в Чернцех и в Схиме, и положен бысть в церкви Спаса» (в Нижнем). Сей Андрей построил там близ дворца своего каменную церковь Св. Архистратига Михаила. В *Троицкой*: «Княгиня же Василиса, много плакавше по Князи своем, пребысть вдовою 4 лета; пострижена бысть от Дионисья Архимандрита Печерскаго, и наречено бысть имя ей Феодора.— Бысть ей тогда от роженья лет 40, и раздавала все именье свое церквам и монастырем и нищим, а слугы своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити в монастыре у Св. Зачатья, иже сама создала при Князи своем; живяще же в молчании, тружаяся рукодельем, постом, поклоны творя, молитвами и слезами, стоянием нощным и неспанием; многажды и всю нощь без сна пребываше, овогда чрез день, овогда чрез два, иногдаже и пять дней не ядяше; в мовню не хожаше, в срачице не хожаще, но власяницу на теле своем ношаше; пива и меду не пьяше, на пирех и на свадьбах не бываше, из монастыря не исхожаше; зло-

бы пи на коего же не держаше; ко всем любовь имеяше. Таковое же доброе и чистое житье ея видевше, мнози Болярыни, жены и вдовици и девици постригошася у ней, яко бысть их числом и до девяноста, и вси общее житье живяху. Княгиня же Василиса, поживши в Черницах восемь лет и поболевши неколико дний, преставися ко Господу».

Далее: «К. Димитрий Константиновичь с материю своею *Еленою* прииде к Новугороду Нижнему: Князь же Борис не соступися ему. Он же иде к Москве.... Тое же зимы прииде посол от Царя из Орды Байрамхози и от Царицы Асан, и посадиша в Новегороде Нижнем на Княжении Князя Бориса». Сын Димитрия Константиновича, Василий, ездивший в Орду, прозывался Кирдяпою.— Далее: «Дошедшу Димитрию Константиновичу Бережца, и ту стрете и Кн. Борис и доби челом ему». В *Ростов.*: «тое же зимы (1367), Ианнуариа в 18 день, женился Вел. К. Димитрий *вторым браком*, понял за себя у К. Дим. Константиновича дщерь Евдокию». В *Троицк.* и других летописях нет слов: *вторым браком.*

[5] В *Псков. Лет.*: «в лето 6868 (1360) бысть во Пскове другый мор. Тогда и Остафий Князь преставись, и два сына его, Карп и Алексий».— В *Троицкой*: «в лето 6872 бысть мор в Новегороде в Нижнем, и на уезде, и на Сару (Суре), и на Киши, и по странам... А пришел из Низу от Бездежа; а оттоле на Коломну, на другое лето в Переяславль, на другое лето в Москву», и проч. В *Никонов.*: «на Белеозере тогда ни един жив обретеся». Далее см. летописи *Ростов.* и *Никон.* В первой: «бысть мор в Торжку *угорщиною*». Во второй: «Преставись Княгиня Великая Настасья Александрова, таже Княгиня *Авдотья* Костянтинова, таже К. Семен Констянтиновичь, а отчины своей удел и Княгиню приказа Князю Михаилу Александровичу. Таже преставись Княгиня Всеволожа Софея, и потом сам Князь Всеволод, таже брат его К. Андрей, таже Княгиня его Евдокиа, и К. Володимер Александрович».— В Смоленске язва была в 1377, 1386 и 1387 году, а во Пскове еще в 1389.

[6] См. *Троицк. Лет.* г. 6873 (1365).— Далее: «Тое же зимы Князь Великий, погадав с братом с Володимером и со всеми Бояры старейшими, и сдумаша ставити город камен Москву. Тое же зимы повезоша каменье к городу. Тое же весны (1367) почали ставить город камен».

[7] Тагай выжег Рязань в 1365 году. Сражение было под Шишевским лесом, на Войнове. Тагай ушел с малым числом своих. Не от сего ли Мурзы город Тагай получил имя? — Упоминаемый здесь Тит Козельский назван в Родословных Книгах *внуком* Св. Михаила Черниговского (что не вероятно по времени).— Далее: «Того жь лета (1367) Булат-Темирь пограби уезд до Волги и до Сундовити.... По *важитьям* множество Татар побьени быша» — то есть, в разъездах для собрания съестных припасов.

[8] В *Ростов.*: «той же зимы (1364) с Югры Новогородцы приехаша. Дети Боярские и люди молоды Воеводы, Александр Обакуновичь, воеваша по Оби реке и до моря, а другая половина на верх Оби, и Двиняне сташа противу их полком, и избиша Двинян на *Кучреа*». В *Троицкой*: «того жь лета (1365) пойдоша Новгородци из Югры, а Двиняне *взяша Нукурью*». Говорится об одном происшествии, но смысл несогласен: по *Ростов.*

Новогородцы сражались с Двинянами, а по *Троицк.* Двиняне вместе с ними ходили тогда воевать к пределам Сибири.— В *Новогород. Лет.*: «Ходиша из Новагорода (в 1366 году) люди молодыи на Влъгу без Новогородскаго слова — без ведома Правителей — а Воеводою Есип Варфоломеевичь, Василий Феодоровичь, Александр Обакуновичь; того жь лета приидоша вси здрави в Новгород». В *Троицкой*: «Пройдоша Волгой из Новагорода из Великаго 150 *ушкуев* (лодок) Ноугородци разбойници *ушкуйници*, избиша Татар множество, Бесермен и Ормен в Новегороде в Нижнем, жен и детей, товар их пограбиша, а съсуды (суда) их, *кербати* и лодьи и учаны и *пабусы* и струги, то все посекоша, а сами отъидоша в Каму, и пройдоша до Болгар, такоже творяще и воююще.— Того же лета (1366) на зиму от Князя изымаша Василья Даниловича с сыном на Вологде, а он шел с Двины, а того бяше не ведал, не стереглъся. В лето 6875 посылаша Новгородци послове к Вел. Князю, и докончаша мир; и Князь отпусти Василиа и сына его Ивана, и Наместника своего присла в Новгород».

[9] См. *Никон. Лет.* IV, 5 и 12. Еще в 1363 году Князь Василий Михайлович ходил с войском к Микулину, но помирился с Михаилом. В лето 6874 (1366) бысть розмирье Князю Василию, да Князю Иеремею (Константиновичу) со Князем с Михайлом Александровичем про удел Князя Семена Костянтиновича, и по Митрополичью повелению судил их Владыка Василей, и оправил Князя Михаила... В лето 6875 (1367) Князь Великий Дмитрий всех Князей Руских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся, и на тех нача посягати, тако же и на Князя Михайла Тверскаго; и К. Михайло пойде в Литву, а К. Василей и сын его, К. Михайло, и К. Иеремей приставом Митрополичьим позвали на Москву на суд перед Митрополита Владыку Василия, что их судил не по правде; и тако на Москве про тот суд Владыце сотворися протор велик, а во Тфери Житейским людем. Князь же Василей с своею Княгинею и с сыном Михайлом и с К. Иеремеем и со всею силою Кашинскою приехаша во Тферь, и велику погибель створиша людем; и к Городку ратью ходили, и испросили себе помощи у Князя Великаго Дмитрия, и не вземше взвратилися назад, извоевавше власти (волости) и села. Рать Московская и Волоцкая извоеваша села Тверския на сей стране Волги, церковныя и Св. Спаса Епископьи. Того жь лета в осенине, на завтрие по Дмитриеве дни, Князь Михайло Тферский, приехав из Литвы во Тферь своею ратью, и изнимал Княгиню Иеремееву и Княгиню Васильеву Елену и ее всех Бояр и Бояр дяди, и пошел ратью Литовской к Кашину, и сретиша его от дяди и от Владыки послы в Андреевском селе... и в том месте рать увернул, а под дядею мир взял со Князем с Великим, с Дмитрием... Князь же Михайло Княгиню Иеремееву отпусти, а на зиму о Крещении К. Михайло Васильевичь Кашинский от отца своего пришед с любовию ко Князю Михаилу Александровичу... Того же лета К. Иеремей сложи целование крестное ко Князю Михайлу и поеха на Москву».— Уделом Иеремеевым был *Дорогобуж*, ныне село *Дорожево* в Тверской Губернии.

[10] См. ниже мирный договор сего Князя с Димитрием.— В *Троицк.*: «Того же лета (1368) Кн. Вел. Дмитрий Иван., да

Алексей Митрополит зазваша Князя Михайла любовью на Москву, и бысть им *суд* на третей»: новейшие переписчики, не поняв сего выражения, прибавили: «на третей *день*»! Далее: «Князь Михайло тогды седел на Гавшине дворе... и внезапу приидоша от Орды Татарове, Карачь (в *Никонов.*: и Оандарь и Тютекаш) — они же, подумавше, и тако попускаша их (Михаила с Боярами) в свояси». В *Русск. Лет.* Львова: «укрепиша его крестным целованием». Далее см. *Никон. Лет.*

[11] В Родословных Книгах сей Василий несправедливо назван бездетным, вместо его внука, также Василия Михайловича.

[12] См. *Никон. Лет.* IV, 5, и *Больш. Чертеж*, стр. 162. Стриковский пишет (*Хрон. Литов.* кн. XII, гл. 2), что Ольгерд с пломянниками своими, Александром, Константином, Георгием и Феодором Кориатовичами, близ Синей Воды, в Подолии, разбив трех Князей Могольских, Кутлубака Солтана, Качибейкирея и Димейтера Солтана (будто бы еще в 1331 году) прогнал Татар в Крым и за Дон; что Кориатовичи, завладев Подолиею, основали там города *Бекоту*, Смотрич, *Каменец*, *Брацслав*, *Межибож*, *Теребовль* (разве только *возобновили*? ибо о сих городах упоминается в наших летописях XI, XII и XIII века) Винницу, Брезаницу, Хмельник; что Волохи избрали себе Георгия Кориатовича в Господари, но отравили его в Сочаве и погребли в каменном Васильеве монастыре за Берладом, и проч. Братья Кориатовичи, не довольные после дядею, прибегнули к Королям Венгерскому и Польскому. Феодор со многими Россиянами переселился в Венгрию, в Мункач где, называясь тамошним Герцогом, основал монастырь и церковь Греческой Веры (см. Базиловича Notit. Foundationis Theodori Koriatovits pro Religiosis Ruthenis in monte Csernek ad Munkacs).— Далее см. Нарушевича *Таврикию*, стр. 108, и нашей *Истории* Т. IV, примеч. 146.— Литовцы взяли Ржев в 1363 году. В *Никон. Лет.* без сомнения ошибкою стоит *Коршева*, вместо *Ржева*.— Далее: «К. Андрей Олгердовичь Полотский воева Ховрачь, да Родень» (Рудню в Смоленск. Губернии).— О Витовте см. Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 10. Он называет его обыкновенно *Витольдом*.

[13] «Обычай бо бе Ольгерду, егда куда поидяше на войну, тогда никому же неведущу воином его, камо хощет ити ратью, ни иным опришним или внешним, или иноземцом, или гостем, да неуслышана будеть дума его в ушью иноземцем, и таковою хитростью Олгерд многы земли поимал, не толма силою, елико уменьем воеваше».

[14] Князь Симеон убит в области *Холхле*. Он был праправнук первого Князя Стародубского, Иоанна Всеволодовича.— Город Оболенск (ныне слобода в Калужской Губернии, на реке Наре) принадлежал к древней стране Вятичей, и следственно к областям Черниговским. Отец Константина Оболенского, Юрий Торусский, в Родословных Книгах назван сыном Св. Михаила Черниговского!! Довольно, что он происходил от Михаила.— Тростенское озеро находится в Москов. Губ., в Рузском уезде.

[15] «Примета деля», сказано в летописях — то есть, чтобы осаждающие не могли сделать примета к стенам городским. В *Троицк.*: «Олгерд стоял около города (Кремля) 3 дни и 3 нощи; останок загородья пожже.... Толь велико зло от Литвы не бы-

вало в Руси, аще и от Татар бывало; от Федорчюковы рати (в 1327 году) до Олгердовы лет 41».

[16] *Лет. Псков.*: «В лето 6870 пригнавше Немци избиша на Лидве неколико голов Псковскых, а на миру, и Пьсковичи прияша гостей Немецкых, и много на них сребра поимавше, отпустиша на другое лето». В *Новогород.*: «В лето 6871 приездиша послове Немедьскии, Юрьевъскии и Велневедскыи (Феллинские) в Новъгород на смолву с Плесковичи; такоже и Плесковичи приидоша в Новгород, и повествовавше много, поидоша прочь, а миру не докончав. Приимаша гость Новогородский в Юрьеве.— Того же лета ходивше Новогородци и послове из Кôнцев по Боярину в Юрьев в Неметский, и смолвиша Немець с Плесковичи в любовь, и бысть между ими мирно, и Плесковичи пустиша от себе Немецкой гость, а Немци Новогородский».— В Псковской: «В лето 6876 (1368) приеха посол от Князя Великаго Никита, и быв в Юрьеве многы дни, и не учинив ни мало на добро ничтоже, приеха в Псков, а за ним наборзе рать Немецькая прииде к Пскову Сент. в 24, и пожгоша Запсковие и *полонище* (по древнему *болонье*) и тоя же нощы отбегоша, а на миру... Тогда не бысть в граде Князя Александра, ни Посадьников, но по селом в разъезде». В одной краткой летописи сказано: «В лето 6882 (1374) прибеже Князь Александр *Полотский* в Плесков». Более ничего не знаем о сем Князе, вероятно, происшедшем от древних Князей Рогнедина племени. Далее: «В то жь время иная рать Немецкая ходиша *тороном* (набегом?) около Велья и по Залесью, и неколико мужей гнашась в след их, и тамо побиша многых добрых людей. И Псковичи с Кн. Александром идоша к Новому городку (Нейгаузену) Немецкому, а Селило Щертовскый с дружиною отъехаша тороном к Кирьепиге (Kirumpiä, близ Верро) и внезапу удари на них рать Немецкая, и ту убиша Селила... (по *Никоновской*: и Новогородскаго храбраго Захарью Давидовича со всем полком)... А Псковичи, видяще немощь свою, похранивше битыя, возвратишась. В лето 6877 (1369) приидоша Немци к Изборску в велице силе, с порокы, со възграды, с бораны, хотяще разорити град и дом Св. Николы, и стояша 18 дний, порокы шибающе, возграды привлачюще, и тлъкуще в стену... Тогда же приспеша Новгородци; Немци же побегоша. В лето 6878 (1370) приидоша Немци ко Пскову, и стояша 3 дни, и убиша на Запсковьи Якима Троидилова, Артемиа Дианова брата, а Луку живого емше сведоша и тамо замучиша... и отъидоша прочь; а на зиму Псковичи, подъемше Новгородцев, идоша в землю Немецкую к Новому городку: Новгородци же стояьше 3 дни, отъидоша взад. Псковичи же тогда шедше к Кирьипиге, загониша посад и зажгоша, а Немец избиша, а инии в погребех потхошась, и тако възвратишася с множеством полона. Бысть же сие розратие Псковичем с Немци по 5 лет про обидное место про Жалачко. Много же бед в та лета претръпеша, болезньми и мором и ратми. Тогда же мир взяша с Немци».— В *Новогород.*: «Лета 6875 (1367) не беша пословици (согласия) Псковичем с Новгородци, и рать Немецкая воеваша волость всю Псковскую... И прислаша в Новъгород Псковичи с поклоном, ркуще: господо братие! како печалуетеся нами, своею братьею молодшею? А в то время приняли гость Новогородскый в Юрьеве, а Новогородци прияли гость Немецкий; нъ толко бяше не разверъжено крестное целование с Немци,

и за то не въседоша Новогородци по Псковичах... а на зиму бяше послали Саву Купрова в Немец. землю послом... В лето 6876 (1368) приходиша Немци ратию великою, и Бискуп и Местер, и Кумендери под Изборескъ... На ту же зиму прииде Князя Вел. брат Володимер в Новгород... В лето 6878 ходиша Новогородци с Плесковичи к Новому городку Немецкому, и отъидоша не вземше, занеже бяше тверд» (в *Троицкой* поставлено здесь имя *Орешка*; но Орешек принадлежал Новугороду)... «В лето 6879 (1371) ездиша на съезд Юрьи Ивановичь Посадник Новогородский, Селеверст Лентиевичь, Олисей Тысяцкой, Олександр Колыванов, Борис Конюшковичь, и докончаша мир с Немци под Новым городком». См. Арнта Lief. Chr. и Кельха Gesch. г. 1363 и след.— Арнт, поверив Бреденбаху, сочинившему Bellum Livonicum anni MDLVIII, пишет, что *Московский Царь* в 1381 году с 300 000 воинов осаждал Нейгаузен: что начальник сей крепости, усердно молив Бога об ее спасении, на восходе солнца пустил в осаждающих стрелу, которая пронзила сердце Русскому Государю; что Москвитяне немедленно отступили; что лук упомянутого начальника Нейгаузенского висел в главной церкви Дерптской, и что Царь Иоанн Васильевич в 1558 году увез его с собою в Москву, взяв Дерпт. Не в 1381, а в 1370 году Россияне осаждали Нейгаузен: тут не было ни *Царя*, ни *трех сот тысяч*.

[17] «Тое же зимы (г. 1368) Князь Великий Дм. Ив. отступился Градка и всея части Удела Княже Семенова Князю Михаилу, и Князя Иеремея отпустили во Тверь» (*Никон. Лет.*). «Тогожь лета (1370) Князь Великий, послав на Тферь ко Князю Михаилу, целование сложил по Госпожине дни на третий день, и К. Михайло с того розмирья поехал в Литву. Князь Великий повеле воевати Тферь; а по Семенове дни, паки собрав воя многи, сам ходил ратью», и проч.— Имя *Золотой* Орды находится в *Большом Чертеже*, а в летописях его нет.— В *Троицк.*: «В лето 6878 (1370) Мамай у собе в Орде посадил Царя другого, Мамант-Салтан».— Послом Ханским с Михаилом (в 1370 году) был Сарыхожа.

[18] См. *Никон. Лет.* г. 1369, и Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3.— Ольгерд приступил к Волоку 26 Ноября 1370 году: *Никон. Лет.* ставит здесь год 1371, начиная его с Сентября месяца; а современные Летописцы все еще продолжают оный до Марта.— О Князе *Березуйском* сказано: «прежде много мужьствовах на ратех и много храбровах на бранех; и тако положи живот свой, служа Князю верою». Следственно, вопреки Родослов. Книгам, Березуйские происходят не от Юрия Святославича Смоленского, княжившего при сыне Донского.

[19] До Петрова дни.— О замыслах Ордена см. *Никон. Лет.* IV, 28. Там же о тогдашней зиме: «Снег сшел весь в Великое говение на Федоровой недели во Вторник, а в осенине той хлеб пошел под снег, и сжали люди хлеб в Великое говение, как снег сшел, где рать не была Литовская».— Только в *Никон. Лет.* сказано, что Михаил заключил в сие время особенный мир с Великим Князем.— В одной краткой летописи находится еще следующее известие о сем Литовском нашествии: «Ходил Ольгерд и К. Святослав Смоленский ратью на Москву, и бысть в 3 час нощи по всему небу аки кровь, и по земли снег аки кровав; и взя В. К. Святослав Поротву, и отпусти вся люди тоя земли к Смоленску с Воеводою своим Возгривцем, а сам иде к Москве, и гнавше Мо-

жаичи и побиша Смолян на лесе на Болонском, а полон весь отъяша; тогда же и Верею (Ольгерд и Святослав) взяша».

[20] *Никон. Лет.* г. 1371.— Сарыхожа уехал от Михаила с Мологи, а Михаил возвратился в Тверь чрез Бежецк Маия 23.

[21] С Димитрием поехал в Орду Князь Андрей Ростовский.

[22] В *Троицк.*: «Бысть знаменье в солнци: места черныя аки гвозди; а мгла велика стояла поряду с два месяца, и толь велика, яко две сажени пред собою не видети было человека в лице; а птицы по воздуху не видяху летати, но падаху со вздуха на землю, и тако по земли пеши хожаху. Бяше же тогда жито посохло, а лесове и борове, и дубравы, и болота погораху; инде же и земля горяше». Такая же засуха была и в 1384 году (см. ниже, примеч. 137). В *Никонов.* сказано, что Михаил, взяв и Кострому, оставил там своих Наместников.

[23] Когда Мамай, перед Донскою битвою, объявил Димитрию, чтобы он платил Хану дань времен Чанибековых, тогда Великий Князь ответствовал: «готов платить, но единственно ту дань, во коей мы с тобою условились»: следственно меньшую.— Далее см. *Никон. Лет.* IV, 30, 31, который два раза говорит о К. Иоанне Михайловиче, сказывая, что Димитрий в 1371 году вывез его с собою из Орды; что в 1372 послы Великого Князя привезли его же от Мамая, и что сей юный Князь был содержим в Москве весьма строго до 1373 года, когда Михаил помирился с Димитрием. В *Троицк.* же и в других летописях сказано так: «седел (Иоанн Михайлович) у Алексия Митрополита на дворе, и тако пребысть *неколико время*, дондеже паки выкупиша его». Сын Михаилов без сомнения уже был свободен, когда Димитрий в 1372 году заключил мир с Ольгердом и Тверью под Любутским: ибо в договоре (см. ниже) не упоминается об Иоанне.

[24] Сражение было на Скорнищеве. О глупых прибавлениях *Никон. Летописца* не упоминаю.— Войско Димитриево вышло из Москвы 14 Дек.— Далее в *Никон. Лет.* сказано, что Олег пленил *зятя своего*, Владимира Димитриевича, и подчинил его себе.

[25] *Никон. Лет.* говорит, что Михаил Тверский в сем 1372 году посылал своего племянника, Димитрия Иеремиевича, с Воеводами на Кистму; что они пленили сыновей Воеводы *Андрея*, Давида и Бориса *Ивановичей*; что Михаил Васильевич Кашинский отказался от союза с Тверским Князем и взял сторону Великого Князя, и проч.— В *Троицк. Лет.*: «Литва и Ляхи и Жемоть придоша изгоном (к Переславлю) по Велице дни на другой недели во Вторник (или в Среду на Фоминой неделе, как в других летописях) на заутрие по *Радунице*, в то время, егда обедню поють». *Радуницею* назывался, думаю, какой нибудь языческий праздник у наших древних Славян в начале Апреля: ибо Пасха была в сем году 28 Марта. В некоторых списках (в *Троицк.*, в *Ростовск.*) поставлен здесь несправедливо 1373 год. В других именно прибавлен *десятый Индикт*, который ответствует году 1372: с чем согласен и *Новогород. Лет.* Далее: «Князь Кестутей от Кашина пойде по Новоторжским волостям, мимо Торжек, со своею Литвою, а Кн. Андрей Полотский и со Кн. Димитрием Дрютским мимо Тверь идоша, и много зла сотвориша».

[26] Договор Новогородцев с Михаилом Александровичем находится в Архиве Иностран. Коллегии под № 8. Сверх обыкновенных условий там сказано: «без Новогородьскаго ти слова, Княже,

войны не замышляти... А что ти грамот крестных Новугороду с всими городы с Немечкыми, на те ти грамоты, Княже, не наступатися; а Новгородьской ти души блюсти». К грамоте привешены две печати свинцовые: Посадникова и Тысячкого, Матвея *Фалелевича*. В начале не упомянуто о Владыке: «Поклон от Посадника и от Тысячьскаго и от всих», и проч.— В *Новогород. Лет.*: «о Петрове заговеньи Новогородци, Великаго Князя мужи и Бояре Новогородские приехаша в Торжек города ставити». Сообщаем здесь условие Димитрия с Новогородцами, выписывая его из Пушкинского собрания Двинских грамот.

«Се приехали ко мне, к Великому Князю Д. И. всеа Руси, от отца моего Владыки Олексея и от Посадника Юрья, от Тисяцково Олисея, и от всего Новагорода Иван Посадник, Василей Федоров, Иван Борисов, а от черных людей Воислав Поповичь, Василей Огафонов. Кончал есмь с своими мужи в одиначество: целовали есмы крест с своим братом, со Князем с Володимером Андреевичем; а на том к нам целовали крест Иван Посадник, Василей Федоров, Иван Борисов, Воислав Поповичь, Василей Огафонов, на том целовали крест ко мне, ко Князю к Великому к Дмитрию Ивановичу всеа Руси, и к моему брату, ко Князю к Володимеру, в одиначество всему Новугороду: аж будеть обида со Князми Литовскими, или с Тферским Князем с Михайлом, Новугороду всести на конь со мною, со Князем с Великим, и с моим братом, со Князем с Володимером, с одного; а коли будеть мне, Великому Князю Д. И. всеа Руси, и моему брату, Князю Володимеру, всести на конь на Князя на Литовскаго, или на Тферскаго на Князя на Михайла, мне Князю Великому самому быти в Новегороде, а любо брата ми послати, Князя Володимера в Новгород; или будеть обида Новугороду с Литовским Князем, или с Тферским Князем с Михайлом, или с Немци, мне, Князю Великому Д. И. всеа Руси, и моему брату, Князю Володимеру, всести по Новегороде с одного по целованью; а доколе ся Новгород с Литовским Князем и со Тферским Князем Михайлом не умирить, или с Немци, мне Князю Великому и моему брату, Князю Володимеру, Новагорода не метати: любо ми самому быти Князю Великому в Новегороде, или брата пошлю, доколе Новгород умирю; а пойдеть на пас рать, ехати ми от вас или брату моему без хитрости; а то нам не в измену; а Княженье бы Великое мое держати честно и грозно без обиды; а мне, Князю Великому Д. И. всеа Руси, держати Новгород в старине без обиды».— Упомянутые здесь чиновники, Посадник Юрий и Тысячский Елисей, правительствовали в Новегороде в 1371 году (см. *Новогородск. Лет.* г. 6879). В следствие сего условия Кн. Владимир Андреевич в 1373 году приезжал на несколько месяцев в Новгород (см. ниже, примеч. 137, под годом 1373).

[27] «И жда от них (Михаил) мира до утра и до полудне; и бысть между ими раздоря, и смятеся весь град, и посылаху послы со ответы, а все с высокоумием.... Туже на первом соступе убиен бысть Воевода Новогородский Александр Абакуновичь, Иван Тимофеевичь, Иван Шахов, Григорий Щебелков.... Инии, вбегше в церковь Св. Спаса, ту задохшася... а жен и девиц одираху до последния наготы, рекше и до срачицы (иже и погании тако не творять): и те истопишася в реце срама ради».

[28] «Совокупишася под *Любутском*»: ныне село Любудское в Калужском уезде.

[29] См. сию грамоту в *Древн. Рос. Вивлиоф.* I, 88. Кроме Олега и Владимира Пронского (умершего в том же году по *Ник. Лет.*), в ней упоминается о Князе Рязанском *Романе*, для нас неизвестном; а Кн. Димитрий Брянский был сын Ольгердов. С Литовской стороны заключали мир Кн. Борис Константинович, Кн. Андрей Иванович, Кн. Юрий Владимирович, Димитрий Обиручев, Меркурий, Петр и Лукьян; а с Московской стороны Димитрий Михайлович (Волынский), Иван Михайлович, Дмитрий Александрович, Иван Федорович. В конце сказано: «со Ржевы до исправы не сослати»: кого же? Литву или Россиян? — Надобно думать, что Михаил Тверский заключил тогда особенный договор с Димитрием.

[30] Стриковск. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. Он называет Великого Князя Димитрием *Семечком* (Симеоновичем?) и полагает, что Ольгерд ходил к Москве в 1332 году!!

[31] В *Троицк.*: «Новгородци Нижнева Новагорода побиша послов Мамаевых, а с ними Татар тысящу, а старейшину их Сарайку яша и приведоша их в Новгород Нижний и с его дружиною... В лето 6883, Марта 31, в Новегороде в Нижнем Князь Василий Дмитриевичь Суждальский повеле Сарайку и его дружину розно розвести.... и пришед стрела, коснуся Епископа перьем, вскрай подола крил манатьи его... А в то время быша Князи на съезде».— *Никон. Лет.* говорит, что в 1373 году многие Князья Ординские погибли от междоусобия; что область Рязанская в том же году была разорена Мамаевым войском; что Вел. Князь все лето стоял с полками на берегу Оки, куда пришел к нему и Кн. Владимир Андреевич из *Нижнего*; что они не пустили Татар за Оку; что в 1374 году свирепствовал мор в улусах Ханских, и что Димитрий находился в вражде с Мамаем. Сии известия кажутся отчасти несправедливыми. Владимир Андреевич, после войны Литовской, жил одно лето в Новегороде Великом до Июля месяца (см. ниже, примеч. 137, под годом 1373), а в следующее занимался строением Серпухова: когда же мог простоять *все лето* на берегах Оки? Татары опустошили Рязань не в 1375, а в 1378 году.

[32] См. сей *Истории* Т. III, стр. 293, и Т. IV, стр. 170. В летописи: «Того же лета (1374), Сент. в 17 день, преставися на Москве последний Тысяцкой, Василий Васильев сын Веньяминовича (или Вельяминовича) в Чернце и в Схиме, и положен бысть у церкви Богоявления». Далее Некомат назван *Сурожанином*: так именовали у нас купцев торгующих шелковыми тканями, привозимыми из Азова, от Генуэзцев: море Азовское, как мы уже заметили, называлось в старину [1*]*Сурожским*, от города *Сурожа* или Судака[1*] (см. ниже, примеч. 133). Доныне ряд, где продаются шелковые материи, известен в Москве под именем *Суровского*.— Далее: «Князь же Михайло посла их (Ивана и Некомата) в Орду на Федоровой недели, а сам на Крестопоклонной еха в Литву, и тамо мало пребыв и приеде во Тферь; а Некомат прииде из Орды Иулиа в 14 день, а с ним посол Ачихожа от Мамая со ярлыки к Михаилу на Вел. Княжение... Михаил же того же дни посла к Москве к В. К. Димитрию сложити крестное целование».

[33] С братьями Борисом и Димитрием Ногтем (см. *Троиц. Лет.*), и с сыном Симеоном.— Иоанн Васильевич Смоленский должен быть сыном Василия Иоанновича, брата Святославова.— Ва-

силий Васильевич Ярославский есть внук Давидов. Меньший брат сего Василия, Роман, как сказано в Родослов. Книгах, построил город Романов.— Князь Феодор Моложский был сын Михаила Давидовича, следственно двоюродный брат Василия Васильевича Ярославского.— Феодор Белозерский внук Михаила и правнук Глеба Васильковича, первого Князя Белозерского.— Михаил Васильевич Кашинский преставился в 1373 году. В *Никонов.*: «сын его, Князь Василей, по единому слову с бабою своею, со Княгинею Еленою, и с Бояры приехал во Тверь к Вел. Князю Михайлу с челобитьем, и вдашась в волю его.... Князь Василей Кашинский (в 1374 г.) побежал со Твери на Москву к Вел. Кн. Дмитрию».— Андрей Феодорович Стародубский внук Иоанна Калистрата Стародубского.

[34] *Никон. Лет.* IV, 5.— О войне: «Все Князи Рустии, кийждо со своими полки, служаще Вел. Князю Димитрию, начаша воевати волости Тферская; такоже и со всех порубежных мест приидоша на помощь Вел Князю ктожь от себе: Кашинцы и Новоторжцы... Авг. в 1 день взяша городок Микулин... Стоящим же ратем 3 дни, и на четвертый день, в Среду рано, приступиша ко граду, и туры прикатиша, и примет приметаша около всего города, и поидоша биющеся ко Тмацкым воротам; мост же и стрелницу зажгоша... И убиша ту Семена Ивановича Добрыньского... и к вечеру отступиша от града. Тако же и на другий день оступиша град и от Волги, и тако по многи дни бияхуся.— А Новогородцы стояли под Тферию 4 дни».— В *Никон. Лет.* сказано, что Вел. Князь взял, кроме Микулина, Зубцев и Белград.

[35] *Древн. Рос Вивлиоф.* I, 78. Сия грамота находится в Архиве не подлинная, и список ее даже неисправен; а в печатной прибавлены еще некоторые ошибки: на пример (стр. 81) вместо *рубежа* поставлен *грабеж.*— Заметим следующие места: «*Выходом* ко Тфери Кашину не тянути»; то есть, Михаил не должен был требовать дани с Князя Василия для Хана.— «А в *Рокитну* ти (Михаилу) ся не вступати: что потягло ко Княженью к Великому.— Отдати ти (Михаилу) все по Семене дни за неделю» (все отнятое у подданных Димитрия).— «Что мы у тобе (ныне) повоевали и поимали, а тому всему межи нас *погреб*» (предается забвению).— «А как еси взял Торжёк, а кто ти ся будеть продал пословицею (из) Новоторжан *одернь* (в крепость), тех ти отпустити, а грамоты *дерноватыи* (крепости) подрати.— А почнуть твои искати перед наши Наместници или перед волостели, хоженого в городе *алтын*, а на правду (суд) два; а дальний езд верста по *резани* (за дорогу), а на правду вдвое.— Холопа выдати осподарю, а с головы дати пошлины гривну, а с семьи четверть» (рубля).

[36] Сих грамот три. Первая: «От Посадника от Михаила, от Тысячкого от Матфея, от Бояр и от *Житьих людей*» — вместо древнейших *Огнищан*: см. нашей *Истории* Т. II, примеч. 67, Т IV, примеч. 306, и ниже, примеч. 106 — «и от чорных людей, и от всего Новагорода. Послаше Новгород Юрья и Якима к Князю к Михайле на Тферь, а велеле мир имати на сем, аже братью нашю попущати без окупа, Новгородских Бояр, и Новоторских Бояр, Житьих людей и чорных людей, а сирот Новгородской волости, и Новоторьской волости, или хто дан на поруке Новгородеч или Новоторжанин, а с тых порука на землю (прочь), или кого к челованью привел, а с тых челованье на землю, или гра-

моты *дерноватыи* на кого пописал, а те грамоте подереть. А что Князь Михайло товар порубил (захватил) братьи нашей до Новоторьскаго взятья, а того товара весь Новгород велел Юрью и Якиму отступитися. А что товар Новгородской и Новоторьскый в Торжку взят в полон, а того товара весь Новгород велел Юрью и Якиму отступитися. А земле и воде старый рубежь по старым грамотам. А Наместникы свои с Торшку сведет. А на сем повелеше весь Новгород Юрью и Якиму мир взяти с Князем с Михайлом, а повелеша печати приложити изо всих пяти Кончев к сей грамоте. Аже Князь Михайла почнеть послове свои слати в Новгород, Новгород повеле Юрью и Якиму послове Михайлове поняти в Новгород».

К сей грамоте приложены одиннадцать печатей свинцовых с изображением следующих слов: 1) *Новгорочкая печать* [2*]–и *Посаднича* –[2*]. 2) *Печать Матфея Фалелевича Тысячкого* [3*] *Новгорочкого* [4*]. 3) *Печать Селивестрова* (на другой стороне образ какого-то Святого). 4) *Филипа Тысячкого* (на другой стороне образ с надписью Филип). 5) *Яковля печать Посадника Новгорочкого* [5*] (на другой стороне образ Святого Георгия). 6) *Печать Ондреянова, Посадника Новгорочкого* (на другой стороне образ Спасителев). 7) *Юрьева печать Ивановича, Посадника Новгорочкого* [6*]. 8) *Печать Онисиева* [7*], *Тысячкого Новгорочкого.* 9) *Печать* [8*]–*Евана Еремьинча* –[8*] (на другой стороне изображение воина). 10) *Семенова печать Ондреивича* [9*]. 11) *Степанова печать* (на другой стороне изображение воина). Вторая и третья грамоты напечатаны в *Рос. Вивлиоф.* I, 31 33. Во второй «Се доконча К. В. Михайло А. Тферскый [10*], прислав своего посла в Новгород Михайла Костянтиновича [11*], с Архиепископом [12*] Новгородскым [13*], с Владыкою Олексеем [14*], с Посадником с Юрьем, с Тысячьскым [15*] с Матвеем и со всим Новымгородом». Далее сказано, что прежний договор сим уничтожается: «что послове Княжи Михайлове [16*] человали [17*] крест к Новугороду, с тых Новгород челованье [18*] снял; а что человали [19*] Новгородскые [20*] послове к К. Михайлу, то челованье [21*] К. Михайло снял..... Что товар поиман у Новгородскых [22*] купец *рубежем* (насилием) до Новоторжскаго взятья, тот товар подавати купцам все по челованью [23*].... А кто на се целованье наступит, на того Бог и Св. Богородица». У сей грамоты привязаны 3 свинцовые печати: Посадникова, Тысячского и Архиепископова.— В третьей грамоте: «которая села покуплена при Князи при Александре (Невском), при Ярославе при Василье, при Дмитрие, при Андрее, на тех селех куны (выкупить оные)... а земля к Новугороду». Видно, что Князья, не смотря на всегдашнее обещание возвращать купленные села Новугороду не исполняли оного.

[37] «Князь же Великий, не хотя видети разоренья граду, не хотя видети кровопролитья Христианскаго», и проч.— *Никон. Лет.* говорит, что Ольгерд, раздраженный союзом Князя Смоленского с Димитрием, разорил области первого, а Татары Новосиль.

В *Троицк.*: «Того жь лета (1379), Авг. в 30 день, во Вторник до обеда, в 4 час дни, Иван Васильев, сын Тысяцкаго мечем потят бысть на *Кучкове поле* (где ныне монастырь Сретенский: см. ниже) у города Москвы, повеленьем Князя Великаго». Вот первая *торжественная* казнь, о коей упоминают наши Летописцы. *Никонов.* прибавляет, что сей Иван Васильев Веньяминов

на пути из Орды был обманом задержан в Серпухове и привезен в Москву.— Некомата казнили в 1383 году: «тое же зимы убьен бысть некий *брех* (вздорной человек?) именем Некомат, за некую крамолу бывшую и измену». *Никон. Лет.* вздумал назвать сего изменника Коматом, *Князем Литовским.*

[38] См. Родослов. Книги о роде Волынских. Потомки Святополка-Михаила имели свои Уделы в Волынии, в Турове, Пинске.

[39] «К. Димитрий Константинович после брата своего Бориса и сына своего Василия со многими силами (с ними же и посол Царев, Ачихожа) на Болгарскаго Князя Осана... и на княжении посадиша Салтан-Бакова сына». В *Никон. Лет.*: («посла на Болгары, рекше на Казань».— Димитр. Констант. Суздальский посылал с войском Московским сыновей своих, Василия и Иоанна.

[40] См. *Сказание о Царстве Казанском.* Автор пишет о себе: «Случи ми ся пленену быти варвары и в Казань сведену... и взят мя Царь себе и сотвори мя пред лицем своим».— О значении слова *Казань* см. Лызлова *Скифск. Историю.* Он говорит, что Казань строили наши работники.

[41] Hist. des Tat. стр. 452.— Впрочем и другие новейшие Ханы прилагали к имени своему название *Саин*, которое видим на монетах Татарских XIV века (см. St. Petersburg. Journ. г. 1781, II, 34).

[42] «А *Дарагу* и таможника посадиша». В ярлыках Ханских часто упоминается о чиновниках *Дарагах* или собирателях пошлины.

[43] В *Нижегородск. Лет.* Симеон назван *Димитриевичем.* О прежних неприятельских действиях Татар см. выше, примеч. 31.

[44] См. *Ник. Лет.* IV, 51.— Оплошность Россиян описывается так: «Поведаша им Царевича Арапшу на Волчьи воде. Они же оплошишася и небреженьем хожаху: доспехи своя вскладоша на телеги, а ины в сумы, а у иных сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ездять порты свои с плечь спускав, а петли ростегав (у *Ник. Лет.* в охабнех и сарафанех) аки роспрели: бяше бо им варно; а где наехаху в зажитьи мед или пиво испиваху... по истине за *Пьяною пьяни* (в некоторых летописях: пословка и доныне зовется: за *Пианою пиани*)..... И доидоша наши *пару* (т. е. увидели пар неприятельского стана), и абье погании борзо ударишa... Князь же Иван Дмитр. вержеся на коне в реку, и ту утопе... Ся же злоба здеяся в Неделю, в 6 чяс дне о полдне..... Горожане же Новгородъстии разбежашася в судех к Городьцу... Татарове же приидоша к Новуг. Нижнему Авг. в 5 день в Середу... И сгорело церквей в граде 32... Отъидоша погани от града в Пятницу... Того же Авг. приеха Кн. Василий Дмитриевич из Суждаля в Н. Нижний, и посла выняши из реки брата своего, и привезоша его в Новгород, и положиша в церкви каменной Св. Спаса в притворе на правой стороне, за неделю по Оспожине дни, Авг. 23».

[45] «Того же лета Арапша пограби Засурье все и огнем пожже». *Ник. Лет.* прибавляет, что сей же Царевич Волжской Орды умертвил многих наших купцев, ограбив их и ходил опустошать Рязань. Абульгази (Hist. des Tat. стр. 495) говорит, что Хан Фулат, который господствовал между Яиком и Сыром, имел сына Arab-Schah: вероятно, сего Арапшу.

В *Лет. Нижегород.*: «В то же время в Нижн. Новегороде был гость Тарас Петров сын; больше его из гостей не было. Откупил он полону множество всяких чинов своею казною, и купил себе вотчины у Вел. Князя за Кудьмою рекою, на речке на Сундовике, шесть сел: *Садово* (в нем церковь Бориса и Глеба), да *Ряховское*, *Запрудное*, *Заляпчиково*, да *Мухарни*; а как запустел от Татар тот уезд, тогда и гость съехал из Нижняго к Москве». Далее в летописях: «тое же осени поганая Мордва ударишa на *уезд*». Древнейшие летописцы вместо *уезда*, обыкновенно употребляли ими *волости*.— О пленниках Мордовских: «и на льду волочаще их по Волге, псы травиша» (Россияне): не мертвые тела, а живых.

[46] «Град (Татары) пожгоша в самый в Боришь день, а на заутрие отъидоша, и повоеваша Березово поле и уезд весь. Тогды у Св. Спаса иконы пожгоша и двери выжгоша, иже чудно бена устроены медью золоченою».

[47] Имя *Окольничего* произошло от слова *около*: то есть сии чиновники были *около* Государя. Изъяснения Татищева несправедливы. Окольничий мог быть и воином и судею и Министром, уступая в старшинстве одним Боярам.— Упоминаемый здесь Даниил Пронский нам неизвестен по Родослов. Книгам.— О сражении: «А се имена убитых Князей: Хазибей, Коверга, Карагалук, Кострок, Бегичка». С нашей стороны были убиты Димитрий Монастырев, да Назар Данилович Кусаков. В *Троицк. Лет.* названы здесь Татары *Половцами*.

[48] Кн. Моис. IV, 14, 10.— В *Троицк.*: «егда бысть побоище на Воже с Бегичем, изнимаша на той войне некоего Попа, от Орды пришедша — (в *Никон.* прибавлено: «Ивана Васильевича Тысяцкого: бе бо тогда Иван в Орде») — и обретоша у него злых зелий лютых мешек и много истязавше его, послаша его на заточенье на Лаче озеро (в Олонецкой Губернии), иде же бе Данило заточеник».— Далее: «Измаильтяне (Татары) прибегоша в Орду к своему Царю, паче же к пославшему Мамаю: понеже Царь их не владеяше ничим же, но всяко старейшинство держаше Мамай». Здесь Летописец называет Вельмож Татарских *Альпаутами* [24*].

[49] «Татарове же Переславль Рязанский взяша и огнем пожгоша, и волости повоеваша, а люди много посекоша и в полон поведоша». В *Никон.* сказано, что они сожгли и город *Дубок*, и что Олег бежал на сю сторону Оки.

[50] «Княгиня же Иулиания, видя мужа своего Олгерда, последнее дышуща, и зело печаловашеся о его спасении, и созва сыны своя, и отца своего духовнаго призва, Давида Архимандрита Печерскаго и увеща своего мужа, и Божиим посещением сподоби его святаго крещения... и святою Схимою того украсивше... и по малех днех преставися, и положиша тело его в церкви Пресв. Богородицы в Вилне, юже *сам созда*. По сем же супружница его Иулиания преставися, и в той же церкви погребоша тело ея... Бысть у Олгерда от первыя жены 5 сынов: Корибут, Скиригайло, Кирисайло, Свитригайло, Минигайло; от вторыя жены 7 сынов: Андрей Полоцкий, Владимир Бельский (после Киевский), Иван Острожский, Яков (Ягайло), Легбен (Лугвений) Волынский, Василий Черторижский, Оленко (Олелько) Киевский». Стриковский же называет сыновей первой Олгердовой супруги так: Владимир, Иоанн Зедзевит Подольский, Симеон

Лингвений Мстиславский, Вигунт, Андрей Полоцкий, Константин Чарторийский, Феодор Сангуско; а сыновей Иулиании: Ягайло-Владислав, Скиргайло-Казимир, Свидригайло-Болеслав, Корибут-Димитрий, Димитрий, Вигунт-Василий.

Далее в летописи: «Того же году (1347) убиен бысть от Олгерда Круглец, нареченный во св. крещении Евстафий, за Веру Христианскую, и положен бысть у Св. Николы в Вильне со сродники своими во гробе, с великими Мученики Антонием и Иоанном, иже пострадаша за правоверную же Веру». См. их житие в Минеях, Апр. 14; см. также Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3.— Кестутий признал Ягайла Великим Князем Литовским; сведав же тайные злоумышления сего неблагодарного племянника, пленил его в Вильне; но возвратил ему свободу и дал Княжество Витебское, оставив за собою Литву. Вероломный Ягайло скоро нашел способ заманить дядю в сети, и Кестутий был удавлен в темнице.

[51] «Того же лета (1376) Князь Великий послал брата своего, Князя Володимера Андреевича, ратью ко Ржеве: он же стоя у города 3 недели, посад пожже, а города не взя». Князь Волынский, ходивший на Литву с Владимиром, был Димитрий Михайлович, супруг сестры Великого Князя, Анны.

[52] То есть, с правом решить дела тяжебные и пользоваться доходами.

[53] См. *Степен. Кн.* I, 465: «Киприан же *отъиде с Москвы* в Киев».— В *Новогород. Лет.*: «Той же зимы (1376) присла Митрополит Киприян из Литвы свои послове и Патриарши грамоты к Владыце в Новгород, и повествует тако: благословил мя Патриарх Филофей на всю Рускую землю... И Новогородци даша ответ: посылай к Вел. Князю.... и Киприян не сла на Москву к Вел. Князю».

[54] «Беаше (Митяй) един от Коломенских Попов (по *Никон. Лет.* сын Тешиловскаго Попа Ивана, иже на реце Оке); телом высок, плечист, *рожайст* (раж), браду имея плоску и велику и свершенну; словесы речист; глас имея доброгласен, износящ; грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд; всеми делы Поповскими изящен и по всему нарочит бе; и того ради избран бысть изволеньем Вел. Князя во отьчество и в Печатники, иже на себе ношаше печать *Князя Великаго*».— В *Никон. Лет.*: «яко некий Царь величашеся, многи слуги и Отроки имея; по вся дни ризами драгими изменяшесь: никто же бе таковая одеяния ношаше».— Далее: «Старец Иван, нарецаемый *Непейца* Архимандр. Спасский, иже Бога ради оставль Архимандритью в старости глубоцей, и сниде в келью молчания». Митяя постриг Чудовский Архимандрит Елисей Чечетка.

[55] См. житие Св. Сергия в *Никон. Лет.* IV, 233.— Далее в *Троицк.* г. 6885: «Кн. Вел. Дмитрий Ив. просил у Алексия у Митрополита, дабы благословил Митяя на Митрополью. Алексий же не хотяше того створити, понеже *новоуку* сущу ему в Черньнечестве, да не впадет в пругло (сеть) Дьяволе. Князь же Великий много нуди Митрополита... Алексий же Митрополит, *умолен быв и принужен*, не посули быти прошенью его, но извествуя Святитительски, паче же пророчески, рече: *аз не доволен благословити его, но оже дасть ему Бог и Св. Богородица и Патриарх, и Вселенский Собор*..... Тое же зимы, промежу говенья, Февр. во 12, в Пяток, в Завьтреную годину, преставися

Преосв. Алексий Митрополит всея Руси, в старости честне и глубоце, быв в Митрополитех лет 24, и положен бысть на Москве в церкви Св. Архангела Михаила, честнаго его Чуда, иже сам созда обчий монастырь... Бяху же Епископи ставленья его Игнатий Ростовский, Василий Рязанский, Феофилакт Смоленский, Иван Сарайский, Парфений Смоленский, Филимон Коломенский, Петр Ростовьский, Феодор Тферьский, Нафанаил Брянский, Афанасий Рязанский, Алексий Суждальский, Алексий Новогородьский, Василий Тферьский, Данило Суждальский, Матфей Сарайский, Арсений Ростовский, Евфимий Тферьский, Дионисий Суждальский, Герасим Коломенский, Григорий Черниговский, Данило Смоленский... Бысть всех лет жития его 85; и заповеда Князю Великому положити внеуду церкви за олтарем, конечнаго ради смеренья. Князь же Вел. не всхоте положити кроме церкви таковаго господина честна Святителя, но в церкви близ олтаря положиша его. Князь же Вел. сам стояше над ним, такоже и брат его, К Володимер Андр., К. Василий, сын Кн. Великаго, шести лет сущу ему, а Князю Юрью Дмитриевичу три лет сущу».— В Синодал. библиот., № 473, в собрании разных творений есть список грамоты Алексиевой с оглавлением: «Граммата на паргамине Св. Алексия Митрополита, подписанная по-Гречески рукою его *свойственною*, обретающаяся в домовой казне Рязанский Митрополии; и печать привешена, на единой стране образ Богородицы, на второй тоежде подписание по-Гречески изваяно имущая». В начале так: «Благословенье Алексия Митрополита всея Руси к всем Крестьяном обретающимся в переделе Черленаго Яру, и по караулом возле Хопор до Дону, Попом и Дьяконом, и к Баскаком, и к Сотником и к Бояром. Молюся Богови и Св. Богородици, да будете душею и телом вси добри здорови, да исполнивали бы есте заповеди Божьи..... И приехал есмь к Св. Софьи в Митрополью всея Руси в Киев, и к всем Крестьяном обретающимся в всей Руской земли Пастух и учитель; и имею великую тягость на собе, что ми молвити и учити всех на вся душеполезная и спасеная. И того ради многажды и Феогност Митрополит писал к вам, к детем своим, елико есть на ползу душам вашим. Вы же, как то и время являеть, что моих слов и моего поученья не слушаете, но исполниваете волю телесную и дела темная, а слова моего не слушаете. Не ведаете ли, что все Руское земли Владыки под моею властью суть, и в моей воли, и яз их ставляю от благодати Пресвятаго Духа? Такоже и подана власть Владыце вашему..... К церквам всегда прибегайте с женами и с детми, и что имеете в руках, приносите к церквам и к Святым; а Священников и Мнихов любите, и просите молитвы их; вдовиц и сирот и полоняников и странных милуйте и призирайте; иже вь темницах, посетите..... О том же переделе по великую Ворону, возле Хопор до Дону по караулом, церкви, что тот передел, как то пишут грамоты брата моего Максима Митрополита и Петра и Феогноста, что сбором створили на Костроме, и Владыка Софоний дал грамоты из уст своих, что ему от тех мест по тем грамотам не лзе вступатися в тот передел чюжий; и явно есть, и вси ведають, что тот передел не Сарайский. И нынеже пак Владыка Афанасий Сарайский уведал то, видев грамот тех, и за вину его покажнен от Митрополита писаньем, отступился того передела и от сих мест Владыце Афанасию Сарайскому

нет власти в том переделе, но власть Рязанская, Попы и Дьяконы поставляющаго Владыки, и власть дающаго. И ныне послал есмь к вам Владыку Рязанскаго Василья с грамотою своею, и вы поминайте его, а пошлину церковную дайте ему по обычаю. Аже исполните, как то пишу к вам, душеполезная и спасеная, а грамоты послушаете, да пошлину церковную дадите, милость Божья и Святой Богородицы и мое благословенье да будеть с вами, и с женами вашими и с детми, и со всеми Крестьяны». Подпись: Ἀλέξιος ἐλέᾳ Θεοῦ Μητροπολίτης πασης Ῥωσσίας καὶ ὑπέρτιμος. То есть: «Алексий милостию Божиею Митрополит всея России, и пречестен».

[56] В *Троицкой.*: «с Попов дань сбираше, *Сборное* и *Рожественное*, и уроки, и оброки, и пошлины Митрополичи.... Но и еще дотоле, преже даже не пойде ко Царюграду, всхоте без Митрополита поставитися в Епископы» (а не в Митрополиты, как у Кн. Щербатова и Штриттера).

[57] «Князь же Великий отпусти Дионисья на том слове, што ти не ити ко Царюгороду без моего слова, но ждати до году Митяевы Митропольи. Дионисий же, с неделю не помедлив, бежаньем побежа ко Царюгороду». Он Волгою из Нижнего отправился в Сарай. *Никон. Лет.* говорит, что Митяй крайне негодовал за то на Сергия; а в житии сего Чудотворца сказано, что он, приписывая его внушениям и долговременное несогласие Св. Алексия дать ему благословение на Митрополию, грозился во гневе разорить обитель Троицкую, и что Сергий в духе пророчества объявил своим Монахам: «никако же ему Митропольскаго сана восприяти, но и Царскаго града не имать видети» (*Ник. Лет.* IV, 234).— Далее в *Троицк.*: «Дерзну Митяй просити паче силы прошенья, и рече Князю Великому: аще обретох благодать пред тобою, дай же ми прошéнье, да ми даси харатью ненаписану, а запечатану твоею печатью, да ю возму с собою в Царьград на запас, да коли что ми надобе, да то напишу на ней. И дал Кн. Великий таковую харатью не едину, и рек.: «аще будет оскудение или какова нужа, и надобе заняти тысячу сребра или колико, то се вы буди кабала». В 1379 году, во Вторник, Июля 26, Митяй или Михаил переехал Оку. С ним отправились Иоанн Архимандрит Петровский, Пимен Архим. Переславский, Мартин Архим. Коломенский, Дорофей Печатник (Митрополита), Сергий Озаков, Степан Высокий, Антоний Копье, Макарий Игумен Мисолинский, Григорий Диакон Спасский, Александр Протопоп Московский, Давид Протодиакон, крылошане Владимирские и проч.

[58] Сей ярлык напечатан, вместе с другими, в *Древн. Рос. Вивлиоф.* В начале так: «Мы Тюлюбек Царь Мамаевою мыслию дядиною»; а в других списках: «Тюляково слово Мамаевою дядиною мыслию». Содержание оного есть то, что Хан, следуя закону предков, освободил церковных людей в России от всякой дани, с условием, чтобы Митяй или Михаил, будущий Митрополит, молился за него Богу, и проч.— Далее в летописи: «Внезапу Митяй разболеся в корабли и умре на мори. Неции же поведаша, яко корабль тот тогда стояше на едином месте, и не поступая с места, ни семо, ни тамо, а вни корабли плаваху мимо. И вложиша Митяя в варку (барку), еже есть в меньшее судно, и привезоша мертваго в Галату».

[59] «Се бысть первый общему житью начальник на Москве». Иоанн говорит: «Аз не обинуяся възглаголю на вы, яко не истинствуете ходяще». Далее: «Позаймоваша оною кабалою серебра в долг на имя Князя Великаго у Фряз и у Бесермен в росты, еже и до сего дни тот долг растет».

[60] «Князь Вел. посла по него (Киприана) Игумена Федора Симоновьскаго, отца своего духовнаго, в Киев, зовучи его к собе на Москву; а отпустил по него о Великом заговеньи, и прииде Киприян Митрополит в *Четверг* шестой недели по Пасце, в самый праздник Възнесенья, и многу звоненью бывшу, и многу народу сшедшуся на стретение его. Князь же Вел. прия его со многою любовью... И минувшу седьмому месяцу, паки приде весть: се Пимин грядеть из Царяграда на Русь... На Коломне сняша с него клобук белый и розведоша около его дружину его, и думци его и клиросници, и отъяша ризницу, и приставиша приставника, некоего Боярина, Ивана Григорьева сына Чуриловича, нарицаемого Драницю, и ведоша Пимина с Коломны на Охну не заимая Москвы, а от Охны в Переяславль, а от Переяславля в Ростов, а от Ростова на Кострому, а с Костромы в Галичь, а из Галича на Чухлому, и тамо пребысть в оземствованьи лето едино; но от Чухломы выведен бысть на Тферь: Господня бо есть земля и конци ея!» — Великий Князь по *Троицк.*, *Ростов.* и всем летописям, кроме *Никонов.*, послал за Киприаном уже во время Царя Тохтамыша, и Киприан приехал в Москву в 1381 году.

[61] О Буртанах или Буртасах говорит Карпин: Brutaques, qu'on tient être Juifs, et qui portent la tête toute rase [Брутаки, которых считают жидами и которые бреют головы наголо] (см. Бержерон. изд. стр. 8). Доныне находится много Жидов в земле Черкесской; а Буртанами называется теперь особенный, неизвестного происхождения народ между Кубанью и Актаром, богатый медью и серебром.— Генуэзцы всегда именуются в наших летописях Фрягами.

[62] «Аз такоже хощу створити, аки Батый... Обогатеем Руским златом», и проч. В *Ростов. Лет.*: «Мамай же разгордевся мнев себе *яко Царя*»: следственно он, вопреки *Никон. Летописцу*, не был никогда Царем. Так сказано и в *Новогород. Лет.*: «некоему бо у них *худу царствующу*, а все деющу у них Князю Мамаю» (в 1380 году). Здесь *худ* не есть собственное имя, но означает только *худого* или слабого Царя. Мы видели, что в 1379 году Хан Татарский, племянник Мамаев, назывался Тюлюбек (см. выше, примеч. 58).

[63] См. выше, стр. 28.

[64] «Стати на брезе у Оки реки на Семень день». Мамай говорит: «Сколько хощете Руские земли, тем вас дарю, но толико присягу имейте ко мне».

[65] В *Ростов.*: «Бысть весть от Орды месяца Авг. к Вел. Князю, яко воздвизается Измаильтеский род на Христиан».

Мы имеем два описания сей войны: одно действительно историческое и современное, находящееся в *Ростов.* и других достоверных летописях, а другое напечатанное с разными отменами в Киевском *Синопсисе* и в *Никон. Лет.*, баснословное и сочиненное, может быть, в исходе XV века *Рязанцем*, *Иереем Софронием*, как то именно означено в одном списке его, хранящемся в библиотеке Графа Ф. А. Толстого, под титулом: *История или*

повесть о нашествии безбожнаго Царя Мамая с безчисленными Агаряны, и проч. Не говоря о сказочном слоге, заметим явную ложь в сей второй повести. Там сказано, что Димитрий готовясь к походу, советовался в Москве с Киприаном Митрополитом; что он прикладывался к образу Св. Богоматери, написанному Евангелистом Лукою, и что в Донском сражении убито *восемь* или даже *пятнадцать* Князей Белозерских: но Киприана еще не было тогда в Москве (см. выше примеч. 60) — образа, написанного Лукою, также (см. выше стр. 84) — и Князь Федор Романович Белозерский, убитый на Дону вместе с сыном, не имел иных родственников, кроме брата, именем Василия, коего сыновья сделались, уже *гораздо после*, родоначальниками Князей Андомских, Кемских, Белосельских и других (см. *Родослов. Книгу*, II, 163). Историки Кн. Щербатов и Штриттер повторили сию сказку. Следуя во всем *Ростов. Летописцу*, мы впрочем не отвергаем некоторых обстоятельств вероятных и сбыточных, в ней находящихся: ибо думаем, что Автор ее мог пользоваться преданиями современников.

Любопытные могут в *Никон. Лет.* видеть грамоты, будто бы писанные Олегом и Ягайлом к Мамаю, также и грамоту Мамаеву к ним. Далее рассказываются там, следующие обстоятельства: «Сведав, что Мамай, убив Хана, назвался Царем, идет на Россию и стоит уже на берегах Воронежа, Димитрий, по совету Митрополита Киприяна, велел Князьям готовить войско, и *Михаил Тверский прислал* к нему в помощь своего племянника, Иоанна Всеволодовича Холмского. Князь Владимир Андреевич спешил из Боровска в Москву, куда приехали Мамаевы послы с требованием, чтобы Димитрий платил Хану древнюю дань, без всякого уменьшения. Согласно с мнением Митрополита, Великий Князь отправил к Мамаю хитрого мужа, Захарию Тутчева (или Тетюшкова) дав ему множество золота, серебра и двух переводчиков. Сей посол услышал в земле Рязанской об измене Олеговой, также о союзе Ягайла с Мамаем, и дал знать о том Димитрию, который, пируя у *Тысячского* Николая Васильевича, получил новые вести о замыслах Мамаевых. Великий Князь немедленно отправил *первую стражу* к Быстрой или Тихой Сосне, избрав для сего дела именитых воинов, Родиона Ржевского, Андрея Волосатого (или Иакова Усатого) Василья Тупика и других, дабы разведать о неприятеле; объявил также всем Князьям, чтобы они 31 Июля собралися в Коломне. Долго не имея никакого известия с границы, Димитрий послал туда, *со вторую стражею*, Климента Поленина, Ивана Святослава и Григория Судока, встретивших на дороге Василия Тупика: сей витязь ехал с вестию, что Мамай, союзник Олегов и Ягайлов, точно намерен воевать Россию. Великий Князь приказал тогда собраться войску в Коломне 15 Августа. Явились мужественные Князья Белозерские с полками своими, Кн. Федор *Симеонович*, Кн. *Симеон* Михайлович, К. Андрей *Кемский*, К. Глеб *Карвопольский* (Каргаломский?) и *Дыдонский* (?), Князья *Андомские*, Ярославские, Устюжские, Андрей и Роман Прозоровские, Лев *Курбский*, Дмитрий Ростовский», и проч. Оставим несладицу повествования: заметим единственно, что по *Троицк.* и *Ростов. Лет.* Михаил Тверский не участвовал в сем ополчении, и что послы Мамаевы нашли Димитрия уже в Коломне; что в Москве по

кончине Василия не было Тысячских; что Князья Кемские, Андомские, Курбские принадлежат к новейшим временам.— Надобно также знать, что разные списки сей баснословной повести, мною читанные, во многом несогласны. На пример в древнейшем из оных (*Синодал. библ.* № 365) сказано, что не Тверитяне, а Новогородские *Посадники* пришли на помощь к Димитрию в Коломну с 7000 воинов или, как в других списках, с 40 000. Главными предводителями наименованы Иван Васильевич Посадник, сын его Димитрий, Фома Крестный, Димитрий Завережский, Михаил Поновляев, Юрий Хромый. Тамошние гости, Микула, Иван Васильевич Усатой и Дмитрий Клочков, быв свидетелями Московского ополчения, возбудили в согражданах ревность участвовать в оном (см. в Синодал. библиот. рукопись № 529 *О древн. Рос. Государства*, Т. II, л. 274). За сим известием следует: «убо, братия стук стучит, а гром гремит в славном граде Москве; стук стучит великая рать, а гремят Русские удальцы злачеными шеломы и доспехи». Похоже ли это на слог летописи? — В *Синопсисе* прибавлено (согласно с некоторыми иными списками), что Захария, прибыв в Орду, именем Вел. Князя спросил Мамая о здоровье; что гневный Мамай сбросил башмак с правой ноги и сказал ему: се ти дарую, от великия славы твоея пришедшу, от ноги моея отпадшее»; а своим воинам: «возмите дары Московские и купите себе плети: злато бо и сребро Князя Димитрия все будет в руку моею; землю же его разделю служащим мне, а самаго приставлю стадо пасти верблюжее». Захария отвечал смело, и воины хотели убить его: Мамай удержал их, и звал сего Боярина к себе в службу. Хитрый Захария не отказался, но просил, чтобы ему дозволили прежде отправить Димитриево посольство. Мамай написал грамоту к Вел. Князю, в коей сказано: «ведомо ти есть, яко улусы нашими обладаешь: аще ли еси млад, то прииди ко мне, до помилую тя». Мурзы Ханские долженствовали вручить оную Димитрию; но Захария, встреченный близ Оки отрядом Российским, связал сих четырех Мурз, изорвал грамоту Ханскую, послал одного Татарина сказать о том их Государю, и благополучно возвратился в Москву.— В *Книге о древн. Рос. Государ.* (Синодал, библиот. № 529, Т. II, л. 263) написано, что Димитрий, еще ничего не зная о Мамаевом походе, 2 Июля пировал в своем набережном тереме с Боярами; что стражами границ были Родион Жидовинов, Попович Андрей Семенов и 50 иных удальцев; что Андрей Семенов прискакал тогда в Москву и сказал Великому Князю: «Мамай со всеми силами кочует на Воронеже, и мы его силу объехали в 11 дней; а в 12 день стражи Царевы меня поимали и поставили пред Царем, и Царь меня спрашивал: ведомоль моему слуге, Мите Московскому, что аз иду к нему в гости? а силы со мною 12 Орд и 3 Царства, а Князей со мною 33, опричь *Польских*; а моей силы 703 000, и после того числа пришли ко мне великия Орды со двема Дворы, и тем числа не ведаю. Может ли слуга мой всех нас употчивать?»

[66] Прежде они назывались *Детскими* или *Отроками Боярскими*.

[67] Лет. Синодал. библиот. № 365; «Княгиня же Великая Овдотья многи милости сотвори убогим, сама же непрестанно ходя к церкви день и нощь».

[68] См. *Никон. Лет.* IV, 99 и 100, и Синодал. лет. № 365, л. 203 на обор.

[69] Так в *Ростов. Лет.* В *Никон.* сказано, что Св. Сергий дал им «крест Христов, нашитый на Схимах». О сих Димитриевых сподвижниках упоминается и в житии Св. Сергия.

[70] Ворота давно заделанные первые от Флоровских или Спасских к Москве реке. Нынешние башни Кремлевские строены уже при Вел. Князе Иоанне Васильевиче в исходе XV века, но сохранили имена древнейших, то есть построенных Донским.

В Синодал. Лет. № 365: «Князь же Великий с братом Володим. Андреевичем иде во церковь Архистратига и биша челом его Св. образу, и приступи ко гробом прародителей своих, и ркуще: хранители православныя, поборници наши! аще имаете дерзновение ко Господу, помолитеся о нашем согрешении, яко великое приключение нам и чадом нашим: ныне убо подвизайтеся с нами». Тут же описано и прощание Димитрия с Евдокиею. Далее: «Князь же Великий отпусти брата своего (Владимира) *Брашевскою* дорогою, а Белозерския Князи *Болванскою*, а сам пойде на *Котел*; того ради не пошли одною дорогою, яко не мощно им вместитися. Великая же Княгиня с *снохою своею* (которой *еще не было*) и с иными Княгинями вниде во свой златоверхий терем набережный и седе под южным окном — (описывается плачь ее)... Поят же с собою Князь Великий от гостей Сурожан 10 человек поведания ради, аще что случится, да поведают вборзе на Москве: Василья Капцу, Сидора Ольферьева, Костянтина Волка, Кузму Кувырю, Семена Онтонова (Коротоноса), Михаила Сараева, Тимофея Весякова, Дмитрея Черного, Ивана Шиха, Дмитрея Саларева... (Дементья Сараева)... Возится К. Володимер Андреевич Москву реку на красном перевозе Брашевском» (в Боровске), и проч. Тут и в *Никон.* сказано, что Великий Князь въехал в *Коломну* 28 Авг. в *Субботу*; но сие число было тогда *Вторником*. Современные Летописцы так не ошибались. Далее: «прежде же Вел. Князя снидошась тамо Воеводы мнoги, и сретоша его на речке Северке, а Гарасим Епископ в градных вратех со кресты».

[71] Так в *Ростов. Лет.*: а по Никоновской сказке Ольгердовичи соединились с Димитрием уже близ Дона на месте Березе. Они названы пасынками второй жены Ольгердовой, будто бы *Анны* (вместо Иулиании), воспитавшей их в Христианской Вере. См. в *Никон. Лет.* переписку сих братьев между собою, когда они готовились итти в помощь к Димитрию. В *Архангел. Лет.* сказано, что с ними было войска 40 000.

В *Ростов. Лет.*: «И прииде на Коломну, собрав вой своих 150 000, опричь Князей Руских и Воевод Местных; от начала бо такова сила не бывала Князей Руских: бе бо всее силы числом с полтараста тысящ или с двесте тысящ» (кроме дружины Ольгердовичей).— В *Синодал. Лет.* № 365, л. 210: «Во утрий же день повеле Кн. Вел. выехати всем Воеводам на поле Девиче и всем людем... и начаша мнози гласы ратных труб трубити, и варганы тепут (звучат), и стязи ревут наволочены, и в саду Панфилове сыпове Рустии наступиша поля Коломенския... Князь же Великий с братом Владимером Андреевичем возрадовашася... И уряди коемуждо полку Воеводу, а к себе приим Князи Белозерския (храбри бо быша), а брату своему дал Князи

Ярославские; а правую руку себе уряди, а левую брату; а Князю Глебу Дрютцкому (в *Никон.* Брянскому) передовой полк, да Дмитрею и Володимеру Всеволожим; Коломенскаго полку Воевода Микула Васильевич, Володимерскаго полку Воевода Тимофей Волуевичь, Костромскаго Иван Родивоновичь Квашня, Переславской же Воевода Андрей Серкизов; а у Князя у Володимера Воевода Данило Велеут, Костянтин Конановичь; Кн. Федор Елецкой и Воевода Мещерской Кн. Юрий, да Кн. Андрей с своими полки приидоша. Князь Великий повеле Оку реку возитися, заповедав, кто пойдет по Рязанской земле, да никто не прикоснется ни единому власу». Далее сказано, что он послал вперед третью стражу с Семеном Меликом, Игнатием Кренем, Фомою Тыниным, Петром Горским, Карпом Олексиным и Петрушею Чюриковым.

[72] В *Ростов.*: «Великий же Князь Димитрий, воздохнув из глубины сердца, рече: Господи! советы неправедных разори... Не аз почах... но он окаянный, новый Святополк». После того Димитрий идет в церковь и принимает благословение Епископа Коломенского, Герасима.— В *Никонов.*: «бе ему (Димитрию) печаль, яко мало пешия рати, и остави у Лопасны Воеводу своего, Тимофея Васильевича Тысяцкого (сына), правнука Веньяминова, да егда пешия рати или конныя поидут за ним, да проводит их... и повеле счести силу свою, и бяше их вящше двою сот тысящ».

[73] В сказке о войне Мамаевой подробно описывается замешательство Олега, гнев Ягайла (будто бы уже Католика) на Князя Рязанского, и проч. Олег говорит своим Боярам: «аз чаях по правилом, яко не подобает Вел. Князю противу Царя стояти: ныне убо что зде сдумал?» Бояре ответствуют: «сказывают в вотчине его Калугера именем Сергия, свята и прозорлива вельми: тот благословил его и вооружил противу нам». Далее: «приде Ягайло в Одоев, и слыша, яко Олег убояся, и пребысть Ягайло не подвизаяся». В гневе своем он говорит: «николи же Литва от Рязани не приимаша разума».

[74] См. в Синодал. Лет. № 365, л. 217. В *Никон. Лет.*: «и ту приидоша много пешаго воинства, и Житейстии людие, и купцы со всех земель... и начаша считати, и изочтоша их вящше *четырех сот тысящ*»: вероятно ли?

Вопреки современному Летописцу, *Никон.* говорит, что послы Сергиевы вручили Димитрию письмо его и *хлебец Богородицы* уже перед самою битвою. Там же: «и се внезапу приидоша к нему (Димитрию) два от стражей его, Петр Горский и Карп, и приведоша язык. Той поведа, яко Царь на Кузмине гати; не спешит убо, но ожидает Олга и Ягайла; по триех же днех имать быти на Дону. И вопросиша его о силе Мамаеве; он же рече: многое множество». В *Ростов.*: «Мамай же, слышав приход Вел. Князя к Дону, и изсеченныя свои видев прибегшия к нему... и рече Князем своим темным: двигнемся и станем у реки Дону. Великий же Князь слышав хвалу Мамаеву, рече: Господи! не повелел еси в чуждыя пределы преступати; аз же не преступих: сии же приходяще аки змии ко гнезду», и проч. В Синодал. Лет. № 365, л. 218 на обор.: «прибегоша 7 стражей в 6 час дни, Семен Мелик со дружиною, а за ним гонишась много Татар; мало его не угониша: уже бо узреша полки Руския и возвратишася к Царю... Семен же поведает Вел. Князю, яко Царь на Гусине

броду; едина нощь промеж нами; утре будут на Непрядву реку».

[75] В Синодал. Лет. № 365, и в *Никон.* сказано, что сей Воевода, Димитрий Боброк, приехал тогда к Вел. Князю с Ольгердовичами; но он есть самый тот, который в 1371 году разбил Олега, а после ходил в Болгарию: зять Вел. Князя, Димитрий Михайлович Волынский Боброков (см. *Родословн. Книгу*, II, 85).

[76] Синодал. Лет. № 365, л. 220: «Князь же Великий поим брата своего Володимера и Литовские Князи и Воеводы, и выехаша на место высоко... и виде полци велми учреждены достойно (Димитриєм Волынским)... и Князи Литовские ркуще: подобни суть Македонскому войску... У богатырей хоругови аки живы пашутся; доспехи же Руския аки вода силна во вся ветры колебашася, и шеломы на главах их аки утренняя заря; *еловци* жь шеломов их аки подомя огняное пашется.... Князь же Великий сшед с коня долов, и пад на колену прямо Великому полку черному знамени, на нем же бе образ Владыки И. Христа, из глубины сердца нача призывати велегласно», и проч.— Далее: «и коемужду полку рече своими усты: братия моя милая, сынове Руския», и прочь. Тут сказано, что сие происходило еще накануне битвы; но Димитрий, по *Ростов. Летописцу*, распорядил войско в самый ее день, перешедши за Дон, в *Ординскую землю*. Следующую басню выписываем для любопытных из *Никон. Лет.*, *Синопсиса* и других:

«Рече Дмитрей Волынец Вел. Князю: повем тебе, Княже, примету свою искусную; уже бо долго нощи вечерняя заря потухла. Князь же Великий поим с собою брата Володимера и Литовские Князи едины, и выехаша на поле Куликово, и став посреди обоих полков, и обратися на полк Татарской и слыша стук велик и кличь, аки торги снимаются, аки гради зиждуще, аки трубы гласяще. И бысть назади их грозно волци воюще. По десной же стране ворони кличють, и бысть глас велик птичь; вранове же играют по реце той по Непрядве; гуси и лебеди, непрестанно крыле плещуще, необычную грозу подают. И рече Волынец: *слышасте ли сиа? обратитеся на полк Русский.* И бысть тихость велика... токмо огневе мнози и заря снимахуся... И сниде (Волынец) с коня и паде на десное ухо и приниче на землю, и предлежа на долг час, и воста, и абие пониче. И рече ему Князь Великий: что есть, брате? Он же не хоте сказати. Князь же много нудив его; он же рече: едина ти есть на пользу, а другая не на пользу. Слышах землю плачущуся на двое: едина страна аки вдовица некая, а другая аки девица, аки свирель... Аз чаю победы, а наших много падет. Князь же Великий прослезися. И рече Волынец: не подобает сего в полце поведати никому же... В ту же нощь некто Фома, Хабычеев разбойник поставлен сторожем от Вел. Князя на реце на Чюрѐ на Михайлове, и откры ему Бог видение, и виде на высоте облак велик, прииде от Востока, и от полудненныя страны приидоша две уноши светлы, имуще в руках по мечю остру, и ркуще полковником Татарским: *кто вы повеле требити отчество наше? нам дарова Господь стрещи его...* и начаша сещи их. И видеша Василей Капица, да Семен Онтонов, от поля грядуща множество Ефиоп, ови на колесницах, ови на конех, и абие внезапу явись Св. Петр Митрополит, имея в руце жезл злат... и нача с яростию велиею жезлом своим их прокалати... И Вел. Князь повело ни-

кому же сего поведати». — Далее: «Часу же второму наставшу, начаша трубити от обоих стран: Татарския жь трубы аки онемеша... Великому жь Князю преседающе на борзый конь, и ездящу по полком... и сниде с того коня на иной конь, и совлече с себя приволоку Царскую и в иную облечеся; той же конь дасть под Михаила под Ондреевича под Бренка, и ту приволоку на него положи, иже бе любим паче меры, и то черное знамение повеле над нем возити (в *Никон. Лет.* Рынде своему), и под тем знаменем убиен бысть за Великого Князя. Великий же Князь воздев руце на небо и вложи в недра своя выим крест живоносный, на нем же бе воображение страсти Господни, в нем же бе древо животное восплакася.... (Тут будто бы привезле ему письмо от Св. Сергия).... И се внезапу сила Татарская великая с *шоломяни* (высоты) грядуща, и несть места, где им разступитись, и сташа, копия закладше, стена у стены, кождо их на плеци предних своих, имуще предних краче, а задних должае. Князь же Великий с своею силою с другаго *шоломяни* пойде противу им, и бе страшно видети... Царь же Мамай с трема с темными Князи взыде на *место высоко* на *шоломя*, и ту сташа, хотя видети кровопролитие... Выеде из полку Татарск. Печенег, богатырь велик зело, и никто же смеяше противу его. Тогда Пересвет Чернец, *Любчаник* (по *Ростов. Лет.* Брянчанин) родом, иже бе в полку у Владимера у Всеволожа, двигся из полку вон и рече: аз хощу с ним видетися. И бе на нем шелом Архангельского образа, вооружен бо Скимою; и рече: отци и братия! простите мя грешнаго, и брат мой Ослябя моли Бога за мя... И напусти на Печенега, и рече: Игумен Сергий помози молитвою своею. Крестьяне же вси воскликнуша: Господи помози рабу своему! и ударишась крепко; мало что земля под ними не проторжесь; и спадоша с коней оба, и умроша».

[77] Синодал. Лет. № 365, л 26· «Мы вси готовы есмя головы своя положити за тебя, за ласкова Государя; а тобе подобает память творити и в книгах писати, памяти деля Русских сынов», и проч. В *Ростов.* л. 370: «Он же ответща им. да како аз возглаголю: *братия, потягнем вкупе*, а сам лице свое почну крыти? яко же хощу словом, тако же и делом наперед всех и пред всеми главу свою положити, да и прочии приимут дерзновение». Далее: «Наеха (Димитрий) на поганаго Царя *Толяка* (см. выше, примеч. 58), на нареченнаго плотьнаго Диавола Мамая», и проч.

[78] Древняя наша верста состояла из 1000 саженей, как показано в старинных Русских Арифметиках.

[79] «Видеша бо вернии, яко в сий час Ангели помогаху Христианом, и Свв. Мученик полки, Георгиа победоносца и Димитриа мироточиваго и благоверных Князей самобратних, Бориса и Глеба, в них же бе Воевода Архистратиг Михаил Тако же и погании видеша полки тресолнечны по воздуху парящи, избивающе их, и стрелы пламенны на поганых идяху». В Синодал. Лет. № 365: «Се слышахом от вернаго самовидца от полку Кн. Володимера Андреевича, иже поведа Вел. Князю видение: в шестую годину дни бысть над вами небо отверсто, из него же иде багряная заря и над вами низко держаше, и облак исполнен рук, кояжда рука держаше венцы, ова потиры, ова проповеди пророческия (ова цветы), и в 6 часу дни мнози венци спустишася на Руския полки». Тут сказано, что Мамай ушел только с четырмя

воинами. Глупые басенники прибавляют, что он призывал богов *Перуна*, Соловата, *Мокоша*, Ираклия и *Хорса*! — Далее: «Княжии же полки гоняще били их до Содомлян и до станов их».— В *Никон.* и в других сказано, что Димитрий Волынский удерживал Князя Владимира, пока сильный ветер дул им прямо в лице; а в 9 часу ветер повеял сзади.

[80] В Синодал. Лет. № 365: «Рекоша Князи Литовския: мним яко жив есть, но уявлен. Иной рече: аз пятаго часу видех его крепко бьющеся с четырмя Татарины. Юрьевской же уноша, Степан Новосильской: аз видех его пред самым твоим приходом неша идуща с побоища, но уязвленна; того бо деля не дах ему коня, зане гоним бех трема Татарины.... Овии же наехаша Михаила Александров. Бренка, и чаяша его Великим Князем; и инии же Кн. Феодора Белозерскаго, занеже приличен (похож) бяше».— В *Ростов.*: «Некто от благородных воин, Костромичи родом, а быша в полку у Воеводы Иоанна Родионовича, Феодор Сабур, да Григорей Холопищев, найдоша Вел. Князя в дуброве велми язвена лежаща», и проч. Выше сказано: «Самаго же Вел. Князя с коня сбиша» (Татары). В *Никонов.* и в других прибавлено, что Димитрий, сбитый с коня, сел на другого, и будучи еще ранен, отошел с места сражения в дубраву, и лег под дерево. В *Ростов.*: «доспех его весь бяше избит, но на теле его не бысть язвы».

[81] В Синодал. Лет. № 365: «а поганых в четверо». Немецкий Историк Кранц, писавший свою *Вандалию* в конце XV века, говорит о сей Донской битве (Wandal. кн. IX, стр. 207): Quo etiam tempore inter Russos et Tartaros maximum a memoria hominum habitum est praelium, in loco qui dicitur *Flawasser* [25*] (Blau-Wasser, Синяя Вода: см. ниже) [25*], ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere. Ferunt ducenta mortalium millia eo concidisse praelio. Russi tamen victores praedam non parvam abduxere in pecoribus: nam reliquam pene nullam possident. Nec tamen diu laetati sunt ea victoria Russi: nam Tartari, Letuanis in societatem accitis, sequuti Russos jam reduces, et praedam, quam amiserant, retulerunt, et magnam in Russos stragem peregerunt. Erat autem annus LXXXI post mille trecentos a Christo nato. Quo etiam tempore in Lubica coetus agebatur et conventus urbium omnium de societate, quam Hansam dixere [В то время произошло между россиянами и татарами самое большое сражение, которое только можно припомнить, на месте, называемом Флавассер. По обычаю обоих народов, они сражались не стоя друг против друга большим войском а выбегая, чтобы метать копье или губить, и снова возвращаясь. Говорят, что в этом сражении погибло двести тысяч человек. Победители россияне увели в качестве добычи немало скота, ибо почти ничем другим [татары] не владеют. Однако русские недолго радовались этой победе: татары, призвав в союзники литовцев, догнали уходящие русские войска и вернули добычу, которую утратили, и нанесли им большой урон. Это было в 1381 году от Рождества Христова. В это время в Любеке был съезд всех городов союза, называемого Ганзейским]. Последнее место выписано здесь для того, что оно может изъяснить, каким образом сведали в Германии о Донской битве: купцы Ганзейские, в 1381 году имевшие съезд в Любеке, могли

привезти туда вести из Новагорода, с ними союзного. Кранц пишет, что «Россияне взяли в добычу множество скота (ибо у Татар почти нет иного богатства) но не долго радовались своею победою; что Татары, соединясь с Литвою, устремились в след за нашими, отняли у них добычу и множество их побили». [26*]—В Линденблатовой рукописной Немецкой Хронике, которая идет до 1420 года, сказано так: «В сем году (1380) была великая война во многих землях: Россияне сражались с Татарами на *Синей Воде*, и с обеих сторон легло на место до *сорока-тысяч* человек. Россияне одержали верх; но после сей битвы встретили Литовцев, союзников Татар, и были истреблены ими: Литовцы взяли всю их добычу». В *Больш. Чертеже*, 162: «Вверх по реке Бокгу (Бугу) 50 верст (от его устья) пала в Бокг речка Синяя Вода, а (на ней) город Синяя Вода, 70 верст от Бокга». Но Непрядва и Дон так не назывались [26*].— В Синодал. Лет. № 365 сказано, что в Донском сражении убито 40 Московск. Бояр, 30 Серпуховских, 22 Переславских, 20 Костромских, 30 Владимирских, 50 Суздальских, 40 Муромских, 34 Ростовских, 23 Дмитровских, 60 Можайских, 30 Звенигородских, 15 Углицких, а всех вообще 250 000; осталось же только 50 000 (по *Никон. Лет*: 40 000): какая нелепость! В *Ростов. Лет.* о числе убитых нет ни слова; а в *Никоновск.* сказано, что 8 Князей Белозерских (в Синодал. Лет. *пятнадцать*) лежали мертвые друг подле друга.

[82] В приходской церкви Рождества Богоматери, разбирая колокольню сей церкви, называемой *Старым Симоновым* (см. ниже примеч. 122), в царствование Екатерины II нашли древнюю гробницу под камнем на коем были вырезаны имена Осляби и Пересвета: ныне она стоит в трапезе; а камень закладен в стене. В *Архангел. Лет.* сказано, что Ослябя также убит в Донском сражении, вместе с богатырем Григорием Капустиным, и что Великий Князь, стояв 8 дней на месте битвы, велел тела нарочитых людей везти к Москве в колодах.

[83] Между 18 и 26 числом Октября.

[84] В особенной истории Высоцкого Серпуховского монастыря (см. *Опыт историч. словаря монаст.* стр. 82), хранящейся в сей обители, именно сказано, что Владимир был прозван *Храбрым*.

[85] По *Никон. Лет.* и другим Великий Князь прибыл с Куликова поля в Коломну 21 Сент., отдыхал там 4 дни, был встречен Митрополитом в Андроньеве монастыре, Великою Княгинею во Флоровских воротах, молился с нею в Соборах, вошел наконец в *свое знамя, в бережные сени*,— ездил из Москвы в Троицкую Лавру и заставил Св. Сергия отслужить панихиду за избиенных на берегу Дона.

[86] См. *Древн. Рос. Вивлиоф.* I, 90. Сия грамота есть список, а не подлинник. В начале упоминается о Митрополите *Киприане*, а после о *Донском сражении*: следственно она писана в 1381 или в 1382 году, т. е. прежде изгнания Киприанова. О границах: «Межи нас роздел земли по реку по Оку, от Коломны вверх по Оце на Москов. стороне Почеп, Новый городок, Лужа, *Верея*, Боровеск и иная места Рязаньская, которая ни будут на той стороне, то к Москве; а наниз по Оце по реку по Тцну, от усть Тцны вверх по Тцне, что на Москов. стороне Тцсны, то к Москве, а что на Рязаньской, то к Рязани; а Володимерское по ру-

беж, как было при вашем деде, при Вел. Кн. Иване Даниловиче... а что на Рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, Почен, Лопастна, уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродничь с месты, как ся отступили Князи Торуские Федору Святославичю, те места к Рязани; а что место Князя Вел. Дмитрия Иван на Рязаньской стороне, *Тула*, как было при Царице при Тайдуле, и коли ее Баскаци водали, в то ся Князю Вел. Ольгу не вступати... А что места Талица, Выпользов, Такасов, та места Князю Вел. Дмитрию. А что купля Кн. Великого, Мещера, как было при Александре Уковиче, то Князю В. Дмитрию». О сем *Князе* А. Уковиче упоминается и в новейших Рязанских договорах: см. ниже. Города Кадом, Темников, Елатом находились в Мещерской области.— Далее: «А что Татарская места отоймал Кн. Великий Д. Ив. за себя от Татар, та места Велик. Кн. Дмитрию; а что Князь Вел. Олег, то Олгу... А из Руских Князей кто Князю Вел. Дмитрию друг и Князю Володимеру, то и В. Князю Олгу друг.. А что В. К. Дмитрий и К. Володимер билися на Дону с Татары, от того времени что грабеж или что поиманье у Князя В у Дмитрия людий и у его брата, К. Володимера, тому межи нас суд вопчий: отдати то по исправе; а что ся ни деяло дотоле, как есмя целовали крест, тому всему погреб до Спасова Преображенья дни за четыре дни; а суд вопчий меж нас от того праздника всему. А о чем судьи наши сопрутся, едут на-Третей, кого себе изберут; а судом вопчим не переводити (не судиться вторично): а кто имет переводити, правый у того возмет: а то ему не в измену. Суженого не посужати (не пересуживать)· суженое положеное дати. Холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, душегубца выдати по исправе; а пошлины с семьи шесть денег, с пешеходов 2 алтына, а с одиного не имати. А мыты ны держа и давныи, пошлыи, а непошлых (небывалых) мытов и пошлин не замышляти; а мыта с воза по дензе, а с пешехода мыта нет», и проч.

[87] См. Абульгази Hist. des Tatars и Эрбелот. Biblioth. Orient. под словом Timour,— Урус царствовал до 1360 году.

[88] «Сретошася на Калках (в *Ростов.* Калках лесех)... и Тохтамыш победи. Мамаевы же Князи сшедше с коней своих и биша челом Царю Тохтамышу и давше ему правду (присягу) по своей Вере... Мамай же побеже с своими единомышленники. Царь же Тохтамыш посла за ним в погоню. Мамай же прибеже близ града Кафы и сослася с Кафинцы по докончанию и по опасу, дабы его приняли на избавление, и прибеже в Кафу со множеством злата и сребра... и ту от них убиен бысть лестию».

[89] В *Троицк.*: «Того же лета выидоша из Орды Киличееве (послы) Князя Великого, Толбуга да Мокшей, к Госпожину дни. Того же лета Царь Тохтамыш послал своего посла к Вел. Князю», и проч.

[90] В *Ростов*: «А Князь Олег срете Тохтамыша прежде даже не вниде в землю Рязанскую, и бысть ему помощник.. и иная некая словеса изнесе о том, како пленити землю Рускую и взяти каменный град Москву и издобыть Вел. Князя; и обведе Царя около всей своей вотчины.. не хотяще бо добра нам, но своему Княжению помогаше.... К. Димитрий Константин. Суждальский посла два сына своя, К. Василиа, да К. Симеона, к Тохтамышу. Они же не обретоша его, и гнаша в след его неколико дней,

и переяша дорогу его на Серначе, и постигоша его на Рязани».— В *Ростов.*: «поеде (Димитрий) во град свой Переаславль... и мимо Ростов на Кострому». *Никон Лет.* говорит, что Великая Княгиня оставалась в Москве, и выехала оттуда уже вместе с Митрополитом Киприаном; но в современной *Новогород. Лет.* сказано: «на Кострому побежа (Димитрий) с Княгинею и с детми». Так и в *Архангельской.*

[91] В *Ростов.*: «и сотвориша *Вече* и позвониша во вся колокола».— *Никон. Лет.* говорит, что народ, выпустив из города Митрополита с Великою Княгинею, ограбил их: вероятно ли? народ, по другим летописям, грабил только простых беглецов.

[92] «Бояре, Суконницы, Сурожане, Архимандриты, Игумены», и проч. В *Никон. Лет.*: «приидоша (Татары) в полобеда, и узреша их со града, и вострубиша граждане. Они же сташа за два или за три стрелища от града», и проч. Далее: «бе бо около града чисто, понеже граждане сами посады своя пожгоша и ни единого тына или древа оставиша, блюдущесь примета ко граду».

[93] В *Никон. Лет.* описываются здесь разные мерзости: чего нет в других.

[94] «Овии от них стояще стреляху, а инии скоро рищуще, а друзии на конех скоро ездяще на обе руце, наперед и назад скоро и получно без погрехи стреляху» В *Ростов.*: «друзии же *тюфяки* пущаху на ня, инии из самострел стреляху, и пороки шибаху, инии *пушки* великие пущаху». *Тюфяками* и *пушками* назывались тогда, как надобно думать, особенные махины, употребляемые для защиты городов. Далее: «И той (Адам) приметив и назнаменав единаго Татарина нарочита и славна, иже бе сын Князя Ординскаго, и напряг стрелу самострельную, и узви в сердце его гневливое, и вскоре смерть ему нанесе. Се же бысть велика язва Татарам, яко и самому Царю тужити о нем».

[95] В *Архангельской*: «и на том слове К. Семен Суздальский снем с себе крест и целова Москвичем».

В *Никонов.*: «убиша К. Остея, тайно вземше его в полк свой». В *Архангел.*: «К. Остея во Фроловских воротех убиша». Сие случилось в 7 часу дня.

[96] В *Троицк.*: «книг же толико множество снесено со всего города и из загородья и из сел, и в Зборных церквах до тропа наметано, схраненья ради спроважено, то все без вести створиша».

[97] В *Ростов.*: «прежде бяше град Москва видети великий и чюден град, и много множество людей бяше в нем, кипя же богатством и славою», и проч. В числе убитых Летописцы именуют Симеона, Архимандрита Спасского, другого Архимандрита Иакова, Игумена Иакинфа Крылова, и проч.

[98] В *Никонов.* сказано, что Татары в Переславле едва было не захватили супруги Димитриевой, и что она уехала оттуда через Ростов в Кострому; что Татары хотели итти к Твери, но были удержаны невидимою силою; что Михаил Тверский отправил к Хану дары с Гурленом, и что Тохтамыш прислал ему милостивую грамоту.— В *Арханг. Лет.* сказано, что Владимир побил 6000 Татар.— Коломенский Епископ Герасим уехал тогда в Новгород.— Тохтамыш, выходя из России, вместе с послом своим отправил к Димитрию Константиновичу Суздальскому сына его, Симеона Димитриевича, а другого сына, Василия Димитриевича, взял с собою в Орду.

[99] В *Троицк.*: «росплакаста ся има» (Димитрию и Владимиру).

[100] Так в *Ростов.*, а по *Троицк.* вдвое менее.

[101] Михаила Морозова и Симеона Тимофеевича. Киприан выехал из Твери Окт. 3, а приехал в Москву Окт. 7.

[102] «Тое же осени К. Михаил иде в Орду и с сыном своим и пойде околицею, ища Великого Княжения... Тое же осени (1383) о Николаеве дни Кн. Михаил выйде из Орды без Великаго Княженья, а сын его Александр остася в Орде. И Князя Василиа Димитриевича Царь у себе же оставив *в осьми тысячах*», то есть, считая 8000 рублей долгу на его отце. *Никон. Лет.* изобретает следующее: «Тохтамыш пожаловал Князя Михаила его отчиною, Княжением Тверским, и рек ему: аз улусы своя сам знаю, и кийждо Князь Руский по старине служит мне; а что неправда предо мною улусника моего Кн. Дмитрея Московскаго, и яз его поустрашил, и он мне служит правдою.... Тогда же бе в Орде и Князь Василий Дмитриевичь Московский: смущаше бо их некий Князь Ординский, обещавая комуждо дати Вел. Княжение, яко и Царя, глаголаше, на сие приведу».

[103] В *Троицк.*: «тое же осени (1383) о Дмитриеве дни бысть в Володимере лют посол, именем Адаш Токтамышь... Тое же весны (1384) бысть великая дань тяжелая по всему Княженью Великому, всякому без отдатка (уступки), со всякие *деревни* по *полтине*. Тогда же и златом давали в Орду» (см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 250). *Деревня* означала прежде *одно* жилище крестьянское и состояла обыкновенно из малого числа дворов: в доказательство привожу следующие места из книги Поместного Приказа XVI века, найденной мною в Архиве Коллегии Иностранных Дел: «По старому письму деревня два двора, три человека.— Всех деревень по старому письму 15, а дворов в них 40 и 8, а людей 50 и 3 человека.— Деревень по старому письму 21, а дворов в них 45, а людей 48, а *обеж* 47, а *сох* 16 без трети». *Обжею* называлось тягло; в каждой считалась треть *сохи*. Слово *полтина* происходит от глагола *располоть*: ибо она состояла из половины рубля или серебряного прута, *вдоль* раздвоенного. В сем смысле доныне употребляется слово *полоть* (ветчины) и *полоток*.

[104] См. ниже, примеч. 115. Димитрий в условиях с Князем Владимиром Андреевичем говорит: «а оже ны Бог ослободит от Орды».

[105] «Марта в 25, в Лазареву Субботу, К. Олег взя Коломну изгоном, и Наместника изнима Александра Андреевича, нарицаемаго Остея, и прочих Бояр и лепших мужей поведе с собою, и злата и сребра и всякаго товара наймався, и отыде в свою землю..., Того жь лета Кн. Великий Дмитрий Ив. собрав воя многы и посла брата своего, К. Володимера, на К. Ольга. На той войне убиша Кн. Михаила, сына Андреева Полотьскаго Ольгердовича на Рязани... Тое же осени в Филипово говенье Игумен Сергий сам ездил на Рязань по К. Ольгу о мире: прежде бо того мнози ездиша к нему, и никто же возможе утолити его. Преподобный же старец кроткими словесы и благоуветливыми глаголы много беседовав с ним о мире и о любви: К. же Олег преложи свиреньство свое на кротость, и умилися душею, и устыдеся толь свята мужа, и взя со К. Великим мир вечный».

[106] В *Ростов.*: «даша ему (Патрикию) Новогородци в кормленье пригороды Орехов и Корельский и пол Копорьи городка и

Луское село... Приехаша Ореховци и Корельскыи с жалобою к Новугороду на Патрикиа, и выеха Кн. Патрикий в Новгород, и подня посулом (дарами) Славенский Конец, и смути Новгород... Изпосиша Вече по две недели на Ярославле Дворе, а зде на сей стороне 3 Концы другое Вече ставиша у Св. Софии, и Тысяцкий Иосиф не сойде на сю сторону в Вече, и Плотничане добрые люди такоже не пойдоша. И бысть на *Черкисове* (Мытаря и Фарисея) недели, ударишa Славенский Конец на Тысяцкого на Иосифов двор с Веча со Ярославля Двора, и Плотничане Иосифа не выдаша, и биша грабежников и полуниша; а тогда биша у Кн. Патрикия 2 человека в дому, Корнилка Олисейкова, да Мишка Щекотова Поповича с Подола. И бысть на Мясопустной недели во Вторник, Февр. в 9 день: доспеша 3 Концы Неревъский Конец, и стояша у Св. Софии на Вечи, всякий вооружившися аки на рать, от обеда и до вечерни, и Плотницкий Конец, сослався послы с трема Концы, на Славлян хотеша ити, а заутра в Среду не поятгнуша Плотничане на Славляне с 3 Концы, и 3 Концы списаша грамоты во одни слова обетные, и Славляне себе доспеша и стояша со Князем на Ярославле Дворе. Во Вторник же на Мясопустной недели и в Четверток Славляне мост Великий от своей стороны перебраша между двемя городнями; и по усобной той рати поидоша вся пять Концов во одиначество... и грамоту написаша со Князем, и запечаташа на Вече на Ярославле Дворе».

В сие время только однажды (в 1377 году) ходили Новогородцы за границу к Немецкому (Шведскому) Новому городку на Овле (в *Ростовск.* Олве) реке: думаю, Нейшлоту или Олофсбургу, хотя Бишинг и говорит, что сей город построен уже в 1475 году.... «И стояша под городом много дний, и посад весь взяша, и волость всю потравиша, и полона много приведоша». Воеводами были Иван Федорович, Василий Борисович, Максим Ананьевич.

В *Ростов.*: «Той же осени (1369) пошли Волгою 10 ушкуев (судов), а инии шли Камою, и биша их под Болгары... Дважды ходиша (г. 1370) Новогородцы Волгою, и много зла створиша... Того же лета (1371) ушкуйницы разбойницы Новагорода Великаго пришедше взяли Ярославль и Кострому... Идоша (в 1374 г.) на низ Вяткою ушкуйницы 90 ушкуев и пограбиша Вятку и взяша Болгары; хотеша и град зажещи, и даша им окупа 300 рублев; и оттуда разделишась на двое: 50 ушкуев пойдоша на низ по Волге к Сараю, а 40 ушкуев поидоша вверх по Волге, и дошедше *Обухова*, пограбиша все Засурье и *Марьквашь*, и перешедше за Волгу, суды все изсекоша, а сами пойдоша к Вятке на конях, и много сел по Ветлуге идуще пограбиша.... Того же лета (1375), егда бе Вел. Князь Димитрий под Тферию, из Вел. Новагорода идоша разбойницы в 70 ушкуях: Воевода же бе у них Прокофь, а другий Смолнянин; и приидоша к Костроме... Видевше же, яко много бе Костромичь, разделишась Новогородцы на 2 части: едину половину пустиша лесом втай, и обыдоша около по можжеелнику, и ударишa на Костромичь в тыл, а друзии в лице..... И пойдоша Новогородцы на низ, и повернуша в Каму, и много пограбиша по Каме, и внидоша паки в Волгу... и пойдоша в насадех к Сараю, гостей Христиан грабяще, а Бесермен грабяще и убивающе», и проч.... «Того же лета (1379) Вятчане ходиша ратию в *Арьскую* землю, и избиша разбойников ушкуйников, и Воеводу их Рязана изъимавше убиша».

Город Хазиторокань или Астрахань есть, может быть, древний Атель или Балангиар (см. сей *Истории* Т. I, стр. 54). В старых Грузинских Историях Астрахань именуется *Хозарем*, как пишет Грузинский Царевич Сакар Вахтангович в ответах на вопросы Г. Татищева, бывшего Астраханским Губернатором. Сии ответы, писанные в 1743 году, найдены мною в бумажниках Г. Миллера, хранящихся в Архиве Иностран. Коллегии, № 316. После Козар господствовали Ясы от устья Волги к Дербенту и далее.

Сообщим здесь и другие замечательные ответы упомянутого Царевича:

«Имя *Грузии* известно только Россиянам. Мы называем свое отечество *Картли*, по имени *Картлоса*, нашего праотца, сына Ноева. Персияне называют Грузию *Гургистаном*, Дагестанцы *Гуржем*, Греки *Георгиею*, от Св. Великомученика Георгия, коему Бог особенно поручил защиту оныя. Картлос имел 6 сыновей: Мцхетоса, Кахоса, Бардоса, Кавказоса, Лесгоса и Егроса, коих именами назвалися разные пределы.— От чего родилось имя Кабарды, неизвестно. Она принадлежала некогда Грузинским Царям, исповедуя Веру Христианскую, истребленную Татарами и Князьями вышедшими из Египта» (Аравитянами).

В *Ростов.*: «Держа (Димитрий) гнев на Новгород, что взяли Новогородцы разбоем Кострому, и про *Княщины*»: то есть, Княжескую собственность, ими захваченную. Далее: «Тое же зимы (1384) приехаша от Вел. Князя Димитрия с Москвы Бояре его *черного бору* брати (собирать дань с черного народа) по Новогородским волостям: Феодор Свибол, Иоанн Уда, Александр Белевуть, и инии Бояре. Тогда ездиша Бояре Новогородския на Городище тягатися со Княжими Бояры в обидах, и побегоша с Городища на Москву Свиблова чадь, а в обидах исправы не учинили; а инии осташа Низовцы в городе обирать черного бору». Однако ж видно, что Новогородцы удерживали сию дань: иначе Великий Князь, смирив их после, не имел бы нужды требовать, чтобы они исправно платили ему оную. Далее: «Бысть целование в Великий пост (в 1385 году) по Соборе на другой недели, целоваша крест Посадник Феодор Тимофеевичь (в *Никон.* Тысяцкой Богдан Аввакумович) на Вечи, и все Бояре, и Дети Боярские, и *Житьи* и черные люди, и вся 5 Концов, в том, что не зватися к Митрополиту, а судити Владыке Алексию в правду по Номоканону; на суде поняти двема исцома дву Бояриным с стороны, тако же и *Житья* по два жь человека: Посаднику и Тысяцкому судити право по крестному целованию». *Житьими* или *Житыми* людьми назывались граждане *зажиточные*, нарочитые, или все не принадлежавшие к черному народу. В XI веке они назывались *Огнищанами* (см. сей *Истории* Т. II, примеч. 67).— В *Никон. Лет.* прибавлено: «а Посаднику и Тысячкому судити *свои* суды по *Рускому обычаю*». Но здесь говорится только о церковном суде, а не о гражданском.

[107] В *Ростов.*: «В Филиппов пост, пред Рождеством Хр., Великий Князь пойде ратию, волости и села Новогородские воююще и жгуще... И Новогородцы послаша противу Вел. Князя Иова Аввакумовича и Иоанна Александровича с челобитьем о миру. Великий же Князь миру не дал, а послы их отпусти... а сам, не дошед Новагорода за 30 верст, и ста на поле: бяше бо уже Богоявление... И приеха Владыка Алексий к Вел. Князю, рече: Господине Князь Великий! аз тебе благословляю, а Вел. Новагорода

вси людие бьют челом, чтобы еси, Господине, учинил мир, а за винные люди дают 8000 рублей.... И Владыки не послуша, но хотяше ити к Новугороду. Владыка же посла напред себе в Новгород Климонта Васильевича, Посаднича сына, глаголя: держите опас... и Новогородцы поставиша острог по осыпи хоромы; а К. Патрикий со Кн. *Романом Юрьевичем* и с Копорскими Князи во граде быша, и Новогородцы выехаша (с ними) на поле в день Недельный до обеда в доспехах, и ехаша до Жилотуга, и вспятиша опять в город после обеда; а Владыка Алексий приеха без миру. Бысть переполох велик в Новегороде: по Богоявлении на четвертый день, в Понедельник, промчеся весть, что стоит Вел. Князь у Жилотуга. Новгородцы же начаша боятися... и вси в доспесех выехаша на Жилотуг: бяше бо сила велика и светла рать Новогородская, конная и пешая, и вельми много охотников битися... И не обретоша Низовцев и возвратишася, и послаша от того переполоха к Вел. Князю Архимандрита два, да с ними 7 Попов, да 5 Житейских, с Концев по человеку; а в то время Новогородцы пожгоша около града монастырей великих 24; а урочищи им сии: на Перьне, Юриев, Рожественский, Аркаж, Духов, Борисоглебский, Богородицын, Николин, Лазарев, а на Торговой стороне Антониев, Богородицын, Иоаннов, на Волотове, на Ковалеве, Рожественский, Кириллов, на Ситеске, на Лятке, в Нередицах, на Сковоротке, в Шилове; а церквей деревянных погорело 6: Рожество в Юриев, Иоанна Милост. у Воскресения, Симеона во Аркажи, Св. Михаила на Колмове, на Городищи Космы и Дамиана, да Георгиа Св., а Плотнический Конец и Людин и Неревский, и у всякой улицы вне города за рвом все хоромы пожгли. А Св. Николая монастырь на Понеделии ратнии (неприятели) пожгли: церкви же не сожгли... А Новоторжские Большие Бояре вси в Новгород прибегли, и из иных волостей сильно много наехаша, и тогда Христианом не бяше пути, но гололедь... И послы Новогородские докончали мир на всей старине..... И послаша к Вел. Князю в Ямна с Посадниками с Григорием Якуновичем, да с Василием Феодоровичем... И послаща в Заволочье Посадника Феодора Тимофеевича и Тимофея Юрьевича, сына Посаднича, и Юрия Дмитриевича и иных молодших Детей Боярских брати то сребро на Заволочанах». После узнаем, в чем состоял так называемый *черный бор*.

[108] «Всташа 3 Конци Софейской Стороны на Посадника Есипа Захарииничь, и взвонивше Вече у Св. Софии, и поидоша на двор его акы рать силнаа, и хоромы его развезоша; а Есип бежа за реку в Плътницкий Конець... и вста за него Тръговая сторона, и начаша люди лупити, а перевозников бити от брега, и съсуды изсецаху... И снидошась в любовь, и даша Посадничьство Василию Ивановичь». В *Ростов.*: «Вел. Князь Литовский, Лугвений Олгердовичь, нареченный во св. крещении Симеон (в 1388 г.), присла послы своя в Новгород, Овгимонта и Братошу, хотя быти у них и сести на городкех, чем владел Наримонт..... Того же лета (1389) приеха в Новгород Кн. Симеон Олгердовичь Лугвений на пригороды».

[109] В *Ростов.*: «В. К. Ягайло Олгердовичь ездил женитися в Угорскую землю к Королю — на дочери Короля Венгерского и Польского Людовика — и женився, и тамо крестился в Немецкую Веру, и пришед из Угр в Литовскую землю крести Литву

в Немецкую Веру, половину своего города Вилны». См. Длугоша Hist. Polon. кн. X, стр. 108, и Стриков. *Хроник. Литов.* кн. XIII, гл. 5.

[110] В *Ростов.*: «Два Литвина Ягайловы большие крещени во Христианскую Веру: он же хотел их крестити во свою же Веру, и не послушаша его: Король же Ягайло казни их многими муками, и смерти велел предати».

[111] Кранц. Wandalia, г. 1382, и Кельх. Liefland. Gesch.— В *Псковск. Лет.*: «Того же лета (1382) Князь Местерь с силами своими и К. Скиригайло приидоша к Полочку, и стоявше 13 недели, отъидоша». В *Ростов.*: «Скиригайло ходил с Литовскою силою и с Немецкою под Полтеск (в 1386 г.) и взя город, а Андреева сына убиша, а самого Андрея, брата своего, изымал и свел в Литву». Стриковский, кн. XIII, гл. 4, пишет: «три лета убо в твердыни Хенцынской в темной башни за стражею седяше, и посем, по заступлению иных братий, отпущен». В Кенигсбергском Архиве есть харатейный список грамоты Андреевой, коею он в 1385 году торжественно уступил все *Полоцкое* Княжество Рыцарям Ливонским, с условием, чтобы ему и наследникам его княжить там в качестве Орденских присяжников. Слова сей грамоты: de regno Ploscoviensi, regnum in Ploskow, заставили думать ученого Геннига, что здесь речь идет о Пскове. См. между моими Кенигсбергскими бумагами № 280.

[112] В *Ростов.*: «В Великий пост, на Средокрестной недели, Марта в 22 день Вел. Кн. Святослав Ивановичь Смоленский со братаничем своим Кн. Иоанном Василиевичем, да Кн. Глеб Святославичь, да брат его Юрий пойдоша ратию ко граду Мстиславлю... Воеваху землю Литовскую, а кого где изымавше, нещадно мучаху: мужей и жен и детей; а иных в избах запирающе зажигаху, а младенцев на кол востыкаху... Прииде же Святослав ко Мстиславлю на Страст. недели в Среду, Апр. 18... и стояху под градом 11 дней... И бысть уже в Неделю Фомину, в полъутра, узреша Смольяне стяги Литовские. В первом полку бе В. К. Скиригайло, а в другом брат его Корибут, а в третием брат их Кн. Симеон-Лугвень; с ними же и Витовт Кестутиевичь».— [27*]—То же говорит и Стриковский, кн. XIII, гл. 4. Линденблат в своей Хронике (см. выше, примеч. 81) пишет, что Литовцы, убив *Короля* Смоленского, взяли в плен *четырех* сыновей его, в 1386 году, а не в 1387, как означено в *Ростов. Лет.* —[27*]

[113] В *Ростов.*: «Того же году (1386) К. Василий Димитриевичь, сын Вел. Князя Московскаго, прибеже из Орды в Подольскую землю, в Великие Волохи, к Петру Воеводе». Следственно и Молдавию называли у нас Подольскою землею. Далее: «Того же лета (1387) В. К. Димитрий отпусти Бояр своих старейших противу сыну своему... Тое же зимы, Иан[варя] в 19, приде к Москве К. Василий из Польския земли, а с ним Князи Лятские и Панове». *Никон. Лет.* рассказывает, что Василий из Волошской [28*] земли приехал в *Немецкую*, где находился тогда Витовт; что сей Литовский Князь узнал Василия, задержал и наконец освободил, с тем условием, чтобы он женился на его дочери. Каким образом Василий мог ехать в Россию через Пруссию?

[114] «Июля в 5 день (1383), в Неделю, в 6 час дни, преставися Кн. Вел. Дмитрий Костянт. в Чернцех и Скиме, нареченный в Св. крещении Фома, а во Мнишеск. чину Феодор, и положен

в Новег. Нижнем во церкви каменной, в Св. Спасе, на правой стороне подле отца своего и подле брата, Кн. Андрея, жив от рождества своего всех лет 61: Царь же Тохтамыш, слышав в Орде преставленье его, вдасть Княжение Нижн. Новагорода Князю Борису, брату его, тогда сущу в Орде и с сыном Иваном».— В *Нижегородск. Летописце*: «6882 (а по *Троиц.* в 1372 году) Вел. Кн. Дмитрий Константиновичь в Нижнем повеле делать каменную стену, и зачаты Дмитриевские ворота». В конце харатейного Пушкинского Несторова списка сказано так: «начал есмь писати книгы сия Князю Великому *Дмитрию Костянтиновичу*».— Далее в летописи: «Побеже из Орды (в 1386 г.) Кн. Василий Димитриевичь Суждальскаго, и срете его посол (Царев), и изыма его и приведе во Орду к Царю, и за то прият от Татар истому велику». Он приехал из Орды в 1388 году. В *Троицк*: «тое же зимы Князь Василий да Кн. Семен Дмитриевичи, собравше воя многи с своей отчины, Суждальцы и Городчане, и у Князя Великаго Дм. Ивановича испросиша себе силу, рать Можайскую и Звенигородскую и Волотьскую, и приидоша к Нов. Нижнему на своего дядю в Вел. говенье, Марта в 10 день во Вторник на Похвальной недели, и стояша 5 день, и умиришася: Кн. Борис сступися им волостей Новогородских, а они ему отступишася его оделов».

115 В *Ростов.*: «Татарове взяша Переяславль»: это случилось во время ссоры Вел. Князя с Владимиром. В *Никонов.*: «того же лета (1387) пред Петровым днем Татарове безвестно приидоша на Рязань и повоеваша ю, да и Любутеск, а Олга Князя мало не яша... Месяца Августа (1388) изгоном пригониша Татарове на украйны Рязанския»...

См. договорн. грамоту в *Древ. Рос. Вивлиоф.* I, 94. В сей грамоте сказано: «А чим мя благословил отец мой Кн. Вел. Иван в городе Москве и в станех (в местах, где собиралась дань Княжеская) два жеребья и пошлин всех два жеребья, также и Коломна с волостьми, и Звенигород, и Можаеск с волостьми и отъездными месты и *Великим Княженьем*, того ти подо мною блюсти и под моим *сыном* и под моими детьми. А чим благословил тобя отец твой, Кн. Андрей, в городе Москве и в станех треть, и пошлин всех треть, и Уделом; а что ти дал отец мой Городець в Лопастны место, и ты мне потом челом добил отцом моим, Алексеем Митрополитом, и яз тобя пожаловал, дал ти есми Лужу и Боровеск, и что ти ся достало Удела Княгинина Ульянина, того всего мне и детем моим под тобою блюсти и под твоими детьми... Слати ны свои данщики вместе. А что ти ся есмь был отступил дани в Растовце и в Перемышле, а па то ны слати свои данщики вместе, как было при нашем деде; а что сберуть в городе, и в станех, и в варях (места, где варили мед Княжеский) тому ити в мою казну, а мне давати в выход (в дань Хану). А па Козлов брод слати ти своего данщика: тем тя есмь пожаловал; а что сберуть, а тому ити в мою казну, в городьскую дань. *А оже ны Бог избавить, ослободить от Орды*, ино мне два жеребья, а тобе треть; а Ординская тягость и протор дати ти мне с своего Удела и от Княгинина Удела Ульянина с твоее трети в пять тысячь рублев 300 рублев и 20 рублев; а прибудеть ли, убудеть ли, ино по розочту; а долг Бесерменской, и протор, и Руский долг, а то ны подняти по тому же по розочту. А что наши Ординци и *Делюи*, а тем знати своя служба; а численых

людей блюсти ны с одинаго, а земель их не купити.... А кто будет покупил земли данные, служни или черных людей, а те, кто взможет выкупити, ино выкупять, а не взмогут выкупити, ино *потянут к черным людем*; *а кто не всхочет тянути*, ино ся земель съступять, а земли черным людем даром»: то есть, владельцы сих купленных земель должны нести все тягости черных людей или быть с ними под одним законом. Далее упоминается о Боярах *Путных*: так назывались Бояре, коим давались земли с правом собирать на *путях* или дорогах пошлину.— Сих грамот две: одна с тремя восковыми печатями, а другая ветхая, без начала и конца, писанная от имени Владимира к Вел. Князю.

[116] В *Никонов.* под годом 6889: «Бяше же крепок зело, и телом велик и широк, и плечист, и чреват велми и тяжек; брадою жь и власы черн; взором же дивен зело».

В Архиве (см. *Др. Рос. Вивл.* I, 86 и 100) хранятся две духовные грамоты Димитриевы: одна без начала, писанная еще при Алексии Митрополите между годами 1371 и 1377 (ибо в ней уже говорится о Василии Димитриевиче), а вторая на длинном харатейном свитке, сочиненная перед смертию Великого Князя; первая с печатию Св. Алексия, на коей изображена Богоматерь, и с Княжескою (обе серебряные, вызолоченные): другая же только с печатию Димитриевою, на коей вырезан образ Св. Димитрия Селунского и слова: *Князя Вел. Дмитрия Ивановича всея Руссии.* Кроме Митрополита, свидетелями первого завещания, писанного Дьяком Нестером, были Окольничий Тимофей Васильевич, Иван Родионович, Иван Федорович и Федор Андреевич; а второго Игумены Сергий и Севастиан, Бояре Димитрий Михайлович (Волынский?) Тимофей Васильевич, Иван Родионович, Симеон Васильевич, Иван Федорович, Александр Андреевич, Федор Андреевич, Иван Федорович, Иван Андреевич: писал же оную Внук В ней сказано: «Приказываю дети свои своей Княгине; а вы, дети мои, живите за-один, а матери своее слушайте во всем. А приказываю отчину свою Москву детем своим Кн. Василью, Кн. Юрью, Князю Андрею, Кн. Петру; а брат мой Кн. Володимер ведает свою треть. Сына своего, Кн. Василья, благословляю на *стариший путь* в городе и в станех моего Удела двою жеребьев половина, и в пошлинах городских половина, а тамга из двою моих жеребьев Княгине моей половина, а восмьничее мои два жеребья Княгине моей. А на стариший путь сыну моему Князю Василью Васильцево сто, и Добрятиньская борть с селом с Добрятиньским. А бортницы в станех в городских, и конюший путь и соколничий и ловчий, тем сынове мои поделятся ровно. А численных людий моих двою жеребьев сыном моим по частем, а блюдуть с одиного. А се даю сыну своему Князю Василью Коломну со всеми волостьми и с тамгою, и с мыты и с бортью, и с селы, и со всеми пошлинами; а волости Коломенские Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева с селцем с Гвоздною и с Иванемь, Гжеля, деревни Левичин, Скульнев, Маковець, Канев, Кочема, Камарев с Берегом, Городна, Похряне, Устьмерско; а из Московских сел Митин Починок, Малаховское, Костянтиновское, Жырошкины деревни, Островское, Орининьское, Копотеньское, Хвостовское, у городу луг великий за рекою; а из *Юрьевских* сел своего прикупа Красное село с Елезаровским, с Проватовым, да село Василевское в Ростове. А се даю сыну своему Князю Юрью Звенигород... а во-

лости Звенигородские Скирменово с Белми, Тростна, Негуча, Сурожык, Замошьская слобода, Юрьева слобода, Руза городок, Ростовци, Кремична, Фоминьское, Угожь, Суходол с Истею, с Истервою, *Вышегород*, Плеснь, Дмитриева слободка; а из Московских сел... село Михалевское, да Домантовское, да луг Ходыньский; а из Юрьевских сел ему прикупа моего село Кузмыдемьянское, да Краснаго села починок за Безкою придал есмь к Кузмыдемьянскому, да село Богородицское в Ростове. А се даю сыну своему Князю Андрею Можаеск.... а волости Можайские Исмея, Числов, Боянь, Берестов, Поротва, Колоча, Тушков, Вышнее, Глиньско, Пневичи с Загорьем, Болонеск, а Коржан да Моишин Холм придал есмь к Можайску; а се волости отъездные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сушов, да село Репиньское, да Ивановьское Васильевича в Гремичах. А *Колуга* и Роща сыну же моему Князю Андрею, и что вытягал Боярин мой Федор Андреевичь на обчем *рете* (съезде) Тов и Медынь у Смолнян, а то сыну же моему Князю Андрею. А из Московских сел ему Напрудьское село, да Луциньское на Яузе с мелницею, Деуниньское, Хвостовское в Перемышле, да луг Боровский, а другий противу Воскресенья; а из Юрьевских сел ему Олексинское село на Пекше. А се даю сыну своему Князю Петру: Дмитров,....а се Дмитровские волости: Вышегород, Берендеева слобода, Лутосна с отъездцем и Нобаш; а из Московских волостий Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка Княжа Иванова, Вори, Корзенево, Рогожь, Загарье, Вохна, Селна, Гуслеця, Шерна-городок; а из Московских сел Новое село, Сулишин погост; а из Юрьевских сел ему прикупа моего село Богородицьское на Богоне. А се даю сыну своему Князю Ивану: Раменейце с бортники, да Зверковское село с Сохоньским починком, что отошло от Князя от Володимера; а Сохна сыну же моему Князю Ивану; а в том Уделе волен сын мой Князь Иван: который брат до него будеть добр, тому дасть. А се благословляю сына своего Князя Василья своею отчинною Великим Княженьем. А сына своего благословляю Князя Юрья своего деда куплею *Галичем* со всеми волостьми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тягли к Костроме, Микульское и Борисовское. А сына своего Князя Андрея благословляю куплею же деда своего *Белым Озером* со всеми волосьми, и Вольским с Шаготью; и Милолюбский ез и с слободками, что были детий моих. А сына своего Князя Петра благословляю куплею же своего деда *Углечим Полем* и что к нему потягло, да Тошною и Сямою. А се даю своей Княгине из Великого Княженья у сына у своего у Князя у Василья из Переяславля *Юлку*, а из Костромы Иледам с Комелою, а у Князя у Юрья из Галича Соль, у Князя у Андрея из Белаозера Вольское с Шаготью и Милолюбскии ез; а из Володимерских сел Княгине моей Ондреевское село; а из Переяславских сел Доброе село; а из удела сына своего Княжа Васильона Канев, Песочно, а из сел Малиньское село, Лысцево; а из Княжа удела из Юрьева Юрьева слобода, Суходол, с Истею, с Истервою, да село Ондреевское, да Каменьское; а изо Княжа удела из Ондреева Верея, да Числов, да село Луциньское на Яузе с мельницею; а из Княжа удела из Петрова Ижьо, да Сяма. А что есмь дал своей Княгине из удела сына своего Княжа Васильева, и изо Княжа из Юрьева, изо Княжа из Ондреева, изо Княжа из Петрова во-

лости и села, а что Бог розмыслит о моей Княгине, и те волости и села во чьем уделе, то тому и есть. А се даю своей Княгине свой примысл Скирменовскую слободку с Шепковым, Смоляные с Митяевским починком и с бортью, с Вышегородскими бортники, Кропивну с бортники.... Железкова слободка с бортью, с Ивановым селом с Хороброва, и с Коньская слободка, Кузовская слободка, и что Княгини моее прикуп... А по которая места слободские волостели судили те слободы при мне, и Княгине моее волостели судят по таже места, как было при мне. А что Княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломне мой примысл Самойлецев починок с деревнями, Савельевский починок, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское: а то Княгини моей. А что ее село Репеньское и прикуп, то ее й есть. А из Московских сел даю своей Княгине Семциньское село с Ходыньскою мелницею, да Остафьевское село, да Илмовьское. А из Юрьевских сел даю ей куплю свою Петровское село, да Фроловьское, да Елох; а Холхол и Заячков, то моей Княгине. А что ми дала Княгини Федосья Суду на Беле Озере, да Колашну и слободку, и что благословила Княгиню мою Городком, да Волочком, та места ведаеть Княгини Федосья до своего живота; а по ее животе то Княгине моей.... А которые деревни отъимал был Князь Володимер от Лыткиньского села Княгини моее к Берендееве слободе, а те деревни потянуть к Лытькинскому селу моее Княгини. А по грехом котораго сына моего Бог отъиметь, и Княгини моя поделить того уделом сынов моих.... А дасть ми Бог сына (писано до рождения Константинова) и Княгини моя поделить его, возмя по части у большие его братьи; а у котораго сына моего убудеть отчины, чем есмь его благословил, и Княгини моя поделить сынов моих из их уделов.... А по грехом отъиметь Бог сына моего Князя Василья, а хто будеть под тем сын мой, ино тому сыну моему Княж Васильев удел; а того уделом поделить их моя Княгини. А вы, дети мои, слушайте своее матери... А коли детем моим взяти дань на своей отчине, и сын мой Князь Василей возметь с своего удела с Коломны три ста руб. и сорок и два рубли, и Княгини моя дасть ему в то серебро с Песочны 50 руб. без 3 руб. а с Канева двадцать руб. и два руб. А Князь Юрьи возметь с Звенигорода двести руб. и семдесят руб. и два руб.; и Княгини моя дасть ему в то серебро с Юрьевы слободы пятдесят руб., а с Суходола полпятадесять руб., а с Смоляных девять руб. а с Скирменовские слободки девять руб. А Князь Ондрей возметь с Можайска сто руб. и семдесят руб. без трех, а с отъездных мест семдесят руб. без дву, и Княгини моя дасть ему в то серебро дватцать руб. и полтретья руб. с Вереи, а с Числова полосма руб. а с Заячкова двадцать руб. и два, с Холхла десять руб., с Желесковы девять руб., с Исконьские слободки полсема руб., с Кропивны полсема руб. А Князь Петр возметь с своего удела сто руб. и одинадцать, и Княгини моя дасть ему в то серебро с Ижва тритцать руб. А Князь Иван дасть Князю Василью с Сохны пять р. а с Раменейця дасть Князю Петру пять руб. а то возмуть в тысячю р. а будеть боле или меньши, ино по тому розочту. А переменить Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возметь дань на своем уделе, то тому и есть..... А из тех волостий, и слобод, и сел, что есмь вымал у детий своих из уделов, а подавал Княгине своей, а кому будеть жалоба сиро-

там на волостели, и тем людем учинит исправу Княгини моя; а дети мои в то не вступаются. А что есмь дал сыну своему Князю Ондрею Заберегу, за то дети мои вси дают оброк Святому Спасу пятнатцать руб. на год на Спасов день. А се благословляю детий своих: сыну моему старишему Князю Василью икона Парамшина дела, чепь золота, что ми дала Княгини Василиса, пояс золот великий с каменьем без ремени, пояс золот с ременем Макарова дела, бармы, шапка золота; а сыну моему, Князю Юрью, пояс золот новый с каменьем с жомчюгом без ремени, пояс золот Шышкина дела, *вотола* сажена; а сыну моему, Князю Ондрею, снаст золота, пояс золот старый Новгородьский; а сыну моему, Князю Петру, пояс золот с каменьем пегий, пояс золот с калитою, да с тузлуки, да наплечки, да алам; а сыну моему, Князю Ивану, пояс золот *татаур*, да два ковша золоты по две гривенки. А что ся останеть золото или серебро, или иное что ино есть, то все моей Княгине. А что ся останеть стад моих, тем моя Княгини поделится с моими детьми по частем. А хто будеть моих Казначеев, или хто будеть моих Дьяков прибыток мой от мене ведали, или Посельских, или Тиунов, или хто женился у тех, те все не надобе моей Княгини и моимь детем.... А которой сын мой не имет слушати своее матери, а будеть не в ее воли, на том не будеть моего благословенья. А дети мои, молодшая братья Княжи Васильевы, чтите и слушайте своего брата старишего в мое место своего отца; а сын мой Князь Василий держыть своего брата Князя Юрья и свою братью молодшюю в братстве без обиды. А хто моих Бояр имет служити моей Княгине, тех Бояр, дети мои, блюдите с одиного. А хто сю грамоту мою порушить, судит ему Бог; а не будеть на нем милости Божии, ни моего благословенья, ни в сий век, ни в будущий».

[117] В летописях сказано, что у Димитрия был еще старший Даниил, но скоро умер. Пятый сын, Иоанн, скончался через несколько дней после отца.

Мария была жена Василия Васильевича Вениаминова и мать казненного Ивана Васильевича. О Константине Димитриевиче см. ниже, примеч. 122.

[118] Они так названы в летописях: Димитрий Михайлович, Тимофей Васильевич, Иоанн Родионович, *Димитрий Константинович*, Симеон *Иоаннович*, Иоанн Федорович, *Никита* Федорович, *Федор* Андреевич, Иоанн Федорович *Квашнин* — следственно почти все те же, которые были свидетелями Димитриева завещания. В летописях прибавлено, что Димитрий, написав духовную грамоту, утвердил оную златою печатию.

Описываемые здесь подробности взяты из *Слова о житии и о преставлении Вел. Кн. Димитрия Иоанновича Московскаго*. Оно, как творение современное, внесено в *Ростовскую* и другие летописи. Великий Князь скончался в четвертый день по рождении Константина Димитриевича, во втором часу ночи. На погребении были Даниил Епископ Смоленский и Савва, Епископ Сарский.

[119] «Аще бо и книгам не научен сый добре... И всякое смятение мирское исправляше яко *высокопарный орел*.... Раскольницы же (см. ниже) и мятежницы Царства его погибоша... Очима же зряще к земли, от нея же взят бе; душу же и ум простираше к небеси, иде же есть лепо пребывати ему... На престоле Царьстем седяше, Царьскую *багряницу* и *венец* нося, а на го-

лом телеси власяницу носяше, и во Мнишеский образ по вся часы облещися желаше».

[120] Димитрий в своих договорных грамотах пишет, что Князья Ростовские и Ярославские с *ним один человек*: то есть, они признавали его своим верховным Государем, хотя и пользовались наследственными правами Князей Владетельных до самых времен Иоанна III. О сих потомках Св. Феодора Ростиславича Черного сказано так в *Родословной Книге*: «У Князя Феодора Чернаго два сына, Давид и Константин, прозвищем Улемц. У Давида 2 сына: Князь Василий, прозвищем Грозной; служил в Орде, а был на большом Княжении на Ярославле; да Князь Михайло, сел на уделе на Молозе. У Князя Василья 3 сына: Василий, а был после отца на большом Княжении на Ярославле; да К. Глеб, да Роман: тот Романов городок поставил. У К. Василья Васильевича 5 сынов: К. Иван, да К Федор, который после отца был на большом Княженьи на Ярославле; да К. Семен Новленской, да К. Дмитрий Заозерской, да К. Воин».

[121] «Того же лета благородный и христолюб. Кн. Волод. заложи град Серпохов в своей отчине и повеле его снарядити и срубити дубов.— Милостию Св. Софеи, а поспешением Св. Михаила Архистратига, а благословением Владыкы Алексеа поставиша Новогородци город камен на Луге, на Яме, только в 33 дни.... Благослови Владыка Алексей весь Новгород ставити город Порхов камен, и послаша Ивана Федоровичь, Фатьяна Есиповичь, и поставиша главинным сребром Демественника Св. Софии».

[122] См. нашей *Истории* Т. IV, примеч. 383, и *Степен.* Кн., где сказано: «Св. Алексий, шествие творя в Нижний Новград, воздвиже тамо церковь каменну (во имя Благовещения), и монастырь устрои и селы и водами удоволив, и ту у Кн. Бориса Константиновича крести сына Ивана. Князь же Борис многия вещи двигомыя и недвигомыя даде к тому монастырю» — Сей Митрополит учредил еще в Владимире обитель Царя Константина и Св. Елены. О строении Чудова монастыря сказано: «Постави в нем трапезу велию каменну и погребы каменны, еже есть и доныне; многа же села, и люди и езера, и нивы, и пажити подава монастырю тому». Далее см. *Никон. Лет.* IV, 227. Сын брата Сергиева, Стефана, Иоанн, на тринадцатом году от рождения был пострижен дядею, назван Феодором, сподобился Священства [29*] и вздумал основать для себя особенный монастырь. Сергий желал, чтобы он по кончине его игуменствовал в Троицкой Лавре; однако ж дал ему благословение и вместе с ним избрал место для новой обители близ Москвы, называемое *Симоновым*, где Феодор построил каменную церковь во имя Успения Богоматери. Митрополит Алексий поставил сего добродетельного Инока в Игумены, а Патриарх Нил (в 1383 году) в Архимандриты. «Нил, беседовав с ним любезно, зело возлюби его и учини монастырь Симоновский во имя Патриарше, и грамоты свои даде Феодору, дабы Митрополиту не владети монастырем Симоновским ничим.... По мале же времени Великий Князь и Святитель умолиша Феодора, дабы был Епископ граду Ростову... и бывшу ему в Цареграде, даде ему Антоний Патриарх честь велию называтися *Архиепископом* Ростовским: изначала же тамо Епископи быша до лета 6898» (1390).

В Симоновском монастыре хранится так называемая *Кормо-*

вая книга с следующею надписью: «Великий Господин Святейший Иосиф Патриарх всея великия *Росии*, прежде бывый в Симонове монастыре *Архимарит*, изволи с тое Кормовые книги по своей вере для ветхости переписать новую Кормовую книгу... своею келейною казною, уставным добрым писмом... и повеле те обе книги, ветхую и новую, отдати в Симонов монастырь Архимариту Илие с братиею... Лета 7151 (1643) Февр. в 20 день». Вверху на листах подписано рукою Иосифа: «Смиренный Иосиф Божиею милостию Патриарх Московский и всея *Русии*». В сей книге сказано: «Дал Государь Князь Великий Дмитрей Иванович *Донской* пречистой Богородицы в дом на Симоново воды на Волзе, ниже Новагорода, Еллиньские, да Люлеховские с озеры и с пески, и с *заводми* и с *подвальи*; да у Соли у Галической *колодязи соляные*, да *варницы*, да дворище дровяно, да двор на приезд Старцом и слугам; да селцо Борисовское с деревнями по своей душе на поминок в наследие вечных благ. Дал Кн. Вел. Василей Димитриевичь во Ржевском уезде слободку Рожек с деревнями и с озеры и со всеми угодьи, а в слободке церковь во имя Св. Чюдотворца Николы, да *ев* на реке на Селижарове, да с своих Государевых черных волостей дал в монастырь оброку рыбы со Вселуцкие волости 400 костоголова, да с Кличенские волости 400 же костоголова на всяк год по своей душе и своем брате по *Князе Константине Дмитриевиче*, *Иноке Касияне*, на поминок. Дал Кн. Констянтин, Инок Касиян, Доньскаго сын, в Ржевском уезде во своем селе в Сижках по вся годы по 20 кадей ржи, да по 10 кадей овса, да по 5 кадей пшеницы, да по 10 сыров, да по пуду масла по своей душе на поминок. В лете 7066, Апр. в 13, на Св. неделе в Среду, был Государь Царь Кн. Великий Иван Васильевичь всея Руси на Симонове и приказал Архимариту Феоктисту с братию по Князе Констянтине, Иноке Касияне, понахиды и обедни служити, и колачи и рыбу и квас на братию имати с болшова дворца от Дворецкаго... Да Государь же Царь дал на Княжь Констянтинову Иноку Касиянову гробницу покров бархат черн, а крест на нем бархат червьчат... В лето 7069 Государь Царь Иван Васильевичь пожаловал дал в Симонов монастырь колокол Аглиньские земли по *Великом* Князе Констянтине, Иноке Касияне; а весу в нем 33 пуда, а круг колокола слова Немецкие». Следственно Князь Константин Димитриевич скончался Иноком Симонова монастыря; чего мы не знали. По сей книге известен день его смерти: Маия 9.

Великий Князь Василий Васильевич и наследники его также дарили сию обитель, а всех более Царь Иоанн Васильевич. Однажды прислал он 15 рублей и на *Старое Симоново*, где ныне приходская древняя церковь Рождества Богоматери (см. выше, примеч. 82). Вероятно, что там был застроен Симонов монастырь, а после перенесен на его нынешнее место.— Кроме Государей и Князей Удельных, Бояре (в особенности Мстиславские, Головины, Черкасские, Бутурлины) купцы и всякого состояния люди присылали Монахам деньги, вещи серебряные, богатые одежды, хлеб, лошадей, и проч. Сии вклады идут до 1681 году; далее... белая бумага.

Высоцкий монастырь основан в 1374 году. Пишут, что Св. Сергий пришел из Троицкой обители в Серпухов пешком: ибо, желая трудов, не любил ездить.

1379 году он учредил еще монастырь на реке Дубенке по воле Великого Князя (см. *Троицк. Лет.*), назвавшего оный своим *присным* монастырем. В житии Сергия сказано, что Димитрий перед битвою с Мамаем обещался посвятить сию новую обитель Богоматери. Первым Игуменом был в ней Леонтий (а не Савва) Иерей Троицкого монастыря. Церковь ее святили Дек. 1.

Об Афанасии в *Троицк.*: «и пребысть неколико лет во Игуменстве, и потом Бога ради оставль Игуменство, и прииде в Царьград, и купи себе келью, дал 1 *драфат*, и тамо в старости преставися». Там же, под годом 1382: «с ним (Киприаном) вкупе поеха Игумен Афанасий из Серпохова с Высокаго в Киев». Автор *Исторического Словаря Монастырей* (стр. 82) рассказывает басню, что послы Царя Иоанна Палеолога в 1392 году умолили сего Игумена быть Константинопольским Патриархом, и что Афанасий отправился с ними в Грецию.

[123] См. выше, стр. 35. В *Ростов.* и *Троицк.*: «Того жь лета Дионисий Епископ посла изо Царягорода с Черньцем с Малахием с Философом икону, преписав, образ Божия матери Одигитриа, в тот же образ, в другую икону посла тое же Божия матери на Русь, и едину убо поставиша в Св. Спасе в Новегороде в Нижнем, а другую в Суждале в Сборной церкви.... Тое же зимы (1382) приде изо Царягорода на Русь Дионисий, а в Суждаль Генв. в 6, и воду крестил на Богоявление, а исправил себе Архиепископью... и по пем пребыти также иным Епископом в тых пределех. Вда ему Патриарх фелонь с четырми кресты, а стихарь со источники; еще же вынесе изо Царягорода и Страсти Спасовы и мощи Святых». Далее в *Троицк.* (г. 1374): «Дионисья, мужа кротка, смерена, хитра и разумна, промышлена же и разсудна, изящена в писаниях и учительна... и в постном житье провозсиявша и любовь ко всем стяжавша», и проч.

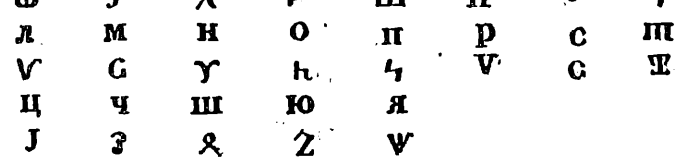
[124] В *Ростов.* г. 1374: «побиша *Стригольников* еретиков: Диакона Никиту и Карпа простца и третияго человека с ними; свергоша их с мосту развратников святыя Веры». См. также *Никон. Лет.* IV, 46, и Св. Димитрия *Розыск.*

О Дионисии см. *Новогород.* и *Никон. Лет.* г. 1382 «Прииде изо Царягорода в Новгород Великий Дионисий от Патриарха Нила с благословением и с грамоты, в них же писано о проторех, иже на поставлениях, укрепляя от соблазн и от ереси Стригольников... Тако и сотвори в Новегороде и во Пскове, и устави мятежи о проторех: ино бо есть мзда, ино исторы на поставлениях... и поучив их довольно и прииде в Суздаль Генв. в 6 день». В *Розыске* напечатана грамота Патриаршая ко Псковитянам; но Патриарх назван в ней Филофеем, который умер еще в 1376 году. Другая известная нам грамота о Стригольниках (см. *Послание Рос. Митрополитов*, в Синод. библиот. № 164, л. 316) писана от имени Патриарха *Антония*, правившего Константинопольскою Церковию от 1387 до 1396 года. Там сказано: «Посла наше смирение и Великий Сбор боголюбив. Архиепископа Суждалскаго Дионисия к вам с грамотами (к Псковитянам), мужа честна и благочестива, и священных канон *известахранителя*», и проч.— Послания Митрополита Фотия к Псковитянам доказывают, что ересь Стригольников была и в его время (см. ниже, примеч. 292).— Далее в летописях: «Пойде (в 1383 г.) о Петрове дни во Царьгород Дионисий Архиеп. Суждальский, а Князь Великий

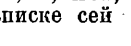
Дм. Ив. отпустил с ним вкупе отца своего духовнаго, Игумена Феодора Симоновскаго, о управленьи Митропольи Руския... Прииде (в 1384 г.) изо Царягорода в Киев Архиеп. Диоиисий, его же поставиша во Царегороде Митрополитом на Русь, и помышляше ити на Москву, хотя быти Митрополитом на Руси, и изъима его Киевск. Кн. Володимер Олгердовичь, глагола ему: пошел еси на Митрополью во Царьгород без нашего повеленья. И тако пребысть в пятьи и заточеньи до смерти.... Окт. в 15 (1385 г.) преставися в Киеве Арх. Диоиисий, поставленный Митрополитом на Русь, и положен бысть в Киевской печере Св. Антонья, и есть тело его и доныне цело и нетленно». Великий Князь отправил с Диоиисием в Царьград Духовника своего без сомнения для того, чтобы способствовать ему в искании сана Митрополитского. И мог ли сей Архиепископ вопреки Димитрию быть главою нашей Церкви, особенно после истории Пименовой? Ясно, что все делалось по воле Государя.

Далее: «Приидоста из Царягорода 2 Митрополита Гречина, Матфей и Никандр, с Архидиаконы и сановницы, и позываху Митрополита Пимина в Царьгород (зимою в 1384 г.)... Мая в 9 (г. 1385) Пимин Митроп. пойде во Царьгород в судех по Волзе к Сараю. Аврамей, Игумен Ростовский Низкий, пойде с ним». Игумен Феодор отправился в Царьград в 1386 году: «В то же время из Новагорода из Нижняго Ефросин, Архимандрит Диоиисьев, пойде во Царьгород на поставленье своея Епископьи Суждальския... По Петрове дни за неделю (в 1388 г.), Июля в 6 день, в Неделю приде Пимин на Русь изо Царягорода не на Киев, но на Москву, а приде без исправы.... Во Вторник на Страстной неделе (г. 1389) Пимин Митр. выехав с Москвы и пойде во Царьгород, и поя с собою Михаила Епископа Смоленскаго, да Сергия, Архимандр. Спасскаго, а Князя Великаго утаився... (*Никон. Лет.* IV, 159). Бе бо и распря некая промеж их».

[125] В Архивских бумажниках Миллера, № 199, я нашел сию любопытную азбуку, взятую из древней рукописи о житии и делах Стефановых. Вот сии буквы:



Пермские их имена: *Ан, Бар, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нено, О, Пей, Рей, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я.* В другом списке сей азбуки еще прибавлены



и некоторые буквы изображены иначе.

Герасим был Наместником Митрополии после кончины Митяевой.— Все подробности взяты мною из жития Стефанова (см. *Минеи Чет.* Апреля 26; см. также *Степен. Кн.* I, 524—525, и *Ростов. Лет.* под год. 1396). Отец Стефана, прозванного *Храпом*, именовался Симеоном, а мать Мариею. Арсений, Епископ Ростовский, посвятил его в Диаконы, а Герасим Коломенский в Священники. Древний Ростовский монастырь Григория Богослова уже не существует ныне.— В *Степен. Кн.* так именованы народы Пермии и других окрестных земель: «Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычекжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь, Гамаль Чюсовая». Об идоле *Золотой Бабы* сказано в рукописной Новогородской летописи под г. 1398: «Преставися Св. Стефан... Сей научи Перьмскую землю Вере Христове... а прежде кланялися зверем и древом, воде, огню и *Златой* Бабе». Гваньини в своей книге Rer. Polon. II, 205, пишет: In hac Obdoriae regione est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moschovitis *Zolota Baba* dicitur [В этой Обдорской земле есть некий очень древний идол, высеченный из камня, который московиты называют Золотая Баба], и проч. Далее он рассказывает, что сия изваянная Золотая Баба держала одного младенца на руках, а другой стоял подле и назывался ее внуком; что ей приносили в жертву шкуры соболиные и прочие; что люди ели сырые кишки и мясо убитых в ее честь оленей, а жрец вопрошал между тем идола о будущем; что звук в горах происходил, по мнению Гваньини, или от искусственных орудий, или от естественных подземельных каналов и ветра. См. также Герберштейна Rer. Moscov. Comment. 61. Об идоле *Воипеле* упоминается в грамоте Митрополита Симона к Пермякам (см. *Послание Рос. Митрополитов*, в Синод. библиот. № 164), «а кумиром бы есте не служили, ни Воипелю болвану».

[126] Стефан ездил туда по летописям в 1386 году. О кончине его: «Априлиа в 26 день преставися Еписк. Перм. Стеф., и положен бысть на Москве в монаст. Спаса, за стеною... ему же на велицем Сборе по вся году возглашают вечную память».

[127] В *Ростов.*, г. 6884: «Прииде некоторый Митрополит, именем Марко, от Пресв. Богородицы из Синайския горы милостыни ради. В то же лето прииде из Иерусалима Архимандрит, именем Нифонт, из монастыря Архан. Михаила, такоже милостыни ради на Русь, и паки собрав милостыни отъиде, и ста тем на Патриаршество Иерусалимское».

[128] См. выше, примеч. 55. В описании Пименова путешествия в Царьград сказано: «поидохом в монастырь Св. Ивана, еже глаголется Греческим языком Продром, Руским же Предотеча, и ту поклонихомся, и успокоиша нас добре тамо живущая Русь». *Никон. Лет.* IV, 158.

[129] Здесь говорится в первый раз о Епископах Московского Звенигорода.

[130] «Аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зело видением, места точию (суть ныне); пусто жь все и ненаселено». Сии города могли быть Рязанские, опустошенные Татарами.

[131] У нас были Князья *Кривоборские*; но они произошли от Стародубских.

[132] Не было ли тут кладбища Татарского? В *Больш. Чертеже*

упоминается о сем месте так: «ниже устья Сосны, на Дону, *Донская беседа*, каменной стол и каменные съсуды».

[133] «В Неделю жь пятую минухом реку Медьведицу, и Горы Высокия реку, и Белый Яр реку; в Понедельник же горы каменныя красныя, во Вторник же Терьклию (по другим спискам *Серьклию*) град минухом пловуще: не град же убо, но точию городище; тоже и перевоз минухом, и тамо обретохом первие Татар много зело». Сие городище *Серклии* (или Козарского *Саркела*) было следственно в земле Донских Козаков, около Качалинской Станицы, где Волга и Дон сближаются, где находилась Царицынская Линия, и где Козары всего удобнее могли основать крепость для защиты своих владений от Волжских Печенегов (см. сей *Истории* Т. I, примеч. 90).— Далее: «В Среду же минухом Великую Луку... в Пяток Червленые горы... в Понедельник Бузук реку; в канон Вознесеньева дни приспехом, пловуще до моря, града Азова. Тогда же бо во Азове живуще Фрязове и Немцы».— Далее: «И отступихом в море, и бысть в полунощи, кораблю стоящу на якорех... и догнаша нас Фрязове в *сандальцех* и наскакоша в корабль наш борзостию, и бысть топот великий на мосту корабля... И рече ми Игнатей Епископ: что, брате, сице стоишь, ничто же печали имея? сии Фрязи нашего Господина Митрополита емше сковаша, и Ивана Протопопа, и Григорья Протодьякона, и Германа Архидиакона, и Михаила Дияка: должни бо им суть; мы жь с ними без вины погибаем.— Таже воспросихом Старейшину Фрязь тех, что хотят и нам створить? он же отвеща глаголя: не бойтесь; что убо вашего, и вы своя вся возмете... Умолени быша Митрополитом, и довольну мзду вземше, всех нас отпустиша невредимых... И во второй день пойдохом оттуду... и пройдохом *устие* Азовскаго моря (Воспор Киммерийский); в шестый же день, в Субботу минухом Кафинский Лимень и Сурож». Здесь *Сурожем* назван город Судак, где в VIII веке Св. Стефан был Архиепископом; так называлось и море Азовское (см. *Воскресен. Лет.* II, 286). Далее путешественник рассказывает, что их занесло ветром к Синопе; что тамошние граждане угостили Россиян пищею и вином; что они 15 дней пробыли в Пандораклии, и взяв *сандалии*, отправились на оных в Астравию, где старались разведать о Турецком Султане Амурате, который воевал с Сербским Царем Лазарем. Следует история Амурата, будто бы происшедшего от Царя *Ачемийского* (по другим спискам *Аземийского*, *Аземского*) или *Армянского*! Аркан (Орхан), правнук сего Христианского Монарха, принял Веру Магометову, и был отцем двух сыновей, Солимана и Амурата. Последний завоевал многое Государства, и сразился с Лазарем Сербским. Далее: «Бе же некто у Лазаря Сербскаго слуга вереп сый; нецыи жь оклеветаша его, яко неправо служит Царю. Сидоша же ся полцы обои и бысть сеча зла. Оклеветан же он, правую свою службу хотя показати, вниде в полк Турскаго Царя Амурата, являя себя бежаща; ему же Турстии полцы раступишась, дающе путь. Он же, являя себя с любовию идуща ко Амурату, и внезапу вонзе мечь свой в сердце его, и в той час умре Амурат. Убиен же бысть и чюдный той слуга Християнский, и сице Турки смятошася... И вскоре Амуратова сына, Баазита, поставляют Царя над собою, и начаша одолевати Сербскаго Царя, и яша Лазаря руками, и Воевод его, и все воинство... Повеле же

Баазит Сербск. Царя Лазаря мечем посещи. Бысть же сия битва в лето 6897 (1389). Сице убо нам поведаша гражане, зане бехом в Турской Державе, и мятеж бысть велий в той стране, и убоявшеся мятежа, отпусти Пимин Митроп. Черица Михаила ко Царюгороду, а Михаил Епископ Смоленский *мене* и Игнатия, а Сергей Архимандрит своего Черица». Следственно Автор — вероятно Монах — находился в свите Смоленского Епископа. Он был в Константинополе до 1391 года, и собственными глазами видев коронование Царя Мануила, описывает оное таким образом:

«Той нощи бысть бдение всенощное в велицей церкви Патрияршей в Софии... Наставтужь дни, приидохом тамо, и даша нам смотрети сана того и чина на поставлении. И снидеся народа многое множество, мужеский полк внутрь святыя церкви, а женский на полатах, и сице дивно и любомудро бысть: вси убо женского полу стояху на полатах за шидяными запонами; лиц их украшения прелестнаго никомуже от народа не видети..... жены жь стояща на полатах видяху вся. Певцыжь стояху украшени чюдно; ризы имеяху аки священныя стихари широцы и долзи, сицеже и рукава их широцы и долзи, ови камчаты, а друзии же шидяны; наплечники их со златом и с бисером и с круживом; на главах же их воскрылцы остры со златом и с бисером и с круживом, и многое их множество собрано, и толико бысть чинно, яко написаны зряхуся. Старейший жь их бе муж дивен и красен зело, и сединами аки снег белеяся. Бяху же ту и Римляне от Рима, и от *Испании Немцы*, и Фрязове от Галаты, а инии Цареградстии, а инии Зеновицы, а инии Венейцы, а инии Угры, и тех беяше чин видети чюден, и стояху на два лика, и коиждо своея земли знамя имеяху на себе, и одеяния ови багряни бархаты, а друзии вишневы бархаты, а инии темносини бархаты, а инии черныи бархаты. Беяше же под полатами на правой стороне чертогов 12; степени жь цириною две сажени, а оболчени вси червленым червцем, на них же поставлени два стола златии[30*]. Тогдажь той нощи Царь Мануил на полатах бысть, и егда приспе первой час дни, сниде с полат, и вниде во святую церковь предними великими дверми, иже глаголются Царские двери, а певцы пояху пение пречюдно и странно, и несказанно ум превосходяще; и бысть шествие Царево толико гихе и кротко, три часы от предних врат до чертога, а обапол Царя 12 оружников, и от глав их и до ног их все железно; а пред ним грядяху два стяжка власы черны, а древо их и ризы и шапки черлены; а пред теми двемя стяжки грядяху Подвоинские, а посохи их сребром и златом окованы, а на концах их жемчюгом осажено.

Дошедшу жь Царю до чертога, и внидо в пресветлый той чертог, и облечеся в Кесарскую багряницу и в диядиму Кесарскую, и венец Кесарский около главы со столпчики возложи, и изыде из чертога и взыде наверх, и приведоша Царицу, и седоша оба на столех златых.

Тогда убо начаша Божественную Литургию; а Царь седит на златем столе; сицеже и Царица седит на златем столе, и егда хотяше быти Выход, и пришедше два великая Архидиякона ко Царю, и сотвориша поклон мал, точию главы своя к персем своим мало приклониша, благочинно зело и уставно, и возста Царь и пойде ко олтарю, а стяжки пред ним грядяху, и оружницы оба-

пол его грядяху. Вшедшу жь Царю во Св. олтарь, сташа стяжки и оружницы пред олтарем на обе стране Святых дверей Царских; и облекоша Царя во священный фелонец мал, еже есть ризицы малы багряны, точию до пояса. Иде Царь на Выход, свещу в руце держа. Антоней же Патриярх стояше на своем месте среди церкви, и сотворяя Выход, взыде на священный анбон, и Царь с ним, и принесоша к Патриярху Царский венец на блюде покровен, такожь и Царицын венец.... И благословишася у Патриярха два великая Архидьякона и идоша по Царицу, и пришедше к ней, сотвориша поклон мал.... Прииде Царица до анбона, и положи Патриярх крест на Царя, и даде ему крест в руку, и взем Кесарский венец, и возложи на главу его, а другий венец даде ему в руку его, и повеле ему возложити на Царицу его, сошед доле. Он же сниде доле, и помоав, доле стоя, Патриярху на амбон рукою и венцем, и Патриярх, стоя на анбоне, издалеча благослови рукою своею Царя и Царицу; они же оба купно равно сотвориша поклон к Патриярху, и пойдоша на своя места и седоша на златых столех; а Патриярх Выход сотвори, и вниде во Св. олтарь Царскими дверми, и егда Херувимская песнь приспе, и шедше великая Архидьякона и сотвориша Царю поклон мал... Тогда убо встав Царь со страхом и трепетом и с великим вниманием благочинно зело иде во олтарь, и одеша его во священный фелонец, и преже всех шествова Царь пред Св. Царскими дверми, в переносе свечу возженну в руце держа, сице из олтаря изыде и во олтарь вниде: преже всех он грядяше, и по нем благочинно и уставно зело св. Великий Собор с великою красотою и честию... яко ум человеческий превосходя. Многожь бяше шествие их со Св. дары, колико Херувимской песни есть от начала и до конца, сице шествие их; пение же бяше долго зело и красно. По пренесении во Св. олтарь Божественных даров ходит Царь около престола, и пребысть Царь в олтаре до Св. Причащения, и егда [illegible]ысть время Св. Причащению, и шедше великая Архидьякона, сотвориша поклон мал Царице.... и егда сниде от престола Царица доле, и ту стоящии народи разодраша всю опону чертожную Кесарскую, колику кто восхити себе. И иде Царица с великим страхом и трепетом и умилением южными враты в крыло олтаря, и даша ей Св. Причастие; Царьже от Патриярха с Священники причастись у престола Христова. Исшедшужь ему из олтаря, Патриярхужь седшу на своем Святительском месте из олтаря исшедшу, прииде к нему Царь в Кесарьской багрянице и диядиме, и благослови его Патриярх и Царицу его, и даде ему завет православия соблюдати непоколебимо своя Царская, и никакожь претворяти уставы древния, ниже восхищати не своя, и стяжати преже всего страх Божий и смертную память, яко земля еси и паки в землю пойдеши, и прочая... И по Патриярховых глаголех никтожь можаше и смеяше преже приступиши ко Царю, и глаголати ему о здравии, ни Князи, ни Бояре, ни вои. Но точию приступят к нему мраморницы и гробоздателие, принести показуют ему мраморы и камение от различных лиц, и глаголют, которым лицам велит быти Держава твоя гробу твоему? притчею воспоминающе ему, глаголюще: Человек еси смертен и тленен, мимоходя в суетнем сем исчезаемом и скоропогибаемом житии, пецыся своею душею и благочестне Царство строй; елико убо велик еси, толико сми-

ряй себе, понеже силнии силнее истязани будут; и якоже убо богохулнии согрешают к Богу, сицеже и горделивии в гордости своей согрешают; но и паче имей убо всегда страх Господень и смирение и любовь и милость, и до сохранен будеши и соблюден небесною любовию Господнею и милостию. И сице им глаголавшим, якоже тамо во уставе писано есть, и потом идоша Князи и Стратилаты и Попы и вои и вси Велможи, глаголюще ему по обычаю их. И венчавшусь ему на Царство, и посем благословись Царь у Патриярха с великою тихостию и смирением, и изыде из церкви благочинно зело, якоже некий Священноначальник великий, и осыпаша его ставратами народи, иже похваташа койждо руками своима. Сице древнее предание Царем бысть на поставлениях их на Царство, и сице поставляхусь».

За тем Сочинитель описывает свое путешествие в Иерусалим.

[134] Сия грамота находится в собрании Двинских. Вот она: «Се яз Князь Великий Дмитрей Ивановичь пожаловал есмь Ондрея Фрязина Печерою, как было за его дядею за Матфеем за Фрязином; а в Перми емлеть подводы, как было и доселе; а вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а он вас блюдеть. А ходить по пошлине, как было при моем деде, при Князи при Великом при Иване, и при моем дяде при Князи при Великом при Семене, и при моем отци при Князи при Великом при Иване, так и при мне».

[135] Монет Ханских у нас довольно в Кабинетах, с разными Татарскими надписями. На многих изображены орлы, павлины, лебеди, тигры, львы, всадники, человеческие головы и слова: «Алкаб Саин Хан халеде аллагу муккугу»; то есть: Алкаб Саин Хан, коего царствование да продлит Божия милость» (см. Petersburg. Journ. г. 1781, Ч. II, стр. 24). Абульгази именует *Саином* Батыя; но может быть и другие Ханы так прозывались. На иных вырезано имя Абул-Хаир-Хана или изречения взятые из Алкорана. Восемь или девять таких монет составляют весом около золотника; иногда более и менее. О танге и пуле см. Абульгази Hist des Tatars, стр. 542, и Дженкинсон. Путешествие в Бухарию [31*–], в *Гаклуйте* или [–31*] в Allgem. Reis. Ч. VII, стр. 527; см. также в Бержеронов. Voyage de Marc Paul, стр. 79, и Voyage de Mandeville, стр. 19. Герберштеин, стр. 41, сказывает, что в Московской серебряной денге считалось 60 *пул*. Сие имя сохранилось в названии *полушки*. Некоторые умники производили имя *денег* от *дня*, а *полушки* от *половины ушка*. [32*–]В Кабинете С. Петербург. Академии Наук, у Г. Круга и Графа А. И. Мусина-Пушкина есть несколько пул или медных монет с надписью: *Великаго Князя Ива... Иван...* На серебряных монетах Донского видим изображение всадника, с словами: *Великий Князь Дмит....* или птицы, с надписью: *Князя Великого Дмитрея*, и с другою Татарскою, неясною. Мне известны еще две монеты Удельных Князей Димитриева времени: *Кашинская* и *Ростовская* [–32*]; на первой изображен всадник, держащий на руке птицу, и слова: *Князя Василья Михайлов...* а на второй человек с секирою, дерево, птица, голова какого-то зверя и слова: *печать Кня... Ондр... Ф....* то есть: Андрея Феодоровича Ростовского. Я видел также монеты с словами: *Волод....* [33*–](может быть, Князя Владимира Андреевича *Храброго* или Владимира Пронского) и: *Князь Данило* (вероятно, не сын Невского, а *Борисович*, К. Нижегородский, внук Константинов) [–33*].— Спрашивается: *сколько* таких

денег было в *рубле*? Герберштеин пишет, что при Великом Князе Василии Иоанновиче считалось в рубле 200 Московских денег (см. Rer. Moscov. Comment, стр. 41); но монеты сего времени гораздо легче Димитриевых: их более десяти в золотнике. Мы говорили о весе рублей до 1535 года (см. нашей Истории Т. IV, примеч. 250): Герберштеин ценит оные в два червонца Венгерские: слишком дорого по нынешнему отношению серебра к золоту! Древние монеты, собранные нашими любителями древностей — в Кабинете Академическом, Графа А. И. Мусина-Пушкина, Г. Круга, Ивана Петровича Бекетова, Графа Ф. А. Толстого и других — разделяются на четыре класса: одни без надписи, с изображением разных зверей; вторые с Татарскою надписью (те и другие не наши, вопреки мнению Князя Щербатова); третьи с Русскою и Татарскою (битые, как вероятно, для платежа дани Ханам); четвертые с одною Русскою надписью.— Заметим, что в Галиции еще около 1355 года ходили так называемые *Русские* гроши, *Grossi Ruthenicales* (см. Энгеля Gesch. v Halitsch, стр. 601) — В *Древн. Рос. Вивлиоф.* I, 85: «на правду два *алтына*, а дальний езд верста по *резане*». В позднейшем договоре Велик. Князя с Олегом Рязанским говорится только об алтынах и денгах (стр. 94): «а мыта с воза по дензе».

[136] Италиянец Полидор Виргилий, умерший в 1555 году, в книге своей de Inventoribus rerum, сказывает, что порох и ружейной ствол изобретены Бартольдом, и что сей человек сообщил свое открытие Венецианам, без сомнения не в 1380 году, как многие утверждали, а прежде, когда Эдуард III в 1346 году имел пушки, и когда во Франции порох известен был с 1338 года (см. Рапин. Hist d'Angl. T. III, стр. 196, и Даниеля Hist. de France, T. III, стр. 467).— Некоторые пишут, что порох и пушки, изобретенные около XII века в земле Ахемской или Ашамской, употреблялись сперва в Пегу, Китае и проч (см. Щульц. Gesch. des Osman. Reichs, кн. II, стр. 486) Автор XIII века, Секретарь Египетского Царя Салеха, упоминает о громе пушечном. Абу Абдала Эбн Алькатиб, Испанский Мавр. пишет о снаряде огнестрельном Короля Гренадского, в 1312 году осаждавшего Базу (см. Fortgesetzt. Betracht. über die neuest. historisch. Schrift. Ч. II, стр. 480). Пельцель в своей Богемской Истории доказывает, что ружейный ствол изобретен Бераунским гражданином в царствование Короля Иоанна, между 1310 и 1346 годами.— Рогер Бакон, умерший в 1294 году, в упомянутом сочинении de nullitate magiae пишет так: «Вы можете произвести гром и молнию, когда хотите, если возьмете серы, селитры, угольев; смешаете их и вложите в какой нибудь заткнутый ствол», и проч. (см. Encyclopédie под словом Poudre).— О *живом огне* Харазского Турка см. нашей *Истории* Т III, примеч. 68. О том, когда и как вошло в Россию искусство огнестрельное, нашел я известие в летописи Голицынской, полученной мною от Графа Ф. А. Толстого. Она писана полууставом, в лист, при Царе Алексии Михайловиче. В ней сказано, л. 215: «в лето 6897 вывезли из Немец арматы на Русь и огненную стрелбу, и от того часу уразумели из них стреляти». За сим следует описание нашествия Тамерланова и чудо Богоматерина образа в 1395 году.

В Княжение Василия Димитриевича сгорело в Москве несколько дворов от делания пороха.

[137] В *Троицк.*: «тое же зимы и тое весны являшеся некое знамение на небеси на Встоце пред раннею зарею, аки столп огнен и звезда копийным образом (см. Cométographie г. 1368 и 1382).... Бысть Благовещенье на Св. Недели в Среду, а снег лежал по Велице дни с четыре недели, а люди ездили на санех». О другой Комете, засухах и пожарах см. ниже в сем примечании.

Случаи Димитриева времени, о коих мы не упоминали:

В 1362 году преставились Роман, Митрополит Литовский и Волынский, Даниил Епископ Суздальский и Епископ Афанасий в Костроме (см. *Никон. Лет.*). Моисей, бывший Архиеп. Новогородский, построил каменную церковь Благовещения на Михайлове улице, а преемник его, Алексий, также каменную церковь Св. Рождества *на сенях*, освященную им 1 Сент. В 1363 г. зимою Архиепископ Моисей преставился: Алексий сам положил его в раку и погреб в монастыре Св. Михаила на Сковоротке. 25 Генв. расписана в Новегороде церковь Богоматери на Волотове, в Моисееве монастыре, повелением Архиепископа. (В *Никон.*: «по обеде убо в церкви Владыко Алексей Суздальский благослови крестом Вел. Князя Андрея Констянтиновича Суждальскаго и Новагорода Нижняго, и в той час из креста пойде миро»). В *Псковской*: «Упаде верхь церкви Св. Троици на третий день Петрова дни, и приставиша засаду Изборскую, и выносиша камень и звук».— В 1364 г. купцы Новогородские и другие набожные люди построили в Торжке церковь Преображения, освященную Архиеп. Алексием зимою. (В *Никон.*: «бысть стреляние и шибение громное во Твери на Соборн. церковь, и знамения многа, и молния, и вихри... Андрей Костянт. Суздальский и Нижн. Новагорода пострижеся; бысть же духовен зело и добродетелен... Бысть сухмень велия, и воздух куряшеся, и земля горяше»). В Новегороде построены 2 деревянные церкви, Воздвижения и Евангелиста Луки. В Корельском городке Яков Посадник совершил каменный костер (башню). «Псковичи даша наймитов 5 рублей; они же, разбивше стены церкви Св. Троицы, звук выносиша в Великую реку. Поставиша (Псковичи) 2 варници на Рухе, и начаша соль варити, и то не сбыстьcя, и повергоша».— В 1365 Алексий Митрополит заложил в Москве кам. церковь во имя Арханг. Михаила или бывшего чуда его в Хонех; она совершена в то же лето. Митрополит Алексий отнял *Новогородскую* Епископию у *Суздальского* Владыки *Алексия*: Сей Епископ скончался зимою (так в *Никон.* и в других; но в *Ростовск.* сказано, что Алексий *Суздальский* умер в 1364 году, а Митрополит отнял Епископию *Новогородскую* у Владыки Алексия в 1365: следственно здесь разумеется Владыка Вел. Новагорода: что подтверждается и Синодальною летописью № 349, где вместо слов: «отня Епископью», стоит: *Архиепископью*). Новогородский Архиеп. Алексий поставил кам. церковь Сретения на воротах в монаст. Св. Антония, Лазута камен. церк. Св. Николая на Лятке, а другую заложили на Рядятине улице во имя Троици. В Конце Славянском было чудо: в церкви Св. Петра шла роса от иконы Богоматери. «Псковичи наяша мастеров и даша делу мзды 400 рублей; они же заложиша церьковь Св. Троицы по старой основе». (В *Никон.*: «бысть знамение, солнце аки кровь, и по нем места черныи; и мгла стояла с поллета, и жары велицы; лесы и болота горяша, и реки пресохша, и бысть страх велий... Пойде в Орду К. Ва-

силей Кирдяпа, сын Кн. Дмитрея *Суздальского*»).— В 1366 «Князь Кипрский (в *Никон.* Андрей Пигор) поплени град Александрию Египетьскую; изби вся ту живущая Сарацыни и Бесермены, и Насавиты и Армены, и Турки, и Фрязы, и Черкасы, и Жиды; и про то разгневася на Хрестияны Царь Египетьский Салтан, и посла рать на Антиохею и на Ярусалим; церкви разграбив, и двери их каменьем загради, а иныя колодьемь заваляв извону (извне), а Християны вся казнив, а именья их отня, а монастыри Синайския разори, Игумены и Попы изби, а Епископы вверже в темницу, а Михаила, Онтиохийскаго Патриарха, распя. И тогда же солнце погибе, Авг. в 7 день по утру, в 3 час дни; осталося его аки трех ден молод месяц; щербина бе ему с полуденныя страны, но мраку аки синю от Запада приходящу, и пребысть тьма с час един, дондеже обратися солнце щербиною к земли, и тако нача паки свет свой припущати. Слышав же Царь Царегородский Иван, печалуя, посла к Салтану Египетьскому о миру со многими дары. Он же мир створив, Патриарха (Иерусалимского) и Епископы отпусти, а церкви им паки предасть, а взя у них 20 000 рублев серебром, кроме иного узорочья и даров». Совершили в Новегороде церковь на Рядятине улице. (В *Никон.*: «бысть сухмень и хлебная дороговь, и с того люди мряху.. Князь Михайло Александровичь Тверский поставил градок Новой на Волзе»).— В 1367 Марта 20 скончался Тверский Епископ Феодор в Отроче монастыре, и положен в малой церкви Введения, в одном месте с Владыкою Андреем. Постриглась в Нижнем вдовствующая супруга Кн. Андрея Константиновича, Анастасия (по *Никон.*). Июля 23 страшным громом убило в Городце в церкви Св. Лазаря, во время Вечерни, Монахов и Монахинь, а в селах также не мало людей. Умерли Новогородские Посадники Онцифор и Никита. Во Пскове довершили церковь Св. Троицы, и поставили другую, Св. Иоанна Богослова, на Снетогорском дворе.— В 1368 «на зиму прислаша Псковичи Оданью Посадника и Павла, в Новгород: Архиепископ же Алексий посла во Псков отца своего духовнаго, Протопопа Иоанна, и Протодиакона, и священа бысть во Пскове церковь Св. Троицы Генв. в 10 [34]*.. Тое же осени и тое зимы явися звезда хвостатая... Заложи Лазута церковь каменну во имя Св. Петра конец Славна». Новогородцы отправили в Немецкую землю послом Саву Купрова. Апреля 11, в Вел. Четверток, зажгло громом в Суздале церковь Св. Михаила и в Городце Михайловский Собор. «Маиа в 12 бысть пожар в Новегороде: погоре Детинець весь, и Владычень двор и Св. Софиа от Людигощи улици, и Неревский Конець по половине улиць (в *Троицк.* по Головине улице) до Даньславли улице, и Плътницкий Конець весь от Св. Никыты до Радоковичь, и церкви, и людий неколико». В *Никон.*: «Преставись Вел. Княгиня *Софья* Михаила *Ярославича* Тверскаго... Тое жь зимы Кн. Михайло Васильевичь Кашинский повеле из монастыря церковь Богородицы снести внутрь града и место то святое раскопати, и во гробех кости мертвых разрушили издавна положенных Иноков; и тое жь весны за многи дни бысть болезнь незнаема Князю и Княгине его. Самаго же его Бог помилова, а Княгини его Василиса преставися Апр. в 20 день. И тако Кн. Михайло Васил. устрашися, и прощения проси у Владыки Василия; и повеле ему Владыка не до конца место то разорить, и поставил (*Князь*) там

малую церковь Св. Богородицы; потом и ту разнесли... Того жь лета глад велик бысть во Твери».— В 1369 Немцы завоевали Литовский город Ковен (по некоторым спискам Кобек, Ковев). Преставился Князь Лев Смоленский. Князь Борис Константинович поставил в Городце Соборную церковь Св. Михаила Осенью в Твери срубили деревянную крепость и обмазали глиною. В Новегороде сгорел Славянский Конец от Нутной улицы до Св. Илии и до поля: «и церкви каменны 4 огореша, а голове трее сгореша, и много товара погоре, а иные пограбили лихие люди». Там заложили каменную церковь Св. Василия на Ярышове улице, а другую Св. Евпатия на Рогатице. Архиепископ через год святил оные. «Вел. Кн. Дмитрий Иоанновичь заложи город Переяславль; того же лета и срублен бысть». В *Никон*: «Князь Михайло Васильевичь Кашинский ездил на Москву к Митрополиту на своего Владыку Василья жаловаться Олгерд Гедиминовичь ходил ратию на Немцы, и много пленения сотворил» — В 1370 большое разлитие вод весною; осенью и зимою знамения: «аки столп по небу, и небо червлено, аки кроваво, и по снегу яко кровь» Митрополит Алексий крестил Князя Иоанна Борисовича в Нижнем. «Тамо уползе мног снег с горы великой, еже над Волгою за Св. Благовещеньем, и засыпа дворы и с людми». (По *Никон*. ударил страшный гром ночью 18 Авг., когда Великий Князь объявил войну Михаилу Тверскому). Во Пскове совершили кам. церковь Св. Георгия на Болоте.— В 1371 поставила Наталья в Новегороде кам. церковь Св Андрея Юродивого на Сытеске Авг. 20. Сгорел Плотничьский Конец и весь Подол от улицы Ильиной до Киловой. Сгорел весь Торжек. Из Иерусалима приезжал Митрополит Герман для собрания милостыни: «понеже много бе им насилия от поганых Срацын». Кн. Димитрий Констант. в Нижнем поставил кам. церковь Св. Николая на Бечеве. В Русе построена также камен. церковь Св. Николая. У Великого Князя Димитрия родился сын Василий 30 Декабря. Во Пскове совершили кам. церковь Св Николая на Всосе.— В 1372 «у Св. Спаса в Новегороде в Нижнем колокол болний позвонил сам о себе трижды» В Новегороде окопали рвом Концы Людин, Загородный, Неревский; на Ильине улице поставили кам. церковь Св. Спаса, освященную Архиепископом. В Москве 15 Авг. у гроба Св. Петра Митрополита «*прощен* (исцелен) бысть некий отрок семи лет, зане не имяше руки, прикорчившеся к персем, и нему сущу ему; егда же Митрополит Алексий скончеваше Св. Литургию, тогда проглагола отрок, и простреся ему рука. То же видя Митрополит, повеле звонити и пеша канун мольбен со всем Збором».— В 1373 приехал в Новгород Князь Владимир Андреевич и жил там от третьей недели Вел. поста до Петрова дня. (Кн. Щербатов заключил из того, что Владимир ссорился с Димитрием, искал убежища в Новегороде, и проч.). Шел Волхов семь дней вверх. Псковитяне поставили на другом месте кам. церковь Петра и Павла, освященную Новгород. Архиеп. Алексием, и другую Св. Власия. (По *Никон*. зимою преставились Князья Владимир Димитриевич или Ярославич Пронский и Иеремий Тверский. Новгородцы, заключенные в Твери, подкопали стену темницы своей и бежали. Михаил Васильевич Кашинский приехал из Орды в Кашин. Михаил Александрович Тверский окружил столицу свою рвом и валом, от Волги до *Тмаки*, взяв работников из Торжка и

Тверских областей).— В 1374 году, в 1 Неделю Вел. поста, Митрополит Алексий поставил в Москве Епископом Суздалю Дионисия Архимандрита Печерского. В Новегороде построена церковь Св. Спаса на Ильине улице: святил оную Архиепископ. Сгорел весь Юрьев или Св. Георгия монастырь. Родился у Вел. Князя Димитрия сын Юрий в Переславле, Ноября 26; крестил его Игумен Сергий при Князе Димитрии Константиновиче Суздальском, его братьях, супруге и детях, также других Князья и многих Боярах. Во Пскове *церковный мастер* Кирилл соорудил кам. церковь Св. Кирилла; там же довершена и другая кам. церковь Св. Тимофея. (По *Никон. Лет.* Митрополит Алексий поставил Евфимия Епископом Твери в день Сорока Мучеников на *Средокрестной* неделе в *Четверток*, и вместе с послом Патриаршим, Киприяном, отправился оттуда в Переславль. Литовцы воевали с Татарами Темиреза. Летом совсем не шло дождя; скот и люди умирали от жаров и засухи, как в России, так и в Орде. Димитрий ссорился с Мамаем).— В 1375 Корела *Семидесяцкая* поставила новый городок. В Новегороде совершили кам. церковь Козмы и Дамиана на Холопьей улице; а Посадник Юрий заложил церковь Св. Иоанна Златоуст. в Околотке. Родился какой-то Матвей Михайлов. Занемог опасно Св. Игумен Сергий в Великий пост, и страдал до самого Сентября. Июля 29, в Воскресенье, было знамение в солнце. «На тужь зиму (Новогородский) Владыка Алексей сыде с Владычьства по своей воли в Деревянитский монастырь к Св. Въскресению. Новогородци же в скръби быша, и много гадав, послаша к Митрополиту Саву Архимандрита и Максима Онцифоровичь с Бояры, чтобы благословил сына своего Алексея в дом Св. Софии, и Митрополит благослови Владыку и весь Новгород... и Новгородци послаша с Веча, с Ярославля Двора, к Владыце Наместника Вел. Князя, Ивана Прокшинича, и Посадн. Юрья, и Тысяч. Олисея... и Владыка прия челобитье, и пойде на свой Архиепископский степень Марта в 9». В *Псковской*: «в лета Вел. Князя Дмитриа и Псковского Князя Матфея и Посадника Григориа Остафьиничь Псковичи заложиша *четвертую* стену камену от Псковы до Великыа рекы по старой стене: понеже была старая стенка зделана с дубом, мало узвышь (выше) мужа, около всего посада». (По *Никон.* Июля 27, в Твери, в церкви Покрова, перед иконою Богоматери ночью загорелась свеча сама собою. Приехала из Литвы Кестутиева дочь, Мария, невеста Иоанна Михайловича Тверского: Епископ Евфимий окрестил ее в церкви Воздвижения и на другой день обвенчал с Иоанном в Соборной церви Св. Спаса, к радости Кн. Михаила Тверского, отца Иоаннова).— В 1376, весною, шел Волхов вверх 7 дней («се уже по третье лето тако идяше на взвод»). От Патриарха Филофея приезжали два Протодиакона, Георгий и Иоанн, к Алексию Митрополиту. Киприан поставлен в Митрополиты. Новогородский Архиеп. Алексий с Архиманд. Саввою, с Юрьем Онцифоровичем, Васильем Кузминичем, Васильем Ивановичем и другими Боярами Авг. 13 отправился в Москву, где Митрополит, Вел. Князь и Владимир Андреевич обошлися с ним весьма благосклонно. Он возвратился в Новгород Окт. 17, в Пятницу. (По *Никон.* был мор в Киеве).— В 1377 Апреля 27 «оградися луна, и бысть от нея луча аки крест». Весною горел Новгород «от Люгощи улицы до Яковли, от полуулицы до брега; згоре

7 церквей деревянных, а каменных огоре 3. Того же лета згоре от грома церк. Св. Богородицы на Михалице. Преставися Архимандрит Сава по Антониеве монастыре, Маия в 29»: Архиепископ сам погребал его. Совершена кам. церковь Бориса и Глеба в Плотниках: Архиеп. святил оную. (По *Никон.* Князь Феодор *Звенигородский*, мужественный великан, побил многих Татар. Сей Летописец называет его сыном Андреяна Звенигородского, внуком Тита, правнуком Мстислава Карачевского, праправнуком Св. Михаила Черниговского, сказывая, что мать Феодорова была дочь Князя Литовского, Гаманта, и что дядя Феодоров, Святослав Титович, женился на Феодоре, дочери Ольгердовой от Тверской Княжны, а третий сын Титов, Князь Иван Козельский, на дочери Олега Рязанского).— В 1378 шел Волхов вверх 7 дней. Июня 29 знамение в солнце. В Новегороде построены 2 церкви, Св. Георгия и Никиты; третья на Добрынине улице Нерукотворенного образа: Архиепископ святил оную в день ее праздника. Дек. 5, в час Заутрени, луна обратилась в кровь, стояла 2 часа неподвижно, и снова сделалась светлою с полуденной стороны, а помрачилась с восточной.— В 1379 Сент. 11, в Воскресенье, преставился сын Велик. Князя, Димитрия, Симеон. В Новегороде сгорело от Лукиной улицы до Чюдинцовой 8 улиц и 12 церквей. Заложили там 2 камен. церкви Св. Богоматери на Михалице, и Флора и Лавра на Людгощей. Зимою приехал в Новгород Князь Литовский, Юрий Наримантович.— В 1380 упала в Коломне новая каменная церковь, построенная на иждивение В. К. Димитрия. Июня 15 освящена в Серпухове Соборная церковь Св. Троицы, основанная Кн. Владимиром Андр. «Биша челом весь Новгород Архиепископу, чтобы еси, господине, ялся ехати к Вел. Князю, и Владыка пойде на Низ за неделю до Цветной недели; а с ним Юрьи Ивановичь, Мих. Даниловичь, Юрьи Онцифоровичь, Иев Обакумовичь, Ив. Федоровичь, и иных Бояр много, и Житьих мужь. Князь же прия их в любовь, а к Новугороду крест целовал на всей старине». На Чюдском озере потонули 24 лодки Псковские. (По *Никон.* Ноября 20 съежались все Российские Князья: «велию любовь учиниша меж собою»).— В 1381 у Князя Владимира Андр. родился сын Иоанн: крестили его Митрополит и Св. Сергий. В Новегороде заложили кам. церковь Св. Димитрия на Славкове улице. Построили там же деревянную Св. Василия. (По *Никон.* в Неделю всех Святых был страшный гром и ветр).— В 1382 преставился Князь Василий Михайлович Кашинский, Маия 6, и погребен в Соборн церкви Воскресения. Умер Михайло, отец Матвея (вероятно Летописца). В Новегороде новая церковь Св. Димитрия, едва освященная Архиепископом, рассыпалась. Совершена кам. церковь Рождества на поле. Авг. 14 родился у Вел. Кн. Димитрия сын Андрей: крестил его Игумен Симонова монастыря Феодор. В Новегороде на Нутной улице заложена церковь Св. Филиппа, и другая Св. Иоанна в Радоковичах (по некоторым спискам уже в 1383 г.). Князь Борис Городецкий поехал осенью в Орду. В ту же осень какой-то Федор Тимофеевич убит лукавым его рабом. Зимою Пимен Митрополит поставил в Переславле Сарайского Епископа Савву, в присутствии Матфея Грека, Епископа Ростовского, и Владыки Даниила.— В 1383, Генв. 1, скончался Павел Высокий Печерский Старец (в Нижнем) книжный и чудный,

о коем плакал и сам Архиепископ Суздальский Дионисий. Сын Бориса Городецкого, Иоанн, поехал к отцу в Орду; а Князь Димитрий Константинович Суздальский отправил туда сына своего, Симеона. Митрополит зимою поставил в Москве двух Епископов, Михаила Смоленского и Стефана Пермского. Во Пскове совершены 3 кам. церкви на Гремячей горе: Св. Козмы и Дамиана, Св. Николая и Св. Духа за стеною.— В 1384 осенью выехал из Царяграда Феодор Игумен Симоновский: «ему же Патриарх даде Архимандритию и лишшую честь паче иных Архимандритов.... Погореша лесы и сена по пожням, а в Новегороде бысть помрачение на многи дни и нощи, яко и птицы падаху на землю и на воде, и не видяху, камо летети, и людие не смеяху ездити по езером и по рекам, и бысть скорбь и туга». Преставился на Пентикостной неделе Старец Илья, Келарь Троицкого Сергиева монастыря, добрый и послушливый. В Новегороде, в Неревском Конце, сгорело 2 церкви, Св. Лазаря и Св. Петра. Осенью совершены там церкви Св. Филиппа на Нутной улице и Св. Иоанна в Радоковицах; первую святил Архиепископ. Во Пскове соорудили 2 кам. церкви: Св. Спаса у старого костра и Воздвижения на Дворе Княжеском. (В *Никон. Лет.*: «Сент. в 23 день, в 1 час дни. восшедшу солнцу, и прииде туча с западные страны к Востоку, и помрачи свет до 3 часа... По мале облаки те видяхусь желты и багряновидны и тонковидны. По иным же странам тогда облаки прехожаху в полутра и во обед и по обеде; индеже огненныя облацы хожаху и искры падаху и зажигаху, и толь страшно бысть, яко второе Христово пришествие мнети всем... Тоя же осени Кн. Вел. Михайло Тверский женил сына своего, Кн. Бориса, у Вел. Князя Святослава Ивановича Смоленского, и венчан бысть в церкви Св. Спаса Ноября в 8... Тоязь зимы К. В. Михайло женил сына своего, Кн. Василья, у Кн. Владимера Олгердовича у Киевскаго, и венчан бысть во церкви Св. Спаса».— В 1385 (а не в 1386) сгорел весь Псков, Маия 8, от 6 до 9 часа дня; уцелели Соборная церковь и Детинец или Кремль... «И бысть сеча Псковичам промежду себе, и много бысть мертвых». Там поставили церковь Св. Феодора В Новегороде сгорела вся Торговая сторона: «на Данславле улице бысть пожар; загореся на Подоле Июня 14; погореша оба Конца, Плотницкий и Славенский, и церквей каменных огоре 26, а древянных сгорело 6. Горело весь день в Среду, и заутра престало по обеде. У купцев в коробиях всякаго товара много погорело. Дымом задохлися 9 человек Василиевых, да 2 сторожа; да сгореша трое нищих, да в Павлове улице на монастыре Иван, церковный росписник; в церкви Св. Иоанна, конец Славна в торгу, сторож затхнулся, такожде в церкви Св. Пятницы, а другий жив; в церк. Воскресенна сторож, да странной; и всех душ погибло 70. Только не горел Пресв. Богородицы на Михалице монастырь, да на Микитине улице от Креста в поле, и Красильницкая улица. А в Среду за 6 дний до Петрова загорелося у Св. Мины в обедню, и погоре по обе стороны от Князьцевы трубы в Духовской улке». Июня 29 родился Вел. Князю Димитрию сын Петр. Игумен Сергий крестил его. Скончался Епископ Ростовский Матфей Грек, погребенный в Соборн. церкви с его предместниками. Были осенью *пустые беги*: думаю, метеоры, называемые *падающими звездами*. (По *Никон.* и некоторым другим летописям, напол-

ненным анахронизмами, В. К. Димитрий посылал войско на Муром, чтобы наказать тамошнего Князя за какое-то бесчестие). Переведено слово Св. Георгия Писида: хвала Богу, Творцу мира.— В 1386, Генв. 1, «в час дня, егда люди отобедывают, погибе солнце, и пребысть во мраце 2 часа, и паки света исполнися». Князь Борис Константинович ездил в Орду весною, и возвратился осенью. В Городце сгорела церковь Св. Михаила. Епископ Пермский Стефан Храп ездил в Новгород за некоторым делом. Иоаким Архимандрит обновил старую церковь, *наполнив* оную иконами и книгами, построил кельи, монастырь, собрал Иноков, дал Игуменство трудолюбивому Иоанну, и таким образом устроил Общее Житие Монашеское. Умер какой-то Симеон Яма в Москве и погребен в монастыре Вознесения. Царь Тохтамыш (см. *Троицк. Лет.*) сам убил свою Царицу Товлумбеку. В Новегороде на Ивoрове улице совершили кам. церк. Св. Димитрия (или Климента). После Св. недели сгорел Орехов, и крепость повредилась: Новогородцы отправили туда Василия Кузмина, велев ему чинить стены и башни. В Новегороде сгорел конец Никитиной улицы. Осенью возвратился из Орды Кн. Александр Михайлович Тверский. Во Пскове сделаны 3 каменные башни у новой стены на приступе, и заложили кам. церк. Св. Георгия. (По *Никон.* воевали между собою Ординские Князья).— В 1387 Новогородцы окопали валом Торговую сторону. «Той же зимы приежжаша Немецкия послы в Новгород о ропотном (спорном?) [35*] товаре и взяша мир... Поновиша церковь кам. в Торгу». Весною преставился Князь Феодор Фоминский в Схиме, названный в Монашестве Симеоном и погребенный в монаст. Св. Спаса. Ушел из Орды Князь *Родслав*, сын Олегов. (По *Никон.* Кн. Михаил Тверский ссорился с своим Епископом Евфимием и заставил его удалиться в монастырь Св. Николая над Ручьем, в Генваре месяце. Был мор в Смоленске: в городе осталось только 10 человек. «У града Твери, около валу, рубиша кожюх — навес — и землю насыпаша, и ров копаше глубже человека. Царь Аксак Темир пришед взял Орначь у Тохтамыша. Бысть поводь велика в реках»).— В 1388 Генв. 8 родилась Великому Князю Димитрию дочь Анна. Зимою скончался добродетельный ученик Св. Сергия, Исаакий Молчальник. «Сойде со Владычества Архиеп. Новогород. Алексий нездравия ради, на Преполовение, в монастырь Воскресения на Деревяницу, благословив своих детей Новогородцев; был на Архиер. престоле 28 лет, 7 месяцев. Посадник Иосиф Захарьевичь со старейшими мужи биша ему челом, еже бы был в дому Св. Софии, дондеже изведають, кто будеть Митрополиту в Русск. земли. Он же отречеся отнюд, глаголя: изберите себе 3 мужа достойны, да положите 3 жребии на св. трапезе... и избраша троих Игуменов и сотвориша 3 жребии: в первом написаша Игум. Иоанна монастыря Св. Спаса с Хутыни, а в другом Парфения из Благовещенскаго, а в третием Афанасиа Рождественскаго. И Посадник Михаил Даниловичь сам жребия метав, и положиша на престоле у Св. Софии... И начаша Иереи Собором пети Литургию, а Новогородцы стояша на Вече у Св. Софии... И Протопоп Исмаил взем изнесе на Вече жребий Афанасиев, потом Парфениев, а Иоаннов оста на престоле... И возлюбиша вси Богом избранна мужа, блага и кротка, и народ весь от мала и до велика течаху на Хутыню, и пояша его и возведоша на

сени во Владычень Двор, и Архиеписк. Алексий благослови его во свое место, на Вознесение Господне, Маиа в 7 день». Во Пскове сооружена кам. церковь Рождества Хр. в Домантовой стене. Авг. 15 Пимен Митрополит в Владимире поставил Рязанск. Епископа Феогноста. Скончался Коломенский Владыка Герасим. «Окт. в 26 в полунощи въздвижеся уг (южный) ветр, и внесе лед в Волхов из озера, и вышибе из велик. мосту 9 городень... Приехаша поклонщики с Москвы от Пимена Митрополита звати Иоанна на постановление. Дек. в 8 пойде Иоанн, а с ним Посадн. Василей Федоровичь, Тысяцк. Есип Фалелеевичь, Иев Абакуновичь, Тимофей Ивановичь и иных много Бояр, и паки приидоша на Москву Генв. в 10» (По *Никон.* будто бы приезжали в Москву послы от Папы — о чем нигде не говорится — и в Новегороде был мор).— В 1389 году «поставлен бысть Иоанн Архиеп. в преименитей церкви Св. Архистр. Михаила Генв. в 17, в Неделю; а на поставлении был Смоленский Владыка Михаил, Звенигородский Данило, Сава Сарайский и Феогност Рязанский; и в той день створиша праздник светел при Князи Великом Дм.; а в Новгород прииде Февр. в 8, и сретоша его Игумены и вси Иереи со кресты, и Посадн. Василей Ивановичь, и Тысяцк. Григорей». Генв. 18 у Кн. Владимира Андр. родился в Дмитрове сын Ярослав-Афанасий. Приехал в Россию за милостынею Трапезунтский Митрополит Грек Феогност. В Вербную Неделю Пимен Митрополит поставил Павла, бывшего Архимандрита Рожественского монастыря в Владимире, Епископом на Коломну. Весною, после Св. Недели, опасно занемог сын Вел. Князя, Юрий, но скоро выздоровел. «Бысть мор во Пскове (с Мясопустной недели до Петрова дня) яко же не бывал таков; а знамение железою и харканием кровью; и ездил Владыка Иоанн в Псков, и благослови град и *Князя Ивана Андреевича*, и молитвою его преста мор... и просиша Псковичи Иереев ко церквам, которые Иереи ходят без церквей... Тогда бысть и в Блудкине городке мор и по всему Залесью железою». В Новегороде Посадник Григорий соорудил кам. церк. Покрова на воротах; на Лисьей горке срубили деревянную Рожд. Богоматери, а другую на Сокольей горке Св. Николая, где и монастырь учредили. 10 Маия, ввечеру, затмение луны; кончилось перед утреннею зарею. (По *Никон.* мор в Новегороде).

[138] Борис уже не застал Тохтамыша в Сарае, догнал его на пути, и ехал с ним 30 дней. Хан велел ему возвратиться в Сарай от места называемого Уруктан.— В *Никон. Лет.*: «Князь Борис приде (в 1390 или 1391 году) от Царя в свою отчину, в Новгород Нижний, с пожалованием».

[139] «Князь же Володимер с сыном своим, со Князем Иваном, и с Бояры поеха в свой Серпохов, и оттуду в Торжек, и тамо пребысть в Теребеньском (селе) дондеже умиришася» (зимою, после Крещения).— Договорная Владимирова грамота с Василием напечатана в *Собр. Государств. грамот*, I, 62. Там сказано: «Дати ти, брате, мне, Князю Великому, с своее отчины в пять тысячь рублев триста рублев и двадцать рублев, а с Ростовця, и с Перемышля, и с Козлова броду взяти ти собе в то же серебро; а с Волока ти дати мне в пять тысячь рублев сто рублев и семдесят рублев; а что прибудет или убудет, ино ти дати по розочту.... Аци каким делом отоймется от тобе Ржева, и дати

ми тобе во Ржевы место Ярополчь, да Медуши; а искати ны Ржевы, а тобе с нами с одиного. А что Ординская тягость и Коломенский посол, коли еси был в своей отчине, а то нам по розочту; а Володимерскии послы, как ты выехал из своей отчины, а тот ти протор *не надобе*; а найду собе Муром, или Торусу, или иная места, тот ти *протор не надобе*. А что тобе Бог даст иных мест опричь Мурома и Торусы, а тот протор нам не надобе. А коли нам взяти на своих Боярех на путных, и тобе взяти на своих Боярех на десяти; а в город нам послати своих Наместников и тобе своего Наместника... А которая дела учинятся межи нами, и нам отослати своих Бояр, ини переговоряться; а о чем сопруться, ини едут на третий, кого собе изберуть; а котораго Князя Бояр умолвят, тот Князь подъимет (т. е. которого Князя Бояр обвинят, тому и платить убытки) а Бояром вины нет. А закладни ны в городе не держати; а с двором человека в городе не купити, а блюсти их с одиного; а в наше нелюбье наши Бояре нам служили, а твои Бояре тобе служили... на них нелюбья не держати»... К сей грамоте привешены три восковые печати. Город Ржева или нынешний Ржев принадлежал отчасти Московским Князьям, отчасти Тверским.

[140] «Прислаша Новогородци к Вел. Князю послы своя, Юрия Симеоновича, Аврама Внука, Кирила Адриановича, и докончаша мир по старине».

[141] «Тое же осени (в 1390 г.) Бояре Вел. Князя приехаша в Новгород из Немец со Княжною Софиею, с Витовтовой дщерию... и стояша на Городищи, и поехаша к Москве, и приидоша с нею к Москве Дек. в 30 день». См. выше, примеч. 113. [36*]– Линденблат пишет, что Витовт отправил дочь свою в Россию из Данцига на корабле; что в сем же году искали убежища в Пруссии наши Князья, изгнанные Литовским: *Иван*, с женою и детьми, и Иорге von der Belse; что Магистр Немецк. Ордена должен был в 1391 г. послать к Витовту *Короля* Смоленского, находившегося амапатом в Мариенбурге: вероятно, К. Глеба Святославича: см. выше, стр. 58, г. 1387. –[36*, 37*]

[142] См. о Вятке сей Истории Т. III, стр. 372. «В лето 6899 (1391) Тохтамышь посла Царевича своего, именем Бектута, на Вятку ратью».

[143] «На Тохтамыша Царя прииде ин Царь силен от Самаркандския (в других списках: от *Шамахийския*, *Шамахинския*) земли, и бысть сеча велика; а Князь Василей Дмитриевичь утече от Царя за Яик, и прииде на Москву; и после прииде из Орды посол Улан Царевичь, и посади Князя Вас. Дмитр. на Великое Княжение». В некоторых летописях сие известие отнесено к первому году Василиева государствования; но он был только однажды у Тохтамыша, и Царевичь Улан посадил его не на Московский, а Нижегородский престол (см. *Книгу Степен.* I, 518).

[144] *Никон. Лет.* IV, 239: «Князя Бориса Константиновича и с женою его и с детми, и доброхотов его повеле (Великий Князь) по градом розвести и вериги железными связати». В некоторых летописях сказано здесь: «Князь Василий Московский ходил ратью в Нижний Новгород на Князя Семена» (племянника Борисова); а после говорится о бегстве Симеона с братом Василием Кирдяпою в Орду. В *Никон. Лет.* прибавлено, что Великий Князь, исполняя повеление Ханское, вторично ездил тогда в Орду.

Главная современная летопись Василиева княжения есть *Троицкая*, где нет ни слова о сем мнимом вторичном путешествии.

[145] В *Троицк. Лет.*: «в лето 6902 (1394) Индикта 2, Мая в шестый день, по Велице дни на четвертой недели в Среду, преставися Князь Великий Борис Костянтиновичь, и положен бысть в Суждале, в своей отчине.... В Петрово говенье Кн. Василий Дмитриевичь Суждальский, да брат его Кн. Семен, побегоша из Суждаля к Орде зело вскоре, и гонишася за ними, и не могоша постигнути..... Тое же осени Князь Семен Суждальский приде ратью к Новугороду Нижнему... а люди затворишася в городе; а Воеводы бяху у них Володимер Даниловичь, Григорей Володимеровичь, Иван Лихорь; и бысть им бой по три дни... и взяша мир: Христиане крест целоваша, а Татарове по своей Вере... и Татарове створиша лесть, а клятву преступиша: пограбиша всех Христиан... а Князь Семен глаголаше: не аз есмь створивый се, но Татарове... И тако Татарове Новгород взяша Окт. в 25 день, и пребыша ту со две недели, дондеже услышаша, што Князь Великий идет на ня... и побежаша».

[146] «Тое же осени (1401) Князь Великий посылал рать искати Княгини Семеновы, а Воеводы бяху у них Иван Андреевичь Уда, да Федор Глебовичь, и идоша на Мордву, и наехаша ю в Татарьской земле на месте Цибирца, и ту изнимаша Княгиню Семенову Александру у Св. Николы... и приведоша на Москву и с детьми, и пребысть на дворе Белевутове.... Князь Семен Суждальский (в 1402 г.) сослався со Князем Великим и приеха из Орды на Москву, и возма мир, и поеха на Вятку.... и тое же зимы, Дек. в 21, преставися... 8 лет служивый по ряду в Орде не почивая четырем Царем: Тохтамышу, Темир-Аксаку, Темир-Кутлую и Шадибеку, а все поднимая рать на Князя Великого, како бы налести свое Княженье.... Тое же зимы (1403) преставися Князь Василий Дмитриевичь Суждальский, иже на городце был... Того же лета (1416) приехали к Велик. Князю на Москву Князи Новогородские, К. Иван Васильевичь и К. Иван Борисовичь, а сын его Александр наперед его приехал за 2 года... В лето 6925 (1417) мес. Иуля преставися Князь Великий Нижнего Новагорода Иоанн Васильевичь на Москве и положиша его в церкви Архангела Михаила. Того же лета приде на Москву к Вел. Князю Князь Данило Борисовичь Новогородский... В лето 6926 (1418) Князь Данило Борисовичь с братом Иваном Новогородские бежаша с Москвы... Тое же зимы Князь Великий отдасть дщерь свою Василису за Князя Александра Ивановича Суждальского в Неделю от Фарисей». См. ниже примеч. 254, под годом 1418. Брат Даниилов, Князь Иоанн, прозывался *Тугой Лук*. Гроб его в Нижегородском Соборе.

[147] В *Новогород. Лет.*: «Февр. в 11 день (г. 1392) приеха Митрополит в Новгород, а с ним Владыка Рязанскый, и Архиепископ Иван стрете его со кресты в ризах у Св. Спаса на Ильине улице, и Митрополит вшед во Св. Спас с Владыкою своим и с Архимандритом Нижняго Новагорода, *окрутишася* по своему сану в ризы; и идяше Митрополит пеш от Св. Спаса сквозе торг через Великий мост к Св. Софии; пред ним идяху Поддьяци его, в руках дръжаще свеща горяща; и вшед в Св. Софию, Литургию съверши. По Литургии выде из олтаря Митрополит, взем крест

въздвизальный, и взыде на амбон, и нача учити люди велегласно во всю церковь; они же слушаша словес его, и прияша собе в сердце, и даша ему подворье, многыя двора у Св. Ивана Предтечи на Чюденцеве улици.... Митрополит другую Литургию свръшил во Св. Николе на Княже Дворе, а третью на Собор во Св. Софии; и *потом* нача у Новагорода суда прошати, и Посадник Тимофей Юрьевичь и Тысяцкий Микита Федоровичь и вси Новогородци отвещаша едиными усты», и проч.... «и он поехал по Сборе на третий день». В *Никон. Лет.* многое не так.

[148] В *Троицк. Лет.* прибавлено: «Таков бо есть обычай Новогородцев: часто *правают* (присягают) ко Князю к Великому, и паки *рагозятся* (ссорятся) и не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого от Князь не прогневаша? или кто от Князь угоди им, аще и Великий Александр Ярославичь не уноровил им?... и аще хощеши распытовати, разгни книгу, Летописец великий Руський, и прочти от Великаго Ярослава и до сего Князя нынешняго..... Тое же весны (г. 1393) в самый Велик день сшедшеся нецци от Новогородцев, Вечници, крамольници, сурови человеци, сверепии людие, убиша Максима, мужа благоверна... и Князь Великий разгневася яростью зеликою зело..... и повеленьем Князя Великого казниша их казнью различною, по единой комуждо их усекающе им руце и нозе», и проч.

[149] В *Троицк. Лет.*: «Новгородци, собравше воя многи, водою в судех множьство насадов и ушкуев пришедше с Двины ратью, взяша град Устюг весь и огнем пожгоша, и церковь чудную Сборную разграбиша, и множьство злата и сребра, еже есть в ней, кузнь иконы Св. Богородицы, то все одраша, и стояша месяц в одиному месте, на Устюзе и в Юзе воююще, а люди из лесов выводяще..... И в то же время взяша Белоозеро град и села», и проч. В *Новог. Лет.*: «Новгородци охвочая рать (охотники или волница) выехаша волости воевати, а с ними два Князя... и Воеводы Новгородскыя Тимофей Посадник Юрьевичь, Юрьи Онцифоровичь, Василий Синец, Тимофей Ивановичь, Иван Александровичь, и взяша Кличен городок и Устюжно; а из Заволочья Новгородци с Двиняны взяша Устюг град... И Новгородци, не хотя видети кровопролитья больше, послаша к Великому Князю с челобитьем о старине, а к Митрополиту грамоту целовальную... и Киприян взем грамоту, рече: не буди на вас сего греха... Тогды же приехаша послы от Вел. Князя, Федор Кошка Андреевичь, Иван Уда и Селиван, и покрепиша мир... и Новгородци даша 350 рублев Князю и Митрополиту, что благословил Владыку Иоанна и всь Новгород; а за ким Княжьчины, а те целовали к Великому Князю, Княжьчин им не таити; а то целование было в Филипово говенье.... Приеха из Царяграда от Патриарха Антония Вифлиомский Владыка Михаил и привезл Новугороду 2 грамоты, поучение Крестьяном (в *Никон. Лет.*: «о проторех, иже на поставлениях священных»)... А от Митрополита Киприяна Боярин его Дмитрий приехал (в 1394 году), прошать сребра, 350 рублев, что ездил Кюр Созонов, да Василий Щечкин в Царьград к Патриарху послом и скопил долгы, и Новгородци даша Дмитроку то сребро». В *Никон. Лет* сказано, что Новгородцы заплатили Киприану 600 рублей, а послу его 350 рублей, может быть за вышеупомянутый долг Цареградский. О Ново-

городских послах в Грецию сказано в другом месте: «Новогородци послаша к Патриарху просити благословения, и Патриарх им тако рек: повинуйтеся Митрополиту Русьскому во всем».

[150] Темир или Тимур значит на Турецком языке *железный*, а Ленк *хромый*: Европейцы из сих двух имен составили имя *Тамерлана*, в Русских летописях называемого Темир-Аксаком. Вот басня о его происхождении, внесенная в некоторые из сих летописей: «О сем убо Темире поведаша нецыи, яко исперва не Царь бе, ни сын Царев, ни племени Княжеска, ни Боярска, но от простых нищих людей, от Заяицких Татар, от Самарханьския (Самаркандския) страны, от Синия Орды, иже бе за Железными Враты; ремеством же бе кузнец железный, нравом же хищник и злодействен. Прежде же был раб, его же злонравия ради отверже от себе господин; он же, не имея чим питатися, крадяше. Еще бо ему младу сущу, и украде у некоего овцу; он же ят его и преломи ему ногу и бедру на двое, и он же прекова себе ногу свою пребитую железом, и хромаше, и того ради прозван бысть *Темир-Аксак*, иже толкуется *железный хромец*... и бысть разбойник лют, и совокупишась к нему мужи и юноши жестоци, и егда их бысть числом яко сто, и нарекоша его над собою старейшину разбойником; и егда же бысть их и до тысящи, тогда уже называху его Князем; егда же и многи земли поплени, и страны, и Царства поимал, тогда убо Царя его именоваху... а се имена тем землям: Чагадай, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя Орда, Шираз, Испагань, Орначь, Гилянь, Сиз, Шибран, Шамахи, Савас, Арзунум, Тефлизи, Тевризи, Гурзустани, Обези, Гурзии (Грузия), Багдат, Темирь-Кабы, рекше Железная Врата, и Асурию и Вавилоньское Царство, и Иерусалим, и Севастию, и Армению, и Дамаск Великий, и Сарай Великий поплени».

Известия, сообщаемые здесь о Тамерлане, взяты нами из Эрбелотовой Bibliothéque Orientale и Histoire de Timur-Bec (т. е. Тимура *Князя*), connu sous le nom du Grand Tamerlan, сочиненной на Персидском языке Шерефеддином Али, Писателем современным, и переведенной Гм. Пети де-ла-Круа.

[151] Histoire de Timur-Bec, I, 203 — и III, 10.

[152] Histoire de Timur-Bec, III, 259. Сие письмо украшено всеми цветами Восточного красноречия. Назвав Баязета матросом, Тамерлан говорит: «корабль твоей безмерной гордости носится в пучине твоего самолюбия: подбери же парусы своей дерзости и брось якорь раскаяния в пристани искренности, да буря нашей мести не погубит тебя в море наказания!»

[153] Histoire de Timur-Bec, II, 127 и 355.

[154] См. выше, стр. 68. Вопреки Татищеву, до сего времени нигде в наших летописях не упоминалось о *Князьях Елецких*. Род их по Родословной Книге начинается с сего Феодора, может быть Юриева сына.

[155] *Древн. Лет.* II, 270: «и тако на мнозе *благодарение* приносяще», и проч.

[156] Hist. de Timur-Bec, II, 363. Шерефеддин пишет здесь несправедливо, что Тамерлан, завоевав всю Россию, взял и столицу ее, Москву.

[157] В *Троицк. Лет.*: «место то было тогда на *Кучкове поле*, близ града Москвы на самой на велицей дорозе Володимерьской». В *Никон.* и в *Древн. Лет.* рассказывается, что в тот самый день

и час, когда жители Московские встречали икону Марии, Тамерлан дремал в шатре своем и видел сон ужасный: «высокую гору и с ее вершины идущих к нему многих Святителей с золотыми жезлами; над ними, в сиянии лучезарном, явилась жена, благолепия и величия неописанного, окруженная тмами молниеобразных воинов, которые все грозно устремились на Тамерлана. Он затрепетал, проснулся, и созвав Вельмож, спрашивал о смысле такого сновидения. Сия *величественная жена* — ответствовали мудрейшие из них — *есть Богоматерь, защитница Христиан.* И так мы не одолеем их, сказал Монарх Чагатайский, и велел полкам своим итти обратно».

[158] Andreas de Redusiis de Quero, в Chron. Tarvasiano, в Муратори Script. Rerum Italicarum, T. XIX, стр. 802—805. Сей Андрей [38*] говорил с двумя купцами Венециянскими, из коих один был в стане у Тамерлана, а другой лишился тогда в Азове трех сыновей и двенадцати тысяч червонцев.— Далее см. Hist. de Timur-Bec, T. II, 379.

[159] В наших летописях сей последний именуется Темир-Кутлуем.

[160] В наших летописях сказано, что он прежде крестился в Веру Греческую, а после сделался Католиком. Далее см. Стриковск. Хроник. кн. XIV, гл. 2.

[161] Стриковский называет сего Игумена или Архимандрита Печерского Наместником Митрополита (кн. XIV, гл. 2).

[162] Стриков. кн. XIV, гл. 2 и 3. Подолия, как говорит сей Историк, два раза была завоевана, Ольгердом в 1339 году и Витовтом в 1395, при двух Феодорах Кориятовичах, в ней княживших. Витовт продал оную Королю Ягайлу за 200 000 коп, или за 40 000 червонцев, а Ягайло Пану Степку; но когда Татары убили сего Пана, Витовт за ту же цену опять взял Подолию себе. Поляки снова овладели ею по смерти Витовта.— Далее см. также Стриков. кн. XIV, гл. 2.

[163] Стриков. кн. XV, гл. 7: «Витолду (Витовту) первая жена Анна, Князя Свантослава (Святослава) Смоленского дщерь, иже его из заключения свободила». См. выше, в описании 1387 года.

[164] Стриков. кн. XIV, гл. 4. Смоленск был взят Сент. 28, во Вторник.

[165] В *Родословных Книгах*: «И приступиша к нему (Витовту) вси Князи пограничные с вотчинами своими, от Киева даже и до Фоминского приложишася к Великому Князю Витовту». О Великих Луках и Ржеве см. ниже, примеч. 97 и 386, под годом 1436. Далее см. Стриков. кн. XIV, гл. 4.

[166] «Тое же весны за 2 недели до Велика дни Князь Великий поеха в Смоленск, тако же и Киприян Митрополит, и был у Витовта и на Велик день поставил Насона Епископом в Смоленьске».

[167] «О Покрове Витовт приде ратью на Рязань».

[168] «Приеха в Новгород Митрополит с Патриаршим послом в Великий пост и запроси суда, и Новогородци суда ему не даша, (а *Никон. Лет.* говорит: *даша*) — и он пребыл весну всю в Новегороде и до Петрова говениа». Князь Василий Иоаннович Смоленский и Патрикий Наримантович приехали к Новогородцам в 1397 году.

[169] «Тое же осени (1391) послаша Новгородци на съезд с Немцы в Избореск Посадников Василия Феодоровича, Феодора

Тимофеевича и Богдана Аввакумовича, и Тысяцкаго Иосифа Фалалеевича, и Василия Борисовича; а Немецкие послы приехаша из заморья, из Любка, Готского берега, из Риги, Юрьева, Колываня, и смиришася, и приехавше в Новгород те же послы Немецкие, и товар свой поимали и крест целовали, и начаша дворы ставити вновь: зане бяше по семи годов немир». См. также Сартория Gesch. des Hans. Bundes, II, 461.

[170] См. сей *Истории* Т. IV, примеч. 328. В *Новогород. Лет.* Попа Иоанна: «Насла Князь Великий на Двину Бояр своих, Андрея Албердова с другы, ко всей Двинской свободе, а повествуя тако: чтобы есте задалися за Князь Великий... а он хощет вас от Новагорода боронити... И Двиняне, Иван Микишин, и Бояре Двинскии и вси Двиняне за Великий Князь задалися... и Князь Великий на крестном целовании у Новагорода отъял Волок Ламьский, Тръжек и Вологду и Бежитьский Връх, и к Новугороду целование сложил, и крестную грамоту скинул; а Новгородци грамоту крестную Князю Великому скинули. И посем присла Митрополит в Новгород Столника своего Клименьтиа к Владыце, а повествуя тако: зоветь тя на Москву отец твой Митрополит о Святительских делех... И Посадник и весь Новгород биша челом Владыце, чтобы еси Князю Великому слово добро подал за свои дети... и послаша с Владыкою Посадника Богдана Обакуновичь, Кирилу Дмитриевичь и Житьих людей... И Владыка рек Князю Великому, чтобы еси, господине сыну, от Новагорода, от своих мужий от волных, нелюбие бы еси отложил... а что еси у Новагорода отнял, того бы еси ступился... *а про вопчий* (общий) *суд на порубежьи, а то, сыну, отложил бы еси, зане то не старина*». Новогородцев надлежало по договорным грамотам судить в Новегороде; а Василий Димитриевич, как видно, учредил судиться им общим судом на границе, в случае, когда подданные Великокняжеские приносили на них жалобу.

[171] См. сей *Истории* Т. III, примеч. 186, и *Лет. Архангс.* стр. 98. В *Лет. Новогород.* сказано, что рать Новогородская состояла только из 3000. Далее: «По Велице дни на весне Новгородци ркоша Владыце: не можем сего насилия тръпети от своего Князя Великого.... Воеводы же Новогородскии, Посадник Тимофей Юрьевичь, Посадники Юрьи Дмитриевичь и Василий Борисовичь поидоша на Двину к городку Орлецу, и срете их с Вели Владычнь Волостель Исаиа, рек тако: господо Воеводы! наехав Князя Великого Боярин Андрей с Иоанном с Микишиным и с Двиняны на Св. Софии волость, на Вель, в сам Велик день, и повоеваша, а на головах окуп поимаша; а от Князя Великого приехал в засаду на Двину Князь Федор Ростовьский, городка блюсти и судити; а Двиньскыи Воеводы, Иван и Конон, с своими другы волости Новогородскии и Бояр Новогородских поделиша себе на части», и проч.— В *Архангельск. Лет.*: «И Воеводы Новогородския послаша рати 3000, и воеваша волости Галическия, а на полону окуп имаша, а иной так пометаша, на ком нечего взяти, а у Устюжан с города и с церквей *копейщины* просиша, и они им не дали, и Воеводы Новогородския разгневашася, да церковь Соборную Пречистые пограбиша, а икону чудотворную Одигитрие взяша в полон, и несше в насад, и насад от берегу не пойде. Един Ляпун стар вскочи в насад, и связа икону убрусом,

и глагола тако: никой полоняник не связан на чужую землю нейдет. И пойдоша прочь, а церковь Соборную зажгоша, и пойдоша вниз по Двине воюючи к Орлецу, и стояша 4 неделя, и поставиша пороки; и вышедше Двиняне из Орлеца, и добиша челом... и Новогородцы нелюбие им отдаша по Владычню наказу; а Воевод Заволочских, Ивана и Конона, с дружиною их изымаша, а иных смертью казниша, а Ивана и братью его Айфала и Герасима и Родиона, скованше, с собою поведоша к Новугороду... а у Князя Федора Ростовскаго присуд и пошлины поимали, а у гостей Князя Великаго взяли с него окупа 300 рублев... и поидоша к Новугороду, и бысть на них гнев Божий... начало им корчити руки и ноги, и хребты им ломити, и мало их приидоша здоровых в Новгород, и там на них слепота бысть; и возбрани на них Владыка Иоанн, и рече Воеводам: оже есте церковь Божию (в Устюге) обезчестили.... и повеле им поставити церковь Соборную на Устюзе и чудотворныя иконы отвезти со всею крутою (окладами) и с полоном назад... И сотвориша обет, иконы поставиша во Св. Софеи, и певше молебны, и бысть им милость от Бога; и Владыка обещася и постави церковь каменну на воротех, Воскресение Христово».

[172] В летописи Попа Иоанна: «В лето 6907 (1399) Князь Витовт присла в Новгород грамоту разметную, рек тако: обезчествовали мя есте, что было вам за мене ятися, а мне было вам Князем Великым быти, а вас мне было боронити; и вы за мене не ялися».— В *Новогород. Лет.*: «седе на Княжение в Литве Князь Витовт, и Новогородци (в 1393 г.) взяша с ним мир по старине».

[173] См. *Никон. Лет.* г. 6905, а в *Троицк.* г. 6906 или 1398.

[174] См. Стриков. кн. XIV, гл. 4 и 5 — Нарушевича *Таврикию* стр. 110 — Длугоша Hist. Pol. кн. X, стр. 153, и Кромера кн. X.

[175] В *Троицк. Лет.*: «Тое же зимы (в 1398 г.) Княгиня Великая София ездила в Смоленск к отцу своему и к матери с детьми и с Бояры и с Боярынями, и пребывше в Смоленске 2 недели.... принесе оттуду многие иконы окованныя златом и сребром, еще же и часть честных Страстей Спасовых, еже бяху в Смоленске были давно принесены от Царягорода». О разорении Нижнего см. выше, стр. 75. По *Троицк. Лет.* и другим Симеон взял Нижний в 1399 году, а по некоторым еще в 1395: первое летосчисление достовернее.

[176] В *Троицк. Лет.*: «взяша град *Болгары*, Жукотин, Казань, Кременьчук». В *Ростов. Лет.*: «взяша град Болгарский Великий»: следственно *Великим* назывался город Болгары, коего развалины доныне известны.— Герберштеин в своих известиях о Москве говорит, что завоевание Болгарии было достопамятнейшим делом Василия Димитриевича.

[177] В *Троицк. Лет.*: «аз тя посажу в Орде на Царстве, а ты мя посадишь на Княженьи на Великом на Москве».

[178] Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 156.

[179] См. *Никон. Лет.*

[180] На пример, Тамерлан требовал подобной же чести от Монархов, им побеждаемых (His. de Timur-Bec).

[181] Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 157.

[182] В *Псковск. Лет.*: «Того же лета (1393) Князь Андрей Олгердовичь приеха из Литвы, убежав от братьи из нятья Июля в 18». Андрей оставил во Пскове сына, именем Иоанна, который

в 1400 году выехал оттуда, *сложив крестное целование*. Иоанн Борисович есть, кажется, Иоанн Ольшанский, бывший Наместник Витовтов в Киеве. В *Новог. Лет.*: «убиша всих Князей именитых 74..... Татарове же поидоша по них биюще на 500 верст до Киева, а с Киева окуп взяша 500 рублев (в других подробнейших означено *три тысячи*) и Наместники свои посадиша... Был Князь Витовт преже Христианин, а имя ему Александр, и отъвръжеся Христианства, и приа Лядскую Веру».

[183] Преставление Михаила Александровича описано кем-то по желанию Владыки Кирилла. Сей Князь занемог 15 или 16 Августа, постригся 20 Авг., и скончался 26 числа того же месяца (см. *Лет. Никон.*, *Ростов.* и другие). Далее: «Тое же зимы (1397 г.) К. Иоанн Михайловичь Тферский, зять Кестутиев, ездил в Литву к шурину своему, и со Княгинею и с детми». См. выше, примеч. 137, год 1375.— Между рукописями, находящимися в Императорской Библиотеке, есть *список* договорной грамоты К. Михаила Тверского с В. К. Василием Димитриевичем. Она так начинается: «*Божиею милостию*... по благословению отца нашего, Киприяна Митрополита». Далее: «А имуть вам (Тверскому Князю и сыновьям его) Татарове давати нашу отчину Москву, Великое Княжение и Великий Новгород, и вам ся не имати за нашу отчину, ни тобе, ни твоим детем, ни братаничем.... А быти нам па Татары и на Литву, и на Немци, и на Ляхи заодин; а пойдет на нас Царь ратию, а всяду на конь сам, и тобе, брате, послати ко мне на помочь свои два сына, да два братанича, а сына ти одного у собе оставити; а пойдут на нас Литва, или Немци, или Ляхи, и тобе послати дети свои и братаничь на помочь». Заметим, что слова: *Божиею милостию*, не встречаются в Архивских грамотах до 1433 года (см. выше, стр. 145); древнейшие обыкновенно так начинаются: «по благословенью отца нашего, Митрополита». Далее в грамоте: «А что есмя (Великий Князь) воевал со Царем, а положит на нас в том Царь вину, и тобе, брате, в том нам не дать ничего, а то нам самим ведати». Великий Князь воевал Ординские владения (см. выше, стр. 93) в 1399 году; но вероятно, что здесь говорится о прежних неприятельских действиях. Далее: «к Витовту ми (Василию) целование сложити, а тобе (Михаилу) такожь явити Витовту, что есте с нами один человек .. А *полон* ти, брате, наш Московскый и Велик. Новагорода ступустити без окупа». Летописцы не упоминают о войне Михаила с Василием. Далее: «Новых тобе (Михаилу) мытов не замышляти; а на *старых* ти мытех имати с воза по *мордке обеушной*, а костки (дорожной пошлины) с человека *мордка*». Здесь цена означается *старою*, кожаною монетою.

[184] «Того же лета (1397) К. Иоанн Всеволодичь отъеха со Тфери к Москве, и к дяди своему сложил целование. Великий же Князь прият его с любовию и даде ему город Торжек. Тое же осени, Сент. в 23 день, К. Иоанн Всев. поя сестру Великаго Князя Анастасию».

[185] В *Лет. Троицк.*: «Тое же осени Сент. приде из Орды Княжь Михайлов Киличей (посол), именем Ельча, а с ним посол Темирь Кутлуев, именем Бекшик, да Саткин, после живота его, и привезоша ярлыки писаны на его имя... Того же лета (1400) умре Царь Темир Кутлуй... В то же время Князь Иван

Михайловичь посылал в Орду, и выдоша из Орды Федор Гурлен, да Костянтин, а с ними посол именем Софря, и вынесоша ему ярлыки от новаго Царя».

[186] В *Никон. Лет.*: «Тверстии Князи (в 1400 г.) повелеша своим Бояром крестное целование сложити ко Князю Василью Михайловичю и Феодору Михайловичю и ко Князю Ивану Борисовичю. Князь Василей же Михайловичь пришед к своей матери Овдотье и сказаше ей... и мати их послала свои Бояре к Вел. Кн. Ивану, а Василей и Федор и внук ея, Кн. Иван, послаша своих Бояр... Княгиня же Борисова взем сына своего и Боярин ея Воронец, аки в древний бунт, и пришедше биша челом Великому Князю Ивану Михайловичю... и оттоле Князь Великий наипаче на свою братию нелюбие начат держати, а тех лукавую лесть возлюби... Тоя же осени К. В. Иван Тферский у Кн. Василья Михайловича отнял озеро Луское и Вход Иерусалима и даде братаничю Ивану Борисовичю. Князь Василей же посла к нему Арсения Владыку, прося суда общаго... и Князь Иван Михайловичь отвечал: не дам... и Кн. Василей поеха в Кашин... и родися сын у Княгини его Настасьи, и приеха к нему мати его, из Сергиева монастыря Игумен Никон... и крестиша его и нарекоша Дмитрей..... Тое ж осени Кн. Иван Всеволодичь Тферский с Вел. Кн. Иваном Михайловичем сослася, и иде со Княгинею своею во Тферь... и преставись Марта (в 1402 г.) на Св. Недели в Понедельник, в самую Литургию, и положен в Тфери.... Того жь лета (1403) Кн. Вел. Иван Михайловичь пойде ратью к Кашину... и возвратясь посла сына своего, Князя Александра, и Князь Василей утече к Москве, и Князь Великий Московский смири их... Тое жь зимы (в 1405) пред Велик. заговеньем Василий Кашинский приеде во Тферь, и пойма его Кн. Вел. Иван Михайловичь и Бояр его поковаша. Тое жь зимы Кн. Юрьи Всеволодичь отъеха со Тфери на Москву, бояше бо ся того же.. Месяца Апр. в 17 во Тфери в Великую Пятницу взяша мир Кн. Иван и Василей Михайловичи... и отпусти (Иоанн) брата с любовию в Кашин на Св. Недели в Вторник. И не дождаша 3 месяцов, и пакы бысть промежду ими нелюбье, и Князь Василий пакы выбежа на Москву, и Князь Иван посла на Кашин своя Наместники, и многу изгибель створиша Христианом продажами и грабежем... Князь Великий Иван Михайловичь (в 1406 г.) был в Кашине. Того жь лета К Василей Кашинский сослась с братом Иваном Михайловичем и приеха из Переславля во Тферь».

[187] См. *Никон. Лет.* под годом 1401, и ниже письмо Эдигеево к Великому Князю. В *Троицк. Лет.*: «В лето 6908 (1400) Князь Юрьи Дмитриевичь на Москве оженися у Князя Юрья Святославича Смоленского, поя за ся дщерь его, именем Настасию..... Тое же весны (г. 1401) Кн. Иван Володимеровичь оженися на Москве у Князя у Федора Ольговича Рязанскаго, поя за ся дщерь его Василису».

[188] «Князь же Роман тогда убьен бысть, а Княгиню его и детей отпустиша.. а Витовт тое же осени приходил к Смоленску», и проч. [39*]–Линденблат, вместо Смоленска, именует здесь Новгород, сказывая, что жители развесили сети перед стеною, поимали в них 60 Литовцев, устрашили тем Витовта, сделали вылазку, отняли у него пушки, лошадей и проч. –[39*]

[189] См. *Лет. Троицк.* г. 6907. Марию погребли в Московской церкви Св. Лазаря.

[190] Олег скончался в 1402 году, Июля 5 (см. *Троицк. Лет.*). Далее: «Иде Князь Феодор ко Царю Шадибеку... и пожалова его Царь, даде ему отчину его и дедину... Князь Иван Володимеровичь Пронский прииде из Орды (в 1408 г.) от Царя Булата 6 Сент. и сяде в Пронске, а с ним посол Царев. Того жь лета (1409) Кн. Иван Пронский, пришед с Татары безвестно, Кн. Феодора Ольговича с Рязани сослал; он же бежа за Оку, а Князь Иван сяде на обеих Княжениях, на Рязанском и на Пронском.... И прииде на него Вел. Князь Феодор Ольговичь, и бысть им бой на реце на Смядве Июня в 1 день, и поможе Бог Князю Ивану... убиша Игнатия Семеновича Жеребцева, Воеводу Коломенского, Михаила Лялина, Ивана Брынка и много Коломничь; Муромского же Воеводу, Семена Жирославича, изымаша, и многих Муромцев избиша.... Того жь лета Князи Рязанстии, Феодор и Иван, мир и любовь межи собою взяша». Коломна и Муром принадлежали Московскому Государю: следственно Великий Князь Василий Димитриевич помогал Феодору.

[191] См. *Троицк.* и Архив. *Киевскую летопись*, где сказано, что Лугвений пленил в Вязьме и другого Князя, Александра Михайловича. Далее см. *Лет. Троицк.*, *Архангел. и Никон.* Витовт отступил от Смоленска после Святой недели. [40*]—Линденблат пишет, что Витовт и Король Ягайло посылали к Смоленску Свидригайла, который в отступлении своем лишился многих людей...—[40*] В *Лет. Троицк.*: «И по том Князь Юрьи, сослався со Князем Великим, и выеха из города не во мнозе дружине, а Княгиню и Бояры своя остави в Смоленске, а приказав им ждати себе на первый срок и на другий и на третий.... а в то время Витовт приде ратью к Смоленску; гражане же, не могуще терпети глада и изнеможенья, град предаша». В *Никон. Лет.*: «Смоленстии Бояре крамолу злу сотворивше, послаша тайно к Витовту, глаголюще: скоро прииде под Смоленск, понеже вси тебя хотят... дондеже не приидет с Москвы Кн. Вел. Юрьи со многою силою Московскою».

[192] В *Никон. Лет.*: «В Смоленце (Витовт) свои Наместници посади, Ляхи, и приказа людем Смоленским лготу многу чинити, отводя их от Кн. Юрья».— О битве с Немцами см. Гадебуш. Livländ. Jahrbücher, г. 1410, стр. 23.

[193] См. *Арханг. Лет.* Напротив того в Архивской *Киев. летописи* сказано, что Великий Князь, доброхотствуя Витовту, нарочно остановил Юрия в Москве; известие невероятное.

[194] См. *Новогород. Лет.* Попа Иоанна. В *Арханг.*: «приеха Владыка Иван Новогородский на Москву бити челом Великому Князю о Торжку, и Киприян, по Великаго Князя слову, Владыку поймал, да посадил в Чудовском монастыре, за месячной суд, что не дали».— В *Новогород. Лет.*: «Наслав Великий Князь Бояр своих, Александра Поля и Ивана Марина, на Торжок ратию в 300 человек, изимаша Семеона Васильевичь и Михайла Фефилатова на крестном целовании, и живот их из Св. Спаса поймаша.... В самый Петров день (в 1401 году) Ондрей Ивановичь и Посадников Двинскых Есипа Филиповичь и Наума Ивановичь изымаша; и Степан Ивановичь, брат его Михайло и Микита Головня, скопив около себе Важан и сугнав Айфала и Герасима на

Колмогорах», и проч. (см. *Новог. Лет.* Попа Иоанна)... «Ходил Айфал (в 1409 г.) на Болгары Камою и Волгою, 100 насадов Камою, а Волгою 100 и 50, и избиша их в Каме Татарове, а Айфала яша и ведоша в Орду; а Волжские насады не поспели.... Уби (в 1418 г.) Михаило Розсохин Айфала на Вятке».— в *Троицк. Лет.*: «а был (Архиеп. Иоанн) во изниманьи 3 лета и 6 месяц, а седел в монастыре у *Св. Николы у Стараго*»: на Перерве, по мнению Митрополита Платона; но сей Никола Старый находился между Котлами и Москвою (см. ниже, примеч. 232).

[195] Так в *Никон. Лет.*: «Новогородцы же даша ему Русу, Ладогу, Орешек, Тиверский, Корельский, Копорью, Торжек, Волок Ламский, Порхов, Вышегород, Яму, Высокое, Кошкин городец.... Того же лета (1400) Новогородцы послаша Клементия Васильевича в Литву к Витовту о миру и любви, и взяша мир по старине».

[196] В некоторых летописях, в *Ростов.* и других, сказано, что Юрий убил Иулианина супруга уже после неудачи своей в насилии; но мы следуем здесь *Архангельской*, где обстоятельства рассказаны яснее, с прибавлением, что Юрий владел половиною Торжка, а другую Князь Вяземский. Далее в *Троицк. Лет.*: «Тое же осени (г. 1407) на Вздвиженьев день преставися Князь Юрьи Святославичь Смоленский, не в своей отчине, но на чужей стороне в изгнаньи, а своего Княженья лишен и своей Княгини и своих детей, в Рязанской земли в пустыне, в монастыре у некоего Игумена Христолюбца, именем Петра, и ту неколико дней поболев, преставися, и проводиша его честно». См. *Родословн. Книгу*, где означены Княжеские и Дворянские роды, происшедшие от Владетельных Князей Смоленских.

[197] Псков сделался независимым в княжение Симеона Гордого: см. Т. IV, стр. 157. В *Новогород. Лет* Попа Иоанна, г. 1406: «ходиша Псковичи с Князя Великого Наместником», и проч. См. выше, примеч. 182. В *Псков. Лет.*: «Тоя же весны (г. 1400) выеха из Пскова Князь Иван Андреевичь, внук Олгердов, и целование сложив». Там же, выше: «Бысть рагоза (ссора) Новогородцем со Псковичами (в 1391 г.) и пойдоша Новогородци к Пскову ратью и Псковичи послаша послы своя, Лавра и Михайла, и Попа Власьевского, и Ермолу Игумена Николиньского, и сретоша Новогородъскую рать у Солци, и взяша мир... Того же лета (г. 1392) Новогородци взяша мир с Немци, а Псковичь вымириша (исключили из мира) и Псковичи взяша особный мир с Немци... Придоша Авг. 1 (г. 1393) Новогородци ко Пскову ратью в силе велице, и стояша у Пскова 8 дней, и дождавше ночи, побегоша прочь посрамлени, пометавше многая свои замысления, пороки и пускичи (пращи) и тогда убиша Копорского Иоапа под *Олгиною горою*, а иных многых избиша на Выбуте, а инех руками яша при Владыце Иоане и Посаднице Еске и Тысяцком Никите... Послана (г. 1398) Псковичи Князь Григория и Посадника Сысоя и Романа Посадника и иных Бояр в Новгород, и взяша мир вечный с Новымгородом». В *Новогород. Лет.*: «Приходиша (в 1397 г.) послове Псковскии, Кн. Григорий Остафьевичь... Филип Козачковичь, и биша челом Архиепископу Вел. Новагорода... и Посадник Тимофей Юрьевичь и Тысяцкой Микита Федоровичь и вси Посадникы и Тысяцкии и Бояре и весь Вел. Новгород от Псковичь нелюбие отложили и взяша мир по

старине Иун. в 18 день, зане не бяшеть миру по 4 годы».— О язве см. ниже. Далее в *Псков. Лет.* г. 1401: «Тоя же зимы послаша Псковичи к Князю Витовту Григория Федосовичь и Гаврила Наместника и взяша мир вечный... В лето 6914 (1406) прииде поганый отступник Витовт с множеством ратных, а миру не отказав, а розметную грамоту Псковскую отсла к Новугороду, Февр. в 5 день на Черкисове недели в Пяток, и много зла учинивше, отъидоша прочь... Того же месяца, Февр. в 28, Юрьи Посадник Козачковичь, поймя со собою охвочих людей, Псковичь, Изборян, Островичь, Вороначян, Вельян, и шедше повоеваша Ржову и Луки, а на Луках на Великых и стяг Коложьскый взяша... а к Новогородцем послаша Псковичи и биша чолом, чтобы пособили: они же прислаша неколико мужей, с лукавством глаголюще: нам Великый Новгород не указал, ни Владыка благословил ити на Литву; идем с вами на Немци... и возвратишась... Того же лета Князь Псковскый, Данилей Александровичь, и Посадник Ларион Дойниковичь и весь Псков идоша к Полотску Июля в 30, и стояша под Полотском 3 дни и 3 нощи, и возвратишась. Того же лета, Авг. в 22, Князь Местерь прииде к Изборску, и ходиша 2 недели, пленяюще и жгуще около Острова и Котелна, а подо Псковом не быша... и отъидоша... В лето 6915 (по *Троицк. Лет.* в 1406 г.) Кн. Данилей Александровичь и Посадник Юрьи Филиповичь пойдоша в Немецкую землю Окт. 7 и поймаша на рубежи на Серици 7 Немчинов, и усретоша их Немецкая рать за 15 верст от Кирьяпеги, и Псковичи удариша: Немци побегоша в Кирьипегу, пометавше кони и оружия, и Псковичи, стоявше нощь, возвратишася». В *Тройцк. Лет.* сей случай так описан: «Срете я́ (Псковитян) рать Немецкая на реце на Серице, и бысть им бой Окт. в 9 день, и биша их (Немцев) и гонилися за ними 20 верст до Новагородка, и оттоле пошла рать Псковская к Кирепеге; а нагадали были пойти к Юрьеву, и ту стретил их Князь Великий, Немечьский Мистерь, со всем поморьем за Селиловым побоищем, и ту паки бысть бой, и паки поможе Бог Псковичем, а Немечьский Мистерь убежал, а Псковичи гонилися до Кирепеги». Далее в *Псков. Лет.*: «И потом Псковичи послаша в Великий Новгород, абы помогли на Немець, и не помогоша. И потом биша чолом Князю Великому Василию Дмитриевичь, абы помогл бедным Псковичем в тошна времена, и Князь Великий разверже мир с своим тестем с Витовтом, Псковскыя ради обиды». В *Троицк. Лет.*: Пьсковичи с Новгородци приездиша ко Князю к Великому на Москву, и в Великое говенье Князь Великий посылал брата своего, Князя Петра, с Бояры в Новгород Великий Псковичем на помочь».

[98] В *Никон. Лет.* под годом 1406: «К. В. Василей Дмитриевичь и К. В. Иван Михайловичь Тферский сложиша крестное целование к Витовту». В *Троицк. Лет.* под годом 1406: «Отпусти Великий Князь Воевод своих (Маия 25) воевати земли Литовския, к Вязме и к Серпейску и к Козельску. Они же не яша ничто же».— О возобновлении дружества с Ордою см. *Никон. Лет.* V, 21. Там сказано: «Сент. в 7 день (г. 1406) Князь Великий пойде на Витовта и сташа на Плаве; а Кн. Вел. Иван Мих. Тферский в помощь посылал Великому Князю свою братью, Князя Василия Мих. Кашинского, да Князя Феодора Мих., да сына своего, Князя Ивана, да Князя Ивана Еремеевича... и сташа на Пашкове

гати», и проч. [41*]–Линденблат упоминает о сем походе Витовта, сказывая, что с ним были и союзники его, Немецкие Рыцари, которые возвратились домой через XV недель, воевав Россию 14 дней; что Государь Московский собрал множество Татар и всех Князей Российских –[41*].

[199] В *Родослов. Книге* I, 180: «у Князя Семена Глуховского и Новосильского (Михаилова сына) один сын, Князь Роман, а пришел из Новосили жити в Одоев от насилия Татарскаго». Одоев возвратился к России уже при Великом Князе Иоанне Васильевиче.— В *Троицк. Лет.* г. 1407: «по Троицыне дни в Четверг, Мая 20, Литва взяша Одоев... Князь Великий на Спасов день пойде на Литовскую землю... и взял град Дмитровец» (ныне деревня в Калужской Губернии, на реке Протве). Стриковский говорит о причине сей войны так: «Москвитяне близ Путивля, ограбили Литовских путешественников, отняв у них двух бобров, кадь меду, две секиры и три кафтана. Витовт требовал удовлетворения, и не получив его, объявил войну зятю». В *Троицк.* г. 1406: «Тое же весны приеха ко Князю к Великому в ряд служити из Литвы некоторый Князь, именем Александр, прозвище Нелюб, сын Княжь Иванов Олгимонтов, а с ним множьство Литвы и Ляхов», и проч.

[200] В *Троицк. Лет.* г. 1408: «Иулия в 8 день, в Неделю, выеха из града из Брянска Швитригайло, а на Москву приеха Иулия в 26». В других летописях прибавлено, что Василий Димитриевич отдал Свидригайлу едва не половину своего Великого Княжения. Стриковский пишет, что Свидригайло, выехав из Стародуба и Брянска, зажег их.

[201] См. Стриков. *Хроник.* кн. XIV, гл. 8. [42*]–Линденблат пишет, что Магистры Немецкого Ордена и Ливонский, имев свидание с Королем Польским и Витовтом, ходили вместе на Россию и возвратились со многими пленниками; что Витовт стоял на одном берегу реки, а Кн. Московский на другом; что они заключили мир, и проч. –[42*] Смолянами предводительствовал Иоанн Корелькович.— О городах см. ниже в завещании Князя Владимира Андреевича *Храброго.*— Далее в *Псков. Лет.* г. 1410: «в Литву к Витовту послаша Псковичи Якима Посадника и Терентия Фоминичь и Сидора Дедькова, и взяша мир с Витовтом, а опрочь Новагорода».

[202] В Кенигсбергском Архиве находится договор *Болеслава-Свидригайла, Князя и наследника Литвы и России, и Владетеля Подолии*, с Орденом в 1402 году. Согласно с договором, заключенным между Вел. Магистром Немецким и Витовтом, Свидригайло уступает Псков Ордену, когда сей город будет завоеван, Литовцами или Рыцарями: Die Lande und Herschaft der Russen zu Pleskow in aller Wyse, wy die gewonnen werden von uns adir von dem Orden in des Gemeyne, adir besondern, adir an uns komen, so sol sy der Orden ewiglich alleyne behalden [Земля и все владения россиян во Пскове должны отойти навечно к Ордену, если они будут завоеваны нами, либо нами в союзе с Орденом, либо им самим]. См. между моими Кенигсбергскими бумагами № 300, 316, 317, 318, 319. Последние содержат в себе мирный договор Псковитян с Орденом на 10 лет, заключенный в 1417 году, в Риге, где находились посол Великого Князя, именем Никита, и Псковские чиновники, Данило и Юрий. Василий

Димитриевич назван *великим Королем* и даже *Императором*: grotmechtighe Here, de grote Konyng von Moskowe, de Rusche Keyser [великодержавный Господин, великий Король Московский, Русский Император]. Условия были следующие: 1) «Жить с обеих сторон в мире и доброжелательстве. 2) Купцам торговать свободно. 3) В обидах искать управы судом, а не мечем. 4) Россиянам не пропускать чрез свою землю врагов Ордена, а Немцам врагов Россиян». Магистр Шпангейм писал к Великому Магистру Прусскому, что сей мир нужен для безопасности Ливонского Ордена, коему Витовт угрожает войною. Достойны замечания следующие слова его о характере Псковитян: Is sint wunderliche unbetutliche Luthe: was sie vor sich nemen, dovon kan man in nicht gebrengen; то есть: «странные, упрямые люди: что возмут себе в голову, от того их никак не отведешь».

Сообщаем выписку из *Псков. Лет.* о всех происшествиях: «Псковичи испросиша собе Князя, Костянтина (в 1407 году) и приеха К. Костянтин в Псков в Вторник на Вербной недели, и с Псковичами смысливше съездаша церковь в имя Св. Афанасия в един день в Неделю, и службу свершиша Марта в 29, и по мале времени Кн. Великий Костянтин посла Князя своего, Костянтина Добровскаго, а Псковичи Иоанна Посадника Сидоровичь к Новгороду помощи прошати противу поганых Немець; они же отрекошясь. Того же лета Кн. Вел. Костянтин и Посадник Роман Сидоровичь совокупивше вся волости и пригороды, пойдоша за реку за Нарову, ови в лодиях, ови на конех, и перевезошась на заутрие Петрова дни, и пойдоша к Порху... и возвратишася с множеством полона... Иуля в 20 Костянтин поеха изо Пскова на Москву.... Того же лета Князь Местерь, събрав силы многыя и Задвинскую силу Курскую (Курляндскую) прииде от Белого Камени в землю Псковскую Авг. в 18, а Псковичи без пригородов пойдоша противу им и усретоша их на броду у Выбути, а броды вси бяху *заворены ворами*, и стояша погани 4 дни, и многажды хотяху перебрести и не возмогоша: Псковичем бьющемся с ними, и пойдоша прочь... и Псковичи постигоша их за Камном на Логовицком поле, а Немцы станы сташа в Неделю на вечернем годе (времени) Авг. в 21... и Псковичи удариша на них, и одолеша Немци, а Псковичи побегоша, и убиша на съступе Елентия Лубку Посадника и Ефрема Картача [43*] и Панкрата Посадников» [44*]. (Арнт в своей Хронике пишет о *семи тысячах* Россиян, тогда убитых, вместо *семи сот*). «А в то время иная рать Псковская ездиша в лодьях и в насадех за Нарову, и егда быша на Псковском озере в Осатне, и Немци в шнеках ударишась на них, и Псковичи пометавше 7 насадов и прочии посуди, и побегоша ко Пскову, и бысть Псковичем тогда многыя скорби, ово от Литвы, а иное от Немець и от своея братья от Новагорода... В лето 6916 (1408) на *Черкисове* недели (в начале Февраля) в Субботу, на память Св. Власиа, поганый Князь Местерь, събрав силы и Литву подъемь, прииде в землю Псковскую, и сам станом стояще на Демяници 3 дни, и распусти воя по волостем; а иная рать пришедше под Велье, и стояша 4 дни... и отъидоша, не учинивше граду ничтоже; а под Вороночь приехаша Литва, и Вороночани выехавше избиша Литвы 100 мужь, а инех руками яша, и воеваша Немци всю залесскую страну и до Черехи, и прешедше за рубежь, воеваша

в Леженицех и на Болотах, и на Дубске, и на Гостени, и под Кошкиным городком, и много забеглых Псковичь и Новгородцев овех изсекоша, овех плениша и пожгоша; а Псковичи послаша в Новгород и биша чолом со слезами о помощи... а они с укоризнами Псковичем отрекошась, и посла своего послаша в войско к Местеру, а Псковичем на зло. Тогда выеха изо Пскова Князь Костянтин Белозерский, а Псковичем не учинив помощи никоея же; а Местерь и Немци 2 недели ходиша по волостем Псковскым и по Новгородскым, секуще и пленяюще... и отъидоша... и Псковичи приведоша собе Князя Данилия Александровичь (Ростовского?) из Порхова на Усретение Господа И. Х., и прияша его честно... Того же лета на весну, Маиа в 6 день, пригнавше Немци к Велью и поймавше 40 голов и побегоша, и Вельяни погнашася; они же погании подсадою удариша на них и убиша Вельян 60 муж, и того же дни к вечеру приспеша Вороночани и сугнаша их уже на рубежи... Погании же плененыя посекше, а сами побегоша, и убиша Немець 30 муж... Того же Маиа Изборяни ходиша в Немецкую землю, и ударишася Немци на них и убиша их 11 мужь... и Псковичи взяша с Немци перемирье до Усретения». Между бумагами Кенигсбергского Архива есть два письма Вел. Магистра Прусского к Витовту 1408 года, под № 624 и 625: в первом он благодарит его за оказанную помощь Ливонцам против Россиян, но сам отговаривается от деятельнаго участия в сей войне за недостатком въ съестных припасах и в корме для лошадей; в другом пишет о намерении Витовтовом дать Пскову властителя или Князя, ответствуя, что надобно прежде сведать мнение Магистра Ливонского.— Далее в *Псков. Лет.*: «Тоя же зимы (г. 1409) препустив по перемирью на третий день, Февр. 5, Князь Местерь, събрав силы своя и Литву, повоева многы волости Псковскыя, а Новгородци всего того не брегоша, а на перечину Псковичем... и Немци, ходивше неделю, отъидоша... В лето 6918 (1410) послаша Псковичи Федоса Посадника и Юрья Винкова Тимофеевичь бити чолом Князю Великому... и дасть им Князя Феодора Александровичь Ростовского, и приеха во Псков Сент. в 26. Тоя же зимы, Апр. в 4, преставись Князь Псковский Данилей Александровичь, и положиша мощи его в Св. Троице. Иуля в 28 Посадник Ларион и Посадник Иван и Микула ездиша под Кирьяпигу и взяша мир с Местером, а опрочь Новагорода... В лето 6919 (1411) Псковичи выпровадиша Князя Александра Ростовского и послаша к Великому Князю Посадника Ивана Сидоровича и Федора Шибалкиничь, и испросиша собе Князя Костянтина Дмитриевичь, меншаго брата Великому Князю. В лето 6920 приеха в Псков. Кн. Вел. Костянтин Дмитриевичь Ноября в 11. Того же лета (Псковичи) и мир взяша с Новгородцами по старине... Князь Костянтин (в 1413 г.) отъеха в Новгород и тамо пребысть год, и паки приеха во Псков... Кн. Костянтин (в 1414 г.) поеха изо Пскова на Москву в Петрово говенье. Того же лета Псковичи потроша жито под Новым городком (Нейгаузеном) и скот отгнаша, и Юрьевци прислаша во Псков послы, а Псковичи послаша 2 человека в Новой городок; они же погании единого изсекоша, а другаго в погреб въвергоша, и Псковичи противу того посол их прияша. На Воздвижение Господне (в 1415 г.) Немци прияша гостя Псковского, а Псковичи Немецкий гость, и седеша обоиму и лето все, и потом Юрьевци

прислаша послов своих и целоваша крест по старине, и Псковичи отпустиша гостей, и посла единаго посекоща противу своего человека, а Немцы такожь отпустиша гостей Псковскых Иул. в 27. На весну, Марта в 19, приеха во Псков Князь Андрей Александровичь Ростовскый... и целова крест к Псковичем... Выгнаша (в 1417 г.) Псковичи Князя Андрея Александровичь Иуля в 17... Того же лета Псковичи быша рагозни (в ссоре) с Новгородцами, и послаша Ивана Посадника Сидоровичь и Лариона и Акима и Юрья Винкова и иных Бояр, просяще мира, и Новгородци челобитья не прияша. Того же лета Псковичи послаша к Великому Князю Посадника Селивестра Левонтьевичь и Терентия Фоминичь, и испросиша собе Князя Феодора Александровичь, и приеха в Псков за 2 недели до Рождества. Кн. Феодор Александровичь и весь Псков (в 1418 г.) послаша в Новгород Микулу Посадника Павловичь и Андрея Ларивоновичь и Данила Филтяева и взяша мир Авг. в 28... Постриженся в болезни Кн. Феодор Александровичь и отъеха на Москву (в 1420 г.)... Того же лета (1421) Кн. Витовт присла в Псков своих людей и веляше развергнути мир с Немци, и Псковичи, дръжащесь крестного целованиа, того не восхотеша, и послаша Селивестра Посадника и иных Бояр к Витовту, глаголюще: на том, Княже, крест целовали, что нам с Немци мир держати, а по тобе не помогати; и Витовт оттоль нача гнев велик держати на Псковичь. Того же лета Псковичи послаша к Князю Великому Микулу Посадника и испросиша собе Князя Александра Федоровичь... Кн. Александр Феод. приеха в Псков Апр. в 1 день... Псковичи (в 1423 г.) послаша к Князю Великому два Посадника, Юрья Винкова и Феодора Шибалкина, и биша чолом, чтобы Витовту за Псковичь доброе слово послал... и Князь Великый не учини на добро ничего же... Князь Александр Ростовскый выеха изо Пскова и с челюдью... Псковичи (в 1424 г.) послаша к Князю Великому Феодосиа Посадника и Бояр просити Князя на Псков, и биша чолом, абы печаловался о Пскове, и избавил бы от гнева Витовтова, и Князь Великый не учини ничего же, и дасть на Псков Князя Феодора Патрикиевичь... Приеха в Псков Кн. Феодор Патрикиевичь... Псковичи с Князем Местером мир утвердиша на 3 лета и крест с обею сторон целоваша. Того же лета Псковичи послаша в Литву к Витовту Селивестра Посадника и с ним Бояр... и не обретоша его в Литовской земли и ехаша за Кыев в Луческ Великый, и наехаша его за Лучьском 500 верст в граде Кременци, и биша чолом... Он же яростию гнева наполнився, ответ даде: *по старому целованию*! Они же возвратишась, не учинивше на добро ничто же... Зимою (в 1425 г.) послаша Псковичи к Князю Великому Посадника Микулу Павловичь, и биша чолом, чтобы избавил Псков от гнева Витовтова, и не учини ничто же».

[203] В *Троицк. Лет.*: «В лето 6911 приходил посол из Орды на Русь, Царевичь Энтяк, и был на Москве, да изобмолвил Микулу Татарина.... В лето 6913 приде к Великому Князю от Царя Шадибека посол, именем Мирза, иже бе Казначей Царев», и проч. О хитрых отговорках Великого Князя см. ниже в письме Эдигеевом; о смерти Тохтамыша в *Архан. Лет.* (он убит в 1406 году); о сношениях Эдигея с Василием в *Никон.* V, 20, 21; об изгнании Шадибека в *Новог. Лет.* Попа Иоанна, г. 1408. В *Никон. Лет.*:

«Князь Вел. Иван Михайловичь Тферский прииде в Орду, и был им суд пред новым Царем Булат-Салтаном, со Князем Юрьем Всеволодичем Тферск. о Велик. Княжении Тферском. Царь же и все Князи оправиша Вел. Кн. Ивана, и отпусти его Царь; а Кн. Юрьи в Орде остася... Генв. в 25 день (1408) прииде из Орды В. К. Иван, а с ним посол Царев, и сретоша его со кресты».

[204] Приметы к крепостям делались обыкновенно из сухого леса, зажигаемого осаждающими, чтобы огнем и дымом удалить осажденных от стен. Далее см. *Никон. Лет.* V, 23.

[205] В *Троицк. Лет.*: «Князь Ордынский Едегей повеленьем Булута Царя приде ратью, а с ним 4 Царевичи, да прочии Князи Татарстии, а се имена их: Бучак Царевичь, Тегрибердий Царевичь, Алтамырь Царевичь, Булат Царевичь, Князь Великый Едегей, Князь Махмет Исупусюлименев сын, Князь Тегиня Шихов сын, Князь Сарай Урусахов сын, Князь Обрягим Темирязев сын, Князь Якшибий Егедеев сын, Князь Сентялибий, Князь Бурнак, Князь Ериклибердий... и бысть в Филипово говенье Дек. в 1 день, в Субботу до обеда приде Едегей к Москве..... а за Князем за Великим в погоню послан бысть Царевичь Тегрибердей, да Князь Якшибий сын Едегеев, да Князь Сентялибий, да с ними избранныя рати 30 000», и проч.

[206] См. *Троицк. Лет.* и *Никон.* V, 22, 24, 29. На возвратном пути в Литву, Свидригайло опустошил город Серпухов, осенью в 1409 году.

[207] В *Троицк. Лет.*: «и таковым коварством перемудрова, ни Едегея разгнева, ни Князю Великому погруби, обоим обоего избежа; се же створи *уменски*, паче же *истински*». В *Никон. Лет.*: «тое же зимы Едигеева рать и Тверскаго предела Дому Св. Спаса взяша волость Клинскую». Далее в *Троицк.*: «А в то время в Орде некый Царевичь приобрете себе некия споборники, паче же обрете себе время благополучно, егда вся Орда истощися: вси бо Татарове изыдоша на Русь воевати; мало же нецы от них осташася около Царя... и Царевичь удари на пя изгоном, устремися напрасно на Орду; но обаче спону (препятствие) створи ему проводник его, его же и пресече: не бо приведе его на Царя, но на торг; еще же и мгла бысть велика. Но аще и желаемаго не получи, но и тако по премногу смутив я: за малым бо и самого Царя не захвати, и мног мятеж в Орде створив, отыде».— Описанием Эдигеева нашествия заключается харатейный *Троицкий Летописец*. Видно, что сочинитель умер. С того времени до самой кончины Василия Димитриевича все известия кратки и неполны в других летописях.

[208] См. *Троицк. Лет.*

[209] См. *Ростов.* и *Никон. Лет.*

[210] См. *Собрание Госуд. Грамот*, I, 69, 74. В договорной грамоте: «А какими делы отымется от брата моего Князя Володимера, или от его детей, Городець или Козлеск, и мне им дати в Городци место Тошну, а в Козельска место Рожа... а искати ны Городця и Козельска с одиного.... А отымет Бог тобе, Великого Князя, и мне, Господине, имети сына твоего в твое место.... А дати ми, Господине, тобе с Углеча Поля в семь тысячь рублев сто рублев и пять рублев, а с Городця в полторы тысячи рублев сто рублев и шестьдесят рублев... А что ся остало на Новегороде

на Нижнем долгу стараго полчетверты тысячи рублев, а то ми, Господине, тобе дати по выходу по розочту.... А на сей грамоте яз, Князь Володимер Андреевичь, с своими детьми, со Князем с Иваном, и с Семеном, и с Ярославом, и за свои дети за меньшии, за Ондрея и за Василья, целовали есмы крест к Великому Князю, и к его сыну, ко Князю Ивану»... К сей грамоте привешены две восковые печати. Она писана еще до рождения Василия Васильевича Темного.

В духовном завещании пишет Владимир: «и Княгини моя на котораго сына помолвит и обвинит, и ты, брате старейший, Князь Великий, на том то доправи.... Ему (сыну Ивану) конюший путь, бортници, садовници, бобровники, *Барыши* и *Делюи*, а (кто из) тых бортников или садовников, или псарей, или бобровников или *Барышов*, или *Делюев* не всхочет жить на тех землях, ин земли лишон: пойди прочь, а сами сыну Князю Ивану не надобе, на котораго грамоты полные не будет; а земли их сыну Князю Ивану». И так *Барышами* и *Делюями* именовались особенного роду наймиты, которым давались земли с обязательством платить господину оброк. Далее: «а треть численых людей своих в Москве и в станех дал есмь сыну Андрею и Василью на-полы; а жоне, Княгине Олене, свою треть тамги Московские, и восмьчее, и гостиное, и весчее пудовое, и пересуд, и *серебряное литье* (то есть, пошлину, которую серебреники платили в казну)... а *ез* дети мои под Городцом затепут с одиного (*езом* называлась *забойка* или *закол* на реке для ловления рыбы)... А розмыслит Бог о Княгине моей, по ее животе мыт и тамга детем моим, Князю Семену и Кн. Ярославу на-полы... а Коломенское село и с зарецкими луги сыпу Князю Ивану (здесь нынешнее село *Тайнинское* названо *Танинским*)... Взяв дань кто же на своем уделе, и пошлют ктожь своего Боярина за своим серебром вместе ко казне Великого Князя (для отсылки к Хану)... А по грехом отъимет Бог сына котораго из сынов моих, а останется его жена, а не пойдет за-муж, и сноха моя и с своими детьми сидит в мужа своего уделе до своего живота, а дань дает ко казне Великого Князя по уроку, что в сей грамоте писано; а розмыслит Бог о сносе моей, и тот удел сыну ее, а моему внуку; а не будет сына, а останется дчи, и дети мои все брата своего дчерь выдадут за-муж, а брата своего уделом поделятся вси равно. А в выход Великого Князя ко Орде в пять тысячь рублев имется дани детем моим и Княгини моей и их уделом три ста рублев и дватцать рублев.... А переменит Бог Орду, и Князь Великий не имет выхода давати во Орду, и дети мои; а что возмет дани на Московских станех, и на городе на Москве, и на численых людех, и дети мои возьмут свою треть дани Московские, а поделятся с матерью вси равно по частем... А что мои ключники не купленые, а покупили деревни за моим ключем, сами ключники детем моим ненадобны, а деревни их детем моим, во чьем будут уделе... А сыну Князь Ивану дал есмь ему на Москве Зворыкин двор, да Игнатьев двор, да Бутов сад. А сыну Князю Семену, Князю Ярославу, дал есмь им на-полы Княгини Великие Марьин двор; а сыну Князю Семену за Неглинною Терехов сад; а Княгине моей с меньшими детьми, со Князем Андреем, со Князем с Василием, дал есмь двор свой большой Московьской на-полы. А сыну Князю Ярославу, Князю Андрею,

Князю Василью, дал есмь им Чичаков сад на-трое. А что есмь подавал своей Княгине пошлины Московские, по ее животе чей будет год Москва ведати сына моего, тот и те пошлины ведает. А соль на Городце дети мои, Князь Семен, Князь Ярослав, ведают с одиного... а иной не вступается никто в Городецьские варници.... А писал есмь сю грамоту перед отци своими, перед Игуменом перед Никоном Радонежским, перед Игуменом перед Савою Спасьским; а туто были Бояре мои: Костянтин Ивановичь, Михайло Ивановичь, Олексей Григорьевичь, Ондрей Борисовичь, Григорей Михайловичь. А грамоту писал Мещерин».

В *Никон. Лет.*: «Князь Володимер Андреевичь завеща Княгини своей и детем дати в дом Христов... и Фотию Митрополиту по себе и по своем роду село свое *Кудрино* (ныне часть города Москвы) и с деревнями».— О кончине Владимировой супруги см. ниже, примеч. 371.

[211] В *Никон. Лет.* г. 1410: «Едигей воевал поморские грады... Тое жь зимы (1411) сяде на Царстве в Орде Царь Темир, а Едигей Князь вмале убежа... Того жь лета Тохтамышев сын Салтан взя изгоном Ординския улусы и пограбил... Тое жь зимы (в 1412 г.) сяде Зелени-Салтан на Царстве, а Едигея прогна... Того жь лета от Царя Зелени-Салтана прииде во Тферь посол лют, зовя с собою Вел. Кн. Ивана Михайловича в Орду... Того жь лета выйдоша из Орды Князи Нижняго Новагорода, пожаловани от Царя Зелени-Салтана их отчиною». Там же, г. 1411: «Тое жь зимы Генв., на память Св. Ивана Кушника, бысть бой на Лыскове Князю Петру Дмитриевичу Московскому и Князем Ростовским и Ярославским и Суждальским со Князем Данилом Борисовичемь из Нижняго Новагорода и с его братом, со Князем Иваном, и с Болгарскими Князми и Жукотенским... и ту убиен бысть Князь Данило Васильевичь... сташа же на костех Князи Новогородские и Казанстии.... Того же лета Фотий Митрополит пойде с Москвы в Володимерь... и се Князь Данило Борисовичь Нижняго Новагорода, укрывся тайно от всех, приведе к себе Царевича Толыша, и посла с ним изгоном к Володимерю Боярина своего, Семена Карамышева, а с ним 250 Татар, а Руси полтретья ста же», и проч. Далее: «Фотий Митрополит после Вечерни пойде в свою Митрополичью волость Июля 2, и бывшу ему на *Святом* озере своем у Церкви Св. Преображения, яже поставил Киприян Митрополит и часто там живал, зане же любил лесныя пустынная места, и многия тамо озера Митрополичи и места крепки и непроходимы, и тамо из Володимеря прииде весть к Фотию... и отъиде в лесы на озера свои Сенежския. Татаром же не постигшим Фотия... и стадо градское взяша и посады пожгоша... Тогда жь в Соборней церкви затворися Ключарь, Священник Патрекий, родом Гречин, иже прииде с Фотием из Грек, нарочит и много добродетелен муж, и поймав сосуды церковные серебряные, и златые, и елико кузни поспеша подхвати и, и вознесе на церковь, и тамо некиих людий посади, а сам сошед лествицы отмета, и ста в церкви един пред образом Богородицы плачась, а Татарове кричаще Руским языком, да отворят им двери церковныя... и высекоша двери, и икону Богородицы одраша и всю церковь разграбиша, а Презвитера Патрекия начаша мучити о прочей кузни... Он же никако же не сказа... и на сковороде огненне ставиша его, и за ногти щепы биша и кожу

одраша и ноги прорезав, уже вдернув, по хвосте у коня влачиша... и тако скончася... Глаголаху же, иже тогда в пленении том быша, яко толикое множество богатства снесоша (Татары), порты драгия и вещи многоценныя складше яко селныя копны пожгоша, не могуще бо взяши с собою, но точию златое и сребреное, и кузно, и драгоценныя ризы... а деньги мерками делиша межь собою. В том пожаре и колокола разлияшась... Бысть же сие Июля 3.— Фотий же Митрополит постави у озера своего у Сенгу на брезе на лесу церковь Рождество Богородицы... и нача жити тамо Священноинок Пахомей Болгарин, иже прииде на Русь с Фотием, живый преже в пустыни во Амморейской у того же великого старца Акакия, у него же и Фотий... И пребысть Фотий в Сенгу 4 недели и 3 дни во умилении... часто приходя и смотряя лесы великия и дебри пустынныя и тишину и молчание велие... И Князь Великий, Василей Дмитриевичь, посылает к нему, зовя его на Москву... и срете его, и беседоваша о бывшем нашествии», и проч.— Озеро *Свято* и ныне известно в Владимирской Губернии, также и село *Синжаны*, где, как вероятно, были *Сенежские* пустыни.

[212] *Никон. Лет.* г. 1411: «Князь Александр Ивановичь Тверский поехал со Твери в Литву, и наехал Короля (Польского) и Витовта на Киеве, а Зелени-Салтан (еще не будучи Ханом) тамо же бяше у Витовта... Того жь лета (1412) взяша единачество межи собою Витовт и Кн. Иван Михайловичь Тверский».

[213] *Никон. Лет.* г. 1412: «Авг. в 15 пойде в Орду Кн. В. Иван Михайловичь Тферский рекою Волгою в судех, благословясь у Епископа Антония... и проводиша его сынове его и множество народа со слезами, а с ним Бояр и слуг множество; а инии Бояре и слуги проводиша его до Нижняго... а в Орде до его прихода той злый наш недруг Зелени-Салтан умре, застрелен на войне от брата своего, Кирмбердея». Там же, г. 1408: «Тое же осени Окт. Кн. Вел. Иван Мих. Тферский пойде ратью к Кашину на братанича своего, на Князя Ивана Борисовича; он же беже на Москву; а Кн. Вел. Иван Мих. пришед к Кашину, помирися с братом своим, Василием Михайловичем Кашинским; а сноху свою, Княгиню Борисову, приведе во Тферь, а на Кашине посади Наместники своя и дань на них взя»... В *Троицк. Лет.*: «Тое же весны Князь Юрьи Всеволодичь Тферский приде из Орды и приведе с собою на помощь посол именем... добиваяся Кашина, да третьей части Тфери: Князь же Иван Михайловичь не съступися ему; они же възвратишася к Царю Булат-Салтану». Далее в *Никон. Лет.*: «Дек. в 8 день (1411), бывшу Князю Василью Михайловичу на праздник Св. Зачатия в своем селе Стражкове, и поющим им вечерню уже по Прокимне, и полете от Кашина змей велик зело и страшен, дыша огнем, и летяше от Востока к Западу к некоему озеру, аки заря светясь.... Бысть межи Вел. Кн. Иваном Мих. и Василием Мих. Кашинским нелюбие велие (в 1412 г.), и повеле Вел. Кн. Иван Кн. Василия Мих. изымати и Бояр его и слуг Июня в 28 день, а в Кашин посла своего Наместника, а Княгиню его повеле привести во Тферь. Тажь на завтрие в Четверток по Вечерни посла за сторожи Кн. Василия Мих. на Новой городок, и бывшим им на Переволоце, и сойдоша с коней, и Князь преже всех погна на кони в одномь терлике и без киверя, и перебреде реку Тмаку, и погнаше не дорогами; и лучись ему

в некоем селе обрести человека, иже печашесь о нем и храняше его втаю в лесе, и переимая вести и побеже с ним к Москве, а зде много искавше и не обретоша... Кн. Василей Мих. пойде с Москвы в Орду ко Царю Зелени-Салтану... Авг. в 1 день Кн. Великий Василей Дмитриевичь пойде в Орду со множеством богатства и со всеми Вельможами, да с ним Князь Иван Васильевичь Ярославский... Окт о Дмитриеве дни выйде из Орды Великий Князь В. Дм.... Дек. в 24 прииде Князь Василей Михайл. в Кашин с Татары, и Князь Иван Борисовичь, и застава Тферская в город Кашин его не пустиша, и Кн. Василей Мих. опять пошел в Орду.... Князь Иван Мих. Тверский прииде во Тферь Апр. 9 в день... и сретоша его со кресты».

[214] Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 394. Длугош называет Керимбердея сыном Зелени-Салтана (Solthan Zeledin). См. ниже, примеч. 215.— *Никон. Лет.* г. 1415: «Прииде́ша Татарове мнози и воевата по Задонью власти Резанския, и град Елец взяша и Елецкого Князя убиша; а инии в Резань убежаша... Того же лета (1422) Авг. в 31 день Царь Барак побил Куйдата Царя... Царь Барак приходил (в Сент. 1422 г.) к Одоеву ратью... Царь Куйдадат (в исходе 1423 г.) паки прииде ратью к Одоеву на Кн. Юрья Романовича Одоевскаго, и слыша то Витовт и посла к Василью Дмитриевичу, чтобы послал помощь на Царя, а сам послал Кн. Андрея Михайловича ратью и Кн. Андрея Всеволодовича и Кн. Ивана нарицаемаго Бабу, и брата его Путяту Дрюцких Князей, и Кн. Дмитрия Всеволодича и Григорья Протасьевича, Воеводу Мценского. Они же шедше со Князем Юрьем Романовичем Одоевским Куйдата прогониша... и две Царицы его поймаша.... Тогда же убили и Когчю, богатыря Татарскаго, велика суща телом и силою».— Абульгази называет Барака сыном Койричака или Каверцика, а 8 Тохтамышевых сыновей следующими именами: Dsalaludin, Dsabarbirdi, Kajuk, Karim-birdi, Iskander, Abusait, Chodsa, Kadir-birdi.

[215] Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 375 и 409. [45*]—Не давно издано на Немецком языке *Путешествие Шильтбергера, Мюнхенского уроженца, по землям Востока* в конце XIV и в начале XV века (Schiltbergers Reise in den Orient), им самим описанное и переведенное с древней рукописи Пенцелем. Шильтбергер был взят в плен Турками в сражении 1395 года при Никополисе и рассказывает следующее (стр. 38—78): «У внука Тамерланова, Абубахира, жил Царевич Золотой Орды, именем *Зебра*. Послы сей Орды молили его возвратиться в Улусы ее. Зебра отправился туда через Ширван, *Бурсу* (Bursa), Шабран (Smabram), Дербент, *Оригенс* (на острове реки *Эдиля*, Ателя или Волги), первый город Татарский. Зебра приехал к Эдигею, который располагал Ханским достоинством и был то же, что Maior Domus. В Орде царствовал Schuduchbochen (Шадибек): изгнав его, Эдигей выбрал в Ханы Polet (Булата), который царствовал полтора года и был изгнан Ханом Segelladin (Зелени-Салтаном). Tamir (Темир), брат Булатов, свергнул Зелени-Салтана, но царствовал только 14 месяцев: Зелени-Салтан снова явился, убил Темира, и через 14 месяцев сам погиб от руки своего брата, именем Thebac (Кибака, известного по современным монетам и Турецким летописям). Другой, меньший брат его, Kerunbardin (Керимбердей), изгнал Кибака, а через 5 месяцев Кибак изгнал Керимбердея; а Эдигей и Зебра

изгнали Кибака. Зебра сделался Ханом; но через 9 месяцев восстал на него и на Эдигея какой-то Machmud (Махмет? см. ниже, г. 1426—1431). Зебра ушел в Kestihipschach (Кипчак?), а Махмет взял Эдигея в полон. Но скоро Waroch (Барак? см. выше, примеч. 214) изгнал Махмета, а после Махмет Барака, а после *Долаберт* Махмета; но Махмет через 3 дни возвратился и убил врага своего. Наконец пришел Зебра, убил Махмета и сделался Ханом».— Далее Шильтбергер упоминает о земле Horasma, где город Оригенс (см. выше в сем примеч.) — о земле Bastan, где город Zulat, в горах — о городах Bolar, Ibissibur, Asach (Азов?), или Alechena, как именуют его Христиане, на реке Tena (Доне), откуда идет рыба и воск в Венецию, в Геную — о земле Kopstzoch (Кипчак?) где город Sulchat — о городах Kassa (Кафе?), Karkeri на Черном море, где жители Христиане Греческой Веры и где, подле города Sarucherman (Херсона?), Св. Климент был утоплен в море — о земле Strachas (Астрабате?), где жители Христиане Греческие, злые разбойники — о стране Reussen или России, которая находится в подданстве у Татар. Он сказывает, что Татары *Красные* разделяются на три колена, именуемые Kejat, Jabu, Mugal. Вообще все его известия не ясны, бестолковы, но доказывают, что Шильтбергер действительно был в сих местах. Он возвратился в Мюнхен в 1427 году. [45*]

[216] В *Псков. Лет.* г. 1422: «Витовт събрав силы многы, не токмо Литву, но Москвичь и Тферичь, иде на Прусы и взя град Голуб и воева землю их 3 месяци, и возвратись миру не вземь, и мнозии ратнии его тогда гладом изомроша». См. Гадебуша Livl. Jahrbüch. г. 1422, стр. 54. Великий Магистр [46*] Немецкого Ордена в 1413 году писал к своему двоюродному брату, фон Плауэну, о союзе Витовта с Новогородцами, Псковитянами и mit den grossen *Russen* [с Великороссами] (между бумагами Кенигсберг. Архива № 631). В письме своем к Королю Богемскому (под № 632) говорит он о дружестве сего Литовского Князя *со всем народом Русским*, mit der ganczen Russischen Czunge; а в другом письме (под № 641) просит Короля взять в свою службу какого-то *Российского Герцога Вайселя*, выехавшего в Пруссию, кажется, из Литвы.

[217] В *Новог.* Попа Иоанна, г. 1407: «Прииде в Новгород Кн. Семеон Олгердовичь.... Прииде в Новгород Князь Костянтин Дмитреевичь от Великого Князя на Наместничество (в 1408)... Лугвен (в 1412 г.) съеха в Литву и Наместникы сведе с пригородов Новогородских... а Король Ягайло и Витовт и Лугвень вскинуша грамоты възметны к Новугороду Генв. 2, а рек тако Король и Витовт: что были есте нам нялися служить и вам было Немцемь такожь сложити, а с нами заедино стати и закрепитися на обе стороне в запас... и мы к вам послали Бояр своих, Немира и Зиновья Братошича... и вы Немиру отвечали: не может Новгород того учинити; как есмя с Литовскым мирны, так есмя и с Немци мирны. Мы Кн. Лугвеня вывели от вас, а с Немци есмы мир вечный взяли с Угры и с всеми нашими граничьникы... А еще люди ваши нам лаяли, нас бесчествовали.... А Лугвень рече: дръжали мя есте у себе хлебокормлением», и проч.... «Той же весны (1414) пойдоша в Литву послове Новогородскии Посадник Юрья Онцифоровичь, Офонас Федоровичь, сын Посадничь, Федор Трябло, и взяша с Князем Витовтом мир по старине».

Стриковский напротив того пишет басню, что в сем году Псковитяне и Новогородцы признали Витовта своим Государем; что первые обязались давать ему ежегодно 5000 червонцев, 50 Немецких коней, по двадцати кож волчьих, медвежьих и лисьих: куниц же, соболей, белок и горностаев по сороку, а Новогородцы вдвое того; что Витовт сделал начальником во Пскове Князя Георгия Носса, а в Новегороде Князя Симеона Алгимунта Гольшанского.

[218] В *Новог. Лет.*: «Того же лета (1392), вышедше из моря Немци разбойницы в реку Неву, взяша села по обе стороны реки за 5 верст до Орешка, и Кн. Симеон Лугвений с Городчаны сугнав их, избиша, а иных разогнаша, и языков в Новгород приведоша... Приходиша Немци Свея (г. 1395) к новому городку к Яме, и прочь пойдоша; и Князь Костянтин с Городчаны иных изби, а инии убежаша... Той же осени (г 1397) Немци взяша 7 сел у Ямского городка и пожгоша... Пришед Свия (г. 1411) войною и взяша пригород Новгородский Тиверский, и Новогородци вскоре пойдоша на Свею только за 3 дни по сей вести с Кн. Семеном Олгердовичем, и пришедше в Свейскую землю, села их повоевав и пожгоша, а Свея много изсекоша, а у города у Выбора охабень взем и пожгоша Марта в 26, и приидоша в Новгород с множеством полона; а Воеводы были Фома Есиповичь и Посадник Александр Фоминичь, Иван Даниловичь, Григорей Богдановичь, Афанас Есиповичь, сын Посадничь, Фома Трощикин, Дмитрий Ивановичь, Андрей Ивановичь, Есип Филиповичь, Аврам Стефановичь; а Немци у Выбора только единого Новогородця убиша, Павла с Нутной улици».— Далее: «Ходиша из Заволочья войною на Мурманы Новогородскым повелением, а Воевода Яков Стефановичь, Посадник Двиньскый, и повоеваша их.... Пришедше Мурмане войною (в 1419 году) в 500 человек в бусах и в шнеках, повоеваша в Аргузе погост Корельскый и в земли Завотской погосты, в Неноксе Корельском монастырь Св. Николы, Конечный погост, Яковлю, Курью, Ондреянов берег, Киг остров, Кярь остров, Михайлов монастырь, Чиглоним, Хечинима; 3 церкви сожгли, а Христиан и Черноризець посекли; а Заволочане 2 шнеки Мурман избиша, а инии избегоша на море».— О Немцах: «Той же осени (1420) приидоша из Неметской земли послове от Местера Селивестра, Вельядский Кумендерь Гостило, и сестричичь Местеров Тимофей, и Воевода Ругодивскый Еремейко, и докончаша с Князем Костянтином и с всем В. Новымгородом, что быти на съезд Местеру, а Князю Костянтину и Новогородцем послати своих Бояр, и послаша Наместника Князя Великого, Кн. Федора Патрекеевичь, и Княжа Боярина Костянтинова, Андрея Костянтиновича, Посадника Новогородскаго Василия Есиповичь, Посадника Офонаса Федоровичь, Якова Дмитреевичь, Михаила Юрьевичь, Наума Ивановичь; они же наехаша Местера на Нарове, и взяша вечный мир по старине, како был при Вел. Князе Александре Ярославичь». См. Арнта Liefländ. Chron. г. 1420. *Еремейко* есть Герман. К мирной грамоте были привешены 6 печатей. Я нашел Немецкий перевод сей или другой грамоты между Архивскими Кенигсбергскими бумагами № 320. Начало: Von dem Groszin Koninge Constantin Demytirson, von dem Burggrafen von Nogharden Myckytenson, von dem Herzogen — v. Nogharden Cusemen Terentenson, van alle Grosszin Nogharden: ich Koning Constan-

tyne Dymytirson, ich habe gesant myne Boden Zachare, mynen Boyaren Jhezypisson und v. Nogharden ist Phyphylate Wassileusone, und haben geendiget eynen frede, alse vor uns und vor Pleskow mit dem Meister v. Riga und mit dem Bischope v. Darpte [От великого Короля Константина Димитриевича, от Посадника новогородского Микитича, от новгородского Кузьмы Терентьевича, и всех Бояр новогородских. Я, Король Константин Димитриевич, отправил своего Посла Захара, Боярина моего Есиповича, и от Новогородцев — Феофилакта Васильевича, и они заключили мирный договор между нами и Псковом, с одной стороны, и Рижским Магистратом и Дерптским Епископом — с другой], и проч. Здесь Королем назван Князь, Бургграфом — Посадник, а *Герцогом* — Тысячской. В договоре сказано, что река Нарва служит границею; что Немцы не должны на другой стороне ее рубить леса, косить сена и проч.; не должны также из Выборга и Ревеля пропускать хлеба сухим путем в Россию, ни Шведского войска; что купцы наши свободно ездят и торгуют в Ливонии: de soll haben eynen reynen Weg [они должны иметь свободный проезд]. Года не поставлено.

Чрез несколько времени Новогородцы, будучи в ссоре с иноземными купцами, многих из них заключили в оковы, описали их имение и на воротах Немецкого двора повесили одного Россиянина за то, что он взялся отправить в Германию письмо купца Ганнса (см. Гадебуш. Livland. Jahrbuch. г. 1424).

[219] В *Новгород. Лет* г. 1418: «Того жь месяца (Апреля) съдеяся тако научением Диаволим: человек некый Степанко, изымавше Боярина Данила Ивановичь, Божина внука..... Людие же влечахуть его (Боярина) и казниша его ранами близ смерти. Жена же некая, отъвръгши женскую немощь и вземши мужескую крепость, вскочивши посреди сонмища, дасть ему раны, укаряюще его... и сведше его с Веча, и сринуша с мосту. Некто же людин, Личков сын рыболов, въсхыти его в челн..... Начаша звонити Вече на Ярославле дворе... И на Яневе улице берег пограбиша.... Кузмодемьянци отъдаша Степанка и молиша Архиепископа, да пошлет к собранию людску. Святитель же посла его с Попом, да своим Бояриным: они же приняша его, и пакы възъярившеся на иного Боярина, на Ивана Иевлича на Чюдницеве улице..... И того же утра на Люгоще улице изграбиша дворов много... и на Прускую приидоша... и они отбишась..... Того же дни в лютую ту брань бысть гром велик и молние блистание и дождь и град, или того ради, или строением Вышняго на потребу живущим народом.... А в то время прилучися быти Варламу Архимандриту Св. Георгия, и глагола ему Святитель: последуй ми..... И прииде к нему Посадник Федор Тимофеевичь с иными Посадникы и Тысяцкыми, глаголюще, да уставить народ. Владыка же посла Архимандрита Варлама и отца своего духовнаго и Протодиакона на Ярославль двор ко Св. Николе, да подають благословение его *Степенному* (правительствующему) Посаднику Василью Есиповичь и Тысяцкому Кузме Терентьевичь и всему народу», и проч.

[220] «С Вятки, из Князя Великого отчины, Княжь Боярин Юрьев Глеб Семеновичь с Новогородскими беглеци и с Устьюжаны и с Вятчаны изъехаша в насадех без вести Заволоцкую землю, и повоеваша волость Борок, Ивановых детей Васильевичь, и Емцу и Колмогоры взем и пожьгли, и Бояр Новогородских

изымаша, Юрья Ивановичь и брата его Самсона. Иван Федоровичь, брат его Офонас, Гаврила Кириковичь, Исак Ондреевичь, сугнав их под Моржом на острове, братию свою Самсона и Юрья отъяша, и полон весь с животы, а их отпустиша; а Василий Юрьевичь, сын Посадничь, Самсон Ивановичь, Гаврила Кириловичь, брат его Григорей с Заволочаны идоша, за разбойникы в погоню, и пограбиша Устъюг».

[221] См. *Новогород. Лет.* Попа Иоанна, г. 1419. Константин приехал в Новгород Февр. 25 в 1420 г., а возвратился в Москву в 1421.

[222] Кранц. Wandal, кн. XI, стр. 251: Russorum tum urbem clarissimam, Nouguardiam vocant, tanta lues invasit epidemiae, ut intra sex menses octuaginta hominum millia perirent, tanta, ut ferunt, celeritate, ut ambulantes in plateis mox deciderent, et ad sepulchra mortuorum qui sani tumulandis aliis advenerant, cum mortuis mortui tumularentur [Тогда славнейший город русских, именуемый Новгород, до такой степени был подвержен гибельной эпидемии, что в течение шести месяцев погибло восемьдесят тысяч человек, с такой быстротой, что, как говорят, скоро на улицах исчезли прохожие и те здоровые, которые приходили к гробам мертвых для погребения других, мертвыми вместе с (прежними) мертвецами полагались в могилы]. В *Псков. Лет.*: «Бысть мор в Пскове, яко же не бывал таков (в 1390 г.): где бо единому выкопали, ту и пятеро и десятеро положиша... Того же лета (1404) бысть мор во Пскове с Спасова дни; начаша преже мрети малыя деткы, и потом старыя и младыя, а знатьба (признак) бяше такова: аще кому явится где железа, то на другый или на третий день умираше; а пришел тот мор из Юрьева от Немець.... Тоя жь осени (1406) бысть мор велик в Пскове и по пригородом, а мряху железою; тоя же осени бысть дождя много.... Не на длъзе времени от Спасова дни (в 1420 году) начаша в Пскове и по волостем мрети малыя детскы, и потом юноша и девы, и мужи и жены, и старыя мряху, но мало; и бысть мор велик зело, и мнози тогда мужи и жены прияша Ангельскый образ... Тогда начаша искати, где была первая церковь Св. Власей, а на том месте стояше двор Артемьев, воротове, и Псковичи давши ему сребро и изрывше двор, обретоша престол, и на том месте в един день поставиша церковь во имя Св. Спаса, и освящаша и Литургию свершиша Сент. в 14... и мряху тогда железою от Спасова дни и до Крещенья... а пришло от Немець изь Юрьева».

В *Новогород. Лет.*: «Того жь лета (1389 или 1390) бысть мор в Новегороде силен велми..... В то же лето и зиму (1417) бе мор страшен в Новегороде, и в Ладозе, и в Русе, в Порхове, в Пскове и в Торжьку, в Дмитрове и в Тфери.... на всяк день умираху толко, якоже не успеваху погребати их, а дворов много затвориша без людей. Преж яко рогатиною ударить, и явится железа, или начнеть кровию харкати и дрожь иметь и огнь ражжеть по всем съставом человечьскым..... и два Посадника преставишась в Ангельском чину, Иван Александровичь и Борис Васильевичь... Владыка Симеон с кресты обходи около града.... и Христиане ови на конех, ови пеши из леса бервна (бревна) привозив, поставиша церковь Св. Настасию, и свяща ю Арх. Симеон того же дни, а в остаточных бревнах поставиша церковь Св. Илию конец

Пруской улици; а Новотръжане такожь единым утром Св. Афанасиа, и Литургию съвръшиша... В си два лета (1421 и 1422) бысть глад и мор велик, и наметаша мертвых 3 скудельници, едину у Св. Софии за олтарем, а 2 у Рожества на поле». В *Ростов. Лет.*: «тое же осени Сент. в 8 день (1421 г.) поча быти болезнь коркотная, и на зиму глад бысть». Далее в *Новог. Лет.*: «Того же лета (1424) мор бысть в Новегороде железою и храк кровию».

В *Троицк. Лет.*: «Тое же осени (1401) мор бысть на люди в Смоленьске.... Того же лета (1408) бысть мор на люди по многым странам, а болесть такова: первое разболится человек, и руце и нозе прикорчить, и шею скривить, и зубы скрегчеть, и кости хрястять, и съставы в нем троскотаху; кричить, вопить; у иных же и мысль изменится, и ум отымется; иные один день поболевше умираху, а иные полтора дни, а иные два дни; а иных Бог миловаше: поболевше 3 дни или 4, и паки здрави бываху. Сею же болестью умирали в волостех во Ржевских, Волотьскых, Можайских, Дмитревских, Звенигородских, Переяславскых, Володимерских, Рязаньских, Торуских, Юрьевских, есть же инде и по Московьским волостем».

Ростов. Лет.: «В лето 6928 (1420) бысть мор силен на Костроме и в Ярославле, в Галиче, во Плесе, в Ростове; почал от Успения, и тако вымроша, яко и жита бе жати некому; а снег паде на Никитин день, и иде 3 дни и 3 нощи: паде его на 4 пяди, и потом сойде, и мало кто что сожа, и бысть глад по мору».

В *Псков. Лет.* г. 1411: «Того же лета Псковичи сожгоша 12 жонке вещих».

В *Никон. Лет.* г. 1422: «Глад бысть велик по всей Руской земле и по Новогородской; и мнози людие помроша с голоду, а инии из Руси в Литву изыдоша, а инии на путех с глада и с студени помроша: бе бо зима студена велми; а ини же и мертвыя скоты ядоша, и кони, и псы, и кошки, и кроты, и люди людей.. и купиша тогда на Москве оков ржи (4 четверти) по полутора рубли (в других списках *по рублю*) а на Костроме по 2 рубли, а в Нижнем Новегороде по 6 рублев». В *Псков. Лет.* г. 1420: «На всю Рускую землю бысть глад велик по три годы, и преже в Новегороде и по всем их волостем, и на Москве, и по всей Московской и по Тферской, и толми бысть тамо дорог хлеб, яко на едином ковризе дати полтына, али како во портище; а ржи наша четверетка чего кто запросил, а инии с усердием даваху; а еже бы где зобница купити ржи или овса, таковых мало обретаху... А в Пскове тогда бяше старых лет клети всякого обилиа изнасыпаны на Крому; и пойдоша ко Пскову Новогородци, Корела, Чюдь, Вожани и Тферичи, и Москвичи, и просто рещи, с всей Руской земли, и начаша по волостем и по пригородом и в Пскове купяще рожь, возити за рубежь, и в Пскове тогда бяше зобница ржи по 70 ногат, а жита по 50, а овса по 30 ногат, а на полтыну ржи $2^1/_2$ зобници... и накладоша тех пустотных (бедных пришельцев) в Пскове 4 скуделници».

В *Новогород.* Голицынск. *Лет.* г. 6929 (1421): «бысть вода велми велика в Волхове и снесе 20 городен Великого мосту Апр. в. 21... мала же убо некаа от части древеса остася у брега.... и прочим мостом округ града разрушеным быти; еще же и примостки уличнии разбишася.... и храми мнози испровержены быша и неци живяху на врьсех кождо храмины своея... друзии

же на ины места преселишася... Иноци же убо не могуще ходити к церквам, но инии в ладьици путьшествуют ко церквам; друзии же по доскам ходяще, во инех же церквах не мошно убо и Иерѳом Литургии свършати . Еще же и ограды садовныя разбьены быша, и еже в них древеса плодовита искоренена от буря ветряная... Христиане же глаголаху: не сие ли хощет Бог и ныне навести на ны наказание, яко же и при Ной? Се же бе мера вшествию воды горе до градных врат Прускыя улицы. В то же пакы время, Маня в 19, в заговенье Петрово в полунощи, бысть трус на небеси велий: внедше туча силна с полудни испуща гром страшен и молния огнена с небеси блескающе, яко несть можно человеком видети, и ста над градом, и убо тученосный облак на огненное видение преложися... и бысть дождь силен и град, и убо *камение* валяшеся из облака. Священником же и самому Архиепископу пришедшим в Св. Божию церковь, молящеся Богу», и проч. См. ниже, примеч 254, под годом 1421.

В *Новогород. Лет*: «В лето 6910 (1402) явися звезда хвостата на Западе, лучь имуще светел, и пребысть месяць Март весь». В *Никон. Лет.* под тем же годом: «В Великое говение мес. Марта явись на Западе в вечерней заре звезда велика зело копейным образом; в верху ея лучь велик сияше обходяще, ю же видехомь за 12 дний на Востоце восходящу и на Западе летнем в вечерней заре сияющу». В *Псков. Лет.*: «Явися звезда хвостатаа на западной стране и въсхожаше с прочими звездами от *Свадебь* (Февр. мес.) до Вербной Субботы». См. также Cométographie, г. 1402.

[223] В Голицын. *Новогородск Лет.* г. 6910: «Сбывается слово Евангельское, яко же сам Спас во Евангелии рече: в последняя дни будут знамения велика на небеси... и гладове и пагуби и трусы... востанет язык на язык... Се бо въсташа ратующе ово Татарове, ово же Туркове, инде же Фрязове... Въстаютъ рати, и правоверный Князь на брата своего или на дядю... скуеть копие свое... и стрелами своими стреляеть ближний ближняго.. И понеже время последнее приходить», и проч.— В *Новог. Лет.* Попа Иоанна: «И Владыка Иоанн благослови Великий Новгород... а Псковичем бы есте нелюбья отдали, зане жь, дети, видите уже последнее время!»

[224] Великий Князь скончался в третьем часу ночи.

В *договорн. грамоте* Василия Дмитриевича с Феодором Ольговичем Рязанским (в *Собр. Государст. Грамот* I, 65) сказано: «А со Князем с Семеном с Романовичем с *Новосильским* и с *Торускими* Князи также взяти ти любовь... зане же ти Князи *со мною один* человек»: то есть, они были его присяжниками. Перемышль и Козельск находились в числе городов Князя Владимира Андреевича *Храброго* (см. в его завещании).— Князья Ростовские были Наместниками во Пскове и Двинской земле, как мы выше сказали. В Хлыновской летописи: «Великий Князь Василий Димитрьевичь весною посылал рать на Вятку, с Князем Семеном Ряполовским, и ничто же успев, воротились». В договорной грамоте Василия Темного с Юрием сказано: «также что тя пожаловал отец мой, Князь Великий Василей Дмитреевичь, *Вяткою* и с слободами и со всеми месты» (см. *Древн. Рос Вивлиоф.* I, 160). Увидим после, что Кн. Ряполовский ходил к Вятке уже при Темном.— Далее в договорной Рязан. грамоте сказано: «на сем, бра-

те *молодший*, Князь Великий Федор Олговичь, целуй ко мне крест к своему брату *старейшему*... имети ти меня собе братом *старейшим*, а братью мою молодшюю, Кн. Володимера Ондреевича и К. Юрья Дмитреевича, имети собе *братьею*; а меньшюю нашу братью, К. Ондрея Дмитреевича и К. Петра, имети ти собе братьею *молодшею*... Быти ти с нами везде за один по думе... а не пристать ти к Татаром никоторою хитростью. А будет ти Киличея (посла) послати в Орду... или к тебе посол Татарской придеть, и тобе того почтити Крестьянского дея добра... А что ти слышев от Орды, а то ти нам поведати..... А что на Резанской стороне за Окою... как ся отступили Князи Торуские Федор Славичь, та места к Резани... Так же мне, Князю Великому, в землю Резанскую и во Князи Резанские не вступатися; а со Князем с Великим с Иваном Володимеровичем взяти любовь по давным грамотам. А что ся учинит межи вас какова обида, и вам отслати своих Бояр, ино учинят исправу; а о чем ся сопруть, ино им третей Митрополит; а кого Митрополит обвинит, ино обидное отдати; а не отдаст, ино мне, Князю Великому, оправити... На кого помолвит третей, а виноватой отдаст; а не отдаст, и правой пошлет к Великому Князю Василью Дмитреевичу, и Князь Великий пошлет к виноватому в первые, и в другие, и в третьи; а не послушает виноватый и Кн. Велик. Василья Дмитреевича, а не отдаст, Князю Великому исправити, а целованья не сложити, а то ему не в измену. А коли позоутся на третей, а в то время рать на того будет, или посол Татарской в земле, ин за тем не поедет на третей, в том ему вины нет... А что будет Мещерская места, что купил отец твой, К. В. Олег Ивановичь, или вы, или ваши Бояре, в та места тобе, Князю Вел. Федору Олговичу, не вступатися; а земля к Мещере по давному, как было при Великом Князе Иване Ярославиче и при Князи Александре Уковиче... а что была рать отца моего в твоей вотчине при твоем отци, и Княже Романова Новосильского, и Князей Торуских, нам отпустити полон весь; а что взято на полоняницех, а то нам отдать... А третей межи нас хто хочет, тот воименует три Князи Крестьянские; а на ком ищут, тот собе изберет из трех одиного... А пошлина с беглеца с семьи два алтына, а с одинца алтын. А мыты ны держати старые пошлые... а мыта с воза и в городех и всех пошлин денга; а с пешеходца мыта нет, а иных всех пошлин с рубля алтын, а с лодьи с доски по алтыну, а с струга с набои два алтына, а без набои денга, а Князей Великих лодьи пошлин нет... А что ся будет учинилося межи нас в перемирье обида, и межи Князя Великого Ивана, и межи Князя Романа, и межи Князей Торуских, то оправити по первой грамоте по перемирной. А всхочет с тобою тесть мой Князь Великий Витофт любви, ино тебе с ним взяти любовь со мною по думе, как будет годно... Писана на Москве в лето 6911, Индикта 11, месяца Ноября в 25 день».

[225] «Тое жь зимы (в 1422 или 1423 году) Софья Васильева Дмитриевича с сыном своим Васильем ездила ко отцу своему, Витовту, в Смоленеск; а Князь Великий, отпустив ея с Москвы, сам пойдо на Коломну; а Фотий Митрополит у Витовта же был, а пошел наперед Великия Княгини».

[226] *Собрание Госуд. Грамот* I, 82: «А приказываю своего сына, Князя Василья, и свою Княгиню и свои дети своему брату и тьстю, Великому Князю Витовту, как ми рекл: *на Бозе, да на нем*!

как ся имет печаловати, и своей братье молодшей Князю Ондрею Дмитреевичу, и Кн. Петру Дм. и Кн. Костянтину Дм. и Кн. Семену Володимеровичу, и Кн. Ярославу Володимеровичу, и их братье, по их докончанью, как мы рекли».

[227] См. там же. Василий отказал сыну из сел Московских Островское, Орининское, Костянтиновское, Малаховское, деревни Жирошкины, Копотенское, сельцо под Москвою над Великим прудом, Хвостовское, и проч. Далее: «на Москве двор Фоминской Ивановича у Боровицких ворот, да другий, што был за Михайлом за Вяжем, да новый двор за городом у Св. Володимера... А сына своего Князя Василья благословляю своею вотчиною *Великим Княжением*, чем мя благословил мой отец. А Княгине моей из Костромы Иледам и с Комелою... да Нерехта, и с варницами, и с бортники, и с бобровники... А сына своего, К. Василья, благословляю своими примыслы, Новымъгородом Нижним со всем, да своим же примыслом Муромом со всем... А те волости и и села, што есмь подавал своей Княгине, послав сын мой да моя Княгини опишют, да положат на них дань по людем и по силе; и Княгини моя даст с тех волостей и с сел дань по розочту, и ям... А переменит Бог Орду, и Княгини моя емлет себе ту дань... а Волостели свои и Тиуни и доводщики судит сама... А те волости и села Княгине моей до ее живота; а по ее животе, ино сыну моему Князю Василью, опроче Гжели, да Семциньского села, да ее прикупа... вольна (в том) Княгини моя, кому хочет дати, тому даст. А кто имет Бояр служити моей Княгине, и сын мой тех Бояр блюдет. А благословляю сына своего Князя Василья Страстьми большими, да крест честный животворящий Патриярш *Филофеевский*... даю ему икону Парамшина дела, да чепь хрестьчатую, что мя благословил отец мой, да шапку золотую, да бармы, да пояс золот с каменьем, что ми дал отец мой, да другий пояс мой на чепех с каменьем, да третий пояс емуж на синем ремени. А из судов даю коропку сердоничную, да ковш золот Княж Семеновской, да судно оковано золотом, что ми дала мати моя, да каменное судно велико, что ми от В. К. от Витовта привезл Князь Семен, да кубок хрустальной, что ми Король прислал. А стада кобыльи моей Княгине с моим сыном на полы; а опроче того, что ни есть у мене, то все моей Княгине. А холопи, которые есмь подавал своей Княгине при своем животе, те ей и есть; а даст моя Княгини моим дчерем из моих холопов по пяти семей; а опроче того все холопи мои на слободу и с женами и детьми... А у сее грамоты были мои Бояре: Князь Юрий Патрикеевичь, Иван Дмитреевичь, Михайло Ондреевичь, Иван Федоровичь, Михайло Федоровичь, Федор Ивановичь. А писал сю мою грамоту Олексей Стромилов» (в другом списке: «мой Дьяк Тимофей Ачкасов»). «А хто сю мою грамоту порушит, судит ему Бог, а не будет на нем мое благословенье в сий век, ни в будущий».

[228] В *Собрании Грамот*, I, 72. Сия духовная писана по кончине Митрополита Киприана, но еще при жизни Василиевой матери, супруги Донского, умершей в 1407 году. Иоанн же, сын Василия Димитриевича, преставился в 1417 г. летом. В сем завещании сказано: «даю моей Княгине два села в *опришнину*»: сие имя сделается ужасно при Царе Иоанне Василиевиче! Далее: «А ты, сын мой, держи матерь свою во чти и в матерстве, как Бог рекл... А о своем сыне и о своей Княгине покладаю на Бозе

и на своем дяде, на Князи на Володимере Ондреевиче, и на своей братьи... А у сее грамоты были мои Бояре: Князь Юрьи Ивановичь, Костянтин Дмитреевичь, Дмитрей Афинеевичь, Иван Дмитреевичь, Вол... Иван Федоровичь, Федор Федоровичь».

В Архиве находится еще договорная грамота Василия Димитриевича с братьями Андреем и Петром, в которой он утверждает за ними и за их детьми данные им от Донского Уделы, и проч.

[229] См. выше, примеч. 224.

[230] В *Троицк. Лет.*: «В лето 6906 (1398) бысть Царьгород в осаде... и рати стояху около города, погании Бесерменове, окаяннии Туркове, сын Амуратов, брат Чалибев, Баазыт, со все стороны перея пути, и по морю и по суху, и тако стояша долго время, яко и до седми лет.... Тогда Царь и Патриарх и прочии людьи в печали бяху велицей и в оскуденьи, и то слышав Князь Великий и погадав с Митрополитом и с прочими Князьми Рускими, и послаша серебро милостыню во Царьгород. С Москвы поехал с милостынею Родион Чернец Ослебя (не тот, который был в сражении с Мамаем на Куликове поле?) бывый преже Болярич Любутьский; а Князь Михайло Тферский послал своего Протопопа Данила... Царь же и Патриарх много хваленья и благословенья всылаху Руси, и прислаша Князю Великому поминок, икону чудну, на ней же написан Спас и Ангели, и Апостоли, и Праведницы, а вси в белых ризах; такожь и Князю Михайлу Тферскому прислаша икону Страшный суд». В *Никон. Лет.* сказано, что Митрополит Киприан убедил и Рязанского Князя Олега и Витовта сделать Грекам вспоможение В других прибавлено, что Россияне отослали тогда 20 000 рублей серебра в Царьград.

[231] См. Русский перевод Кедрина, в продолжении его Истории; также Memor. Popul. II, 1033, и Дюканж. Famil. Aug. Byzant. 245. В одной краткой летописи сказано: «того же лета (1404) приходила Царица Калоанова в Св. Лавру» (Троицкую). Это не могла быть Анна, которая вышла замуж через 10 лет после того. Ее погребли в Константинополе, в монастыре Богоматери, называемом τγ Αιβδς.

[232] В *Троицк. Лет.*: «В лето 6898 (1390) приде Киприян Митр. изо Царягорода на Русь, а с ним придоста 2 Митрополита Грьчина, Матфей Андрианопольский, а другый Никандр Гаанскый, Федор *Епископ* Ростовский, Ефросин Архиепископ Суждальский, Михайло Епископ Смоленский, Исакий *Епископ* Черниговский[47*] (в *Ростов. Лет.* Исаакий назван Архиепископом: см. ниже; в *Никон. Лет.* сказано, что Патриарх Антоний дал *тогда* Феодору Ростовскому *Архиепископию*) и Еремея Грьчин, Епископ Рязанский. Киприан на Москву приде от Киева в Великое говенье на Средокрестной недели.... а Федос Епископ бысть Турову». В *Никон Лет.*: «И срете (Митрополита) сам Вел. Князь с материю своею Евдокиею и с братиею и с Бояры на Котле... и облечеся во Святительский сан Киприян у *Николы у Старого* (см. выше, примеч. 194) и пойде во град Москву». Тут упоминается еще о Даниеле, Епископе Звенигородском.

В харатейном *Церковном Уставе*, находящемся в Синодальной библиотеке под № 216, в конце книги приписано следующее:

«В лето 6898 (1390) позван бысть Киприян Митрополит на

Тферь Великым Князем Михайлом Александровичем, и пойде с Петрова дни ко Тфери, а с ним 2 Митрополита Гречина, Матфей и Никандр Гаанскый, Владыка Михайло Смоленьскый, Стефан Перьмскый, и стрете внук Князя Великого, Князь Александр, за 30 верст от города Митрополита с Бояры и с великою честию. На другий день стрете больший сын Князя Великого, Князь Иван, за 20 верст от города Митрополита... и в день Суботный по Вечерне стрете сам Князь Великый Митрополита на Починце за 5 верст от города... и выйде Митрополит противу Князя Великого из шатра далече... и целовастася любезно, и седоста, и беседоваста надолзе о ползе душевней. Наутрия, в день Неделный, Иулиа в 3, стрете Митрополита Князь Великый на Перемере с детми и с братаничи и с Бояры, и пойдоста ко граду. Устретоша их с кресты пред враты Володимерскыми у церкви Св. Муч. Георгиа, и целоваста честныя кресты... и одеся в Святительскую одежду и нача пети молебен Великому Спасу... и войде в церковь Спаса, и повеле заклати агнец и нача служити Св. Литургию. По отпетии позван бысть Митрополит Великым Князем на пир и с его братиею, Митрополиты, и с Владыками и с Черноризци и с всеми слугами; и бысть честь велика и дары по три дни. И бысть на четвертый день, събрашася Старци и Архимандриты, и Игумени, и Попове, и Дьякони и весь Священническый чин к Князю к Великому: он же съзва свои Бояре и съвокупи обои в едино место, и посла к Митрополиту; они же начаша жаловатись о мятежи церковнем на Евфимия, Епископа Божия Тфери града. Митрополит же совокупи Събор и нача судити, и *не обретеся у Евфимия правда во устех его*, яко же рече Давид: муж крив не препловит дний своих. Архимандриты и Игумены и Попове и Бояре истягаша его в многих судех. Митрополит же суди по правилом Свв. Отец Събором, и извергоша его. И нача просити Князь Великый Михайло у Митрополита Епископа: Митрополит же дасть ему своего Архидиакона Арсениа, и поставлен бысть Иулиа в 24 в день Недельный, и посадиша его в Св. Спасе на столе честне». Сие написано современником и достовернее *Никон. Летописца*, именующего жалобы на Евфимия Висленя клеветами.

В *Троицк. Лет.* под годом 1404: «Того же лета Киприан Митрополит Антонья, Епископа Туровьского, сведе со Владычества его по повеленью Витовтову, и отъя от него сан Епископский, и ризницу его, и клобук его белый, а источники и скрижали его спороти повеле, и приведе его от Турова на Москву, и посади в кельи на манастыре, иже на Симонове».

В *Никон. Лет.* г. 1401: «Того же лета бысть Собор на Москве.... Было Владык 9: Архиеп. Вел. Новаграда Иван, *Архиепископ* Черниговский Исакий, Архиеп. Ростовский Григорий, Нафанаил Еписк. Суздальский, Ефросин Еп. Рязан., Арсеней Еп. Тферский, Феогност Епископ, Григорей Еп. Коломенский, Савва Еп. Лутцкий... и на том Соборе отписася Архиеп. Иван Новогородский своея Епископьи и Лутцкий Епископ Сава, и повеле им Киприян с Москвы не изъезжати: бе бо на них брань возложил Митрополит за некия вещи Святительския».

233 Сию грамоту выписываю здесь из Горюшкинского летописца слово в слово:

«Се яз Великий Василей Дмитреевичь всея Руси, сед с своим отцем с Киприаном Митрополитом Киевским и всея Руси, управил есмь по старине о судех о церковных, изнашед старый Номоканон, как управил прадед мой, Св. Князь Великий Володимер, и сын его, Князь Великий Ярослав всее Руси, как управили они, сед с Митрополиты, о судех церковных, и списали Номоканон по Греческому Номоканону, что суды церковныя и вся оправдания церковная, как пошло издавна; по тому же и мы нынеча управили, оже бы то неподвижно было: николи наперед впрок ни умножити бы, ни умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, как те Велиции Святии Князи вписали и укрепили. Списан же бысть сей сверток из великого и старого Номоканона на Москве в лето 6911 Индикта, месяца Ноября 11».

[234] См. сей *Истории* Т. I, примеч. 506, и Т. II, примеч. 108. В мнимом Уставе Ярослава: «Аже кто зовет чюжу жену блядью Великих Бояр, за сором ей *пять гривен золота*, а Епископу 5 гривен золота... Аже кто зблудит с животиною, двенадцать гривен (кунами, то есть, почти в двадцать раз менее, нежели за вышесказанную брань)... Аже кто зажжет двор или гумно, Епископу сто гривен» (кунами, или вдвое менее, нежели за словесное оскорбление жены Боярской).

[235] См. *Книгу Степен.* I, 423. Там же, стр. 558: «Пребывая в своем селе на Голенищеве, между двою реку, Сетуни и Раменки, идеже тогда бысть оба полы лес мног, иде же есть церковь Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, и пребывая тамо, Епископы и Попы ставляше, иде же и книги своею рукою писаше, и многия святыя книги с Греческаго языка на Руский язык преложи, и довольно писания к пользе нам остави, и вел. Чудотворца, Петра Митрополита всея Русии, житие написа». Татищев вздумал назвать Киприана сочинителем *Степенной Книги*; но сей Митрополит занимался только душеспасительными творениями, а не Историею народа, ему чуждого.

[236] См. ниже, примеч. 254, под годом 1393.— *Степен. Кн.* I, 558: «За 4 дни преже преставления своего написа грамоту некаку чудну прощальную... Быша же на погребении его Святителие Григорий Архиеп. Ростов. и Митрофан Еписк. Сужд., и Иларион Еп. Коломенский». Любопытные найдут сию грамоту в *Степ. Книге* и в летописях. Заметим только, что Митрополит именует Василия Димитриевича Великим Князем *всея Руси*, других же *Князей Великих* просто *Русскими*, и в особенности говорит о Князьях *Местных* или Поместных. В конце: «Писана бысть грамота си у триех Святитель, м. Сент. во 12 день, Индикта 15, в лето 6915; а не подписал есмь немочи ради своея».

[237] На пример, в духовном завещании Василия Димитриевича. Далее см. *Никон. Лет.* V, 33, 34, 51.

[238] В *Никон. Лет.* под годом 1414: «Многия клеветы на Фотия сотвориша к Витовту, глаголюще: от начала Митрополиты стол имеяху Киев... и се ныне Фотий все узорочие церковное и сосуды преносит на Москву, и всю землю пусту сотвори тяжкими пошлинами.... и Витовт собрав Епископы, Исакия Чернигов., Феодосия Полоцк., Дионисия Лучск., Герасима Владимирск., Ивана Галицк., Севастияна Смоленск., Харитона Холмск., Павла *Червенского*, Евфимия Туровск., и рече: подобаеть вам поставити Митрополита в Киеве... и повеле им жалобу написати к себе на

Фотия... Епископом же не хотящим сего... и не хотяще написаша..... И прииде весть к Фотию, еже клеветы многи сотвориша на него лукавии человеци, иже бежаша с Москвы к Чернигов. Владыце и в Литву.... Фотий же восхоте ити в Царьград... и преж в Киев... и пойма его Витовт... и ограбив возврати к Москве..... Тогда жь некто гость с торгом прииде из Литвы и припаде к Фотию, глаголя: прости мя... егда мало преж сих погоре Москва и мое богатство много, и яз оскорбился... и прииде на мя страх... и разумех, яко согреших к тебе: егда бо бе в Литве с клеветники, злослових тя... и зде Фотий же благослови его... Бе же имя ему Фома Лазорев». Далее описывается, как Епископы отрекались поставить особенного Митрополита Киеву, но должны были повиноваться Витовту, грозившему им смертию.— Митрополит Григорий Цамблак называется также Семивлахом, Цемивлаком, Самблаком и Чамьблаком.

239 См. *Никон. Лет.* V, 59.

240 Здесь разумеется, может быть, насильственная смерть Митяева.

241 Сие письмо внесено в некоторые летописи. Фотий говорит: «Имеем сего Чамьблака по Божественным и священным правилом извержена и отлучена и *проклята*; тако же и тех Епископь его съборища неподобнаго, яко осужденных имеемь их.... Кто же убо имееть его (Цамблака) Священником и сприобщается ему, или благословение его приимаеть, аще буди Епископ или Священник, или кто мирский человек, имеемь того извержена и проклята.... и молю вашю любовь, православных Христиан, еже не сходитися вам с теми ни в котором действие, ни в пищи, ни в питии, ни в дружбе, ни в обеты, ни в мире, ни в любве» (см. в Синодальн. библиотеке летопись в лист, № 349).

242 См. *Каталог Митрополитов Киевских* под именем Григория. В летописях г. 1417: «Рече Цамблак Митрополит к Витовту: что ради ты, Княже, в Лятской Вере, а не в православной? и отвеща ему Витовт: аще хощеши не токмо единого мене видети в своей православной Вере, но и всех людей неверных моея земли Литовския, то иди в Рим и имей прю с Папою и с его мудрецы, и аще их препреши, то мы вси Христиане будем; аще ли не препреши, то всех Христиан вашея Веры, иже в моей земли, имам превратити в свою Веру Немецкую.... Митрополит Цамблак прииде из Рима в Литву» (в 1418 году). [48*]—Линденблат (см. выше, примеч. 81) пишет, что лживый Витовт в 1417 году посылал на Собор в Констанцию своих Епископов, будто бы желавших *сделаться Христианами*; но что они, удивив всех странностию своей одежды, не захотели покориться Римской Церкви. —[48*]

243 Ходыкевич в своих Dissert. Historico-crit. несправедливо пишет, что Митрополит Григорий управлял Церковию 22 года или до времен Исидора. В *Каталоге Росс. Митр.* сказано, что правоверные Россияне Литовские, считая Григория Папистом, на место его выбрали Герасима: что также есть ложь. Вот известие современное, найденное мною в *Псков. Лет.* Синодальном: «В лето 6941 (1433) Смоленскый Владыка Герасим иде к Царюграду, и Патриарх постави его Митрополитом».

244 Выписываем сию грамоту от слова до слова из Пушкинского собрания Двинских грамот:

«Се яз, Князь Великий Василей Дмитриевичь всея Руси, по-

жаловал есмь Бояр своих Двинских, так же Сотского, и всех своих черных людей Двинские земли. Коли кого пожалую своих Бояр, пошлю Наместником к ним в Двинскую землю, или кого пожалую Наместничеством из Двинских Бояр, и мои Наместници ходять по сей моей грамоте Великого Князя. Оже учинится вира, где кого утепут, ино душегубца изъищут, а не найдут душегубца, ино дадут Наместником десять рублев, а за кровавую рану тритцать бел, а за синюю рану пятнатцать бел; а вина противу того. А кто кого излает Боярина, или до крови ударит, или на нем синевы будут: и Наместници судят ему по его отечеству бещестие; такожь и слузе. А учинится бой в пиру, а возмут прощение не выйдя из пиру: и Наместником и Дворяном не взяти ничего. А вышед из пиру возмут прощение, ино Наместником дадут по куннице шерстью. А друг у друга межу переорет, или перекосит на одином поле, вины баран; а межи сел межа тритцать бел, а Княжа три сорока бел, а вязбы в том пет. А кто у кого что познает татебное, и он с себя сведет по десяти изводов нолны до чека ово татя, а от того Наместником и Дворяном не взяти ничего, а татя в первые продати противу поличного; а в другие уличат, продадут его не жалуя; а уличат в третьи, ино повесити; а татя всякого пятнити. А с самосуда четыре рубли; а самосуд той, кто, изымавь татя с поличным, да отпустить, а собе посул возметь, а Наместники доведаются по заповеди, ино той самосуд, а опрочь того самосуда нет. А кого утяжуть в рубле, и Наместником вины полтина; а того боле, или менши, ино по томуж. А на Орлеце Дворяном хоженого белка, а езды и позовы от Орлеца до Матигор две белки; езду до Колмогор две белки; до Кур острова две белки; до Чюхчелема две белки; до Ухт-острова две белки; до Кургии две белки; до Княжа острова четыре белки; до Лисина острова семь белок, а до конечных дворов десять бел; до Ненаксы дватцать бел, до Уны тритцать бел, а с Орлеца вверх по Двине до Кривого белка; до Ракулы две белки; до Новолока три белки; до Челмахты четыре белки; до Емци пять бел, до Калеи десять бел, до Курии годы семьнатцать бел, до Тоймы Нижние тритцать бел; а на правду в двое, а *железного* четыре белки: только человека скують, а не будеть по нем поруки; а боле того Дворянину не взяти ничего; а через поруку не ковати; а посула в железех не просити; а что в железех посул, то не в посул. А кто на кого челом бьеть Дворянин, и Подвойскии позовут к суду, а он не станет у суда, и на того Наместници дадуть грамоту правую безсудную; а кто будет не тутошной человек, ино его дадуть на поруце. А от печати Наместником по три белки; а Дьякомь от писма от судные грамоты две белки; а Сотскому и Подвойскому пошлинка с лодьи по пузу [49*] ржи у гостя. А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, и случится смерть, в том Наместници не судят, ни вины не емлють. А приставом моим Великого Князя в Двинскую землю не въездити; всему управу чинять мои Наместници. А над кем учинять продажу сильно, а ударять ми на них челом, и мне Князю Великому велети Наместнику стати пред собою на срок; а не станеть, ино на того грамота безсудная, и пристав мой доправить. А гостю Двинскому гостити в лодьях, или на возех; с лодии на Устюзе Наместником два пуза [50*] соли [51*] (см. Т II, примеч. 267) — [51*] а с воза две белки; а того боле Наместники не емлють у них, ни

пошлинники ничего. А на Вологде дадуть с лодии два пуза[52*] соли, а с воза по белке, а того боле не емлють у них ничего; а в лодиах или на возех коли поедуть, и Наместници Устюжские и Вологодские их не уймають; а на Устюзе и на Вологде и на Костроме их не судять, ни на поруки их не дають ни в чем. А учинится татба от Двинских людей с поличным, ино поставят их с поличным перед мною перед Великим Князем, и яз сам тому учиню исправу. А чего кто иметь искати на них, ино учинять им срок перед моих Наместников перед Двинских, ино учинять исправу им на Двине. А куды поедуть Двиняне торговати, ино им не надобе во всей моей отчине в Великом Княжении тамга, ни мыт, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторые пошлины; а через сю мою грамоту кто их чему изобидить, или кто не иметь ходити по сей грамоте, быти ту от мене от Великого Князя в казни».

[245] В *Новогород. Лет.*: «Тогожь лета (1410) начаша торговати промежи себе *лобци* и гроши Литовьскими и *артугы* Немецкими, а куны отложиша при Посадничьстве Григориа Богдановичь и при Тысяцком Василии Есифовичь». В других старых списках: «начаша торговати белками, *лобци* и гроши Литовьскыми и денги Московьскыми». В новейших списках: «бельими лобци и грошми Литовскими... а куны отложиша, еже есть мордки куньи». Невероятно, чтобы Новогородцы, отменив куны, вместо их употребляли действительные *лобки бельи*, которые, подобно купам, также не имели никакой существенной цены. *Лобками* названы здесь не *Любские* ли пфенинги, вместе с *артугами* ходившие тогда в Ливонии? См. Гадебуш. под годом 1426, стр. 64. В *артуге* — Шведской монете, ходившей с XIV века — было 8 пфенингов; а 24 артуга составляли марку. Далее в *Новогород. Лет.*: «В лето 6928 (1420) начаша Новогородци торвати денги сребряными, а артуги попродаша Немцем, а торговали ими 9 лет». Здесь нет уже ни слова о *лобках бельих*.

В *Псков. Лет.* под г. 1424: «Того же лета Псковичы отложиша пенязми артугы торговати, и приставиша мастеров денги ковати в чистом сребре».

В *Псков. Лет.* г. 6915: «соль по гривне да по осми мордок пуд, а *полтына серебра по пятнадцати гривен*».

[246] В начале Василиева княжения по *Троицк.*, *Ростов.* и всем древним летописям (кроме новейшей *Никоновской*) год начинался еще с Марта: так в лето 6898 сказано, что Июня 22 горела Москва, а после, в том же году, Генв. 9 женился Великий Князь; что в 1392 году летом расписали Коломенскую церковь, а после в том же году Сент. 25 преставился Св. Сергий и Февр. 13 Даниил Феофанович. Но кончина Василия Димитриевича Февр. 27 полагается в 1425 году: следственно год уже начинался не с Марта. В конце Киприанова завещания по древнему Троицкому списку означено *Сентября* 12, *Индикт* 15, лето 6915: следственно год начался с Сентября. Так и в *Псков. Лет.* Один *Новогор. Летописец* сбивается еще на старину в означении годов.

[247] В описании времени Донского упоминали мы о Корееве, *Минине* и проч. В княжение Василия встречаются родовые имена *Жидовского*, *Равсохина*, *Неелова*, и проч.— Последний Князь Славянского имени в Москве был сын Владимира Андреевича Храброго, Ярослав.

[248] См. ниже, примеч. 254, в описании годов 1393, 1405, 1408 и 1420. В *Стоглаве* времен Царя Иоанна Васильевича (г. 1551) сказано: «писати живописцом иконы с древних образов, как Греческии живописцы писали, и как писал Андрей Рублев и протчии пресловутыи живописцы».

[249] В *Троицк. Лет.*: «В лето 6912, Индикта 12, Князь Великий замысли часник и постави е на своем дворе за церковью за Св. Благовещеньем. Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы нощныя и дневныя; не бо человек ударяше, но человека видно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено. Мастер же и художник сему беяте некоторый Чернец, иже от Святыя горы пришедый, родом Сербин, именем Лазарь: цена же сему беяше вящыше полувтораста рублев».

[250] См. ниже, примеч. 254 в описании случаев 1394 года.

[251] В *Троицк. Лет.* г. 6898: «тое же зимы по Рожестве Христове на третий день Осей Кормиличичь Князя Великаго поколот бысть на Коломне в игрушке».

[252] См. *Послание Рос. Митрополитов*, в Синод. библиот. № 164, и ниже примеч. 292. Выпишем некоторые места: «Которыи не по закону живут с женами, без благословения Поповска понялися, тем опитемья 3 лета как блуднику, да паки совокупити их... А на пиру коли лучится котории имут пити до обеда, не давай тем Богородицына хлеба... А третсе поимание бы не было, но сожитие: аще кто будет млад, а детий не будет у него, потому надобе разсужение, с опитимьею с великою поняти третью: в церковь не входити 5 лет, ни Св. причащениа не приимает. Аще ли видит его Духовник, аще ли его заповеди по боязьнству сохраняет, и видя его умиленья слезы и сокрушенна сердечнаа, и он полегчит ему епитимию. А еще учите своих детей духовных, чтобы престали от скверных словес, что лают отцевым и материным... а котории не имут слушати, а тех от церкви отлучайте. Такоже учите, чтобы басней не слушали, лихих баб не приимали, ни узлов, ни примолвления, ни зелиа, ни вороженна, и где таковыи лихии бабы находятся, учите их, чтобы престали... А коли творите венчание, и вы в дни венчайте по обедней, а в удение[53*], в полдни и в полнощи не венчайте... А который Игумен или Попы или Черньцы торговали преж сего или сребро давали в резы, а того бы от сех мест не было», и проч.

[253] См. в следующем примеч. г. 1393, и Степен. Кн. I, 510.

[254] *Степен. Кн.* I, 512. Следует выписка из летописей о разных случаях Василиева княжения:

В 1389 году, Июля 21, был пожар в Москве: «загореся от церкви Св. Афанасья, и мало не весь город Кремль погоре; нача горети как люди отобедывают, и ко вечерни едва преста». Дек. 2 преставилась Княгиня Мария, супруга Андреева, мать Владимирова, в Черницах и в Схиме, названная в Монашестве Марфою, и погребенная в церкви Рождества, в монастыре на рве, ею основанном.— В 1390 году, Генв. 26, родился у Князя Владимира Андреевича сын Феодор. Весною, в Великий пост, умер Иван Родионович, названный в Монашестве Игнатием, и погребен в монастыре на Всходне. Июня 22, в полдень, был в Москве пожар: загорелся посад за городом от Авраама Армянина и сго-

рело несколько тысяч дворов до ночи. «Поставиша монастырь Св. Николы (в Новегороде) конець Чюдницевы улици. Той же осени свръшиша церк. кам. Св. Костянтина Царя и матере его Елены на Ростькине улици... Февр. в 8 (г. 1391) церковь сгоре Св. Дмитрий на Даньславле улици в обед, и много товара и запаса церковнаго; а зима стала до Яковля дни, и по Радуницах люди дрова возили из леса на конех аки и зимний воз.... Погоре от Борковы улици и до Гзеня, а на другой стороне от Микитины улици и до Драковичь, а на Пруской улици загореся, и погоре весь Людин Конец до Св. Алексея, и сгоре церкве древян. 15, и кам. 7 огоре, а людий 14, Июня в 5. А Новгородци взяли серебра 5000 у Св. Софии с полатей, скопления Владычня Алексеева, и разделиша на 5 Концев, и поставиша костры каменны по обе стороны острога у всякой улици. Бысть знамение у Св. Якова на Яковли улици: у иконы Покрова текоша слезы из очию Окт. в 1 на обедней; и Владыка Иоанн повеле строити полати у Св. Якова над дверми Окт. в 2, и бысть от Крестьян помету много Покрову. Тоя жь осени в Филипово говенье паки воеваша Татарове Рязань... Князь Михайло Александровичь Тферский прибавил Новагородка на Волзе с приступа, и ров около копали, а во Тфери доспеша ворота у Св. Василия. Женись Князь Юрьи Всеволодичь Холмской, внук Александров, и венчан бысть во Тфери у Спаса Владыкою Арсением. Женил Князь Михайло Александровичь Тферский сына своего на Москве у Федора у Кошки, Ондреева сына, у Собакина, и венчан бысть в Тфери. Татарове воеваша Рязань... В л. 6900 (1392) преставися в Литве Княгини Олгердова Ульяна, в Мнишеском чину Марина, и положена в Киеве в печере. Преставися Евфимей Вислень бывый Еписк. Тфер. в монаст. Св. Чюда на Москве, и положен бысть за олтарем. Юрьи Онцифоровичь постави (в Новег.) церковь Успение и монаст. устрои. Посадник Богдан Обакумовичь с своею братьею, с уличаны, поставиша Св. Симеона кам. на Чюдницеве улици. Мая 27 сгоре по обеде церк. древян. и монастырь на Лисичьей горке. Преставися Посадн. Василей Федоровичь и Михайло Даниловичь». Киприан Митрополит поставил Феодосия Епископом в Полоцк. «По Велице дни, на шестой недели в Пятницу, преставися Святитель Архиепископ Матфей Гръчин, Митрополит Андреанопольский, и служиша над ним Сбором, и положиша в церкви Св. Архангела Михаила, Честнаго Его Чуда, идеже гроб Алексия Митрополита. Того жь лета преставися Павел, Епископ Коломенский... Киприан Митрополит постави Григорья Архимандрита Епископом на Коломну... Подписана бысть на Коломне церковь кам. Сборная Успенья, юже созда Кн. Великий Дмитрий Ивановичь дотоле еще за 10 лет... Сент. в 25 преставися Игумен Сергий, святый старец»... Следует в *Троицк. Лет.* похвала Св. Сергию, листах на двадцати; нет ничего исторического; один набор слов, иногда забавный. «В Пскове поставиша 6 пороков. Сент. в 1 погибе месяць пред ранними зарями. Сент. в 5 убиен бысть от Тохтамыша Царевичь Озибаба в Орде».— В 1393 году, Февр. 13, в Четверток на Масленице, скончался Даниил Феофановичь, в Монашестве Давид. «Пострижен бысть от самаго руки Киприана Митрополита. Сий убо бысть един от Вельмож, старейших Боляр, лепший и вящший, иже правый доброхот Князя Великого, верою и правдою служивый ему и в Орде и на Руси,

яко же ин никто же... храбор и голову свою складая по чужим странам, по незнаемым местом, по неведомым землям... толику же любовь име к нему Князь Великий, яко прослезити ему по нем и плакати на мног час. Положен бысть в монастыри Св. Михаила Честнаго Чуда, близь гроба Алексия Митрополита, дяди его..... По Велице дни на четвертой недели в Субботу на ночь преставися Игуменья Алексиевская Ульяна, от града Ярославля, дщи некоего богата родителя и славна, сама же зело благобоязлива, чернечьствовавши лет боле 30 и Игуменья бывша 90 Черницам, и общему житью женскому начальница сущи, и многим девицам учительница бывши, и за премногую добродетель любима бысть от всех и почтена всюду, и положена подле церковь... Того же лета Амуратов сын Челябий, иже Срацынски глаголется Амира, иже владея землею полуденною и всею землею Греческою, Македониею, и Сербьскою, и Ефескою, Бруською, и Селевриею, и Колосаи, и Фессалоникии, и Сарацыны, и Бесермены, и Турки, со всех собрав воя своя, и пойде ратию на Болгарского Царя и взя стольный град Тернов, и Царя их пленника створи и Патриарха, и мощи Святых огнем пожже, и церковь (Сборную) иде же есть Патриархия, в мезгит (мечеть) преврати.... Июля в 29 преставися Князь Иван, сын Вел. Князя Дмитриев, брат Василиев, во Мнишьском чину Иоасаф, и положен бысть в монастыре на Москве у Св. Спаса в притворе, идеже гроб бабы его, Княгини Великие Александры Ивановы.. Сент. в 21 преставися Иван Михайловичь, нарицаемый Тропарь, в бельцех и положен в своем монастыри на селе своем. Тое же осени приехаша на Москву 3 Татарина, ко Князю Великому в ряд рядишася, и биша ему челом, хотяще ему служити, иже беша почестни и знакомити двора Царева — и въсхотеша креститися... Киприан Митрополит приим я, нача учити... и облечеся сам во вся своя священныя ризы и со всем своим Клиросом бело образующим... и позвониша во вся колоколы, и собрася мало не весь град, и снидоша на реку Москву, ту сущу Князю Великому... и ту на реце Москве сам Митрополит крести я. Беша же им по древнему по Татарски имена Бахты Хозя, Хидырь Хозя, Мамать Хозя, и паречени быша Онания, Озарья, Мисаил, и бысть радость велика в граде Москве... и ти Татарина новокрещени хожаху вкупе, аки соузом любве связаема.... Того же лета Княгини Великая Овдотья Дмитриевая постави на Москве церковь камену зело чудну, и украси ю съсуды златыми и серебреными... и створила паче всех Княгинь Великих, разве точью Марья Княгини Всеволода, внука Мономахова, иже в Володимири... Бе же то преже церквица мала в том месте древяна Св. Лазаря. Егда же сдана бысть каменная, наречена бысть во имя Св. Богородицы честнаго Ея Рождества. Уставишеся таковый праздник праздновати Сент. в 8 день. Но и та малая церквица не бе оставлена, но внутри близь большаго олтаря причинена бысть служба Св. Лазаря... и священа бысть Февр. в 1 день в Неделю Великим священьем Киприаном Митрополитом, ту сущу Великому Князю и братьям его, Юрью и Андрею, и Петру и Костянтину.. Была зима зело студена, яко мнозем человеком измерзати и издыхати; не точью человеки, но и скоти; еще брашну сущу во устех их, внезапу обрестися мертву от мраза на пути. Поставиша церк. кам. Св. Богородицу на Лисичьи горко. Прииде Князь Белозерский Костян-

тин в Новгород. Заложиша Псковичи перси у Крома, стену камену, и колоколницю поставиша..... Тое же весны (в 1394) была поводь велика всюду. Того же лета на Тфери Арсений Епископ постави церковь на реце на Тмаце во имя Феодосия и Антония, и согради кельи, и созва Мнихи, и посади Игумена. Июля в 9 день, в Пятницу, Князю Володимеру Андреевичу родися сын Василий. Того же лета приходиша Немцы ратью на Литву, и бысть им бой у Вильны, и Немци отыдоша. Тое же осени замыслиша на Москве копати ров: починок его с Кучкова поля (где ныне монастырь Стретенский) а конец устья его в Москву реку; широта его сажень человеча, а глубина в человека стояща; и много убытка людем исчинилося в том, понеже сквозе дворы копаша, и многи хоромы разметаша.... Князь Михайло Тферский вятчаную (ветхую) стену у града Тфери повеле рушити, да брусием рубити, и на другое лето скончаша... Князь Олег Рязанский (по *Никон. Лет.*) побил Татар Тохтамышевы Орды, иже приходиша изгоном... Бысть в Орде Тохтамышеве бой на Волзе межи собою, и паде их много Сент. 8.... Поставиша Даньславци церковь камену Св. Дмитрия (в Новегороде), и свящаю Владыка Иоанн на праздник его... Отъяша Новогородци Посадничьство у Есипа Захарниича, и даша Богдану Обакумовичь. Той же осени погоре Владычьн двор, и за городом много улиць и у Св. Софии маковица огоре, а церквей камен. 8, а деревян. 2. Поставиша церковь древян. Св. Спас конец Кузмодемьяны улице, и монастырь устроиша. Прииде в Новгород из Царяграда от Патриарха Антония Вифлеемьскый Владыка Михаил, а привезл 2 грамоты о поучении Христианском.... Ноября в 28 день, в Субботу, как обедню поют, преставися Феодор Архиепископ града Ростова и Ярославля, Белаозера и Устюга, Углича Поля, Мологи, и положен бысть в Сборной церкви Св. Богородица.— В лето 6903 (1395), Инд. 3, Марта в 30, на Цветной недели во Вторник, Князю Великому Василью родися сын Георгий... Мая в 18 во Вторник у гроба Петра Митрополита прощена бысть некая жена Евфимья... Июня в 4, в Четверг как обедню починают, начата бысть подписывати новая церковь камен. на Москве Рождество Св. Богородицы, а мастеры бяху Феофан иконник Грьчин Философ, да Семен Черный и ученици их... Бысть пожар на Москве: погоре неколико тысячь дворов за городом на посаде... Июля в 19 преставися Князь Борис Михайловичь Тферский в Кашине и привезоша тело его на Тферь Июля 22, и положено бысть в Сборной церкви Спаса... Авг. 15 погоре от грому Новой городок Тферский на Волге на реце на Старице в Неделю по рану и церковь Св. Михаила... Погибе солнце мес. Сент.... Тое же зимы преставися Княгини Иванова Всеволодича Тферскаго... Дек. 26, в Неделю в час нощи гибл месяць, и бысть аки кровь, и по двою часу паки света исполнися.... Постави Исак Онкифов (в Новегороде) церковь кам. Сбор Св. Михаила в Аркажи монастыри... Поставиша церковь кам. (во Пскове) в Домантове стене Св. Воскресения, а другую Захария Посадник. Св. Николу на Волку... В лето 6904 (1396), Марта в 19, Киприан Митрополит на Москве поставил Григория Епископом Ростову, а были на поставленьи Епископи Ефросин Суждальский, Арсений Тферский, Феогност Рязанский, Григорий Коломенский, Феодосий Подольский... Июня в 21, в 4 час нощи, гибл месяц... Преставися Кня-

гини Васильева Михайловича, дщи Князя Володимера Олгердовича Киевскаго, и положена бысть у Св. Спаса в Тфери... Рождество Христово было в Понедельник, и на ту нощь был гром, а туча от полуденной страны... Тое же зимы Киприан Митроп. посла в Новгород Столника своего, Феодора Тимофеева, по Владыку Ивана, зовя его к собе о Святительскихъ делех, и чествова Столника Митрополича и даде ему 60 рублев, и пойде на Москву и пребысть на Москве 2 дни, и отпусти его Митрополит с благословением, и прииде в Новгород во Вторник на Св. недели... Погоре Онтонов монастырь (близ Новагорода) и Св. Богородица огоре: бяше бо свинцем обита — и Сретение огоре Сътворися знамение от образа Владычьня в Св. Евпатьи на Щеркове улице, аки вино идяще из иконы. Повелением Владыкы Иоанна побиша у Св. Софии маковицу свинцем, коя в пожар огорела. Сгоре церковь Св. Иоанн в Ростъкине монастыри и иконы и книгы съгореша... Витовт Литовский казнил смертною казнию Князя Ивана Михайловича и жену его и дети разведе и дом его разграби.

Генв. в 15 (г. 1397) в Понедельник Князю Великому, Василью Дмитриевичу, родися сын Иван. Приездил Князь Александр Патрикиевичь Стародубский и был о Крещеньи на Москве... В Великий пост, мес. Марта, преставися Епископ Данилей, Владыка Смоленский, и положен на Москве в монастые у Св. Арханг. Михаила Чуда при Исакии Архимандрите... Тое же весны преставися Семен Васильевичь. Того же лета Князь Александръ Ивановичь, внук Княжь Михайлов Тферьского, о Петрове заговеньи оженися у Князя Федора Михайловича у Моложьского... Окт. в 7 день Киприан Митр. приеха из Киева на Москву, а с ним Епископы Михайло Смоленский, Исакий Брянский, Федор Лучьский... Пакы прииде Кн. Василий Ивановичь Смоленский в Новград, и прияша его. Загореся на Щерковой улице (в Новегороде) и сгоре берег весь и Янев берег без 3 дворов, и Розъважи берег весь, и Кузмодемьян берег всь и до Холопии улици на память Андрея Стратилата. Преставися (в Новегороде) Есип Фалелевичь в Мнишеском чину... Бысть знамение в церкви Св. Бориса и Глеба (во Пскове): 2 иконы, Св. Троица и Богородица, снидоша с верхняго *тябла* и легоша на Восток образом Того же лета быша 2 знамения: у далняго Пантелеймона от иконы Богородицы слезы, и другое в Домантове стене у Св. Тимофея от иконы Богородицы слезы из обою оку Авг. в 18. Посадник Ефрем со Псковичи поставиша костер на Васильеве горке.

Генв. 20 (в 1398 г.) Киприан Митр. постави Исакия Епископом в Пермь. Князь Михайло Алекс. Тферский постави церковь камену Св. Арх. Михаила на Волзе на Городце, на реце Старице, и Арсеньем Еписк. священа бысть Ноября в 8 день... Князь Иван Андреевичь и Кн. Григорий Остафьевичь и Захария Посадник Костроминичь и Псковичи поставиша 3 костры на приступной стене: один на угле с Великыя реки, а другый на Лужищи, а третий от Псковы на угле. Поставлена бысть (во Пскове) церковь камена Св. Богоявление»... (В *Никон. Лет.*: «Царь Тохтамыш воевал поморские грады. Тохтамышев посол Темирь-Хозя был на Рязани у Вел. Князя Олга, а с ним много Татар и коней и гостей. Владыка Иван Новогородский постави церковь камену Св.

Воскресения на воротех и свяща ю сам. Михайло Крупа постави церк. кам. Св. Николы конец Чюдницовы улицы»).

«Марта в 27 (в 1399 г.) преставися Княгини Великая Марья Семеновая (супруга Симеона Иоанновича, внука Даниилова) в Черницах, во Мниш. чину Фетиния, и положена на Москве в монастыре Св. Спаса. Тое же весны Кн. Михайло Ал. Тферский поставил церковь Св. Спаса. Изначала на том месте была Соборная церковь Козма и Домьян, и Вел. Княгиня Тферская Оксиния Ярослава Ярославича с сыном Михайлом преложили ту церковь во имя Св. Преображения, и стояла та церковь 100 лет до Вел. Кн. Михаила Александр. обновления... и верх ея чудно позлати (К. Михаил Алекс.) и сотвориша каменосечцы от плиты зженыя и убелища.... Подписывали церковь кам. на Москве Св. Михаила, а мастер бяше Феофан иконник Гръчин со ученики своими... Загореся (в Новегороде) на Лубянице, и погоре Плотничьский Конец весь, а церквей кам. огоре 22, а придел 5, да церк. древяна, а душь погоре Бог весть, а инии на Волхове истопоша на память Св. Мемнона... Постави Архиеп. Иоанн с Новогородци церковь Покров на Зверинце и свяща ю сам Окт. в 1. Той же осени бысть помрачение солнца, и явись серп на небеси, и потом явись солнце, кровавы луча испущающе с дымом, мес. Окт. на память Св. Анастасии. Той же зимы ходи Владыка Иоанн в Псков на свой подъезьд, и Псковичи суд ему даша месяць судити по старине. Поставлены (во Пскове) 2 церк. камены, Покров в Домонтове стене и Св. Михаил на поле в женьском монастыри. Убиен бысть (по *Никон. Лет.*) Кн. Роман Юрьевичь на Шелоне и погребен бысть у Св. Спаса в Порхове. В Новегороде поставиша придел кам. у Богородици Св. Мученицы Екатерины и Св. Алексея, Человека Божия.

Ноября в 30 день (1400 г.) в Неделю на вечер преставися Князь Юрьи, сын Князя Великого Василья Дмитриевича, шести лет сущу ему, и положен в церкви Св. Михаила... Заложи Владыка (Новогородский) Иоанн город детинець камен от Св. Борриса и Глеба, мес. Иуля на память Св. Мученицы Голенъдухы, и Св. Воскресение на воротех подписано бысть. Поставиша церковь кам. на Яневе улице Св. Царя Костянт. и матери его Елены, и свяща ю Владыка Иоанн.... Князь Григорий Остафиевичь и Захариа Посадник и всь Псков зделаша новую стену к старой на приступе от Великой реци до Пьсковы тлъще и выше, и поставиша 3 костры: первой на Незнанове горке, второй у Лужскых ворот, третий у Куминых... В пределех черленого Яру (по *Никон. Лет.*) в караулех возле Копор у Дону Кн. Вел. Олег с Пронским и Князи и с Муромским и Козельским избиша множество Татар, и Царевича Мамат-Салтана яша и иных Князей Ординских.

В лето 6909 (1401) бысть изобретение честных Страстей Господа нашего. Сия же Страсти приобрете Епископ Дионисий Суждальский, ходивый во Царьград, и тамо премногою ценою искупи я... Потом же неколько время в Суждале скровени быша в каменой стене церковней и заздани невидимо; но в сию весну обретени быша и перенесени от Суждаля в Переяславль, а оттуда на Москву... Царь Темир Аксак посылал сына своего боронити Царягорода от Турков; они же биша Турков... 6 Дек. Князю Великому Василью родился сын Данило, да не долго жил:

толико 5 месяць, и умре... Той же весны горе Владычний (Новогородского) городок Молвотици. Приеха в Псков. Архиеп. Иоанн и вдаде Псковичем неколико серебра, и зделаша его серебром на Драчине Всходе костер, а другый в *куту* города. Кн. Григорий Остафивичь и Захариа Посадник и весь Псков заложиша к старой стене новую тлъще и выше возле Великую реку от Бурковых ворот от костра и до Крому. Бысть буря велика и сшибе крест с Св. Троици, и разбися весь. Тоя же зимы преставися Посадник Псковскый, Захариа Костроминичь, и положиша мощи его в церкви Св. Рожества Марта в 20 день, за 2 недели до Велика дни. (По *Никон. Лет.*) Августа в нощи в навечерии Успения от полунощия и до света явишась столпы, а конец их вверху аки кровь, и бяше страшно видети.

В лето 6910 (1402) Маия в 6 преставися Михайло, Владыка Смоленский, быв в Епископстве лет 19, и положен бысть у Троицы в Сергиеве монастыре близ гроба Старцева... Взяша мир Новогородци с Князем Юрьем Смоленскым. Поставиша Чюдинцевци церковь кам. Усекновение главы Иоанна, а Черницинци церк. кам. Варвару, а Посадник Кирила Ондреяновичь 3 отрокы придел у Св. Михаила на Пруской улици; а сей зимы ездиша на конех чрез Влъхов от Юрьева дни до Марта.

В лето 6911 (1403) Июня в 9 преставися Сава, Епископ Сарайский, и был в Епископстве 20 лет. Князь Иван Михайловичь Тферский замыслил город на Волзе близко Ржевы во Опоках у Зубцева, да одиного лета срублен бысть; в весне почат, а в осенине кончан. Тако же и на Городке, на реце на Старице, в том же лете поставлена бысть церк. Св. Николы: в весне почата, а в осенине кончана и священа Ноября в 13. Окт. в 8, в Неделю, Князь Андрей Дмитриевичь оженися на Москве у Князя Александра Патрикеевича у Стародубскаго, поя за ся дщерь его, Огрофену. Тое же зимы пред Великим заговеньем Князь Иван Михайловичь Тферский ожени сына своего, Князя Ивашка, у Князя... и венчан бысть Арсением Епископом. Поставиша купци Новогородскии прасолы в Русе церковь кам. Св. Борис и Глеб. Погоре Плотницкий Конець до Славковы улици, а Рогатица до Евпатия Св., а Лубяница до Св. Лукы, а Славенский весь Конець, а церкви каменых 15 огоре; а горе в Образов день. А Княжинский берег, да Немецкий двор не горе. Выгоре церковь кам. Св. Дмитрий, и все иконы и книгы. Бысть вода суха, и рли (поля) вси сухы быша. Подписана бысть церковь Св. Богородица на Лисичьи горке.

В лето 6912 (1404) Июня в 22 день, в Неделю, Киприян Митрополит Тимофея Игумена от Св. Бориса и Глеба постави Епископом в Сарай. Иулия в 20, в Неделю, Киприян Митр. с Москвы поеха в Литву и к Витовту и в Киев; и Наместника своего Тимофея Архимандрита и слуг своих тамошних пойма и отосла на Москву, и постави тамо Наместника своего Феодосия, Архимандрита Спаскаго; сице же и слуг своих избра... Приходиша (по *Никон. Лет.*) Татарове изгоном на Рязань, и посла за ними в погоню Кн. Вел. Феодор Олговичь, и побиша Татар и полон отъяша... Сент. в 13 во Тфери в полдни бысть пожар, и сгорело дворов 100 и церковь Св. Иван Предтеча Епископ Арсений Тферский заложи церк. кам. Успения на реце на Тмаке. Тое же осени на Тфери преставися Княгини Мария Княжя Ива-

нова Михайловича, дчи Кестутьева, во Мнишеск. чину Марфа, и положена в Соборной церкви Св. Спаса Ноября в 30. Князь Данил Александровичь и Кн. Григорий Остафьевичь, и Посадник Роман, и Ефрем, и Елентей, и Панкрат и весь Псков заложиша стену каменую возле старую тлъще и выше оть Псковы реки, от Крому и до Брод... Срубиша Переяславль... Постави Перфирий Намский на Папоротне церк. древ. Св. Николу и монастырь устрои.

Тое же зимы (г. 1405) Генв. в 13 Князю Великому Василью родися сын Князь Семен, да жил 12 недель и умре. Тое же зимы Кн. Володимер Андреевичь на Москве ожени сына своего Князя Семена, у Князя у Новосильского. Февр. в 13 преставися Григорий, Владыка Коломенский. Тое же зимы преставися Евфимий, Архимандрит Суждальский и добрый старец. Тое же зимы было не знаемо, голая зима была без снегу, а разводье было до заговенья до Великаго, а роскалье было на Масленой неделе. Тое же весны почаша подписывати церковь кам. Св. Благовещение на Князя Великаго дворе, не ту, иже ныне стоит; а мастеры бяху Феофан иконник Грьчин, да Прохор старец с Городца, да Чернец *Андрей Рублев*, да того же лета и кончаша ю. Быша громи велици и молнья страшны, и многи человеки гром поби, и на Троицьской неделе во Вторник, в обедню, бысть гром страшен, и в церкви, в Св. Лазаре, иконы попалила молния, а у Чуда у Михаилова Архимандрит с Черньци падоша на землю от страха; на долг час лежали обумерши; а на Архимандритове дворе человека гром заразил до смерти; а на Тфери в тот же день гром заразил церковь Св. Ивана Богослова и от грому згоре в вечернюю годину; не токмо же се, но и по иным местом по многым был таков гром... Киприян Митр. был в Литовской земли, и бывшу ему в Лучьске, и ту постави Попа Гоголя во Владыки, и тот бысть Епископ граду Володимерю; а с Митрополитом служили на поставленьи Епископ Холмский, да другий Епископ Лучьский. Того же лета Витовт поеха к Королю, а Король Ягайло тако же поеха к Витовту, и съехашася в граде Милолюбе; с ними же и Митропол. Киприян, и пребыша вкупе неделю целу едину... Подписывали на Тфери церк. кам. Св. Михаила на Городке. На Тфери Авг. в 30, в Неделю, священа бысть церковь кам. Св. Богородица на реце на Тмаце, иже на Желтикове, юже свяща Еп. Арсений... Окт. в 1 день, в Четверг, в монастыре, иже на Симонове, священа бысть церковь Успения, юже замысли и основа Федор Игумен, а сверши ю Князь Великий при Иларионе Архимандрите, иже 26 лет здана бысть. Ноября в 1 день, в Неделю, преставися Княгини Великая Евдокия Михайловая Александровича Тферьскаго, и положена бысть во Св. Спасе. Дек. в 5 день преставися Княгини Евпраксия Ольговая Рязанского... Погоре на Яневе улице (в Новегороде) 15 дворов, а людий съгоре 6; по сем погоре Людин Конець и Пруская улица до Св. Михаила, а в Детинце во Владычня двора, и згоре церкви древян. 5, а каменных огоре 12, и Борис и Глеб весь, а людий съгоре 30. Преставися Посадник Василий Ивановичь, приим Мнишеский чин... Постави (во Пскове) церк. кам. Карп Священноинок Св. Стефана в монастыре Св. Спаса, а Св. Никола поставлен бысть на Узвазе. В Петрово говение наиде дождь и иде до Ильина дни, и наплънишася источници и рекы и езера, акы весне... По Пет-

рове дни со Тфери в Кашин ездил Кн. Александр Иванович... Преставися Федосья, Матфеева мать, Маия в 18. Бысть чудо на Москве в доме Тютрюмове, и от иконы Св. Богородица и Св. Николы иде миро. Князь Григорий Псковский пострижеся в Великых Пустынях...

Генв. в 1 день (1406 г.) в Пяток Киприян Митроп. приехал из Киева на Москву, а был там лето едино и 5 месяць, и потом со две неделе минуло, преставися Архимандрит Дорофей Печатник, добрый наш старец... По Троицыне дни во Вторник на ночь перед ранними зарями гибл месяц и бысть аки кровь, и тако не исполнився, и зайде. Июня в 16 в Среду, в обедню, в 4 час дни погибе солнце... По Петрове дни в Новгородьской волости Нижняго бысть буря велика, а в тот час изыде человек на поле и вседе на конь вспряжен с колесницею, и взят ветр с конем и с колесницею аки бурею носим, яко в трусе и в вихре страшне, дондеже невидим бысть, и на другий день обретоша колесницу его на древе, висящу на версе высока древа, и то на друзей стране великия реки Волги; коня же кроме колесница мертва лежаща познаша; человек же без вести: не веде, камо ся дел... Авг. в 26 день Киприян Митр. Ларивона Архимандрита Симонова постави Епископом на Коломну. По сем, минувшема двема неделяма, поставлен бысть Митрофан Епископом Суждалю: уже бо тогда Киприяну больну сущу на Голенищеве... Ноября в 14 преставися Князь Родслав Ольговичь Рязанский... Прииде в Новград Князь Петр, брат Вел. Князя Василия, и пребысть полторы недели. Иде лед силен из озера (в Новегороде) и вышибе из Великого мосту городни. Апр. в 11 погоре Княжь двор на Торговой стороне от Гочкова двора до Плесковского двора, а люди сгоре 6. Выгоре город Псков на Духов день при после Великого Князя Миките Неелове, а загорелось от Оксентиа от Байбороде, как обедню починают пети; только не горе в Домонтове стене до Кром. Поставлены 3 церкви: Рожество Св. Иоанна Предтечи в Ростъкине монастыре и Св. Петр и Павел в Неревском Конце и Св. Никита в Плотницском Конце. Тое жь осени во Тфери преставися Князь Дмитрей Еремеевичь и Княгиня Настасия Еремеевна, мати его. Брань бысть Матфею Михайлову Маия в 23. Июня 17 солнце погибе.

Генв. в 16 (г. 1407) Князь Петр Дмитриевичь оженися, поя за ся Полуектову дщерь Васильева сына Васильевича Тысячьского, и бысть свадьба на Москве. Февр. в 13 день, в Сборную Неделю, поеха с Москвы во Пьсков Князь Костянтин Дмитреевичь. В день Благовещения преставися Ефросин, Епископ Суждальский. Тое же весны Княгини Великая Овдотья Дмитриевая заложи церковь камену Взнесения в монастыре на Москве внутря города. Тое же весны преставися Князь Василей, сын Княжь Федоров Ольговича Рязанского. Июня в 7, во Вторник, преставися Княгини Великая Овдотья Дмитриевая, и положена в церкви Св. Взнесенья. Преставися Феогност, Епископ Рязанский. Прииде из Царяграда в Новгород Владыка Феодул Тряпизонский милостыня ради. Июня в 6 погоре Неревский Конець до города и Св. София огоре вся, и двор Владычнь, и Людгоща улица, а церкви кам. 12 огоре, а деревян. сгоре 6. Постави Владыка Иоан (в Новегороде) церковь кам. на Веренде Св. Преображения, и свяща ю сам, и монастырь устрои. Поставиша церковь кам. Св. Власий

в Людине Конце, а братеничи Юрьи Посадник Дмитриевичь и брат его Яков церк. кам. Чюдо Архистр. Михаила в Хонех в Аркажи монастыре. Князь Констянтин Дмитриевичь со Псковичами създаша церковь Св. Афанасиа в един день в Неделю, Марта 29. Новогородци в то время приведоша к собе из Литвы Князя Лугвеня, а все то Псковичем не на добро, и хотяху искоренити от основанна град Псков. Тое жь зимы Новгородцы взяша к собе Князя Данила и брата его, Князя Юрья, и даша им град Порхов. В Тфери заложена колоколня около старыя Вел. Князем Иваном Михайловичем в Петрово говение, и кончаша подписывати церковь на Городке Св. Архист. Михаила; а Владыка Арсений Тферский прибавил притвора от Тмаки реки на Желтикове. Маия в 25 в раннюю зарю месяц погибе. Червь (по *Никон. Лет.*) окрылатев идяше от Востока на Запад, и пояде древо и засуши я. Авг. мес. бысть в Литве мятеж и усобницы и глад. Бысть знамение на Похре: иде кровь от Св. Богородицы.

Князь Иван Михайловичь (зимою в 1408 году) оженися на Тфери, поят за ся дщерь Княжь Дмитриеву Еремеевича. Тое же зимы Князь Володимер Андреевичь ожени сына своего Ярослава у Ярославского Князя, и бысть свадьба на Москве. Марта в 9, в Пяток, преставися Епископ Ларион Смоленский и положен в Сборной церкви на Коломне. Марта в 11 день, в Неделю, у гроба Петра Митрополита исцеле некий человек. Тое же зимы снег велик был до шти пядей; а на ту весну поводь велика; за 20 лет старии памятуки не запомнять толь великия. Апреля в 7, в Субботу Лазареву, преставися Князь Федор Михайловичь Моложский, во Мнишеск. чину Феодорит, и положен в своей отчине в граде Мологе в Сборной церкви. Мая в 25 начаша подписывати церковь кам. великую Сборную. Св. Богородица, иже в Владимире, повеленьем Князя Великого, а Мастеры Данило иконник, да Андрей Рублев. Повеленьем Князя Великого срубиша город деревяный Ржеву, а Воевода бе у них Князь Юрий Козельский, да Юрьи Васильевичь. Июня в 21, в Четверг о полудни, бысть пожар велик в граде Ростове, и самая чудная Сборная церковь изгоре, и камение распадеся, иконы и съсуды златыя и сребреныя с женьчугом и с каменьем, то все огнем позже... Бяше бо ведряно и засуха, и буря и вихорь... и человецы погореша, числом боле яко 1000; и толь велика пожара за 200 лет не бывало в Ростове. Прииде в Новгород Кн. Костянтин Дмитреевичь на Наместничьство. Поби Владыка Иоанн Св. Софию свинцем, а маковицу большую златоврьхую устрои. Татарове бишась с Князем Рязаньским, Федором Олговичем, и побиша рать Коломеньскую. Дороговь бысть житу по всей земле Руской. Постави Харитон, Архимандрит Киевскый, церковь камен. Трех Святитель на Красном острове.

В лето 6917 (1409), Марта во 2, преставися Владыка Тферский, Арсений. Февр. в 28, в Четв., поболе главою; к полунощи же случися словесному органу угаснути и затворитися. Наставшю же Марту по книжному, а по лунному Февр. 15, в Пяток по заутренней, приходит к нему Великий Князь с своею братьею, с детми и с Боляры, и съзывает Архимандриты на помазание Святителя... глубоце нощи суще, преседяху у него 10 Черноризцев... и той нощи за полтретья часа от жития к Богу отыде.... и вложи Бог в мысль Великому Князю и всем людем положити

его у Св. Богородици и у Св. отец Феодосья и Антониа, в его монастыри.... Преставися Посадник Тимофей Юрьевичь в Новегороде. Постави Владыка Иоанн теремец камен, иде же воду свящаю: на всякый месяць, и пекелницу камену. Преставись Посадн. Есип Захарииничь. Ноября в 30 чюдо бысть страшно в церкви Св. Михаила на Сковоротке: звук бысть в маковице по 2 дни по 2 нощи.

В лето 6918 (1410) прииде из Царяграда на Москву Митрополит Фотий Апр. 22 на Велик день, поставлен Патриархом Матфеем». (В Киев приехал он из Константинополя 1 Сент. 1409). «Иуля 15 бысть побоище Королю Ягайлу и Витовту с Немцы с Прусы межи городов Дубравны и Острода, и убиша Местера и Маршалка, и Кунтуры побиша, и городы их Нем. поимаша, но только 3 городы не вдашась Королю и Витовту, и бысть той осени Ляхом 3 побоища с Немци и на всех избиваху их, и стояша под Марьиным городом 8 недель, и взяша 2 охабна, а вышняго не взяша, и ходиша по Нем. земли полъдругынатцаты недели. Бысть (в Новегороде) знамение в церкви Св. Георгия конець Лубянки от иконы Св. Богородицы молебной. Варлам Архимандрит постави церк. кам. в воротех монастыря Лиситьского во имя Св. Варлама Хутиньского, а в Русе поставиша 2 церкви камены, Св. Георгиа и Благовещение. В Св. Софии от иконы Гуриа и Самона и Авива Дек. 21 сътворися знамение. Преставись Посадн. Кирил Ондреяновичь в Мниш. чину. Ходиша опять Ягайло и Витовт к Мариину городу, и рать Нем. победив, и мир взяша, а с города взяша 300 тысящь пенязей златых, как те крилошанин хлебца не сеял... Великий Князь Василей повеле руби и град Плесо. Приходиша (по *Никон. Лет.*) Татарове на Рязань изгоном; Рязанцы же биша их и полон отъяша. Бысть вода велия.

В лето 6919 (1411) постави Владыка Иоанн церк. кам. Свят. Исповедник. Сей же зимы иде Владыка Иоанн на Москву к Митрополиту Фотию... Тое жь зимы Князь Иван Михайл. Тферский прислал Боярина своего к Митрополиту Фотию, и Фотий иде во Тферь и постави Антония Епископа Тфери Февр. 2. Тое жь весны преставись Княгиня Овдотия Вел. Князя Ивана Мих. Тферскаго, другая дщи Князя Дмитрея Еремеевича, Апр. в 13 в Понедельник, за завтрее Велика дни, и положена у Св. Спаса... Родися Лугвено на Копорьи сын Ярослав, а в крещении Федор. Родися Матфею сын Киприян.

В лето 6920 (1412) поставиша церковь кам. Св. Николу в Порхове, а другу на Веряжи у мосту Св. Николу древян. в монастыре, а третью на Клопьске древян. Троицу. Приеха из Литвы во Тферь Кн. Александра Ивановичь. Князь Вел. Иван. Мих. Тферский заложи град на Новоторжском рубежи. Генв. в 17 Князь Иван Васильевичь Ярославский выдал дщерь свою Марию за Князя Александра Федоровича. Межепина бысть в Новегороде в Нижнем: купили меру ржи по сороку алтынъ старыми денгами. За два дни до Ильина в Кашине при вечере видеша серп из облака. В Оспожино говение бысть вода велика в реках. Григорий, Владыка Ростовский, вторый Архиепископ, поставил церк. кам. Благовещения на Дорогомилове над рекою Москвою, а земли Митропольской Кудринскаго села отступился. Окт. в 31 на

ночь во Тфери погоре Городец на Волзе и церк. Богоматери и Княжь двор и запас.

В лето 6921 (1413) постави Владыка Иоанн с Воеводами Новогородскыми и с вои их, что были у Выбора, и пометом (сбором) Христианскым церк. кам. Събор Арханг. Гаврила на Хревкове улице, и свяща ю сам в праздник его; а Иван Морозов постави церк. кам. на Десятине Зачатие Св. Иоанна Предтеча; и погоре Тферь того дни. От Можайска за 10 верст, в отчине Князь Андрея Дмитреевичь, от иконы Богородицы явись жалования и прощения много, слепым, хромым». (Здесь рассказывается, что земледелец, именем Лука, нашел сию икону на дереве; обогатился, ходя с нею из города в город, построил великолепный дом и жил Князем, презирая всех; что ловчий Князь Андрея Димитриевича, оскорбленный грубым Лукою, пустил на него медведя, который изломал сего человека; что Лука, приведенный в чувство увещаниями Князя Андрея, отдал ему чудотворную икону и все свое имение для построения обители Колочинской, сам постригся в ней и скоро умер). «Владыка Иоанн иде в Плесков. Поставлена (во Пскове) церк. кам. Св. Василей на Горке. Владыка Иоанн, благословив Псковичь, отъеха. Авг. в 6. Князь Костянтин отъеха в Новгород, и тамо пребысть год, и пакы приеха во Псков. Владыка Новог. Иоанн был на Москве у Фотия Митр. с дары, и тогда на Москве преставися Архидиакон его Иоаким, и положен в монастыре Ивана Златоустаго вне града Москвы.

В лето 6922 (1414) погореша в (Новогородском) монастыре на Деревянице Владычни хоромы и церк. кам. Св. Богородица обгоре, да человек сгоре. Бе болезнь тяжка костолом. Авг. в 3 погоре Неревскый Конець от Св. Владимера и до Гъзени, а церкви кам. огоре 8, а деревян. 5. Той осени съвръшиша церк. кам. Св. Евфимию в Плотьницком Конце. Постриженся Владыка Иоанн в Скиму, а Посадн. Кирила Дмитреевичь преставись. Псковичи поставиша град Коложе на новом месте на Опочке, а зделаша весь в 2 недели в осень по Покрове. Кн. Костянтин поеха изо Пскова на Москву в Петрово говенье.

Генв. в 20 (1415) съиде Владыка Новогород. Иоанн с Владычества, бысть в Владычестве 30 леть без трий. Иде вода възвод (в Новегороде). Повоеваша Татарове Елетскую землю (по *Никон. Лет.*) и Князя убиша. Смоленск выгоре и Москва (по *Никон. Лет.*) и на Саву Аврамиева, иже клевета на Фотия Митр., огнь аки облак преклонись от горницы Фотиевой и снеде ему жива. Июня 7 в Пяток бысть знамение в солнце (затмение). Преставись (в Новегороде) Посадн. Федосий Обакумовичь в Мнишеск. чину. Поставиша Св. Троицу кам. на Видогощи в монастыре. Новъгородци, съдумав на Ярославле дворе и став Вечем у Св. Софии, положиша 3 жеребьи на престоле, написав имена Самсона Черньца от Св. Спаса с Хутина, Михаила Игумена Св. Михаила с Сковороткы, Лва Игумена Св. Богородицы с Колмова, и по отпетии Св. службы Василий Протопоп Старый вынесе на Вече Лвов жребий, по сем Михаилов, и остася на престоле Самсонов; и Посадник Ондрей Ивановичь и Тысяцкой Александр Игнатьевичь възведоша Самсона в дом. Св. Софии на сени Авг. в 11 в Неделю. Того же дни священа бысть церк. древян. Въскресение на Красной горке у Плотницкаго Конца, и мо-

настырь устроиша. Той же осени съвръшиша 2 церкви кам. в Людине Конце, Възъдвиженье и Св. Луку... Купци Псковскыя разбиша старую церковь Св. Софию начаша новую делать. Мастер Еремей съверши церк. кам. Веры, Любве и Надежи Июня в 18 благословением служителя Св. Мученицы, Ивана Священника Хахиловичь, а повелением купецкых старост Андрея Тимофеевичь и Осея и всех купцов... Той же зимы отъеха Князь Ярослав Володимировичь из Москвы в Литву. Марта в 10 день родись Великому Князю Василью Дмитриевичу сын Василий. Начат мати его велми изнемогати... Великому жь Князю в скорби сущу. Бе же в то время некий старец свят в монаст. Св. Ивана Предтечи под бором за рекою Москвою, знаем же бе и Велик. Князю, к нему же посла Вел. Князь, да помолится о Княгине. Онъ же отвеща посланному: шед рцы Вел. Князю, да помолится Мученику Логину: понеже той дан бысть от Бога помощник всему роду вашему. Княгиня здрава будет; родит тебе сына в вечер сий, наследника. Внегда же родись, и в той час Священнику, Духовнику Вел. Князя, седящу в келии в монастыре Преображения, пришед некто удари в двери и рек: иди, нарци имя Великому Князю Василью. Он же вскоре встав и изыде, и не виде никого посланнаго, и пойде на двор Княжь, и срете его послан по него, глаголя, да идет и наречет имя роженному сыну Вел. Князя. Священник же вопроси его, аще он и преж приходил по него — и рече: несмь. И шед нарече имя отрочати Василий — и поведа сия Вел. Князю и Княгине, и удиви всех.

Февр. 23 в Неделю (1416) приеха Самсон к Митрополиту ставитися, а с ним послы Новог. Василий Обакуновичь, Тысяцской Василий Есиповичь, Тысяц. Александр Игнатьевичь. Марта в 9 в Понедельник и в Четв. 12 простил Бог у гроба Петра Митрополита, у человека нога прикорчена исцеле, а в 15 Февр. у Черници руце исцелеша; а в той день Фотий постави Самсона Диаконом, а в Субботу третью постави Попом, а в Неделю Средокрестную в 22 Архиепископом в церкви Св. Архистрат. Михаила, и наречен бысть от Митрополита Симеоном; а на поставлении было Владык 5: Григорий Ростов., Митрофан Сузд., Антоний Тфер., Тимофей Сарьский, Исакий Пермский, при Вел. Князе и при брате его Юрье и Костянтине; и приеха в Новгород Апр. в 16, и Посадн. Иван Богдановичь, Тысяцк. Борис Васильевичь с Игумены и с Попы сретиша его конець Славна; а на ту нощь преставися Наум, крилошанин Св. Софии. Поставиша Св. Илию конець Пруской улици. Той осени съвръшени 2 церкви кам.: Св. Петр Митрополит, да Св. Афанасий, стяжанием Владыки Симеона... Град Кострома заложена бысть. Маия в 3 преставися Григорий, Архиепископ Ростовский. Воеваша Татарове Литву и возвратишася с полоном.

В лето 6925 (1417) преставись Новог. Посадник Юрьи Онцифоровичь, быв нем год и 3 месяца. Июня в 10 бысть гром в церкви Св. Евпатия на Рогатице и иконы опалиша. Того же мес. в 24 преставися Владыка Иоанн на Дерявинице и положен у Св. Въскресения в притворе; а на Москве преставися Князь Иван, сын Князя Великого, Василия, едучи с Коломны. Съвръшены быша (в Новегороде) 5 церкви кам., на Колмове Св. Никола, Св. Мина на Даньславле улице, Св. Андрей на Щитной улице, Св. Антоний у Спаса на Хутине, Св. Никола на Холопьи город-

ке. Псковскии Посадники Феодос и Селивестр и весь Псков наяша мастеров и зделаша стену от костра на Незнанове горке и до Сысоевых ворот, а других наймитов наяша и поставиша костер на Крому от Псковы, а поимаша то серебро на корьчмитех. Попове не вкупнии собравшесь, биша чолом Пскову, и устроиша третий Собор у Св. Николы над греблею. Преставися Князь Григорий (Псковский), на Снетной горе пострига, и положен в притворе на десной стране. Тое жь зимы мнози люди от мраза изомроша.

В лето 6926 (1418) в церкви Св. Анастасии (в Новегороде) идяше от иконы Св. Богоматери Покрова акы кровь по обе стороны ризы ея Апр. в 19. Поставлены 4 церкви кам. в Новегороде: Св. Власий на Черницине улици, Св. Саву на Кузмодимиане, Св. Илию у Спаса на Хутине, Въскресенье общи монастырь и Св. Николу на Пидбе. Той же осени пойде Владыка Симеон в Псков на свой подъезд, и месяць судил и поучи их: да чтобы есте Церковь не обидели и не въступалися ни во что, елико из начала [54*]-Епископьи потягло-[54*] при прежебывших Архиепископ, в дом Св. Софии, в земли и в воды, и в суды и в печать.... В Новгород приеха Князь Тферскый Андрей Дмитриевичь, и приняша его... Князь Дашко Феодоров сын Острожского взял Кременец Витовтов в Великий Четверг; послал прежь себя дву человек своих, Дмитрея да Илью, а с ними ся зговоря: предайтеся служити Кондрату Прусу, Воеводе Кременецкому; егда же приду ко граду, и вы взвод оттните, а мост положите... и Дашко приехал ко граду в ночи в 500 человек; и те его советницы у города отвод отътяша, а мост положиша, и Дашко с други своими в город въеха, Кондрата Воеводу уби, а приставов Королевых и Витовтовых присекл, а Князя Свитригайла из желез высекл, седевша полдевята года; и оттоле еде Свитригайло в Угры, и взял Луческ, да у Волынских Бояр 150 коней отлучил... Поставлен Ростову Епископ Дионисий... Преставися Князь Александр Ивановичь *Брюхатой* Суждальской, зять Великаго Князя: Князь же Великий дасть дочь свою Василису за другова мужа, за Князя Александра *Взметня* Даниловича Суждальского и Нижегородского; а другую дочь свою Марью Князь Вел. дасть за Кн. Юрья Патрекеевича Наримантовича.

В л. 6927 (1419) Майа в 1 погоре Славенскый Конець и Плътничьский и до Федорова ручья, церкви 24, а Св. Отец церк. вся выгоре, а людий изгыбло много. Преставись Новог. Посадн. Иван Богдановичь. Апр. в 9 по Вечерни буря велия и дождь и гром, и у Св. Богородицы у городних ворот уби сторожа Андрея, а чепь паникадилную, что в лбе, всю порвало, и двери Царския [55*] ополели, и Св. Иоанн Предтеча, и на Св. Николе и на Василии знадбу сътвори, а под церк. в воротех 2 человека убило; а инии падоша аки мертви, ови оцемеша, а инии без ног беша и глуси... и в Св. Костянтине иконы ополеша... Варлам Архимандрит постави церк. кам. в Юрьеве монаст. Рожество Богородицы, и Михайло Юрьевичь церк. древян. на Колмове, а Федосий Игумен Св. Троицю кам. на Клопске в 60 дний... При Владыце Симеоне во Пскове преставись Роман Посадник, а на зиму в Суб. Мясопустную Ларион Посадник. Поставлена в Пскове церк. кам. Св. Никола в Песках. Поставиша костер на Крому от Псковы падший. Бысть мор в Киеве. Симеон Вла-

дыка Новог. ездил по Корельской земле в поезде своем. Поставиша церк. древян. Св. Антония на Вежищах.

В л. 6928 (1420) Псковичи наяша мастеров Федора и дружину его побивати церковь Св. Троица свинцом, и не обретоша Псковичи такова мастера в Пскове, ни в Новегороде, кому лити свинчаты доски, а к Немцем слаша в Юрьев, и погании не даша мастера, и приеха мастер с Москвы от Фотия Митрополита и научи Федора мастера Св. Троици, а сам отъеха на Москву, и тако до году побита бысть Св. Троица Авг. во 2, и даша мастером 44 рубли. Бысть знамение велие в Чирсках от иконы Св. Богородицы: из обою оку идяху слезы, и Священники послаша, Попы и Диаконы, а от Пскова послаша Федора Шибалкина и иных Бояр — и принесоша икону, и усретоша их с кресты весь Псков за Старым Взнесеньем, иде же и ныне крест в тыну, и поставиша церк. в женск. монастыри, и оттоле начаша праздновати Знамение Богородицы Иуля в 16... Приде из Угорския земли Князь Швитригайло Олгердовичь в Литовскую землю жити. Поставлены 2 церкви древян. (в Новег.), Св. Никола в Ионине пустыне и Св. Онуфрий на Красном острове.

В л. 6929 (1421) бысть зима снежна и вода велика в Волхове и снесе Вел. мост, и Нередичьской и Жилотужской, а с Кольмець и церковь снесе Св. Троицю, а в Щилове и на Соколнице и в Радоковицах и в Въскресении в Людине Конце, в тех церквах толко на полатех пели, а по концам хоромы снесе, и разлияся в городняя ворота до Рыбников. Маиа в 19, вшедши тучи с полудни, в полунощи гром страшен и дождь прапруден и с камением акы яблока, а иное аки яица... и бысть все лето дождево... Преставися в Мнишьск. чину 2 Посадника, Федор Тимофеевичь и Александр Фоминичь. Июня в 15 преставися Архиеп. Новогор. Симеон.... и Новогородцы положиша 3 жеребиа на престоле Св. Софии, Игумена Феодосиа Св. Троици с Клопска, Игум. Захарию от Благовещениа и Арсениа Ключника Владычня с Лисичьей [56*] горкы... и Труфан Поп вынесе Арсениев жребий и Захариин, а на престоле остася Федосьев. Посадник Тимофей Васильевичь и Тысяцкой Кузма Терентьевичь с Новогородци взведоша Федосиа в дом. Св. Софии на сени Сент. в 1, в Понедельник. Съвръшены 4 церк. кам.: Богоявление на поле, Воскресение в Павлове монастыре, Въскресение у Благовещениа в монастыре, Давыдом Дмитриевичем Иван Милостивый в Люднему Конце; а Новогородци целоваша крест за един брат. Перхурей Чернець Сопешка даде место земли, и поставиша (во Пскове) церк. Благовещение и монастырь женскый в Песках. Свершиша церк. кам. Св. Варвару возле Николы в Опоцком Конци... Князь Иван Тферскый изнима Боярина Новоторжьскаго, Ивана Кумганца, и сына его Фому, и бив их заточи в Новый городок. Свершиша 2 церкви кам., Исак Окинфовичь в монастыре на поле Богоявление, Василий Филиповичь с Лукьяном Онцифоровичь Св. Спас на Розважи улици... Месяца Окт. (в других списках: 15 Генв.) свершиша в Новегороде мост Великий. Тое жь осени Княгини Настасия Юрьева Дмитриевича была у отца своего на Москве, а пойде с Москвы за неделю до Рожества. Тое жь зимы Князь Юрьи Ивановичь Тферский женись у Ивана Дмитриевичь.

В л. 6930 (1422) преставися Княгини Настасия Юрьева Дмитриевича в Звенигороде, а положена на Москве у Вознесенья. Августа в 18 *от пороху* погоре Москва, в полночи загореся, а о полудни преста.

В л. 6931 (1423) бысть знамение в солнце, и съвершиша 2 церкви кам.: Св. Богородицю на Колмове и Св. Иоанна на Лужищи.— Авг. в 30 сослаша Новогородци Феодосия, нареченнаго их Епископа, со Владычня двора в его монастырь, глаголюще: не хотим *шестника* (см. Т. IV, примеч. 380)... и возведоша на двор Владычень по жребию Инока Емельяна от Св. Воскресения с Древяницы. Мор бысть по Корельской земле.

В л. 6932 (1424) Митрополит Фотий на Москве постави в Новгород Емельяна Инока в Епископы, и наречен бысть Евфимий. Съвръшены 2 церкви кам. (в Новегороде): Св. Лука на Лубяници и Св. Борис и Глеб на Гзене. Постави Владыка Евфимий церковь Милостиваго Спаса за олтарем у Св. Софии... Кончана бысть стена камена (во Пскове) перси Кромскыа, а делаша полчетверта года 200 мужь, а найма взяша 1200 рублев, и поставиша на персех колоколницю и колоколи повесиша, и 3 года стоявше, распадошася перси.

В л. 6933 (1425) бысть в Пскове хлеб подешевле, по 5 зобниц на полтыну ржи».

[255] См. выше, примеч. 254, под годом 1415.

[256] В *Степен. Книге* сказано: «Митрополит посла по Юрья, хотя ему поручити *старейшинство* Великаго Княжения»: или Автор разумел под *старейшинством* только первое место в Великокняжеском Совете, или ошибся в своей догадке о приверженности Фотия к Юрию: ибо последствие доказывает, что Митрополит усердно держал сторону юного Василия.— Герберштеин пишет, что Василий Димитриевич будто бы не любил сына, подозревая супругу, именем *Анастасию* (разве Софию?) в прелюбодеянии, и наследником своим объявил брата, Юрия: завещание Василия Димитриевича опровергает сие известие.

[257] По известию других Летописцев не Константин, но Андрей Димитр. Можайский ходил в след за Юрием с 30 000 или с 25 000 воинов до реки Суры и возвратился ни с чем, *норовя* ему.— Далее: «Митрополит прииде в Ярославль на Рожество Предтечево, и ту ни мало помотчав, но точию ужинал у Князя Ивана Васильевича; молиша его Князии Ярославстии, чтобы у них наутрие обедню слушал, и не послуша их, пойде в Галичь... Митрополит же вшед в посад града, и пойде к Соборной церкви Преображения: бе же та на посаде на поле у озера... И посла Юрий Боярина своего, Бориса Галичскаго, и Данила Чешка в Москву», и проч.

[258] «В лето 6934 (1426) преставися В. К. Иван Мих. Тферский, и сяде на его место сын его, Александр, и вскоре преставися; и сяде на его место сын его, Кн. Юрьи Александр., и сидел 4 недели, и преставися; и сяде брат его, Кн. Борис Александр., а племяннику, Князю Ивану Юр., дал город Зубцов... Того же лета Князь Борис поимал дядю, Князя Василья Михайл. Кашинскаго.— Тоя же осени (1426) преставися Кн. Андрей Володимер. во иноч. чину Сава, и положен у Троицы в Сергиеве монастыре... и К. Ярослав Волод. и К. Иван Васил. Ярославский... В той же мор преставися (в 1427 г.) К. Василей Волод. и поло-

жен во Архангеле на Москве... Преставися (в 1428) К. Петр Дмитр. (а не Константин, как в *Псков. Лет.*).— И после того мору, как после потопа, толико лет люди не почали жить, но маловечнии и худи и щадушнии начаша быти (см. ниже, примеч. 386, г. 1425, 1442 и 1448). В 1431 было небесное знамение, три огненные столпа, и проч.

[259] В *Никон. Лет.* (1426): «и резаша у Татар... и в рот влагаху им наругающеся, яко же бо и самому Витовту видети».

[260] В *Псков. Лет.*: «Псковичи биша чолом Новгороддем (в 1425 г.), и они отрядиша послы к Витовту, а Псковичи послаша с ними Федора Посадника и Андрея Ларионовичь и Ивана Ларьяновичь и Бояр; они же не учиниша ничто же... В лето 6934 (1426), Иуня в 29, отступник Витовт разверже мир с Псковичанами, и Псковичи послаша к Новугороду, абы помогли, и не помогоша, но еще и послаша Александра Игнатьевичь к Витовту на Псковское зло, и егда мимо иде 4 недели и 4 дни, и Витовт... прииде к Опочке Авг. в 1 день, а Опочани бьяхут их ово каменьем, ово колодьем от заборол отсекая, и погании, всуе трудившесь 2 дни и 2 нощи, отъидоша... И прииде Витовт к Вороначю Авг. в 25, и счинивше пороки, шибаху на град камение, и бе Вороночаном притужно, и послаша ко Пскову, чтобы печаловалися о них, и Псковичи послаша к Витовту Посадника Федора Шибалкина, а с ним Бояр, и биша много чолом; он же чолобитья не приять, и начаша к городу лезти, пушками шибая и пороками, и приспевши нощи, и бысть чюдо страшно (тут описание грозы)... а Вороночани моляхуся Богу и Мученику Георгию, а Псковичи ожгоша посады своя; и Витовт призва Вороночан, и обольстив их, и взя перемирье с ними; и Вороночани послаша гонца ко Пскову, а Псковичи к Витовту Якима Посадника и Федоса и Бояр. Еще же и о сем повем: тогда же в засаду к Котелну городу послаша Посадников Селивестра и Федора Шибалкина, и с ними 400 мужь, а Витовт посла к Котелну 7000 мужь Литвы и Татар, а Псковичем того не ведущим, и под Котелному удариша на них Литва и Татары, и убиша Псковичь 17, а руками яша 13; а Псковичи с ними бишась побегая к городку, и побиша Литвы много, а тако вбегше в Котелной, затворишась. А Островичи тогда ходиша тороном (набегом) к Велью, и наехаша на ночьлезе Татарь и убиша 40 мужь, а мало их убежа, а инех подо Вревом Вревичи побиша... И приехавше Яким Посадник и Феодосий, биша много чолом, и срядишася дати 1000 рублев, и взяша мир с Витовтом Авг. в 25, а полоненых даде на поруку Посадником, а срок положиша привезти 1000 рублей и полоненых всех в Вильни поставити на Крещение... Псковичи (в 1427 г.) послаша к Вел. Князю Юрья Посадника Тимофеевичь и Бояр, чтобы послал своих Бояр к Витовту и ударил бы чолом за Псковичь; и бяше ему тогда брань с Князем Юрьем о Великом Княжении, но обаче о всем том небрег уречеся; и на зиму присла Вел. Князь Бояр своих во Псков, и Псковичи послаша с ними Посадников Якима Павловичь и Ивана Сидоровичь и Бояр, и даша им реченное Витовту сребро. Они же ехавше в Вилно на срок, и поставиша плененых пред Витовтом, и сребро положиша 1000 рублей; он же поганый сребро взя, а плененых на крепости посади.... За 3 недели до Ве-

лика дни Псковичи послаша к Витовту Посадника Селивестра Левонтьевичь и Владычня Наместника Парфея.... и докончяша за полоненых полпята-ста рублев, а сребра дати на Покров». На против того *Никон. Лет.* сказывает, что посол Великого Князя, Александр Владимирович Лыков, нашедши Витовта еще ход Вороночем, уговорил его взять с Псковитян только 1000 рублей вместо трех тысяч.— Ливон. Летописец говорит, что Псковитяне ссорились тогда с Епископом Дерптским, Дитрихом, который убедил Витовта итти на них войною (см. Гадебуш. Livländ. Jahrbüch. г. 1426).— См. *Новог. Лет.* г. 1428, и Длугош. Hist. Polon. стр. 509—510, где он говорит о характере Новогородцев.— [57*]—*Тюфяками* назывались особенного роду пушки —[57*].— Об осаде Порхова в *Никон Лет.*: «пушка у церкви Св. Николы переднюю и заднюю стену во олтари прорази и градныя каменныя зубцы сразу, и изыде паки из града на полки Витовтовы... и много изби воинства и коней. Бысть же се в самую Литургию; Священника же ничим не вреди, а Немчина мастера, похвалившагось на Св. Николу, размета невидимо где... точию *полкабата* (камзола) его остася». В *Новог. Лет.*: «Порховичи докончаша за себе 5000 рублев (в *Арханг. Лет.* прибавлено: *Рижскою*, т. е. Рижским серебром)... а Новогородци другую 5000 серебра, а шестую на полону; и то серебро браша на всех волостех Новгородскых и по Заволочию с десяти человек рубль». В *Псков. Лет.*: «Новгородци прислаша ко Пскову помощи просити противу Витовта, и Псковичи отрекоша: как вы нам не помогосте, тако и мы вам не поможем; а еще межю нами крестное целование с Витовтом, что нам по вас не пособляти... И Новгородци с Владыкою Евфимием привезше дары многы (к Витовту) и добиша чолом *пятьюнадесять тысящь* рублей, и стоя под Порховом неделю, и отъиде Июля в 28 день». В *Никон. Лет.* сказано, что Архиепископ Евфимий выкупил пленников за 3000 рублей.

[261] В *Новог. Лет.*: «А Князь Великий тогда к деду своему Витовту и крест поцелова, что ему не помогати по Новегороде, ни по Пскове».— В Императорской Библиотеке есть *список* присяжной грамоты, около сего времени данной Князем Рязанским Витовту. В ней сказано: «Господину Осподарю моему, В. К. Витовту. Се яз К. В. Иван Федоровичь Рязанскый добил есми челом, дал ся есми ему на службу... а быти ми с ним за-один на всякого... А будет ли которая налога В. К. Василью Васильевичь, внуку его, из которые стороны, а взвелит ми К. В. Витовт, и мне пособляти ему (Василию); а суд и исправы держать ми с В. К. с Василием по старине. А будет ли В. К. Витовту с В. К. с Василием Вас., со внуком своим, какое нелюбие, или с дядями его, или с братьею его, и мне пособляти В. К. Витовту, своему Осподарю. А В. К. Витовту в отчину мою не вступатися, вынемши Тулу, Берестей, Дорожен... А суды и исправа давати ему мне чисто... Съехався судиям В. К. Витовта с моими, судити им, целовав крест... а что сопрутся, ино положить на Осподаря, на В. К. на Витовта, кого обвинит», и проч.

[262] Длугош. Hist. Polon. кн. XI, Стриков, кн. XV, гл. 13, и *Никон. Лет.* г. 1430 [58*]—. В Генв. 1429 Витовт угощал в Луцке Сигизмунда, Короля Римского, и Ягайла, а осенью в 1430 Князей Российских в Троках и в Вильне. Стриковский в числе гостей именует и Датского Короля, Эрика (что сомнительно). Означен-

ное количество меду и запасов отпускалось ежедневно на пиры в Луцке; но Виленские не уступали им в роскоши. На первом съезде Сигизмунд предложил Литов. Князю назваться Королем; а второй съезд был для ожидаемой коронации Витовта. В Кенигсбергском Архиве хранятся письма Витовтовы о сих происшествиях к Магистру Немецк. Ордена, Павлу Русдорфу: в одном (от 17 Генв. 1429) сказано, что Ягайло уже в Луцке, а Сигизмунд скоро будет; в другом (Авг. 1430) говорится о Вел. Князе Московском, приехавшем к нему вместе с Тверским около 8 Авг.: wir beiten (erwarten) euer hie mit gutem Gemute mit den Gästen, als mit dem Grossen Fursten von der Moskaw und von Twere, und sunst mit viel andern, [мы благосклонно ожидаем вас с гостями, а именно с великим Князем Московским и Тверским и многими другими] (Длугош упоминает единственно о Татарском Царе, сверх Князей Российских).—[58]*

[263] Длугош. Hist. Polon. 559.

[264] См. *Никон. Лет.* г. 1440; Стриков. кн. XVII, гл. 5—8, и Кромера гл. XXII, стр. 337. Последний пишет: Michael apud Moschos exulans veneno; opera Lituanorum procerum, ut creditum est vulgo, in poculum infuso, extinctus est [Михаил умер в изгнании у Московитов, от яда, влитого в питье, как гласит молва, по наущению литовских вельмож], а Стриковский говорит, что какой-то Игумен Московский отравил Михаила ядом и просфоре (около 1452 года).— Подлинная Свидригайлова договорная грамота находится в Архиве Иностран. Коллегии, но так ветха, что не льзя разобрать ни одной целой строки: видно только, что говорится о свободной торговле в обеих землях, и проч. На пример: «Яз, Князь Великий Швитрикгайло, мир... с Новымгородом.... а после грамот месяц не воеватися.... А на сем яз, Кн. Вел. Швитрикгайло, крест целовал; тако же и послом Новогородским... Иван Ермолиничь... Харьиничь.... Индикта IX», то есть, 1431 г.— Свидригайло в 1432 заключил мир и с Псковитянами, от коих ездили к нему Посадники Иоаким, Алексей Ефремович и Бояре. С обеих сторон утвердили старую границу, как было при Витовте (см. *Псков. Лет.*)— В *Новог. Лет.*: «той же зиме (1436) послана Новгородци Посадьника Григорна Кириловичь к Литов. Кн. Жидимонту, и Жидимонт целова крест к Новугороду по старине».— [59]*—Из Кенигсбергского Архива прислана ко мне следующая Свидригайлова грамота, достойная замечания и слогом и содержанием: «от Великаго Князя Швитрикгайла приятелю нашему, милому Князю Павлу, Мистру Прускому. Грамоты ваши Князя Лодвиков Кунтура Къгмевьского слуга Климок принесл к нам к Смоленьску на третьей недели в Четверг по Велику дни. Пишете, иже есте готови со всими своими людми к семой недели в Ляцкую землю потягнути: то нам велми любо, што не вмешкивая дело чините. А пишете, што быхом псали прося Волоского Воеводы, што бы в тыи часы такожь с своими людми от своее стороны втягнул в Ляцкую землю: и мы к нему послали, просячи его. А пишешь о Князя Михайла и о Князя Федка, што быхом и тым от тое стороны и с Подолья Ляцкой земли велели заважати и щкодити; а о Князя Олександра о Носа ведома ещо вам не было, што приступил к нам: ино о том есмо к вам ужо послали перво грамот и словом пак приказали есмо, а потом и слугу его отпустили есмо, што послал к вам, то вжь (уже) вам

ведомо есть; ино Князю Федку велели есмо оттуль от Подольское земли заважати Ляхом, што наиболши могучи со всими тамошними людми, а и с Татары пак: занюжь и Татар с ним досыть есть; а Князь Олександр Нос от Луцкое стороны. Надеемся, имуть им много заважати и щкодити их земли; о том есмо послали к ним, ко Князю к Олександру и ко Князю Федку; но Князю Михайлу, Воеводе Киевъскому, велели есмо к собе тягнути ему. Мы жь, Бог дасть, хочом на тот жо день, на семую Суботу, со всими нашими людми и с Мистром Лифлянтьским соймася в Полоцку или где будеть споручь и нам и ему, хочом пойти в Литву на тот же рок, как и вы потягнете. А также оногды ещо у (в) Великии пост, как толко отпустив Лодвика Кунтура Къгмевьского к вам, послали есмо Боярина нашего, на имя Михайла Арбанасса, ко Царю Магметю к Орде, а после опять перед Великою ночью послали есмо к Орде жь Пана Ивашка Монивидовича, прося Царя, штобы нам такожь от себе помогл. Тот жо Михайло Арбанас приехал к нам к Смоленьску того жь дни, как Кунтуров слуга Климок: приказал с тым Михайлом к нам Царь Магметь Ордьский, молвя, как есми взял братство за-одно стояти с тобою, с своим братом с Великим Князем Швитрикгайлом, то так держу полно свое слово, свое докончанье. А послал был есмь сее зимы к тобе брату на помочь своих люди дванадцать тисячь, а с ними многих в головах Уланов Князей, и дошодшо до Киева вернулися опять: за снегом не могли далей пойти: снеги были велики; а нынечи шлю к своему брату, к тобе к Великому Князю Швитрикгайлу, на помочь сына своего большого Мамутяка Царевича, а правую руку зятя, Князя Айдара, а другого зятя, Князя Ельбердея, со многими людми; одно брат мой пришлет ко мне человека доброго, кому бых тыи свои люди дал на руки, иж бы их довел до моего брата, до Великого Князя Швитрикгайло. А о Пана Ивашка, что есмо послали к нему, ведома ему ещо не было; и сустрел тот Михайло наш Пана Ивашка в поли; надеемся вжо в Орде есть у Царя; а людей своих готовы держить Царь; отрядив с Паном Ивашком их и отпустит к нам на помочь, и сына и дву зятей тых своих со многими людми; а и то приказал к нам с тым Михайлом и на ярлыце псал на своем: будеть тых людей моих мало, а будет самого мене надобе со всими моими людми, готов есми к тобе, к своему брату Великому Князю Швитрикгайлу; одно где ми узвелишь. Так нам приказал молвить, што его неприятель, то и мой неприятель; но хочом Богу моляся с одного своего добра смотреть. А псан у Смоленьску Маия 3 дней» — вероятно, в 1432 году —59*.

[265] См. *Никон. Лет.* г. 1426 и 1429. Первое нападение было *осенью*: вероятно, еще в 1425 г. Татары, стояв в Галиче месяц, взяли Кострому 6 Генв. С дядями Великого Князя ходил к Нижнему Боярин Иван Дмитриевич.— О походе в Болгарию см. *Никон. Лет.* г. 1430.

[266] Сия грамота находится в Архиве под № 22 и 23 (см. *Собр. Госуд. Грам.* 86). В начале: «На сем, *брате молодший*, Князь Юрьи Дмитреевичь, целуй ко мне крест», и проч. Она подписана Митрополитом; в ней означен год, Индикт и день (Марта 11). В летописи: «Тое жь зимы (1431) Кн. Юрьи разверже мир».

[267] Но в таком единственно случае, когда бы Василий не оставил сыновей; и притом в завещании нет имени Юрьева, а сказано только: кто будет под тем (Василием), ино тому сыну моему Княжь Васильев удел».

[268] «Князь Юрьи Дмитр. на Рожество Богородицы бысть на Литургии у Пречистые на Сторожех, и пойде ко Орде же; и взят их к себе в улус Дорогамин Московской Мин-Булат... но добр бяше до Юрья Князь великий Ординский Ширин-Тегиня... Некто же Татарин, Усеин именем, Постелник Царев, братаничь Тегине, сказа ему думу Цареву..... Прииде Князь Великий В. В. на *Москву* на Петров день, а с ним Царев посол, Улан Царевичь: тот его садил на Великое Княжение у Пречистые у золотых дверей (в Успенском Соборе) а К. Юрьи пойде в Звенигород, а оттоле в Дмитров». Только в одном *Архангельск. Лет.* сказано, что Мурза Ханский посадил Василия на престол будто бы в *Владимире.*

[269] Великий Князь не был доволен тем, что Хан отдал Юрию Дмитров.

[270] 60* «И Микула пояс дал в приданые жь Ивану Дмитриевичю, а Иван Дмитр. дал его за своею дочерью Князю Андрею Володимировичю; по смерти же Андреевой, по Ординском приходе, Иван Дмитриевичь Княжну, Андрееву дщерь, а свою внуку, обручал за Князя Василья Юрьевича, и тот пояс дал ему». В *Архангельск. Лет.*: «на той свадбе (Великого Князя) Захарья Ивановичь Кошкин имался за пояс у Князя Василья Юрьевича у Косова, а ркучи: тот пояс пропал у меня, коли крали казну мою». Лучше верить Московскому Летописцу.— Юриевичи, уехав из Москвы, ограбили Ярославль и взяли *казны всех Князей.*

[271] «Посла противу ему (Великий Князь Юрию) Феодора Андреевича Лужа и Феодора Товаркова».— О Москов. воинах: «пияни бяху, а и с собою мед везяху, чтобы пити еще».

[272] В *набережных* сенях.

[273] В *Собрании Госуд. Грамот*, I, 99. Там сказано: «Целуй крест ко мне и к моему сыну, К. Дмитрею меньшому, и с нашим братом молодшим, К. Костянтином Дмитр., и с моими братаничи Князем Иваном и К. Михайлом Андреевичем (Можайскими, сыновьями умершего Андрея Димитриевича) и со К. Васильем Ярославичем... А держати ми тобя, Великого Князя, в старишиньстве... а детей ми своих больших, Князя Василья, да Князя Дмитрея, не приимати и до своего живота, ни моему сыну меньшому; а тобе их также не приимати... Что отчина брата нашего, Княжа Петрова Дмитреевича, Дмитров со всеми волостьми, того ми всего под тобою, под Вел. Князем, блюсти... а что есмь взял Царев ярлык на Дмитров, и тот ми ярлык тобе дати.... Что ми ся еси нынеча отступил Сурожыка, да Лучинского, да Шепковы, и Шачебала, и Ликурги, и Костромских волостей.... и Бежыцского Верха... А в Литву ти у мене помочи не имати, а к тобе ми не ездити.... а которые суды судил яз Князь Юрьи Дмитреевичь, сидя на Москве, а тех ти судов моих не посужати... А что поимана твоя казна и твоее матери, или Бояр, и мне то отдати... А что будут поклажей моих Бояр, Семеновы Федоровича, или иных, и тобе то отдати... А что Князь Василей Ярославичь имал или люди его грабили, а на то суд и исправа.

А что еси платия в Орде за мою отчину за Звенигород и за Галичь два выхода и с распанами, а о том ми с тобою розчестися.... А что есмь занял у гостей и у суконников шесть сот рублев, да заплатил есмь в твой долг в Ординской Резеп-Хозе, да Абипу в кабалы и на кабалах есмь то серебро подписал, и тобе с мене тот долг сняти, а с теми гостьми ведатися тобе».

В летописи: «Князь Великий В. В. посла Воеводу, Князя Юрья Патрикеевича, а с ним Двор свой, многие люди, на Кострому па Юрьевичев, а с ними бяше Вятчане и Галичане; и сташа на бой, на речке на Куси, и рать Вел. Князя побиша, а Воеводу, Юрья Патрикеевича, поимали, и приидоша опять на Кострому; а как Волга стала, и они ступили к Турдеевым врагом... К. В. слышав измену дяди, что на бою у детей его были Воеводы его со многими людьми, и пойде на него ратию; он же (Юрий) бежа к Белуозеру, и Князь Великий Галичь взя и сожже (в *Архангельск. Лет.* сказано, что он не взял крепости, где засели Косой и Шемяка)... и возвратися к Москве. А Князь Юрьи приде в Галичь, и посла по дети своя, и собра силу многу, и Вятчан приведе... Князь же Великой пойде противу, а с ним Князь Иван Можайской... и сретошася у Николы Св. на горе в Субботу Лазареву..... а Князь Иван Можайской беже ко Тфери: тамо бо и мати его бежала ко дочери своей; и К. В. посла к нему Андрея Федоровича Голтяева..... А Князь Юрьи присла к нему Якова Жесткова, зовя его к собе; Иван же пойде со Тфери к Юрью, и срете его у Троицы, и пойде с ним к Москве». (В *Новогород. Лет.*: «На Св. недели, Апр. в 1, приеха в Новгород Князь Вел., Василий, и выеха весь Великий Новгород ратью на поле на Заречскую сторону к Жилотугу, а Князь Великий был на Городищи, и не бысть им ничего же; и К. В. в Новегороде пребыв 3 недели 4 дни, отъеха на Тферь Апр. в 26»). «Прииде же Юрьи под Москву на Страстной недели в Среду, и стоя под городом неделю... и взя Москву, и Княгинь Великих посла в Звенигород. Во *Псков. Лет.* сказано так о начале войны между Юрием и Великим Князем: «К. В. пойде ратью па Князя Юрья, а через мирную руку и правду, церкви пожже в Галиче и монастыри, и много народу посече, а К. Юрья ту не бысть; и приде в Переслав, и учини пакость велику».

[274] «Преставися (в 1432 г.) дядя В. К. Василия, Князь Андрей Можайский, в своей отчине месяца Июня, и привезоша его на Москву и положиша во Архангеле». В 1433 г. К. Иван и брат его К. Михайло Андреевичи заключили союз с Василием, жившим тогда в Коломне: см. их договор в *Собрании Государствен. Грамот*, I, 92.

[275] См. *Собр. Госуд. Грамот* стр. 90. В обеих грамотах Юрий называется *Великим Князем*. В Рязанской сказано: «Тобе, Вел. Князю Юрью Дмитр., отчины моей Княженья Рязанского, Переславля и Пронска по реку Оку блюсти подо мною... а в *Тулу* и в Берестий тобе и твоим детем не вступатись... А со Князем еси с Пронским и с его братьею любовь взял; а что ся промеж нас учинить, ино меж нас управить тобе, Вел. Князю... а с Торуским Князем взяти ми любовь, зане те Князи с тобою один человек. А Новосильские Князи добьют челом тобе, и мне с ними взяти любовь... А что будет покупил в Мещерских местех дед мой и отец мой и яз или мои Бояре, и в та места мне не всту-

патись: знати нам свое серебро, а земля к Мещере, как было при В. К. Иване Ярославиче и при Князи Александре Уковиче... а *Князи Мещерские* не имут тобе, Вел. Князю, править, и мне их не примать... А что будет в моей вотчине Егедеева полону, коли был Егедей у Москвы, тех ми отпустити, а с купленых окуп взяти; также и Царевичь Махмут-Хозя как был у тобе в Галиче ратью... А что есми посылал свою рать с твоим братычем, со Князем с Васильем, и воевали и грабили, ино тому всему погреб», и проч. В *Родословной Книге* (II, 239) сказано о *Мещерских Князьях* так: «В лето 6706 (1198) Князь Ширинской Бахмет, Усеинов сын, пришел из Большие Орды в Мещеру, и Мещеру воевал, и засел ее, и родился у него сын Беклемиш, и крестился Беклемиш, и назван Михаилом, и в Андрееве городе поставил храм Преображения, и с собою крестил многих людей. У Князь Михайла сын Князь Федор, у Федора Юрьи, и Князь Юрьи был на Дону, пришел из Мещеры к В. К. Дмитрию Ивановичу с своим полком. У Юрьи сын Князь *Александр*»: сей-то Александр есть *Укович*, продавший Мещеру Димитрию Донскому (см. выше, стр. 63); но Князь Ширинской Бахмет вышел из Орды без сомнения гораздо после 1198 года, когда еще и Большой Орды не было.

[276] *Собр. Госуд. Грамот*, 105. Юрий отказывает Косому Звенигород, разные села, и между прочим Тамашенские луга на Перерве; Шемяке Рузу, а Красному Галич с соляными варницами (кроме церковных), Вышегород, и между прочими деревнями Подмосковное сельцо *Сущевское* с *Ходынским* лугом: Московские же доходы, Дмитров, Вятку, двор, загородный сад и садик всем трем вместе. Далее: «Благословляю сына своего, Василья, икона пречистая Богородица, окована золотом, Смоленская; а благословляю сына своего, Дмитрея, икона Спас окована, что мя ею благословила Княгиня Марья Данилова; а благословляю сына своего, Дмитрея меньшаго, икона Пречистая золотом окована, что мя благословила мати моя Княгиня Велика. А что из золота, даю сыну своему Василью пояс золот с каменьем на чепех без ремени; а Дмитрею, сыну своему, даю пояс золот на червьчати ремени; а Дмитрею, сыну своему меньшему, даю пояс золот с каменьем без ремени, чем мя благословил отец мой. А что моего осталося золота, или женчугу, или матери его золота, или женчугу, а тем благословляю сына своего, Дмитрея меньшего. А Бог даст, будет Митрополит на Русь, и яз ему велел дати блюдо свое большее двоколечное... А писал есьми грамоту сю перед Бояры».

В Архангельском Соборе на гробе Юриевом изображены год и число его смерти: «л. 6940, Авг. 19»; но в том и в другом ошибка. По всем летописям он скончался в 6942 году, а по *Арханг. Лет.* 6 Июня. Сия надпись без сомнения не есть древняя.

[277] См. о Константине выше, примеч. 122, а грамоту в *Собр. Госуд. Грамот*, 107. Начало: «Божиею милостию и Пречистыя Его Богоматере и *по нашей любви*», и проч. Далее: «што еси взял у Семена у Аминева пасынка в Тростне в своем имяни, и то село твое (в Звенигородской области)... А што, брате, еще в целованьи будучи со мною, не додал ми еси в выходы серебра и в Ординские проторы, и што есмь посылал киличеев своих ко Царем, к Кичим-Ахметю и к Сиди-Ахметю, а то ти мне, брате,

отдати по розочту... а што в наше розмирье (было), а тому всему *дерть*» (забвение).

[278] В Синод. *Псков. Лет.*: «Князь Василий Юрьевичь, побрав злато и сребро казну отца своего, и градский запас весь и *пускичи* (пушки) и подоймя с собою Князя Романа *Переяславскаго* (вероятно бывшего Наместником в *Переславле*) побеже к Новугороду... и егда прибеже в Новгород, а Князь Роман побеже от него; он же, поимав его, повеле отсещи руку и ногу, и умре; а сам Кн. Василий Юрьевичь, на Городище пожив 8 недель, поеха на Заволочье».— В *Никон. Лет.* и в других: «Косой, шед на Кострому, нача собирати воя... и приеха в Новгород... и пойде и пограби по Мсте реце и по Бежецком Верху и по Заволочью... и пойде с Костромы со многими силами к Москве, а Князь Великий противу... и сретошась в Ярославской отчине у Козмы и Дамияна на Которосли, Генв. в 6 (1435), и поможе Бог Вел. Князю, а Косой убеже в Кашин... и пойде изгоном к Вологде на Вел. Князя заставу... и тамо Воеводу поимал, Феодора Михайловича Челядну, Андрея Федоровича Голтяева, Володимера Андреевича Зворьксима, Михайла Чепчика и иных; и пойде к Костроме, и посла по Вятчан, и приидоша к нему... а Князь Великий пойде на него, и ста на мысе у Св. Ипатия межи Волги и Костромы, и не лзе бе битися им, межи бо их река Кострома, и взяша мир... а весна была вельми студена». (Между рукописями Императорской Библиотеки находится список мирного договора, заключенного тогда между Великим Князем и Косым). Далее: «Косой же пришед в Дмитров, и пребысть в нем 1 месяц... и пойде опять на Кострому, а к Вел. Князю розметные послал, а жил на Костроме до пути зимняго, а на пути пойде к Галичю, а из Галича к Устюгу, и на Кичьменгу на верх Югу реки приде в Николинь день, а на Устюг под город Гледен Генв. в 1 (1436), а ждал Вятчан и стоял 9 недель, и на всяк день приступал, а города не взял; а на городе был Воевода Вел. Князя, Князь Глеб Ивановичь Оболенский; а волости выпустошил, а после Гледен взял на целованье, а Князя Глеба взял душею на праве, да его убил, и положен бысть в Соборн. церкви на Устюзе; а *Десятиньника* Владычня, Иева Булатова, повесил, и много Устюжан казнил, вешал, секл».

[279] «А пристав у него Иван Старков, а Наместник на Коломне он же... Тое же весны, в 4 неделю поста Великого, пойде Кн. В. Ю. Косой похваляся на Великого Князя... а К. В. стретил его на Скоротине в Ростов. области».

[280] Об нем сказано в *Псков. Лет.*: «Приеха во Псков из Риги (в 1436 г.) от Местера Князь Иван Баба, а в своем безвременьи, и пребыв в Пскове до полузимы, поеха на Москву».

[281] «Угони Косого Борис Тоболин, и нача кликати: *ось Князь Василей Юрьевичь*! и пригна к нему Князь Иван Баба». Далее в *Арханг. Лет.* стр. 122: «А когда К. Василий Юрьевичь перевезлся Волгу, и пойде конною силою на Нерехту, а Вятчан отпустил 400 в судех к Ярославлю, а Князь Великий чаял судовые силы много со Князем Васильем, и он велел Князю Александру Федоровичю Брюхатому Ярославскому с Ярославцы и с Углечяны в судех быти под Ярославлем, а силы с ним 7000, а Вятчяня, не дошед до Ярославля за 15 верст на усть речки Тунашмы, суды оставя в речке, а сами пеши поскочили за Князем Василь-

ем, да не поспели на бой, стретили беглых с бою, а сказывают, что Князя Василья на бою поимали. И Вятчяня побегли взад подле Которосль реку вниз, а уж нощь, и прибегли близ Ярославля на светлой заре, аж Чернец един едет по Которосле вверх, и начаша спрашивати его: где Князь Александр стоит? Чернец же чаяв Князь Александровы люди, и рече им: близ на усть Которосли шатром стоит на Волзе со всею силою, а иные в Которосли, а Княгини со Княземь спит в шатре. А того утра была мгла велика: Вятчяняж здумавше и. кинувся скоро, Князя Александра и со Княгинею поимавше, и вметалися во Княжие же суды, и от берегу отпехнулися на Волгу, а всех Вятчан 40; рать же Князь Александрова вся спала, и вскакали, начаша хватати доспехи; Вятчяня же пловучи вниз по Волзе со Князем и со Княгинею, и стоячи над Князем и над Княгинею с копьи и с топбры, и реша: один на нас стрелу стрелит, мы Князя и Княгиню погубим; Князь же нача кликати Ярославцем и Угличаном, чтобы не стреляли. Вятчаняж перегребшися за Волгу, и сташа, и нача Князь за себя и за Княгиню сулить окуп 400 рублев. Вятчаня же велеша послати по казну в город Ярославль, и Казначей Княжей казну привезл: Вятчяня же вземше казну, а Князя Александра и со Княгинею не отпустили; а побегли к Вятке мимо Казань в судех, а Князя и с Княгинею свели к Вятке неволею. Приде же весть Великому Князю на Москву, что Вятчяня Князя Александра и со Княгинею поимали, и на Вятку свели, и Князь Великий велел Князю Василью Косому очи выняти Маия в 21 день».

[282] *Собр. Госуд. Грамот*, 118: «А Москва нам, господине, с тобою держати по душевной грамоте деда нашего... А что ввел зять твой, Князь Александр Ивановичь, отцю моему четыре села, в долгу в пяти сот рублех, и тобе то, господине, мне и моему брату оправити по докончанью; а запрится твой сестричь, и тобе В. Князю взяти у него суд». Сия грамота писана в Москве, Июня 13, с означениемъ Индикта XIV.— Косой умер в 1448 году.

[283] «Устюжане (в 1425 г.) воеваша Заволочскую землю... Того же лета Новогородци ходиша ратью к Устюгу». Далее: «Посадники Новогород. Иван Васильевичь, да Григорий Кириловичь, да Тысяцкий Федор Елисеевичь, Есип Васильевичь, Ананья Семеновичь, Остафей Есиповичь, а с Рушапы Федор Остафьевичь, Михайло Буйносов и Порховичи, идоша (в 1435 г.) тремя путьми, и казниша *Ржевичь*, и села пожгоша по Ржеве по Плесковскый рубеж и на Бардове». Здесь говорится не о Московском и Тверском Ржеве, но об нынешнем Псковском Новоржеве, который назывался прежде *Ржевою Пустою*. Далее: «Той же зимы В. К. Василей целоваше крест к Вел. Новуграду, что отступитися ему Новогород. отчины и слати своих Бояр на розвод земли на Петров день; а Новогородским Бояром отступитись Княжчин, где ни есть. Послаша Новогородци (в 1436 г.) на отвод земли на Бежитьский Врьх Посадника Григория Кириловича и Ивана Максимовичь, а Житьих Кузму Тарасина, Ивана Максимова, а иных на Ламский Волок и на Вологду».— Далее: «приеха (в 1437 г.) с Москвы в Новгород от Князя Вел. К. Юрьи Патрикеевичь черного бору прошати, и Новогородци даша». Грамота, тогда писанная, находится в Пушкинском собрании Двинских грамот: вот она:

«От Посадника В. Новагорода Степенного Офонаса Остафьевича, и от всех Старых Посадников, и от Тысяцкого Степенного Михаила Ондреевича, и от всех Старых Тысяцких, и от Бояр, и от Житьих людей, и от купцов, и от черных людей, и от всего В. Новагорода на Вече на Ярославле дворе: Се дахом черный бор на сей год Великому Князю Василью Васильевичу всея Руси. А послал К. В. на черный бор Семена Яковлича в *Торжок*: а брати Князь Великого черноборцем на Новоторжских волостех на всех, куды пошло по старине: с сохи по гривне по новой; а писцу Княжу мордка с сохи; а в соху два коня, а третья припряж; да тшан кожевничской за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнец за соху; четыре пещци за соху; лодья за две сохи; *урен* [61*]–(см. Т. II, примеч. 267) –[61*] за две сохи. А кто сидит на исполовь, и на том взяти за полсохи. А где будет Новгородец заехал лодьею, или лавкою торгует, или староста, на том не взяти. А кто будет одерноватый, емлет месячину, на том не взяти. А кто поверга свой двор, а вбежит в Боярский двор, или кто имет соху таити, а изобличат, на том взяти вины в двое за соху. А корм с десяти сох Князя Великого черноборцем взяти тритцать хлебцов, баран, а любо полоть мяса, трое куров, сито засны, два сыра, бекарь соли; а коневого корму пять коробей овса в старую коробью; три возы сена с десяти сох, как пошло; по две подводы от стану до стану; а брати им, куды и прежде сего черноборци брали по старине».

[284] В *Никон. Лет.*: «Того жь лета (1435) Евфимий, Владыка Новог., заложи у себя во дворе церковь Иваня Златоуст. на воротех; того жь лета и совершена бысть... и егда мастеры отступиша вси от церкви, и церковь вся и до основания падеся великим разрушением; и *се знаменье показася, яко хощет власть Новогородских Посадников и Тысячских и всех Бояр и всея земли Новогородския разрушитися*».

[285] Послы Новогородские, Архиепископ и Бояре, встретили Василия в Деревской области, у городка Демона. В *Новог. Лет.*: «В то же время Воеводы Новгородскии с Заволочаны по вотчине Князя Великого воеваша». В *Псков. Лет.*: «Вел. Князь присла посла, веля Псковичам развергнути мир с Новгородци, а сам стоял в Торжку, и Псковичи отслаша мирную грамоту Новугороду, и идоша к Порхову, и стояша 3 дни, и повоеваша Новогородец область от Литовскаго рубежа и до Немецкого в длину на 300 верст, а поперег на 50 верст; а Князь Вел. стоял под Демоном.

[286] Сие известие находится не во всех летописях: оно внесено в *Степен. Книгу* (II, 99) с таким прибавлением: «Инок свят от Вельможска роду, живый в монастыри Клопском, внезапу нача звопити в колокола, и мнози снидошася; он же яко уродствуя бяше, и всем людем, и самому Архиепископу вопия и глаголаше..... Гордыню вашу упразднит (Иоанн), и ваше самовластие разрушит, и самовольные ваши обычаи изменит, и за ваше непокорство многу беду и посечение и плен над вами сотворит, и богатство и села ваши восприимет».— По тогдашнему обыкновению давали младенцу имя Святого, коему празднуют в день его рождения, а при крещении другое.

[287] См. Лызлова и *Казанск. Историю*, стр. 77. Но в договоре, заключенном между Величим Князем и Шемякою в

1436 году, говорится о дани Ханской: «а Орда, господине, управливати и знати тобе, а у мене ти имати *выход* по старым дефтерем».— В летописи: «Приходиша (в 1437 г.) Татарове на Рязань, и украйные села поимаша, и возвратишася во свояси... Татарове (в 1439 г.) воеваша Рязань, и много зла учиниша, и отъидоша».— Махмет, как мы описали, утвердил Василия на Великом Княжении. Брат его именуется в грамоте 1434 года (см. выше, примеч. 277) Кичим-Ахмет, а в некоторых летописях Кичи-Махмет.

[288] «Убиен же бысть в городе Князь Петр Кузминской, да Семен Волынец: гнашася бо те за Татары до половины града, а прочии вои от града возвратишася».— О бегстве Россиян: «Бысть же сие Дек. в 5 убиени же быша на том бою Андрей Костянтиновичь Шонуров, К. Федор Торусский, К. Андрей Стародубский, Лобан, Микита Туриков, Семен Горсткин, Кузма Порховской, Иван Кузминской, Андрей Хоробров, Дмитрей Кака, и иных множество».

В *Арханг. Лет.* рассказаны обстоятельства иначе: «Воеводы Вел. Князя изошли Татар под городом безвестно, и Царь против города сел в острозе, а учал бити челом.... а Григорей Протасьев, Воевода Мченский, учал Царю норовити, а Воеводам Вел. Князя — ибо Григорий был Литовским, а не Московским подданным — говорити так: К. В. прислал ко мне, битися со Царем не велел, а велел миритися и полки распустити; и Воеводы учали слабети, и на ту ночь Григорей Протасьев послал своего человека ко Царю в острог, а ркучи тако: чтобы еси утре на рать Великого Князя пришел; и того утра мгла бысть велика, и Царь пришел, а сторожи Руския не видали, а учали Русь сечи, а Григорей Протасьев наперед всех побежал, кличючи: побежи! побежи! и побегоша».[62*]

[289] См. выше, примеч. 176, *Казанск. Лет.* в *Казанск. Истории* Рычкова стр. 81, и Лызлова *Скиф. Ист.* I, 86. Казанский Летописец рассказывает, что Улу-Махмет сделал себе ледяной городок и перед битвою молился в пустой церкви Христианской; что какой-то чудесный свет вывел его из укрепления и дал ему смелость ударить на Россиян; что у Шемяки было 20 000 Москвитян, 10 000 Тверских и 10 000 Рязанских воинов, и проч.— По другому сказанию, первым Царем в Казани был сын Улу-Махмета, Мамутяк (см. ниже, примеч. 329). Далее в летописи: «Того же лета (1439) Махмет приходил к Москве Июля в 3, в Пяток... и стояв 10 дней, пойде прочь, и идучи назад досталь Коломны пожегл, а людей пленил, а иных изсекл..... Тоя же осени (1439) Царь Ахмет (Кичим-Ахмет) Болшия Орды убил Болшаго своего Князя Ординскаго, Мансупа, и много Татар избиено бысть в Орде; не точию же тамо, но и в иных Ордах мятеж бысть и межиусобныя брани».

[290] *Собр. Госуд. Грам.* 130. В сей грамоте сказано: «также и нынеча што будете взяли на Москве *нынешним приходом* у меня, и у моее матери, и вам то отдати». Кажется, что Юрьевичи имели перед сим войну с Великим Князем; но в летописях нет о том ни слова. Далее упоминается о *поручнике* К. Дм. Ряполовского, о К. Ив. Засеке, о должнике Васил. Вепреве. На обороте: «А подписал Федько Дьяк... в лето 6948 (1440) Июня в 24».

[291] «Сент. в 22 преставися К. Дм. Юрьевичь Красной... пре-

же бо глухота ему бысть и болячка в нем движеся... и Священник со причастием в сенех ожидая. Отец же его духовный, Осия именем, Священноинок, заткну ему бумажкою ноздри: Князь же встав срете причастие в дверех... и возлеже... и покуша от ух мясныя и рыбныя, и вина чашу испи, рече своим: выступите вон; дадите ми упокой; заснути ми ся хощет. Они же возрадовашася, мняше кровь ту за пот, и поидоша ясти к Деонисию Фомину; и как бысть уже вечер, и се един притече к Осин (ту бе и Диякон Княжь Дементей) и рече: Князь отходит... и пришед канон на исход души и молитву промолвиша и отдаде дух. Осия же загнете ему очи и покры его.... Един Диякон не испил тогда, но лег противу Князя на другой лавице, зряще пань... и яко же бысть в полунощи, Князь же скину одеяло и рече великим гласом: *Петр же позна, яко Господь есть*... Потóм же нача пети демеством: *Господа пойте*... таже аллилуия, стих Богородичной.... а пояше очи смежив, а тело на нем яко же у живаго. Пред Утренею же нача тишати, и по Утрени отец его духовный приспе с причастием запасным, а Князь таки не зглядывал. Осия же двинул по устом лжицею, и Князь возгляну... и рече: *радуйся утроба Божествен. воплощения* — и причастися, и в Понедельник той и во Вторник глаголаше от Писаний и пояше стихи; и людей знаяше, и глаголаше к ним, но не по ряду... а кто что к нему ни промолвит, того не слышаше. В Среду же преста говорити, а люди знаяше; в Четверток же, в Обедню, егда начаша чести Евангелие, отдаде дух Сент. в 22... И Бояре послаша по Князя Шемяку на Угличь, а его нарядив, яко же достояше над мертвыми, несоша в церковь Св. Левонтия, а церковь та без пения стояше... В осьмый же день приде Шемяка, и тогда отпевше надгробная, и положиша его в колоду, и осмоливше с полстьми, повезоша на Москву на носилех... и дважды срониша его; привезоша же на Москву Окт. в 14... По отпетии же разсекоша о нем колоду, мняще толико кости обрести», и проч.— В *Арханг. Лет.* сказано, что Шемяка будто бы содержался тогда под стражею в Коломне, и по смерти брата освобожденный, был отпущен в Углич.

[292] *Степен. Кн.* II, 40: «Апреля в 20, в Пяток Св. Пасхи, по утренней службе Митрополиту пришедшу в ложницу свою и немощи ради возлегшу на одре, и почивающу, и внезапу зрит, с полунощныя страны вниде яко человек зело светел, власы имея яко златы, и венец на главе, и одежда его бяше преудобрена паче смысла человеческаго и посох злат имеяше в руке, и ста пред Святителем и не глагола ничто же. Фотий же рече: *кто еси ты, удививый мене? писано бо есть, не входяй дверми тать есть*. Тогда глагола ему: *есмь Божий Ангел... Се дает ти Христос Бог седмицу*.... Жив же Фотий по явлении лето едино и месяца три и дний 20». Тут же и грамота Фотиева, в коей между прочим сказано: «Ведомо всем, что како есми пришел на Митрополию, не нашел есми ничто же в дому церковнем Митрополитстем: все запустело... Ведомо же всем, что како от пожара грамоты вси погорели церковныя», и проч. Он скончался 8 Июля, и был погребен в Успенск. Соборе на правой стороне, где находился гроб Киприана Митрополита. Мы имеем разные сочинения Фотиевы, в коих видны ум, знания богословские и красноречие: 1) *Послания во Псков о Стригольниках*, которые в

его время снова явились (см. выше, примеч. 124); 2) *Слово к Иереям и Монахам*; 3) *Слово к Епископам*; 4) *Послания к народу, Правительству и Духовенству Псковскому*, в коих Митрополит жалуется, что Иереи в крещении употребляют миро *Латинское*, а не *святое*, и перед судиями гражданскими дают присягу в полном Священническом одеянии, и проч.; 5) *Послание в Новгород к Архиепископу Иоанну* и к мирским чиновникам о соблюдении Христианских добродетелей, и проч. (см. в Синод. библиотеке книгу под № 164).

В *Новог. Лет.* Попа Иоанна г. 1434: «той весны поеха на поставление Евфимий к Митрополиту Герасиму в Смоленск. Апр. в 11». См. выше примеч. 243. В *Псков. Лет.* г. 1434: «тоя осени Герасим Владыка приеха из Царяграда в Смоленьско от Патриарха поставлен Митрополитом на Рускую землю, а на Москву того ради не поеха, Князи Великии заратишась межу собою».

Степен. Кн. II, 69—71: «Иона бысть родом от мест града Галича близь предел Казанския земли, растояние имея от Соли Галическия яко шесть верст на реце на Святице, родися от отца благочестива, имянем Феодора, зовомаго Одноуша, идеже ныне погост по его имени Одноушево именуемо, его же той Одноуш дал в Дом Соборной церкви Пречистыя, иже на Москве... И двунадесятим летом исполнившимся от рожества его, во Мнишеский образ облечеся... и прииде во обитель на Симоново, иже на Москве, и тамо подвизашеся... с блаженным Варфоломеем, и с Иваном Златым, и Игнатием иконником, не дадуще никакому безчинию бывати в монастыри, ни самому Архимариту не попущаху... аще и многу скорбь и опечаление приимаху... Блаженнаго Варфоломея по мнозех летех преставления его показа Бог стояща в церкви на месте, идеже в животе еще обычай имея молитися, якоже о сих свидетельствует в духовном завещании преподобнаго Иосифа Волоцкаго... Прииде некогда Фотий Митрополит во обитель на Симоново в пекольницу, иже есть хлебня, и виде сего блаженнаго Иону уснувша от великого воздержания и десную свою руку на главе своей держаше согбену, яко благословляше ею. Святитель же, пророчествуя о нем, глаголаше», и проч. В *Послании Рос. Митрополитов* (Синод. библиот. № 164, л. 104) есть так называемое *поручение Митрополиту Московскому* — вероятно, избранному тогда Ионе — *на Киевскую Митрополию от Короля* Казимира. В сей грамоте сказано: «Как бывало за отца нашего, Короля Володислава, и В. К. Витовта, мы Казимир, Божиею милостию и проч. гадавше и добре смотривше с нашим братом, с В. Князем, и с нашими Князьми и Паны, и с нашею Радою, полюбили есмо собе отцем Митрополитом»... Имени нет. Далее: «дали есми ему столець Митрополичь Киевский и всея Руси, как бывало по уставлению... Про то же Князи наши, Епископи и Бояре, и Архимандриты, и Игумени, и Попове, и весь Посполитый народ имеете его и чтите... Притом во избраньи были стрыйко наш, К. Швитригайло, брат Кн. Александро Володимеровичь, Князь Матей Бискуп Виленский, Воевода Виленьский Пан Кгаставт, Воевода Троцкий Пан Монивид, Воев. Новогородский, Маршалок Земьский, Пан Петраш Монтикгирдовичь, Пан Судивой, Наместник Ковеньский, Пан Виленский, Наместник Смоленский, Пан Семен Къгедикголъдовичь, Пан Ондрей Неми-

ровичь, Пан Ондрей Исаковичь, Намест. Полоцкий, Пан Юрша Староста Бряславский, Пан Михайло Канцлер, и иных многих наших Князей и Панов. А дана в Вильне».

[293] См. Флёри Hist Eccl. XV, 593, г. 1463, и *Степен. Кн.* II, 71.

[294] См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1437—1440.— Грека Сильвестра Сгуропула Hist. Concilii Florentini, переведенную на Латинский язык Робертом Крейтоном (Creyghton) — Льва Аллация (Allacii) Exercitationes in Creyghtoni Apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor. scriptam a Sguropulo — Мозгейма Kirchengeschichte, V, 50 — Флёри Hist Eccl. XV — *Никон. Лет.*, *Степен. Кн.* II и две рукописи Синодальн. библиотеки № 364 и Архив. № 10, где сказано в заглавии: *Повесть Симеона Суздальскаго о осьмом Соборе.*

[295] *Степен. Кн.* II, 72. В *Псков. Лет.* г. 1435: «Того же лета Князь Литовский Свитригайло пойма Митрополита Герасима в городе Смоленьске и окова твердо железы, и спровади в Видбеск, и держав на крепости 4 месяци, сожже огнем Иуля 26, за толику вину, что перевет на него дръжал к Князю Жидимонту, и выня у него грамоты переветныя».— Исидор приехал в Москву во Вторник Святой Недели (в 1437 г.).

[296] Сие описание находится в Синодальн. библ. № 329 и напечатано в *Древ. Рос. Вивлиоф.* VI, 27. Советуем любопытным прочитать его.[63*]— В *Псков. Лет.*: «Приеха во Псков Сидор Митрополит Дек. в 6 (г. 1437) и в Св. Троице Литургию сверши, и пребысть 7 недель, и отъя суд и печать и воды, и землю, и вси пришлины Владычни, и на тех оброцех посади Наместника своего, Геласия Архимандрита, а сам поеха на осьмый Собор». Письмо Великого Магистра Немецкого к Исидору сообщено мне из Кенигсбергского Архива под № 736. Оно так начинается: Alehrwirdigster Vater und Grosmechtiger, besunder lieber Herr [Досточтимый Отец и могущественный дражайший Господин]! Вот содержание: «Сведав от вашего посланного и Маршала Ливонского, что вы, ревностно желая способствовать единомыслию в Христианстве, спешите на Собор Италиянский, но доселе не могли безопасно проехать чрез Самогитию, писал я о том к Вел. Герцогу Литовскому Сигизмунду, который и доставил мне пропуск и другую, по-Руски писанную бумагу, вместе с Немецким письмом: что все к вам посылаю. Увидите, что Герцог не ручается за Самогитию. И так посоветуйтесь с Маршалом и с иными Орденскими чиновниками, а в особенности с Архиепископом Рижским, как вам лучше ехать, берегом ли (obir den Strant) или другим путем. Архидиакон Вашего Высокопреосвященства (euwir Herlichkeit), отправленный вами наперед в Италию, получил от нас оберегательную грамоту на путь», и проч.[64*]— Между рукописями Иосифова Волоколамского монастыря, № 665, л. 352, есть перевод *опасной грамоты*, данной Папою Тверскому Боярину Фоме для его возвращения в Россию. Сказано: «Евгений... всем и коимуждо, к ним же настоящая сиа писанна приидут, Св. Апост. благословение. Как возлюбленный сын, благородный муж Фома, Руский Посол, благоговеиа виною (за духовным делом) в Рим ныне приходил, и к некоим мира частем, также и к своим возвращаяся, дойти умышляет, и мы хощем того Фому с товарыщи и со служебники его, числом с десятми, и с

рухлядми их всякими итти и стояти полным везде безбоязнием и опасением радоватися... Подвластным убо нашим заповедаем... того Фому с товарищи... свободно пропущати... не давайте обидети, но паче ему о опасном путешествии и о приимании в домы и о провожании их... тако же ласкою промыслити... чтобы он возмогл нами ему порученная совершити, да от того к нам и к седалищю Апостольскому приидет благоговение... Дан в Флорентии, в лето Воплощения Господня 1438» (1439?)».-64*

297 Собор Базельский склонял и Греков на свою сторону, отводя их от Папы.

298 Наши Летописцы говорят, что Греки, а не Паписты сидели на правой стороне.

299 Сгуропул. Hist. Conc. Florent. гл. VII.

300 Сгуропул. Hist. Conc. Flor. и рукопись Синод. библ. № 364, где так предложена речь Иоаннова: «Мы оставихом отчество наше и приидохом с великим трудом, ищуще единения церкви, и да престанут соблазны... и вси вы потрудишася ради надежды наследников своих; аз же един за едину надежду всем труждаюся и злостражду, яко да прииму от Бога прощение: зане ниже дети имеют, ниже иныя чести хощу, токмо сего ради и ради рода Греческаго творю, яко да возвратися в отчество наше с честию съединени», и проч. Это, кажется, перевод с Греческого. У Сгуропула все подробнее.

301 См. *Древн. Рос. Вивлиоф.* VI, 43.

302 См. их имена в Синодальн. рукописи № 364, стр. 1473—1476.— Повесть Симеона Суздальского о Флорент. Соборе (см. выше, примеч. 294) заключается так: «Посла Папа Бископа своего Христофора к Епископу Суздалскому, дабы и он подписал; ему же не хотящу сего сотворити, Митрополит Исидор ят его и заключи в темницу и сидел неделю, и той подписал нуждею. Видевшу же мне такую прелесть, и Митрополиту многажды глаголах вопреки: он же мене укоряше, и наедине многажды томляше мя; мне же укрепльшуся и не послушал его ни в чем, но идох ко Св. Марку Митрополиту Ефесскому (еще убо ему тогда за стражи седящу) и поклонихся ему, и вся сказа, яже о мне; он же благослови мя, и оттоле никакова зла не приях. Потом же Папа даде Царю честь велию и дары многия, не прихода ради, но подписания ради, и пойде Царь от града того Августа в 26 день, и приеха в Венецыю: Венеция же град стоит среди моря; и пребысть Царь в Венеции 53 дни, и оттоле пойде морем, и на том пути постиже его смертный час, и погребен на земли, его же и земля трижды изрину из себе. Исидор же Московский Митрополит похвалися Папе, сице рече, яко вси Князи и люди в моей руке суть и Епископи; ни един противу мене не может глаголати; а Князь Великий млад есть, и той в моей воли; а ныне вси Князи боятся мене. И того ради Папа даде ему область Православных Патриархов в первых не поминати, ни православных Царей в начале не поминати; а на том Исидор Папе приклякнул. Папа же даде ему много злата, и пойде Исидор от Папы Септемврия в 14 день, и приеха в Венецыю, и пребысть ходя по божницам, и приклякая как и Фрязи; и нам тако же повелеваше. Пойде из Венецыи посол Фома; аз же видев такую великую ересь, и пойде с послом Декемврия в 9 день и прииде в Великий Новъград, и все лето пребысть у Владыки Евфимиа».

[303] Император прибыл в Константинополь 1 Февр. 1440.

[304] Скандербег помогал Фердинанду Аррагонскому против Графа д'Анжу. История сего Албанского Героя издана Иезуитом дю-Понсе (Poncet) в 1709 году.

[305] Исидор получил Кардинальское достоинство 18 Дек. 1439 г.— Евгений пишет (в Райнальд. Annal. Eccl.) к Исидору: Venerabili fratri Isidoro *Kieu* ac totius Russiae Metropolitae in Lituaniae, Livoniae et Russiae provinciis, ac in civitatibus, dioecesibus, terris et locis Lechiae, quae tibi jure Metropolitico subesse noscuntur, Apostolicae sedis Legato salutem [Досточтимому брату Исидору, Митрополиту Киевскому и всея Руси, апостольскому Легату в Литве, Ливонии и Русских землях, и в городах, диоцезах и землях Польши, которые, как известно, подчинены твоей власти Митрополита] и проч.

[306] По *Никон. Лет.* Исидор приехал в Будин Марта 5 в 1441 году, но это ошибка (см. ниже).— В *Каталоге Рос. Епископов* сказано несправедливо, что Киевское Духовенство выгнало Исидора: оно не отреклось повиноваться и преемнику его, Григорию. В *Новогород. Лет.*: «Исидор нача зватися Легатосом от ребра Апостольского Седалища и нача поминати Папу и иныя вещи, их же неколи же слышахом от крещения Русской земли, и поведе в Лятьскых божницах Рускым Попом служити, а в Рускых церквах Капланом. Литва же и Русь о том не вняша».

Никон. Лет. г. 1441, стр. 155: «*Послание Евгения Папы Римскаго к Великому Князю о Исидоре Митрополите.* Евгений Епископ, раб рабом Божиим, превысокому Князю Василию Васильевичу Московскому и всеа Русии Великому Царю спасение и Апостольское благословение. Благодарим Вседержителя Господа Бога, якоже ныне по мнозех трудех, Духа Святаго благодати помощию, Восточная Церкви с нами едина есть, еже ко спасению идет душ многих людей, и к *твоей славе и хвале* пишется; и к сему единачеству и согласию многое поможение и поспешение честнейшаго брата нашего, Исидора Митрополита твоего Киевского и всеа Русии и от Апостольского престола посла, иже за свое благое крепчайше потрудился о соединении. И того ради потребно есть помогати ему каждому во всех делех, а наипаче в сих делех, еже пристояние имеет ко достоинству и чину церковному, врученну ему; а твое превысочайшее в Господа Иисуса Христа со многим желанием просим сего Митрополита Исидора о оправдании, и о добре церковнем прежереченнем, да приимеши его Бога ради и нас для, занеже то с желанием и со многим раченнем к тебе о нем призываем во всех вещех, еже имаши видети от него о церковней пошлине пристояние, да будеши помощник ему усердно всею своею мышцею; еже да будет хвала и слава от людей, а от нас благословение, а от Бога вечное дарование да имаши. А дано в Флорентии Священства нашего в 9 лето».

[307] См. Ходык. Dissert.— В *Псков. Лет.*: «Тоя же осени на Покров Св. Богородицы (в 1440 году) приеха в Литву Митрополит Исидор от Римьскаго Папы, и присла в Псков своя грамоты и благословение, и своего Наместника, Архимандрита Геласия, сведе, и потóм присла Архимандрита Григория, Генв. в 18... Тоя же весны приеха из Литвы на Москву Исидор на Вербной недели... Убежа с Москвы на Тферь Митроп. Исидор,

и Князь Тферскый Борис, приимь его, за приставы посади, и потом отпусти в Великий пост на Средокрестной недели, и поеха в Литву к Князю Казимиру в Новый Городець». В *Никон. Лет.*: «Исидор нощию, исшед тайно, бегу ятся и со ученики своими с Черндем Григорием и Афанасием, и побежа с Москвы ко Тфери, а изо Тфери к Литве, да и к Риму».

См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1458. Исидор назывался *Митрополитом Российским* и *Епископом Сабинским.*

308 *Архивск. Лет.* № 8, г. 6951, л. 97: «Того же лета К. В. посла во Царьгород Полуехта Моря, что был послом во Цареграде со Иопою Епископом Рязанским, и с ним посла писание сицево: Державнейший, боговенчанный, высочайший Царю Греческий! брат святаго ти Царства, Великий Князь Московский и всея Руси, достойное», и проч. О путешествии Ионы в Константинополь сказано: «Послахом же и посла нашего с ним *Боярина Василья* с прошением святому вашему Царству, к Святейшему Патриарху и к божественному священному Собору с грамотами».— Об Исидоре: «Колико возбраняхом ему, да не пойдеть (на Собор в Италию)! Он же нача изветы сицевыя творити, глаголя, яко не мощно ми есть, яко да не пойду; имам от Святейшаго Патриарха вместо благословения клятву восприяти, яко и рукописание дах на собя».— Далее: «Мы же по святым правилам собравше во отечествии нашем, в Рустей земле, боголюбивыя Епископы... избравше человека добра, мужа духовна, верою православна, да поставят нам Митрополита на Русь: понеже прежь сего за нужу поставление в Руси Митрополитом бывало».

309 В *Степен. Кн.* II, 77: «Св. же Иона прииде с Углеча на Москву (в 1446 году) ему же Шемяка жити повеле на Митропольи дворе, понеже *преже наречен бысть и благословен на Русскую Митрополию*». В *Архивск. Лет.* № 8, л. 102: «По сих же не малу времени минувшу, Исидор лстец второе в Рим пришед и оболга Папу: бе бо другий Папа в Риме поставлен после Евгения; сему Исидор ложными словесы поведа, яко не хощу назад ити на Руськую Митрополию, да молю твое Папежство, да пошлеши к ним в мое место Митрополита — ученика своего нарек Григорья, и рек, яко достойна суща и мудра велми языку Руському. Он же послуша моление его, постави Григорья Митрополитом на Русь, и грамоты свои х Королю и ко всем Паном и ко Князем подаваше ему, яко да приимут его». В *Степен. Кн.*, II, 78: «Злаго Исидора злейший ученик Григорий прииде от Рима в Литву, поставление имея от Цареградскаго Патриарха, отступника православныя Веры, Григория же, единоименна себе». Патриарх Константинопольский, Григорий IV Мамма, ревностный защитник Флорентийского Собора, в 1452 году уехал из Греции в Рим, где, как вероятно, он и посвятил Митрополита Григория (см. ниже, примеч. 311 и 347).— В *Каталоге* упоминается еще о Лжемитрополите Спиридоне, названном *Сатаною* и будто бы посвященном в Турецкой области согласно с волею Амурата II, около 1443 года.

310 Райнальд. Annal. Eccl. г. 1443, № 22: Universis ecclesiis, carumque Episcopis seu *Wladicis* (Владыкам), Praelatis, Clero et caeteris personis ecclesiasticis eiusdem ritus Graeci et Ruthenorum haec omnia jura, libertates, modos, consuetudines et immunitates universas duximus in perpetuum concedendas et praesentibus conce-

d'mus [Всем Церквам и их Епископам или Владыкам, Прелатам, Клиру и прочим священнослужителям греческого обряда мы навсегда подтверждаем все эти права, привилегии, обычаи и все обряды], и проч.

[311] *Архив. Лет.* № 8, л. 105: «Андрей (Казимир) Король Польский с прошанием посла к своему брату, к Вел Кн. Василью, дабы к себе принял Григорья на Русск. Митрополью: зане бо Иона Митрополит престарелся уже» (см. ниже, примеч. 347).

Литовские Епархии именованы в Булле Пия II, писанной в 1458 году. Весьма неясный перевод ее внесен в *Архивск. Лет.* № 8, л 102, под заглавием: «Послание х Королю Польскому Андрею в лето 6950 (нет, в 6966: см. ниже) от Римскаго Папы Пиуса о Митрополите, Исидорове ученике, Григории Литовском, поставленном в Риме». В ней сказано: «Хвалебный у Бога брат наш, Исидор, Бискуп Сабинский, Архиепископство Киевское и всея Руси, Церкви той подданное, которое опекание держа, в руце доброе памяти Калиста Папы, наместника (предместника) нашего, двоенадесятного дне Календ Августовых, *четвертаго лета*, добровольне пустил.... и потóм того же дня милого сына Григорья Олекта Киевскаго, тогда Опата (Аббата) монастыря С. Дмитрея Костянтинопольскаго, закона святаго Божия Капляна... Архиепископом уставил и Пастырем, яко в наших грамотах выписано есть», и проч. Следственно уже при Каллисте III Григорий сделался Митрополитом Киевским, в *четвертый* год его Первосвященства или в 1458? В *Каталоге Епископов* несправедливо сказано, что Григорий посвящен Евгением IV в 1442 г.; а Ходыкевич вместо Евгения и Пия именует Николая V, говоря, что сей Митрополит управлял Киевскою Церковию от 1452 до 1468 года.— Далее в Булле именованы Литовские Епархии, и внизу подписано: «Дано в Риме у Св. Петра, Папежства нашего *лета перваго*»: следственно в 1458 году.

Мы имеем *Рукописание Даниила, Епископа Владимирского* (Волынского) и Берестийского, в коем он признает Исидора еретиком Латинским, а Митрополита Иону единственным законным Первосвятителем Церкви Российской, говоря: «Ныне аз смиренный прежнее исповедание свое и Исидорово мне поставленье отметаю и имя Папино и осьмаго Събора сбрание, и проклинаю, и повинуюся во всем Господину своему Митрополиту Киевскому Ионе и всея Русии... К сим же исповедую, яже имать пошлины Митрополичий престол, во всем приделе моем соблюдати непреложно, и не сотворити ничто же по нужи, ни от Царя (Греческого), ни от Короля и Литов. В Князя, аще и смертию претять ми... ни единаго же от нашея Веры не пускати к Армяном свадьбы творити и кумъвства и братства, и к Латыном... Аще ли же буду оный Латинский Сбор похваляти, или Папу или того Исидора, чужд буду Святительства.... Подписал своею рукою в лето 6960 (1452), Индикт. 15, м. Окт. в 28». Сия рукопись находится в библиотеке Новогород. Соф. Собора.

[312] В *Новог. Лет.*: «Хощеши, Княже, и ты к нам поеди; а не хощеши, ино как тобе любо.... В Новегороде (Мая 11, г. 1442) пожар бысть велик на Подольи, и церквей камен. огоре 12, и Конец весь погоре до Св. Георгия, и Християн множество сгоре, и преста на Лубянице... Того же месяца погоре заполье Микитины улицы... которыи люди носилися от перваго пожару с жи-

воты своими, и ти вси погореша.... Похвативше люди иныя напрасно, а глаголюще им: втайне не ходите, людем не являетесь, зажигаете град».

[313] В Синод. *Новог. Лет.* № 349, л. 150: «в Новегороде хлеб дорог бысть, во всю десять лет по две коробии на полтину, овогда же больше, а иногда менши, часто же негде и купити; и бысть туга», и проч. Далее, г. 1444. «Приеха Кн. Иван Володимеровичь из Литов. земли отпущеньем В. К. Казимира в Новгород на пригороды, на коих был Князь Лугвень и сын его Юрьи; а Князь Юрьи Семеновичь поеха к Немцом, и Немци пути ему не даша, и он отъеха на Москву».

[314] Сие было в 1444 году. Далее в Синод. *Новог. Лет.*: «того же лета (1445) приеха с Москвы К. Юрьи Семеновичь, и Новогородци даша ему кръмление, по волости хлеб, а пригородов не даша; а Князь Иван отъеха в Литву».— В *Псков. Лет.* г. 1443: «Приеха во Псков от Князя Великого Наместником Князь Александр Васильевичь Черторизскый в Неделю Сыропустную... и Авг. в 25 приехаша послы от Великого Князя и поручиша ему Княжение, и целова крест к Князю Великому и Пскову». Так было до 1448 года, когда Псковитяне без согласия Василия приняли к себе Князя Суздальского (см. ниже, примеч. 386, г. 1448).

[315] См. Гадебуш. Livl. Jahrbüch. г. 1442. В *Псков. Лет.* г. 1443: «Псковичи послаша Посадника Федора Патрикиевичь и Прокопю судию в Ригу к Князю Местеру и взяша мир на 10 лет Сент. в 8.... Тоя же осени Князь Александр Васильевичь с Псковичи ездивше под Новый городок Немецкый и потроша жито на своей земли и поимавше 7 Чюхнов повесиша. Того же лета (1444) Князь Свейскый Выборскый с многими Свейцы приехавше на Норову и поимаша на нашей стороне Посадника Максима Ларивоновичь и с ним 30 человек без трех, а иных изсекоша, а на миру, и быша в полону год. В лето 6953 (1445) Псковичи послаша Прокопию в Выбор к Князю Карлу, и взяша Максима и дружину его на окуп, а инии тамо изомроша, а даша окупа 120 рублей, а всей проторе 150 рублей».

[316] В Синод. *Новог. Лет.*: «Тоя же осени (г. 1444) Немци у Ямы городка посад пожгоша и берег повоеваша, а в Новгород прислаша глаголюще: не мы, а воюеть вас Григорий Князь из заморья Клевскый про своего проводника и толка Ругодивца; а все то Немци лгаша... Той же зиме Новгородци, шедше за Нарову с Князем Иваном Володимеровичем, пожгоша около Ругодива и до Пудожни, а подле Нарову и до Чюдского озера. Того же лета Местерь с всеми своими вои пришедши под Яму, бивше город пушками, а из города противу такожь, и нарочитую их великую пушку заморскую намеривше из города разбиша и пущечника убиша; и от часа того нападе страх на них; а они стояша 5 дний, и в то время по Водьской земли и по Ижоре и по Неве много попленишa, а города ублюде Св. Архангел Михаил... и отъидоша; а в то время в городе был Князь Василий Юрьевичь Суздальскых Князей, а Новгородци послаша к нему сельников Лужьскых и Вольчьскых, а Ижорьскых Бояр наперед; а Новгородци с ними не пойдоша того ради, понеже тогда бяше мор на кони; а Псковичи в то время прислаша в Новгород свои послы о миру, и узреша, оже в Новьгороде много коний падуть, а Новгородци не идоша за Нарову, и отъехаша без миру... Той же зиме

(г. 1445) послаша Новгородци на съезд с Немци, с Князем Местером, Князя Юрья Сменовичь и Бояр и купцов. Местер же захоте Острова, и без миру поехаша прочь».

Из Кенигсбергского Архива получил я более двадцати бумаг, относящихся к сей войне и писанных старым Немецким языком: 1) № 737, Письмо Великого Магистра Прусского к Князю Юрию Лутвениевичу о Клевском Принце. 2) № 743, Наставление того же В. Магистра Коммандору Б *, отправляемому к Герцогу Литовскому Казимиру в 1444 году, с поручением отвести его от союза с Новогородцами. 3) № 796, Записка в 1444 году поданная Вел. Магистру Нем. Ордена Секретарем Ливонского Магистра, Павлом, о причинах войны между Новымгородом и Ливониею, с просьбою, чтобы он на сейме в Кристмемеле отвратил Вел. Герцога Литовского от союза с Россиянами. Тут сказано, что Ливонский Орден, заключив вечный мир с Новогородцами, никогда не имел от них управы в своих жалобах; что назначенный съезд в Нарве остался бесполезным; что они, дав проводников Герцогу Клевскому, не защитили его в обидах; что Вел. Магистр[65]* не мог удовлетворить их требованию и выдать им людей, которые именем сего Герцога грабили Новогородскую землю; что Россияне сами начали войну, и проч. 4) № 756, Записка Литовского посла, врученная Вел. Магистру Прусскому, и ответ Магистра о ссоре Ливонцев с Новымгородом в 1444 году, где сказано: der Meister von Lyffland hette czu dem H. Grosfursten gesandt und hette em (ihm) lassen sagen, das der von Cleue den Neugartern den Schaden, der em gescheen were, gethan hatte: nu hette der Grosfurste dirfaren (erfahren), das der Meister von Lyffland den Schaden gethan hette darnach, als *die Neugarter dem H. Grosfursten gehuldet hetten* [Магистр Ливонского ордена послал к великому князю и велел сказать ему, что ущерб, причиненный новгородцам, нанес фон Клеве; великий князь узнал об ущербе, причиненном магистром Ливонским, после того, как новгородцы присягнули на верность великому князю]. 5) 759, Наставление Вел. Магистра Прусского послу его, отправляемому в 1445 году на свадьбу Короля Датского и Шведского Христофора, чтобы склонить его к содействию против Новогородцев. 6) № 760, Записка Литовского посла, врученная Вел. М. Прусскому о войне Ливонского Ордена с Новымгородом в 1445 г., где сказано: der Meister von Liffland hatte zcu uns gesand den Kompthur von Aschrade und lies uns sagen, her (er) hette nicht geheret, sunder der Herczog von Cleue hette es getan, und lies uns auch bitten, das wir zcu den Grossneugartern senten. Wir santen unsirn Schreiber Pusir zcu en (ihnen), alzo santen der Grossneugarter iren Boten mit demselben: der behielt den Neugarter Boten bey sich... furthe in ut die Grenitz und nam im was her hatte und lies in nackt weg lawffen, und czoug selbst hernach und heerete und brante... Dorumb wellen wir nich damit zcu thum haben. Jtem der Röm. König und Kurfursten haben uns geschreben, das ir ubir uns geclaget habt, das die Grossneugarter in Liffland Frawen, Jungfrawen und Kinder beschemet hatten: seghen wir uns doch mit enander zcu Kirsmemel, do saget ir uns nichts von: warumb [Магистр Ливонского ордена послал к нам комтура фон Аграде и велел нам сказать, что он не воевал, а сделал это герцог фон Клеве, и просил нас, чтобы мы послали к новгородцам. Мы посла-

ли к ним нашего писца Пузира, а с ним отправили своего посла и новгородцы; он (фон Клеве) задержал новгородского посла, вывел его на границу, отнял все, что у него было, и отпустил его нагим, а сам после этого воевал и жег.... Поэтому мы не хотим иметь с ним дела. Также римский король и курфюрсты нам писали, что вы на нас жаловались, что новгородцы в Ливонии насиловали женщин, девушек и детей; но мы же встречались в Христмемеле и тогда вы нам ничего не сказали об этом: почему]? Далее уверяет Казимир, что он не помогал Новгородцам ни советом, ни делом, прибавляя: Das wir en (ihnen) eynen Houbtman gegeben haben, was konde der mit seynem Hoffegesinde vile thun? Es ist gewess (gewesen) noch bey Herczog Witawt, unsers Vettern, geczeiten, das en eyn Grosfurst eynen Houbtman gegeben hat; doch begerten sie forder keyner Hulffe [Что с того, что мы дали им нашего наместника? Что он мог сделать со своей дворовой челядью? Так было еще при герцоге Витовте, нашем двоюродном брате: великий князь поставлял им наместника; но они вовсе не требовали от него из-за этого никакой помощи], т. е. сами Новгородцы не требовали помощи. Далее Казимир говорит, что Магистр[66*] Ливонский, узнав о намерении их поддаться Литовскому Государю, и жив дотоле в мире с ними, начал воевать, и помирился со Псковитянами, Казимировыми врагами.— 7) № 761, Запросы Вел. Магистра Немецкого к Ливонскому о праве Новгородцев на половину реки Наровы в 1445 году: ap (ob) sie em (ihm) den halben Strom der Narwen und dem Holm (остров) lassen welden (wollten)? [не намерены ли они отдать ему половину течения реки Наровы и остров?] — 8) № 763, Письмо Вел. М. Нем. к городу Любеку о непосылании хлеба к Новгородцам в 1446 году.— 9) № 772, Письмо о том же к Королю Датскому и Шведскому в 1446 году, где сказано, чтобы в особенности из Швеции не посылать к ним хлеба, и что они много зла сделали, делают и намерены делать Ордену.— 10) № 784, Письмо Вел. М. Нем. к Ливонскому, чтобы он пропустил к нему посольство *Герцога* Новгородского, Юрия Лугвениевича, в 1447 году. 11) № 785, Письмо Вел. М. Нем. к Ливонскому в 1447 году, в коем он уведомляет его, что Князь Новгородский Юрий Лугвениевич едет на поклонение к святым местам в Вильснак (zcum heiligen Boute) [к святой крови] и требует свободного пропуска через Ливонию и Пруссию. Тут сказано, что хотя Юрий и получил от Казимира свою отчину в Литве, однако ж не хочет отказаться от Новагорода.— 12) № 787, Письмо Вел. М. Нем. к Ливонскому в 1447 году о знатном витязе едущем из Моравии в Новгород с 600 всадниками: der habe wol 600 Pferde gehabt, und habe gesprochen, her welde zcu Herzog Ulotken in die Masau reyten, und als sie nun uff im Wege waren, vernam disser, das sie zcu Herczog Jorgen (к Юрию в Новгород) reiten welden; und als her eyn solchs vernam, slug her sich von en und wolde furder nicht mit em reyten [У него было около 600 лошадей и он говорил, что поедет к герцогу Улотке в Масау, но, когда они были в пути, он узнал, что они хотят ехать к князю Юрию; услышав это, он от них отделился и не захотел дальше с ними ехать]. 13) № 791, Письмо Вел. М. Нем. к Ливонскому в 1447 году, с уведомлением, что он посылает к нему Фогта Роггаузенского, Вольфганга Зауэра, витязя искусного, с неко-

торым числом воинов.— 14) № 792, Письмо Вел. М. Нем. к Ливонскому в 1447 году о послании к нему войска из Данцига морем в Нарву, а другого из Мемеля сухим путем; он приказывает заготовить все нужное для их продовольствия.— 15) № 793, Письмо Вел. М. Нем. к Ливонскому в 1447 году о послании к нему Рыцаря Генриха, eynen Buchsenschutczen.— 16) № 794, Письмо Вел. М. Нем. к Ливонскому в 1447 году о том, что противные ветры не дозволяют отправить к нему помощи в Ревель, но что люди уже на судах, и что с ними едет и Рыцарь Генрих. «Бояре Литовские в Кракове (прибавляет он) говорят, что вам не будет удачи в войне с Новогородцами, которые ожидают сильной помощи. Ныне пишут ко мне, что Волохи и Татары намерены итти к ним. Слышали мы также, что Новогородцы предлагали уступить вам половину реки Наровы с островом, но что вы не захотели мира, и тем возбудили против себя и Псковитян».— 17) № 798, Вел. М. Нем. пишет в 1446 г. к Ливонскому, чтобы он задержал Прусские суда, которые везли хлеб и мед в Россию, и чтобы сообщил ему имена сих купцев, дабы они были наказаны.— 18) № 804, Письмо Вел. М. Нем. в 1447 году к Прокуратору Двора Римского о том, чтобы он склонил Папу уступить Ордену церковные сборы в Пруссии и в Ливонии для войны с Русскими отступниками, и чтобы Св. Отец вместе с Кардиналами молился о победе. Тут сказано: Die abgesunderten, ungeloubigen Rewsen v. Gr. N., die auch in Meynung seyn, sich mit andern Ungeloubigen, als Musskauwirn, Plesskauwirn und villeicht mit den Tatern zcu vereynen... Wir auch unserm Herr Rom. Kon. und Kurfursten und Fursten in Deutschen Landen zcu wissen haben getan [Отложившиеся русские язычники из Великого Новгорода, которые намереваются объединиться с другими вероотступниками — московитами, псковитянами, и может быть, с татарами... Мы также сообщаем [об этом] господину нашему римскому королю и курфюрстам и князьям немецких земель], и проч.— 19) № 807, Вел. М. Нем. в 1447 году уведомляет Ливонского, что он соглашается пропустить Князя Юрия Лугвениевича через Орденские владения, но без многочисленной свиты.— 20) № 817, Вел. М. Нем. посылает к Ливонскому в 1446 году проект дружественного союза с Королем Датским и Шведским, но советует ему лучше не заключать его, напоминая худые следствия бывшего союза с Литовским Князем, Свидригайлом. Вот условия сего трактата: Wir Meister zcu Lieffland addir unsern Gebiettiger Anwalden und Leute sollen mit ganzcer Macht disse der mehrgedachten Rewssen von Grosse Newgarten Gebiete *Newsloss* und *Capparg*, die an unsers Ordens Grenitczen stossen und ruren, kriglichen oberzciben... und in gleicher Weysse unsir H. Koning Cristofter addir seyn Anwolde und Lewte sullen auch zcu derselben zceit mit fuller irer Macht dise der berurten Rewsen Gebiete *Jauteborg* (Орехов), *Landskron* und *Walchaw*, die an des obengedachten unsirs H. Koning Reyche Grenitzcen stossen, kriglichen obercziben [Мы, магистр Ливонского ордена, вместе с нашими верноподданными дворянами и народом, должны всем войском вторгнуться в эти области Нейшлот и Копорье, принадлежащие многоупоминавшимся русским из Великого Новгорода и примыкающие к границам нашего ордена... Подобным же образом король наш Христофор вместе со своими верноподданными дворя-

нами и народом должен в то же время всем войском вторгнуться в принадлежащие упомянутым русским области Орехов, Ландскропу и Волхов, граничащие с государством этого короля]— 21) № 820, Установление Вел. М. Немецкого для всей Пруссии о молебствии и ходах церковных, где сказано: Unsers Ordens Pristerbruder seyn bestellet... disser nachgeschrebener dreyer Messen eine, als von unser lieben Frauwen adir von allen lieben Heiligen, adir contra paganos... und in denselben die collecten contra paganos ungelegt werde [Нашего Ордена братьи следует служить три вышеупомянутые мессы: одну — во имя нашей чтимой Богородицы, другую — во имя всех чтимых святых и третью — против язычников, и во всех трех мессах следует служить против язычников] и проч. Тут же говорится о силах Волошских и Татарских, идущих в помощь Новугороду.

Все любопытные бумаги, полученные мною из Кенигсбергского Архива, намерен я отдать в наш Архив Коллегии Иностранных Дел

[317] Арита Liefländ. Chr. стр. 135.

[318] В *Псков. Лет.* г. 1447: «Князь Александр Васильевичь (Черторижский) поеха изо Пскова в Новгород Наместником в Петрово говение. Новогородцы (в 1448) с Кн. Александром Черторискым ходиша на Немець противу Князя Местера Ризского и Короля Прусьскаго и Короля Свейскаго, и бишась с Немци черезь Норову, и побиша Немець много, овых на мори в *бусах* побиша и истопиша, а иных под Ямою, а инех руками яша 84 и Князи 4».— В Синод. *Новогор. Лет.* г. 1444: «Корела ходиша на Мурманы и избиша их много, и приидоша здравии... Приидоша (в 1445 г.) Свея-Мурмани безвестно за Волок на Двину ратью, Неноксу воевав, и пожгоша, и людей изсекоша, а иных в полон поведоша... и Двиняне пойдоша вборзе на них, и овых изсекоша, и иных прислаша в Новгород 40 человек, а Воеводы их, Ивора и Петра, убиша, а инии вметавшесь в корабль, бегоша в море».

[319] В Синод. *Новогород. Лет.* г. 1445: «Той же зиме Князь Тферскый Борис взя Новгородскых волостий 50, повоева и пограби Бежичьскый Верх, и около Трьжку и Торжок.... Того жь лета Воеводы Новгородскии поидоша ратью на Югру, и поимавше Югрьских людей много, и жон и детей, и расплотишась... Югреци же удариша на острог на Васильев, и много добрых людей и Детей Боярьских изсекоша 80, а Василий с сыном убежа, а инии разбегошась по лесу; а другый Воевода Михаїло Яковль был в иной реце, и егда приеха к Васильеву острогу, и виде острог разорен, а люди побиты, и нача искати своих по реце, и скопишась к нему Василий с сыном и инии, и приехаша в свою землю» В *Псков. Лет.* г. 1447: «Псковичи послаша в Новгород Посадника Зиновия Михайловичь и Стефана Юрьевичь и Ондрона Тимофеевичь, и взяша мир по старине». О прежних ссорах и мире Псковитян с Новымгородом см. ниже, примеч. 386, г. 1427, 1430, 1431, 1432, 1434... «Послаша Псковичи (в 1448 г.) на Норову реку возле Новгородцов взяти мир с Немци, Посадника Феодора Патрикиевичь, Стефана Юрьевичь, Афанасия Юрьевичь, и Левонтия Макарьиничь, Тимофея Власьевичь, Парфея Володиничь, Алексея Мархивея, Игнатья Пяткова и иных Бояр, и докончаша мир Посадники Новгородскии и Псковскии с Князем Местером

Инри Винки Ризскым и с Юрьевци на 25 лет. Они погани возвратиша со студом вся старины Псковския, и докончаша на Успение; а от Новогородцев Князь Александр Васильевичь, Посадники Самсон Ивановичь, Дмитрей Васильевичь Глухов, Иван Лукиничь Щока, Осиф Андреевичь Горшков, Богдан Осиповичь и иных много».

[320] «Князь Юрьи Семеновичь Лугвеневь выеха из Новагорода в Литву, и В. К. Казимир даде ему отчину его всю, Мстиславль, Кричев и иных градов не мало; он же возгордевся засяде Смоленеск... и бяше ему не полезно и людемь па мятеж... и избеже па Москву». См. также Стриков. *Хрон. Литов.* кн. XVII, гл. 7.[67*] Далее: «Приходиша к Колузе Литва, Пан Судивой, Пан Родивиль Осесовичь, Андрюшка Мостиловичь, Ябуб Раловичь, Андрей Исаковичь, Николай Немировичь, Захарья Ивановичь Кошкин... И собрася Можаичев 100 человек, а Воевода у них Князь Андрей Васильевичь Лугвица Суздальских Князей — и сто же человек из Вереи, а Воевода у них Судок — и Василья Ярославичи люди 60 человек, а Воевода у них Жинев... и сретошась, и убиша ту К. Андрея Лугвицу, да Корачарова, да иных 4 человека; а Ярошка, да Семена Ржевскаго поимали, Кн. Ивана Андреевича Можайскаго Воевод; а Кн. Михайла Андреевича Верейскаго поимали Воевод Судока, да Филипа Щокина, да Конийскаго, да 5 человек молодых; а Литвы убили 200 человек». Стриковский (кн. XVII, гл. 8) рассказывает, что сам Великий Князь Василий в 1442 году со помощию Царя Казанского, ходил к Вязме; что Казимир оставался в Смоленске, поручив войско Вельможе Станиславу Кишке; что Станислав, опустошив владения Московские, уже возвращался в Литву, когда 15 000 Россиян окружили его; что он, вместе с Паном Зеновичем и двумя Родивилами, хитростию победил их, и проч.

[321] «Посла (Великий Князь) К. Василья Оболенского и Андрея Федоровича Голтяева, да Двор свой, да Мордву *на ртах*[68*] (лыжах)... а *Козаки* Рязанские тако же на ртах... и рать с ослопы и с топоры.... Князя Мут-Мурзу яли, да Князя Азбердея, Митереванова сына... а Великого Князя полку убили Илью Ивановича Лыкова».— Сие было в 1444 году. После, в Сент., Татары нападали на Рязанские области и на Мордву.

[322] В Нижегородском Летописце под годом 1422: «В Нижнем Новегороде под *старым городком* вверх по Оке реке была слобода на берегу Оки, и гора оползла и с лесом сверху на слободу, и засыпало 150 дворов; а тот город поставлен был, как Великие Князи Суздальские ходили на взыскание, где поставити город и распространити Княжение Суздальское на Низовской земле за Волгою и за Окою, где были леса великие и жили поганая Мордва, которых они отогнали, и земли их населили Русью».— В некоторых летописях сказано, что Улу-Махмет пришел в Нижний будто бы прямо из Белева; но лучше верить Казанскому Летописцу. Далее: «А Татарове в то же время, коли Царь под Муром ходил, Лух воевали... И В. К. слыша то, пойде противу, и взя Крещение в Володимире.... и возвратися от Мурома к Суздалю, а из Володимеря приде на Москву в Пяток Великий вечера.... Князь же Великий, заговев Петрово говейно, пойде с Москвы ратью... и в Юрьев прибегоша к нему Воеводы Новогородские, Князь Федор Долголдов да Юшка Дроница... Князь же Великий взя Пет-

ров день в Юрьеве, и пойде к Суздалю; тогда пришли К. Иван Можайский, да брат его, К. Михайло Верейский, да К. Василей Ярославичь... и сташа на реце на Каменке Июля в 6, во Вторник».

323 «Ту бо нощь в Юрьеве ночевал».

324 «Татар было полчетверты тысящи».— В *Степен. Кн.*: «Сто Татаринов паде от руки Великого Князя; на самом же многи быша раны; у правыя руки его три персты отсекоша: только кожею удержашася. Левую жь руку насквозь прострелиша, и на главе его бяше 13 ран; плеща же и груди от стрельнаго ударения и от сабельнаго, и *брусны* его бяху сини, яко и сукно».

325 «Царевичи сташа в монастыре Ефимьеве, и ту снемше с Великого Князя кресты его, *телники*, и послаша на Москву с Татарином Ачисаном». *Тельниками* назывались кресты носимые на *теле*.

326 В одной летописи сказано, что сгорело 2700 человек, а в другой 1500. Церковь Воздвижения развалилась от пожара.

327 В Синод. *Новог. Лет.*: «Прислав Князь Тферскый Борис своих Воевод на Торжок, останок людий разгна и пограби, а иныя погуби, а иныя на окуп прода, а животов и товара Московскаго 4 повозков свезли во Тферь, а инии с товаром потопиша в реце; а в Бежичском Верху и по Заборовью осми волостей повоева в два году».

328 «Стояху в Суздали 3 дни и перешед Клязму, сташа против Володимеря».

329 В *Архив. Лет.* № 8. л. 114: «Тое же осени Царь (Царевич) Мамутяк, Улу-Махметев сын, взял город Казань, и вотчича Казанскаго, Князя Либея, убил, а сам сел в Казани царствовати». В *Никон. Лет.* VII, 233: «Мамутяк, пришед из Курмыша, Казань взял, а Казанскаго Князя, Азыя, убил, а сам на Казани воцарился».

В *Никон.* и в других летописях: «Царь Улу-Махмет и сын его, Мамутяк, утвердиша Великого Князя крестным целованием, что дати ему с себя окуп, *сколько может*». В *Синод. Новогород. Лет.*: «Царь Махмет взя на нем окупа 200 000 рублев, а иное Бог весть, и они в себе». В Архив. *Псков. Лет.*: «Князь Великий окуп посулил на собе от злата и сребра, и от портища всякого, и от коней, и от доспехов 29 500; а с ним приидоша 500 Татар». В других: «с ним послали (Махмет и сын его) Князя Сеит-Асана и Утеша, и Кураиша, и Долхозю, и Айдара и иных многих. Князь же Великий, отшед от Курмыша два дни, отпустил к Москве с *сеунчом* Андрея Плещеева (*сеунч* есть слово Татарское и значит *весть*: то есть, Плещеев был послан с вестию о Василиевом освобождении. Сие слово употребляется в Розрядных Книгах).... А Федор Дьяк с Бигичем в туже пору пойдоша из Мурома судном, а кони отпустиша берегом. Андрею же пришедшу против Иванова села Киселева, меж Новагорода и Мурома, и срете ту Плишку Образцова с конми с Бигичевыми и с Федоровыми, и сказав им, что Князь Великий отпущен; они же вернувшеся оттоле, переняша Федора под Дудиным монастырем, а он пловет с Бигичем Окою... и К. Василей Ивановичь Оболенской изымал Бигича и оковал, а Князь Дмитрий, слышав то, бежа к Угличю; а Князь Великий пойде к Мурому и к Володимерю, и на Дмитриев день прииде в Переславль», и проч.— В *Степен. Кн.*: «Шемяка увеща Бигича, еже убиену быти Великому Князю... Наместницы же Муромстии по-

велением Великого Князя послаша к Бигичю меду; он же напився и усну; а сии пришедше емше его, и оковаша и в Муром приведоша».

[330] «Мнози же неспящи, слышавше то, во скорби беша... наутрие жь со многими слезами неслышащим сия исповедаху».

[331] Великий Князь сказал в Троицкой Лавре (см. ниже), что Шемяка и Можайский жили с ним тогда в мире. См. их договоры в *Собрании Государств. Грамот* I, 107 и 133. Шемякина несправедливо отнесена к 1434 году.

[332] В Синод. *Новог. Лет.*: «Съдумавше три Князи, К. Дмитрий, К. Иван Мужайскый и К. В. Тферскый Борис». В Императорской Библиотеке есть *список* договора, заключенного К. Борисом с Василием Темным около 1437 года: ибо в сей грамоте (и только в ней одной из всех мне известных) назван Митрополит *Исидор*. Выписываем любопытнейшее: «Божиею милостию и пречист. Его Богоматери, и по благословению отца нашего, Исидора Митрополита... на сем на всем, брате, К. В. Василий В., целуй ко мне крест к своему брату и В. К. Борису Александр.... и к моей братье молодшей, К. Федору Федоровичь, и ко К. Ивану Юрьевичь и ко К. Андрею Ивановичь... Имуть вам Татарове давать Дом. Св. Спаса, Тферь и Кашин, и вам ся не имать за нашу отчину... А быти нам на Татары и на Ляхи, и на Литву и на Немци заодин... А что ся есте воевали с Царем, а положит Царь на вас вину в том, и мне вам не дати ничего в то... А к Жигимонту нам целование сложити без перевода... а будет вам, брате, взять любовь с Жигимонтом или кто иный Осподарь сядет на Литовской земли, и вам без мене любви не взяти... А к Орде ти (Борису) путь чист ко Царю... А что судил Киприян Митрополит судей наших обчих... или что судили судьи наши обчии и грамоты подавали, что будет взято, то взято; а что не взято, то есмя *погренули* (оставили); а грамоты тех судов подрати... А полон ти наш Тферскый и Кашинскый отпустить без окупа; а кто купил полоняника, и он возмет цену по целованию... А с Новым ти (Борису) городом жити по старине», и проч.

[333] «Ничто же иного чая, но токмо накръмити братию Великия Лавры». Далее см. *Ростов. Лет.*

[334] «Сии смущають нас; а аз с своею братиею во *крестном целовании*... и повеле его с монастыря сбити, и назад повороти его; и яко бывшу тому, яша того ратнии (неприятельские) сторожи и биша... Посла (Великий Князь) сторожи к Радонежу. Сани с рогозинами, а инии с полстьми, а на них по два человека в доспесех, а третий идет подле как бы за возом.... Убежати не камо бяше; снег был в 9 пядей..... Пономарь Никифор Инок отмче церковь... и ушед схоронися.... Убийцы яко свирепии волцы возгониша на монастырь на конех, преже всех Никита Костянтиновичь, и на лествицу на кони к предним дверям церковным, и ту стедшу ему с коня, и заразися о камень... и прочии подняша его; он же едва воздохнув и бысть яко пиян, а лице яко у мертвеца.... И взят (Василий) икону Явления Св. Богородицы со двемя Апостолома..... В Понедельник на ночь, Февр. в 14, привезоша Вел. Князя... а сам Шемяка стоял на дворе Поповкине». В Синод. *Новог. Лет.*: «и ослепиша его про сию вину: почто еси Татар привел на Руськую землю и городы подавал еси им и волости в кормление; а Татар и язык их паче меры любишь, а Христиан

без милости томишь, а злато и сребро Татарам даешь? и за тый гнев, что ослепил Василья Юрьевича».

335 Ряполовские происходили от Стародубских Князей.

336 «И многих подговорив с собою, и пограби уезды Коломенския».— К. Василий Ярославич Боровский, в 1433 году заключив договор с Великим Князем как с *отцем* своим и с Государем Московским (см. *Собрание Государствен. Грамот*, I, 90), оставался ему верным во всех переменах судьбы его.

337 *Собр. Госуд. Грам.* 135: «Божьею милостью, и проч. держати ти нас собе, мене К. Василья Юрьевича, собе сыном, а брата моего молодшего К. Федора Юрьевича братаничем, а сыну ти, Господине, своему, Князю Ивану Дмитреевичю, держати меня братом ровным, а мене ти, Господине, К. Федора Юрьевича, держати сыну своему, К. Ивану, братом молодшим; а нам тебя, своего господина, держати мне К. Василью Юрьевичу господином и отцемь, а сына твоего, К. Ивана Дмитреевича, братом ровным; а мне, К. Федору Юрьевичу, держати ми тебя собе господином и дядею, а сына ми твоего, К. Ивана Дмитр., братом старейшим.... А которыми ся делы брат твой, К. Иван (Можайский), имется в нашу отчину вступати, и тобе нас от него боронити. А что К. Иван, держа за собою Суздаль, дал Св. Троице село наше, а другое Боярину Петру, а у Княгини у Марьи купил собе Князь Иван село, ино те села нам по старине... А что К. Великий отъимал у нас без пошлины села, да подавал Св. Рожеству в монастырь в Володимерь, и те нам по старине, а десятое монастырю по старине. А вашему, господине, Великому Княженью с нашею прадединою и дединою и отчиною суд по старине... како же даст ти Бог велит достати своее отчины, Великого Княженья». К сей грамоте приложена восковая печать. На обороте написано: *Великого Князя Дмитрея Юрьевича с братьею, со Князем Васильем, да со Князем Федором, Юрьевичи.* Последние слова заставляют думать, что сия грамота была писана еще прежде, нежели Шемяка овладел всем Московским Княжением.— О К. Василии Юрьевиче Суздальском см. выше, примеч. 316.

338 В Хронографе: «от сего убо времени в Велицей Русии на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася *Шемякин суд*».

339 «Иона пойде к Мурому в судех... и шед в Соборную церковь Рожества Богоматери», и проч.

340 «Бе же в той мысли с ними (Ряполовскими) К. Иван Вас. Стрига, да Ив. Ощера с братом Бобром, да Юшка Драница, да Семен Филимонов с детьми, да Русалко, да Руно и иные; учиниша себе срок всем быти под Угличем на Петров день о полудни; и Семен Филим. на тот срок пришел, а про Ряполовскихь учинилась весть Князю Дмитрею, и не смеяша пойти под Угличь, но поидоша за Волгу к Белуозеру, и К. Дмитрей посла за ними с Углича рать с Василием с Вепревым, да Федора Михайловича с полки, а сойтися им на усть Шексны у Всех Святых, и Федор не успе к Василию, а Ряполовские воротившеся на Василия, побиша его на усть Мологи; а Федор перевезся Волгу на усть Шексне: они же и на того воротишася: Федор же побеже опять за Волгу. Ряполовские пойдоша по Новгородской земле к Литве... а Семен Филимонов со всеми своими от Углича пойде к Москве, яко ничто же про тех ведая; один Руно отвернулся от него за Ряполовскими».

[341] См. *Архангел. Лет.* г. 6955.

[342] «Учиниша себе срок всем снятися на Пацыне... К. Василей Ярославичь во Мстиславле, а с ним Ряполовские 3, да К. Иван Стрига, да Ощера; а во Брянске К. Семен Оболенской, да Басенок... и приде к ним весть, что Князь Великий выпущен, а пригонил Данило Башмак, а во Брянеск Киянин, Полтинкою зовут, а лежал тот на Москве от Княгини Настасии Олельковы на вестех про Великого же Князя». Олелько, сын Владимира Ольгердовича Литовского и зять Василия Темного, господствовал в Киеве (см. ниже, примеч. 386, г. 1451). Далее: «Из Брянска погонил (Полтинка) к Киеву... Князь же Василей Ярославичь со всеми Бояры, и с женами, и с детьми, пойдоша... и пригонил к ним (в Пацын) Дмитрей Андреев сын, что уже Князь Великий пошел с Вологды к Белуозеру и ко Тфери..... Пришедшим же им в Елну, и ту сретошася с ними Татарове, и начаша межь себя стреляти. По сем же Татарове начаша Руси кликати: вы кто есте? Они же отвещаша: Москвичи.... А вы кто есте? Мы из Черкас», и проч. См. также *Степен. Кн.* II, 19. В *Архангел. Лет.*: «Царевича два *Кайсимова*, Трегуб да Ягуп».

[343] «А в ту пору ехала во град к завтрене Княгиня Ульяна, Княжа Васильева Володимеровича... Наместник же Княжь Дмитриев, Федор Галичской, у заутрени убежа; а Княжа Иванова Наместника, Василья Шигу, бежаща из города на коне изымал истопничишко Великие Княгини, Ростопчею звали, и приведе его к Воеводам, и сии оковаша его».

[344] «И оттоле пойде с матерью к Переславлю, а Сабуров (Мих. Федор.) с прочими добив челом Вел. Князю, не возвратишася к Шемяке».— Кутузов назывался Василий Фед.

[345] См. в *Собр. Госуд. Грам.*, стр. 149, договорную грамоту Шемяки и Можайского с Кн. Михаилом Верейским и Василием Ярослав. Боровским, где сказано: «нам бити челом своему господину, Великому Князю... А К. В. Борис Олександровичь с нашим братом с старейшим, с Великим Князем, один человек... А что яз К. Дмитрей Юр. и К. Иван Ондр. поимали есмя Князя Великого кресты и Страсти Спасовы, да казну и матери его, и его Великие Княгини, и Марьину Голтяевы, и нам то все отдати.... А по сей грамоте взяли есмя перемирье со К. Михайлом Ондр. и со Князем Васильем Ярослав. Петрова говенья в Неделю.... А подписал Федор Дьяк».

Договорных грамот с К. Иоанном Андр. четыре (см. *Собр. Г. Г.* 138—154). В третьей: «А исполнится твоим детем (Великого Князя) по двенатцати лет, и твоим детем целовати крест самим ко мне, к твоему брату молодшему ко К. Ивану Ондр. ... А о сем о всем поставили есмя на собя свидетеля Вседержителя Господа Бога, и пречистую Его Богоматерь, и Великих Чудотворцев, Святителя Николу, и Св. Петра Митрополита, и Св. Леонтия Епископа Ростовскаго, и преподобных Старцев Сергия и Кирилла, и молитву святых родитель наших, отец, дед и прадед наших Великих Князей; а к тому ввели есмя по собе на обе стороны брата своего Великого Князя Бориса Олександровича Тферского, и свою сестру, а его Великую Княгиню Настасью, и свою братью молодшую, К. Михайла Ондр. и К. Василья [69]–Ярославича; и будут [–69*] по целованью с правым на виноватаго. А писана грамота в лето 6956 (1448); а подписал Дьяк Княжь Иванов Ондреевича Кулу-

дар». В четвертой грамоте: «а что мя еси, господине Князь' Великий, пожаловал, дал ми еси Бежицкий Верх в отчину... да половину Заозерья Кубенских Князей, да Лисину вотчину... А жити ми, господине, с тобою в Москве по душевной грамоте деда нашего, Великого Князя Дмитрея Ивановича; а вотчина ти наша подо мною держати по душевной грамоте отца нашего, Князя Ондрея Дмитреевича..... А Орда, господине, тобе знати и исправливати самому; а мне Орды не знати; а выход ти у мене имати с моее вотчины по старым дефтерем... а с Полуозерья давати ми тобе как преже сего давали Заозерьские Князи Ярославским во Царев выход. А писана грамота на Коломне в лето 6956 (1448) месяца Септемврия; а подписал Княжь Иванов Ондреевича Дьяк Щербина». К сей грамоте приложены две восковые печати: на обороте грамоты написано: «Княжа Ивана Можайского с Бежицким Верьхом»; а ниже: «Княжи Ивановы Можайского и Княжи Михайловы».

О примирении Великого Князя с Можайским сказано в *Арханг. Лет.* г. 6957: «Тое же весны Князь Великий был на Рудине горе в Ярославле, и приспе Шемяка, да Князь Иван Можайский со многими людьми, и мало не бысть кровопролития; и не захотел Князь Иван Можайский с Шемякою, и увернуся у него, и доби челом Вел. Князю за свою вину, и пожаловал дал ему Бежицкий Верх».— О Шемяке: «Князь Великий пойде к Галичю... и ста на Костроме, и начаша меж себя посылати послы. Князь же Дмитрей, убоявся, начат мира просити, и грамоты на себя проклятые дал (см. ниже)... Князь же Великий возвратися с Костромы в Великий Четверк, а Велик день взял в Ростове, а назавтрее празднова Благовещение в Ростове же... и того дни к Москве пойде и прииде в Неделю Фомину; а сын его, Князь Иван, был в Володимере».

[346] См. *Архив. Лет.* № 8, л. 127 на обор. и *Степен. Кн.* II, 79.— В книге названной *Посланием Российских Митрополитов* (Синод. библиот. № 164) есть письмо Василия Темного к Греческому Царю о поставлении Ионы; в нем сказано: «Поставили есмы Иону Митрополитом, но за великую нужду сие сотворихом, а не кичением, ни дерзостию... Церковь наша Святыя Софии Цареградския благословения требует и ищет во всем по древнему благочестию... разве нынешних новоявльшихся разгласий, и молим святое ти Царство, да будет к тому нашему Митрополиту добрыя воли... Хотехом же убо писати и к Святейшему Патриарху, требующе о всем благословения; но не вемы, аще уже есть в царствующем граде святейший Патриарх... по древнему благочестию», и проч.

[347] См. выше, примеч. 311. В сей Булле сказано: «отщепенца и противника, злочестиваго сына, Иону». Папа советует Королю схватить и заключить нашего Митрополита в темницу, буде он приехал бы в Литву. Письмо Ионы о Григории к Литовским Князьям, Панам, Боярам и Воеводам находится в *Послании Рос. Митрополитов* (Синод, библиот. № 164, л. 42). Там же (л. 90) есть грамота его к Мисаилу, Епископу Смоленскому, где сказано: «Ведомо тобе, моему сыну, что есмь посылал от Киева великия обители св. Троици Сергиева монастыря Настоятеля духовнаго, Игумена Васияна, о Св. Дусе дочери нашего смирениа Княгине Княже Александрове Володимеровича Настасье и к их детем... чтобы от благочестиа своего не умалено было, ни прикладено, и что от

того волка и единомысленника Исидорова, что же ныне именует себе Митрополитом Киевским и всея Руси... пришол с Папежскими листы, да и с первоначяльнаго отступника Патриаршими Григорьевыми грамотами и с Исидоровыми, и пишется в них Сидор Легатосом и Гардиналом, а мене пишут отступником... И ныне от Короля к Вел. Князю о том Григорье Якуб Писарь да Ивашенець приездили посольством, чтобы его Князь Вел. принял и держал собе отцем Митрополитом; и господин и сын мой К. В. и сын его, К. В. Иван Васильевичь, не хотя его не токмо видети, но и слышети... и того ради тобе пишу», и проч.— Упомянем здесь о грамоте Ионы к Царю Казанскому, писанной с его слугою, который ездил в Казань по торговым делам. Митрополит говорит: «Слыша, что Вышняго Бога силою держишь свое Государьство, и купцем щкоты и убытков нет никоторых ни от кого, и на то надеяся, послали есмо своего слугу с своею рухлядью... и прошу жаловати», и проч. См. *Послание Рос. Митрополитов* л. 118.

[348] См. *Собр. Г. Г.* 171 — В Синод. *Новог. Лет.* г. 6954: «и присла (Шемяка) поклон в Новгород: Новгородци же послаша к нему послы, Посадн. Федора Яковличь, Посадн. Василья Стефановичь, и Князь Дмитрий целовал крест на всех старинах; а Князь Тферьскый Борис на опасе держав 4 месяца Новгородскых послов, и отпусти их; то же поехали к Князю Дмитрию».— В Пушкин. собрании Двинских грамот № 1: «По благословению Преосв. Архиепископа Великаго Новагорода и Пскова, Владыки Евфимиа, от Посадн. Новгород. Ивана Лукинича, от Тысетского Василиа Пантелеевича, и от всего В. Новагорода. Се приехали послове к В. К. Василию Василиевичу всея Руси, и к Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, от В. Новагорода, Посадник Григорей Даниловичь, Посад. Федор Яковличь, Посад. Василей Степановичь, Тысятской Яков Ивановичь, Тысятский Новгородский Василей Пантелеевичь; а от Житьих Офонас Микуличь, Иван Юриевичь, Яков Ивановичь, Еремей Кузмичь, Василей Захарьиничь, и докончали мир по крестным грамотам... как целовал Князь Великий Ондрей, и Князь Великий Иван, и Князь Великий Семен, и прадед твой Князь Великий Иван, и дед твой Князь Великий Дмитрий, и отец твой Князь Великий Василей. Новгород держати вам в старине по пошлине без обиды: а нам, мужем Новгородцем, княженне ваше держати честно и грозно без обиды; а пошлин ваших Князей Великих не таити». Следуют обыкновенные условия, известные читателю по древнейшим грамотам Новогородским.

[349] См. в *Собр. Г. Г.*, стр. 185, договор К. Суздальского, *Ивана Васильевича, с В. К. Васильем Васильевичем.* Там сказано: «по благословенью отца нашего *Ионы, Митрополита всея Руси*, на сем на всем, Господине Осподарь Князь Великий Василей Васильевичь, и с своим сыном, с В. К. Иваном Васильевичем, и со Князем *Ондреем* Васильевичем, и со Князем *Семеном* Васильевичем, целуй крест», и проч. Далее: «Моя братья Князь Александр и *Князь Василей*», и проч.

Договор с Рязанским Князем в *Собр. Г. Г.* 142: «На сем, брате *молодший*, Князь Великий Иван Федоровичь, целуй ко мне крест: имети ти К. Ивана Ондр. собе братом, а брата К. Михайла Ондр. братом молодшим... и К. Василья Ярославича... А всхочет с тобою К. В. Литовской любви, и тобе с ним взять любовь со

мною по думе; а писать ти с ним в докончальную грамоту, что есь со мною один человек; а будет ему любовь со мною, ино и с тобою; а не будет ему любви со мною, ино и тобе с ним любви нет... А пойдет на тобя, и мне поити самому тобя боронить... А что Резанское на Резанской стороне за Окою, что *доселе тягло к Москве*, Почен, Лопастна, уезд Мстиславль, Жадено городище, Дубна, Демль, Бродничь с месты, как ся отступили Торуские Князи Федору Святославичу, и та места к Резани; а в *Тулу* и в Берестий не вступатися мне, Вел. Князю Василью Васильевичу... А со Князем Пронским и с его братьею любовь взял еси ты; а что ся промеж вас учинит, ино промеж вас управити мне... А Новосильскии Князи добьют мне челом, и тобе с ними взять любовь... А Князи *Мещерские* не учнут мне правити, и тобе их не приимати, а добывать ти их мне без хитрости по тому целованью... А нам, Князем Великим, в суд в вончей (общий) не вступатися; а судьям нашим сести судити, целовав крест... *Третий* межи нас, хто ищет, тот воименует три Князи Християнские; а на ком ищут, тот собе берет из трех одиного; а судьи наши вончеи о чем ся сопрут, ино им третий по томуж... А пошлину сь беглеца с семьи два алтына, а с одинца алтын... а мыта с воза в городех всех пошлин деньга, а с пешехода мыта нет; а тамги и всех пошлин от рубля алтын, а с лодьи со дски по алтыну, а с струга с набои два алтына, а без набоя деньга; а со Князей Великих людей пошлин нет. А писана на Москве в лето 6955 (1447) месяца Июля в 11 день».

Там же, стр. 171, в договоре с Тверским Князем: «Аци имут нас сваживати Татарове, а учнут вам (Вел. Князьям Московским) давати дом Святаго Спаса, а нашу отчину Тферь и Кашин, и вам ся, брате, не имати за дом Св. Спаса, и за нашу отчину... Тобе, В. К. Василью, подо мною, и твоим детем под моим сыном под Князем под Михайлом, ни меньшим твоим детем под моими детьми, кого ми Бог даст, ни под моею братьею молодшею под К. Дмитреем Юрьевичем, и под К. Иваном Юрьевичем, ни вашим внучатом... а быти нам на Татар и на Ляхи, и на Литву, и на Немцы за-один. Которой ти иный брат сгрубит, и мне к собе их не приимати. Також, которой мой брат молодшей и из меньшие братьи изгрубят мне, тех вам к собе не приимати... А рубеж Тфери и Кашину, как было при моем пращуре, при В. К. Михайле Ярославиче... А с Новым ми городом жити по старине... А которые земли и воды отошли от Тфери и Кашина при твоем отце и при тобе, а тем землям и водам суд и исправа на обе стороны. А новых мытов не замышляти, а на старых мытех имати пошлины с воза деньга, а *костюк* (дорожной пошлины) с человека деньга же; а поедет на версе (верхом) с торговлею, ино деньга же; а кто ся промытит, ино с воза промыти 6 алтын; а заповеди 6 алтын, колько бы возов ни было; а промыта то, кто объедет мыт; а проедет мыт, а мытника у забору не будет, ино промыты нет; а встижет его мытник, ино возмет свой мыт, а промыты и заповеди нет; а с лодьи пошлина с доски по два алтына; а больше того пошлины нет; а с струга алтын, а тамги и осминичего от рубля алтын, а тамга и осминичее взяти, аже имет торговати; а поедет мимо, ин знает свои мыты да костки, а боле того пошлин нет; а поедет без торговли, ино с того мыта нет и пошлин»...

В договоре с Василием Ярослав. (там же, 168, 177): «А что есмь был, брате, пожаловал тобе своею отчиною городом Дмитро-

вом с волостьми, и ты, брате, Дмитрова и с волостьми отступился еси мне Великому Князю... А чего, брате, достанешь от моих недругов, или отъинуда отколе казны моее, и моее матери, и моее Великие Княгини казны: и то ти, брате, мне отдати. А Князей ти моих служебных с вотчинами не приимати... А в городе на Москве послати нам своих Наместников, и они очистят наших холопов и сельчян. А кого выму собе огородников и мастеров, и мне Великому Князю и моим детем два жеребья; а тобе, брате, того треть».

В договоре с Михаилом Верейским: «да что мя еси, Господине Князь Великий, пожаловал своего брата молодшего, дал ми еси *Вышегород* с волостьми в вотчину и в удел, как было за тобою; да к тому ми еси придал Плеск, опрочь Плесенскаго села, что еси пожаловал Семена Ондреевича Плота; а суд, господине, мой того села и дань по земле и по воде... да пожаловал мя еси, дал еси Вышегороду моему и тем волостем льготу на пять лет, выхода не дати, а моей еси, господине, отчине всей пожаловал отдал ми еси половину выхода на три года..... А дана грамота на Москве в лето 6958 (1450) Июля в первый день».

В *Послании Рос. Митрополитов* (Синод. библиот. № 164, л. 153) есть грамота Ионы к Королю Казимиру *о братстве и о любви с Великим Князем*. В ней сказано: «Что, господине и сыну, присылал к своему брату, к Вел. Князю, своего посла Гармана с речьми и с листы о ваших делех о земских, а ко мне еси приказал же с ним, чтобы попеченье имел о вашем братстве... и яз по твоему приказу, Великого Короля, Вел. Князю речи твои говорил с благословением и с мольбою, и Князь Вел., брат ваш, вельми хочет братства и любви и прочнаго доброжитья... и о всем к тобе на своем листу написал и речми к тобе с своим Диаком Степаном приказал... И благодарю и благословляю, чтобы еси к своему брату, а к нашему сыну, любовь свою имел по тому крестному целованию... а о великом вашем жаловании и о вашем поминке (даре) благодарю... О чем ти, господине, опрочь сего нашего листу имет мой Диак, Василей Карло, говорити речми, и ты бы тому верил», и проч.

[350] См. *Послание Рос. Митрополитов* в Синод. библиот. № 164, л. 70. Сия грамота Епископов к Димитрию содержит в себе 28 страниц. Выписываем главные места: «Господину Князю Димитрию богомолци, господине, брата твоего старейшаго. Вел. Князя, и вашего благородия общии, Ефрем Владыка Ростовский, Аврамий Вл. Суждальский, Иона Вл. Рязанский, Варлам Вл. Коломенский, Питирим Вл. Пермьский, и мы ваши нищии и молебници Геронтий Архим. Симановский, Мартиниян Игумен Сергиева монастыря, и с прочими Архимандриты и Игумены (и проч.) челом бьем и благословляем... Веси, како отец твой тщание имел на начальство Вел. Княжения, яко же и древний наш праотец Адам ко обожению, и в Орду ходил, и коликие труды подъял... а Княжения Великого не досягл, что ему Богом не дано, ни земскою пошлиною... Потом паки не уймяся, собрав к собе злых человек, да Вел. Князя згонил: и колико паки на Вел. Княженьи пожи? Не сам же ли того часа с великим челобитьем Вел. Князя на великое государство призвал, а сам в пяти человецех съехал? Потом и в другие пришед сел на вел. Государстве без пошлины же, паче рещи яко разбойнически: и колико пак и сам пожил? Егда были ему при кончине о своей души попечение поимети, и по

желанию его древнему самоначальства Бог ему зде попусти хотению его исполнитися, токмо яко человеком на видение, а ему от всех на осужение..... Въспомянем же и тобе вмале и тебе самого. Егда приходил к Москве безбож. Ц. Махмет, а воя по земли распустил, и Князь Вел. колькое послов по тебе посылал, такоже и грамот? и ты не пошел: и в том коликое крови Християнские пролилося, и коликое множество в полон пошло, и коликое церквей Божиих разрушилося, и черноризиць осквернено и девиць растлено! Потом же безбож. Царевичь Мамотяк приходил», и проч. Далее: «И тобе Диавол на него (Василия) вооружил желанием самоначальства, разбойнически нощетатством изгонити его на крестном целованьи, и сотворил еси над ним не меньши Каина и окаяннаго Святополка... Чим еси себе самаго пользовал, и колико еси государьствовал, и в которой тишине пожил еси? не все ли в суете и в прескаканьи от места до места, во дни от помышления томим, а в нощи от мечтаний сновидений? Ища и желая большего, и меншее свое изгубил еси... А брат твой старейший, В. К., опять на своем Государьстве: понеже кому дано что от Бога, и того не может у него отняти никто.... Впал еси был сам в руки, яко же древний он гордый Фараон в глубину моря, и аще не бы милосердие свое показал на тобе К. В., то пришел еси был сам к своей погибели и со всеми своими... вселила бы ся в аду душа твоя... Ты к нему целовал крест... быти с Вел. Князем везде заодин... а с кем будешь в целованьи, а к тому ти целованье сложити... а добра ти Вел. Князю хотети во всем везде... и под ним Вел. Княженье блюсти... и под его детми... а давати ти выход по старым дефтерем. А что еси поимал честные кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, да и казну Вел. Князя и его Вел. Княгини казны и поклажи, и тобе то все отдавати Вел. Князю, и полон весь старой и нынешней без окупа, и нятцев отпущати; а седя на Москве, кого людей Вел. Князя велел будешь давати на поруце или кабалы на кого или серебро переведено, и тобе с тех поруки свести и переводное серебро, или что еси поимал в казну Вел. Князя, грамоты докончяльные и ярлыки и дефтери, и те отдати; а Боярину и Детем Боярским и слугам межи вас вольным воля; а кто служит Вел. Князю, а живет в твоей отчине, и тобе тех блюсти как и своих; а казны отдати от того дни месяць... Или, господине, по нужи смеем рещи, ослепила ти будеть душевная слепота возлюблением временныя и преходящия чести Княженья и начальства, еже слышатися зовому Князем Великим, а не от Бога дарованно, или златолюбством объят еси, или женовнимателен и женопокорен, якоже Ироду подобствуя, явился еси, и крестное целование ни вочтоже вменив... а святые Петрахили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими речми; а надеемся, что и сам знаешь, что суть те св. Петрахили воображение муки И. Христа... токмо сам душу свою губишь. Мы же о прежстворенных тобою твоих делех не много глаголем, еже ни во Християнех когда преж сего ни есть сицево слышано, но о нынешнем толико твоем преступлении..... Ты в целованьи с В. Новымгородом... да еще посылал еси и посла, а зовучи себя Князем Великим, да просил еси у них собе помочи, а вводя то слово, что Татарове изневолили нашу отчину Москву... Таже еси посылал ко Князю Ивану Андреевичю Михайла Сатина, а все одиначяся с ним на Вел. Кня-

зя, чтобы К. Иван и к Вел. Князю то слово с своим послом приказал: *только пожалуешь К. Дмитрия Юрьевичь, ино то еси мене пожаловал.* И Князь Иванов Андреевичь посол Елезар Васильев възвестил то твое слово Вел. Князю от К. Ивана... К Вятчаном посылаешь, а в Вятку ти ся по докончянью не въступати. Посылал еси в Казань ко Царевичю Мамотяку на Вел. Князя лихо... и посол его к тобе пришел: у собе его и ныне держишь; а за твоею посылкою к Мамотяку Вел. Князя Киличеа (посла) Мамотяк поимал да сковал... А Вел. Князь посылал к тобе Боярина, а опять Детей Боярских, чтобы еси отпустил к нему того посла Мамотякова; и ты к нему как посла не отпустил, так и видетися еси не дал его Боярину и Детем Боярским с тем послом. Да от Царя Седи-Ахмета пришли к Вел. Князю послы, и он к тобе посылал просити, что ся тобе имает дати с своей отчины в те Татарские проторы: и ты не дал ничего, а не зовучи Седи-Ахмета Царем; а того некак позабыл еси, не на том ли юрту отец твой был у Царя с Вел. Князем вместе, и на пошлине стояли?.... Ино уже после того срока боле шести месяць книжных, и ты нечто малое казны Вел. Князя и его матери и его Вел. Княгини отдал, а большее, все лутшее, еще у тобе; а Марьина Федоровы жены Федоровича, того не отдаси ничего: также ярлыки и грамоты и дефтери..... Которые Бояре и Дети Боярские от тобе били челом Вел. Князю служити, и ты еси через крестное целованье тех пограбил, села их и домы у них поотъимал и животы все и животину. Также, господине, ваша старена, что жити вам в Москве по духовной грамоте деда вашего, В. К. Дмитрея Ивановича: и ты шлешь к своему Тиуну к Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывати от Вел. Князя людей к собе, а все под В. К. доставая Вел. Княженья; и те твои грамоты выиманы у Ватазина на пути, как уже его был Князь Вел. отпустил к тобе..... А себе в том во всем исправи... И о всем тобе управливатися срок по Крещеньи 2 недели». Следуют примеры высокоумия, взятые из Св. Писания и Армянской Истории (о Царе Тиридате, обращенном в вепря за гонение Св. Григория Великого). Далее: «И имели быхом еще и много тобе писати от Божественнаго Писания; но сам, господине, как ти дан Богом разум, по тонку разумеешь Бож. Писание... И аще не обратишися к Богу и к Вел. Князю чистым покаянием, чюж будешь от Бога и от Церкви Божией и от православ. Веры, и части не имати с Верными, и не будет на тобе милости Божией и силы животворящ. креста, который еси к своему брату старейшему, к В. Князю, целовал, и проклят да будешь от Св. Апостол и от Св. Отец, и в конечную погибель да пойдеши.... А писана на Москве м. Декемврия в 29 день, в лето 6956, Индикта II».

[351] В *Арханг. Лет.* о втором нашествии Седи-Ахметовых Татар г. 6963: «Приходили Татарове от *Синие* Орды Ахметовы». Сия Орда называлась после Улусами Ногайскими, Большими и Малыми. В *Больш. Чертеже* стр. 229: «От верху реки Бузувлука, на полях и до *Синяго* (Аральского) моря кочевье все Больших Нагаев». Там же, стр. 93: «От реки Кубы, от гор к Черному морю и к Азовскому, и до верху реки Маначи кочевье Малых Нагаев, Казыева Улуса».

[352] «Ходил Вел. Князь к Галичю, и бысть ему весть, что Шемяка пошел к Вологде, и Князь Великий пойде на Иледам, да

Обнору. Бывшу же ему у Николы на Обноре, и приде весть, что опять воротился к Галичю, и К. В. воротился Обнорою назад, да Костромою вверх; и приде на Железной борок к Ивану Святому... а большей Воевода Князь Василей Ивановичь Оболенской... и Царевичев отпустил с ним..... И молебная совершив в церкви Св. Иоанна Предтечи» (после сражения).— В *Послании Рос. Митрополитов* (Синод, библиот. № 164) есть письмо Митрополита Ионы к Литовским Князьям и Панам о вероломстве Шемяки. «Ведаете (говорит он) коликое лиха и запустенна земли нашей починилося... и Князь Дмитрей в познание пришед, да своему брату старейшему, Вел. Князю, добил челом и животворящий крест целовал и не одинова, да то все измепял... И сего ради пишу вам, чтобы есте пощадели себе вси Христиане, не токмо телесне, но паче душевне, и посылали бы есте и били челом своему Господарю, Вел. Князю, о жалованьи, как ему Бог положит на сердце; а не имете бити челом, а за тем кровь Християнская прольется, и та вся на вас от Бога взыщется... и чюжи будете нашего смиренна благословенна... тогды ни Християнин кто будет именуяся в вашей земли, ни Священник священствуя, но вси Божьи церкви в вашей земли затворятся от нашего смиренна», и проч.

[353] В *Архангел. Лет.*: «Шемяка утече к Новугороду, а тут (под Галичем) убиша Григорья Семеновича Горсткина... и пришел на Устюг в насадех, и Устюжане против его *щита не держали* (не сопротивлялись)... и казнил Емельяна Лузскова, да Миню Жугулева, да Давида Долгошеина, да Евфимья Ежевину: метал их в Сухону... Ежевиня же, на дне седя, изрешись и выплове вниз жив и утече на Вятку. Того жь лета Шемяка пойде на Вологду, и воевав, приде на Устюг, и жил на Устюзе два годы неполны».[70*]— В библиотеке Волоколамскаго монастыря, в книге под № 465, л. 198, находится послание Митр. Ионы к Евфимию, Архиеп. Новогородскому, где сказано: «Пишешь нам, что будтось яз посылаю к тобе и пишу о К. Дмитреи о Юрьевичи, а называя его сыном: ино возри в ту мою грамоту... яз тобе и твоим детем, Великому Новугороду, не велю с ним ни пити, ни ести... Колико лиха есть починил и крови Християнскпа пролилося!.. и как того К. Дмитреа мощно именовать Церкви Божии, да нашему смирению духовным сыном?.. Имеем его неблагословена и отлучена Церкви. А что ми пишешь, что преже того Руские Князи приежжали в Дом Св. Съфея, в В. Новгород, и честь им въздавали по силе, а прежние Митрополиты таких грамот с тягостию не посылывали: ино скажи, преже сего Князи которые с таким лихом что учинили над своим братом старейшим, над В. Князем, чрез крестное целование? К вам приехав, Княгиню свою и дети, и весь свой конь оставя у вас, хотя в В. Княжение, Християнство губил... Тобе пишу, чтобы еси своим детем, Посадником и Тысяцким, и всему В. Новугороду думал, на прочное есть их и всего Християньства добро, чтоб послали с челобитьем и с всею управою к сыну моему, В. Князю; а яз по своему долгу рад печаловатись как мощно... А писал Сент. в 29 день». —[70*]

[354] В *Казан. Лет.*: «и тамо (Улу-Махмет в Казани) умре, с сыном своим меньшим Юсупом оба пожем зарезаны от большаго сына его, Мамутека; царствова в Казани шесть лет». Вероятно, что братья Мамутековы, Касим и Ягуп, боясь подобной же участи, ушли тогда в Черкасскую землю (см. выше, примеч. 342).—

В *Арханг. Лет.*: «На сам Велик день приходили Татарове Казанские ратью на Устюг, стояли 3 дни, и в Велик день приступили, несучи на головах насад; бити их не лзе, и зажгли город, и выгорело 2 городни у нижних ворот... Татар от города отбили, а они взяли мир на том, что в погоню за ними не ходити, а с города и с церквей взяли окуп копейщину за 11 000 всякою рухлядью... приходили мимо Галичь на Кичменгу, а пошли вверх по Югу, а по Ветлузе на плотех... а все Царев Двор, а в Казань вошло 40 человек». В *Архив. Лет.*: «В лето 6956 (1448) в Филипово говейно Казан. Царь Мамутек посла всех Князей своих со многою силою воевати Муром и Володимерь... Князь же Вел. посла противу их сына своего, Ивана». Более ни слова. Далее: «Скорые Татарове Седи-Ахматовы (в 1449 г.) догонили до Похры, и Княгиню Василия Оболенского взяли Марью, и невестку ея Степаниду, жену Григорья Козлова-Морозова... Царевичь же Касим иде противу их из Звенигорода, а они разсунушася по земли, и с коими встретился, тех бил и полон отъимал; они же бежаша назад... Того же лета (1450) бывшу Вел. Князю на Коломне, и прииде весть, что идут Татарове из поля, Малбердей и Улан... и посла Царевича с Татары, да с ним Воеводу, Костянтина Александр. Беззубцева, с Коломничи, и угониша их на Битюце реке в поле... Тогда убиша Ромодана Зиновьева».

[355] «Бывшу же Великому Князю близ Брашевы... и воротился к Москве; а людей всех отпустил с Князем Иваном Звенигородским; он же убоявся, вернуся иным путем, а не за Князем Великим. Князь же Великий взем Петров день на Москве и град осадив, посади в нем матерь, да сына... прежде же всех Митрополита и Архиепископа Ростовскаго Ефрема... да сам изъиде, и ночевав в Озерецком, а оттуду пойде к Волзе; а Татары пришед у брега чаючи рати, и не бысть ничтоже. Они же чающе потаившуюся рать или брег дающу им, и послаша сторожи... и приидоша к Москве в час дни», и проч.— В *Арханг. Лет.*: «Князь Великий выеде из города против Татар... а Татарове с ним разгрешилися (разошлись)... и посады (Москвы) зажгоша, и понесе ветр огнь на город. Святый же Митроп. Иона нача пети молебен, и ветр утиши».

[356] «К. В. взем на Москве Рожество Христово, с Васильева же дни пойде противу Шемяке, а Крещение бысть ему у Троици в Сергиеве; и оттуду пойде к Ярославлю... отпустил сына на Кокшенгу, а с Костромы отпустил с сыном своим сниматися Царевича Ягупа, Мамутякова *сына* (*брата*), на Князя же Дмитрея; а преже того послал Князя Василия Ярославича, да с ним Бояр, Князя Семена Ивановича Оболенскаго... и Двор свой к Устюгу; а Князь Дмитрий, под Устюгом стоя, пожег посад и побеже. К. В. Иван и Царевичь, шед на Кокшенгу, градки их поимаша... и ходиша до усть Ваги, и до Осинова поля». В *Арханг. Лет.*: «Князь Дмитрей побеже к Двине, а на Устюзе оставил Наместника, Ивана Киселева... и застави Двинян реку Двину *полити* пониже городка Орлеца. К. В. Иван послал за ним Воевод Югом мимо Устюг, и под городом не стояли, за Шемякою пошли; а К. В. Иван с Ондреевых селиц и с Галицаны пошел на Городишную, да на Сухону, да в Саленгу на Кокшенгу воюючи; а город Кокшенской взял, а Кокшаров секл множество, а с Кокшенги на Вологду... а Князь Дмитрей побежа к Новугороду; а Воеводы, то слышав на усть Ваги, и воротилися по Ваге вверх на Кокшенгу жь».

[357] «Прииде весть (Июля 23) к Великому Князю из Новагорода на Вечерни у Бориса Глеба на Москве на рве, что Шемяка умре». В *Арханг. Лет.*: «даша ему лютаго зелия». Он умер Июля 18 (см. Синод. *Псков. Лет.*).

[358] В Синод. *Псков. Лет.*: «Приеха во Псков Князь Иван Дмитриевичь Шемячиць из Новагорода Апреля 9 (в 1454 г.) и выидоша противу его Игумени и Попове со кресты ко Св. Дмитрею на Пскову, и Псковичи прияша его честно, и даша ему 20 рублев, и поеха в Литву Маиа 1».— Вина К. Иоанна Можайского изъяснена в грамоте Митрополита Ионы к Смоленскому Епископу Мисаилу (см. *Послание Рос. Митрополитов*, в Синод. библиот. № 164, л. 151): «Учал (Князь Иван) Великому Князю не послушен быти... Приходила рать Седи-Ахметова... и от нас было посылаемо о том, чтобы от него помочь была, и он ни сам не поехал к нему, ни к его детем, ни к его людем, ни помочи не послал.... Также на Галичь рать Татарская приходила, и сын наш, Вел. Князь, и мы посылали к нему Коломеньскаго Владыку Геронтия, чтобы пошел на оборонь Християньству, Воевод ли бы послал; и он ни сам пошел, ни людей не послал.... Благословляю тобе, своего сына, чтобы еси того поберегл, чтобы как от того Князя Ивана в вотчине Вел. Князя пакости не было... Князь Великий вельми хочет с Королем братства и любви и прочнаго добраго житья; да того деля за ним не пошел, ни своих людей не послал... а в обиду ему себе не мощно подавати. А сыну нашему Пану Михайлу Канцлерю говори, чтобы также о том поберегл, как сам ведает».

[359] См. ниже, примеч. 386, г. 1448, и грамоту в примеч. 361. Далее в летописи: «Генв. 19, в Понедельник (1456), К. В. пойде на Новгород... на Волок же прииде к нему Посадник Василей Степанов».

[360] В *Псков. Лет.*: «Русу взя (Вел. Князь) Февр. 2.... Москвичи убиша Посадника Иосифа Носова... а Князь Василей (Суздальский) сам-третей убежа».

[361] Сей договор нашел я в Пушкинском собрании Двинских грамот: «А се за то ялися послове от Великаго Новагорода к Великому Князю Василию Василиевичу всея Руси и к его сыну к Великому Князю Ивану Василиевичу всея Руси по Новгородскому слову и по Новогородской грамоте, на чем послали к Великим Князем Посадника Григориа Даниловича, Посадника Федора Яковлича, Посадника Василиа Степановича, Тысяцкого Якова Ивановича и Тысяцкого Василия Пантелеевича; а от Житьих людей Офонаса Микулинича, Ивана Юриевича, Якова Ивановича, Еремея Кузминича, Василия Захарьинича. Повелехом суд дати на Городище, от Великих Князей Боярин судьею, от Новагорода Боярин. Судити им Князей Великих человека с Новгородцем; а судити им как право по крестному целованию. Аже ся сопрут о котором деле, а не могут управити, и коли будет Князь Великий в Новегороде, или Князя Великого сын, или Князей Великих брат, и тому делу тогды учинит Князь на Городище с Посадником конец. А что заклад в рядных грамотах, а то велехом имати Князем Великим с Владыкою на виноватом от сего докончания. А крюк Князю Великому по старине на третей год, а от волостей дар имати по старине; а печати быти Князей Великих. А Виры имати Князем Великим по старине, а Новгородцем не таити; а пошлин Князя Великаго Новгородцем не таити по крестному целованию. А что

земли Ростовские и Белозерские, что покупили наши Новгородцы, а тых земель Князем Великим сступилися, и грамоты подавали; а полон с обе половины без окупа. А кто будеть продавал полон в Княженьи в Великом, а тому серебру погреб с обе стороне. А кто будеть продал полоняника своему, тому ся уведати самому, а полоняник пойдет прочь. А с Новоторжцев Князи Великии целование сложили; а что сребро и хлеб Князем Великим не добран в Торжку, или на Губах, а то Князем Великим не надобе. А кто будет дан на поруце в серебре, или в хлебе, с тых порука долов; а что собрано, а то Князем Великим, а Новугороду в том деле на Новоторжцов нелюбия не держати, ни мщатись никоторою хитростью. А что война была Князей Великих над Новгородскою волостию, или Новгородская война была над Великих Князей волостьми, тому всему погреб. А после сего крестного целованиа аже доспеется война с обе половины, а не ведая сего докончания, иманое назад отдати с обе половины; а учинятся мертвые, а почнут клепати мертвыми или грабежом с обе половины, ино суд тому на Городище перед тыми судьями. А что были войны и грабежи из Великого Княжения и из Новгородской вотчины до складной грамоты Великого Князя с обе половины, тому суд на Городище, а суда им у Князя у Великого Наместников в Новегороде не отъимати (здесь, думаю, пропуск) разве ратной вести, или город коли имут делати без хитрости. А *Вечным* грамотам не быти. А в Водцскую землю слати Князем Великим ежегод по старине. А коли приведется взяти Князем Великим черный бор, и нам дати черной бор по старине А позов по волостем по Новгородским позывати позовником Князей Великих, да Новогородским, а в город позывати Князей Великих Подвойский, да Новогородской Подвойский. Так же что наши братиа Новогородцы покупили земли Ростовские и Белозерские, или даром поимали, и нам тых земль обыскав отступитися вам, Великим Князем, по крестному целованию. А кто которой земли запритца, тому суд и исправа по крестному целованию. А приедут к нам, к Великим Князем, от В. Новагорода послы Новогородские о каких обидных делах исправы просити, а наедут нас обеих Великих Князей в Руской земле: ино им посольство правити обема Великим Князем, и исправы просити у обеих; а им исправа дати В. Новугороду по крестному целованию, и ответ дати В. Новугороду. А наедут одного В. К. в Руской земле, ино одному посольство правити, а ему исправа дати В. Новугороду по томужь крестному целованию, и ответ дати В. Новугороду. А В. Новугороду К. Ивана Андреевича Можайскаго и его детей, и К. Ивана Дмитриевича Шемякина и его детей, и его матери Княгини Софьи и ее детей и зятьи Новугороду не приимати. А после сего докончаниа из Московской земли, из Великого Княжениа, кто приедеть лиходей Великих Князей в В. Новгород, и Новугороду их не приимати; или кто лиходей Великих Князей побежить из Руской земли, из Московского Княжениа, в Литву или в Немцы, а из Литвы или из Немец прибежить к В. Новугороду, и Новугороду тых лиходеев не приимати. А коих людей привели к целованию за Великих Князей, кои живут на Новогородской земле в Торжку, или за Волоком, или инде где ни есть, а с тых людей Князи Великии целование сложиша; а земли и воды к В. Новугороду по старине, и по старым по крестным грамотам; а на тых людей Новугороду про то нелюбиа не держа-

ти по крестному целованию. А что пятцев, или полону у Великих Князей, или у В. Новагорода пятцев и полону и старого полону Великих Князей и его братьи молодшой изо всего его Великого Княжения: ино тыи пятцы и той полон отпустиша без окупа на обе половине и старой и новой А на том на всем, Князи Великие, целуйте крест ко всему В. Новугороду безо всякого извета; такожь Посадники и Тысяцкие, и весь Великий Новгород целуйте крест к Великому Князю Василию Василиевичу всея Руси, и к Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, по любви в правду безо всякой хитрости».— — Тут же находится и другая следующая грамота о платеже денег: «Се заплатиша от В. Новагорода Подвойские Степан Ильин, Степан Григорьев, и Вечный Дьяк Яков, Ивану Володимеровичу тысячю рублев, да сто рублев последнего платежа, что добили челом Бояре Новогородские Великому Князю в Яжелбицах: Посадник Григорей Даниловичь, Посадник Федор Яковличь, Посадник Василей Степановичь, Тысяцкой Яков Ивановичь, Тысяцкой Василей Пантелеевичь, а от Житьих Офонас Микулиничь, Иван Юриевичь, Яков Ивановичь, полу-девятою тысячею рублев, и грамоту дали Великому Князю в той полу-девяте тысяче рублех, и в залозех от Демонского докончания, за своими печатьми, и честный крест целовали. Ино та полъдевяты тысячи рублев Великому Князю дошла чисто вся, а залоги от Демонского докончанья осталися за Новымгородом; и мы ту грамоту у Ивана взяли, а в залозех есмя Великого Князя, что ся за нами остало от Демонскаго докончанья, дали на собя сю грамоту, что справити нам все залоги по крестному целованью, по тому как целовали в Яжелбицах Посадник Григорей Даниловичь, Посадник Федор Яковличь, Посадник Василей Степановичь, Тысяцкие Яков Ивановичь, Василей Пантелеевичь, а от Житьих Офонас Микулиничь, Иван Юрьевичь, Яков Ивановичь к Великому Князю; а как залоги дойдут все Великого Князя, ино ся грамота подрати; а запечатали есьмя сю грамоту печатию Посадничею Степенного Ивана Лукинича и Тысяцкого Степенного печатию Михайловою Андреевича».

В *Псков. Лет.*: «Прислаша Новгородци в Псков гонца своего с чолобитьем... и Псковичи не помянуша древняя злобы их, но правяще свое крестное целование, отрядиша Воеводами Посадника Леонтиа Макарьиничь и Максима, и послаша с силами Февр. 15. А стоял К. В. в волостех Новгородских полчетверте недели. Псковичи пребыша в Новегороде полторе недели». В других летописях сказано, что Новогородцы заплатили 10 000 рублей.

[362] «Тое жь весны преставись Князь Великий И. Ф. Рязанский в Черньцах, и наречен бысть Иона; а за мало преже его Княгиня его преставись».

[363] *Собр. Г. Г.* 195. Сия грамота подписана Митрополитом Ионою.— В *Архангел. Лет.* сказано, что Великий Князь взял своего шурина под стражу *с супругою и с детьми.*

[364] В Пушкинском собрании Двинских грамот: «*Список с докончальные грамоты со Княжы с Ивановы Можайского, что кончали въ Литве со Князем с Иваном с Ярославичевым сыном, а привезл сесь список Володя Давыдов лета* 70 (то есть г. 6970). Милостию Божиею и пречистыя Его Богоматери, на сем на всем, господине брате старейший К. Иван Андреевичь, целуй ко мне крест к своему брату молодшему, Князю Ивану Василиевичу: что,

господине, К. В. Вас. Васильевичь отнял у тебя твою отчину и дедину на крестном целованье, и выгонил тобе; также, господине, К. В. Вас. Васильевичь ял моего отца на крестном целованьи безвинно, а мене выгонил из моее отчины и дедины, и тобе, господине, пойти доставати своее отчины и дедины, также моего отца доставати К. Василья Ярославича, и нашие отчины и дедины; а мне, господине, пойти с тобою за-один доставати своего отца и твоей отчины и дедины, и своей отчины и дедины. А имет, господине, Князь Великий тобя К. Ивана Андреевича звати на твою отчину, а имет ти давати твою отчину, или придавати, а моего отца не пожалуеть не выпустить, а отчины отцу моему не отдаст по старине, как было за моим отцем; или, господине, учнет жаловати отца моего как мне нелюбо, и тобе, господине, с Великим Князем без моей воли не канчивать, ни помиритись, а стоять ти, господине, со мною за-один доставати отца моего. И по грехом, господине, К. В. отца моего убиет, или уморит в нятье, или как Бог позовет отца моего к собе в нятстве: и тобе, К. Иван Андреевичь, с Великим Князем ни кончати, ни помиритися без моей воли... Также, господине, К. В. отца моего пожалует из нятства выпустит, а отчину отцу моему отдаст, а тебя, господине, К. В. не почнет жаловати по твоей любви, а отчины, господине, тобе К. В. не отдаст, и мне к Великому Князю нейти без твоей воли, ни кончати, а от тобя ми не отставати без твоей воли. Также, господине, по грехом К. В. не смилуется, тобя не почнет звати, а отчины тобе не отдасть по твоей любви, а отца моего не пустит и отчины ему не отдаст, и даст Бог однова не по нашим грехом Князя Великого побием, или изгоним; а даст Бог, господине, достанешь Великого Княжения и отца моего достанешь: и тобе, господине, приняти отца моего в любовь и в докончанье по его любви, как люб будет конец отцу моему; а в его ти отчину не вступатись, что было за ним городов и волостей в вотчину его и в дедину.... А меня ти, господине, пожаловати в докончанье приняти, и в браты молодшие, и отчину ти мне дати опрочь отца моего отчины: Дмитров с волостьми, как был дал К. В. моему отцу; да Суздаль с волостьми. А кто ти меня изобговаривает чем, и тобе меня не изымати по тому крестному целованью, а обослати мене Князь Ивана Васильевича своими Бояры, а вспросять ти мене по тому же крестному целованью, и мне тобе сказати в правду, и тобе, господине, мне вера яти. А однова, господине, К. В. почнеть водить с собою отца моего, и тобе отца моего отчина дати мне; а мне ти, господине, таки дати, опрочь отца моего отчины, Дмитров в вотчину, как за отцем за моим был со всем, да Суздаль со всем; а о моем ти, господине, отце печаловатись по тому крестному целованью, доколе даст Бог достанешь моего отца. А какими, господине, делы К. В. убиет отца моего, или Бог позоветь к собе отца моего, умрет своею смертью в нятьи у В. К., и тобе в вотчину отца моего не вступатись, а мне ти отчину отца моего отдати; а также ти не вступатись в то, что ти было мне придати при моем отце: Дмитров с волостьми, Суздаль с волостьми. А принять ти мене собе в отца моего место в браты в докончанье, как был отець мой с Великим Князем в любви и в докончаньи и в крестном целованьи. А в треть ти, господине, в Московскую и в пошлины не вступатись: как было за моим отцем, так ти держати за мною. А имешь, господине, ходить доставати своее отчины, и отца моего,

а что, господине, ходячи достанем городов и волостей, или казны Великого Князя, или Боярских козен, или Князцев *окупных*; и тобе, господине, во всем в том дати мне треть. А также по грехом по нашим дела своего доброго не зделаем, а учнешь, господине, собе в которой земле места искати: и тобе меня не оставити, а делати со мною за-один, и места нам собе искати за-один по тому крестному целованью. А учинишь срок, на которой день нам выйти, а на тот срок не пойдешь, а имешь жити здесь: и мне тобе крестное целованье сложити. А на сем, господине, на всем К. Иван Андреевичь целуй ко мне крест к своему брату молодшему Князю Ивану Васильевичу в правду без хитрости».

В летописях: «А тое же весны (в 1448 году) по Велице дни бысть у Великого Князя Посол Литовский, Пан Семен Едиголдов».

[365] «Тое же зимы (г. 1462) многие Дети Боярские Княжи Васильевы Ярославича здумавши себе и целоваша крест меже себя, как бы им пришед изгоном к Угличу и выняти Князя своего, и бежати с ним. Уведен же бысть совет их Великому Князю и повеле всех имати и казнити, бити кнутьем, сечи руки и носы резати, а иным главы отсекати; тою казнию казниша главною Володю Давыдова, Парфена Бренна, Луку Подеиваева и иных».

[366] Василий Темный по завещанию своему (см. ниже) отдал Суздаль и Нижний Новгород одному из сыновей своих: следственно там уже не было Князей особенных.

[367] «На Троицын день (еще в 1438 году) Вятчяне приходили на Устюг, и город Гледен сожгли пуст, а люди все розбрелися на лес... Посылал (в 1458 г.) Князь Великий рать свою на Вятку со Князем *Семеном* (а по другим летописям с *Иваном*) Ряполовским: он же, ничто же успев, возвратися, и стоял под городом под Хлыновым долго, а город не взял: зане же Григорей Перхушков у Вятчан посулы имал, а им наровил (см. *Арханг. Лет.*). Князь Великий (г. 1459) посылал рать на Вятку, Князя Ивана Юрьевича, да Ивана Ивановича, да Князя Дмитрея Ряполовскаго со многою силою, да Устюжан; они же взяша Котельничь да Орлов», и проч. Увидим после, что Вятчане до времен Иоанна Василиевича оставались народною Державою.

[368] Борис умер в Феврале месяце. Между Новогородскими грамотами есть одна договорная с сим Князем о рубеже и судах (*Собр. Г. Г.* 23).

[369] В *Псков. Лет.*: «Того же лета (1456) приеха из Новагорода во Псков Кн. Александр Черторизскый, а по Псковскому челобитью, Иуля 18 (вероятно, без дозволения Великокняжеского)... Князь Черторизьскый и Посадники и Псковичи ехавше (в 1459 г.) на землю и воду Св. Троицы, на Озолицю и на Жолочко, и церковь поставиша Св. Михаила, и сено покосиша, и ловцем своим повелеша рыбы ловити по старине, и Чюхнов на Рожкине повешали... В Вел. пост (г. 1460) Немци изгонивше на Озолици церковь и 9 человек сожгли. Князь Черторизьскый с Псковичи ехавше в насадах и в лодьях на Озолицю, и в Немецкой земли много Чюди пожгоша. Немци ехавше в шнеках в Норову, и насаду Псковскую у ловцов с пушками и со всем запасом ратным отняли, и 42 двора выжгли, а людей Бог ублюде. Приеха (в 1461 г.) посол от Новагорода во Псков, Посадник Карп с дружиною, по чолобитью Немецкому, и по их сроку, и поехаша Князь и Бояри Псковскии на Озолицю и на Жалачко, и досмотрели того обидного

места, а погании Немци не сташа на срок. Тоя же зимы в Рожественое говение Кн. Александр со Псковичанами воеваша Немецкую землю на 70 верст, и 3 нощи в земле их бывше, приведоша много полоненых и скота, и божницу велику выжгли, и крест с божницы и 4 колокола сняли и Попа Нем. поимали... Того же лета Генв. 20 (1461) приеха К. В. в Новгород с своими сынами, с Юрьем и Андреем, и Псковичи послаша к нему Посадника Юрья Тимофеевичь и Максима Ларивоновичь и с ними Бояр изо всех Концов, и даша им на дарове Великому Князю 50 рублев, и биша чолом Великому Князю о жаловании и о печаловании своея отчины, мужей Псковичь, доброволных людий, что есме приобижени от поганых Немець, и водою и землею и головами, и церкви Божии пожжени от поганых Немець на миру и на крестном целовании; и потом биша челом Великому Князю о Князи Александри Васильевичь, чтобы ему быти Наместником, а во Пскове Князем; и Князь Великий отвещал: я вас, свою отчину, хощу жаловати, и боронити от поганых, якожь отци наши и деди наши; а что ми повестуете о Князи о Александри Черторизском, и о том вас, свою отчину, жалую, аже только поцелует крест животворящий Князь Олександр ко мне к Великому Князю и к моим детем к Великим Князем, что ему зла на нас не мыслити: ино буди вам Князь, а от мене Наместник. И услышав Князь Олександр ответ Князя Великого, и не восхотел целовати к нему и к его детем, и поехал изо Пскова вон; а Псковичи много ему били челом, чтобы он жил; и поехал в Литву, Месяца Фев... и К. В. услышав, что Князя Александра во Пскове нет, и послал сына своего, Князя Юрья, с Бояры во Псков, и Посадники Псковскии и Бояры сретоша его за рубежом на Дубровне с великою честью, и приехал во Псков в Неделю Сыропустную Фев. 24, а Игумены, и Священники, и Диаконы сретоша его со кресты против старого Вознесения, и вниде Князь Великый Юрьи Васильевичь в дом Св. Троицы, и все Священьство певши ему много лет и посадиша его на столе отца его Великого Князя, и знаменась его честным крестом, а Посадникы Псковскыи прияша его честно, и биша челом, чтобы еси, господине, пожаловал, дал бы еси нам от Князя Великого и от себе Наместника во Псков Князя Ивана Васильевичь Стригу, и Князь Юрий пожаловал свою отчину по повелению отца своего Князя Великого и брата своего Князя Великого Ивана Васильевича, дал им Князя Ивана Васильевича Стригу Князем во Псков, и приаша его Посадники и весь Псков с великою честью Марта 23; и даша ему всю Княжую пошлину, и целовал крест честный ко Пскову; а К. В. Василей Васильевичь был в Великом Новегороде 6 недель без дни, и поехал па Москву Марта в 1; и потом того же времени приехаша послове Немецкии во Псков от Князя Местера Ризского бити челом Великому Князю Юрью Васильевичу за Юрьевцов о перемирии, и К. В. Юрьй приял их челобитье и дал им срок о перемирии до Рожества Христова, а съезду быти на Успение; а на том Немецкии послове руку даша и крест поцеловаша; а был К. В. Юрьи Васильевичь во Пскове 3 недели и 2 дни, а Посадники и весь Псков чтиша его и даша ему 100 рублев, и поехал изо Пскова Марта 18, и проводиша его честно изо Пскова, и за рубеж. В лето 6969 приехаша послы Немецкии, судья великий, от Арцибискупа Ризского и от Пискупа Юрьевскаго и от всей Немецкой земли, в В. Новгород ко Владыки Ионе и к Посад-

ником, и ко всему Новугороду, бити челом послу Великого Князя и Новгородцом, таже и Псковскому послу Посаднику Зеновею Михайловичь о перемирьи, чтобы К. В. дал перемирья со Псковичи на 5 лет Немцом, и Князя Великого посол и Новгородци испросившись со Пьсковичи и даша им перемирья на 5 лет, и целованa на том Немцы крест; а в тую 5 лет ловити на обидном месте Псковичам к своему берегу, а Немцом к своему берегу; и приехаша из Новагорода во Псков судья Немецкый и такоже целованa крест во Пскове, а от Пскова Зеновий Михайловичь, и судьи и Соцкий исписаша грамоты и запечатали. Того же лета послаша Псковичи послы своя с Новгородцкым послом, Якова Кротова и иных Бояр, в Юрьев к Пискупу Юрьевскому, и ко всем Юрьевцом, и к Арцибискупу Ризскому, рука имати, и Пискуп даше руку Новгородскому послу и Псковскому, а Ратманы поцеловаша крест по своей Вере, что тая 5 лет держати крепко, и отдаваша Немци Псковскиа иконы, что на Жолочке [71*] сожгли церковь храм Св. Архистратига Михаила, и товар Псковский отдаша, и всему исправу учиниша. Того же лета поеха изо Пскова К. Иван Стрига на Москву, а Псковичи послаша со К. Иваном Васильевичем к Великому Князю Посадника Максима Ларивоновичь и иных Бояр, чтобы К. В. печаловался своею отчиною мужей Псковичь, доброволных людей, и послаша дару Князю Великому 50 рублев. Того же лета приехаша послы Немецкыи от Арцибискупа Ризского, и от Пискупа Юрьевскаго и от всей Немецкой земли по своятство (собственность), и такоже поимаша Немци своятство своя, и полопяников своих и все своя поимаша, и всему исправу учиниша. Того же лета приехаша послы Псковскии от Князя Великого, Посадник Максим и Бояри вси здорови, а К. В. свою отчину жалует, урекается стояти и боронити, за дом Св. Троици и за мужей Псковичь. Того же лета прислал К. В. Наместника своего в Псков на Княжение Князя Владимира Ондреевича, а не по Псковскому прошению, и Псковичи приняша его с честью, и посадиша его на Княжении».

[370] В 1455 году: «тогда убит Князь Семен Бабичь, а не на суйме (не в схватке) но притчею некоею. Того же лета (1459) Татарове Седи-Ахматовы похвалився на Русь пошли.... и побегоша; и тоя ради похвалы Иона Митроп. поставил церковь камену Похвалу Богородицы, приделал к олтарю Соборныя Пречистыя, возле южных дверей.... Того же лета (1460) Царь Ахмут Большия Орды приходил под Переславль Ряз. и стоял 6 день в пост Успения». В *Арханг. Лет.*: «Царь Ахмет Кичим-Ахметовичь... Казат Улан Рязанцам поровил... и пойде прочь Царь, на Казата Улан-Мурзу нелюбье держа».— Мир с Казан. Царем заключен в 1461 году.

[371] Во многих летописях: «не даша ему воли». Василий начал лечиться в Пятницу на первой неделе Великаго поста, а скончался Марта 17, в Субботу, в третьем часу ночи, и погребен в Воскресенье.

«Июня в 15 преставися В. К. София, и положена того же дни в монастыри в Возънесении, иде же и свекры (свекровь) ея, Вел. Княгиня Евдокия» [72*]. Духовная сей Княгини напечатана в *Собр. Г. Г.* 191. Приводим некоторые места: «Господин мой, сын мой В. К. Вас. Васильевичь.... даю ему от святости ящик с мощьми, а в нем крест... А сноху свою Вел. Княгиню Марию благословляю, даю ей святую икону оковану, на мусии Святый...

А внука своего, В. К. Ивана, благословляю, даю ему святую икону пречистую Богородицю с пеленою... А внука своего Князя Юрья благословляю, даю ему святую икону пречистую Богородицю, большую икону стенную с пеленою и с убрусцы... а то Олексино (село) дала есмь Княг. Ефросинье.... А внука своего Князя Ондрея благословляю, даю ему икону Св. Безсребреник Косму и Дамьяна... А внука своего Князя Бориса благословляю, даю ему икону Св. Великомученика Федора Стратилата, выбиту на серебре... которые святости, оприсно того, кого есмь чем благословила, честные кресты и святые иконы, или мощи Святых... в большом дубовом и в меньшем ларчику, и в ящику в большем, и в коробки: и яз всем тем благословила внука жь своего Князя Бориса. А что ся останет у мене моее казны или какие рухляди моее клетные, какие ни буди, и яз то все даю внуку же своему Князю Юрью; да даю ему двор свой Московской внутри города Орининской Семеновы жены Васильевича, и с теми своими дворци с подольными, что стоят под моим двором на том же Орининском месте; да и то мое место тутожь на подоле ему же, где собе поставлял хоромы Степан Обобуров; да что ми дал сын мой К. В. место дворовое Фоминьское Ивановича, и яз на том на Фоминьском месте поставила житничный двор, да тогож Фоминьского места променила есмь была Ивану Старкову на его куплю на Степановьский двор Дмитриевича и его детей, Григориев и Федоров, на подоле, и тот есмь была Степановьский двор взяла собе, а Ивану есмь была противу того дала того Фоминьского места, где собе Иван хоромы поставил: и то свое место подольнее, свою куплю, ведает Иван, а в то ся место в Фоминьское не вступает, знает свои хоромы; а язь то все Фоминьское место и с житничным своим двором дала внуку же своему Князю Юрью; а за городом дала есмь ему Елизаровьский двор и со всем, что к нему потягло, да Ивановьское место Конюшего; а на Великом посаде Моравьевский двор и с садом, то все ему жь.... Да даю те свои села к тем Божьим церьквам со всем с своим, да с половиною издельного серебра, что на людех, а половину издельного серебра велела есмь Христианом серебреником отдавати, оприсно и страдников; страдники пойдут на слободу... А о всем положила есмь на своем Господине, на своем сыну на В. Князе о том серебре: кто будет от тех издельников охудел, а и половины того из долгу серебра заплатити не взможет, и сын мой В. К. тому велит отдати за мою душу все издельное серебро; а который будет издельный серебреник изможен в животе, и на том сын мой В. К. велит все взяти..... А что будет в моих селех хлеба стоячего на поле, ржи и яри, оприсно семен ярных, и сын мой В. К. тот хлеб стоячий весь велит попродати, да серебро роздаст по моей душе. А у сее моее духовныи грамоты были Священници, Спасьский Архимандрит Трифон, Симоновьский Архимандрит Геронтий, отец мой духовный Архимандрит Феодосий; а писал Митрополичь Дьяк Ярлык».— К сей грамоте, в которой по краям многих слов не достает, привешены две восковые печати, из коих одна Митрополичья, а другая Великия Княгини.

За 16 лет до кончины Софиной преставилась вдовствующая супруга Князя Владимира Андреевича, оплакав смерть всех сыновей своих. Она говорит в завещании (см. *Собр. Г. Г.* 189): «Се яз раба Божья инока Евпраксья пишу сию грамоту духовную

своим целым умом, во своем смысле, при своем животе: бью челом своему Господину Великому Князю и своей Госпоже Вел. Княгине Софье, и приказываю свои снохи по грамоте своего Господина Княже Володимерове Ондреевича, чтобы Господин мой К. В. пожаловал печаловался моими снохами, чтобы были не обидны. А благословляю своего Господина Вел. Князя по своем животе селом Коломенским с деревнями; а внука своего благословляю К. Василья Ярославича селы... А сноху свою Княгиню Семенову Василису благословляю по грамоте Князя своего, Володимерове Ондреевича, что был тем благословил по своем животе сына Князя Семена... А сноху свою Княгиню Васильеву Ульяну благословляю селы... А внуку свою благословляю Княгиню Марью Иванову селом... да и в городе местом под двором под старым на Подоле, где были Владычни хоромы, до ее живота, а по животе внуку моему Князю Василью... А благословляю свои снохи и своего внука К. Василья Ярославича монастырем Рожеством Св. Богородицы; а дала есьми тому монастырю, где ми самой лечи, село с деревнями... А что мой долг, что есьми займовала, а платила за своего внука отчину за Князя за Василья 300 рублев без 20, а за Лужу 500 рублев, и Осподин мой К. В. вотчину мою Лужу взял, а дал внуку моему, а долг мой ялся заплатити, и внук мой Князь Василей свой долг 300 рублев заплатил без 20, а Лужевского заплатил сто рублев, а за ним ся остало четыре ста рублев; и Осподин мой К. В. Вас. Васильевичь пожаловал бы взял то серебро на моем внуке на Князе на Василье, да дал бы то серебро снохам моим, и снохи мои должником заплатят, а с моее души сведут, чтобы на меня должники мои не плакали, ни мои снохи. А приказываю внуку своему К. Василью Ярославичу, чтобы есть правил по душе деда своего, а моего Господина, Княже Володимерове Ондреевича, и по мне и моих детех; а снохам своим приказываю свою душу поминати и по своем Князе, и по моей, и по моих детех, правити по силе. А у грамоты сидел отец мой Архимандрит Фефан духовный».

[372] *Собр. Г. Г.* 202: «А сына своего старейшего Ивана благословляю своею отчиною Великим Княженьем, и даю ему треть в Москве и с путьми с моими жеребьи... *Володимером... Переяславлем... Кострома... Галичь* с путьми и с солью... *Устюг...* землю *Вятскую, Суздаль... Новгород Нижний... Муром... Боровеск...* и *Суходол...* да *Калугу* и с *Олексиным...* А сына своего Юрья благословляю третью в Москве Княжею Володимеровскою, с сыном своим с Ондреем по половинам, а держать по годам; да Юрью же сыну придаю гсд в Москве Княжь Костянтиновской Дмитреевича... *Дмитров... Можаеск* и с *Медынью...* да *Серпухов*, да *Хотунь...* А сына своего Ондрея благословляю, даю ему *Углече* и с *Устюжною*, и с *Рожаловым*, и с *Велетовым*, и с *Кистмою*, и со всеми теми, как было за Князем за Дмитреем за Шемякою... *Бежицкий Верьх...* а у Москвы село *Сущевское*, и с дворы с городскими, а чем его благословила баба его, Вышелесом, ино то его и есть. А сына своего Бориса благословляю в Москве годом Княжим Ивановым Можайского, да в городе на посаде дворы около Св. Егорья каменные церкви, Марьинские Федоровы; да даю ему *Ржеву... Волок... Рузу...* да луг на реце Москве *под Крутицею...* да что ему дала Марья и двор свой внутри города на Москве, ино то его и есть. А сына своего Ондрея меньшого благословляю в Москве го-

дом Княжим Петровым Дмитреевича; да у Москвы село Танинское, да Ясеневское... даю ему *Вологду* и с *Кубеною* и с *Заозерьем*... А Княгине своей даю *Ростов*... до ее живота; а Князья Ростовские что ведали при мне, ино по тому держат и при моей Княгине, а Княгини моя у них в то не вступается. А возмет Бог мою Княгиню, и Княгиня моя даст Ростов моему сыну Юрью, а он держит по тому же, как держала его мати... А что ее купля городок Романов, Княжо Михайлово Деева, и Княжых Львовых детей, и Княже Давыдово Засекина и усть Шоксны, что собе купила у Князя у Семена и у Князя у Василья у Шохонских: ино то ее и есть... Да даю своей Княгине Нерехту с *варницами*, Напрудское (село) у города, и с дворы городскими, да мельницу Ходынскую с лугом с Ходынским... А что ее купля, в том вольна моя Княгини: опосле своего живота которому своему сыну всхочет дати, ино тому даст. А что моя тамга Московская, и яз даю своему сыну Ивану треть тамги, и со всеми пошлинами; а другую треть Княжу Володимерову сыну моему Юрью, да Ондрею большому по-половинам; а третью треть сыну своему Борису, да Ондрею меньшому по-половинам: а из тех изо всех трех третей дал есмь своей Княгине половину тамги и всех пошлин до ее живота; а по ее животе, ино отдасть им их жеребьи по сей духовной грамоте, как им написано. Да даю своей Княгине из Новагорода из Нижняго половину пошлин своих всех, как было за моею матерью за Великою Княгинею... А как почнут дети мои жити по своим уделом, и моя Княгини, и мой сын Иван, и мой сын Юрьи, и мои дети пошлют писцев, да уделы свои писцы их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людем, да по тому окладу моя Княгини и мои дети и в выход учнут давати сыну моему Ивану с своих уделов. А переменит Бог Орду, и моя Княгини и мои дети возмут дань собе с своих уделов... А где есмь ни подавал своей Княгине волости, й те волости и села *данью и судом* потянут к моей Княгине; а Волостелей своих и Посельских, и Тиунов, и Ключников, и Доводщиков, судит моя Княгини... *А кому буду давал своим Князем и Бояром и Детем Боярским свои села в жалованье*, или хотя и в куплю, ино те мои села моим детем; во чьем уделе будет, ино тому то и есть. А по грехом у которого у моего сына вотчины отоймутся, и Княгини моя уймет у своих сынов из их уделов, да тому вотчину исполнит; а дети мои из ее воли не вымутся. А сына своего Ивана благословляю крест Петров Чудотворцов, да крест золот Парамшинской, да шапка, да бармы, да сердоличная коробка, да пояс золот большой с каменьем; а сына своего Юрья благословляю икона Филофеевская, да крест золот, что мя благословила моя мати Великая Княгини, да пояс золот на червчате ремени. А сына своего Ондрея большого крест золот Княжь Дмитреевской меньшего с чепочкою; а сына своего Бориса благословляю крест золот, что мя благословила моя мати, коли есмь шол к своей отчине к В. Новугороду; а сына своего Ондрея меньшого благословляю икона золота на изумруде. А приказываю свою Княгиню и своего сына Ивана и Юрьи, и свои меньшие дети, брату своему Королю Польскому и Великому Князю Литовскому Казимиру, по докончальной нашей грамоте, на Бозе и на сем на моем брате... а дети свои приказал есмь своей Княгине... а который сын мой не имет слушати своее матери, на том не буди моего благословенья. А вы, дети мои, чтите и слу-

шайте своего брата старейшего Ивана в мое место своего отца; а сын мой Иван держит своего брата Юрья, и свою братью меньшую, в братстве без обиды. А хто моих Бояр имет служити моей Княгине, а живут в уделех детей моих, и тех Бояр дети мои блюдут с одиного. А хто будет моих Казначеев, или хто моих Дьяков прибыток мой от мене ведали, или Посельских, или Тиунов, или хто женился у тех, ино те все не надобны моей Княгине и моим детем; а хто сю мою грамоту переступит, ино по Евангельскому словеси: хто преслушается отца и матери, и заповеди их не хранит, смертью да умрет. А у духовные сидел отец мой духовный Архимандрит Спасьский Трифон, да Симоновский Архимандрит Афонасий; да мои Бояре Князь Иван Юрьевичь, да Иван Ивановичь, да Василей Ивановичь, да Федор Васильевичь. А грамоту сю писал Дьяк мой *Василей Беда*».— На подлинной подписано так: «смиренный Феодосий *Архиепископ всея Русии*».— К сей грамоте привешены две печати, из коих одна Великого Князя, а другая Митрополичья.

Василий написал и другое завещание (стр. 207), также подписанное Митрополитом Феодосием; оно служит единственно прибавлением к первому.

В летописи об Ионе: «Марта в 31, во вторый час дни, во Вторник Страстыя недели (в 1461 году) преставился Иона Митрополит и положен бысть в церкви Успения за левым крылосом против Митрополитов Киприяна и Фотия: Князю жь Великому сущу тогда в Володимере; заратил бо ся с Царем Казанским (см. выше)... Тояже весны поставлен на Митрополию Архиепископ Ростовский Феодосий Владыками Рускими, нашея земли Московския, Суздалским Филипом, Рязанским Евфросимом, Коломенским Геронтием, Саръским Васияном; а Новогородцкой Архиепископ Иона и Тферский Владыка прислаша послы с грамотами своими, глаголюще тако: кого восхощет Господь Бог и Пречистая Мати Его и великии Чудотворцы, и Господин наш Князь Великий, и братия наша Епископи Рустии и иже с ними освященный Собор, то и наш Митрополит; и подписашася вси за един».— О чудесах Св. Ионы Митрополита см. в *Степен.* Кн. II.

[373] Герберштеин в Rer. Moscov.: Post Wolodimerum Monomach usque ad hunc Basilium Russia carebat Monarchis [После Владимира Мономаха в России не было Монархов до этого Василия].

[374] Ослеплены Василий Косой и сам Великий Князь; отравлены Шемяка и Князь Литовский Михаил, племянник Витовтов (см. выше). Вспомним также, что Косой, брат Шемякин, отсек руку и ногу Князю Переславскому Роману.— Чернь злодействовала в Новегороде в 1442 году; пленников терзали в Опочке, в 1426 году, как мы описали. В летописи: «Тое жь весны (в 1444 году) Князь Иван Андреевичь Можайский поимал Андрея Дмитреевича и жену его и сжег на Мироносицы в Можайске.... Тогда жь (в 1442 году) Колударова и Режскаго кнутом били»; также и Дворян Василия Ярославича Боровского в 1462 году.

[375] «В городе в Троцех езеро Жидовское 3 дни стояло кроваво (в 1430 году)... В Смоленце явился волк гол, без шерсти, и много людей ел» (в 1430 году). В Синод. *Новогород. Лет.* л. 152: «Тоя же зимы, Генв. в 3, бысть облак тученосен с дождем, и паде с облакы пшеница и рожь и жито, на поли и на лесе, от града 5 верст вдале, от Волховца и Мьсте реке на 15 врьст; людье збравше, ели-

ко кто изобрете, и принесоша в град; людье же стекошась видети сие преславное чудо, откуду и како бысть».

[376] В Синод. *Новогород. Лет.* № 349, л. 152: «Того же лета (1446) начаша Новгородци денги хулити сребреныя, и вси люди, друг на друга смотря; и бысть межю ими голка и мятеж и нелюбье; и Посадник и Тысяцкой и весь Новгород уставиша 5 человек денежников, и начаша в старых денгах новии ковати, в ту же меру, на четыре почке таковы же, а от дела от гривне по полуденге, и бысть Христианом убыток велик, и по волостем: да и сие незабвенно будеть в последних родех... Того же лета охулиша Новгородци старыи рубли, и бысть денежником прибыток, а рубли переделаша на денги, а у денежников посулы поимаша». В Синод. *Новогор. Лет.* № 347 г. 1447: «Выведе Секира Посадник ливца и весца серебряного Федора Жеребца, и напоив его нача сочити, на кого еси лил рубли? Он же оговори 18 человек, и по его речам иных с мосту сметаша, иных домы разграбиша, и из церквей вывозиша животы их; а преже того по церквам не искивали. И еще того же Феодора начаша безправдивии Бояре наущати говорить на многых людей, претяще ему смертию. Он же протрезвився рече: на всих есмь лил и весил с своею братьею ливци. Тогда бе весь град в сетовании, а *голодники* и ябедники радовахуся; только бы на кого выговорил. И того самого смерти преда (Посадник), а живот его в церкви раздели и разграби. И бысть в граде мятеж велик; и оттоле и сам Секира разболеся и умре».

[377] См. *Арханг. Лет.* г. 6963.

[378] См. *Лет. Соловецк. Монастыря.* Зосима пришел в Соловки в 1438 году с Аввою Германом. Иона был Архиепископом Новогород. от 1458 до 1471 года. Первым Игуменом Соловецким именуется Павел, вторым Феодосий, третьим Иона, четвертым Зосима (с 1452 года).

[379] Memor. popul. III, 531. О Торках Российских мы часто упоминали в Истории от X до XIII века.

[380] См. Историю Палеологов, описанную Дукою, Франзову Hist. Byzant., напечатанную в Венеции в 1733 году, и Кантемирову Оттоманской Империи.

[381] *Никон. Лет.* г. 1453, стр. 266: «Вельможи Костянтиновы набогатели от нечистаго своего собрания, от слез и от крови Христианския». Стр. 268: «как конь под Царем без узды, так Царство без грозы».— Стр. 273: «Цветно было видети Вельмож его (Константиновых) полки, да против недруга крепкаго бою не держалися». Стр. 272: «У него же у Турскаго Царя против недруга ставится игрою играти». Стр. 277: «Иного Христианского Царства вольнаго (кроме Русского) и Закону Греческаго нет». Стр. 261: «Но убо да разумееши, аще вся преждереченная Мефодием Патръским и Львом Премудрым и знамения о граде сем совершися, то и последняя не прейдут, но такоже совершитися имут; пишет бо: *Руский* же род с преждесозданными всего Измаилта победят и Седмохолмаго приимут, и в нем воцарятся». Но Мефодий в своем сказании о *последних веках и народах* не говорит о Русских: разве Лев Премудрый в каком нибудь сочинении, нам неизвестном, упомянул о сем пророчестве?

[382] Райнальд. Annal. Eccl. T. XVIII, г. 1453, № 5. Сие громозвучное послание начинается так: Audite haec, audite omnes gentes; auribus percipite qui habitatis orbem... universi quoque Re-

ges et Principes Christocolae ac universus Domini populus cum religiosis cunctis audite [Внемлите этому, внемлите, все народы; услышьте все, кто есть в этом мире... Внемлите, все цари и правители христианские, и весь народ Господень]. Описав взятие Константинополя, Исидор прибавляет: Eorum actus et opera propriis oculis vidi, et una cum aliquibus Constant. viris, plura perpessus sum mala et pericula, licet de manibus eorum me eripuerit Deus, ut Jonam de ventre ceti [Я видел своими глазами их деяния и вместе с прочими жителями Константинополя претерпел несчастья и опасности, покуда Бог не спас меня из их рук, как Иону из чрева кита]. В заключение: Licet enim in multitudine confidat (т. е. Магомет) et feritate suorum plures tamen sunt, qui nobiscum sunt, immo Dominus ipse omnium militiarum, pro cujus fide et religione pugnatis, ita quod centum ex vobis persequi et superare valeant mille ex illis, et mille ex vobis decem millia [Пусть он [Магомет] уповает на жестокость и многочисленность своих воинов, но и тех, кто с нами, немало, и сам Господь, за веру которого вы сражаетесь, даст силы каждой сотне ваших победить тысячу их, и тысяче ваших — десять тысяч их], и проч.— О погребении Исидора см. Флёри Hist. Eccl. XV, 593. По кончине Исидора был назван Латинским Патриархом Царяграда Кардинал Виссарион.

[383] См. Лызлова *Скиф. Ист.* I, 66, где рассказывается сказка о стрелах, которая гораздо древнее Эдигеевых времен.

[384] См. Нарушев. *Таврикию*, стр. 119 и 128 — Дегина кн. XVIII, 375 — Абульгази Hist. des Tat. 467 — Лызлова II, 2. Так называемый *Михаил Литовец* (Michal. Litv. de moribus Tartarorum) живший в XVI веке, именно пишет: Aczkirei apud Troki natus, et hinc a divo Withowdo ad Imperium illud missus [Азгирей родился в Троках, и оттуда был послан на это царство божественным Витовтом].

[385] По известию Михаила Литовца (см. Нарушев. *Таврикию*, ст. 128).

[386] Нарушевич. Папа в 1465 году присылал Антиохийского Патриарха Людовика уговаривать Ази-Гирея, чтобы он объявил войну Туркам; а сей Хан ответствовал ему, что он готов во всем слушаться Короля Польского (см. Кромера de Reb. Polon. стр. 382).— Кромер (стр. 339) пишет, что Седи-Ахмет, около 1452 года прибежав в Литву с девятью сыновьями и с Вельможами, хотел уйти оттуда в Киев, но взятый под стражу, умер в Ковне.

Разные случаи сего княжения:

В 1425 году «в Новегороде погоре Торговая сторона и Людин Конец; преставись нареченный Владыка (Новогородский) Феодосий, Игумен Троицы, его же были избрали по жребию и паки не восхотеша... С Ильина дни до Крещения бысть мор во Пскове и по всей волости железою; а К. Федор Патрикиевичь, того мору убоявся, поеха со всею челядью на Москву Авг. в 22, а был во Пскове год и 2 мес.; и тамо смерти не избеже: умре на Москве. За Старым Коложем, на Каменне озере (в Псков. области) у Васля у двора, от иконы Св. Богоматери, из праваго ока, идяше кровь Сент. в 16 день, проявляя нахождение Витовта. Сентября в 23 колоколы повешаху Псковичи на персех ко Св. Троице на новой колокольнице, на новой стене».

В 1426 году. «Сент. в 5 день около солнца 6 явися кругов, а круг за круг связался, и различьны беаху цветами, ов чермен, ов зелен, а иный жолт. Преста мор в Новегороде. За Волоком бысть глад: купиша кадь верши (ржи) по 40 бел. Весною бысть пожар на Пскове на Запсковьи месяца Мая: погорело 40 дворов; а потом на посаде за рвом, в Трупехове улице, Июня в 5».

В 1427 г. «умножи Бог всякого обилья хлеба во Пскове, по 7 зобниць ржи на полтыну, а говядь 3 яловичи на полтыну. Апреля 9 преставися Посадник Псковскый Микула Павловичь. Съвръшена церк. кам. Спас Владыкою Евфимием (в Новегороде), и устроена бысть дивно иконами и книгами, и свинцом покры. Июня в 9 преставись Св. Игумен Кирил Белоозерский и положен в своем монастыри. Немцы убиша 6 Опочан бортников на нашей земли, и посекше и пожгоша в инех местех, а все па миру. Псковичи, ехавше в 2 насадех, пожгоша сено у Немцев, и Чюди 7 человек повесиша у Выбодска. Псковичи послаша к В. Князю Посадника Феодора Шибалкиничь, и испросиша собе Князя Александра Федоровичь Ростовского; он же присла преж себе сына своего, Дмитрия. Дмитрий же пребысть во Пскове и до полузиме, и не дождав отца отъеха на Москву». В 1428 году «преставися Посадник Псковскый Феодор Шибалкиничь Генв. в 10 день. Февр. в 29 Котелно город выгорел весь, а загорелося от церкви Св. Николы. Преставись Игумен Никон, чудный старец. Псковичи подтвердиша мир с Местером и с Юрьевци, а без Новагорода».

В 1429 году «преставись (в Новегороде) Владыка Евфимий Ноября в 1, а был Владыкою 5 лет и 5 недель, а Черньцем на сенех год и 2 недели. Того жь месяца в 13 възведен бысть по жребию Священноинок Евфимий с Лисичей горки на сени. Падеся (в Новегороде) церковь Св. Отець на Княжи дворе. Псковичи послаша Микифора Совкина, Карпа Зобанова и Афанасья Терентеевичь к Князю Вел.... и испросиша собе К. Александра Федоровичь и приеха в Псков с сыном Дмитрием Февр. в 20, уже в третие; а тогда бяше ржи на полтыну 9 зобниць. Князь Псковскый Александр и Посадник Селивестр заложиша новый город на новом месте на реке над Ругодивом, и начаша делати на Воздвижение и до зимы зделаша. Псковичи на торге и на Черехе намостиша мост новой. Сент. в 15 бысть буря во Пскове по 3 дни».

В 1430 году «поставиша (в Новегороде) церковь кам. Св. Отець вместо падшей. Новогородци приставили к Порхову другую стену. Пригон был Христианом к Новугороду город, ставити, а покручали (наряжали) от четырех пятаго. Той же осени вода бысть мала, и земля и лесы горяху, и дым мног, и с того дыму мряху рыбы и птицы, а рыбы дымом воняша и по два года. Тогда Псковичем с Новогородци не бяше миру, ни рати. К. Александр Федоровичь и Юрьи Посадник Тимофеевичь и вси Посадники Псковскые заложили город новый, Выбор тако нарицаемый, в Котеленском обрубе, а заложиша стену на Воздвиженье».

В 1431 году «на весну Князь Псковскый Александр Ростовский и Посадник Яким Павловичь и Феодосий Феофиловичь и Стефан наяша 300 человек, и заложиша город на береге, на реке на Гдове, на пятой недели по Велике дни, а на Гдовских зем-

цах, у кого тамо отчина, взяша 300 рублей в камену стену; а одиного лета доспеша с приступа; а по иным сторонам и деревяну стену окончаша Ноября в 1. Июля в 24, в 5 час нощи, бысть знамение в луне в полнощи. Послаша Псковичи в Новгород Ивана Посадника Сидоровичь и Селивестра Посадник и Бояр, и биша чолом Владыце Евфимию и всему Новугороду о миру; они же миру не даша, а рати не учиниша. Того жь лета знамение на небеси, три столпы огненны, и засуха была, земля и болота горели, и мгла 6 недель; солнца люди не видали, рыбы с дыму мерли; а что скот и птица, все дымом слышати».

В 1432 году «бысть знамение в луне, Генв. 5, в 7 час нощи, и Генв. в 17. Зделаша Псковичи прясло стены от Великие реки у Сысоевых ворот; а того же лета ехаша на съезд на Полочьскый рубеж, и не учиниша ничто же. Мая в 3 бысть (во Пскове) туча грозна... а на Снетной горе в монастыри пояху старци вечернюю, и церковь исполнися пламени, а Черньци падоша от страха, а иконы позлащенныя вси потемнеша. Послаша Псковичи к Новугороду 3 Посадника, Юрья и Селивестра и Якима, о миру, и Новгородци миру не даша, а рати не учиниша. Владыка (Новогородский) Евфимий постави церковь древяну. Св. Апостол конець Чюдинцеве улици. Той осени приеха в Новгород К. Юрьи Семеновичь с своею Княгинею из Литовской земли; той же осени погоре околоток весь и Владычнь двор (и на Св. Софии кровля погоре, а болший верх позлащеный ублюде Бог); заложиша церк. кам. Св. Юрья на Боркове улице. Княземь Литовскым бысть (Дек. 8) брань велия между собою, Князю Жидимонту с Князем Свитригайлом, о Великом Княжении... и одоле Жидимонт, а Свитригайло побеже к Полотску».— В 1433 году «Генв. 6 бысть знамение в луне, в 7 час нощи, а мес. Июня в 14 от грому много людей и коней поби (в Пскове) и за рекою противу Снетной горе двор сожже, а другий против Старого Вознесениа. Июня в 17 бысть знамение в солнце, а 29 в луне; тогда Немецкый город Колывань выгоре весь от молниа. Июля в 3, в Пяток, от молниа загореся два костра, един кутней в Крому, а другой на персех от Великой реки, а в церкви у Св. Троицы Попа ожже в обедню... а за рекою в монастыре Св. Иоанна наполнися церковь пламени, и на иконах потемнело злато, и Попове со кресты по граду ходяще... Петровскии суседи (во Пскове) разбиша костер старый у Св. Петра и Павла, и в том камени създаша церковь Св. Бориса и Глеба, и начаша разбивати всю стену старую к Великой реке. Бысть побоище межю Кн. Жидимунтом и Свитригайлом... и не учиниша ничто же. В весне загореся (в Новегороде) на Яневе улици, и погоре Загородскый Конець и Людин до Лукины улицы; свершиша Борковци церк. кам. Св. Георгия; нареченный Владыка Евфимий постави в дворе у себе полату камену, а дверей у нее 30, а Мастеры делали Немецкии из заморья с Новогородскыми мастеры».

В 1434 году «Псковичи послаша к Новугороду Ивана Посадника Сидоровичь, и Якима Посадника Павловичь, и Бояр, и много бивше чолом, а миру не взяша. Тоя же зимы К. Александр поеха из Пскова с всею челядью своею на Москву Февр. 28, а был в Пскове трижды, всего 12 годов, а в тот же день приеха из Литвы во Псков зять его, Князь Володимер Данильевичь, а был в Литве 10 лет, и Псковичи прияша его честно. Того жь

лета бысть хлеб дорог вельми в Немецкой земли, а во Пскове ржи на полтыну 13 зобници» (в другом списке: *по девяти денег зобница ржи*). «Свершиша церк. кам. Спас Милостивый на торгу (во Пскове) Июля в 23. Псковичи послаша к Новугороду Селивестра Посадника и Стефана Родивоновичь и Бояр, и взяша мир; а от Новагорода целовал крест Самсон Посадник Ивановичь, а Тысяцкой Федор Елисеевичь, Июля в 22, и Псковичи целоваша крест пред послы Новогородскими. Той же весне подписана полата во Владычни дворе (в Новегороде). Приеха в Новгород Владыка Евфимий, поставлен Митрополитом Герасимом Смоленьскым Маия в 26. Поставиша церк. кам. в Околотке Иоанна Златоуст. на старой основе Посадник Григорий Кириловичь и Есиф Андрияновичь (в Новегороде), Горошков внук».

В 1435 году «приеха во Псков Архиепископ Новог. Евфимий Генв. в 13, а не в свое лето реченое, и хоте своего Новгородца Наместьника и Печатника посадити, а не якоже перьни Владыки уставиша, и Псковичи не даша ему тоя воли; оц разгневався поеха изо Пскова, и К. Володимер и Посадник Селивестр и Федос возвратиша его из Невадичей и даша ему суд и на Попех подъезд, и Посадники ему повелеша сборовати в Св. Троици; он же не хоте сборовати до Митрополита, и разневався и поеха изо Пскова Генв. в 30. (В другом списке: «и учал Наместник его судити не по Псковской пошлине, учал посужати рукописанья и рядницы, и учали Диаконов сажати в гридницу; а Псковичи за оброк не стояли, но по Дияволю наученью стал бой Псковичам с Софеяны, и Владыка разгневался»). Того же лета в Петрово говение мороз побил рожь (в Псковской области). Князь Свитригайло, собрав Смольняны и Видьбляны, и Кианы, и Полочаны, и Князя Местера Ризьского с силами и заморцов, пойде на Жидимонта, а он с Литвою и с Ляхи, и съступишась в Жомоитьской земли Сент. в 1, и одоле Жидимонт, и Местера Рижского убиша; а Свитригайло прибеже в Полотьско с 30 мужь. Наяли Псковичи наймитов на новый мост на Псковe реке, а запас делки наймитов, а *рилины* [73*] (перила: см. Т. IX, примеч. 95, год 1564) [73*] и городни и дубья Псковская, а даваху им найма 70 рублев, а наймитов было 40 человек».

В 1436 году: «тоя же зимы приеха во Псков К. Борис Васильевичь, и Псковичи приняша его, чаяхуть его приехавша от В. Князя Наместником, и послаша к В. Князю Ивана Ларионова и Тимофея Поткина, и с ними К. Володимера... и дасть им от себе Наместником В. Володимера Данильевичь, а К. Бориса выпроводиша изо Пскова, а он пролгался. Тоя же зимы Новгородци воеваша Луки Великии и Ржову (Новоржев), и они не хотеша дани давати». *Новог. Лет.* в 1435 году сказывает о том следующее: «Посадники Новогородскии, Иван Васильевичь да Григорей Кириловичь, да Тысяцкий Федор Елисеевичь, Есип Васильевичь, Онанья Семеновичь, Остафей Есиповичь, а с Рушаны Федор Остафьевичь, Михайло Буйносов и Порховичи идоша тремя путьми и казниша Ржевичь, и села пожгоша по Ржеве по Плесковскый рубеж и на Бардове». Новоржев и Великие Луки оставались спорным владением между Литвою и Новымгородом. Далее: «Тоя весны Псковичи приняша гостей Немецких товар, а самых Немець в погреб всадиша, 24 Немчина: зане же они на крестном целовании Псковичей изымаша, а иных избиша. За две

недели по Велице дни приеха во Псков из Литвы К. Иван Андреевичь, внук Олгердов, а в своем безвремении, и Псковичи даша ему 100 зобниць ржи, да 100 овса, да 10 рублев на кормлю (в другом списке: «хлебом и *вологою*, и медом и поминком почтиша») и пребысть в Пскове до Рожества. Владыка Новогород. Евфимий заложив пакы и сверши церк. Иоанна Златоуст. на воротех, а над полатою у себе часы звонящии устрои, и заложи церк. кам. Св. Николы на Вежищах. Той же осени мраз обилие погуби в жатву в всей Новгород. области, и мнози изыдоша в Немци. Вода бысть велика, и ледом мержею выломи у Великого мосту 7 огородень, и Жилотужьскый мост вынесе».

В 1437 году «в весне подписан бысть Иван Златоуст в Владычне дворе на воротех. Той же весны вода подмывала у детинца города, и оползе вал от стены, и падеся стена каменна и колокольница от Волхова. Владыка Евфимий благослови крестом на Вече в ризах Посадников и Тысячскых и весь Вел. Новгород в Неделю, и поеха на Москву к Митрополиту Исидору Иуля в 7. Паде церковь Николы на Вежищах, и Владыка Евфимий заложи церк. кам. Св. Петра Митрополита Русьского на воротех у себе на дворе, а старую порушав. Того жь лета (в Новегороде) мост Вел. свершиша. Сент. 15 преставися Евпраксия Княгини, и погребе ея Исидор Митрополит (см. выше, примеч. 371). Окт. 9 прииде в Новгород с Москвы Митрополит Исидор. Тое же осени родися Великому Князю сын Князь Юрьи большой».

В 1438 году «в весне приеха в Новгород К. Юрьи Семеновичь Марта в 3, и поставиша опять церковь Св. Николу на Вежищах на старой основе. Поставлена бысть во Пскове церк. кам. Св. Афанасиа в Довмантове стене, а Св. Спас у Старого костра. Тое жь весны в Суботу Вербную погоре город Коломна; загореся в вечерню, а о заходе солнца преста».

В 1439 году «постави Архиеп. Новогород. Евфимий *ключницу* хлебную камену, омаза извистью Св. Софию всю, и постави колоколницу кам. на старом месте на городе, иде же палася. Того же лета *обретено бысть тело Архиепископа Иоанна, при коем были Суздальци под Новымгородом* (во время Андрея Боголюбского). Архиепископ Евфимий *позлати гроб Князя Владимира; внука Великого Володимера, и подписа и покров положи, и память им устави творити на всякое лето. Окт. в 4.* Приеха в Псков Князь Александр Ивановичь, правнук Олгердов, с Тфери, и Псковичи посадиша его на Княжении (вероятно с дозволения Великокняжеского) а К. Володимера Данильевичь выгнаша. Город Устюг заложили около Св. Покрова и монастыря».

В 1440 году «погоре Полтеск весь. Постави Владыка Новог. Евфимий церк. кам. Св. Настасиа и комнату кам. меншую. В Вороначи бысть знамение Авг. в 7 день, от иконы Св. Николы из суха дерева истече кровь из леваго уха, и Священники привезоша икону в Псков, а Геласий Архимандрит и Священники сретоша со кресты. Город Опочка выгоре весь Сент. 5, а загореся от церкви Св. Спаса, и тоя осени поставиша новый, а ездил туда Посадник Псковскый Тимофей».

В 1441 году «преставися Князь Юрьи Васильевичь большой, сын Вел. Князя, а другий Юрьи Васильевичь родился Генв. в 22. Двиняне приходили ратью под Устюг, и стояли един день, и прочь пошли. Тое же осени пожар бысть на Москве».

В 1442 году «зима люта бысть зело, и много скотом и человеком зла сотворися. Тое же весны громы велики и вихри, и бысть страх на человецех. Бысть жито дорого. Владыка Новогород. Евфимий постави церк. Преображение в Русе на старой основе, а пособници быша Новгородци и Рушани. Тоя же зимы в Пскове бысть мор велик зело, и аще кому явится железа, наскоре умираше; а почало мерети 5 Дек., и мряху все лето; а почало из заулка и с Пустынек от кам. церкви; и К. Александр Ивановичь и Посадники 3, Юрьи Тимофеевичь, и Архимандрит Григорий и Попове 3 Збора подумавше с Псковичи, поставиша церковь в един день на Романихе Похвалу Св. Богородици, в Петрово говенье в Среду на память Дорофея; и в тот день и Литургию свершиша; поставиша и другую церк. Св. Саву в Микитьеве монастыри; и того же лета К. Александр преставись в Чернечьстве; а преста мор на Дмитров день, а по селом мерли и до Крещениа».

В 1443 году «постави Новог. Владыка Евфимий духовницю камену и сторожницю; поставиша церк. кам. Св. Николу на Кречеве, близ Русе. Поставлены (во Пскове) две церкви на Завеличии, Успение, и священа Окт. 26, а другая Богоявление на Запсковьи в Бродех, священа Ноября 1».

В 1445 году «постави Новог. Владыка Евфимий теплую церк кам. Св. Евфимия в сенех. Сотворися знамение в Суздале в Соборной церкви Богоматери при Епископе Аврамии: начаша напрасно Святительскыя гробы внутри горети и падати, а назавтрие, в праздник Преполовления, падеся и сама церковь Сборная».

В 1446 году «родися Великому Князю на Угличе сын Андрей Авг. в 13 (по другим спискам 14). В Новегороде хлеб бяше дорог, коробья ржи по полтыне; постави Владыка Евфимий церк. кам. Св. Варлаама на Хутине, а наверху колоколницу, и заложи монастырь Св. Георгия в Городке, и стену камену понови и подписа, иде же отпало, и покры ю чешуею; а все то сделано в 4 мес. Поставиша (во Пскове) церк. кам. на погребе в Снетогорском дворе Иоанна Богослова. Поставиша Княжанци (в Новегороде) церк. кам. Св. Мироносиць на старой основе; а в Русе церк. Св. Дмитрия кам.— Авг. в 7 день Владыка Новог. Евфимий благослови своих детей Посадников и весь Новгород, и поеха за Волок благословити Новогородскую отчину и своих детей».

В 1447 году «Генв. 23 приеха Владыка Евфимий из Заволочья в Новгород; того же мес. в 30 свяща церковь Собором теплую Св. Евфимия».

В 1448 году «мор бысть силен на люди и на кони на Москве. Генв. 14 приехал во Псков из Новагорода К. Суздальскый, Василей Васильевичь *Гребенка*, и посадиша его на Княжении во Св. Троици, и даша ему всю пошлину Княжью и целова крест ко Псковичем по всей Псковской пошлине. Приеха во Псков Владыка Евфимий Дек. 27, а при Князи Васильи Васильевичи Гребенки, при Посад. Степенном Федоре Патрикыевичь, и сретоша его против дальняго Пантелеймона, и на 3 день учини Собор в дому Св. Троице, и Сенедикт чтоша, злыя прокляша, котории хотят дому Св. Троицы и Св. Софии зла, а благоверн. Князем, там лежащим, пеша вечную память и инем добрым людем, иже кровь свою пролияша за дом Божий, а живым в дому Св. Троицы и Св. Софии пеша много лет».

В 1449 году «погоре весь Псков Окт. 22, а загорелося от Хытри кожевника, от Буркове лавицы, от Кутнего костра, и горело полторе нощи да день, а детинца ублюде Бог. Родися Иуля мес. сын Великому Князю Борис».

В 1450 году «постави Владыка Евфимий (в Новегороде) часозвон. Володимер Григорьевичь Ховрин Казначей поставил церк. кам. на Москве на своем дворе Воздвижение на месте первыя каменныя же, что роспалася в пожар по Суздальщине. Митрополит Иона заложил на своем дворе полату камену, в ней же церковь Риз Положение. Авг. в 5 бысть туча велика на Москве и гром прорази церковь Соборн. Арханг. Михаила. Авг. в 13 бури сломи крест с тоя же церкви».

В 1451 году «поставлена стена новая (во Пскове) на Крому в охабни (в другом списке: *у персей от Великых ворот*) и учиниша в ней 5 погребов от Псковы межи ворот. Был Князь Семен Алешковичь (Олельковичь Киевский) у своей бабы, Вел. Княгини Софии, и у Вел. Князя Василия, дяди свего»: ибо Олелько был женат на сестре Васильевой и дочери Софииной. О сем браке упоминается в письме Ливонского Магистра к Вел. Магистру Прусскому 1417 года: Des Koniges Tochter von Moskaw, Herzog Witoutis Tochtir-Tochtir, sol czu Manne nemen Kuese Olleneke, Wolledimers Son, eyn Russischen Herzogen, und dye Hochzeit solde syn des negesten Sontages vor Bartholomei [Дочь Московского короля, внучка герцога Витовта, должна выйти замуж за князя Олелько, сына Владимира, русского герцога, и брачная церемония должна состояться в ближайшее воскресенье перед днем св. Варфоломея] (см. между моими Кенигсбергскими бумагами № 570).

В 1452 году «Июня в 4 женил Князь Великий сына своего, Вел. Князя Ивана, у Вел. Князя Бориса Тферскаго дщерию его Мариею. Родися Великому Князю сын Андрей Авг. в 1».

В 1453 году «приеха Новог. Владыка Евфимий во Псков Генв. в 5, и соборова на 3 день во Св. Троицы; а в тую зиму не бысть снега на земли: гола бысть зима. Биша челом Попове невкупнии Князю Василью и Посадн. Степенному Юрью Тимофеевичь, и всему *Господину Пскову*, чтобы быть четвертому Собору во Пскове... и благослови Владыка Попов невкупных четвертый Собор дръжати вседенную службу в Св. Спаса Всемилостиваго на торгу, и у Св. Дмитриа у Домантовы стены. Тогда Владыка Евф. взя Ремду Ремедскую в свою Владычкину... и проводиша Владыку до Торошины, до Св. Ильи. Того жь лета мраз много жита побил. Зделаша Псковичи прясло стены у Лужских ворот. Апреля 9 выгоре Москва Кремль весь. Дек. 14 бысть пожар во граде Пскове; загорелось от Болобина Конца, от Прокопьева двора Владычня Наместника, и погорело 4 части града, и милостью Св. Троицы преметаше от Плотских ворот к Св. Спасу по старую стену к костру, а от стараго костра ко Врагове улици, да к Глухому костру; а горело нощь да день».

В 1454 году «поставиша (в Новегороде) церк. кам. на старой основе Св. Михаила на Михайлове улици. Приеха во Псков Митрополит Цареградскый Игнатей на 6 недели в Суб. по Велице дни, и поехал изо Пскова одарен в Бел. Новгород Июля 1. Марта в 29 преставися Архиепископ Ростовский Ефрем. Того же лета поставлен бысть Ростову Архиеп. Митрополитом Ионою

Феодосий Бывальцев, бывый Архимандрит у Арханг. Михаила у Чюда. Авг. в 31 бысть гром страшен на Москве и прорази церк. кам. Рожество Богоматери, иже имать приделану к ней церк. Лазарь Св. Того же лета дождь бысть умножен и ржей не сеяли».

В 1455 году «Князь Вас. Васильевичь Гребенка выеха изо Пскова в Новгород Июля в 15, и Псковичи били челом, чтобы оселся, и не послуша, и проводиша его честно до Чересского мосту. Того же лета много дождя бысть, а хлеба Бог умножи. Бысть знамение от иконы Богоматери в селе во Зраковицах, из праваго ока слезы шли, и проводили ю во Псков. Авг. в 24. Псковичи послаша Стефана Посадника Аристовичь, а с ним Бояр, бити челом Князю Александру Черторизскому в Русу о Княжении. Постави Владыка Евфимий колоколницю каменну (в Новегороде), Св. Илью в Славне на старой основе».

В 1456 году «Генв. прииде из Смоленска на Москву Владыка Мисаил со многими местичи (гражданами) бити челом Великому Князю, чтобы пожаловал отпустил икону Богоматери, ея же пленом взял Юрга. Князь же Великий, помыслив с Митрополитом и с Бояры, сотворяет празднество на отпущение и призывает Иону Митроп. и весь Священ. Собор в церковь Благовещения на свой двор: понеже бо тамо стояше икона на поклоне, на десней стране от дверей Царских — и совершиша молебная и Литургию; и приходит К. В. ко образу, и Митрополит, и Вел. Княгиня Мария, и сынове их, Иван и Юрьи, Андрей и Борис, и Андрей менший принесен на руках, и знаменашася вси. Князь же Великий многи слезы излияв, и Митрополит, и взимают икону из киота и вручают Епископу Смол. Мисаилу, еще же и ины иконы многи менши, златом и камением и жемчюгом украшены того же плена, и не просившу Епископу, из них же Митр. Иона едину взем Богоматерь с младенцем, рече: о Епископе, брате и сыну! сей образ, на воспоминание сего дни, остави Господину Великому Князю и Княгини и чадом его... и Епископа призвав, и обою, в руках вземше, и знаменают ею Вел. Князя и Княгиню и чад их, и выдают в руце Великому Князю... и облобыза сию икону со слезами... и поидоша, несуще Богоматерь и ту икону, яже оставлена Великому Князю на благословение... и Князи и Бояре; бе бо тогда и множество воинства на Москве. Проводи же В. К. Богоматерь Смоленскую, и с чады своими, до Благовещения на Дорогомилове, два поприща за град, и возвратися за тою иконою, юже оставиша у него, и молебная совершаху, и пришед в церковь Благовещения, поставити ея повеле, иде же стояла икона, ея же отпустил, и повеле ину в тоя место писати, снем меру с нея и образ назнаменова; а пред тою, иже оставлена, повеле на всяк день молебен пети. Бысть же сие Генв. в 18, в Неделю. В Вел. Новегороде знамение бысть от грома мес. Иуня и от молнии страшныя: много людей поби и коней. Приехал Кн. Александр Васильевичь Черторизскый из Новагорода во Псков Иуля 18, и посадиша его на Княжение. Бысть осень вся мокра, и рекы воды наполнишась акы весне. Мост намостиша Псковичи велик чрез реку Пскову, а даша мастером 80 рублев».

В 1457 году «приехал во Псков Новог. Владыка Евфимий Генв. 4, и в той день и Литургию сверши у Св. Троицы, и Се-

недикт чтоша, и подъезд (пошлину) взем, и выеха изо Пскова Генв. 27. Погоре град Муром, Кремль весь, Сент. в 29. Окт. в 20 в 9 час нощи загореся на Москве внутри города близ Володимеровы церкви Ховрина и погоре до третие части града. Погоре все Запсковие от Богоявления и до монастыря Воскресения и Св. Козмы и Дамиана згоре; а загорелося от Якова от Железова с Мощоной улици, Окт. 3, в полнощь; тогда и Крому было притужно».

В 1458 году «Февр. 15, в Среду на Федорове недели, егда начаша часы пети, родися Великому Князю Ивану Васильевичу сын Иван. Поставиша (в Новегороде) церк. кам. Богородицу в торгу на старой основе, а старую церковь порушив, и свяща Владыка. Марта 10 преставися Новог. Владыка Евфимий. Создана на Москве церк. кам. Введение на Симоновском подворье у Никольских ворот. Прибавиша Псковичи зобницы. От грому згоре Св. Воскресение на Полоници (во Пскове), а иконы и книгы выносили; тогда же и кам. церк. поставиша на том месте. Псковичи надделаша на старую стену новую взвышь на Крому от захабня до Кутнего костра, а даша мастером 150 рублев».

В 1459 году «мес. Февраля поставлен бысть на Архиепископию Новугороду Великому Священноинок Иона Митрополитом Ионою». [74*]–О сем Св. Ионе, Архиеп. Новогородском, находится следующее сказание в одной рукописи (см. в Волоколам. монастыре книгу под № 666, л. 358): «Поведа нам сам Г. Архиеп. Иона. Егда, рече, бех еще младенец, оставшу ми сиротою от отца седми лет, а от матери трех лет, и положил Бог на сердце жене вдовице, имепем Натальи, матери Якова Дмитриевичя Медоварцова, а Михайлове бабе, и взя мя в дом к собе и начат кормити и одевати, и вда мя в научение грамоте Дьяку, бысть же в училище том *множество детей учащихся*: мне же от убожества сушу тиху. В един убо от дний, детем играющим по вечерне, абие идяше по улице блажен муж: дети же устремившеся на него и начаша метати камение и сметие на очи его; а мне стоящу недвижимо. Он же, оставя всих детей, притече ко мне, и взем мя за власы, да поднял выше себе, и нача звати именем, никако же зная мя: *Иванец! учися грамоте: быти тебе в В. Новегороде Архиепископом*..... И бысть на Архиепископстве 12 лет и 6 месяць. Бысть же при его Святительстве мир со всеми землями и тишина и гобзование плодом» –[74*].

В 1460 году «Генв. 22, о свадьбах, бысть пожар во Пскове; загорелося на Усохо от Федоса от Гоболя от мясника, и переметаше от торгу от Св. Спаса возле Торговскый и Боловинскый Конець до Св. Георгия и до Куклине лавици и до стене по конець Враговке улици, а выгорело 3 конца, Опоцкей, Городецкей, Острой, и лавици и Княжей двор по сам торг. Того же лета в Вельи в монастыри Св. Спаса внутрь церкви от грому попалело и пономаря зашибло. Июня в 13, в 6 час дни, с западныя страны бысть туча страшна на Москве... и Бог услыша моление раб своих, и туча пребеже чрез град, и бысть тишина... назаутрие по вечерни, уже в 15 часу, взыде паки туча с полуденныя страны... земля и храмы яко пламень видяхуся от молнии, и буря многи церкви кам. поколеба, храмы же ободра и верхи смеша, а градные забрала разнесе, и по селом многие церкви из основания взимая, далече отнесе, а лесы и раменье и дубы из ко-

ренья исторже... но человеки нигде не вредило. Июня в 18, в Пяток, во 2 час дни нача гибнути солнце, и бысть яко пяти дней месяць; а в пятый час бысть полно; а того же месяца в нощи и месяць гибл. Поставлена на Москве церк. кам. Богоявления Игуменом Троицким Сергиева монастыря».

В 1461 году, зимою «у Св. Спаса на Хутыне (в Новегороде) у гроба Варламьева исцеле Отрок Княжь Григорей, а яко мертв лежаше[75*]. Месяца Дек. погибе месяць нощию. Князь Великий *поставил* на Москве *церковь камену, Рожество Иоанна Предтечи, у врат Боровицких; а преже бе древяная: глаголют же, яко та первая церковь на Москве: на том-де месте бор был, и та церковь в том лесу срублена; таже-де тогда и Соборная церковь была при Петре Митрополите, и двор Митрополичь туто же был, где ныне двор Княже Иванов Юрьевича».*

В 1462 году «поставиша во Пскове церк. кам. Успение на Мелотове и новый городок на обидном месте, над Великим озером, и нарекоша его Кобылою при Посаднике Максиме Ларивоновичь, и церковь в нему Св. Архистратиг Михаил, а делаша Псковския мастеры 60 человек, и взяша 90 рублев. На Москве Генв. в монастыри Св. Арханг. Михаила, честн. его Чудеси, у гроба Св. Алексия Митроп., прощен бысть Чернец того монастыря Наум, иже от младенства имы усохшу ноги и на древяницы хожаше, служа в поварни и в пеколницы; и пришед в нощи ко образу Святаго, иже написан у гроба его, и нача молити... и простре нога его, и скинув древяницу, и отъиде здрав. Тоя же зимы преставись Епископ Рязанский Евфросим Звенец, и поставлен бысть в его место Давид, иже преже был Казначей Ионы Митрополита, Февр. в 1».

[387] Иоанн Калита прославился уменьшением разбоев и воровства в Московском Великом Княжении (см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 319).

[388] См. сей *Истории* Т. II, в *Поучении* или в Духовной Владимира Мономаха — также в описании времен Донского, г. 1375 — выше, примеч. 244, в судной Двинской грамоте, и 365. Добродушный Александр Невский и Темный резали носы преступникам, Василий Димитриевич отсекал руки и ноги, Юрий Смоленский изрубил на части Княгиню Вяземскую, Опочане сдирали кожу с Литовских пленников, и проч. и проч.

[389] См. на пример речь Изяслава II, Т. II, в описании 1152 года, и речь Донского перед битвою с Мамаем.

[390] Вечевый колокол еще был в Владимире и при Иоанне Калите (см. сей *Истории* Т. IV, примеч. 302, выше, примеч. 91, и в описании времен Донского, год 1375).

[391] Владимир Святый в 993 году сделал одного храброго юношу и отца его Великими Мужами или Боярами. В *Русской Правде* Боярин называется *Муж Княж.* Владимир Мстиславич сказал, что он переименует своих Отроков в Бояре (см. Т. II, в описании 1167 года).— О городских Боярах см. в описании войска собранного Димитрием против Мамая в 1380 году. Убийца Св. Бориса и Глеба, Святополк, приехав в Вышегород, призвал к себе тамошних Бояр или *Боярцев* (см. Т. II, примеч. 3): сим уменьшительным именем названы они в отношении к Княжеским Боярам.

[392] См. договоры Княжеские в *Собр. Госуд. Грам.* и сей *Истории* Т. IV, примеч. 324.

[393] См. Т. IV, примеч. 38.

[394] См. Т. IV, в описании 1318 года. Баскаки гнали Михаила Тверского, но уже доброхотствовали Василию Темному (см. выше, в описании 1431 года).

[395] См. Т. IV, примеч. 327, и выше, примеч. 364.

[396] См. Т. IV, примеч. 245.

[397] См. Т. IV, в описании 1352 года.— Митрополит Платон нашел в архиве Чудова монастыря собственноручную записку Св. Алексия Митрополита следующего содержания: «Черкизово *сельцо* куплено на мое *серебрецо*».— См. выше, примеч. 254, под годами 1391 и 1400; и Т. IV, примеч. 328.

[398] Так Димитрий Иоаннович изгнал Киприана, а Василий Темный Исидора. Мы видели, что Митрополит в угодность Иоанну Калите наложил клятву на Псковитян; и проч.

[399] См. *Степен. Кн.* II, 84, где сказано, что Митрополит вместе с Новогородским Архиепископом Ионою, склонив Василия на милость к Новогородцам, предсказали ему, что Великие Князья уже не будут ходить в Орду для поклонения Царям.

[400] Вот слова Рубруквиса по Французскому переводу: Les femmes Russiennes ornent leurs tetes, ainsi que les notres, et bordent leurs robes depuis le bas jusques aux genoux de bandes de vair et d'hermines; les hommes portent des manteaux comme les Allemands. [Жены русские, как и наши, носят на голове украшения и отделывают подол платья до колен полосами горностаевого и другого меха; мужчины носят верхнюю одежду наподобие немецкой.]

[401] На пример, конь назывался у нас *лошадью* гораздо прежде завоеваний Батыевых (см. Т. II, примеч. 198). Мономах в своем Поучении именует хозяина *унеином*; в летописях XII века находим *сайгат* и другие слова восточные. Татарские слова *Киличей*, *Дорогамин* и проч. исчезли; но остались *тамга, ям, карий, деньга*, и проч.

[402] См. выше примеч. 244. В *Древ. Рос. Вивлиоф.* I, 402: «те суды судят наши Наместники; а которыи слуги потягли к Дворьскому, а черныи люди к Сотскому», и проч. Там же, стр. 189: «А нам Князем Великим в суд в обчей не вступатись»: следственно Князья обязывались исполнять приговоры общего Боярского суда.

Между рукописями Императорской Библиотеки есть следующая судебная грамота XV века, *или запись, что тянет душегубством к Москве.* «А на Москве на посаде лучится душегубство за рекою за Москвою, ино к тому и Даниловское; а будет за Яузою, ино к тому и Андроньев монастырь и Городище; а лучится на Великой улици у Николы у Мокрово, ино к тому от Острого Конда и до Варьской (Варварской) улици; а лучится за Варьскою, ино к тому и Устретенская улица и по Неглимну; а лучится за Неглимною, ино к тому и Дорогомилово, все Занеглименье и Семьчинское.... Ити искати перед Большего Наместника Московьского; а судья за ним идет, своего прибытка смотрит. А поимают с поличным, ино судьи за ним нет; ино судит и казнит Большей Наместник. А посулят Большему Наместнику, а двема Третником то же. (Большим назывался Вели-

кого Князя Наместник, а двумя Третниками Наместники его братьев, которые вместе с ними ведали Москву)... А Тивуну Вел. Князя у поля *вяжщого* (за связание) треть, и пересуда треть же, да что посулят; а у душегубства треть же, да что посулят. А поголовщины Наместником 4 рубли, а Тивуну Вел. Князя вяжщого треть; и пересуда треть. А у Наместников Третников пересуда идет с рубля по десяти денег; а меньше рубля пересуда нет. А кто учнет бесчестья искать, то со всякого пересуд..... Поимают опроче того в *пеном* (от слова *пеня*) деле в каком ни есть, срок ему дать, судью за собою поставить: зане в докончаньи писано по крестному целованью в Московские суды не вступатись ни которому Князю. По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи Великие Кнегини и Удельных Князей всих суживал Наместник Большей, а судьи за ними не бывало; а учинила то Кнегини Великая Софья (мать Темного) что судья за ними ставится.... А что деревни в Московском в Становом (ведомстве) Удельных Князей, и Волостели их судят, а доложат своего Князя, аже будет на Москве; а не будет, и им доложить Велик. Князя или Большаго Наместника; а по иным городом не водить к докладу. А поимают Тферитина с поличным на Москве, а отсылки и судьи за ним нет, а судят и казнят его на Москве; а поимают в пеном деле, ино его дать на поруце, а искать на нем во Тфери».

403 См. *Послание Рос. Митрополитов* в Синод. Библиот. № 164, л. 438. Фотий пишет: «Который человек позовется на *поле*, да придет к которому Попу причаститися, ино ему Св. причастиа нет, ни целованиа крестнаго; а который Поп даст ему Св. причастие, тот Поповства лишен. А кто утепет лезши на поле, погубит душю, по Великого Василья слову, и душегубець именуется, в церковь не входить, ни доры не приемлет, ни Богородицына хлеба, причащения же Св. не приемлет 18 лет; а убитого не хороните; а который Поп того похоронит, тот Поповства лишен».

404 Сию грамоту нашел я в Синодальной летописи под № 348 на первом листе. Вот она: «Судить Владычню Наместнику, аже Поп, или Дьякон, или противу Черница, или Чернец; а будет оба непростыи люди, церковныи, ино не судити Князю, ни Посаднику, ни судьям не судить: занеже тот суд Владычня Наместника. А будет один человек простый истець мирянин, а не церковный человек с церковным, то судить Князю и Посаднику с Владычним Наместником въпчи, такоже и судьям. Которой человек имется за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тот млъвит, то у мене свое рощеное: ино правда дати, как что ся рощеное. Кто пред господою ударит на суде своего истьца, ино его в рубли выдати тому человеку, а Князю продажа: боран присужати 6 денег, а за овцу 10 денег государю, а судьи 3 деньги и старая правда; за гусак и за гусыню присужати по две деньги государю, а судьи 3 деньги; за утицу и за селезеня, и за курицу и за кочет, присужати по две деньги. Кто с ким напьяни поменится чим, или что купить, а потом проспятся, и одному истьцу нелюбо будет, ино им разменитися, а в том целованиа нет, не присужать. Княжим людем корчмы по дворам не дръжать, ни во Пскове, ни на пригороде, ни в ведро, ни в корец, ни бочкою меду не продавати. Кто зажоги на ком учнет сочить, ино на вольную роту възвать воль-

но. Кто у кого бороду вырветь, а послух опослушествует, ино ему крест целовати, и битися на поле; а послух изможет, ино за бороду присужати два рубля и за бой, а послуху быти одному. Кто корову купит за слюблено, а по торговли телят не сочить, а толко корова кровию помачиваться иметь: ино тая корова назад воротити, чтобы и денги заплачены были. Жонки с жонкою присужати поле, а наймиту от жонки не быти ни с одну сторону. Кто учнеть на ком сочить бою 5 человек или 10, или сколько ни будет, на 5 боев или на одном, да утяжут: ино им присужати всим, за вси боеви, един рубль, и Княжая продажа одна».

Судная грамота Новогородская находится в Пушкинском собрании Двинских грамот и писана в 1471 году. Сообщаем оную здесь:

«Господы Великих Князей, В. К. Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, В. К. Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на Архиепископство В. Новагорода и Пскова Священноинока Феофила, се покончаша Посадники Новгородские, и Тысяцкие Новгородские, и Бояре, и Житьи люди, и купци, и черные люди вся пять Концовь, весь Государь Великий Новгород на Вече на Ярославле Дворе, нареченному на Архиепископство В. Новагорода и Пскова Священному Иноку Феофилу судити суд свой, суд Святительский по Святых Отец правилу, по Номоканону; а судить ему всех ровно, как Боярина, так и Житьего, так и молодчего человека. А Посаднику судити суд свой с Наместники Великого Князя по старине; а без Наместников Посаднику суда не кончати. А Наместником Великого Князя и Тиуном пересуд свой ведати по старине. А Тысецкому судить свой суд, а судить им право по крестному целованью. А сажати в суду по два человека. А кто кого в суду посадит, ино тот с тем и ведается. А Посадника и Тысецкого и Владычня Наместника и их судей с суда не збивати. А истцю на истца наводки не наводить, ни на Посадника, ни на Тысецкого, ни на Владычня Наместника, ни на иных судей, ни на докладщиков. А кто наведет наводку на Посадника, или на Тысецкого, или на Владычня Наместника, или на иных судей, или на докладщиков, или истець на истца у суда, или у доклада, или у *поля*, ино взять Великим Князем и В. Новугороду на виноватом: на Боярине 50 рублевь, а на Житьем дватцать рублевь, а на молодшем 10 руб. за наводку; а истцу убытки подоймет. А кому будет о земле дело, о селе, или о дву, или больши, или мениши: ино ему до суда на землю не наежжать, ни людей своих не насылать, а о земле позвати к суду. А утяжет в земле, ино взяти ему грамота у судьи в земле и в убытке на истце; а от земли судье кун не взять. А от суднаго рубля взять Владыке, и его Наместнику, и Ключнику от печати гривна; а от безсуднаго рубля от грамоты взять Владыке и его Наместнику и Ключнику три денги. А Посаднику и Тысецкому, и их судьям, и иным судьям имати от суднаго рубля по семи денег, а от безъсуднаго рубля по три денги. А орудье судить Посаднику и Тысецкому, и Владычню Посаднику, и их судьям, и иным судьям месяц; а дале того им орудья не волочить. А кто на ком поищет наезда, или грабежа в земном деле: ино судити наперед наезд и грабеж; а о земли после суд. А кого утяжут в наезде и в грабе-

же, ино взять Великим Князем и В. Новугороду на виноватом: на Боярине 50 рублевь, а на Житьем 20 рублевь, а на молодчем 10 рублевь; а истцю убытки подойметь. А о земле суд, а не будет суда в Новегороде, а о наезде и грабеже суд. А кой истец похочет искать наезда, или грабежа и земли вдруг: ино другому истцю ему отвечать. А утяжет в земле, и в наезде и в грабежи, и судье дать на него грамота в земле и в наезде и в грабежи. А кто кого утяжет в земле и судную грамоту возметь, ино ему ехать на свою землю по судной грамоте, да и володеть ему тою землею; а в том пени нет. А в котором деле позовет истець истца, а поищет своего дела, а будет тому истцю до своего истца дело: ино ему позвать своего истца, а поискать ему одиного ж дела; а иных позвовь на него не класти в ином деле, ни Новогородцов не научивати без хитрости по крестному целованью, доколе те суды кончают. А кто на ком какова дела поищет, а креста не целовав на сей грамоте: ино крест поцеловав одинова, да искать; а кому будеть отвечивать, а креста не целовав на сей грамоте, ино ему крест поцеловав да отвечать; а не поцеловав креста, тым его и обинить. А от коего истца ответчик станет на суд, а истец тот будет креста не целовав на сей грамоте: ино тому истцю крест целовать одинова, а ответчику в его место отвечивать; а не поцелует креста, ино тем его и обинить. А кому будет какое дело до Старейшей жены, или до Житьей кой вдовы, а у коей есть сын, ино сыну ее целовать крест на сей грамоте за собя и за матерь однова; а не поцелует сын креста за матерь, ино целовать крест матери однова у собя в дому перед истцом и перед приставы Новгородскими, а целовать Боярину и Житьему, и купцю, как за свою землю, так и за женниню. А позовут Боярина и Житьего и купца в его земле, или в женнине, ино ему отвечать, или ответчика послать в свое место и в женнино, по тому крестному целованью; а ответчику с послухом на учане крест целовать. А при которых докладчикех суд роскажеть, ино тем докладчиком тот суд кончать; а судьям как роскащики укажуть, *ино коему ни есть* судье велети своему Дьяку тое дело записать; а роскащиком к тем списком свои печати приложить. А послуху на послуха не быть. А Псковитину не послуховать, ни одерноватому холопу. А холоп на холопа послух. А кто с кем пошлется на послуха, ино взять заклад шестнику на сто верст по старине, а Подвойским и Софьяном, и Биричем, и изветником на сто верст четыре гривны. А кой истец скажет послуха дале ста верст, а похочеть и другой истец слаться на того послуха: ино слаться на него; а не всхочеть другой истец слаться дале ста верст, ино поставить ему своего послуха у суда: а срок ему взять на послуха на сто верст по три недели; а заклад дать виноватому истцю на сто верст шестнику. А кто с кем ростяжется о земле, а почнет просить сроку на управы, или на шабары: ино ему дать один срок на сто верст три недели; а дале и ближе, а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кемь управы лежат по крестному целованью; да и по руце ему ударити с истцом своим; а Посаднику приложить к срочной грамоте своя печать, а иному сроку не быть; а от сроку взять гривна. Также и иным судьям давать срок потомужь. А кой истец не возмет срочной за печатью, ино тем его и обинить тому судье, перед коим суд был;

а сроку не ждать, а о иных делех срок по старине. А в Тиуне одрине быти по приставу с сторону, людем добрым, да судити им в правду, крест поцеловав на сей на крестной грамоте. А докладу быти во Владычне комнате, а у докладу быть из Конца по Боярину да по Житьему, коим людям в суде сидети, да и приставом; а иному никомуже у доклада не быть. А докладчиком садиться на неделю по трижды: в Понедельник, в Среду и Пяток. А кой докладчик не сядет на тот день, ино взять на Боярине два рубли, а на Житьем рубль. А докладчиком от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростию по крестному целованью. А кому сести на докладе, ино ему крест целовать на сей на крестной грамоте однова. А Посаднику и Тысяцкому, и Владычню Наместнику, и их *судьям*, и иным судьям всим крест целовать, да судить им в правду. А земное орудье судити два месяца; а больши дву месяць не волочити. А как межник приедет с межи, ино той суд кончати в другие два месяца томужь Посаднику, а далее не волочить. А кой Посадник межника дав, а поедет прочь из города не кончав того суда, ино Великим Князем и В. Новугороду на том Посаднике 50 рублевь, а истцю убытки подойметь; или Тысетской поедеть прочь из города не кончав суда, или Владычень Наместник, ино взять Великим Князем и В. Новугороду 50 рублевь; а истцю убытки подойметь. А не кончает судья земного орудья в два месяца, ино истцю взять на него приставы у В. Новагорода, ино ему тот суд кончати перед тыми приставы; а не укажут суд и докладчики в тую два месяца, ино ити судье с истцом к В. Новугороду, да взяти приставы на докладчиков: а докладчиком указати суд, и тое дело перед тыми приставы; а судье кончати истцю тое дело перед темижь приставы. А буде ли истци у коего судьи возмут срок и срочные за печатьми, а той судья переменится, а кто будет судья на его место, ино тым истцом стать перед тыми судьями, да и срочные свои положити на той срок: а тому судье судити той суд, да и кончати. А один истец станет на тот срок перед судьею, да и срочную свою грамоту положит, а другой не станет, ино тому судье дати на него грамота; да и срочная грамота к той же ему грамоте припечатать, а отсылки ему не отсылати. А во чье будет место ответчик срок взял, а до тово сроку сведется ответчику смерть: ино на той срок стать самому истцю, или иного ответчика поставить в свое место; а не станет сам, или иного ответчика не поставит, ино тым его и обинить. А кто кого утяжет в татьбе с поличным, или в разбое, или в грабежи, или в поголовщине, или в холопстве, или о полевой грамоте: ино взять судьям от судной грамоты 4 гривны, а от безсудной 2 гривны. А кто на кого возмет грамоту судную, а будет ему дело до судьи, или до истца: ино ему переговариваться с ними месяц; а не почнет переговариваться в тот месяць, ино взять на него приставы с Веча, да имать его в городе и в селе с тыми приставы; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом. А кого опослушствует послух, ино с ним уведается в две недели; а в те две недели не дастся послух позвати, ино позвати истца; а послух истьць хорониться, ино то послушство не в послушство; а другого истца тым и оправить. А кто не почнет позывать в те две недели послуха, или истца, ино дать на него грамота судная

по тому послушству. А кому будет дело до Владычня человѣка, или до Боярского, или до Житейского, или до купецкого, или до монастырского, или до Кончанского, или до улицкого, в волости о татьбе, и о розбое, и о грабежи, и о пожозе, и о головщине, и о холопстве, а кто будет крест целовал на сей грамоте, ино ему речи правое слов, а рука дать по крестному целованью, что той человек тать и разбойник, или грабежщик, или пожегщик, или душегубец, или холоп. Ино в коей волости будет от Владыки волостель, или посельник, ино им поставить того человека у суда; а Боярину и Житьему, и купцу, и монастырскому закащику, и посельнику, и Кончанскому, и улицкому также своих людей ставить у суда, а срок взять на сто верст три недели, а ближе и дале по числу, а до суда над ним силы не деять; а кто силу доспеет, ино тым его и обинить. А кого утяжут, а дал ся в грамоту, ино ему у того осподаря в волости не жить; а иметь жить у того осподаря в волости, а доличать, ино той государь те убытки подоймет. А пойдет жить в иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истцю; а в иную ему волость не отсылати по крестному целованью, ни его людем; а о иных делех, ино знать истцу истца: и коли не скажет кто того человека у собя по крестному целованью, да и руку дасть, что там ему не быти, а уличат, что у него в волости, ино той государь ему истцу убытки подоймет. А к коему государю в иную волость прибежит, и ему государю поставить его у суда по крестному целованью: а кто не поставить, ино взять на том заклад по Новгородской грамоте. А кто на кого взговорит на Владычня человека, или на Боярского, или на Житьего, или на купецкого, или на монастырского, или на Кончанскаго, или на улицкого, а будет сам креста не целовал на сей грамоте, и он сам уведается с своим истцом по своей исправе опрочь осподаря. А кто обечается к суду к коему дни, ино опосле обета отсылка к нему не слать; а не сядет судья того дни, ино коли судья сядет, и тогда к нему отсылка; а не видит отсылки, и почнет хоронится, ино слать к нему отсылка в двор трижды, да и Биричем кликать; а не станет к суду, ино дать на него грамота обетная: а обету больше трех денег не быти. А примут позовника в селе, а почнут над ними силу деять, ино дать в позовниково место грамота безсудная, племяннику его или другу. А кто кого позовет в селе позовкою, или Дворянином, ино дать срок на сто верст две недели, а дале и ближе, а то по числу. От Конца или от улицы, и от Ста, и от Ряду итти ятцам двема человек; а иным на пособие не ити к суду, ни к росказу. А будет наводка от Конца, или от улицы, или ото Ста, или от Ряду: ино Великим Князем и Вел. Новугороду на тых дву человекех по Новогородской грамоте....».

[405] См. сей *Истории* Т. IV, примеч. 328.

[406] Король Французский, Карл VII, первый в Европе учредил всегдашнее, нераспускное войско в 1445 году: оно состояло из 9000 всадников и 16 000 пеших.

[407] См. выше, примеч. 47 и 115, также в описании Митяева путешествия в Грецию. О Городских Боярах см. выше, в примеч. 391.

[408] На пример, Василий Темный в 1433 году вооружил Московских купцев для битвы с дядею.

[409] См. выше, примеч. 81, описание Куликовской битвы, похода Димитриева против Ольгерда в 1372 году и Василия Темного против Шемяки в 1450.

[410] Димитрий Волынский или Волынец находился в засаде с Владимиром *Храбрым* и решил судьбу Куликовской битвы. Василий Оболенский разбил Шемяку под Галичем в 1450 году. Басенок отличился в разных случаях.

[411] См. Окольского Orb. Polon. III, 318. Они ходили тогда под начальством Предислава Ланцкоронского к Турецкому Белугороду или Акерману в числе 1200 человек.

[412] См. сей *Истории* Т. II, примеч. 218 и 347.

[413] Т. I, примеч. 388.

[414] См. *Летопись Малорос.*, Piasecii Chronicon, Hist. Belli Cosacco-Polonici, authore Samuele Grondsky, и Миллер. Ursprung der Kosaken, в Samml. Russ. Gesch. T. IV.

[415] Болтин пишет, что Ханские Баскаки имели при себе воинов, называемых *Козаками*, и что города наши, подражая им, завели своих *Козаков*: в летописях нет того.

[416] Сие слово в Турецком языке есть новое и произошло от разбоев Козацких.— Некоторые иностранные Писатели производят название Козак от *косы, козы, козявки, Козаров, Кипчака*, и проч. У нас есть рукописное сочинение *о Козаках Запорожских*, где сказано, что они уже существовали в 948 году; что какой-то Семен вышел из Польши к устью Буга, основал свое жилище на одной косе, доныне именуемой *Семеновым рогом*, и приманил туда более ста человек; что они, сшив себе одежду из *козьих* шкур, назвались *Козарами*, служили Греческому Императору против Турков, в награду за мужество получили от него имя *Козаков* и перешли жить на берег Днепра к Очакову, снискав особенную милость Государей Польских. Сия басня изобретена одним из ученых Запорожцев.— Доныне *Козаками* именуют у нас *вольных* работников или наемников.

[417] См. Т. II, примеч. 419, и выше, примеч. 32. Италианский купец, И. Барбаро, от 1436 до 1452 года жил в Азове и проезжал чрез Россию: путешествие его, Viaggio di Messer Iosafa Barbaro alla Tana, напечатано в собрании исторических творений, изданных Рамузием. В двух последних главах пишет он о России, но сказывает мало любопытного: все места от Москвы до границы Литовской казались ему печальною степью, где видны были развалины селений и несколько хижин.

[418] См. в Т. II *Поучение* или *Духовную Мономаха*, где он рассказывает детям о своей ловле. См. также в конце описания времен Донского Путешествие Митрополита Пимена в Царьград. Ханы посылали к нам ловить лебедей (см. Т. IV, примеч. 167). В *Уложении* Царя Алексия Михайловича еще говорится о бобровых ловах близ Москвы.

[419] В Бержерон. Voyages, стр. 162: Les Ruchéniens occupent une très grande province, qui s' etend presque jusqu' au pole arctique. Ils sont Chrêtiens, selon les rites des Grecs; ils sont blancs et beaux, tant les hommes que les femmes; ils ont les cheveux plats. Ils paient tribut au Roi des Tartares, aux quels ils sont voisins du coté de l' Orient. Il y a aussi chez eux une grande quantité de pelleteries precieuses, et ils ont beaucoup de mines d' argent; mais le pays est très froid: parcequ' il s' etend du coté de la mer gla-

ciale. Il y a cependant quelques iles dans cette mer, ou l'on trouve des Griffons, des hérodiens, et des faucons en abondance, et que l' on transporte en differentes parties du monde [Русские занимают весьма большую область, простирающуюся почти до Северного полюса. Они — христиане греческого обряда; и женщины и мужчины белы лицом и хороши собою, волосы у них прямые. Они платят дань правителю татар, с которыми граничат на востоке. У них много дорогих мехов и серебряных рудников. Но страна эта холодна, ибо простирается до замерзающего моря. В этом море есть несколько островов, где в изобилии водятся грифоны, цапли и соколы, которых вывозят в разные страны]. См. сей *Истории* Т. III, примеч. 88, Сартория Gesch. des Hanseat. Bundes. Ч. I, стр. 189—198, и Ч. II, стр. 428—474.

[420] Т. IV, примеч. 223, и выше, примеч. 260. Новогородцы в 1316 году обязывались заплатить Михаилу Тверскому, по сказанию Летописца, 50 000 гривен или 25 000 фунтов серебра; но в грамоте означено только 12 000 гривен. В договорах и в завещаниях Княжеских часто определяется соразмерность между общею и частною Ханскою данию, платимою Великим Княжением; на пример, Князь Юрий Димитриевич пишет в завещании: «Звенигороду (платить) в *семитысячной* выход *пять сот рублев и одиннадцать рублев*, а Галичу *пять сот рублев и полтритцать рублев*»: из чего Штриттер заключил, что Великие Князья платили Ханам ежегодно 7000 рублей; но вероятнее, что сие количество серебра было только *частию* ежегодной дани, определенною для срочнаго взноса в Ханскую казну; может быть, взносили серебро по-третям; может быть также, что дань расчисляли по городам, и что одна Москва платила 7000 рублей.— О деревнях см. выше, примеч. 103. Если на деревню полагать кругом четыре земледельца, то в сем году 7000 рублей собиралось с пятидесяти-шести тысяч земледельцев (надобно вспомнить, что тогдашний рубль содержал в себе пять нынешних серебряных).

[421] Слово *деньги* в смысле пенязей употребляется у нас с XV века. На пример, в Новогородской грамоте 1471 года (которую сообщим в следующем томе) сказано: «а дати нам то серебро Великим Князем *деньгами* в отчет, а серебром в отвес». См. выше, примеч. 244.

[422] В *Древн. Рос. Вивлиоф.* I, 363: «а гостем торговати добровольно без *зацепок* и без пакости». Прежде обыкновенно писали: «без *рубежа* и без пакости».— При Димитрии Донском уже существовали Галицкие соляные варницы (см. выше, примеч. 122). Двиняне вместо денежных пошлин давали соль (см. выше, примеч. 244). Жители Торжка платили Василию Темному с кожевенных чанов (см. выше, примеч. 283).— О Псковских варницах см. выше, примеч. 137, г. 1364, и примеч. 222.

[423] См. Т. IV, примеч. 373. В *Словаре Академическом* несправедливо *хартия* названа *бумагою*. Греки называли Египетский *папир* Χάρτον, а Римляне charta; но древний *папир* не бумага; у нас же под именем *хартии* всегда разумелся пергамент (Χάρτον Περγάμῳ): от того название *харатейный* или на *пергамене писанный*. Мы имеем еще несколько харатейных рукописей пятаго-надесять века, но весьма мало. См. выше, примеч. 136 и 376, также в описании 1451 года.

[424] После *Спаса на бору* в Кремле, древнейшие церкви сего

времени находятся в Троицкой Лавре, в Симонове монастыре, и проч.— В описании Московского пожара в 1445 году упоминается только о каменных церквах и стенах. О палатах Архиепископа и Митрополита см. выше, примеч. 386, г. 1433, 1434, 1436 и 1449. Далее см. духовные завещания Великих Князей в *Собр. Госуд. Грам.*

[425] Ученым известен любопытный каталог сей Библиотеки, сочиненный Г. Матеем.

[426] См. сей *Истории* Т. III, примеч. 346, где приведен стих Гомеров о *лести*. В похвале Донскому Сочинитель говорит: «мнози бо Философи быша в миру, но двема главе быша Философом, *Платон* и *Пифагор*».

[427] См. сей *Истории* Т. III, примеч. 272. Житие Александра Великого вписано в Синодальную Псковскую летопись № 349, под следующим оглавлением: *Повесть о храбрости Александра, Царя Македонскаго, к воинством устремляющимся полезно есть слышати. Створивый есть Ариан, ученик Епиктита Философа. Господи благослови отче!* Древность слога в сем переводе указывает на XIV или на XIII век.

[428] См. выше, примеч. 65, 76, 79. Первое место так в подлиннике: «Рече же Князь Владимир: Господине Княже! Воеводы у нас вельми крепцы, а Руския удальцы сведомы, имеют под собою борзыя кони, а доспехи вельми тверды, злаченныя колонтари (латы) и булатныя *банданы*, и кончаны (кончары, мечи) Фряжския и *курды* Ляцкия и сулицы Немецкия, а щиты червленыя, и копья злаченыя, сабли булатныя; а дорога им вельми сведома, а береги им по Оце изготовлены; хотят главы свои сложити», и проч. Далее о плаче Евдокии: «Великая Княгиня и с своею *снохою* (которой не было) и со иными Воеводскими женами взыде на златоверхий свой терем в набережной и сяде под южными окны и рече: убо конечное зрение зрю на тя, Великаго Князя... слези бо от очию ея лияхуся аки быстрина речная, и воздохнув печально, приложивши руце к персом, и рече: Господи Боже великий! призри на мя смиренную: сподоби мя еще видети славнаго в человецех, В. К. Димитрия Ивановича; даждь ему помощь на противныя от крепкия руки твоея, да победит. Не сотвори, Господи, якоже прежде на Калке реце было Христианом от злаго Батыя (на Калке не было Батыя)... не даждь погибнути оставшему Христианству... От тоя бо рати Руская земля уныла... Аз же имею два отрасли, но еще малы суть: егда повеет их ветр с Юга или с Запада, не могут терпети, и ни на чтоже опираяся; или зной поразит их, тако же им погибнути», и проч.

[429] «Инем бо человеком в начадцех похваление бываеть, инем бо во средовечие, другим же в старость: сий же убо вся с похвалою добродетели вся лета живота своего свръщи... Богом дарованную приим власть, и с Богом велие царство сътвори... и вскине земля Руская в дне Княжениа его... Бывает же (Димитрий) другом стена и твердь, противным же мечь и огнь... Князи Рускыя в области своей крепляше, но тих в наряде и Вельможам уветлив бываше... Высокый ум, смиреный смысл... Красен бе взором и чист душею... вмале глаголаше, а много разумеваше; председанием словес учитель препираше, и Философ уста смотрением заграждаше.... Яко отець миру, око слепым, нога хромым, тру-

ба спящим... Егда же успе вечным сном великий Царь Дмитрий Рускыя земли, аэр възмутися, земля трясашеся и человеци смятошася... день той день скорби и туги, день тмы и мрака, день вахлипаниа и кричаниа; но токмо слышах народ глаголющь: *о горе нам, братье! Князь Князем успе; звезда сияюща всему миру к западу грядеть!*..... Обема (Димитрию и супруге его) едина душа бе, две теле посяще, и единое обема добродетельное житье, яко златопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица с умилением смотряху своего спасениа в чистей совести». Здесь соединил я места рассеянные в подлиннике. Следует плач Евдокии: «Видев его Княгини (Княгиня) мертва на постели лежаща, въсплакася горким гласом, огненныя слезы оть очию испущающе, в перси своя руками биющи, яко труба рать поведающи, яко ластовица рано шепчющи и арганы сладковещающи, и глаголюще: Зайде светь от очию моею! Где отходиши, скровище живота моего? Почто не промолвиши ко мне, утроба моя, к жене своей? Цвете прекрасный! что рано увядаеши? Виноград многоплодный! уже не подасть плода сердцу моему и сладости души моей! Чему, господине мой милый, не возриши на мя? Чему не обратишися ко мне на постели своей? Уже ли мя еси забыл, мене и дети свои? Чему им ответа не даси? Кому ли мене приказываеши?... Царю мой милый! како прииму тя? како тя обойму? или како ти послужю? Где, господине, честь и слава твоя? Господин всей земли Руской был еси: ныне мертв лежиши, никим же владееши! Многы страны примирил еси: ныне же смертью побежен еси! Изменися слава твоя и зрак лица твоего превратися в истление. Животе мой! како намилуюся тебе?... За многоценныя багряница худыя сия и бедныя ризы приемлеши; не моего наряда одеяние на себе въздеваеши, и за Царскый венець худым сим платом главу покрываеши; за палату красную гроб сий приемлеши!... Аще Бог услышить молитву твою, помолися о мне, Княгини твоей: вкупе жих с тобою, да вкупе ныне и умру! Уность не отъиде от нас, а старость не постиже нас... Не много, господине, нарадовахся с тобою: за веселие печаль и слезы приидоша ми, за утеху и радость сетование и скорбь яви ми ся. Почто родихся? и родився преже тебе како не умрох, дабых не видела смерти твоея и своея погибели? Не слышишь ли бедных моих словес? не смилят ли тя моя горкаа слезы? Крепко еси, господине мой драгий, уснул; не могу разбудити тебе. С которыя войны еси пришел? истомился еси велми. Звери земнии на ложе свои идуть, а птица небесна ко гнездом своим летять: ты же, господине, от своего дому не красно отходиши. Кому уподоблюся? како ся нареку? Вдова ли ся нареку? не знаю за сего. Жена ли ся нареку? остала есмь Царя. Старыя вдовы потешайте мене, а младыя вдовы поплачите со мною! вдовья бо беда горчае всех... Великий мой Боже, Царь Царем! заступник ми буди! Пречистаа Богородице! не остави мене в время печали моея!»

[430] Новогородцы *протакали* свою вольность.

[431] См. сей *Истории* Т. I, примеч. 261, и главу *о состоянии древней России*, где мы говорим о Словесности.

[432] В сие время уже начинали писать *полк*, а не *плък* — *перст*, а не *прьст* — *сверши*, а не *съвръши*, и проч.

КОНЕЦ ПРИМЕЧАНИЙ V ТОМА

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ К ТОМУ V «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В РАЗДЕЛЕ «ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ» В ТОМЕ V

ИГР1(5) — первое прижизненное издание тома V «Истории государства Российского»

ИГР2(5) — второе прижизненное издание тома V «Истории государства Российского».

ИГРК — рукописные поправки Карамзина в личном экземпляре «Истории государства Российского» второго издания (воспроизводятся по изданию И. Эйнерлинга).

ИГР2П(8) — «Прибавления» к тому VIII второго издания «Истории государства Российского».

ГЛАВА I

[1*–1*]*ИГР1(5)* Князь Суздальский желал наследовать сию область: меньший их брат, Борис, предупредил его и занял оную. Тогда Димитрий Константинович прибегнул к Великому Князю. [2*]*ИГР1(5)* Князю [3*–3*]*ИГР1(5)* в Литву; взяв Зубцев, Микулин, пленил [4*]*ИГРК* [*далее*:] Том. IV, примеч. 307. [5*]*ИГР1(5)* спасались бегством [6*]*ИГР1(5)* иного [7*]*ИГР1(5)* совиновники [8*–8*]*ИГР1(5)* Васильевич. В собственном [9*]*ИГР1(5)* Акинфиев, [10*][*далее*:] неприятельскими, и падали на стенах целыми рядами. [11*]*ИГР1(5)* пленяли [*исправ. в списке опечаток ИГР2(5)*] [12*]*ИГР1(5)* посланного объявить [13*]*ИГР1(5)* отправился [14*]*ИГР1(5)* пленяли [*исправ. в списке опечаток ИГР2(5)*] [15*–15*]*ИГР1(5)* Смоленского; а Глеб [16*]*ИГР1(5)* [*далее*:] и насилием? [17*–17*]*ИГР1(5)* (Саркел),

ГЛАВА II

[1*]*ИГР1(5)* Витовтова [2*]*ИГР1(5)* [*далее*:] оного, довольный единственно грабежем и злодействами насилия [145]. [3*]*ИГР1(5)* тревожить: [4*–4*]*ИГР1(5)* завоевателю, Хану Кашгарскому, и Гетам или Калмыкам, он в первом цвете юности взял на себя избавить отечество от неволи, восстановить величие оного, наконец завоевать [5*]*ИГР1(5)* образа [6*]*ИГР1(5)* его [7*]*ИГР1(5)* икону

[8]*ИГР1(5)* природою [9*–9*]*ИГР1(5)* покорив Князей Друцких, завоевав Оршу [10*–10*]*ИГР1(5)* оставил за собою. [11*]*ИГР1(5)* вступив в [12*–12*]*ИГР1(5)* Корачев, Мценск, Болхов, [13*]*ИГР1(5)* поддались [14*]*ИГР1(5)* посольство [15*]*ИГР1(5)* [*далее*:] ласками и [16*]*ИГР1(5)* посольство [17*]*ИГР1(5)* каким-то [18*–18*]*ИГР1(5)* его, соглашаясь в таком случае [19*, 20*]*ИГР1(5)* посольствами. [21*–21*]*ИГР1(5)* к войне, если нет иного способа [22*]*ИГР1(5)* Магистер [23*]*ИГР1(5)* [*далее*:] и [24*]*ИГР1(5)* посольствами [25*]*ИГР1(5)* кротких [26*–26*]*ИГР1(5)* других городов, [27*–27*]*ИГР1(5)* [*нет, исправ. в ИГР2(5)*] [28*]*ИГР1(5)* Магистер [29*–29*]*ИГР1(5)* [*нет*] [30*–30*]*ИГР1(5)* Признаки были те же: а именно, железа, кровохарканье, озноб, жар, и смерть неминуемая. [31*]*ИГР1(5)* его, [32*]*ИГР1(5)* сей Государь [33*]*ИГР1(5)* присяжниками [34*]*ИГРК* [*далее*:] См. Калайдовича о Туровском Епископе, XVI [35*–35*]*ИГР1(5)* два пуда [36*]*ИГР1(5)* широтою [37*–37*]*ИГР1(5)* обедни, а не ввечеру; позволяют [38*]*ИГР1(5)* [*далее*:] супруги Донского,

ГЛАВА III

[1*]*ИГР1(5)* [*далее*:] ветхий [2*]*ИГР1(5)* [*далее*:] еще [3*]*ИГР1(5)* 1429 [4*]*ИГР1(5)* [*далее*:] и Польских [5*–5*]*ИГР1(5)* знаменитейшие: Король Ягайло и Римский Цесарь Сигизмунд с их супругами, Король Датский Эрик, Легат Папский, Князья Борис Тверский, Рязанский, Одоевские, Мазовские, Хан Перекопский, изгнанный Господарь Воложский Илия, Послы Императора Греческого, Великие Магистры Прусский и Ливонский с своими Коммандорами. [6*]*ИГР1(5)* изумлял [7*–7*]*ИГР1(5)* [*нет*] [8*]*ИГР1(5)* которым [9*–9*]*ИГР1(5)* Но он не хотел явной войны с ними и согласился [10*]*ИГРК* [*далее*:] См. Пушк. [11*]*ИГР1(5)* Воложские [*исправ. в списке опечаток ИГР1(5)*] [12*–12*]*ИГР1(5)* [*нет*] [13*]*ИГР1(5)* обедню [14*]*ИГР1(5)* присоединялись [15*]*ИГР1(5)* [*далее*:] народная [16*, 17*, 18*, 19*]*ИГР1(5)* Магистер [20*] [*см. Примеч.*[68*]] [21*]*ИГР1(5)* [*далее*:] осыпал дарами, [22*]*ИГР1(5)* [*далее*:] заговор и [23*]*ИГР1(5)* Они [24*]*ИГР1(5)* обедню [25*]*ИГР1(5)* знаменитый [26*]*ИГР1(5)* получил [27*]*ИГР1(5)* [*далее*:] неприметно [28*]*ИГР1(5)* знаменитая, предводительствуемая многими Князьями и лучшими Воеводами. [29*–29*]*ИГР1(5)* на землю и вооруженные [30*–30*]*ИГР1(5)* собою и не знали, [31*]*ИГР1(5)* Государеву [*исправ. в списке опечаток ИГР1(5)*] [32*–32*]*ИГР1(5)* [*нет*]

ГЛАВА IV

[1*–1*]*ИГР1(5)* [*нет*] [2*]*ИГР1(5)* [*далее*:] оно [3*–3*]*ИГР1(5)* коими справедливо укоряет История Духовенство Западной Церкви, [4*–4*]*ИГР1(5)* [*нет*] [5*]*ИГР1(5)* преступника. [6*–6*]*ИГР1(5)* Ярослава Великого мы не имели оного.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1*–1*]*ИГР1(5)* Сурожем; впрочем и город Судак назывался тем же именем [2*–2*]*ИГР1(5)* Посадничья. [3*]*ИГР1(5)* Тысячкаго [4*]*ИГР1(5)* Новгородчкаго. [5*]*ИГР1(5)* Новгородскаго [6*]*ИГР1(5)* Нов-

городчкаго. [7]**ИГР1(5)* Оникиева [8*–8*]*ИГР1(5)* Ивана Кремнича [9]**ИГР1(5)* Ондреевича. [10]**ИГР1(5)* Тверский, [11]**ИГР1(5)* Константиновича, [12]**ИГР1(5)* Архиепископом [13]**ИГР1(5)* Новгородским, [14]**ИГР1(5)* Алексеем, [15]**ИГР1(5)* Тысяцким [16]**ИГР1(5)* Михайловы [17]**ИГР1(5)* целовали [18]**ИГР1(5)* целованье [19]**ИГР1(5)* целовали [20]**ИГР1(5)* Новгородские [21]**ИГР1(5)* целованье [22]**ИГР1(5)* Новгородских [23]**ИГР1(5)* целованью [24]**ИГР2П(8)* В рукописи XVI века, принадлежащей Москов. купцу А. С. Шульгину, находится *Слово о Даниле Заточнике* (жившем в XII веке), если и не достоверное, если и не им писанное, то по крайней мере любопытное: оно имеет признаки древности и напоминает некоторые старые, уже забытые Русские пословицы. Сообщаем его здесь (с некоторыми выпусками).

«Вострубим, братие, яко в златокованныя трубы, в разум ума своего, и начнем бити сребреныя арганы, и возвеем мудрости своя. Боже, Боже мой! въскую мя еси оставил? Востани, слава моя, востани в псалтыри и в гуслех... Да разверзу в притчах гадание мое... Но боюся, Господине, похуления твоего на мя: аз бо есмь яко она смоковница проклятая, не имея плода покаянию: имею бо сердце аки лице без очию, и бысть ум мой яко нощны вран на нырищи... и покры мя нищета аки Чермное море Фараона. Се же бех написах, бежах от лица художъства моего аки Агаря рабыня от Сарры. Но видех, Господине *Княже*, твое добросердие к себе и притекох ко обычной твоей любве... Аз бо есмь, Княже Господине, яко трава блещанна, растуще за стеною, на ню же ни солнце сияет, ни дождь идет: тако и аз, Княже Господине, всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоея, яко оплотом твердым. Но не возри на мя яко волк на ягня, но возри на мя, Господине, аки мати на младенца... Мы, Княже, желаем твоея милости: зане, Господине, кому любово (в другом списке: *Боголюбивое*), а мне горе лютое; кому *Бело* озеро, а мне *черные* (в другом списке: *чернее*) смолы; кому *Лачь* озеро, а мне, на нем седя, *плачь* горки; кому ти есть *Нов*-город, а мне *углы опали*: зане не процвете часть моя... Тем же не иму другу веры... Не лгал бо ми *Ростислав* (сын Георгия Долгорукого? см. ниже): Князь: *лепши бы ми смерть, а не Курское Княжение*. Також и мужеви: лепше бы ми смерть, нежели продолжен живот в нищете... Тем же вопию к тебе, Княже, мой Господине: одержим есмь нищетою: помилуй мя, *сыне великаго Царя Владимира* (следственно это писано к сыну Владимира Мономаха. Георгию Долгорукому, коему принадлежало Белоозеро. В другом списке Даниилова Слова сей Князь назван *Ярославом*: Георгий мог иметь Славянское имя Ярослава)... Избави мя от нищеты сия, яко серпу от тенета, яко птицу от кляпцы... аз бо есмь яко древо при пути: мнози посекают его и на огнь вмещут. Всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоея. Яко же бо и олово гинет, часто разваряему: тако и человек приемлет многия беды. Никто же может соли зобати, ни в печали смыслити; всяк бо человек хитрит и мудрит о чюжей беде, а о своей не может смыслити. Злато искушается огнем, а человек напастьми; пшеница бо, много мучима, чист хлеб подает, а в печали обретает человек ум совершен. Молеве ризы изъедают, а человека печаль; печальну мужу засышут кости. Аще кто человека в печали призрит, как студеною водою напоит в знойный день. Птица бо радуется вес-

не, а младенец матери: тако и аз, Княже Господине! радуюся твоей милости: весна бо украшает цветы землю, а ты оживляеши вся человекы своею милостью, сироты и вдовицы, от Вельмож погружаеми. Княже Господине! яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок и образ твой Государев красен, и лице твое светло и благолепно, и разум твой яко же прекрасный рай многоплодовит. Яз же худый добре дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сух хлеб ядущь, или пиеши сладкое питие, а мене помяни теплу воду пьющи, и праха нападша от места заветреня. Егда ляжеши на мягкых постелях под собольими одеялы, а мене помяни под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрелами сердце пронизающи. Да не буди, Княже, рука твоя согбена на подание убогим: ни чашею бо моря росчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити; яко же бо невод не удержит воды, но точию едны рыбы: тако и ты, Княже, не воздержи злата и сребра, но раздай людем. Паволока, испещренна многими шелки, красно лице являет: тако и Князь многыми людми честен и славен по всем странам... Яко же похвалися Езикеи Царь послом Царя Вавилоньскаго, и показаше им множество сребра и злата; они же реша ему: наш Царь богатее тебя, не множеством злата, но множеством воя: зане же мужи злато добудут, а златом людей не добыти. Яко же рече Святослав Князь (сын) Игорев, идый на Царя с малою дружиною, и рече им: *братие! нам ли от града* (Царяграда) *погинути, или граду от нас пленену быти? яко же Бог повелит, тако и будет* (сих слов нет в списках Несторовой летописи, нам известных): поженет бо един сто, а от ста двигнется тысяща; надеяся на Господа, яко гора Сион не подвижется во веки (не уже ли и это сказал Святополк язычник?). *Дивья* за буяном кони наствити, а за добрым Князем воевати; многажды бо безнарядием полцы погибают. Видех велик зверь, а главы не имеет: тако и добрыя полкы без добраго Князя погибають. Гусли бо строятся персты, а тело основается жилами, а дуб крепится множеством корения, тако и град наш крепится твоею державою: зане Князь щедр отець есть всем; слузи бо мнози отца и матери лишаются и к нему прибегают. Добру бо господину служа, дослужиться свободы; а злу господину служа, дослужиться большиа работы. Зане Князь щедр аки река без берегов текуще всквозе дубравы, напаяюще не только человецы, но и скоти и вся звери; а князь скуп аки река, велик брег имущь каменны; не лзя пити, ни коня напоити. А Боярин щедр аки кладезь сладок, а скуп Боярин аки кладезь солон. Не имей себе двора близ Княжа двора; не держи села близ Княжа села; Тиун бо его яко огнь *трепетицею* (тряпицею?) накладен, а рядовичи его яко искры; аще от огня устережешися, но от искры не можешь *устрещися жжение* (может быть: *не можешь устрещи съжжение*) порт. Княже, Господине мой! не лиши хлеба нища мудра, ни вознеси до облак богатаго буземна: нищь бо мудр яко злато в калне сосуде, а богат красен-несмыслен, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внешняя моя, но зри внутренняя: аз бо одеянием есмь скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смыслом; бых мыслию яко орел паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничи под поток капля языка моего, да накаплют

ти сладчайши меду словеса уст моих... Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи (скажи); а безумна посылай, сам не ленися по нем итти. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго (очи желают) дому пировнаго... Безумных ни орют, ни сеют, ни в житницы собирают, но сами ся рождают... ни мертвеца разсмешити (не льзя), ни безумна наказати. Коли пожрет синица орла, коли камение восыловет по воде, коли свиния почнет на белку лаяти, тогда безумный уму научится... Не видал есми неба польстяна, ни звезд лутовяных, ни безумца мудрость глаголюща... Княже мой Господине! не море топит корабли, но ветри; а не огнь творит разжение железу, но надымание метное: тако же и Князь не сам впадает во многие в вещи злыя, во думцы вводят: з добрым бо думцею думает, и малаго стола лишен будет... Не скот в скотех коза, а не зверь во зверех ежь, не рыба в рыбах рак, не птица в птицах нотопырь, а не муж в мужех, кем своя жена владеет. Дивее дива, кто поимает жену злообразну прибытка ради. Некогда же видех жену злообразну приничюше к зерцалу и мажущися румянцем, и рех ей: не зри в зерцало, видевше лепость лица своего, зане большую печаль примеши себе... Злая жена бьема бесится, а кротима высится; в богатстве гордится, а в убожестве иных осужает. Что есть жена зла? Гостница неусыпаемая, купница бесовская мытница, поборница греху, засада спасению. Аще который муж имет смотрити на красоту жены своея и на ея ласковыя словеса, а дел ея не испытает: то дай Бог ему трясцею болети... Речет мужу: *Господине мой, свете очию моею! аз на тя не могу зрети; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обоумираю и воздрожат ми уды тела моего*... Несть на земли болши женьския злобы... Возвратимся на предняя словеса. Аз бо, Княже Господине, ни за море ходил, ни от Философ научился, но бых яко падая пчела по различным цветом и совокупляя яко медвеный сот, гако и аз по многым книгам собирая сладость словесную и разум совокупих яко мех воды морьския, а не от своего разума, но от Божиа промысла... Сии словеса аз Данил писах в заточение на Белеозере, и запечатав в воску и пустих во озеро, и взем рыба пожре, и ята бысть рыба рыбарем и принесена бысть ко Князю, и нача ея пороти, и узре Княжь сие написание и повеле Данила свободити от горкаго заточения ...Уже бо престану глаголати, да не буду яко мех утел, роня богатество убогим... Яко же бо птица учащает песни своя, скоро возненавидима бывает... Речь продолжна не добро продолжена паволока. Господи! дай же Князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Иосифов разум, мудрость Соломоною, кротость Давыдову, и умножи вся человеки под руку его. Люте беснующемуся дати ножь, а лукавому власть; паче всего ненавижь сторонника перетерялива. Аминь». (Сообщено от Г. Калайдовича). [25*–25*]*ИГР1(5)* (??), [26*–26*]*ИГР1(5)* [*нет*] [27*–27*]*ИГР1(5)* То же пишет и Стриковский, кн. XIII, гл. 4, ошибаясь единственно в том, что он говорит о бедствии Святослава прежде взятия Полоцка. [28*]*ИГР1(5)* Волжский [*исправ. в списке опечаток ИГР1(5)*] [29*]*ИГР1(5)* Священничества [30*]*ИГР1(5)* злата. [31*–31*]*ИГР1(5)* [*нет*] [32*–32*]*ИГР1(5)* В Кабинете С. Петербург. Академии Наук хранятся две медные монеты: одна с надписью: *Великаго Князя Ива... Ива....* а на другой заметны буквы К, О, И или Н, и В (см. Petersburg. Journ. г. 1781. Ч. II,

стр. 9 и 52). У Графа А. И. Мусина-Пушкина есть также две медные пулы.— Я имел в руках своих две из серебряных монет Димитриевых: одну с изображением всадника и с словами: *Великий Князь Дмит...* и другую с изображением птицы, с словами: *Князя Великого Дмитрея*, и с Татарскою, неясною надписью. Мне известны еще две монеты Удельных Князей Димитриева времени: одна *Кашинская*, а другая Ростовская; [33*–33*]*ИГР1(5)* может быть, Князей Владимира Андреевича *Храброго* или Владимира Пронского. На одной представлены два лица, а на другой лошадь. Один из моих знакомцев видел слепок древней монеты с надписью Татарскою и Русскою: *Князь Данило*: следственно сын Невского? [34*]*ИГР1(5)* 30 [35*]*ИГР1(5)* (спорном) [36*–36*]*ИГР1(5)* [*нет*] [37*]*ИГР2П(8)* В одной летописи сказано: «К В. К. Витовту в Немцы, в Мариин городок (Мариенбург) приидоша послы из града Москвы, просяще дщери его за В. К. Василья Дмитриевича. Витовт же даде дщерь свою Княжну Софья за В. К. Московского, и отпусти ю из града из Мариина, а с нею посла Князя *Монтивича* (Иоанна Олгимунтовича Голшанского: см. Хронику Стриковского, кн. XIII, гл. 8) из града Гданска, и поидоша вси корабли за море, и приидоша ко граду Пскову. Псковичи же великие чести воздаша им и проводиша до Новагорода, и Новогородци же паки им честь воздаша, и проводиша до Москвы. Князь же Великий Василий противу их послал братию свою, К. Андрея Владимировича и К. Юрия Димитриевича, и иных многих Князей и Бояр, и сретоша Княжну Софию с великими честьми. Тогда Митрополит Киприан со всем Освящен. Собором сретили честно со кресты пред градом Москвою, и сотвори брак, и венчали Вел. Князя с Вел. Княгинею Софиею, и бысть брак чюден». [38*]*ИГР1(5)*, *ИГР2(5)* последний [*исправ. в ИГРК*] [39*–39*]*ИГР1(5)* [*нет*] [40*–40*]*ИГР1(5)* [*нет*] [41*–41*]*ИГР1(5)* [*нет*] [42*–42*]*ИГР1(5)* [*нет*] [43*]*ИГР1(5)* [*далее:*] Посадника [44*]*ИГР1(5)* Посадника». [45*–45*]*ИГР1(5)* [*нет*] [46*]*ИГР1(5)* Магистер [47*]*ИГРК* [*далее:*] Калайд. XVI: см. Ростов. Летоп. 402 [48*–48*]*ИГР1(5)* [*нет*] [49*]*ИГР1(5)* пуду [50*]*ИГР1(5)* пуда [51*–51*]*ИГР1(5)* [*нет*] [52*]*ИГР1(5)* пуда [53*]*ИГР1(5)* [*в списке опечаток:*] N. В. [...] слово *уденье* употреблено кажется, в смысле раннего *утра*. [54*–54*]*ИГР1(5)* Епископ и потягло [55*]*ИГР1(5)* Райския [56*]*ИГР1(5)* Лисичьней [57*–57*]*ИГР1(5)* [*нет*] [58*–58*]*ИГР1(5)* [*нет*] [59*–59*]*ИГР1(5)* [*нет*] [60*]*ИГРК* [*далее:*] См. Лет. Софийск. II, 11. В. Княгиня Мария названа внукою Марье Голтаевой. [61*–61*]*ИГР1(5)* [*нет*] [62*]*ИГРК* [*далее:*] Соф. II, 15. [63*]*ИГРК* [*далее:*] Соф. II, 19, [64*–64*]*ИГР1(5)* [*нет*] [65*, 66*]*ИГР1(5)* Магистер [67*]*ИГРК* [*далее:*] Соф. II, 44. [68*]*ИГРК Ртах*: это род санок? Сибирск. [*см. также Гл.* III, [20*]] [69*–69*]*ИГР1(5)* Ярославича. И будут [70*–70*]*ИГР1(5)* [*нет*] [71*]*ИГР1(5)* Жолчи [72*]*ИГРК* [*далее:*] Соф. (т. е. Софийск. временник) 63. [73*–73*]*ИГР1(5)* (сваи?) [74*–74*]*ИГР1(5)* [*нет*] [75*]*ИГРК* [*далее:*] Соф. II, 66. О бунте в Новегороде и трусе.

КОММЕНТАРИИ К ТОМУ V «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

КОММЕНТИРОВАННЫЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ Н. М. КАРАМЗИНЫМ В «ПРИМЕЧАНИЯХ» *

Раздел I **

РУКОПИСИ

1. Азбука, взятая из древней рукописи о житии и делах Стефановых *см.* № 8.

Так называемая «Пермская азбука», изобретенная в XIV в. Стефаном Пермским (ум. 1396), миссионером в земле Коми.

2. Алексей, митрополит. Грамота *см.* № 166.

Послание митрополита Алексея жителям Червленого Яра. Не позднее 1378 г.

3. Алексей, митрополит. Собственноручная записка *см.* № 166а.

4. Архангельская Летопись *см.* II, № 6.

У Карамзина находился список XVII в. Устюжского летописного свода (ГИМ. Синод. № 965).

5. Архивская Летопись *см.* № 6.

6. Архивская Летопись № 8 = ЦГАДА. Ф. 181. № 11/12.

Летописец, содержащий известия с 1389 по 1560 г., по определению Карамзина, «подобный Никоновскому», или Свод 1560 г. в списке начала XVII в. (Отождествлено Б. Н. Морозовым).

7. Архивская Киевская Летопись.— Не отождествлена.

8. Архивские бумажники Миллера № 199 = ЦГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 411/23.

«Портфель» Г. Ф. Миллера («Litteraria»), включающий выписки «из старой рукописной книги за 200 лет и более, писанной о Пермии и Житие Стефана, епископа Пермского», использованные Карамзиным.

9. Баснословная повесть о Мамаевом побоище... разные списки *см.* № 70.

10. Басня о происхождении Темир-Аксака в русских летописях *см.* II, № 9, 10.

Повесть о Темир-Аксаке помещена в Лицевом летописном своде XVI в. (2-ой Остермановский том — БАН, 31.7.30) и в Никоновской летописи XVI в. (Академический XV список — БАН. 17.2.5).

11. Булла Пия II, писанная в 1458 году. Весьма неясный перевод ее в Архивск. Лет. № 8, л. 102 под заглавием: «Послание

---

* О принципах составления списка см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 330–332; М., 1990. Т. II–III. С. 658.

** Подготовлен В. Ю. Афиани и В. П. Козловым.

к королю Польскому Андрею в лето 6950» = ЦГАДА. Ф. 181. № 11/12. Ч. 2.

В составе Свода 1560 г. в списке начала XVII в. *См. также* № 6.

12. Бумаги Кенигсбергского архива.— Не разысканы. Карамзин использовал копии документов из Кенигсбергского архива, присылавшиеся министру внутренних дел О. П. Козодавлеву и самому историографу. Среди копий находящихся в настоящее время в ЦГАДА (Ф. 147), документы использованные Карамзиным не обнаружены. Подробнее *см.*: наст. изд. Т. IV. С. 345—346.

13. Бумажники Г. Миллера, хранящиеся в Архиве Иностранной Коллегии № 316-ЦГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 763.

Имеется ввиду «Известия о именах: Грузия, Карталиния, Милитиния, Кабарда, Кумыки, Авары, Терек, Кура, Каспийское море, Дербент, Астрахань», составленное по запросу В. Н. Татищева в 1743 г. грузинским царевичем Сакором Вахтанговичем. Находится в одном из т.н. «портфелей» Г. Ф. Миллера.

14. Великий Магистр Немецкий пишет в 1446 г. к Ливонскому, чтобы он задержал прусские суда, которые везли хлеб и медь в Россию... из Кенигсбергского Архива... № 798 *см.* № 12.

15. Великий Магистр Немецкий посылает к Ливонскому в 1446 г. проект дружественного союза с Королем Датским и Шведским... из Кенигсбергского Архива... № 817 *см.* № 12.

16. Великий Магистр Немецкий в 1477 г. уведомляет Ливонского, что он соглашается пропустить Князя Юрия Лугвениевича через Орденские владения... из Кенигсбергского Архива... № 807 *см.* № 12.

17. Волынская Летопись = ОР ГПБ. F.IV.230; ОР БАН 16.4.4.

В распоряжении Карамзина находился Хлебниковский список Ипатьевской летописи, найденный им в 1809 г. в библиотеке коломенского купца П. К. Хлебникова, и Академический список Ипатьевской летописи, обнаруженный А. И. Тургеневым около 1807 г. в библиотеке Академии наук. Копией с последнего списка, принадлежавшей А. Ф. Малиновскому и подаренной им в МАКИД (ЦГАДА. Ф. 181. Д.10/10) и мог воспользоваться историограф во время работы над «Историей в Москве».

18. Воскресенская Летопись *см.* II, № 18.

В собрании Карамзина находился список летописи XVII в. (ОР ГПБ. F.IV.60).

19. Голицынская Новгородская летопись = ОР ГПБ 0.IV.138.

Новгородская четвертая летопись, использованная Карамзиным по списку XV или начала XVI в., находившемуся в коллекции графа Ф. А. Толстого. В это собрание список поступил из библиотеки князей Голицыных вместе с рядом других рукописей.

20. Горюшкинский Летописец = ОР ГПБ. F.IV.602.

Сборник XVIII в., включающий использованные Карамзиным Софийскую первую и Псковскую летописи, грамоту великого князя московского Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 12 декабря 1402 г., подтверждающую княжеские уставы, а также сочинения в защиту прав и привилегий церкви. Сборник принадлежал профессору законоведения Московского университета З. А. Горюшкину (1748—1821), остался у Карамзина и поступил от его наследников в 1878 г. в имп. Публичную библиотеку.

21. Грамота... в Пушкинском собрании Двинских грамот *см.* № 142.

Грамота Великого Новгорода о предоставлении на год «черного бора» с Новоторжских волостей великому князю Московскому Василию II Васильевичу около 1448—1461 гг. Карамзин датировал ее 1437 г.

22. Грамота в Пушкинском собрании Двинских грамот № 1 *см.* № 142.

Договорная грамота Великого Новгорода с великим князем московским Василием II Васильевичем о мире в Яжелбицах 1456 г.

23. Грамота... в Синодальной Летописи под № 348 на первом листе *см.* № 154.

Отрывок из Псковской Судной грамоты в рукописи XVI в.

24. Грамота... в собрании Двинских [грамот] *см.* № 142.

Грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского Андрею Фрязину о пожаловании его Печерою в кормление около 1363—1389 гг.

25. Грамота [договорная Дмитрия с Михаилом]... находится в Архиве, не подлинная, и список ее даже не исправен = ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. II. № 3.

Договорная (докончальная грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского и его двоюродного брата князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем около 1373 г. Карамзин обратил внимание на «некоторые ошибки» в публикации грамоты в «Древней российской Вивлиофике» (см. II, № 49).

26. Грамота договорная [Новгорода с великим князем тверским Михаилом Александровичем] = ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. II. № 11.

Грамота Новгорода Великого новгородским послам в Тверь Юрию и Якиму с наказом об условиях заключения мирного договора с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1372 г.

27. Грамота Епископа к Дмитрию... *см.* Послание Российских Митрополитов в Синодальной библиотеке № 164, л. 70 *см.* № 137.

Послание к князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке «от всех владык и архимандритов» 1447 г.

28. Грамота [жалованная Василия Дмитриевича боярам двинским] из Пушкинского собрания Двинских грамот *см.* № 142.

Уставная грамота великого князя московского Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г.

29. Грамота... из Горюшкинского Летописца *см.* № 20.

Грамота великого князя московского Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1402 г. 12 декабря, подтверждающая княжеские уставы.

30. Грамота митрополита Ионы к Королю Казимиру... В Послании Российских Митрополитов Синодальной библиотеки № 164, л. 153 *см.* № 137.

Послание митрополита Ионы к польскому королю Казимиру IV о братстве и согласии с великим князем московским Василием II Васильевичем около 1450 г.

31. Грамота [митрополита Ионы] к Епископу Смоленскому

Михаилу *см.* Послание Российских Митрополитов в Синодальной библиотеке № 164, л. 151 *см.* № 137.

Послание об измене и бегстве в Литву можайского князя Ивана Андреевича 1454 г., приписываемого митрополиту Ионе.

32. Грамота [митрополита] Ионы к Царю Казанскому, писанная с его слугою... *см.* Послание Российских Митрополитов, л. 118 *см.* № 137.

Послание митрополита Ионы татарскому хану о своем слуге и товаре 1460—1461 г.

33. Грамота Митрополита Симона к Пермякам... *см.* Послание Российских Митрополитов, в Синодальной библиотеке № 164 *см.* № 137.

Послание митрополита Симона мирянам в Великую Пермь с призывом отказаться от языческих обрядов 1501 г.

34. Грамота о платеже денег [в Пушкинском собрании] *см.* № 142.

Грамота Великого Новгорода великому князю московскому Василию II Васильевичу об окончательной расплате по Яжелбицкому договору и с обязательством очистить затоны согласно Демонскому докончанию 1456 г.

35. Грамота о Стригольниках см. Послание Российских Митрополитов в Синодальной библиотеке № 164, л. 316 *см.* № 137.

Послание патриарха Константинопольского Антония в Новгород о стригольниках 1388—1395 гг.

36. Грамоты... в Архиве под № 22 и 23 = ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. II. № 13-а, 13-б.

Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича и его дядей — князей можайских Андрея Дмитриевича и Константина Дмитриевича с их дядей и братом князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем 1428 г. 11 марта. *См. также* II, № 137.

37. Даниил, епископ Владимирский. Рукописание *см.* № 145.

37а. Два описания... войны Мамаева побоища: одно действительно историческое и современное, находящееся в Ростов. и других достоверных летописях, а другое, напечатанное с разными отменами в Киевском Синопсисе и Никон. Лет., баснословное и сочиненное, может быть, в исходе XV века Рязанцем, Иереем Софронием, как-то именно означено в одном списке, хранящемся в библиотеке графа Ф. А. Толстого, под титулом: История или повесть о нашествии безбожного Царя Мамая с бесчисленными Агаряны *см.* № 60; II, № 83, 97, 101.

38. Два письма Великого Магистра Прусского к Витову 1408 года, под № 624 и 625... между бумагами Кенигсбергского архива *см.* № 12.

39. Две духовные грамоты Димитриевы... в Архиве = ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. I. № 6. 7.

Духовная грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского около 1375 г. (Карамзин датирует ее 1371—1377 гг.) и его же духовная грамота 1389 г. (Карамзин считает ее написанной «перед смертью» великого князя). Третий список грамоты, без печати (ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. I. № 8) историк не упоминает. *См. также* II, № 50, 54.

40. Договор Болеслава-Свидригайла и наследника Литвы и России и Владетеля Подолии с Орденом в 1402 году... *см.* между моими Кенигсбергскими бумагами № 300, 316, 317, 318, 319 *см.* № 12.

41. Договор... в Пушкинском собрании Двинских грамот *см.* № 142.

Договорная грамота Великого Новгорода с великим князем московским Василием II Васильевичем о мире в Яжелбицах (московская грамота) 1456 г.

42. Договор, заключенный Князем Борисом с Василием Темным около 1437 г. *см.* № 170.

43. Договор [Михаила Тверского] с Дмитрием *см.* № 25.

44. Договор [немцев с Новгородом] 1420 года *см.* № 102.

45. Договор Новгородцев с Михаилом Александровичем находится в Архиве Иностранной Коллегии под № 8 = ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. III. № 7.

Договорная (докончальная) грамота Великого Новгорода с великим князем владимирским и тверским Михаилом Александровичем 1371 г.

46. Договорная грамота Василия Дмитриевича с братьями Андреем и Петром... в Архиве=ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. II. № 11.

Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия I Дмитриевича с его братьями, князьями: можайским Андреем Дмитриевичем и дмитровским Петром Дмитриевичем 1401—1402 гг.

47. Договорная грамота Свидригайлова *см.* № 153.

48. Древней Летописец *см.* II, № 45.

48а. Другая... грамота о платеже денег *см.* № 34.

48б. Другая известная нам грамота о Стригольниках *см.* № 35.

49. Другое письмо [великого магистра Немецкого Ордена к королю Богемскому] под № 641 *см.* № 12.

49а. Другой список азбуки *см.* № 8.

50. Другой список Даниилова Слова *см.* № 163.

51. Духовная Мономаха *см.* № 178.

52. Житие Александра Великого вписано в Синодальную Псковскую Летопись № 349 *см.* № 140.

«Александрия», сказание о подвигах Александра Македонского в русском переводе XII в.

53. Житие Сергия [Радонежского] *см.* II, № 69.

54. Житие Стефаново см. II, № 70, 71.

55. Завещание Князя Владимира Андреевича Храброго-ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. I. № 10, 11, 12.

Духовная грамота князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича около 1401—1402 гг. Ссылка Карамзина не позволяет определить конкретный список грамоты из числа хранящихся в архиве, который был использован в «Истории». *См. также* II, № 135.

56. Записка в 1444 году поданная Великому Магистру Немецкого Ордена Секретарем Ливонского Магистра, Павлом, о причинах войны между Новымгородом и Ливониею... из Кенигсбергского Архива... № 796 *см.* № 12.

57. Записка Литовского посла, врученная Великому Магистру Прусскому, и ответ Магистра о ссоре Литовцев с Новымгородом в 1444 году... из Кенигсбергского Архива... № 756 *см.* № 12.

58. Записка Литовского посла, врученная Великому Магистру Прусскому о войне Ливонского Ордена с Новымгородом в 1445 году... из Кенигсбергского Архива... № 760 *см.* № 12.

59. Запросы Великого Магистра Немецкого к Ливонскому о праве Новогородцев на половину реки Наровы в 1445 году... из Кенигсбергского Архива... № 761 *см.* № 12.

60. История или Повесть о нашествии безбожного Царя Мамая с бесчисленными Агаряны... в одном списке..., хранящемся в библиотеке Графа Ф. А. Толстого = ОР ГПБ. F.IV.228.

Основная редакция Сказания о Мамаевом Побоище в списке XVIII в.

61. Казанский Летописец *см.* II, № 119.

62. Казанский Летописец в Казанской Истории Рычкова *см.* II, № 119.

63. Каталог.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи.

64. Каталог Митрополитов Киевских.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи.

65. Каталог Российских Митрополитов.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи.

67. Каталог Синодальной библиотеки, сочиненный Маттеи *см.* II, № 92.

Возможно Карамзин имел в виду не только печатное издание каталога, но и рукописный каталог греческих рукописей, составленный в конце XVIII в. профессором Московского университета Х.-Ф. Маттеи.

68. Кедрин. Русский перевод Истории *см.* II, № 61.

69. Киевская Архивская Летопись *см.* № 10.

70. Книга о древностях Российского Государства Синодальной библиотеки № 529, Т. II (Синодальной библиотеки рукопись № 529 о древностях Российского Государства. Т. II, л. 263 и 274 = ГИМ. Синод. № 964.

Летописный сборник XVII — начала XVIII вв., составленный дьяком Афанасьевского («Холопьего») монастыря на Мологе Т. Каменевичем-Рвовским. Из этого сборника Карамзин использовал два списка Сказания о Мамаевом побоище.

71. Книга Поместного Приказа XVI века, найдена мною в Архиве Коллегии Иностранных дел.— Не отождествлено.

72. Кормовая книга... [Симонова монастыря].— Утрачена. Рукопись была похищена из монастыря в 1822 г. Сохранился список XIX в. другой кормовой книги *см.* АСЭИ. Т. II. № 339. С. 337—338; Т. III. № 479. С. 465.

73. Краткая летопись.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи.

74. Летописей Казанский *см.* II, № 119.

75. Летописей Новогородский *см.* № 156.

76. Летописи XI, XII и XIII веков.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления летописей и их списков.

77. Летопись Архангельская *см.* № 4; II, № 6.

78. Летопись Архивская *см.* № 8.

79. Летопись Архивская № 8 *см.* № 9.

80. Летопись Воскресенская *см.* II, № 18.

81. [Летопись] в Синодальной библиотеке летопись в лист № 349 *см.* № 140.

82. Летопись Голицынская... получена мною от Графа Ф. А. Толстого. Она писана полууставом, в лист, при Царе Алексии Михайловиче = ОР ГПБ. F.IV.603.

Сборник XVI—XVII вв., содержащий Псковскую летопись (так называемый «Карамзинский» или «Толстовский» список) и ряд других источников. Остался в коллекции Карамзина и в 1878 г. был передан его наследниками в имп. Публичную библиотеку.

83. Летопись Киевская Архивская *см.* № 10.

84. Летопись Малороссии *см.* II, № 90.

85. Летопись Нижегородская *см.* № 103.

86. Летопись Никоновская *см.* II, № 97.

87. Летопись Попа Иоанна *см.* № 107.

88. Летопись Псковская *см.* № 139.

89. Летопись Ростовская *см.* № 144.

90. Летопись Русская Львова *см.* № 149.

91. Летопись Синодальная под № 348 *см.* № 154.

92. Летопись Синодальной библиотеки № 365 = ГИМ. Синод. № 485. Вологодско-Пермская летопись в сборнике середины XVI в.

93. Летопись Соловецкого монастыря *см.* II, № 88.

94. Летопись Хлыновская *см.* № 188.

95. Линденблат в своей Хронике (Линденблатова рукописная Немецкая Хроника, которая идет до 1420 г.).— Не отождествлено.

96. Мирный договор [Михаила Тверского] с Димитрием *см.* № 25.

97. Мирный договор Псковитян с Орденом на 10 лет, заключенный в Риге в 1417 году... в моих Кенигсбергских бумагах *см.* № 12.

Договорная грамота Пскова с Ливонским Орденом о десятилетнем мире 1417 г. 29 сентября.

98. Мнимый Устав Ярослава *см.* № 182.

99. Московский Летописец = ГИМ. Синод. 153.

Повесть «о зачале Москвы» по списку конца XVII в.

100. Наставление Великого Магистра Прусского послу его, отправленному в 1445 г. на свадьбу Короля Датского и Шведского Христофора... из Кенигсбергского Архива... № 759 *см.* № 12.

101. Наставление того же Великого Магистра Коммандору В *, отправленному к Герцогу Литовскому Казимиру в 1444 году... из Кенигсбергского Архива... № 743 *см.* № 12.

102. Немецкий перевод... [грамоты договорной немцев с Новгородом] или другой грамоты между Архивскими Кенигсбергскими бумагами № 320 *см.* № 12.

Проект договорной грамоты Великого Новгорода с Ливонским Орденом и епископом Юрьевским о мире 1420 г.

103. Нижегородский Летописец (Летопись Нижегородская) = ОР БАН 16.3.1.

Академический список XIII (т. н. Алаторский) Воскресенской летописи *См. также* № 18; II, № 18.

104. Никоновский Летописец *см.* II, № 97.

105. Новогородская Голицынская Летопись *см.* № 19.

106. Новогородская грамота 1471 года *см.* № 142.

Грамота Великого Новгорода великому князю Ивану Васильевичу о сроках выплаты 15 500 рублей 1471 г. 9 августа.

106а. Новогородский Летописец *см.* № 156.

107. Новгородская Летопись Попа Иоанна (Летопись Попа Иоанна) = ОР БАН. 17.8.36.

Академический список второй половины XV в. Новгородской первой летописи младшего извода. Пользуясь публикацией этой летописи (см. II, № 99), Карамзин отмечал ее «исправность», что дает основание предполагать его знакомство с рукописью.

108. Одна краткая летопись.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи.

109. Одна летопись.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи.

110. Описание Митяева путешествия в Грецию *см.* II, № 103.

Повесть о Митяе XIV в. используется Карамзиным обычно со ссылками на Никоновскую летопись. Но обнаруживаемые расхождения между цитируемым историком текстом и текстом публикации возможно указывает на то, что Карамзин использовал и другие источники, содержавшие это сочинение.

111. Описание первого путешествия Россиян в Италию в Синодальной библиотеке № 329 = ГИМ. Синод №

Путешествие митрополита Исидора в 1439 г. на Феррaро-Флорентийский собор было известно Карамзину и по публикациям *см.* II, № 124, 125.

112. Описание Пименова путешествия в Царьград *см.* II, № 97, 105.

Хождение митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. использовано Карамзиным по публикации в Никоновской летописи.

112а. Особенная история Высоцкого Серпуховского монастыря... хранящаяся в сей обители *см.* II, № 106, 107.

112б. Ответ Магистра о ссоре Ливонцев с Новымгородом в 1444 году... из Кенигсбергского Архива... № 756 *см.* № 12.

113. Ответы [грузинского царевича Сакора Вахтанговича на вопросы В. Н. Татищева] найдены мною в бумажниках Г. Миллера, хранящихся в Архиве Иностранной Коллегии № 316 *см.* № 13.

114. Перевод опасной грамоты, данной Папою Тверскому Боярину Фоме для его возвращения в Россию... между рукописями Иосифова Волоколамского монастыря № 665, л. 352 = ОР ГПБ. Q.XVII.50.

Опасная грамота русскому послу боярину Фоме папы Евгения IV на свободный проезд из Флоренции в России в 1438 г. в рукописи XVI в. Рукопись была изъята П. М. Строевым в 1817 г. из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря и передана в собрание графа Ф. А. Толстого.

115. Письмо Василия Темного к Греческому Царю о поставлении Ионы... В книге, названной Посланием Российских Митрополитов (Синодальной библиотеки № 164) *см.* № 137.

«Послание к греческому царю» Константину Палеологу от великого князя Московского Василия II Васильевича о поставлении кандидата на место митрополита Исидора 1448 г.

116. [Письмо] Великого Магистра Немецкого Ордена в 1413 году... двоюродному брату фон Плауэну о союзе Витовта с Новогородцами, Псковитянами... между бумагами Кенигсбергского Архива № 631 см. № 12.

117. Письмо Великого Магистра Немецкого к Исидору,... из Кенигсбергского Архива под № 736 *см.* № 12.

118. Письмо [Великого Магистра Немецкого Ордена] к Королю Богемскому под № 632 *см.* № 12.

119. Письмо [Великого Магистра Немецкого Ордена] к Королю Богемскому под № 641 *см.* 12.

120. Письмо Великого Магистра Немецкого к городу Любеку о непосылании хлеба Новогородцам в 1446 году... из Кенигсбергского Архива... № 763 *см.* № 12.

121. Письмо... к Королю Датскому и Шведскому в 1446 году... из Кенигсбергского Архива... № 772 *см.* № 12.

122. Письмо Великого Магистра Немецкого к Ливонскому в 1447 году, в коем он уведомляет его, что Князь Новогородский Юрий Лугвениевич едет на поклонение к святым местам... из Кенигсбергского Архива... № 785 *см.* № 12.

123. Письмо Великого Магистра Немецкого к Ливонскому в 1447 году о знатном витязе, едущем из Моравии в Новгород с 600 всадниками... из Кенигсбергского Архива... № 787 *см.* № 12.

124. Письмо Великого Магистра Немецкого к Ливонскому в 1447 году о послании к нему войска из Данцига морем в Нарву, а другого из Мемеля сухим путем... из Кенигсбергского Архива... № 792 *см.* № 12.

125. Письмо Великого Магистра Немецкого к Ливонскому в 1447 году о послании к нему Рыцаря Генрика... из Кенигсбергского Архива... № 793 *см.* № 12.

126. Письмо Великого Магистра Немецкого в 1447 году к Прокуратору Двора Римского... из Кенигсбергского Архива... № 804 *см.* № 12.

127. Письмо Великого Магистра Немецкого к Ливонскому в 1447 году о том, что противные ветры не дозволяют отправить к нему помощи в Ревель... из Кенигсбергского Архива... № 794 *см.* № 12.

128. Письмо Великого Магистра Немецкого к Ливонскому в 1447 году с уведомлением, что он посылает к нему Фогта Роггаузенского, Фольфганга Зауэра... из Кенигсбергского Архива... № 791 *см.* № 12.

129. Письмо Великого Магистра Немецкого к Ливонскому, чтобы он пропустил к нему посольство Герцога Новогородского Юрия Лугвениевича в 1477 году [между бумагами Кенигсбергского Архива] № 784 *см.* № 12.

130. Письмо Великого Магистра Прусского к Новогородскому Князю Юрию Лугвениевичу о Киевском Принце [между бумагами Кенигсбергского Архива] № 737 *см.* № 12.

131. Письмо Ливонского Магистра к Великому Магистру Прусскому 1417 года... между моими Кенигсбергскими бумагами № 570 *см.* № 12.

132. Письмо Митрополита Ионы к Литовским Князьям и Панам о вероломстве Шемяки... В Послании Российских Митрополитов Синодальной библиотеки № 164 *см.* № 137.

Окружное послание митрополита Ионы об изменах Дмитрия Шемяки 1448 г.

133. Повесть о храбрости Александра *см.* № 52, 140.

134. Повесть Симеона Суздальского о осьмом Соборе в Синодальной библиотеке № 364 и Архивской № 10 = ГИМ. Синод. № 483; ЦГАДА. Ф. 280. Д.

«Повесть, как Римский папа Евгений состави осмый собор» суздальского иеромонаха Симеона (1-я половина XV в.). Была известна Карамзину также по публикациям в Никоновской летописи и Степенной книге (*см.* II, № 124, 125).

135. Поручение Митрополиту Московскому... на Киевскую Митрополию от Короля Казимира в Послании Российских Митрополитов, л. 104 *см.* № 137.

«Послание о соединении митрополий киевской и московской» польского короля Казимира IV 1414 г.

136. Послание Митрополита Ионы к Евфимию, Архиепископу Новогородскому в библиотеке Волоколамского монастыря, в книге под № 465, л. 198 = ОР ГПБ. Q.XVII.50.

Послание митрополита всероссийского Ионы архиепископу новогородскому Евфимию о прекращении междоусобий 1448—1458 гг. в рукописи XVI в. Была изъята П. М. Строевым в 1817 г. из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря и передана в собрание графа Ф. А. Толстого.

137. Послание Российских Митрополитов в Синодальной библиотеке № 164 = ГИМ. Синод. № 562.

Сборник XVI в. грамот митрополитов. Карамзин использовал «Послание ко князю Дмитрию Юрьевичу [Шемяке]... от всех владык и архимандритов» 1447 г., послание митрополита Ионы к польскому королю Казимиру IV о братстве и согласии с великим князем Московским Василием II Васильевичем около 1450 г., «Послание митрополита к смоленскому епископу Мисаилу» об измене и бегстве в Литву можайского князя Ивана Андреевича в 1454 г., приписываемое митрополиту Ионе, послание 1460—1461 гг. митрополита Ионы царю татарскому о своем слуге и товаре, послание 1501 г. митрополита Симона в Великую Пермь мирянам об отказе от языческих пережитков, послание 1388—1395 гг. патриарха Константинопольского Антония в Новгород о стригольниках, «Послание к греческому царю» Константину Палеологу от великого князя московского Василия II Васильевича о поставлении кандидата на место митрополита Исидора 1448 г., окружное послание 1448 г. митрополита Ионы об изменах Дмитрия Шемяки, «Послание о соединении митрополий киевской и московской» польского короля Казимира IV 1414 г.

138. Поучение или Духовная Мономаха *см.* № 185; II, № 109.

«Поучение» Владимира Мономаха в составе Лаврентьевской летописи. Карамзин пользовался первой публикацией этого памятника, но в предшествующих томах «Истории» ссылался и на рукопись.

138а. Похвала Донскому *см.* № 144.

139. Псковская Летопись = ЦГАДА. Ф. 181. Д. 69/92.

Псковская летопись т. н. «Архивская псковская летопись», по списку, подаренному Н. Н. Бантыш-Каменским в 1791 г. в МАКИД. *Подробнее см. наст. изд.* Т. IV. С. 352.

140. Псковская Синодальная Летопись № 349 (Синодальная Летопись № 349; Синодальная Новгородская Летопись № 349; Синодальная Псковская Летопись № 349) = ГИМ. Синод. № 154.

Летописный сборник XV—XVI вв. Кирилло-Белозерского монастыря. Содержит использованные Карамзиным Псковскую вторую летопись, извлечения из Свода 1448 г., Новгородскую летопись типа «Летописи Авраамки» и «Александрию».

141. Путешествие Митрополита Пимена в Царьград *см.* № 112.

142. Пушкинское собрание грамот Двинских и Новгородских = ОР ГПБ. F.IV.335.

Сборник копий XVIII в., хранившийся в коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина по списку конца XV — начала XVI в. (ОР ГПБ. Q.IV.14). Сборник остался у Карамзина и в 1866 г. поступил от его наследников в имп. Публичную библиотеку. Среди использованных в т. V «Истории» материалов «Пушкинского собрания» — грамота 1448—1461 гг. Великого Новгорода о предоставлении на год «черного бора» с Новоторжских волостей великому князю московскому Василию II Васильевичу, договорная грамота Великого Новгорода с великим князем московским Василием II Васильевичем о мире в Яжелбицах 1456 г., грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского Андрею Фрязину о пожаловании Печерою в кормление 1363—1389 гг., уставная грамота 1397 г. великого князя московского Василия Дмитриевича Двинской земле, грамота Великого Новгорода великому князю московскому Василию II Васильевичу об окончательной расплате по Яжелбицкому договору и с обязательством очистить затоны согласно Демонскому докончанию 1456 г., договорная грамота Великого Новгорода с великим князем московским Василием II Васильевичем о мире в Яжелбицах (московская грамота) 1456 г., докончание бывшего князя можайского Ивана Андреевича с бывшим князем серпуховским и боровским Иваном Васильевичем, около 1456—1462 г. (грамота князя Ивана Васильевича князю Ивану Андреевичу), Новгородская Судная грамота 1471 г., договорная грамота 1371—1372 гг. великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского с Великим Новгородом о взаимопомощи.

143. Родословные книги.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописей. *См. также* II, № 115.

144. Ростовская Летопись (Ростовский Летописец) = ЦГАДА. Ф. 181. Д. 20/25.

Летописный сборник XVII — начала XVIII в. Подарен в МАКИД Н. Н. Бантыш-Каменским в 1787 г. Содержит Ростовскую летопись, Сказание о Мамаевом побоище.

145. Рукописание Даниила, Епископа Владимирского... в библиотеке Новгородского Софийского Собора.— Не отождествлено.

«Рукописание Даниила епископа» владимирского и берестейского о поставлении митрополита Исидора, сторонника унии, в 1451 г. По всей видимости, использовано Карамзиным по копии, предоставленной из библиотеки Новгородского Софийского собора Евгением Болховитиновым.

146. Рукописная Новгородская Летопись.— Не отождествлена.

147. Рукописное сочинение о Козаках Запорожских.— Не

отождествлено. По словам Карамзина, в нем имелась «басня, изобретенная одним из ученых запорожцев».

148. Рукопись Синодальной библиотеки № 529 о Древностях Российского Государства Т. II, л. 274 *см.* № 70, 158.

149. Русская Летопись Львова *см.* II, № 117.

150. Русская Правда *см.* II, № 118.

151. Русский перевод Кедрина, в продолжение его Истории *см.* II, № 81.

152. Сакор Вахтангович. Ответы на вопросы В. Н. Татищева *см.* № 13.

153. Свидригайлова договорная грамота, находится в Архиве Иностранной Коллегии = ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. I. Рубр. III. № 17.

Договорная грамота 1431 г. 25 января Новгорода Великого с великим князем литовским Свидригайлом Ольгердовичем.

153а. Синодальная Летопись под № 348=ГИМ. Синод. № 645.

Рукопись XVI в., содержащая Уваровскую летопись и отрывок из Псковской Судной грамоты.

154. Синодальная Летопись № 349 *см.* № 140.

155. Синодальная Летопись № 365 *см.* № 92.

156. Синодальная Новогородская летопись (Летописец Новогородский; Новогородская летопись) = ГИМ. Синод. № 786.

Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку XIII—XIV вв.

156а. Синодальная Новогородская Летопись № 349 *см.* № 140.

157. Синодальная Псковская Летопись; Синодальная Псковская летопись № 349 *см.* № 140.

158. Синодальной библиотеки рукопись № 529 о древностях Российского Государства, Т. II, *см.* л. 274 № 70.

Список Сказания о Мамаевом побоище в сборнике XVII—XVIII вв.

159. Синодальная рукопись № 364 *см.* № 134.

160. Сказание о святом Ионе, Архиепископе Новогородском [в] одной рукописной Волоколамского монастыря книге № 666, л. 358.— Не отождествлено.

Житие архиепископа новгородского Ионы.

161. Сказание о Царстве Казанском *см.* II, № 119.

161а. Сказание о Царстве Казанском... другое *см.* II, № 119.

162. Сказки о войне Мамаевой *см.* № 60, 70, 144.

163. Слово о Даниле Заточнике в рукописи XVI века, принадлежащей Московскому купцу А. С. Шульгину = ОР ГПБ. Q.I.65

Слово Даниила Заточника, выписку из которого Карамзину сообщил К. Ф. Калайдович. С помощью Калайдовича эта рукопись была приобретена графом Ф. А. Толстым. Карамзин упоминает и о «другом» списке «Слова».

164. Слово о житии и о преставлении Великого Князя Димитрия Ивановича Московского... внесено в Ростовскую и другие летописи *см.* № 144.

Житие великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского. Характер ссылки Карамзина на «другие летописи» не дает оснований для их отождествления.

165. Слово о полку Игореве.— Утрачено. Характер использо-

вания рукописи Карамзиным остается не выясненным. Подробнее *см.*: *наст. изд.* Т. II—III. С. 665–666.

166. Собрание разных творений в Синодальной библиотеке № 473.– Не отождествлено.

166а. Собственноручная записка Св. Антония... в архиве Чудова монастыря.— Не разыскана.

167. Сочинения Фотиевы *см.* № 184.

168. Списки... разные сей баснословной повести [о Куликовской] битве в древнейшем из оных Синодал. библ. № 365. *см.* № 60, 70, 92.

169. Список грамоты Алексеевой *см.* № 2, 166.

170. Список договора, заключенного Князем Борисом с Василием Темным около 1437 году, в Императорской библиотеке- ОР ГПБ. Q.XVII.58.

Докончание великого князя московского Василия II Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем около 1437—1439 гг.

171. Список мирного договора, заключенного между великим князем и Косым между рукописей Императорской библиотеки.— Не отождествлено.

Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича с Василием Георгиевичем Косым не известна. Вероятнее всего, Карамзин имел в виду договорную (докончальную) грамоту великого князя московского Василия II Васильевича с князем галицким Василием Юрьевичем 1435 г., по которой последний уступал Василию Васильевичу город Дмитров, как об этом пишет Карамзин (ОР ГПБ. Q.XVII.58. Л. 33 об.—37, 48—51 об.).

172. Список с докончальные грамоты со княжи с Ивановы Можайского, что кончали в Литве со князем с Иваном с Ярославичевым сыном... в Пушкинском собрании Двинских грамот *см.* № 142.

Докончание бывшего князя можайского Ивана Андреевича с бывшим князем серпуховским и боровским Иваном Васильевичем около 145—1462 гг. (грамота князя Ивана Васильевича князю Ивану Андреевичу).

173. Старые грузинские истории *см.* № 13.

174. Стоглав времен Царя Иоанна Васильевича.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи. Историку был известен Стоглав Синодальной библиотеки № 524 (ныне: ГИМ. Синод. № 647). Еще один список памятника имелся в собрании Карамзина (ОР ГПБ. Q.XVII.106).

175. Стриковский. Хроника Литовская (Литовская Хроника) = ОРК УОБ, № 8.

«Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси» *Матвея Стрыйковского* (ок. 1547 — после 1582) в переводе 1688 г. по списку из коллекции Карамзина. Передана в 1867 г. В. Н. Карамзиным в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат. № 4654).

176. Судебная грамота XV века, или запись, что тянет душегубством к Москве... между рукописями Императорской библиотеки = ОР ГПБ. Q.XVII.58. Л. 62 об., 66–67 об.

Запись о душегубстве 1456—1462 гг.

177. Судная грамота Новогородская находится в Пушкинском собрании Двинских грамот и писана в 1471 году *см.* № 142.

Новгородская Судная Грамота 1471 г.

178. Судная Двинская грамота в Пушкинском собрании Двинских грамот *см.* № 142.

Уставная грамота великого князя московского Василия Дмитриевича Двинской земли 1397 г.

179. Троицкая Летопись (Троицкий список) *см.* № 186.

180. Уложение Царя Алексея Михайловича *см.* II, № 162.

181. Условие Димитрия с Новогородцами... из Пушкинского собрания Двинских грамот *см.* № 142.

Договорная грамота 1371—1372 г. великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского с Великим Новгородом о взаимопомощи.

182. Устав Ярослава, мнимый.— Список, использованный Карамзиным, неизвестен.

Устав князя Ярослава о церковных судах и людях церковных. Карамзин называет его «мнимым», считая, что Устав создан не в XI—XII вв., а в XIII—XIV вв. По свидетельству историка, в его распоряжении не было ни одного списка «хартейного или древнее XVI в.». Текст Устава, помещенный в «Примечаниях» к предшествующим томам «Истории», чрезвычайно близок к тексту Горюшкинского списка Правды Русской (*см.* № 20; *см. также* II, № 118).

183. Установление Великого Магистра Немецкого для всей Пруссии о молебствовании и ходах церковных... между бумагами Кенигсбергского архива... № 820 *см.* № 12.

184. Фотий. Сочинения... в Синодальной библиотеке книга под № 164 = ГИМ. Синод. № 562.

Карамзин перечисляет сочинения митрополита Фотия, известные ему по синодальной рукописи XVI в.

185. Харатейный Пушкинский Несторов список = ОР ГПБ. F.IV.2.

Пергаменная Лаврентьевская летопись из коллекции графа А. И. Мусина-Пушкина, включающая «Поучение» Владимира Мономаха. Впервые широко использована Карамзиным, по копии, которую он, по его свидетельству, «списал» для себя. В 1809 г. Мусин-Пушкин передал летопись Александру I, подарившему ее имп. Публичной библиотеке.

186. Харатейный Троицкий Летописей (Троицкая летопись; Троицкий список).— Утрачен.

Пергаменная Троицкая летопись. Находилась в распоряжении Карамзина в мае 1804-октябре 1805 г. Получена из Троице-Сергиевой Лавры историографом и передана им в 1805 г. ОИДР для подготовки вариантов в публикации Лаврентьевской летописи. Сгорела в 1812 г.

187. Харатейный Церковный Устав, находящийся в Синодальной библиотеке под № 216 = ГИМ. Синод. № 331.

Пергаменная рукопись церковного устава, написанная в 1438 г. Карамзин использовал запись о приезде в Тверь в 1390 г. митрополита Киприана для соборного суда над тверским епископом Евфимием.

188. Хлыновская Летопись.— Ссылка Карамзина не дает оснований для отождествления рукописи. В предшествующих то-

мах он ссылался на Вятский летописей из коллекции Г. Ф. Миллера в МАКИД (ЦГАДА. Ф. 181. № 50).

189. Хронограф.— Не определено.

190. Церковный Устав, находящийся в Синодальной библиотеке под № 216 *см.* № 187.

191. Четыре грамоты Георгиевы... в Архиве Кенигсбергском под № 684, 228, 645, и 131 *см.* № 12.

Раздел II
ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА*

1. Абу Абдала Эби Алькатиб. О снаряде огнестрельном... в Fortgesetzt. Betracht. über die neuest. historisch. Schrift. ч. II, стр. 480 = Ibn *al- Khatib*, *Lisān al Dīn Abū ʿAbd Allāh* ben *ʿAli ben Ahmed al-Salmāni* (1313—1374). Historia Hispana...

Имеется в виду описание рукописи этого сочинения в рецензии на издание: *Casiri M.* Bibliotheca Arabico-Hispana Escurialensis...— Madrid, 1770 // Fortgesetzte Betrachtungen über die neuesten historischen Schriften / [Von J. G. Meusel].— Halle, 1776.— Th. 3.— S. 480—481.

2. Абульгази. Hist. des Tatars = *Abu'l-Ghāzī Bāhādur Khān* (1603—1663). Histoire genéalogique des Tatars / Traduite du manusscript tartare d'Abul-Gasi-Bayadur-Chan...— Leiden: Kallewier, 1726.

Русский перевод осуществлен В. К. Тредиаковским в 1768 г. Экземпляр из библиотеки МАКИД (№ 31) был взят Карамзиным в 1816 г. (АВПР. Ф. Адм. дела. III-20, 1801, Д. 1. Л. 24 об.). В настоящее время в библиотеке ЦГАДА отсутствует.

3. Аллаций, Лев. Allacii Exercitationes in Creyghtoni apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor. scriptam a Sguropulo = *Allacci, Leone* (1586—1669). Leonis Allatii In Roberti Creyghtoni apparatum, versionem, et notas ad Historiam Concilii Florentini scriptam a Silvestro Syropulo de unione inter Graecos, et Latinos exercitationes...— Roma: Hercule, 1674.

Вышла только ч. I. *См. также* № 122.

4. Армянская история = *Moses Chorenensis* (407?—492?)... Mosis Chorenensis Historiae Armeniacae libri III; Accedit ejusdem scrip toris Epitomae Geographiae... / Armeniace ediderunt, latine verterunt, notis illustrarunt G. et C.... Whistoni...— London: Ackers: Whiston, 1736.

Экземпляр из библиотеки Санкт-Петербургской имп. Академии наук был послан Н. М. Карамзину А. И. Тургеневым в 1809 г. (РС.— 1899.— Янв.— С. 228—229).

5. Арнт. Хроника = *Arndt, Johann Gottfried* (1713—1767). Der Liefländischen Chronik erster — andrer Theil...— Halle: Gebauer, 1747—1753.— 2 Th.

Th. 2: Von Liefland unter seinen Herren Meistern, welcher die alte Geschichte des Ordens und der benachbarten Fölker erleutert / Sowol mit Zuziehung der gedruckten und ungedruckten Schriftsteller... zusammen getragen... beschrieben worden von Johamm Gottfried Arndt...

---

* Подготовлен М. И. Афанасьевой и Г. А. Космолевской.

Экземпляр из библиотеки МАКИД с многочисленными пометами Карамзина периода работы над «Историей...», хранится в ЦГАДА (ОРИ иностр. № 18.1.98).

6. Архангельская летопись = Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года. То есть по кончину царя и великаго князя Федороа Иоанновича.– [М.]: Московская тип., 1781.

Устюжский летописный свод, составленный в начале XVI века. В основе издания — «Архангелогородский список» конца XVII — начала XVIII в. (ЛОИИ (архив) кол. 115, № 148 (806); варианты разночтения даны по списку начала XVII в. *См.* I, № 6.

7. Базылович. Notit. fundationis Theodori Koriatovits pro religiosis Ruthenis in monte Csernek ad Munkacs = *Bazilowič. Ioannikij* (1742—1821). Brevis notitia fundationis Theodori Koriathovits... pro religiosis Ruthenis Ordinis sancti Basilii Magni in monte Csernek ad Munkacs, anno 1360 factae: Exhibens seriem episcoporum Graeco-catholicorum Munkacsiensium... / Authore r.p. Joannicio Basilovits...— Košice: Ellinger, 1799—1805.— 2 t.

8. Бакон, Рогер. De nullitate magiae [в] Enciclopédie под словом Poudre = *Bacon, Roger* (1214?—1294). Epistola fratris Rogerii Baconis de secretis operibus artis et naturae et de nullitate magiae / Opera Johannis Dee castigata et restituta.— Paris, 1542.

Переиздавалась неоднократно. Цитируется Карамзиным по статье «Poudre a canon» в сочинении: Encylopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... / Publié par m. Diderot... et... m. d'Alembert, неоднократно переиздававшемся в XVIII—XIX вв.

9. Барбаро И. (Barbaro, Josafa). Viaggio alla Tana... в Собрании исторических творений, изданных Рамузием = *Barbaro, Giosafat* (1413—1494).... Il viaggio della Tana, et nella Persia 1436 // Ramusio G. B. Navigationi et viaggi.— Venezia, 1574.— F. 91—112.

В распоряжении Карамзина имелся также экземпляр этого сочинения, изданный в Венеции в 1543 г., числящийся по описи библиотеки писателя, составленной в 1834 г. К. С. Сербиновичем (№ 81).

10. Басня о происхождении Темир-Аксака [в] Древн. лет.= О Темире Аксаке // Древняго летописца часть вторая...— СПб., 1775.— С. 253—273.

Повесть о Темир-Аксаке древнерусского происхождения в летописной редакции Лицевого свода XVI в. (2-й Остермановский том — БАН. 31.7.30). Экземпляр этого издания, переданный в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку в ОРК УОБ (№ 4504). *См. также* I, № 10.

11. Басня о происхождении Темир-Аксака [в] Никон. лет.= Тогоже лета Повесть преславнаго чюдеси о иконе пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимерския, юж глаголют написи Лука Евангелист, ея же принесоша от града Владимера в боголюбивой град Москву в нахождение нечестивого царя Темир Аксака [!] // Руская летопись по Никонову списку.— СПб., 1786.— Ч. 4.— С. 258—264.

Повесть о Темир-Аксаке древнерусского происхождения в редакции Никоновской летописи XVI в. (Академический XV список — БАН. 17.2.5). Помещена под 1395 г. Экземпляр ч. 4 этого

издания с пометами Карамзина периода работы над «Историей...», переданный в 1867 г. его наследниками в Симбирскую общественную библиотеку, хранится в ОРК УОБ (№ 6755). *См. также* I, № 10.

12. Бержерон. Voyages, стр. 162 *см.* № 183.

13. Бишинг. [О городе Нейшлоте] = Не разыскано.

14. Болтин = *Болтин, Иван Никитич* (1735—1792). О происхождении названия козаков // Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка.— [СПб.,] 1788.— Т. I.— С. 339—341.

15. Большой Чертеж = Книга Большому Чертежу или Древняя карта Российского государства: Поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года.— [2-е изд./Подготовл. к печ. при участии А. И. Мусина-Пушкина].— СПб.: Тип. Горнаго училища, 1792.

Публикация памятника XVII в. по утраченному ныне списку, восходящему к основной редакции. Экземпляр этого издания с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» передан его наследникам в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку; хранится в ОРК УОБ (№ 148).

16. Бреденбах. Bellum Livonicum anni MDLVIII = *Bredenbach, Tilmann* (ca 1526—1587). Belli Livonici, quod magnus Moscoviae dux anno 1558 contra Livones gessit nova et memorabilis historia: Lamentabilem universae Dorpatiensis provinciae vastationem et excidium complectens/...Per T. Bredenbachium conscripta.— Köln: Cholinus, 1558.

Переиздавалась неоднократно. Использована Карамзиным по сочинению И. Г. Арндта (*см.* № 5).

17. Виргилий, Полидор. De inventoribus rerum = *Vergilius, Polydorus* (—1555). De inventoribus rerum libri octo...— Paris, 1509.

Переиздавалась неоднократно, на разных языках.

18. Воскресен. лет. II = Русская летопись с Воскресенского списка подаренного в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658 году/[Изд. под наблюдением С. К. Котельникова].— СПб.: При имп. Академии наук, 1793—1794.— 2 ч.

Первая публикация Воскресенской летописи XVI в. по Воскресенскому списку (БАН. 34.5.24). Экземпляр издания с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» хранится в ГБЛ (инв. № 12590) *См.* I, № 18.

19. Гадебуш. Lievländ. Jahrbücher. 1410 = *Gadebusch, Friedrich Konrad* (1719—1788). Livländische Jahrbücher... von 1030 bis 1761...— Riga: Hartknoch, 1780—1783.— 4 Th.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4670).

20. Гваньини. Rer. Polon. II, 205 = *Gwagnin, Alexander* (1538—1614). De idolo Aureae // Gwagnin A. Rerum Polonicarum tomi tres...— Frankfurt a. M., 1584.— T. 2.— P. 205—206.

Экземпляр из библиотеки МАКИД (№ 2) был взят Карамзиным в 1816 г. (АВПР. Ф. Адм. дела III-20: 1801. Д. 1. Л. 24 об.); в документе числится с ошибочным годом издания 1684.

21. Герберштейн. Известия о Москве = *Herberstein, Siegmund von* (1486—1556). Rerum Moscoviticarum commentarii/Sigismudo...

Herberstein.... autore // Rerum Moscoviticarum auctores varii...— Frankfurt a. M., 1600.— P. 1—117: 3 f. chart.

По описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К. С. Сербиновичем, числится также издание этого сочинения 1557 г. на немецком языке (№ 20).

22. Грамота [Ольгерда, Кестутия и союзника их Святослава Смоленского] *см.* № 51.

23. Грамота патриаршая ко псковитянам... в Розыске = Грамота святейшего Филофея патриарха Цареградского // Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере.— М., IX. 1745.— Л. 193 об — 195 об.

Грамота константинопольского патриарха Нила в Новгород против стригольников в редакции нач. XVI в., с изменением имени автора и адреса послания. Карамзин (примеч. 124) указывал на несовместимость имени патриарха Филофея, умершего в 1376 г., с этой грамотой.

24. Грамота Фотиева [в] Степен. кн. II, 40 = О явлении ангела Фотию митрополиту // Книга степенная царского родословия... М., 1775.— Ч. 2.— С. 39—47.

Духовная грамота 1431 г. митрополита Фотия (—1431).

25. Даниель. Hist. de France, т. III = *Daniel, Gabriel* (1649—1728). Histoire de France, depuis l'établissement de la monarchie francaise dans les Gaules/Par le p. G. Daniel...— Seconde edition/Revuë, corrigée et augmentée par l'auteur...— Amsterdam: Aux depens de la Compagnie, 1720—1725.— 7 t.

26. Дегин. Кн. XVIII = *Guignes, Joseph de* (1721—1800). Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux...: Ouvrage tiré des livres chinois, et des manuscrits orientaux de la Bibliotheque du roi...— Paris: Desaint et Saillant, 1756—1758.— 4 vol.

27. Дженкинсон. Путешествие в Бухарию в Гаклюйте = *Jenkinson, Anthony* (—1611). Voyage from the citie of London toward the land of Russia, 1557, and from the citie of Moscow in Russia to Boghar in Bacria, 1558 // Hakluyt R.... Collection of the early voyages...— London, 1809.— Vol. 1.— P. 346—394.

Тираж издания — 250 экз. Экземпляр с пометами Карамзина периода работы над «Историей...», переданный в 1867 г. его наследниками в Симбирскую общественную библиотеку, хранится в ОРК УОБ (№ 2463).

28. Дженкинсон. Путешествие в Бухарию в Allgem. Reis. ч. VII = *Jenkinson, Anthony* (—1611). Die Reise des Herrn Anton Jenkinson, aus Russland nach Boghar oder Bokhara, im Jahre 1557 // Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und Lande.— Leipzig, 1759.— Bd. 7. S. 519—538.

29. Длугош. Hist. Polon. = *Dlugosz, Jan* (1415—1480). Joannis Dlugossii.. Historiae Polonicae [tomus I—II]. [Accedunt... Vicentii Kadlobkonis Historia Polonica... Stanislai Sarnicii Annales... Stanislai Orichovii... Annales Polonici... Illustrium virorum Epistolae... Stanislai Sarnicii Descriptio veteris et novae Poloniae, itemque Russiae et Livoniae]...— Frankfurt a. M.; Leipzig: Gleditsch et Weidmann, 1711—1712.— 2 t.

Экземпляры НБ МГУ (и: 69716, и: 69717) с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» переданы в 1867 г.

его наследниками в библиотеку Московского университета; хранятся в НБ МГУ (и: 69716, и: 69717).

30. Договор вел. князя с Олегом Рязанским *см.* № 52.

31. Договор к. Василия Ярославича Боровского в 1433 году с великим князем в Собрании государственных грамот, I, 90 *см.* № 138.

32. Договор к. Ивана и брата его к. Михайла Андреевича в Собрании государственных грамот, I, 92 *см.* № 139.

33. Договор к. Суздальского, Ивана Васильевича, с в. к. Васильем Васильевичем [в] Собрании государственных грамот, стр. 185 *см.* № 154.

34. Договор с Василием Ярославичем в Собрании государственных грамот, 168 *см.* № 151.

35. Договор с Михаилом Верейским в Собрании государственных грамот, 177 *см.* № 153.

36. Договор с Рязанским князем в Собрании государственных грамот, 142 *см.* № 149.

37. Договор с Тверским князем в Собрании государственных грамот, 171 *см.* № 152.

38. Договорная грамота Василия Димитриевича с Феодором Ольговичем Рязанским в Собрании государственных грамот, I, 65 *см.* № 132.

39. Договорная грамота Василия Темного с Юрием [в] Древн. Рос. вивлиоф. I, 160 *см.* № 55.

40. Договорная грамота [вел. кн. Димитрия Иоанновича с Владимиром Андреевичем, 1364] в Древн. Рос. вивлиоф. I, 74 *см.* № 48.

41. Договорная грамота [кн. Владимира Андреевича Храброго] *см.* № 133.

42. Договорная грамота [новогородская с Борисом о рубеже и судах в] Собр. госуд. грамот, 191 *см.* № 156.

43. Договорная грамота Шемяки и Можайского с кн. Михаилом Верейским и Василием Ярослав. Боровским в Собр. госуд. грамот, стр. 149 *см.* № 150.

44. Договорные грамоты (четыре) с к. Иоанном Андр. [в] Собр. госуд. грамот 138—154 *см.* № 148.

45. Древн. лет. II = Древняго летописца часть первая [вторая].— СПб.: При имп. Академии наук, 1774—1775.

Ч. 2: ... С 6887/1379 по 6932/1424; то есть последние лета княжения великого князя Дмитрия Ивановича Донского и владение великого князя Василья Дмитриевича/Подг., к печ. Г. В. Козицкий.

Второй Остермановский том Лицевого свода XVI в. (БАН. 31.7.30).

Экземпляр ч. 2, переданный в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку, хранится в ОРК УОБ (№ 4504).

46. Древн. Рос. вивлиоф. I, 31 = 1360 г.— Договор вел. кн. Михайла Александровича Тферскаго с новгородцами, 1360 года // Древняя Российская вивлиофика...— М., 1788.— Ч. 1.— С. 31—33.— № 13.

[1375 г.].— Договорная (докончальная) грамота великого князя тверского Михаила Александровича с Новгородом Великим *.

47. Древн. Рос. вивлиоф. I, 33 = 1361 г.— Договор великаго князя Михаила Александровича Тферского с новгородцами, 1361 года // [То же].— Ч. 1.— С. 33—34.— № 14.

[1317 г.].— Договорная (докончальная) грамота великого князя владимирского и тверского Михаила Ярославича с Новгородом Великим.

48. Древн. Рос. вивлиоф. I, 74 = 1362–1378 гг.— Договорная грамата великаго князя Димитрия Ивановича, с двоюродным его братом, князь Владимиром Андреевичем // [То же].— Ч. 1.— С. 74—78.— № 7.

[Ок. 1367 г.].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского с его двоюродным братом князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем.

49. Древн. Рос. вивлиоф. I, 78, 85 = 1362—1378 гг.— Договорная грамата великаго князя Димитрия Ивановича и брата его князь Володимира Андреевича, с великим князем тверским Михайлом Александровичем // [То же].— Ч. 1.— С. 78—86.— № 8.

[1375 г.]. — Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Димитрия Ивановича Донского и его двоюродного брата князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича с великим князем тверским Михаилом Александровичем.

50. Древн. Рос. вивлиоф. I, 86 = 1369—1378 гг.— Духовная первая грамата великаго князя Димитрия Ивановича Донского // [То же].— Ч. 1.— С. 86—87.— № 9.

[Ок. 1375 г.].— Духовная грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского.

51. Древн. Рос. вивлиоф. I, 88 = 1362–1389 гг. Договорная грамота великаго князя литовского Олгерда, брата его князя Кестутья, и смоленского великаго князя Святослава Ивановича, с великим князем Дмитрием Ивановичем, и братом его Володимером Андреевичем // [То же].— Ч. 1.— С. 88—90.— № 10.

[1371 г. июля 31 — октября 26].— Перемирная грамота великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича: его брата Кейстута Гедиминовича и великого князя смоленского Святослава Ивановича с великим князем московским Дмитрием Ивановичем Донским и его двоюродным братом князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем (см. ДДГ, № 6).

52. Древн. Рос. вивлиоф. I, 90, 94 = 1378–1389 гг.— Договорная грамата великаго князя рязанского Ольга Ивановича с великим князем Дмитрием Ивановичем, и братом его князем Володимером Андреевичем // [То же].— М., 1788.— Ч. 1.— С. 90—94.— № 11.

[1382 г.].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского и его двоюродного брата князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем.

* №№ 46–59: Издание числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4646).

53. Древн. Рос. вивлиоф. I, 94 = 1380—1389 гг.— Договорная грамата великого князя Дмитрия Ивановича и детей его с братом его князем Володимером Андреевичем // [То же].— Ч. 1.— С. 94—99.— № 12.

[1389 г. марта 25].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского с его двоюродным братом князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем.

54. Древн. Рос. вивлиоф. I, 100 = 1389 гг.— Духовная вторая грамота великаго князя Димитрия Ивановича Донского // [То же].— Ч. 1.— С. 100—109.— № 13.

[1389 г. апреля 13 — мая 16].— Духовная грамота великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского.

55. Древн. Рос. вивлиоф. I, 160 = Договорныя две взаимныя граматы великого князя Василия Васильевича, и князя Андрея Дмитриевича и Константина Дмитриевича, с князем Юрием Дмитриевичем // [То же].— Ч. 1.— С. 158—168.— № 22—23.

[1428 г. марта 11].— Договорные докончальные грамоты великого князя московского и его дядьев — князя можайского Андрея Дмитриевича и князя Константина Дмитриевича с их дядей и братом князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем.

56. Древн. Рос. вивлиоф. [I], 189 = 1433 г.— Договорная грамата великаго князя рязанского Ивана Федоровича с князем Юрьем Дмитриевичем и его детьми // [То же].— Ч. 1.— С. 184—191.— № 27.

[1434 г. марта 31 — июня 5].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Юрия Дмитриевича и его сыновей князей Дмитрия Шемяки, Василия Косого и Дмитрия Красного Юрьевичей с великим князем рязанским Иваном Федоровичем.

57. Древн. Рос. вивлиоф. I, 363-1449—1453 гг.— Договорные две взаимныя граматы князя суздальского Ивана Васильевича с великим князем Васильем Васильевичем, и с его детьми // [То же].— Ч. 1.— С. 359—369.— № 57—58.

[1448 г. декабря 15 — 1449 г. июля 22].— Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с князем суздальским Иваном Васильевичем Горбатым.

58. Древн. Рос. вивлиоф. I, 402 = 1455 г.— Договорныя две взаимныя грамоты великого князя Василья Васильевича, и его детей с князь Васильем Ярославичем // [То же].— Ч. 1.— С. 395—413.— № 63—64.

[1454—1456 гг.].— Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем.

59. Древн. Рос. вивлиоф. VI, 27, 43 = Путешествие Исидора митрополита на Флорентийский собор, в 6945 (1436) году // [То же].— Ч. VI.— С. 27—70.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4646).

60. Дука. История Палеологов = *Ducas* (XVI s.). Histoire des empereurs Jean, Manuel, Jean, et Constantin Paleologues/Ecrite par

Ducas // Cousin L. Histoire de Constantinople...— Paris, 1674.— T. 8.— P. 299—619.

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К. С. Сербиновичем (№ 23).

61. Духовное завещание Василия Димитриевича *см.* № 134, 136.

62. Духовное завещание Владимира *см.* № 135.

63. Духовные грамоты Димитриевы *см.* № 50, 54.

64. Дюканж. Famil. aug. Byzant. = *Du Cange, Charles Du Fresne* (1610—1688). Historia Byzantina duplici commentario illustrata: Prior Familias ac stemmata imperatorum Constantinopolitanorum... complectitur; alter Descriptionem urbis Constantinopolitanae, qualiter extitit sub imperatoribus christianis...— Paris: Billaine, 1680.— 2 ps.

Экземпляр из библиотеки Санкт-Петербургской имп. Академии наук послан Карамзину 26 мая 1805 г. через канцелярию Московского университета (ЦГИА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 11. Д. 2. № 263). Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К. С. Сербиновичем (№ 5).

65. Дю-Понсе (Poncet). История Скандербега, изданная в 1709 году = *Duponcet, Jean Nicolas* (ca 1660—1723). Histoire de Scanderbeg, roy d'Albanie/Par le r.p. Duponcet...— Paris: Mariette, 1709.

Составлена на основе сочинения: *Barlezio, Marino* (ca 1450—1526). Historia de vita et gestis Scanderbegi.

66. Евгений, папа римский. Послание к великому князю о Исидоре митрополите [в] Никон. лет. г. 1441, стр. 155 = *Евгений IV* (папа, —1447). Послание Евгения папы римскаго к великому князю о Исидоре митрополите // Русская летопись по Никонову списку...— СПб., 1789.— Ч. 5.— С. 155.

67. Евгений. Послание к Исидору (в Райнальд. Annal. eccl.) = *Eugenius IV* (papa, —1447).

Послание к митрополиту Исидору («Salvator noster Dominus..») от 17.VIII. 1439 г. *См.* № 111.

68. Житие великих мучеников Антония и Иоанна в Минеях, апр. 14 = Месяца апреля в 14 день. Страдания святых мучеников литовских Антония, Иоанна и Евстафия в Вильне пострадавших // Димитрий Ростовский. Книга житий святых... на три месяца третий...— Киев, 1689.— Л. 320. об.—322 об.

69. Житие св. Сергия в Никон. лет. IV, 233 = Повесть о преподобном Сергии // Русская летопись по Никонову списку... Спб., 1786.— Ч. 4.— С. 203—241.

Житие св. Сергия Радонежского (начало XV в.) в летописной редакции конца 20-х гг. XVI в., основанной на древнейших редакциях Епифания Премудрого и Пахомия Логофета. Экземпляр ч. 4 этого издания с пометами Карамзина периода работе над «Историей...», переданный в 1867 г. его наследниками в Симбирскую общественную библиотеку, хранится в ОРК УОБ (№ 6755).

70. Житие Стефапово [в] Минее Чет. апреля 26 = Месяца апреля 26 день Житие иже во святых отца нашего Стефана, епископа Пермскаго, новаго чудотворца // Дмитрий Ростовский. Книга житий святых... на три месяцы третий...— Киев, 1689.— Л. 406 об.—414.

Слово о жизни и учении Стефана Пермского, составленное в 1390-х годах Епифанием Премудрым.

71. Житие Стефаново [в] Степен. кн. 1, 524—525 = Месяца апреля в 26 день, иже во святых отца нашего Стефана перваго епископа Пермскаго // Книга степенная царского родословия...— М., 1775.– Ч. I.– С. 524–525.

72. Завещание Василия Темного *см.* № 158.

73. Завещание вдовствующей супруги князя Владимира Андреевича [в] Собр. госуд. грамот *см.* № 155.

74. Завещание князя Владимира Андреевича Храброго [в] Собрании госуд. грамот, I, 74 *см.* № 135.

75. Исидор. Послание [в] Райнальд. т. XVIII, г. 1453, № 5.

76. Исторический словарь монастырей *см.* № 106.

77. Казанск. история *см.* № 119.

78. Казанск. лет. в Казанск. истории Рычкова *см.* № 119.

79. Кантемир. [История] Оттоманской империи.— Имеется в виду сочинение князя Дмитрия Константиновича Кантемира (1673/1674—1723) «История образования и падения Оттоманской империи», написанное по латыни и впервые изданное в 1734—1735 гг. на английском языке. Впоследствии вышли французский (1743) и немецкий (1745) переводы. Ссылка Карамзина (примеч. 380) не дает оснований для отождествления издания.

80. Карпин [в] Бержерон. изд. стр. 8 = *Giovanni da Pian del Carpine* (—1252). Relation du voyage de Jean du Plan Carpin, en Tartarie // Bergeron P. Voyages faits principalment en Asie...— La Haye, 1735.— T. 1.— P. 1—68: ill.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4684).

81. Кедрин. Русский перевод Истории = *Георгий Кедрин* (XI—XII вв.). Деяния церковныя и гражданския, от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия/Собраныя Георгием Кедриным и другими...; [Пер. с греч. И. И. Сидоровский].— М.: [Синодальная тип.], 1794.—3 ч.

82. Кельх. Lief. Gesch. = *Kelch, Christian* (1657—1710). Liefländische Historia, oder Kurtze Beschreibung der Denckwürdigsten Kriegs-und Friedens-Geschichte Esth-Lief und Lettlandes... biss auff 1690 Jahr.../Zusammen getragen... von Christiano Kelchen...— Revall: Mehner; Rudolphstadt; Urban, 1695.

Извлечения из сочинений Руссова, Фабрициуса, Геннинга и других хронистов, с добавлением актов из архива г. Ревеля. Экземпляр из библиотеки МАКИД с многочисленными пометами Карамзина периода работы над «Историей...» хранится в ЦГАДА (ОРИ иностр. № 15650).

83. Киевский Синопсис = *Иннокентий* (*Гизель*, ок. 1600—1683). Синопсис...— Киев: Тит. Киево-Печерской лавры, 1674.

Переиздавался неоднократно.

84. Кн. Моис. IV, 14, 10 = Библия. Ветхий Завет. Четвертая книга Моисеева. Числа. 14, 9.

Характер ссылки Карамзина не требует отождествления издания.

85. Книга степен. = Книга степенная царского родословия: Содержащая историю российскую с начала оныя до времен государя царя... Иоанна Васильевича/Сочиненная трудами... митрополита Киприана и Макария; А напечатанная под смотрением...

Герарда Фридерика Миллера...— М.: При Императорском университете, 1775—2 ч.

Памятник XVI в., созданный в кругу митрополита Макария. Мнение Карамзина (близкое к современному) об авторстве Степенной книги, вероятно, основано на точке зрения К. Ф. Калайдовича (см.: *Калайдович К. Ф.* Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение Книги степенной // Вестник Европы.— М., 1813.— Ч. 72.— С. 207—224).

86. Кранц. Вандалия (Wandalia) = *Krantz, Albert* (—1517). A. Krantzii... Wandalia: De Wandalorum vera origine, variis gentibus... Adjecta est... Polonici regni, et Prussiae... descriptio M. Kromeri...— Frankfurt a. M.: Wechel, 1575/1576.

Экземпляр с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» передан в 1867 г. его наследниками в библиотеку Московского университета; хранится в НБ МГУ (и: 312882).

87. Кромер. De reb. Polon. = *Kromer, Marcin* (1512—1589). De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX/Tertium ab auctore diligenter recogniti...— Basel: Officina Oporiniana, 1568.

Экземпляр с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» передан в 1867 г. его наследниками в библиотеку Московского университета; хранится в НБ МГУ (и: 247290).

88. Лет. Соловецкого монастыря = Летописец Соловецкого монастыря: В коем повествуется о начале построения его, о бывших в нем начальниках, о знаменитых пришествиях в оной... государя имп. Петра Великаго, и о других многих произшествиях по 1760 год.— М.: Университетская тип., у Окорокова: Иждивением Бороздина, 1790.

Соловецкий летописец в редакции XVIII в.

89. Лет. Софийск. (Соф.) *см.* № 159.

90. Летопись Малорос. = *Рубан, Василий Григорьевич* (1742—1795). Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год: С изъявлением настоящего образа тамошняго правления и с приобщением списка преждебывших гетманов, [и др.]... також Землеописания, с показанием городов, рек, монастырей, [и проч.].../ /Издана Васильем Григорьевичем Рубаном...— СПб.: При Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, у Клеэна, 1777.

Текст «Летописи» с начала и по 1734 г. является списком с хроники «Краткое описание Малороссии», составленной в 30-х годах XVIII в. неизвестным лицом, на основании летописи Григория Грабянки. Экземпляр этого издания, находившийся в библиотеке Карамзина, в 1826 г. был ошибочно возвращен в библиотеку МАКИД (ЦГАДА, Ф. 180. Оп. 1. Д. 102. Л. 642). Местонахождение этого экземпляра в настоящее время не установлено.

91. Лызлов. Скифская история = *Лызлов, Андрей Иванович* (XVIII в.) Скифская история: Содержащая в себе: о названии Скифии и границах ея; о народех скифских, о начале и умножении Золотыя Орды и о царех, бывших тамо; [и проч.].../От разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692; А ныне в свет издана, Николаем Новиковым...— М.: Тип. Компании типографской, 1787.—3 ч.

92. Матей. Каталог [Митрополитской] библиотеки = Matthaei, *Christian Friedrich von* (1744—1811). Accurata codicum Graecorum manuscriptorum bibliothecarum Mosquensium sanctissimi Synodi notitia et recensio.../Edita Christiano Frider. de Matthaei...— Leipzig: Joachim, 1805.— 2 t.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4699).

93. Миллер. Ursprung der Kozaken, в Samml. Russ. Gesch. T. IV = *Müller, Gerhard Friedrich* (1705—1783). Von dem Ursprunge der Cosacken // Sammlung Russischer Geschichte.../[Hrsg. von G. F. Müller].— СПб., 1760.— Bd. 4, Stück 5.— S. 363—410.

94. Михаил Литовец (Michal. Litv. De moribus Tartarorum) = *Michalo Lituanus* (XVI s.). Michalonis Litvani. De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, fragmina X. miltiplici historia referta. Et Johan. Lasicii... De diis Samagitarum, caeterorumque Sarmatarum et falsorum christianorum, item de religione Armenorum. Et De initio regiminis Stephani Batorij.— Nunc primum per. I. Jac. Grasserum... ex maniscripto authentico edita.— Basel: Waldkirch, 1615.

95. Мозгейм. Kirchengeschichte, V = *Mosheim, Johann Lorenz* (1694?—1755). Vollständige Kirchengeschichte des Neuen Testaments/Aus dessen gesamten lateinischen Werken frey übersetzt... vermehrt und mit einer Vorrede Christian Wilh. Franz Walchs... und mit A. Maclaine Anmerkungen herausgegeben von Johann August Christopt von Einem.— Leipzig: Weygand, 1769—1778.— 9 Bd.

Переиздавалась неоднократно.

96. Нарушевич. Таврикия = *Нарушевич, Адам Станислав* (1733—1796). Таврикия, или Известия древнейшия и новейшия о состоянии Крыма, и его жителях до наших времян/Сочинения... Адама Нарушевича...— Киев: Тип. Академии Киевской, 1788.

97. Никоновская летопись = Русская летопись по Никонову списку/Изданная под смотрением имп. Академии наук.— СПб.: При императорской Академии наук, 1767—1792.—8 ч.

Никоновская летопись по Академическому XV списку 2-й половины XVII в. (БАН. 17.2.5). Экземпляры ч. 3, 4, 7, 8 с пометами Карамзина периода работы над «Историей...», переданные в 1867 г. его наследниками в Симбирскую общественную библиотеку, хранятся в ОРК УОБ (№ 6754—6756).

97. Новгород. лет. *см.* № 126.

98. Новгород. лет. попа Иоанна = ...Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года // Продолжение.

Древней Российской вивлиофики.— СПб., 1786.— Ч. 2.— С. I—IV, 257—712.

Новгородская первая летопись младшего извода по Академическому списку 40-х гг. XV в. (ОР БАН. 17.8.36).

100. Окольский. Orb. Polon. III = *Okolski, Szymon* (1580—1653). Orbis Polonus, splendoribus caeli, triumphis mundi, pulchritudine animantium etc.... condecoratus: In quo antiqua Sarmatarum gentilitia, pervetustae nobilitatis Polonae insignia, vetera et nova indigenatus meritorum praemia et arma specificantur et relu-

cent../Authore... Simone Okolski...— Kraków: Caesarius, 1641—1645.—3 t.

Экземпляр из библиотеки МАКИД (№ 8) был взят Карамзиным в 1816 г. (АВПР. Ф. Адм. дела III-20, 1801. Д. 1. Л. 24 об.).

101. Описание... войны..., напечатанное с разными отменами в Киевском Синопсисе... баснословное и сочиненное, может быть, в исходе XV века рязанцем, переем Софронием (Сказка о войне Мамаевой) = О войне великаго князя Димитрия с поганым (проклятым, безбожным) царем татарским Мамаем // Иннокентий (Гизель). Синопсис.— Киев. 1680.— С. 124—179.

Сказание о Мамаевом побоище в специальной редакции XVII в. в составе Синопсиса, начиная с 3-го издания (1680 г.). С именем Софония Рязанца связано другое сочинение Куликовского цикла — Задонщина. Предположение Карамзина (примеч. 65) основано на его знакомстве со списком Сказания о Мамаевом побоище из библиотеки гр. Ф. А. Толстого (*см.* I, № 60), который характеризуется большим количеством вставок из Задонщины.

102. Описание... войны..., напечатанное с разными отменами в Никон. лет., баснословное и сочиненное, может быть, в исходе XV века рязанцем, иереем Софронием (Сказка о войне Мамаевой) = Повесть полезна бывшаго чудеси, егда помощию Божию и пречистыя его матери Богородицы и угодника их святаго чудотворца Петра митрополита всеа Русии, и преподобнаго игумена Сергия чудотворца, и всех святых молитвами князь великий Дмитрий Иванович с братом своим, иже из двоюродных, со князем Володимером Ондреевичем, и со всеми князи рускими на Дону посрами и прогна воложския Орды гордаго князя Мамая и всю Орду его со все силою их нечестивою изби // Руская летопись по Никонову списку.— СПб., 1786.— Ч. 4.— С. 86—129.

Сказание о Мамаевом побоище в Киприановской редакции, созданной митрополитом Даниилом, составителем Никоновской летописи (1526—1530 гг.). *См.* № 101.

103. Описание Митяева путешествия в Грецию [в] Никон. лет. = Повесть о Митяи // Руская летопись по Никонову списку.— СПб., 1786. Ч. 4.— С. 66—67.

Повесть о Митяе (80-е гг. XIV в.) в расширенной и наименее достоверной редакции Никоновской летописи XVI в. Экземпляр ч. 4 этого издания с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» хранится в ОРК УОБ (№ 6755).

104. Описание [первого путешествия россиян в Италию] в Синодальн. библ. № 329... напечатано в Древ. Рос. вивлиоф. VI, 27 *см.* № 59.

105. Описание Пименова путешествия [в] Царьград в Никон. лет. IV, 158 (Путешествие митрополита Пимена в Царьград) = Хожение Пименово во Царь град // Руская летопись по Никонову списку.— СПб., 1786.— Ч. 4.— С. 158—184.

Пименово хожение в Царьград (1389—1393), составленное Игнатием Смолянином, находившимся в свите митрополита Пимена; летописная (пространная) редакция XVI в. Экземпляр ч. 4 этого издания с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» хранится в ОРК УОБ (№ 6755).

106. Опыт историч. словаря монаст. (Исторический словарь монастырей) = Опыт исторического словаря всем монастырям, находящимся в России // Любопытный месяцеслов московский и всероссийския церкви... М., 1794.— С. 1-399.

107. Особенная история Высоцкого Серпуховского монастыря, хранящаяся в сей обители.— Буквальные сведения из «Любопытного месяцеслова», с. 82 (*см.* № 106).

108. Пельцель. Богемская история = *Pelzel, Frnaz Martin* (1735—1801). Kurzgefasste Geschichte der Böhmen von den ältesten bis auf die jetzigen Zeiten/Aus den besten Geschichtschreibern, alten Kroniken und glaubwürdigen Handschriften zusammengetragen von F. M. Pelzel...— Praha, 1774.

Переиздавалась неоднократно.

109. Поучение Владимира Мономаха или Духовная = *Владимир Мономах* (великий князь, 1053—1125). Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим: Названная в летописи Суздальской Поученье/[Изд. и коммент. А. И. Мусина-Пушкина].— СПб.: Тип. Корпуса чужестранных единоверцев, 1793.

Первая публикация «Поучения» Владимира Мономаха, входящего в состав Лаврентьевской летописи. Название «Духовная» дано издателем. Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4648). *См. также* I, № 185.

110. Путешествие митрополита Пимена в Царьград см. № 105.

111. Райнальд. Annal. eccl. г. 1437—1440 = *Rinaldi, Odorico* (1595—1671). Annales ecclesiastici ab anno 1198. ubi desinit cardinalis Baronius/Auctore Odorico Raynaldo...; Accedunt notae... auctore Joanne Dominico Mansi...—14 t. // Baronio C. Annales ecclesiastici...— Lucca, 1738—1756.— T. 21—34.

Экземпляр этого издания из библиотеки Карамзина сгорел в московском пожаре 1812 г. (см.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского.— Т. 6.— Примеч. 89).

112. Райнольд. Annal. eccl. г. 1443, N 22.

113. Райнальд. Annal. eccl. 1458.— Не разыскано.

114. Рапин. Hist. d'Angl. T. III.— *Rapin Thoyras, Paul de* (1661—1725). Histoire d'Angleterre/Par m. de Rapin Thoyras...; [Continuée par D. Durand et P. Dupard]...— La Haye: Rogissart et al., 1733—1738.—13 t.

115. Родословная книга = Родословная книга князей и дворян российских и выезжих: Содержащая в себе: 1) родословную книгу, собранную и сочиненную в Розряде при царе Феодоре Алексеевиче и по времени дополняемую... 2) роспись алфавитную тем фамилиям, от которых родословныя росписи в Розряд поданы... или о которых известия нет... 3) роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе по местам их выезда, и 4) роспись алфавитную... в которой показаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сея книги.../Изданная по самовернейшим спискам [Н. И. Новиковым].— М.: Университетская тип., у Новикова, 1787.—2 ч.

Публикация по списку, предоставленному Г. Ф. Миллером. Экземпляры с пометами Карамзина периода работы над «Историей...» переданы его наследниками в 1867 г. в Симбирскую общественную библиотеку; хранятся в ОРК УОБ (№ 1022-1023).

116. Рубруквис. Французский перевод = *Ruysbroeck, Willem van* (XIII s.). Voyage remarquable, de Guillaume de Rubruquis, envoie en ambassade par le roi Louis IX en differentes parties de l'Orient: principalment, en Tartarie et a la Chine, l'an... 1253.../Ecrit par l'ambassadeur même;... Traduit de l'anglois par... de Bergeron... // Bergeron P. Voyages faits principalment en Asie...— La Haye, 1735.— T. 1.— P. 1—149: 1 f. cart.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4684).

117. Русск. лет. Львова = Летописец руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича/Издал Н. Л[ьвов].— СПб.; Тип. Горнаго училища. 1792.—5 ч.

Т. Н. Львовская летопись издана по ныне утраченной рукописи Спасо-Евфимиева монастыря, изобилует подновлениями языка и произвольными заменами текста. Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4653).

118. Русская Правда = Правда Руская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха: С преложением древняго оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших/Изданы любителями отечественной истории [И. Н. Болтиным, И. П. Елагиным и А. И. Мусиным-Пушкиным].— [М.]: Московская синодальная тип., 1799.

Вторая отдельная публикация Пространной редакции Русской Правды с добавлениями из ее Краткой редакции. Основой данного издания Карамзин считал пергаменный Синодальный список Кормчей книги 1280-х годов; в настоящее время нет единого мнения по поводу основного списка публикации; возможно, она осуществлялась на основании нескольких списков.

119. Рычков. Казанск. история = *Рычков, Петр Иванович* (1712—1777). Опыт Казанской истории древних и средних времян/Сочинен Петром Рычковым...— СПб.: При имп. Академии наук, 1767.

Составлена на основании различных источников, в том числе нескольких списков Казанской летописи.

120. Сарторий. Gesch. des Hanseat. Bundes, I = *Sartorius von Waltershausen, Georg Friedrich Christoph* (1765—1828). Geschichte des Hanseatischen Bundes und Handels/Von Georg Sartorius.— Göttingen: Dieterich, 1802—1808.— 3 Bd.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4671).

121. Св. Димитрий. Розыск = *Дмитрий Ростовский* (*Туптало, Даниил Савич*, 1651—1709). Розыск о раскольнической брынской вере.— М.: Синодальная тип., IX. 1745.

Переиздавалась неоднократно.

122. Сгуропул, Сильвестр. Hist. Concilii Florentini, переведенная на латинский язык Робертом Крейтоном (Creyghton) = *Syropulos, Silvestros* (1401?-ca 1464). Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos: sive Concilii Florentini exactissima narratio/Graece scripta per Sylvestrum Sguropulum...; Trans-

tulit in sermonem Latinum, notasque... adjecit... Robertus Creyghton...— Haag: Vlacq, 1660.

Основной источник по истории Флорентийского собора, несмотря на тенденциозное и искажающее действительный ход событий изложение. В значительной мере виновником искажений был издатель Р. Крейтон. Им же дано название «Правдивая история неправедной унии между греками и латинянами». *См. также* № 3.

123. Секретарь египетского царя Салеха. О громе пушечном в Fortgesetzt. Betracht. über die neuest historisch. Schrift. ч. II, стр. 480 = *Ibn Fadl Allāh al-ʿUmarī, Shihab al-Dīn Abu-l'Abbās Ahmed* (1301—1348). Notitia et methodus regia...

Имеется в виду описание рукописи этого сочинения в рецензии на издание: Casiri M. Bibliotheca Arabico-Hispana Escuarialensis...— Madrid, 1770 // Fortgesetzte Betrachtungen über die neuesten historischen Schriften/[Von J. G. Meusel].— Halle, 1776.— Th. 3.— S. 480—481.

124. Симеон Суздальский. Повесть о осьмом Соборе [в] Никон. лет. (Повесть о Флорент. соборе).— «Повесть о восьмом Флорентийском соборе «Симеона Суздальского (конец XIV — 1-я половина XV в.), претерпев сложную эволюцию, оказалась частью летописных сводов конца XV—XVI в. Текст «Повести» этого вида, помещенный без заглавия в Никоновской летописи XVI в. под 1437—1442 гг., в нескольких местах разорван вставками о различных событиях тех лет, носит следы переработки, что придает ему черты некоторого отличия от соответствующих известий других летописей.

125. Симеон Суздальский. Повесть о осьмом Соборе [в] Степен. кн. II (Повесть о Флорент. Соборе) = О суемудренном Исидоре развращенном митрополите, и оподвизе православных, и кончина греческих царя и патриарха // Книга степенная царского родословия...— М., 1775.— Ч. 2.— С. 8-12.

126. Синод. Новгород. лет. (Новогород. лет) = Летописец Новогородский, начинающийся от 6525/1017 году, и кончающийся 6860/1352 годом.— М.: Московскаая тип., 1781.

Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку XIII—XIV вв. (ГИМ ӨР. Синод. № 786). Известно, что Карамзин выверял это издание по подлинной рукописи (*см.* I, № 156). Место нахождения выверенного им экземпляра не установлено.

127. Синопсис *см.* № 83.

128. Сказка о войне Мамаевой *см.* № 102.

129. Словарь Академический = Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный.— СПб.: При императорской Академии наук, 1806—1822.—6 ч.

130. Собрание государственных грамот, 23 = Договорная грамота Новагорода с великим князем Тверским Борисом Александровичем, учиненная при Новгородском после Павле Федоровиче: о учреждении рубежа между Тверью и Новым-городом; о высылке взаимных порубежных судей для разобрания всяких дел, и о выдаче обосторонних холопов и беглых.— Писана между 1226 и 1461 годами // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.— М., 1813.— Ч. I.— С. 23—24.— № 18.

[1446—1447 гг.].— Договорная грамота Новгорода Великого с великим князем Борисом Александровичем *.

131. Собрание государственных грамот, I, 62 = Договорная грамота великаго князя Василия Димитриевича и братьев его с двоюродным дядею князем Володимером Андреевичем (первая): о бытии им в мире и согласии; о управлении всякому своими землями, по прежде учиненному разделу; о бытии за ним князем Володимером Волоку и Ржеве; о судах, расправах, дани и пошлинах.— Писана 1389 года // [То же].— Ч. 1.— С. 62—64.— № 35.

[1390 г. позднее января 6].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия I Дмитриевича и его брата князя галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича с их двоюродным дядей князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем.

132. Собрание государственных грамот, I, 65 = Договорная грамота (в копии) великаго князя Василия Димитриевича, князя Володимера Андреевича, и князей Юрья, Андрея и Петра Димитриевичей с великим князем рязанским Федором Ольговичем: о бытии им в дружбе и согласии; о непосылке ему рязанскому князю в Орду своих послов, без общаго их согласия; о управлении всякому своими землями, также мещерскими, татарскими и мордовскими; о принятии ему князю рязанскому в дружбу и любовь новосильских и торуских князей, и литовского великаго князя Витовта; о возвращении обоюдных пленников; о судах, расправах, пошлинах и мытах.— Писана при митрополите Киприяне 6911 (от Рождества Христова 1402) года, ноября 25 // [То же].— Ч. 1.— С. 65—68.— № 36.

1402 г. ноября 25.— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия I Дмитриевича, его братьев князя галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича, князя можайского Андрея Дмитриевича и их двоюродного дяди князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем.

133. Собрание государственных грамот, I, 69 = Договорная грамота великаго князя Василия Димитриевича с князем Володимером Андреевичем (вторая): о подтверждении им непоколебимой своей дружбы; о размене между собою вотчин, великому князю Волока и Ржева, и князю Володимеру в удел Углича и Козельска с волостьми в вечное владение ему и детям его, и о даче с них великому князю для Ордынского похода дани; о управлении всякому своими землями, и о бытии им и детям их во взаимной дружбе и согласии.— Писана при митрополите Киприяне около 1405 года // [То же].— Ч. 1.— С. 69—71— № 38.

[Ок. 1401—1402 гг.].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия I Дмитриевича с его двоюродным дядей князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем.

134. Собрание государственных грамот, I, 72 = Духовная грамота великаго князя Василия Димитриевича (первая): о учении

* №№ 130–158: Издание числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К. С. Сербиновичем (№ 21).

наследником великаго княжения сына своего Ивана Васильевича, и о разделе движимого и недвижимого имения ему князю Ивану и своей княгини Софие Витовтовне.— Писана около 1406 года // [То же].— Ч. 1.— С. 72—74.— № 39.

[1406 г. сентября 16—1407 г. июня 7].— Духовная грамота великого князя московского Василия I Дмитриевича (первая).

135. Собрание государственных грамот, I, 74 = Духовная грамота (в копии) князя Володимера Андреевича: о поручении великому князю Василию Димитриевичу своей княгини и детей своих; о разделе движимого и недвижимого имения сынам и княгине своей, и о даче с земель великому князю дани для Ордынского выхода.— Писана 1410 года // [То же].— Ч. 1.— С. 74—79.— № 40.

[Ок. 1401—1402 гг.].— Духовная грамота князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича.

136. Собрание государственных грамот, I, 82 = Духовная грамота великаго князя Василия Димитриевича (вторая): о разделе движимого и недвижимого имения сыну своему князю Василию Васильевичу и княгине своей Софие Витовтовне.— Писана при митрополите Фотии 1423 года // [То же].— Ч. 1.— С. 80—82.— № 41.

[Ок. 1417 г. июля].— Духовная грамота великого князя московского Василия I Дмитриевича.

137. Собрание государственных грамот, I, 86 = Две договорные взаимныя грамоты великаго князя Василия Васильевича, и князей Андрея Дмитриевича и Константина Дмитриевича (дядей его) с князем галицким Георгием (Юрьем) Дмитриевичем (дядею же его): о бытии им. в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями; о взаимном вспоможении противу общих неприятелей; о предании забвению бывших между ими распрей; о возвращении с обеих сторон пленников и грабежа; о дани, судах и расправах — за подписанием митрополита Фотия.— Писаны 11 марта 1428 года // [То же].— Ч. 1.— С. 86—90.— № 43, 44.

[1428 г. марта 11].— Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича и его дядьев — князя можайского Андрея Дмитриевича и князя Константина Дмитриевича с их дядей и братом князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем.

138. Собрание государственных грамот, 1, 90 = Договорная грамота (в копии) боровскаго князя Василия Ярославича с великим князем Василием Васильевичем, с дядею его князем Константином Дмитриевичем, и с князьями можайскими, князем Иваном Андреевичем и князем Михайлом Андреевичем: о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями; о взаимном вспоможении противу общих неприятелей; о дани, судах, расправах, и проч.— Писана около 1433 года // [То же].— Ч. 1.— С. 90—92.— № 45.

[1433 г. января — февраля].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича, его дяди князя Константина Дмитриевича, князей — можайского Ивана Андреевича, верейского и белозерского Михаила Андреевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем.

139. Собрание государственных грамот, I, 92 = Договорная грамота князей можайских Ивана Андреевича и Михайла Андреевича с великим князем Василием Васильевичем: о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями как им, так и по их смерти детям их; о награждении их князей из великаго княжения по данному обещанию; о дани, судах, расправах, и проч.– Писана около 1433 года //[То же].– Ч. 1.– С. 92–94.– № 46.

[1434 г. ранее марта 31].— Договорная (докончальная) грамота великого князя можайского Василия II Васильевича с его двоюродными братьями князьями можайским Иваном Андреевичем, верейским и белозерским Михаилом Андреевичем.

140. Собрание государственных грамот, I, 94 = Договорная грамота князя Георгия (Юрья) Дмитриевича Галицкого и детей его, с можайскими князьями Иваном и Михайлом Андреевичем (племянниками своими): о бытии им и детям их в дружбе и согласии; о незаключении мирных договоров и великим князем Василием Васильевичем без общаго приговора; о управлении всякому своими землями; о возвращении грабежа и пленников, и проч.— Писана около 1433 года // [То же].— Ч. 1.— С. 94—95.— № 47.

[1434 г. после марта 31].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Юрия Дмитриевича с его племянниками князьями можайским Иваном Андреевичем и верейским и белозерским Михаилом Андреевичем. В примеч. 275 с. 90 указана ошибочно.

141. Собрание государственных грамот, I, 99 = Две договорныя взаимныя грамоты князя Георгия (Юрья) Дмитриевича Галицкого и сына его князя Дмитрия меньшаго, с великим князем Василием Васильевичем, с братом своим князем Константином Дмитриевичем, с племянниками своими князем Иваном и князем Михайлом Андреевичем, и с боровским князем Василием Ярославичем: о бытии им в мире и согласии; о непринимании в дружбу ушедших от него детей его больших, князя Василия и князя Дмитрия (Шемяки) Юрьевичей; о возвращении ему, великому князю, не токмо великаго княжения московскаго со всеми принадлежностями, но и города Дмитрова, на которой он имел из Орды ярлыки от Хана; о управлении всякому своими землями; о возвращении грабежа и пленников, взятых во время бывшаго между ними несогласия; о дани, судах, долгах, и проч.– Писаны 1433 года // [То же].– Ч. 1.— С. 99—105.— № 49, 50.

[1433 г.].— Договорная (докончальная) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича, князей Константина Дмитриевича можайского Ивана Андреевича, верейского и белозерского Михаила Андреевича, серпуховского и боровского Василия Ярославича с князем галицким и звенигородским Юрием Дмитриевичем и его младшим сыном Дмитрием Красным (Меньшим).

142. Собрание государственных грамот, I, 105 = Духовная грамота (в копии) князя Георгия (Юрья) Дмитриевича Галицкого: о разделе движимого и недвижимого имения трем сынам своим: князю Василию (прозванием Косому), князю Дмитрию (Шемяке) и князю Дмитрию (Красному).— Писана около 1434 года // [То же].— Ч. 1.— С. 105—106.—№ 51.

[1433 г. около февраля].— Духовная грамота князя галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича.

143. Собрание государственных грамот, I, 107 = Две договорныя взаимныя грамоты великаго князя Василия Васильевича с князем и Дмитрием Юрьевичем (Шемякою): о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями; о возвращении грабежа и пленников; о взаимном вспоминании противу неприятелей; о дани, судах и расправах. Писаны 1434 года // [То же].— Ч. 1.— С. 107—112.— № 52, 53.

[1441—1442 гг.].— Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем Шемякой.

144. Собрание государственных грамот, 118 = Две договорныя взаимныя грамоты князя Дмитрия Юрьевича (Шемяки) с великим князем Василием Васильевичем: о бытии им в дружбе и согласии; о возвращении грабежа, взятого им князем Дмитрием и братом его князем Василием; о взаимном вспоможении противу неприятелей; о дани, судах, расправах, и проч.— Писаны 13 июня 1436 года // [То же].— Ч. 1.— С. 118—124.— № 56, 57.

1436 г. июня 13.-Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем Шемякой.

145. Собрание государственных грамот, 130 = Договорная великаго князя Василия Василиевича с князем Дмитрием Юрьевичем (Шемякою), и с братом его князем Дмитрием Юрьевичем (Красным): о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями; о возвращении грабежа и пленников; о взаимном вспоможении противу неприятелей; о дани, судах и расправах; о третейском суде, в случае обоюдного спора.— Писана 1440 года, июня 24 // [То же].— Ч. 1.—С. 130—132.— № 60.

[1434 г. после июня 5].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича с князьями галицкими Дмитрием Шемякой и его братом Дмитрием Красным (Меньшим) Юрьевичем.

146. Собрание государственных грамот, I, 133 = Договорная грамота князей можайских Ивана Андреевича и Михайла Андреевича с великим князем Василием Василиевичем: о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями как им, так и по их смерти детям их; о взаимном вспоминании противу неприятелей; о даче для Ордынскаго выхода дани; о судах, расправах, и о предании забвению бывшей между ими вражды.— Писана 17 июля, 1445 года // [То же].— Ч. 1.— С. 133—135.— № 61.

[1445 г. после ноября 17].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем и его братом князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем.

147. Собрание государственных грамот, 135 = Договорная грамота суздальских князей Василья Юрьевича и Федора Юрьевича с князем Дмитрием Юрьевичем (Шемякою) и с сыном его князем Иваном: о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями; о отобрании Суздаля у князя можайскаго Ивана Андреевича и купленных боярами в разныя времена в Суздальских местах вотчин, и о даче оных по прежнему им князьям суз-

дальским; о незаключении мирных договоров с великим князем Василием Василиевичем, без общаго согласия; о невзыскании чинимых в его отчине грабежей; о судах, расправах, и проч.— Писана около 1446 года // [То же].— Ч. 1.— С. 135—137.— № 62.

[1445 г. июня 7 — ноября 17].— Договорная (докончальная) грамота князя галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки с князьями суздальскими Василием и Федором Юрьевичами.

148. Собрание государственных грамот, 138—154=1) Договорная грамота князя можайского Ивана Андреевича с великим князем Василием Василиевичем и его малолетними детьми: о бытии им и детям их в дружбе и согласии без напоминания и мщения бывшия между ими вражды и ссоры как при жизни их, так и по их смерти детям их; и о принятии в свидетели сего договора Бога и святых Его угодников, а в посредники тверскаго великаго князя Бориса Александровича с княгинею его, также можайскаго князя Михайла Андреевича и князя боровскаго Василия Ярославича.— Писана около 1447 года // [То же].— Ч. 1.— С. 138—139.— № 63.

[1448 г. ок. марта 31 — апреля 6].— Договорная (докончальная) грамота великого князя можайского Василия II Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем (второй вариант — черновой).

2) Договорная грамота князя можайского Ивана Андреевича с великим князем Василием Василиевичем и его малолетними детьми: о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями как им, так и по их смерти детям их; о даче дани и пошлин для Ордынскаго выхода; о возвращении грабежа и пленников; о судах, расправах и проч.— Писана в Коломне, в сент. мес. 1447 года // [То же]. Ч. 1.— С. 146—149.— № 66.

1447 г. сентября.— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем.

3) Договорная грамота князя можайского Ивана Андреевича с великим князем Василием Василиевичем и его малолетними детьми: о бытии им и детям их в дружбе и согласии; без напоминания и мщения прежде бывшия между ими ссоры; о принятии в посредники сего договора тверского великаго князя Бориса Александровича с княгинею его, также можайскаго князя Михайла Андреевича и боровскаго князя Василия Ярославича, и проч.— (Равнаго с прежнею грамотою содержания, с малым в начале прибавлением).— Писана 1448 года // [То же].— Ч. 1.— С. 151—152.— № 68.

[1448 г. ок. марта 31 — апреля 6].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем (второй вариант — беловой).

4) Договорная грамота великаго князя Василия Василиевича с можайским князем Иваном Андреевичем: о бытии им в дружбе и согласии, без напоминания прежних ссор; о управлении всякому своими землями как им, так и по их смерти детям их; о судах, расправах, и проч.— Писана около 1448 года // [То же].— Ч. 1.— С. 153—154.— № 69.

[Ок. 1445 г. ноября 17].— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича с князем можайским Иваном Андреевичем (московский проект).

149. Собрание государственных грамот 142-Договорная грамота (в копии) великаго князя Василия Василиевича, князей можайских Ивана Андреевича, Михайла Андреевича, и князя боровскаго Василия Ярославича (внука князя Володимира Андреевича) с великим князем рязанским Иваном Федоровичем: о бытии им в дружбе и согласии; о незаключении с литовским князем и ни с которыми недругами, а паче с татарами, мира без общаго согласия; о взаимном вспоможении противу неприятелей; о управлении всякому своими землями; о принятии в дружбу и любовь торуских и новосильских князей; о невладении московскому великому князю мещерскими, а рязанскому князю татарскими и мордовскими местами; о грабежах, судах, расправах, мытах и пошлинах.— Писана 20 июля 1447 года // [То же].— Ч. 1.— С. 142—146.— № 65.

1447 г. июля 20.— Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича и князей можайского Ивана Андреевича, верейского и белозерского Михаила Андреевича и серпуховского и боровского Василия Ярославича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем.

150. Собрание государственных грамот. стр. 149 = Договорная запись князя Дмитрия Юрьевича (Шемяки) и можайского князя Ивана Андреевича, с младшим его братом князем Михайлом Андреевичем и с князем боровским Василием Ярославичем: о посылке с прошением к великому князю Василию Василиевичу, дабы принял их к себе в любовь и дружбу; о возвращении им обратно их вотчин, от великого князя полученных; и об отдаче великому князю казны, грамот и всего полону, похищенного ими у великого князя, у его матери, супруги и у бояр, во время бывшаго в Москве междоусобия.— Писана 1448 года // [То же].— Ч. 1.— С. 149—150.— № 67.

[1447 г. начало июля].— Договорная «перемирная» грамота князей галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки и можайского Ивана Андреевича с князьями-посредниками: верейским и белозерским Михаилом Андреевичем и серпуховским и боровским Василием Ярославичем об условиях мира с великим князем московским Василием II Васильевичем.

151. [Собрание государственных грамот], 168 = Договорная грамота можайского [!] князя Михаила Андреевича с великим князем Василием Василиевичем: о бытии им в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями как им, так и по их смерти детям; о неотнимании у него жалованных ему отцем его и им великим князем волостей; о даче для Ордынскаго выхода дани; о судах, расправах, и проч.— Писана 1 июля, 1450 года // [То же].— Ч. 1.— С. 168—170.—№ 75.

1450 г. июля 1. = Договорная (докончальная) грамота великого князя московского Василия II Васильевича с князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем.

152. Собрание государственных грамот, стр. 171 = Две договорныя взаимныя грамоты великаго князя тверскаго Бориса Александровича и сына его князя Михаила Борисовича, и братей его князя Дмитрия Юрьевича и князя Ивана Юрьевича, с великим князем Василием Василиевичем и с его детьми; о бытии им в

дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями; о взаимном вспоможении противу неприятелей, а особливо противу Литвы, поляков, немцов и татар; и непринятии им в союз ни можайскаго князя Ивана, ни сына князя Шемяки Ивана; о дани, судах, мытах, пошлинах, и проч.— Писаны около 1451 года // [То же].— Ч. 1.— С. 171—176.— № 76, 77.

, [Ок. 1456 г.].— Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с великим князем тверским Борисом Александровичем.

153. [Собрание государственных грамот], 177 = Две договорныя взаимныя грамоты великаго князя Василия Василиевича и его детей с боровским князем Василием Ярославичем: о бытии им и детям их в дружбе и согласии; о управлении всякому своими землями как им, так и по их смерти детям их; о бытии уделам недругов их князя Дмитрия Шемяки и кн. можайского Ивана за великим князем; о дани, судах, пошлинах и проч.— За подписанием московского митрополита Ионы.— Писаны около 1451 года // [То же].— Ч. 1.— С. 177—184.— № 78, 79.

[1454—1456 гг.].-Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем. Указание Карамзина (примеч. 349) на с. 168 ошибочно.

154. Собрание государственных грамот, 185 = Две договорныя грамоты князя суздальского Ивана Василиевича с великим князем Василием Василиевичем и с его детьми: о бытии им в дружбе и согласии; о незаключении мирных договоров с князем Дмитрием (Шемякою); об отдаче ему взятых в Крыму на нижегородское и суздальское княжение старых грамот; о пожаловании ему в удел Городца; о управлении всякому своими землями; о суде, дани, торгах и проч.— Писаны около 1451 года // [То же].— Ч. 1.— С. 187—187.— № 80, 81.

[1448 г. декабря 15 — 1449 г. июля 22]. = Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с князем суздальским Иваном Васильевичем Горбатым.

155. Собрание государственных грамот, 189 = Духовная грамота иноки Евпраксии, вдовствующей супруги князя Володимера Андреевича: о разделе недвижимого ея имения внуку своему князю боровскому Василью Ярославичу, внуке великой княгине Марье Ярославовне, и двум своим снохам; также и о даче нескольких деревень для поминовения своего в Рожественской и Чудов монастыри, и в Московской Архангельский собор.— Писана около 1452 года // [То же].— Ч 1 — С. 189—191.— № 82.

[1433 г. ранее февраля]. = Духовная грамота вдовы князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича инокини Евпраксии (княгини Елены Ольгердовны, дочери великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича).

156. Собрание государственных грамот, 191 = Духовная грамота великия княгини Софии, вдовствующей супруги великаго князя Василия Димитриевича: о разделе, по смерти ея, движимого и недвижимого ея имения сыну своему великому князю Василию Василиевичу, внукам трем князю Юрье, князя Андрею и князю Борису Василиевичам; и о даче в Архангельский собор, в Вознесенский девичий и в Троецкий Сергиев монастыри сел и деревень для поминовения своего — за подписанием московскаго митрополи-

та Ионы.— Писана 1453 года // [То же].— Ч. 1.— С. 191—194.— № 83.

[1451 г. июня — июля]. = Духовная грамота великой княгини Софьи Витовтовны (вдовы великого князя московского Василия I Дмитриевича, дочери великого князя литовского Витовта Кейстутовича).

157. Собрание государственных грамот. 196 = Две договорныя взаимныя грамоты великаго князя Василия Василиевича и его детей, с боровским князем Василием Ярославичем и с его сыном князем Иваном: о бытии им и детям их в дружбе и согласии; о управлении всякому своими родовыми и благоприобретенными уделами и по смерти детям их; о дани, судах, пошлинах и проч.— за подписанием московского митрополита Ионы.— Писаны около 1456 года // [То же].– Ч. 2.– С. 195–201.– № 84, 85.

[1450—1454 гг.]. = Договорные (докончальные) грамоты великого князя московского Василия II Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем.

158. Собрание государственных грамот, 202 и 207 = Две духовныя грамоты великаго князя Василия Василиевича, первая: о разделе по смерти его, всего движимого и недвижимого его имения сынам своим, князьям: Ивану, Юрью, Андрею большому, Борису, Андрею меньшому, и княгине своей Марье Ярославовне;— вторая приписная духовная грамота его же великаго князя: о даче, по его смерти, княгине своей Марье Ярославовне некоторых сел и деревень, в прибавок к помянутым в большой духовной грамоте вотчинам, ей данным — обе грамоты за подписанием московскаго митрополита Феодосия.– Писаны 1462 года // [То же].– Ч. 1.– С. 202—208.— № 86, 87.

[1461 г. мая 3 — 1462 г. марта 27].— Духовная грамота великого князя московского Василия II Васильевича.

159. Софийский временник (Лет. Софиск., Соф.) = Софийский временник или Руская летопись с 862 по 1534 год / Издал П. Строев.— М.: Селивановский, 1820—1821.— 2 ч.

Софийская первая и вторая летописи. Издание числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К. С. Сербиновичем (№ 28); в числе других передано в 1867 г. в имп. Публичную библиотеку (ЛО ААН. Ф. 764. Оп. 3. Ед. хр. 39. № 46). Местонахождение экземпляра в настоящее время не установлено.

160. Степенная книга *см.* № 85.

161. Татищев = *Татищев, Василий Никитич* (1686—1750). История российская с самых древнейших времен / Неусыпными трудами... собранная и описанная покойным... Васильем Никитичем Татищевым; [Изд. под наблюдением и с коммент. Г. Ф. Миллера].– [М.]: При императорском университете, 1768—1784.— 4 кн.

162. Уложение царя Алексея Михайловича = *Алексей Михайлович* (царь российский, 1629—1676). Уложение.— М.: Печатный двор, 29.I.1649.

Переиздавалось неоднократно.

163. Устав Ярослава, мнимый = Устав великаго князя Ярослава Владимировича: О церковных законах и земских делах // Максимович Л. М. Указатель российских законов...– М., 1803.– Ч. I, отд. 1.— С. 4—8.

Публикация, произвольно объединяющая в единое целое Устав кн. Ярослава Мудрого о церковных судах (краткая редак-

ция) и византийский Земледельческий закон (Крестининский список), содержащая многочисленные «исправления» Л. М. Максимовича.

164. Флёри. Hist. eccl. XV = *Fleury, Glaude* [1640—1723]. Histoire ecclesiastique depuis la naissance de Jesu Christ [jusq'en 1414 / Avec la continuation jusqu'en 1595, par... J. C. Fabre et Goujet].— Paris, 1722—1737.— 36 t.

Переиздавалась неоднократно.

165. Франза. Hist Byzant., напечатанная в Венеции в 1733 = *Georgius Sfrantses* (1401 post 1478). Georgii Phranzae protovestiarii Chronicon 1413—1477 / [.S. Bergler ed.].— Venezia: Pasquali, 1733.

166. Ходыкевич. Dissert. historico-crit. = *Chodykiewicz Klemens* (1715—1797). Dissertationes historico-criticae de utroque archiepiscopatu metropolitano Kijoviensi, et Haliciensi, uti olim destincto, nec non de episcopatu Leopoliensi ritus Gracco-uniti / A p. Clemente Chodykiewicz... certioribus documentis illustratae.— [Lwów]: S. n., 1770.

Числится по описи библиотеки Карамзина, составленной в 1834 г. К. С. Сербиновичем (№ 56). Получен Карамзиным через А. И. Тургенева, вероятно. из имп. Публичной библиотеки (РС.— 1899.— Янв.— С. 220).

167. Чудеса св. Ионы митрополита в Степен. кн. II = Сказание от части жития, иже во святых, отца нашего Ионы митрополита всеа Русии // Книга степенная царского родословия...— М., 1775.— Ч. 2.— С. 69—97.

Житие Ионы митрополита в редакции Степенной книги (1560—1563 гг.).

168. Шерефеддин Али. Histoire de Timur-Bec (т. е. Тимира князя), connu sous le nom du Grand Tamerlan, сочиненная на персидском языке... и переведенная гм. Нети де-ла-Круа = *Sharaf al Dīn ʿAlī Yazdī* (—1454). Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerland, empereur des Mogols et Tartares... / Ecrite en persan par Cherefeddin Ali...; Traduite en françois par... Petis de la Croix...: Texte abrégé avec des notes historiques et cartes geographiques...— Paris: D'Espilly, 1722.— 4 t.

169. Шильтберге[Путешествие... по землям Востока в конце XIV и в начале XV века (Schiltbergers Reise in den Orient) им самим описанное и переведенное с древней рукописи Пенцелем = *Schiltberger, Johannes* (1380/1381—). Schiltberger's Aus München, Von dem Türken in der Schlacht von Nicopolis 1395 gefangen, in das Heidenthum geführt, und 1427 wider heimgekommen, Reise in den Orient und wunderbare Begebenheiten / Von ihm selbst geschrieben; Aus einer alten Handschrift übersetzt, und herausgegeben von A. J. Penzel.— München: Stöger, 1813.

170. Шриттер = *Стриттер, Иван Михайлович* (1740—1801); [Пер. с нем. М. А. Матинский, Н. Ф. Яковкин, А. Гронский, Н. П. Осипов, Ф. В. Кораллов под рук. П. И. Пастухова].— СПб.: Тип. Комиссии об учреждении школ, у Брункова, 1800—1802.— 3 с.

171. Шульц. Gesch. des Osman. Reichs кн. II = *Pétis de la Croix, François* (1653—1713). Geschichte des osmanischen Reichs von seiner Stiftung an bis auf gegenwärtige Zeiten / Nach dem Französischen des Herrn De la Croix; Mit Verbesserungen von Johann Chri-

stoph Friedrich Schulz... — Frankfurt a. M.; Leipzig: Buchhändlergesellschaft, 1769—1772.— 3 Bd.

172. Щербатов = *Щербатов, Михаил Михайлович* (1733—1790). История российская от древнейших времен / Сочинена... Михайлом Щербатовым.— СПб.: При императорской Академии Наук, 1770—1791.— 7 ч.

173. Энгель. Gesch. v. Galitsch = *Engel, Johann Christian von* (1770—1814). Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken, wie auch der Königreiche Halitsch und Wladimir / Verfasset von Johann Christian von Engel.— Halle: Gebauer, 1796.

174. Эрбелот. Bibliotheque orientale = *Herbelot, Barthelemy* d' (1625—1695). Bibliotheque orientale...— Paris, 1697.

Переиздавалась неоднократно.

175. Ярлык [Митяю от хана Тюлюбека] в Древ. Рос. вивлиоф.= 1213 г.— А се ярлык Атюляка царя Михаилу митрополиту киевскому и всея Руссии // Древняя Российская вивлиофика...— М., 1798.— 4.6.— С. 16—18.— № 2.

[1379 г.].— Ярлык хана Тюляка (Тулунбека) митрополиту Михаилу в пространной редакции.

176. Cométographie = *Pingré, Alexandre Gui* (1711—1796). Cométographie, ou Traité historique et theorique des comètes.— Paris; Imprimerie royale, 1784.— 2 vol.

177. Grondsky, Samuel. Hist. belli Cosacco-Polonici = *Grondsky, Samuel* ( ) Historia belli Cosacco-Polonici / Authore Samuele Grondski de Grondi conscripta anno 1676; Ex manuscriptis monimentis historiae Hungaricae in lucem protulit Carolus Koppi...— Budapest; Patzko, 1789.

Экземпляр этого издания был в распоряжении Карамзина в период работы над «Историей...» (РС.— 1899.— Янв.— С. 221).

178. Hist. des Tatars *см.* № 2.

179. Histoire de Timur-Bec *см.* № 168.

180. Mandeville. Voyage в Бержеронов = *Mandeville, Jehan de* (—1372). Recueil ou abrégé des voiages, et observations, du sr. Jean de Mandeville... faites dans l'Asie, l'Afrique, etc. commencées en l'an MCCCXXXII.../ [Ed.] par monsieur Bale // Bergeron P. Voyages faits principalment en Asie...— La Haye, 1735.— Vol. 2.— 4 p., 5—26 col., [1] p.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4684).

181. Memor. popul. II = *Stritter, Johann Gotthelf* (1740—1801). Memoriae populorum, olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septembrionis incolentium; E scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae...— СПб.: Acad. sciêntiarum, 1771—1773— 4 t.

Свод извлечений из сочинений византийских авторов. Экземпляр из библиотеки МАКИД (№ 75) был взят Карамзиным в 1816 г. (АВПР Ф. Адм. дела. III-20, 1801. Д. 1. Л. 24 об.); возвращен в 1826 г. (ЦГАДА Ф. 180. Д. 102. № 57 — видимо, ошибочно, правильно — № 75). В настоящее время в библиотеке ЦГАДА хранится экземпляр с архивным № 75 (современный шифр ОРИ иностр. 15469—15474) без каких-либо следов чтения.

182. Petersburg. Journ. г. 1781 *см.* № 186.

183. Paul, Marc, Voyage, стр. 79 в Бержеронов. = *Polo, Marco* (ca 1254—1324). Les voiages très-curieux et fort remarquables, achevées par toute l'Asie, Tartarie, Mangi, Japon, etc. ...commencées l'an 1252 / Par Marc Paul...; [Avec préface l'Andre Müller Greiffenhag...] // Bergeron P. Voyages faits principalment en Asie...— La Haye, 1735.— Vol. 2.— 4 p., 5—162 col., 163—185 p.

Числится по описи книг, переданных в 1867 г. наследниками Карамзина в Симбирскую общественную библиотеку (Хронол. кат., № 4684).

184. Piasecius. Chronicon = *Piasecki, Pawel* (1579—1649). Chronica gestorum in Europa singularium recentiorum, ad annum Christi 1646 / A Paulo Piasecio... conscripta...— Kraków; Caesarius, 1645.

Переиздавалась неоднократно.

185. Redusii de Quero, Andreas. Chron. Tarvasianum Script. rerum Italicarum. T. XIX, стр. 802—805 = *Redusio da Quero, Andrea* (XIV s). Chronicon Tarvisinum, 1368—1428 // Muratori L. A. Rerum Italicarum scriptores...— Milano, 1746.— T. 19.— P. 735—805.

186. St. Petersburg. Journ. г. 1781, ч. II, стр. 24, 34 = Fortsetzung des Versuchs über die alten russischen Münzen // Neues St. Petersburgisches Journal...— СПб.,—1781. Bd. 2.— S. 3—95.

В. А. Кучкин

КОНЕЦ «ТЕМНОГО ПЕРИОДА» РУССКОЙ ИСТОРИИ

Летом 1811 г. Н. М. Карамзин закончил работу над пятым томом «Истории государства Российского»[1]. Ему Н. М. Карамзин отдал около двух с половиной лет напряженного труда[2]. Но и после лета 1811 г. историограф продолжал совершенствовать текст пятого тома. Хотя черновых материалов не сохранилось, изменение ссылок на опубликованные сборники документов в окончательном варианте текста свидетельствует о его доработке. Если в примечаниях к первой главе пятого тома Н. М. Карамзин, используя грамоты времен Дмитрия Донского, ссылался на публикацию этих источников XIV в. в «Древней российской вифлиофике»[3], то в примечаниях к последующим главам он указывал на грамоты преемников Донского, изданные в «Собрании государственных грамот и договоров»[4]. Только примечания 402 и 422 остались неисправленными. Н. М. Карамзин привел здесь две выдержки из договора великого князя Василия Темного с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем и из договора великого князя Юрия Дмитриевича с рязанским великим князем Иваном Федоровичем, а также выдержку из докончания Василия Темного с суздальским князем И. В. Горбатым. Все три договора были напечатаны в «Собрании государственных грамот и договоров»[5], и в примечании 275 Н. М. Карамзин цитирует московско-рязанский договор по изданию 1813 г., а в примечании 349 — московско-суздальский по той же публикации. Корректура первых ста листов «Собрания» была готова уже к августу 1812 г.[6], но в свет вышла только в 1813 г. Очевидно, что Н. М. Карамзин обновлял справочный аппарат пятого тома уже после 1813 г.; скорее всего, в 1814—1815 гг., когда готовил первые 8 томов своей «Истории» к изданию[7]. Можно думать, что какие-то поправки Н. М. Карамзин внес и в основной текст тома, но пока что за неимением прямых данных этот вопрос приходится оставить открытым.

Пятый том охватывает события русской истории за 100 лет: с 1363 г. по 1462 г. включительно, изложенные

в трех главах. Каждая глава посвящена княжениям трех последовательно сменявших друг друга московских великих князей: Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича и Василия Темного. Четвертая, заключительная глава тома подводит итог исторического развития русских земель за время от монголо-татарского нашествия до возведения на московский престол Ивана III.

Для описания указанного периода Н. М. Карамзин использовал большое количество самых разнообразных источников. В основу своего исторического повествования он положил летописи. Ко времени работы Н. М. Карамзина над «Историей государства Российского» целый ряд русских летописных памятников был издан. В пятом томе своего труда историограф ссылается на печатные Никоновскую летопись[8], Архангелогородский (Архангельский) летописец[9], Степенную книгу[10], Казанскую историю[11], Нижегородский летописец[12], Львовскую летопись[13], Воскресенскую летопись[14], Соловецкий летописец[15], а при характеристике новгородских событий — на новгородскую летопись, которая в настоящее время определяется как Новгородская первая летопись младшего извода[16]. Помимо опубликованных летописных сводов, Н. М. Карамзин воспользовался целым рядом рукописных списков летописей. Он весьма подробно цитирует Троицкую летопись[17], достаточно часто обращается к так называемой Ростовской (Архивской) летописи[18], привлекает летописные памятники в списках Синодальном № 365[19], Архивском № 8[20]; из собрания Ф. А. Толстого (Голицынская летопись)[21], Лаврентьевскую летопись[22], памятники, которые он называет Архивской Киевской летописью[23] и Кратким летописцем[24]. При описании новгородских и псковских событий Н. М. Карамзин опирается на различные списки новгородских и псковских летописей, в том числе Летописец попа Иоанна (Академический список Новгородской первой летописи младшего извода, сохранивший пометы Н. М. Карамзина)[25] и Синодальную летопись № 349 — Псковскую 2-ю летопись[26]. В одном случае Н. М. Карамзин прибегнул к Хронографу[27], в другом — остановился на заметке летописного характера с описанием суда над тверским епископом Евфимием Висленем в 1390 г., помещенной в церковном Уставе[28].

Кроме материала летописного, Н. М. Карамзин использовал довольно значительный документальный мате-

риал. К началу XIX в. этот материал представлял собой главным образом княжеские договоры и княжеские завещания XIV—XV вв. Обнаруженные во второй половине 60-х годов XVIII в. и введенные в научный оборот в 1775 г., эти грамоты сначала робко, а затем все чаще, с возраставшим вниманием стали использоваться историками в общих трудах по русской истории. Н. М. Карамзин упомянул и включил в пятый том отрывки из всех грамот времен Дмитрия Донского, напечатанных в «Древней российской вифлиофике»[29], за единственным исключением назвал и процитировал все грамоты Василия Дмитриевича, опубликованные в «Собрании государственных грамот и договоров»[30], а также более трех четвертей напечатанных там же грамот Василия Темного[31]. Помимо опубликованных текстов, Н. М. Карамзин привлек для своей работы и несколько договоров неопубликованных, заимствовав их из особого сборника, ныне широко известной книги копий княжеских грамот середины XV в., хранящейся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде[32]. Отсюда же Н. М. Карамзин извлек уникальную московскую Запись о душегубстве — ценнейший источник по организации суда в Москве и прилежащих к ней волостях в XV в.[33]

Кроме княжеских завещаний и междукняжеских договоров, Н. М. Карамзин использовал договоры князей с Новгородом Великим. Большинство этих договоров было впервые введено в науку Н. М. Карамзиным, обнаружившим их в сборнике двинских грамот, в свое время принадлежавшим А. И. Мусину-Пушкину[34]. В этом же сборнике Н. М. Карамзин обнаружил жалованную Уставную грамоту великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле 1397 г. и Новгородскую судную грамоту[35]. В одной из рукописей Синодальной библиотеки Н. М. Карамзин нашел отрывок Псковской судной грамоты[36]. Все эти источники впервые были введены в научный оборот Н. М. Карамзиным. Его крупная научная заслуга как первооткрывателя этих важнейших исторических документов несомненна.

Кроме княжеских духовных и договорных грамот, соглашений князей с Новгородской республикой, юридическими кодексами для написания пятого тома Н. М. Карамзин использовал памятники церковной юрисдикции. Он цитирует изданный ярлык хана Тюляка кандидату

в русские митрополиты Михаилу-Митяю[37], найденную в рукописи грамоту 1402 г. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, подтверждающую незыблемость княжеских уставов и постановлений о церковных правах и привилегиях[38], грамоту митрополита Алексея на Червленый Яр[39]. Им привлечен целый ряд посланий церковных иерархов, заимствованных из митрополичьего формулярника первой трети XVI в.[40], а также Послание митрополита Ионы новгородскому архиепископу Евфимию[41]. Историограф заимствует материал из родословных[42] и разрядных книг[43], Стоглава[44], писцовой книги XVI в. Поместного приказа[45], Уложения 1649 г.[46] Привлечение указанных источников, за исключением родословных и разрядных книг, не содержавших сведений о XIV—XV вв., которые были предметом рассмотрения в пятом томе, свидетельствует как об эрудированности Н. М. Карамзина, знакомившегося с источниками не только исследуемой, но и более поздней эпохи, так и о прекрасной памяти историка, встретившего в летописи редкое слово «сеунч» и сумевшего объяснить его на основании свидетельств разрядных книг; описывающего животный мир Северо-Восточной Руси в XIV в. и подкрепляющего это описание параллелями из XVII в. Острая наблюдательность позволила Н. М. Карамзину найти в Хронографе, вероятно XVII в., любопытнейшее пояснение «Шемякина суда»: «на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася Шемякин суд»[47]. Помимо Хронографа, для написания пятого тома Н. М. Карамзин использовал печатный «Синопсис»[48], «Скифскую историю» Андрея Лызлова[49], рукописное сочинение Т. Каменевича-Рвовского «О древностях Российского государства»[50], Повествование о Флорентийском соборе[51], Сказание о Мамаевом побоище[52], Сказание об Ионе Новгородском[53], Жития Сергия Радонежского[54] и Стефана Пермского[55]. Достаточно широко представлены в пятом томе «Истории государства Российского» документы Тевтонского Ордена[56], сочинения восточных и западноевропейских авторов о Тамерлане, Флорентийском соборе 1437—1439 гг.[58], труды ранних польских историков[59]. Н. М. Карамзин цитирует даже ответы грузинского царевича Сакара на вопросы В. Н. Татищева о происхождении названия Грузия[60]. Помимо письменных источников, которые выше перечислены не исчерпывающим образом,

Н. М. Карамзин пользуется и вещественными. Правда, его внимание привлекают только два вида таких памятников — печати и монеты. Вислые печати он видел на грамотах, а монеты у многих собирателей и в коллекции Академии наук, знакомился с нумизматическим материалом по специальной литературе[61].

Оценивая в целом те материалы, которые использовал Н. М. Карамзин при написании пятого тома «Истории государства Российского», следует отметить, что корпус письменных источников решительно преобладал над корпусом вещественных. Из последнего Н. М. Карамзин знал преимущественно монеты. Он справедливо отметил возобновление чеканки монет на Руси при Дмитрии Донском, но этим и ограничился, не придав, например, должного значения правам князей различных княжеств и уделов выпускать собственную монету. Сфрагистическим свидетельствам Н. М. Карамзин уделил минимальное внимание, цитируя только те надписи на печатях, которые казались ему любопытными, памятники эпиграфики XIV—XV вв. им не привлекались, а значительный археологический материал, которым оперирует современная наука, во времена Н. М. Карамзина не был известен.

Что касается памятников письменности, то уже к началу XIX в., времени работы Н. М. Карамзина над своим трудом, их круг был достаточно широк. Тем не менее многие типы письменных источников еще не были введены в научный оборот и остались неизвестны Н. М. Карамзину. Это относится к записям на рукописных книгах, дающих скромный, но в ряде случаев редкий, даже уникальный материал по политической истории XIV—XV вв., а главным образом — по истории культуры; к Житиям святых, значение которых как источника не только по церковной, но и по светской истории было раскрыто уже после Н. М. Карамзина трудами Филарета, Макария и особенно В. О. Ключевского[62]. Наконец, вне поля зрения Н. М. Карамзина остался обширный актовый материал из монастырских и епархиальных хранилищ, содержащий важнейшие сведения по социальной, политической и экономической жизни русских княжеств, Новгорода и Пскова в XIV—XV вв.[63]

Значение этого актового материала для сюжетов, интересовавших Н. М. Карамзина и зафиксированных им

в пятом томе «Истории», может быть проиллюстрировано одним примером. Рассказав об ослеплении в 1446 г. Дмитрием Шемякой и его сподвижниками попавшего к ним в руки великого князя Василия Васильевича, историограф перешел к характеристике деятельности Шемяки, занявшего 16 февраля 1446 г. великокняжеский престол: «Шемяка, приняв на себя имя великого князя, отдал Суздаль презрительному сподвижнику своему, Иоанну Можайскому; но скоро взял у него назад сию область и в следствие письменного договора уступил, вместе с Нижним, с Городцом и даже с Вяткою, как законную наследственную собственность внукам Кирдяпиным, Василию и Феодору Юрьевичам; то есть, бессмысленно хотел уничтожить полезное дело Василия I, присоединившего древнее Суздальское княжение к Москве... (Шемяка) боялся народной ненависти и малодушно искал опоры в сих братьях...»[64]. Речь идет о восстановлении политической независимости Нижегородского княжества, присоединенного московским великим князем Василием Дмитриевичем к своим владениям в 1392 г. Инициатором реставрации такого крупного государственного образования, как Нижегородское княжение с городами Нижним Новгородом, Суздалем, Городцом и Вяткой, Н. М. Карамзин представил Дмитрия Шемяку, крайне отрицательно оценив этот его шаг. Оценка Н. М. Карамзина удерживалась в исторической науке вплоть до 1960 г. Но в 1958—1964 гг. был издан ряд грамот суздальского Спасо-Евфимьева монастыря и переиздана одна грамота нижегородского Спасо-Благовещенского монастыря, анализ которых показал, что князья Василий и Федор Юрьевичи Шуйские правили в Нижегородском княжестве до заключения соглашения с Дмитрием Шемякой. Последний же, оформив договор с потомками нижегородского князя Василия Кирдяпы и став в феврале 1446 г. московским великим князем, уже в марте 1446 г. нарушил это соглашение, лишил Шуйских владельческих прав и сам начал управлять нижегородскими землями. Реставрация же самостоятельного Нижегородского княжества была предпринята по инициативе не Дмитрия Шемяки, а основателя Казанского ханства хана Улуг-Мухаммеда, войска которого с начала и до осени 1445 г. контролировали территорию этого княжества[65]. Таким образом, представления и выводы Н. М. Карамзина, ос-

нованные на анализе только одного известного ему источника — договора Дмитрия Шемяки с нижегородскими князьями Василием и Федором Юрьевичами Шуйскими, с открытием и привлечением к изучению монастырских грамот обнаруживают свою неполноту и некорректность. Актовый материал позволяет во многом по-новому взглянуть на течение русской истории XIV—XV вв., но это уже возможности современной науки, которых Н. М. Карамзин был лишен.

Впрочем, при написании пятого тома он ориентировался главным образом не на документальный материал, а на описательный, нарративный. И здесь на первом месте стояли летописи.

Одну из них Н. М. Карамзин ценил особенно высоко. Это была полученная им из Троице-Сергиева монастыря пергаментная летопись, по месту своего хранения получившая название Троицкой. Она заканчивалась изложением событий 1408 г.— Едигеевым нашествием на Москву. При наличии у Н. М. Карамзина двух десятков различных летописных памятников, содержавших известия за 1363—1462 гг., без кропотливейшего сличения их текстов и изучения каждого сообщенного в них факта трудно было сказать, что в их сообщениях является правдивым, а что ошибочным. Сам Н. М. Карамзин придавал огромное значение достоверности излагаемых в его «Истории» фактов, не упускал случая указать на нелогичность, выдумки и «басни» средневековых летописцев, но колоссальная техническая работа по сопоставлению между собой всех привлеченных им для написания «Истории» летописных сводов явно превышала его возможности. Историограф ограничивался лишь выборочными сравнениями различных летописных версий о наиболее крупных политических и военных событиях. В этих обстоятельствах наличие летописи, написанной не на бумаге, а на пергаменте, существенно облегчало задачу. Сам материал — кожа — служил гарантией раннего происхождения памятника, а следовательно, и большей точности сообщаемых им фактов по сравнению со сведениями, зафиксированными летописями, написанными на бумаге. «Главная современная летопись Василиева (великого князя Василия Дмитриевича.— *В. К.*) княжения есть Троицкая...»,— подчеркивал Н. М. Карамзин [66]. Казалось бы, такое осознание значения Троицкой

летописи заставит историографа твердо придерживаться содержавшихся именно в ней известий по меньшей мере до середины второй главы пятого тома, т. е. до девятнадцатого года правления Василия Дмитриевича — 1408 г., которым летопись заканчивалась. Этого, однако, не случилось. Внимательное изучение текста пятого тома и примечаний к нему показывает, что в основе карамзинского изложения русской истории XIV—XV вв. лежала не Троицкая, а Никоновская летопись. Эта летопись использована Н. М. Карамзиным на всем протяжении пятого тома, и даже там, где изложение можно было вести по Троицкой летописи, т. е. при описании событий 1363—1408 гг. Н. М. Карамзин чаще цитирует Никоновскую летопись, чем Троицкую. Троицкая — на втором месте.

Объяснение данного парадокса непросто. Конечно, оно может лежать на поверхности. Никоновская летопись была издана, а Троицкая представлена рукописью, которая не могла длительное время находиться в пользовании историографа. Да и гораздо легче обращаться к печатной книге и работать с нею, чем к книге рукописной. Но дело не только в этом. Никоновская летопись содержала целый ряд уникальных известий, в частности по истории Тверского княжества, и Н. М. Карамзин тщательно выбирает такие сообщения, рассказывая о гибели тверских князей в моровое поветрие 1364 г., о распрях в их среде в 1365 г., о борьбе тверского великого князя Михаила Александровича с Москвой в 1370 г., о междоусобных столкновениях тверских князей в 1400 г., о пребывании в Орде в 1407 г. тверского великого князя Ивана Михайловича, о его войне в 1408 г. с племянником Иваном Борисовичем, а в 1412 г.— с братом, кашинским князем Василием Михайловичем[67]. Самое же главное состояло в том, что Никоновская летопись, созданная, как теперь выяснено, при митрополичьей кафедре в Москве в конце 20-х годов XVI в.[68], содержала готовую концепцию русской истории, она доказывала права на верховную власть только князей московской династии, и именно тех из них, кто получал великокняжеский стол по наследству, «дедине и отчине», делила историю по периодам правления московских Даниловичей. Такое объяснение прошлого отвечало настроению мыслей самого Н. М. Карамзина и, критикуя разного рода неточности Никоновской летописи, историограф месте с достовер-

ными фактами воспринимал и саму историко-политическую концепцию этого свода[69]. Привлекала Н. М. Карамзина и литературная манера изложения событий в этой летописи. Ее составители вводили в текст подробные рассказы о прошлом, нередко целые произведения, перерабатывая их и добиваясь живого изложения там, где в более ранней летописи, в частности той же Троицкой, стояла сухая и лапидарная фраза. Для обрисовки человеческих характеров, к чему стремится Н. М. Карамзин, материал Никоновской летописи предоставлял гораздо более благоприятные возможности, чем текст древних сводов.

Тем не менее Троицкая летопись была достаточно широко использована в пятом томе. Н. М. Карамзин обильно цитировал ее при изложении событий 1363—1379 гг. и 1399—1408 гг., поскольку именно за эти годы Троицкая летопись содержала такие сведения, которые или совершенно отсутствовали в других летописях, или по ряду деталей были явно древнее аналогичных сообщений этих летописей[70].

Значительно реже прибегал Н. М. Карамзин к Ростовской (Архивской) летописи. Летопись эта сохранилась в очень позднем списке XVIII в. Она была подарена московскому Архиву Коллегии иностранных дел его сотрудником Н. Н. Бантыш-Каменским в 1787 г. Ростовской Н. М. Карамзин называл ее, по-видимому, потому, что считал ее, как выяснилось позднее — ошибочно, принадлежавшей Дмитрию Ростовскому и происходившей из ростовского собрания этого церковного и политического деятеля. Как показал А. А. Шахматов, Ростовская летопись представляет собой крупный летописный свод, в котором были соединены два источника: московский великокняжеский свод 1479 г. и новгородский владычный свод, заканчивавшийся известиями 1539 г.[71] Таким образом, цитируя Ростовскую летопись, Н. М. Карамзин пользовался весьма поздним летописным материалом и пользовался, надо сказать, весьма умеренно, прибегая к ее свидетельствам главным образом при описании последних десяти лет правления Дмитрия Донского.

Столь же выборочно использовал Н. М. Карамзин и Архангелогородский, или Архангельский летописец. Под этим названием в конце XVIII—XIX вв. была известна общерусская летопись, составленная в Устюге,

именно вторая редакция этого памятника, созданная в первой четверти XVII в. и доводившая изложение событий до 1598 г. включительно[72]. Н. М. Карамзин обращался к этому летописцу преимущественно при описании феодальной войны 30—50-х годов XV в., эмпирически установив, что за эти годы Архангелогородский летописец содержит сведения, которых нет в других летописных памятниках. Последующие исследования подтвердили правильность наблюдений Н. М. Карамзина и одновременно выявили группу более ранних и более поздних известий, носящих столь же уникальный характер, что и сообщения 30—50-х годов XV в.[73]

Остальные летописи привлекались Н. М. Карамзиным эпизодически, если они имели какие-либо дополнения или детали к сообщениям основных летописных сводов, даже если такие детали представляли собой ошибки позднейших редакторов. Речь, естественно, идет об освещении событий общерусского масштаба и значимости.

Для изложения же фактов истории Новгорода и Пскова Н. М. Карамзин вынужден был прибегнуть к местным летописям, и здесь вновь следовало частое цитирование памятников. Новгородские события Н. М. Карамзин излагал по так называемой «новгородской летописи попа Иоанна»[74] — Академическому списку Новгородской I летописи младшего извода, представляющему собой список новгородского владычного свода 40-х годов XV в.[75], изданного еще в 1786 г. Но в распоряжении Н. М. Карамзина была и «новгородская Голицынская летопись»[76] — Голицынский список Новгородской IV летописи, представляющий старшую редакцию этой летописи, кончающейся описанием событий 1437 г.[77] Этот список иногда содержал более полное описание событий XIV—XV вв., чем «летопись попа Иоанна», и Н. М. Карамзин, несомненно сличая обе летописи и называя Новгородскую I летопись «современной» описываемым в ней событиям[78], предпочитал делать выписки из Голицынской, если в ее рассказе присутствовали дополнительные подробности по сравнению с рассказом Новгородской I летописи. При изложении псковских событий Н. М. Карамзин, как говорилось выше, несомненно обращался к той псковской летописи, которая в современной науке получила название Псковской Второй летописи — своду 1486 г. Кроме того, в его распоряжении был список, содержав-

ший тексты из псковского свода 1547 г.[79], а также список Псковской Третьей летописи[80] — свода 1567 г.

Другие нарративные источники использовались историографом для характеристики или иллюстрации отдельных эпизодов. Сказание о Мамаевом побоище и Житие Сергия Радонежского — для описания Куликовской битвы[81], Хождение митрополита Пимена в Царьград (из Никоновской летописи) — для указания пути, которым русские люди XIV в. достигали Константинополя[82], послания церковных иерархов — для характеристики ереси стригольников в Новгороде и Пскове и т. д.

Что касается документального материала, в основе своей более точного и достоверного, чем подверженные политическим и сословным пристрастиям произведения средневековых летописателей, то он был разработан Н. М. Карамзиным значительно хуже. Н. М. Карамзин успешно вводил его в научный оборот, но подробный анализ оставлял на будущее, уже потомкам. Комментарий же самого Н. М. Карамзина к отдельным грамотам не всегда был на высоте. Так, анализируя договор 1389 г. между Дмитрием Донским и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским, историограф отметил, что Владимир признает в этом соглашении Дмитрия отцом, его старшего сына Василия — старшим братом, Юрия Дмитриевича — равным себе, а младших племянников — младшими братьями. «Сия грамота,— делает вывод Н. М. Карамзин,— наиболее достопамятна тем, что она утверждает новый порядок наследства в великокняжеском достоинстве, отменяя древний, по коему племянники долженствовали уступать оное дяде. Владимир именно признает Василия и братьев его, в случае Димитриевой смерти, законными наследниками великого княжения»[84]. Но если обратиться к завещаниям московских великих князей, то легко обнаружить, что никто из них не передавал великокняжеский стол братьям, побочной линии. Принцип прямого наследования московского великокняжеского стола торжествовал по меньшей мере с 30-х годов XIV в., т. е. с первых московских, дошедших до нашего времени духовных грамот Ивана Калиты. Поэтому отраженная в договоре 1389 г. субординация двух линий московской княжеской династии вовсе не была новостью. К тому же текст соглашения между теми же Дмитрием Ивановичем и Владимиром

Андреевичем, заключенного гораздо раньше, в 70-е годы XIV в., содержал аналогичную статью (ее текст сохранился неполностью из-за механических утрат): «...ис твоих большии, того ми держати братом старѣишим и служи...»[85]. Несмотря на дефектность статьи, можно безошибочно утверждать, что речь в ней шла о признании Владимиром Андреевичем старшего сына Дмитрия своим старшим братом и обязательстве служить ему. Формулировки договора 1389 г. только повторили, может быть, с некоторыми нюансами, основные положения более старого докончания, составленного двоюродными братьями. В то же время Н. М. Карамзин прошел мимо действительно новых и весьма существенных установлений другого документа того же 1389 г. Речь идет о второй духовной грамоте Дмитрия Донского, согласно которой, если кто-то из его сыновей-наследников умирал, его удел должен быть разделен между братьями, но если умирал сын—великий князь, обладатель Москвы и великого княжения Владимирского, его великокняжеские владения не делились, а должны были целиком передаваться следующему по старшинству сыну Донского[86]. С. М. Соловьев, первым обративший внимание на эти положения завещания Дмитрия Ивановича, был совершенно прав, когда расценил передачу великого княжения Владимирского в качестве отчины Дмитрия его старшему сыну Василию как неслыханную прежде новость[87]. Вместе с тем нераздельность великокняжеских земель и делимость земель удельных князей были еще одним нововведением, существенно укреплявшим структуру великокняжеской власти в сильно разросшемся при Дмитрии Донском Московском княжестве. Но эти моменты оказались Н. М. Карамзиным неоцененными. В то же время при изложении событий 1431—1432 гг., связанных с соперничеством в Орде юного московского великого князя Василия Васильевича и его дяди, второго сына Дмитрия Донского Юрия, Н. М. Карамзин, расценивая притязания Юрия Дмитриевича на великокняжеский престол, обосновывавшего свои права ссылкой на завещание отца 1389 г., согласно которому в случае смерти великого князя — преемника Донского ему должен наследовать старший из оставшихся братьев, совершенно резонно указал на то, что положение духовной грамоты 1389 г. было применимо «в таком единственном случае, когда

бы Василий не оставил сыновей, и притом в завещании нет имени Юрьева, а сказано только: «кто будет под тем (Василием), ино тому сыну моему княжь Васильев удел»[88]. Интересно отметить, что искусственность юридических домогательств князя Юрия Дмитриевича, пытавшегося использовать завещание своего отца в борьбе за великое княжение, определена в «Истории государства Российского» точнее и тоньше, чем в трудах историков последующего времени[89]. По-видимому, необычность ситуации 1431—1432 гг. вызвала повышенное внимание Н. М. Карамзина, и его недюжинный ум дал лаконичное и четкое пояснение правовых оснований требований князя Юрия. Однако в других случаях интерес Н. М. Карамзина к точному анализу содержания духовных и договорных грамот в столь полной мере не проявлялся. Имея в своем распоряжении около двух с половиной десятков соглашений Василия Темного с участниками феодальной войны 30—50-х годов XV в. (Юрием Дмитриевичем и его сыновьями Василием Косым, Дмитрием Шемякой, Дмитрием Красным; двоюродными братьями Иваном и Михаилом Андреевичами; Василием Ярославичем Боровским), Н. М. Карамзин уклонился от их тщательного анализа, тем самым резко сузив возможности оценить позиции сторон, их непосредственные интересы, территориальные и иные притязания на разных стадиях длительной и переменчивой борьбы за высшую власть в Московском княжестве[90].

Выше уже отмечалось, что Н. М. Карамзину принадлежит заслуга открытия Двинской жалованной уставной грамоты 1397 г. и текста соглашения, заключенного великим князем Василием Васильевичем с Новгородом Великим в Яжелбицах в 1456 г. Первый из названных документов является важным источником, свидетельствующим как о попытке отторжения от Новгородской республики московским правительством в 1397 г. обширной и богатой Двинской (Заволочской) земли, так и о системе московского управления, льготах и обязанностях жителей этой территории. Н. М. Карамзин описал московско-новгородский конфликт 1397—1398 гг. из-за Двинской земли, закончившийся ее возвращением Новгороду, но текст Двинской грамоты в данном месте своего труда не использовал. К грамоте он обратился только в конце второй главы рассматриваемого тома как образцу древ-

него российского законодательства, впервые после XI в. оформленного в виде особого памятника. Однако непосредственное политическое и историческое значение грамоты Н. М. Карамзиным оценено не было, приемы московской централизаторской политики по отношению к Новгороду не получили должного раскрытия.

К Яжелбицкому договору 1456 г. Н. М. Карамзин отнесся более внимательно. Его условия он привел в соответствующем месте при описании переговоров новгородского посольства с великим князем Василием Васильевичем в Яжелбицах. Из всех условий мирного соглашения Н. М. Карамзин привел пять, причем надо отдать должное проницательности историографа, включившего в это число три действительно совершенно новых, не встречавшихся ранее в договорных грамотах Новгорода Великого с князьями требования, выдвинутых московской стороной и порожденных политической обстановкой 50-х годов XV в.[91].

Тем не менее другие достаточно характерные детали договорной грамоты прошли мимо внимания Н. М. Карамзина[92], как и общее построение этого документа, концентрированно подчеркнувшего права московской великокняжеской власти в Новгородской республике.

Если обобщить отношение Н. М. Карамзина к документальным источникам, продемонстрированное им в пятом томе своей «Истории», то вывод будет довольно очевидным. Это преимущественно накопление и первые, вслед за М. М. Щербатовым, шаги в научном освоении документального материала. Отдельные, иногда весьма меткие и прозорливые наблюдения не превратились еще у Н. М. Карамзина в систематическое и обстоятельное сравнение между собой завещательных княжеских распоряжений, договоров князей друг с другом и Новгородом Великим. Это было сделано через несколько десятилетий С. М. Соловьевым. Его анализ духовных и договорных грамот русских князей XIV—XV вв. положил начало вскрытию таких закономерностей русского исторического процесса, которых Н. М. Карамзин касался мельком или случайно.

Однако главная особенность описываемого в пятом томе «Истории государства Российского» периода была Н. М. Карамзину совершенно ясна. Четвертая глава тома, подводившая итог деятельности трех московских великих

князей, Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича и Василия Темного, начиналась словами: «Наконец, мы видим пред собою цель долговременных усилий Москвы: свержение ига, свободу отечества». Справедливости ради надо сказать, что свержение ига произошло не в XIV в., не в первой половине следующего столетия и не в 1462 г., которым заканчивается пятый том. Оно произошло в 1480 г., и описано Н. М. Карамзиным уже в следующем, шестом томе своего труда. Начальная фраза итоговой главы пятого тома опередила рассказ о «стоянии на Угре», но Н. М. Карамзин совершенно прав, фиксируя внимание читателей на главной особенности описываемых им XIV и XV веков: существовании иноземного господства, борьбе с ним и избавлении от него. Этот крупнейший фактор русского исторического развития, до сих пор плохо понимаемый и нечетко оцениваемый, то ли в силу увлеченности изучением междукняжеских отношений, других внутренних процессов, в силу ли недостаточности знаний о формах и проявлениях чужеземной власти в русских землях XIV—XV вв., в силу ли определенных национальных и политических амбиций, был, и по справедливости, объектом пристального внимания Н. М. Карамзина. Современник победоносных наполеоновских войн, Н. М. Карамзин как никто из крупных отечественных историков последующего времени понимал, что такое для народов иноземное завоевание. И это свое понимание он распространял на русскую историю XIV—XV столетий, внимательно фиксируя все проявления ордыно-русских отношений.

Описывая княжение Дмитрия Донского, он отметил объединение в 1370 г. Орды Мамаем[93]; поездку в Орду в 1371 г. московского великого князя, избиение крупного ордынского посольства в Нижнем Новгороде в 1374 г. и нападение Мамая на нижегородские земли в 1375 г.; поход русских князей на подчинявшийся Мамаю Булгар; описал сражения с монголо-татарами на р. Пьяне в 1377 г., на р. Воже в 1378 г., Куликовскую битву 1380 г.; захват и разорение Москвы Тохтамышем в 1382 г.; отправление в 1383 г. в Орду, по сути дела, в качестве заложника старшего сына Дмитрия Донского Василия; тяжелую ордынскую дань 1384 г.[94] Во второй главе он отметил продолжавшуюся традицию возведения великого князя на престол специальным ордынским послом, что

подчеркивало верховенство ханской власти в русских землях; поездки в 1392 и 1412 гг. в Орду великого князя Василия Дмитриевича; нападение Тамерлана на южные русские земли в 1395 г.; битву на р. Ворскле в 1399 г.; походы воевод Василия Дмитриевича на ордынские владения на средней Волге в 90-е годы XIV в.; нашествие Едигея в 1408 г.; попытки восстановления татарами самостоятельного Нижегородского княжества в 1411 и 1412 гг.; нападения различных ордынских ханов на зависимые от Литвы и Москвы южнорусские центры в 10—20-е годы XV в.[95] Историограф приходил к выводу о возобновлении с 1412 г. Василием Дмитриевичем уплаты дани Орде[96]. Характеризуя правление Василия Темного, Н. М. Карамзин привел данные о договоренности в 1425 г. этого князя с дядей Юрием искать великого княжения «царем», т. е. по решению ордынского хана; о нападении татар в 1429 г. на Галич, Кострому, Плесо и Лух; о посажении Василия Васильевича на великокняжеский стол в 1432 г. ордынским послом царевичем Уланом; о намерении великого князя Василия в 1434 г. искать спасения от своих политических соперников в Орде; о крупном поражении воевод Василия под Белевом в 1437 г.; о нападении в 1443 г. на Рязань царевича Мустафы; о борьбе с ханом Улуг-Мухаммедом и его сыновьями, суздальском бое 1445 г. и пленении великого князя Василия; об осаде Москвы в 1451 г. царевичем Мазовшей; о столкновениях с Ордой и Казанью в 50-е годы XV в.[97]

Из всех этих событий наиболее пристальное внимание Н. М. Карамзин уделил Куликовской битве, которая с его легкой руки и стала так называться. До этого сражение с Мамаем в 1380 г. определялось как Донское побоище. В цепи московско-ордынских, да и вообще русско-ордынских отношений это было самое значительное и масштабное событие XIV—XV вв. Куликовская битва была хорошо известна современникам Н. М. Карамзина. Ее пространное описание, составившее одну двенадцатую часть всей IX книги «Истории Российской», дал М. М. Щербатов[98]. В XVIII в. много раз издавался Синопсис, содержавший обширное повествование о битве, а в царствование Екатерины II и Александра I неоднократно печатались для народа лубочные картинки с изображением сражения и текстом к нему. Подробным рас-

сказом о победе над Мамаем Н. М. Карамзин отдал дань и традиции своего времени, и любопытству своих читателей. Нужно сказать, что в основу своего описания Куликовской битвы Н. М. Карамзин положил не древнейший, имевшийся в его распоряжении рассказ Троицкой летописи, который был краток, сух, не изобиловал увлекательными подробностями и деталями, а статью 1380 г. Ростовской летописи. В основе последней лежит несколько сокращенный пересказ того, что Н. М. Карамзин мог найти в имевшихся у него Голицынском списке Новгородской IV летописи и списке Софийской I летописи старшего извода, позднее получившем название Карамзинского. Оба рассказа названных сводов восходили к переработке 1423 г., где за счет литературных вставок и некоторых дополнений из других источников был распространен текст, читавшийся в Троицкой летописи[99]. Из Ростовской летописи Н. М. Карамзин заимствовал сведения о присутствии в составе Мамаева войска буртасов (буртанов) и армян, но не включал названных той же летописью поляков[100], поскольку указание на них выдавало позднейшее редактирование летописного рассказа, имевшего место после 1385 г., когда произошло объединение Литвы и Польши. На основании той же Ростовской летописи Н. М. Карамзин писал о рязанском послe Епифане Корееве; об извещении Олегом Рязанским Москвы о походе Мамая; о переходе русским войском Оки 26—27 августа; об остановке у Дона 6—7 сентября и переправе через него 7—8 сентября; поместил перечень воевод передового, большого полков, полков правой и левой руки и засадного[101]; упомянул о том, что битва шла на 10 верстах и т. д. Однако основная масса фактов была почерпнута Н. М. Карамзиным из Синодальной рукописи № 365[102]. Теперь когда-то читавшаяся знаменитым историком рукопись имеет номер 485[103]. Это известный Синодальный список середины XVI в. Вологодско-Пермской летописи, где летописная повесть о Донском побоище того же типа, что и в Ростовской летописи, была заменена произведением начала XVI в.— Сказанием о Мамаевом побоище[104]. Последнее было использовано и составителями Никоновской летописи, но с добавлением собственных комментариев и измышлений. Они были настолько очевидны, что вызвали критику историографа, отказавшегося от привлечения Никоновской летописи[105].

Назвав Сказание «баснословной повестью», Н. М. Карамзин тем не менее из Синодального списка № 365 заимствовал очень много деталей: о сговоре рязанского князя Олега с Мамаем и литовским великим князем Ягайло; об их договоренности в начале сентября быть уже на берегах Оки; о составе ратей Дмитрия Московского; о смотре войск на Девичьем поле у Коломны и благословении Дмитрия коломенским епископом Герасимом; о засадном полке и его вступлении в битву; о поисках после победы контуженного Дмитрия; об убитом Пересвете и т. д. Самое же главное заключалось, к сожалению, в том, что вместе с фактами, которые ему казались достоверными, Н. М. Карамзин внес из этого памятника XVI в. в свою «Историю» объяснения замыслов Мамая, целей его похода на русские княжества в 1380 г., планов рязанского и литовского великих князей относительно территориального раздела владений их врага Дмитрия. Между тем мотивация действий противников Москвы в 1380 г. принадлежала человеку XVI в., приписавшего собственные представления деятелям XIV в. Оценке же битвы младшими современниками Дмитрия Донского — составителями Троицкой летописи 1408 г. Н. М. Карамзин значения не придал. Зато оценить Донское побоище в цепи предыдущих и последующих событий русской истории Н. М. Карамзин сумел, думается, более взвешенно и объективно, чем многие более поздние историки. Дмитрий Донской, дерзнувший на прямое военное противодействие Орде, «не приобрел,— по словам Н. М. Карамзина,— почти ничего, кроме славы»[106]. В шестом томе «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин пояснил, почему «почти ничего»: «Великодушный Димитрий победил Мамая, но видел пепел столицы и раболепствовал Тохтамышу». Действительно, взятие через два года после победы на Куликовом поле пришедшим из-за Волги со свежими силами новым ордынским ханом Тохтамышем Москвы, Переяславля, Коломны, опустошение окрестностей Владимира, Можайска, Звенигорода, Юрьева восстановили иноземную власть над русскими землями[107]. От политической и даннической зависимости от Орды они смогли освободиться только через 98 лет. Но победа на Куликовом поле стала служить вдохновляющим примером успешной борьбы против чужеземного засилья, слава Дмитрия возбуждала ревнителей,

иго не казалось непреходящим и вечным, имело смысл для избавления от него копить силы и выжидать время.

Собирание сил раздробленной Руси зависело от укрепления централизующей власти, упрочения ее структур. Н. М. Карамзин отчетливо видит распространение вширь власти московских князей. Он пишет о том, как при Дмитрии Донском окончательно присоединяются к Москве Белоозеро, Галич и Углич, покупается Мещера, подчиняются ярославские князья; что при его сыне Василии происходит присоединение Нижнего Новгорода, Суздаля, Мурома, Тарусы, Новосиля, Козельска, Перемышля, Бежецкого Верха и Вологды; при Василии Темном великокняжеские владения прирастают за счет уделов московских князей других линий — Галича, Можайска, Боровска, кроме них — Вятки[108]. Приведенные конкретные указания Н. М. Карамзина не вполне точны, но важно обратить внимание на суть отмечаемого им явления, представляющего собой еще одну (помимо ордынского ига) существенную особенность развития русских земель в XIV—XV вв.: растущую мощь московского великого князя. Правда, отмечая этот рост, Н. М. Карамзин исходил из представлений, будто московский князь, занимая владимирский великокняжеский стол, возглавлял единое государство, лишь разграничивавшееся на уделы, правители которых мечтали о независимости, но так ее и не имели[109]. При таком понимании эпохи XIV—XV вв. возникал ряд вопросов: была ли разница между уделами «дальних свойственников» (по выражению Н. М. Карамзина), т. е. потомков Всеволода Большое Гнездо, и уделами, например, членов московского княжеского дома — потомков Ивана Калиты; какие обязанности нес удельный князь по отношению к великому и какими правами обладал последний по отношению к владельцу удела; чем регулировались эти права и обязанности, обычаем ли, законом ли, двусторонними соглашениями и т. д. Ответ на эти вопросы можно было получить, лишь скрупулезно изучив княжеские духовные и договорные грамоты. Такую работу Н. М. Карамзин оставлял последующим историкам. А когда она была проделана, выяснилось, что единого Русского государства в XIV—XV вв. не было, в начале княжения Дмитрия Донского было около десятка княжеств, возглавлявшихся дальними отпрысками Всеволода Большое Гнездо, а, кроме того, еще

княжества Смоленское, Рязанское, многочисленные мелкие княжества по верхней Оке, которые принадлежали совсем иным ветвям древнего Рюрикова рода и никогда не были объектами владений владимиро-суздальских Всеволодовичей. К тому же в каждом княжестве, кроме самых малых, существовали свои уделы, которыми обладали представители местных княжеских линий. Княжества были суверенны по отношению друг к другу, вместе они подчинялись только Орде. Суть развития межкняжеских отношений на русском Северо-Востоке в XIV—XV вв. заключалась в возвышении одной княжеской династии среди других, именно московской, и параллельно с этим процессом — в усилении внутри династии власти одного только великого князя, превращавшегося в единовластца, а затем и в самодержца. Этот сложный процесс не был изучен Н. М. Карамзиным, но по мере продвижения «Истории» от времен Дмитрия Донского к эпохе Ивана III, первого «государя всея Руси», Н. М. Карамзин, встречаясь со всевозрастающим числом княжеских завещаний и междукняжеских договоров и знакомясь с ними, вынужден был делать частные выводы, расходившиеся с его общими воззрениями на русскую историю XIV—XV вв. Если в начале пятого тома, рассказывая об изгнании из Владимира в 1363 г. московским правительством «удельного» князя Дмитрия Суздальского, Н. М. Карамзин утверждал, будто Дмитрий сохранил за собой Суздаль как присяжник Москвы, что согнанные московской силой со своих столов князья Галича, Стародуба и Ростова неохотно, но повиновались Москве, отъехав, по мнению историографа, в другие города, контролировавшиеся московским великим князем, то во второй главе пятого тома он писал уже о «важных государственных переговорах» между литовским великим князем Витовтом и тверским великим князем Михаилом Александровичем, тем самым косвенно признавая Тверское княжество самостоятельным, не зависевшим от Москвы государством, правитель которого мог без санкций с чьей-то стороны вести переговоры с правителем другого государства [110]; о независимости Тверского княжества он писал, рассказывая и о событиях 1408 г. [111] Характеризуя московско-рязанские отношения 50-х годов XV в., Н. М. Карамзин вынужден был признать, что Рязанское княжество было независимо [112], и т. д. Не став основанием для пересмотра

объяснения характера политических взаимоотношений различных русских княжеств XIV—XV вв., подобные заключения Н. М. Карамзина, сделанные скорее в форме обмолвок, а не в виде останавливающих внимание читателей выводов, тем не менее свидельствуют о его колебаниях в оценке путей эволюции княжеской власти на Руси.

Что же служило причиной изменения этой власти? На поставленный вопрос Н. М. Карамзин отвечал вполне определенно и обезоруживающе просто: личные качества правителя. По мнению Н. М. Карамзина, князья — современники тринадцатилетнего Дмитрия Московского были изумлены «решительною волею отрока господствовать единодержавно», а потому повиновались ему[113]. «Осторожность» и «правила умеренности» позволили Василию Дмитриевичу «усилить великое княжение присоединением к оному уделов независимых»[114]. Но вот историк приступает к описанию правления Василия II, когда четвертьвековая борьба уже не с другими княжествами, как это было при Донском и Василии I, а внутри самой московской династии за верховную власть меняет на московском столе четырех разных князей, которые обладали и властолюбием, и решительностью, и даже соблюдали «правила умеренности» в некоторых эпизодах жестокой схватки. Но трем из них эти качества не помогли. Что же помогло четвертому, Василию Темному? Ведь он, по словам Н. М. Карамзина, «начал худо; не умел повелевать, как отец и дед его повелевали; терял честь и державу...», был малодушным, жестокосердным и свирепым[115]. Отвечая на поставленный вопрос, историограф приходил к мысли, что не личные качества были причиной удержания Василием Темным великокняжеского стола за собою, а «провидение, обстоятельства и верность народная...»[116]. Стечение обстоятельств, действительно, вещь немаловажная, но если в 1432—1446 гг. московский великокняжеский стол занимали Василий Васильевич, Юрий Дмитриевич, его два сына, то станет ясным, что обстоятельства благоволили к каждому претенденту, на троне же закрепился только один. Больше смысла в «верности народной», но как только читатель «Истории государства Российского» знакомится с теми лицами, которые поддержали Василия Васильевича в 1433 и 1446 гг., то выясняется, что это в основном служившие великому

князю бояре и князья[117]. Очерчивается, таким образом, социальная среда, опираясь на которую великий князь Василий Васильевич мог успешно противостоять своим соперникам. По мнению Н. М. Карамзина, «народ» стоял за Василия Темного потому, что осознавал незаконность притязаний на верховную власть боковой линии московских князей — Юрия Дмитриевича и его сыновей. В понимании законности Н. М. Карамзин строго следовал той теории «дединости и отчинности», которая была выработана политиками русского средневековья и которая легла в обоснование прав и деяний московских князей XIV—XV вв., изложенного в центральных летописных сводах конца XV—XVI вв. Эта теория во многом согласовывалась с принципами легитимности, хорошо известными Н. М. Карамзину по трактатам XVIII в. Принципы эти историограф считал основополагающими и усматривал их проявление в действиях московского «народа» XV в. Иные причины поддержки боярством великокняжеской власти остались скрытыми для Н. М. Карамзина. А между тем именно от этой власти зависело материальное благосостояние боярства и других людей двора великого князя, получавших богатые кормления, села в держание и самые боярщины. Вотчинная система, начавшая распространяться со времен Дмитрия Донского, привела к образованию социального слоя, непосредственно зависевшего от верховного правителя. В конечном итоге поддержка этого слоя, заинтересованного в сохранении условий собственного существования, и способствовала торжеству Василия Темного.

Другой его опорой была церковь. И не только как организация, жаждавшая увеличения своих доходов и земельных владений, но и как носительница определенной идеологии, стоящая на страже ряда принципов и норм. Н. М. Карамзин помещает в основном тексте своей «Истории» обширный пересказ Послания 1447 г. русских святителей Дмитрию Шемяке, содержавшего укоры и советы этому князю и оправдывавшего линию поведения великого князя[118]. Однако русская митрополия не была равноправным партнером великокняжеской власти. Н. М. Карамзин неоднократно обращал внимание своих читателей на определяющую роль высшей светской власти в церковных делах. Рассказывая об аресте в 1381 г. людьми Дмитрия Донского митрополита Пимена, без

согласования с великим князем добившегося этого сана в Константинополе, Н. М. Карамзин прямо писал о том, что «власть княжеская первенствовала у нас в делах церковных»[119]. Касаясь поставления в 1385 г. в русские митрополиты Дионисия, Н. М. Карамзин справедливо заключал, что «все делалось по воле государя»[120], а не по воле церковных иерархов. Подводя итог деятельности митрополита Киприана, которому удалось в 90-х годах XIV в. соединить под своей властью и восточные, и западные епархии русской митрополии, Н. М. Карамзин указывал на то, что Киприан всегда действовал «согласно с пользою или волею государственных властителей»[121]. Наконец, раскол русской митрополии в 1448 г., когда восточные епархии окончательно отделились от западных и в Москве собором ряда епископов на митрополичью кафедру был избран Иона, Н. М. Карамзин расценил как важное государственное дело, поскольку собственный митрополит «служил великому князю главным орудием в обуздании других князей»[122]. Таким образом, на протяжении XIV—XV вв. церковь превращалась в опору московской великокняжеской власти, и опору зависимую и послушную. Обнаруженные уже во второй половине XIX в. документы из архива Константинопольского патриархата, касающиеся митрополии всея Руси, подтвердили оценку политической эволюции русской церкви, данную Н. М. Карамзиным[123].

Достаточно длительное, но неуклонное возрастание властных функций московских великих князей касалось не только собственно Московского княжества, но и других русских княжеств и церкви. В XIV в. и особенно в XV в. оно распространилось и на такие государственные образования, политический строй которых отличался от московского. Речь идет о Новгороде и Пскове. Республиканское устройство Новгорода, благодаря лучше сохранившимся источникам и видимое более отчетливо, чем подобное устройство Пскова, вызывало неприятие Н. М. Карамзина. Он не упускал случая подчеркнуть слабость правительственных структур Новгорода, не умевших исключить своеволия новгородских жителей: действия новгородских ушкуйников по Волге в 60-е годы XIV в. имели место «без всякого сношения с правительством»[124], между тем правительству пришлось за эти действия позднее отвечать; нападения на Новгород

вызывали растерянность властей, страх и разброд среди новгородцев[125]. «Новгород, волнуемый внутри, угрожаемый извне, не имел ни твердого правления, ни ясной политической системы»,— подчеркивал Н. М. Карамзин[126]. Одну из основных причин падения Новгорода он видел «в его нетвердой системе политической»[127]. Предубежденность против республиканского строя и уверенность, что «самодержавие — палладиум России», не позволили Н. М. Карамзину объективно оценить историю Новгородской «державы особенной», «народной державы»[128]. Нескончаемые споры в течение почти полутора столетий в русской исторической науке и публицистике о характере политической власти в Новгороде уже в наше время привели к бесспорному заключению о феодальной сущности этой власти, созданной не народом, а господствующим классом и действовавшей в интересах этого класса[129]. Но новгородские формы правления действительно отличались от московских. Впрочем, не только московских, но и тверских, нижегородских, ростовских, белозерских и т. д. Если республиканский строй в Новгороде был так слаб, как это пытался доказать Н. М. Карамзин, то как же он мог просуществовать в течение нескольких столетий? И причины подпадения Новгорода под власть московских князей нельзя усматривать в органических недостатках его политической системы, исторической обреченности ее существования. Московские князья сумели завладеть многими княжествами, где политическое устройство ничем не отличалось от московского. Значит ли это, что сам тип государственного строя Нижегородского, Ростовского, Ярославского, Тверского княжеств также был обречен? Н. М. Карамзин не ставил подобных вопросов и не давал ответа на них. Приведенный же им в пятом томе «Истории государства Российского» конкретный материал наводил на размышления совсем иного рода. История Новгородской феодальной республики не знала, например, столь длительной, ожесточенной и изнурительной внутренней борьбы, какая развернулась в Московском княжестве в 30—50-е годы XV в.; тех закрепостительных тенденций, которые несло с собой подымающееся самодержавие; наконец, опасность превращения монарха в неуправляемого тирана, что случалось уже в XVI в. Иронично-неприязненное отношение Н. М. Карамзина к формам новгородского республикан-

ского правления вызывалось его общими воззрениями, политическими симпатиями и антипатиями, но не объективностью исследователя прошлого.

Пристрастия Н. М. Карамзина, правда, уже иного плана, видим и в других разделах пятого тома. Заметно, что Н. М. Карамзин тяготится блеклым летописным рассказом о событиях, лапидарной записью об исторически, может быть, и важном происшествии, отвлеченными юридическими формулировками международных договоров и княжеских завещательных распоряжений. Но в нем немедленно просыпается интерес, когда он сталкивается с подробным повествованием о поведении, мыслях и переживаниях людей прошлого или когда событие было запечатлено во многих источниках, сопоставление которых могло дать неоценимый материал для красочного описания людских действий и намерений. В таких случаях писатель берет в Н. М. Карамзине верх над ученым. Поэтому на страницах пятого тома появляется подробный рассказ о кончине в 1441 г. младшего брата Дмитрия Шемяки Дмитрия Красного, который длительное время болел, был принят за усопшего, оплакан, но ночью вдруг пришел в себя, начал петь стихиры и скончался только на четвертый день после своей мнимой смерти[130]. Эпизод исторически ничтожен, но историограф уделил ему внимание для показа человеческих переживаний.

Затронувший некоторые русские приграничные земли поход 1395 г. Тамерлана на хана Тохтамыша побуждает Н. М. Карамзина рассказать историю железного хромца, на основе восточных и западных источников описать его завоевания, привести мелкие подробности его поведения, процитировать некоторые высказывания[131], хотя к собственно истории государства Российского все это не имело отношения.

Богатые свидетельства о Флорентийском соборе 1437 г. (точнее, о Ферраро-Флорентийском соборе, открывшемся осенью 1438 г. в г. Ферраре, а затем перенесенном во Флоренцию и завершившемся летом 1439 г.), где было провозглашено единство западной и восточной христианских церквей и где присутствовала представительная делегация русской церкви во главе с митрополитом Исидором, позволили Н. М. Карамзину дать живой и подробный рассказ об этом событии[132]. Используя до-

кументы Ливонского ордена, он проследил маршрут Исидора из Москвы в Италию, через Новгород и Псков попавшего к прибалтийским немцам, далее на кораблях доплывшего до Любека, а затем через немецкие земли достигшего, наконец, Италии[133]. Атмосфера религиозных споров делегаций православного духовенства во главе с византийским императором Иоанном Палеологом, зятем московского великого князя Василия Дмитриевича, и духовенства католического во главе с папой Евгением IV увлекательно передана Н. М. Карамзиным, сумевшим за теоретической полемикой об исхождении святого духа, чистилище, просфорах из кислого теста, верховенстве в церковной организации увидеть непосредственные интересы сторон и лиц и дать по сути дела картину политического состояния Европы накануне взятия турками Константинополя в 1453 г. Острота исторических коллизий воодушевляла Н. М. Карамзина, и страницы, посвященные этим коллизиям, написаны им наиболее талантливо и ярко.

Талант Н. М. Карамзина как писателя сказывался и в обрисовке человеческих характеров. В отличие от ученых, которые позволяют себе давать оценки личностным качествам того или иного деятеля прошлого, но только после анализа поступков этого лица, Н. М. Карамзин приводил такие характеристики заранее, оставляя на потом их обоснование. Так, уже с первых страниц пятого тома малолетний Дмитрий, будущий победитель Куликовской битвы, рисуется волевым, решительным, мудрым и справедливым. Но с такой характеристикой никак не согласуется вероломный арест им в 1368 г. тверского великого князя Михаила Александровича. Н. М. Карамзин этого факта не скрывает и осуждает московского князя[134]. Характеристика последнего становится неодномерной, противоречивой, фигура московского правителя получает объемность, читателю «Истории» легче следить за его действиями и самому оценивать их. При этом забывается, что исходные черты характера Дмитрия были приписаны ему Н. М. Карамзиным a priori, действительные же можно вскрыть лишь после анализа его деяний. Тем не менее такой писательский прием Н. М. Карамзина возбуждал большой интерес к его «Истории», в определенной степени помогал ее лучшему усвоению.

Этому способствовал и сам стиль труда Н. М. Карамзина. Конечно, у современного читателя налет сентиментализма в речевом строе «Истории» вызывает известную досаду и неприятие, но написанное Н. М. Карамзиным вполне понятно и для нынешнего человека, а написанное его предшественниками, историками XVIII в. требует больших усилий для восприятия. Новое по сравнению с эпохой детства и юности Н. М. Карамзина литературное оформление исторического труда — большое достижение историографа, а такие лаконичные фразы, как князь великий «искал защиты в слезах»[135] (речь идет о пленении великого князя Василия Васильевича занявшим Москву его дядей Юрием Дмитриевичем в 1433 г., летопись действительно сообщает о том, что Василий клялся в верности Юрию «со слезами и съ плачемъ», сохраняя этим свою жизнь)[136], наверное, и сегодня могут служить образцом точной и емкой передачи свидетельства источника.

Литературная отделка тома свидетельствует о большой требовательности, с которой относился Н. М. Карамзин к своему труду. Но иногда внимание изменяло ему, и он допускал досадные неточности. Так, несмотря на очевидное указание летописей о нападении Мамая на Рязань в 1373 г., Н. М. Карамзин отрицал достоверность этого известия[137]. Летописный рассказ 1425 г. о посольстве митрополита Фотия ко князю Юрию Дмитриевичу в Галич, где говорилось о большом количестве людей, собранных князем для встречи митрополита, и об обиде митрополита по этому случаю, Н. М. Карамзин истолковывал как неуместное бахвальство Юрия военной силой[138]. Но обида Фотия была вызвана иным. Люди галичского князя были одеты в сермяги из овечьей шерсти, хотя дело происходило в конце июня. Митрополит воспринял это как насмешку над собой, пастырем словесных овец. Описывая случившееся 1 октября 1445 г. в Москве землетрясение, Н. М. Карамзин почему-то упомянул Красную площадь[139], хотя последняя образовалась после московского пожара 1626 г., и т. п. Эти и другие мелкие недочеты, конечно, снижают качество труда Н. М. Карамзина, но следует иметь в виду, что XIV—XV вв., о которых рассказывал Н. М. Карамзин в пятом томе своей «Истории», весьма сложны для изучения. Многие события представляются случайными,

многие процессы не видны. Недаром сам Н. М. Карамзин испытывал скованность при описании всей древнейшей истории «государства Российского». «Знаю,— писал он,— что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца...» [140]. Вся эта эпоха являла собой, по словам Н. М. Карамзина, «темную картину» [141]. Пятым томом историограф подводил итог этому «темному» периоду. «Доселе я только хитрил и мудрил, выпутываясь из трудностей. Вижу за собой песчаную степь африканскую...»,— признавался он, заканчивая описание княжения Василия II [142]. Его ждала эпоха Ивана III, более ясная, более определенная, более понятная. Шестой том «Истории государства Российского» был написан за год.

[1] *Афиани В. Ю., Козлов В. П.* От замысла к изданию «Истории государства Российского» // *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 524.

[2] В начале июня 1808 г. Н. М. Карамзин начал описывать события XIV в. 21 июня 1809 г. он закончил описание времени Дмитрия Донского, т. е. первую главу будущего V тома (см.: *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Ч. II. С. 45, 48). По-видимому, к описанию событий начала 60-х годов XIV в. Н. М. Карамзин смог приступить в конце 1808 – начале 1809 г.

[3] См. примеч. 3, 29, 35, 36, 86, 115, 116, 135. Ссылки сделаны на второе издание Древней российской вифлиофики 1788 г.

[4] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 139, 210, 224, 273—277, 282, 290, 331, 336, 337, 345, 348, 349, 363, 368, 371, 372, 392, 424 и др.

[5] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813 (далее: СГГиД). Ч. I, № 48; 84—85; 80—81. Ср.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950 (далее: ДДГ). № 58. С. 181 (текст первой выдержки Н. М. Карамзина); № 33. С. 86 (текст второй выдержки); № 52. С. 157 (текст третьей выдержки).

[6] *Бантыш-Каменский В. Н.* Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменского. М., 1818. С. 41. Если под «ста листами» разуметь первые 100 страниц, то в 1812 г. были отпечатаны первые 48 грамот «Собрания», до договора 1433 г.

[7] *Афиани В. Ю., Козлов В. П.* Указ. соч. С. 528.

[8] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 1, 70, 329 и мн. др. Для характеристики событий XIV—XV вв. были использованы: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1788. Ч. IV; 1789. Ч. V.

[9] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 71, 98, 196, 270, 377,

и мн. др. Ср.: Летописец, содержащий в себе российскую историю от $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$ года. М., 1781.

[10] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 143, 286, 399 и др. Ср.: Книга Степенная царского родословия. М., 1775. Ч. I—II.

[11] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 40, 287, 289, 322, 354. Ср.: История о Казанском царстве. СПб., 1791.

[12] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 43, 45, 114, 322. Ср.: Кратчайшие о Нижнем Новгороде известия // Древняя российская вифлиофика. 2-е изд. СПб., 1791. Ч. XVIII.

[13] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 2, 10. Ср.: Летописец русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича. СПб., 1792. Ч. I—V.

[14] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 133. Ср.: Руская летопись с Воскресенского списка. СПб., 1793. Ч. I; 1794. Ч. II.

[15] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 378; Ср.: Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790.

[16] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 8, 62, 218 и др. Ср.: Новгородский летописец // Продолжение древней Российской вифлиофики. СПб., 1786. Ч. II (Академический список Новгородской I летописи).

[17] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 4, 60, 96, 144, 251 и мн. др.

[18] Там же. Примеч. 2, 4, 106—133, 367 и мн. др.

[19] Там же. Примеч. 65, 74, 81 и др.

[20] Там же. Примеч. 308, 309, 311, 329, 346.

[21] Там же. Примеч. 136.

[22] Там же. Примеч. 114.

[23] Там же. Примеч. 191, 193.

[24] Там же. Примеч. 114.

[25] Там же. Примеч. 223, 292 и др. Ср.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 9—10.

[26] *Карамзин М. Н.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 137, 313, 327, 427 и др. Ср.: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. XII–XIV (описание списка); М., 1955. Вып. II. С. 9—69 (текст псковской летописи); *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. № 100. С. 104—105.

[27] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 338.

[28] Там же. Примеч. 232.

[29] Там же. Примеч. 3, 23, 35, 86, 115, 116, 135. Н. М. Карамзин не привлек только второе докончание Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем. Это докончание, сохранившееся в очень дефектном виде, не было напечатано в «Древней российской вифлиофике», но в 1813 г. в «Собрании государственных грамот и договоров» оно было издано (№ 29, с. 49—50). Ср.: ДДГ. № 7. С. 23—24.

[30] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 139, 224, 228, 210, 237, 210, 226. См.: СГГиД. Ч. I, соответственно № 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41. Последнюю духовную грамоту Василия Дмитриевича, напечатанную в СГГиД под № 42, Карамзин во внимание не принимал, считая последним завещанием этого князя грамоту № 41.

В основном тексте своей «Истории» Н. М. Карамзин отметил, что вступившая в действие духовная великого князя Василия «скреплена восковыми печатями, четырьмя боярскими и пятою великокняжескою с изображением всадника» (стб. 128 по изданию И. Эйперлинга). Замечание сделано явно до знакомства с публикацией грамоты в СГГиД, где на с. 82 воспроизведены все пять печатей второго завещания Василия Дмитриевича, причем на трех из них ясно читались имена владельцев, отнюдь не бояр, а братьев Василия князей Андрея, Петра и Константина Дмитриевичей.

[31] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 273—277, 282, 290, 331, 336, 337, 345, 348, 349, 371, 372.

[32] Там же. Примеч. 183, 261, 332. Н. М. Карамзин первым предложил датировку соглашения Василия Дмитриевича с тверским князем Борисом Александровичем — около 1437 г. (примеч. 332). Уточнение датировки см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 124—125. Современный шифр сборника — ГПБ, Q. XVII. 58.

[33] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 402.

[34] Там же. Примеч. 283, 348, 361; ср. также 364.

[35] Там же. Примеч. 26, 244, 404. Современный шифр данной рукописи: ГПБ, Q. IV. 14.

[36] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 404. Относительно этой грамоты Н. М. Карамзин проницательно заметил, что «сия грамота есть только отрывок или прибавление к иным уставам» (с. 212). Действительно, после обнаружения в 1847 г. Н. Н. Мурзакевичем полного списка Псковской судной грамоты оказалось, что найденный Н. М. Карамзиным текст содержит только ее заключительные статьи (с 109 по 120 согласно современной разбивке на статьи этого памятника).

[37] Там же. Примеч. 58.

[38] Там же. Примеч. 233.

[39] Там же. Примеч. 55.

[40] Там же. Примеч. 124, 125, 252, 292, 346, 349, 350, 352, 358, 403. Речь идет о синодальной рукописи № 164 (ныне ГИМ, Синод. 562). Ошибочно высказанное в научной литературе утверждение, что Н. М. Карамзин «впервые указал» на эту рукопись в примечаниях к VI тому. «Истории государства Российского» см.: *Плигузов А. И.* Предисловие к изданию «Русский феодальный архив». М., 1986. Ч. I. С. 9.

[41] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 358.

[42] Там же. Примеч. 120, 165, 199, 275.

[43] Там же. Примеч. 329.

[44] Там же. Примеч. 248.

[45] Там же. Примеч. 153.

[46] Там же. Примеч. 418.

[47] Там же. Примеч. 338. Любопытно отметить, что это раннее определение Шемякина суда прошло мимо внимания исследователей, изучавших «Повесть о Шемякином суде» и затруднявшихся в определении того, что же разумелось в России под «Шемякиным судом». Ср.: Русская демократическая сатира XVII века. М.; Л., 1954. С. 225—227.

[48] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 65, 76.

[49] Там же. Примеч. 383.

[50] Там же. Примеч. 155, 157.

[51] Там же. Примеч. 294, 300, 302.
[52] Там же. Примеч. 65.
[53] Там же. Примеч. 386.
[54] Там же. Примеч. 55, 69. Речь, по-видимому, идет о Житии Сергия, читающегося в Никоновской летописи.
[55] Там же. Примеч. 125. Жития было известно Н. М. Карамзину по печатной Минее четье.
[56] Там же. Примеч. 316 и др.
[57] Там же. Примеч. 150—153, 156, 158, 215 и др.
[58] Там же. Примеч. 293, 294, 299, 300, 305, 307, 310 и др.
[59] Там же. Примеч. 160—164, 215, 264 и др.
[60] Там же. Примеч. 106.
[61] Там же. Примеч. 135.
[62] *Филарет.* Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. Кн. I—II; *Макарий.* История русской церкви. СПб., 1866. Т. V; 1887. Т. VI; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
[63] Эти материалы были опубликованы только к середине 60-х годов нашего столетия. См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНиП); Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951. Ч. I; 1956. Ч. II; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. I; 1958. Т. II; 1964. Т. III.
[64] См. данное издание. С. 175, 176.
[65] *Кучкин В. А., Флоря Б. О.* О докончении Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979.
[66] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 144.
[67] Там же. С. 10, 12—13, 16, 98, 108, 114—115 и примеч. 5, 9, 17, 19, 186, 203, 213.
[68] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.
[69] Это обстоятельство было отмечено еще П. Н. Милюковым применительно к целому ряду публицистических и исторических памятников конца XV—XVI вв. (см.: *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1. С. 192—204).
[70] Троицкая летопись погибла в московском пожаре 1812 г. Поэтому сделанные Н. М. Карамзиным выписки из нее остаются основным источником, позволяющим судить об этом раннем памятнике русского летописания. Обнаружение в конце XIX и начале XX в. Симеоновской летописи и Рогожского летописца дало возможность установить большое сходство с ними утраченной Троицкой летописи. Исследование А. А. Шахматова (Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. // ИОРЯС, 1900. Т. V, кн. 2) показало, что Троицкая летопись представляла собой общерусский митрополичий свод 1408 г., составленный при митрополите Киприане и законченный уже после его смерти. Хотя Троицкая летопись была написана на пергаменте, нет оснований считать, что она представляла собой оригинал свода 1408 г. В статье 1374 г. там было указано, что переехавший в Константинополь игумен серпуховского Высоцкого монастыря Афанасий купил себе келью и дал «1 драфатъ» (*Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 122). В других сводах читается «адрофатъ», т. е. братский, монашеский обет. В Троицкой летописи содержалось явно оши-

бочное чтение, первая буква «а» была принята за цифру («ā»), которую и воспроизвел Н. М. Карамзин – 1. Очевидно, Троицкая летопись не была оригиналом свода 1408 г., а лишь списком с него. Список был сделан после 1416 г., поскольку статья 1405 г. в рассказе о росписи московской кремлевской Благовещенской церкви содержала помету: «не ту, иже нынъ стоитъ», а новая церковь Благовещения после 1405 г. была построена в 1416 г. Редкую в науке и в целом удачную попытку воссоздать текст утраченной Троицкой летописи предпринял известный исследователь русского летописания М. Д. Приселков (см.: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950).

[71] *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904. Кн. I.

[72] *Сербина К. Н.* Устюжское летописание XV—XVIII вв. Л., 1985. С. 3, 5, 13—14, 48—49. Последнее издание памятника — ПСРЛ. Л., 1982. Т. XXXVII.

[73] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI — начала XVII века. М., 1969. С. 346—351; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 185—186, 190—203; *Сербина К. Н.* Указ. соч.

[74] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 223.

[75] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 9—10; *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 176—181, 368.

[76] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 222.

[77] *Шахматов А. А.* Указ. соч. С. 182—188, 367—368.

[78] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 90.

[79] Псковские летописи. Вып. I. С. XIX—XX. Этот свод восходит к Псковской первой летописи, чем и объясняется тот факт, что в выписках Н. М. Карамзина встречаются тексты, совпадающие с этой летописью. Ср.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 329 и Псковские летописи. Вып. I. С. 47. Иной текст — там же. Вып. II. С. 48, 136.

[80] Псковские летописи. Вып. I. С. VII; Вып. II. С. 70—77; 251—290.

[81] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 65, 69.

[82] Там же. Примеч. 128, 130, 133.

[83] Там же. Примеч. 124, 292.

[84] См. данное изд. С. 60.

[85] ДДГ. № 7. С. 24.

[86] Там же. № 12. С. 35.

[87] *Соловьев С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 405.

[88] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 267.

[89] Ср.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. II, т. 3—4. С. 297—298 и примеч. 538, с. 383—384; *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Птг., 1918. С. 389; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 753.

[90] Лучшее исследование этих грамот принадлежит Л. В. Черепнину (см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 100—153).

[91] См. данное издание. С. 190. Ср.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы. Ч. I. С. 363.

[92] В частности, в грамоте, содержавшей московские требования, Новгородская земля была названа Новгородской «вотчиной» (см.: ГВНиП. № 23. С. 42).

[93] См. данное изд. С. 16. Указание Н. М. Карамзина на 1370 г. неточно. К тому же Мамай, неоднократно захватывая Сарай (сам он кочевал в Крыму, причерноморских и приазовских степях), не умел удерживать его за собой в течение длительного времени и вновь терял (см.: *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 197—202).

[94] См. данное изд. С. 18—19, 24—25, 28—32, 37—45, 47—51, 53.

[95] Там же. С. 71, 73—74, 114, 83—85, 95—96, 108—112, 114—115.

[96] Там же. С. 115.

[97] Там же. С. 136, 140, 142, 145, 150, 168—170, 186—187, 193.

[98] *Щербатов М. И.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. IV, ч. I, кн. IX. С. 121—172.

[99] ПСРЛ. Птг., 1915. Т. IV, вып. 1. С. V—VII (описание Голицынского списка), 310—320; Л., 1925. Т. IV, вып. 2. С. 321—325 (вариант Г) и ГПБ, Q. IV. 298. Л. 437 об.— 453 об. Ср. с ПСРЛ. Т. XV, вып. 1. Стб. 139—141; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 419—421.

[100] Ср.: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 201.

[101] Перечень этот впервые появился при составлении Новгородского свода 1539 г. (см.: *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. С. 24—25, 170—171).

[102] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 65.

[103] *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки... С. 22, 180.

[104] ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. XXVI. С. 3, 5, 125—145 (вар. С); Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 79—107; *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов. С. 350.

[105] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 65.

[106] См. данное издание. С. 207.

[107] Отмечая усиление зависимости русских княжеств от Орды после 1382 г., Н. М. Карамзин вместе с тем обратил внимание на один факт, свидетельствовавший о продолжении Дмитрием Донским борьбы с ханской властью и после разорения Москвы. В 1388 г. он оказал военную помощь братьям своей жены Василию и Семену Дмитриевичам, которые согнали с нижегородского стола дядю князя Бориса Константиновича. Борис получил Нижний Новгород в 1383 г. по ярлыку хана Тохтамыша. Н. М. Карамзин совершенно правильно отметил, что поддержка Донским шуринов означала противоборство с Тохтамышем. Любопытно отметить, что эта сторона событий 1388 г. ускользнула от внимания последующих исследователей. Ср.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. II; т. 3—4. С. 282. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 136—137; *Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства. С. 648. Справедливости ради надо сказать, что акция Дмитрия Донского последовала в то время, когда Тохтамыш вел борьбу с Тамерланом.

[108] См. данное издание. С. 61, 63, 121, 192.

[109] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. М., 1992. Т. IV. С. 178.

[110] См. данное издание. С. 96—97.

[111] Там же. С. 110. В другом месте «Истории» Н. М. Карамзин отмечал стремление тверского князя к единовластию.— С. 98.

[112] Там же. С. 190.
[113] Там же. С. 8.
[114] Там же. С. 72, 73.
[115] Там же. С. 194, 195.
[116] Там же. С. 134.
[117] Там же. С. 144, 175.
[118] Там же. С. 183, 184.
[119] Там же. С. 37.
[120] Там же. Примеч. 124.
[121] Там же. С. 125.
[122] Там же. С. 182.
[123] Русская историческая библиотека. 2-е изд. СПб., 1908. Т. VI, ч. 1. Приложения.
[124] См. данное издание. С. 11.
[125] Там же. С. 189—190.
[126] Там же. С. 164.
[127] Там же. С. 148.
[128] Там же. С. 116, 117.
[129] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
[130] См. данное издание. С. 151.
[131] Там же. С. 78—86.
[132] Там же. С. 152—163.
[133] Там же. С. 154, 155 и примеч. 296. Позднейшие историки русской церкви при описании Флорентийского собора пользовались «Историей государства Российского» как источником, где были широко представлены орденские документы о путешествии Исидора (см.: *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. II, первая половина. С. 438 и примеч. 1).
[134] См. данное издание. С. 13.
[135] Там же. С. 144.
[136] ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 12.
[137] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V. Примеч. 31.
[138] См. данное издание. С. 135.
[139] Там же. С. 172.
[140] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. М., 1989. Т. I. С. 16.
[141] Там же. М., 1991. Т. II/III. С. 44—45.
[142] *Погодин М. П.* Указ. соч. Т. II. С. 87.

УКАЗАТЕЛИ К ТОМУ V «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Абалвалид Исмаил Бен Ассер, гренадский султан 70
Абип, кредитор Василия Темного в Орде 336
Абубахир, внук Тамерлана 300
Абул-Хаир-хан 270
Абульгази (Абу-ль-Гази Багадур хан), хивинский, монгольский историк 29, 236, 250, 270, 300, 379
Абу Абдала эбн Алькатиб, испанский мавр 271
Авдотья (Овдотья), см. Евдокия
Авдул, хан Мамаевой Орды 8, 225
Авраам, армянин, житель Москвы 315
Авраамий (Аврамий), еп. суздальский 181, 362, 384
Аврам Внук, новгородский посол к Дм. Донскому 280
Аврам Стефанович, новгородский воев. 302
Аврамей (Авраамий), ростовский игумен 265
Аврамий, еп. суздальский 154
Агарь, рабыня, библ. 402
Аграфена (Огрофена), жена московского кн. Андрея Дмитриевича можайского, дочь кн. Александра Патрикеевича стародубского 321
Адам, суконник, один из героев обороны Москвы от Токтамыша 49, 251
Адаш Токтамыш, золотоордынский посол во Владимире-Суздальском 252
Азария, св. 126
Азария (Озарья), см. Хидырь
Азбердей Митереванов сын, татарский кн. 354
Ази (Ази-Гирей, Азгирей), первый крымский хан, основатель дома Гиреев 199, 379
Авис, преемник хана Мурута в Орде 9, 11, 16
Азый, кн. казанский 355
Айдар, кн. ордынский, зять хана Махмета 140, 141, 334, 355
Айфал (Аифал), брат Ивана, новгородского боярина, главного двинского воев. 92, 102, 286, 289, 290
Акакий, настоятель Амморейской пустыни 299
Акбуга, хан 69
Аким, псковский боярин 295
Акинф Гаврилович Великий, московский боярин, сын Гаврилы Олексича 42, 44, 400
Аксак Темир, см. Тамерлан
Акхозя, татарский царевич 47
Александр, см. Ольгерд
Александр, звенигородский кн. 105
Александр, московский протопоп 36, 240
Александр, сын кн. Михаила Александровича тверского 53, 252, 278, 316

* Приняты сокращения: архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, библ.— библейский, вел.— великая, великий, воев.— воевода, гр.— граф, др.-греч.— древнегреческий, друж.— дружинник, еп.— епископ, имп.— император, кн.— князь, княгиня, легенд.— легендарный, митр.— митрополит, миф.— мифологический, мон.— монастырь, св.— святой, соч.— сочинение, языч.— языческий.

Александр III Великий, македонский царь из династии Аргеадов, крупный полководец и гос. деятель эпохи эллинизма 79, 220, 397, 404
Александр Андреевич, московский боярин 258
Александр Белевут, см. Белеут
Александр Борисович Поле, московский боярин 73, 289
Александр Васильевич, суздальский кн. 360
Александр Васильевич (Олександр), кн. черторижский, наместник в Новгороде 140, 163, 193, 349, 353, 354, 371, 372, 386
Александр Великий, см. Александр III Македонский
Александр Витовт, см. Витовт
Александр (Олелько) Владимирович, киевский кн. 106, 358, 359, 385
Александр Владимирович Лыков, посол вел. кн. к Витовту 332
Александр Володимерович, кн., брат польского короля Казимира IV 343
Александр Данилович Вяметень, кн. суздальский и нижегородский 328
Александр Иванович, кн. псковский и литовский, правнук Ольгерда 383, 384
Александр Иванович Брюхатый, суздальский кн., сын городецкого кн. Ивана Васильевича 76, 281, 328, 339
Александр Иванович Нелюб, сын литовского кн. Ивана Ольгимонтовича 105, 292
Александр (Александра) Иванович, кн., сын Ивана Михайловича тверского 98, 114, 136, 323, 325, 330
Александр Иванович, кн., внук кн. Михаила тверского 319
Александр Игнатьевич, новгородский тысяцкий 326, 327, 331
Александр (Олександр) Колыванов 230
Александр Константинович, кн. ростовский 25
Александр Кориатович, кн. литовский, племянник вел. кн. Ольгерда 228
Александр Михайлович, кн. вяземский 289
Александр Михайлович, кн. тверской, вел. кн. владимирский 206, 226, 310
Александр Невский, см. Александр Ярославич
Александр Нелюб, см. Александр Иванович
Александр (Олександр) Нос, кн. литовский 333, 334
Александр Обакунович (Абакумович, Авакунович), ушкуйник 12, 22, 226, 227, 232
Александр Остей, см. Остей
Александр Патрикиевич, кн. стародубский, полководец литовского кн. Витовта 100, 319, 321
Александр Пересвет, см. Пересвет
Александр Поле, см. Александр Борисович
Александр, кн. полотский (полоцкий), кн. псковский 229
Александр, кн. псковский 16
Александр, кн. ростовский, псковский 294
Александр Укович, кн., родоначальник мещерских князей 46, 146, 250, 307, 337
Александр Федорович, кн. 325
Александр, кн., псковский наместник, сын кн. Федора Александровича ростовского 107, 380, 381
Александр Федорович, кн. ростовский 295
Александр Федорович Брюхатый, кн. ярославский 338, 339
Александр Фоминич, новгородский посадник 302, 329
Александр Юрьевич Беклемишев, кн. 337
Александр (в монаш. Алексий) Ярославич Невский, св., вел. кн. владимирский, кн. новгородский и переяславский, сын вел. кн. Ярослава II Всеволо-

довича 41, 62, 117, 206, 214, 218, 235, 270, 282, 302, 388
Александра Васильевна (Ивановна ?), в монаш. Мария, вдова Ивана II, мать Дм. Донского 225, 317
Александра, княг., жена кн. суздальского Семена Дмитриевича 281
Алексей (Олексей) Григорьевич, боярин серпуховского кн. Владимира Храброго 298
Алексей, кн., сын кн. Евстафия (Остафия) псковского 226
Алексей Ефремович, псковский посадник 333
Алексей Мархивей, псковский боярин 353
Алексей Михайлович, царь 271, 395
Алексей (Олексей) Стромилов, московский дьяк 308
Алексий, св., митр. всея Руси 8, 12, 13, 15, 17, 19, 26, 34, 35, 37, 63, 64, 67, 181, 208, 228, 238—240, 257, 258, 262, 272, 274, 275, 316, 317, 386, 389
Алексий, архиеп. новгородский 555, 64, 232, 235, 239, 254, 255, 262, 272, 274, 275, 278, 279, 402
Алексий, еп. суздальский 239, 272
Алексий, см. Ольгерд
Алкаб Саин, хан 270
Аллаций, Лев, автор 344
Алтамырь, золотоордынский царевич 296
Альбергати, кардинал, участник собора в Ферраре 156
Альфред, король английский 200
Амира, см. Челябий
Амурат II, султан турецкий 153, 159, 160, 197, 267, 309, 317, 347
Анания, св. 126
Анапия (Онания), см. Бахтый
Анастасия, вел. княг., вдова вел. кн. Александра Михайловича тверского 226
Анастасия Андреевна, жена Бориса тверского 180
Анастасия (Василиса), жена кн. Андрея Константиновича суздальского, нижегородского и городецкого 273
Анастасия Дмитриевна, кн., дочь Дм. Донского, жена кн. Ивана Всеволодовича тверского 97, 287
Анастасия Юрьевна, кн., дочь кн. Юрия Святославича смоленского, жена вел. кн. Юрия Дмитриевича 99
Андомские, князья 242, 243
Андрей, легенд., кн. кемский 242
Андрей, легенд., кн. Прозоровский 242
Андрей, еп. тверской 273
Андрей, кн., воев. кн. Владимира Андреевича 245
Андрей, кашинский воев. 231
Андрей, кн. ростовский 231
Андрей, новгородец, воротный сторож 328
Андрей, автор 284
Андрей, сын Александра Михайловича тверского 10, 226
Андрей (Ондрей), сын вел. кн. Дмитрия Донского, кн. можайский, верейский, калужский и белозерский 61, 92, 109, 140, 145, 258—261, 276, 307—309, 317, 321, 326, 330, 335, 336, 359
Андрей Албердов, московский боярин 285
Андрей Александрович, сын Александра Невского, вел. кн. владимирский 235, 360
Андрей Александрович, кн. ростовский, московский наместник в Пскове 107, 295
Андрей (Ондрей) Большой Горяй, сын вел. кн. Василия Темного, кн. угличский 194, 360, 372, 375, 376, 385, 386
Андрей Борисович, боярин серпуховского кн. Владимира Храброго 298
Андрей Васильевич Лугвица, кн. суздальский, можайский воев. 354
Андрей Волосатый (Иаков, Яков Усатый) 242

Андрей Всеволодович, кн. литовский 300
Андрей Дмитриевич, боярин 195
Андрей Дмитриевич, боярин кн. Ивана Андреевича можайского 377
Андрей Дмитриевич, кн. тверской 328
Андрей (Иванович), сын Ивана Калиты, кн. московский, боровско-серпуховский 257, 315
Андрей Иванович, кн. тверской 356
Андрей Иванович, кн. литовский 233
Андрей (Ондрей) Иванович Кобыла, московский боярин, отец Федора Андреевича Кошки 316
Андрей Иванович, двинский посадник 289
Андрей Иванович, новгородский посадник 326
Андрей Иванович, новгородский воев. 302
Андрей Исакович, воев. 354
Андрей Исакович, пан, литовский вельможа 344
Андрей Константинович, кн. суздальский, нижегородский и городецкий, сын кн. Константина Васильевича суздальского 8, 9, 225, 257, 272, 273
Андрей Константинович (Костянтинович), боярин московского кн. Константина Дмитриевича 302
Андрей Константинович Шонуров, московский воев. 341
Андрей Ларивонович (Ларионович), псковский боярин 295, 331
Андрей Меньшой, сын вел. кн. Василия Темного 385, 386
Андрей (Ондрей) Меньшой, в иноч. Савва, сын Владимира Андреевича Храброго, кн. радонежский 113, 136, 297, 330, 335, 405
Андрей Михайлович, кн. литовский 300
Андрей (Андрюшка) Мостилович, воев. 354
Андрей Немирович, пан, литовский вельможа 343
Андрей Ольгердович, кн. полоцкий и псковский 14, 21, 33, 40, 41, 57, 58, 96, 104, 228, 231, 237, 238, 252, 256, 286
Андрей Пигор, кн. кипрский 273
Андрей Плещеев, московский боярин 355
Андрей Рублев, монах, иконописец 131, 315, 322, 324
Андрей Семенов, попович, воев. Дм. Донского 243
Андрей Серкиз, см. Серкизов
Андрей, кн. Стародубский, см. Андрей Федорович
Андрей Тимофеевич, псковский купеческий староста 327
Андрей (Андреян) Титович, сын кн. Тита Мстиславовича, кн. звенигородский 276
Андрей Федорович, сын кн. Федора Васильевича, кн. ростовский 25, 41, 270
Андрей Федорович, сын кн. Федора Ивановича стародубского, кн. стародубский, воев. вел. кн. Дм. Донского 26, 42, 234, 341
Андрей Федорович, см. Кошкин-Голтяев
Андрей (Ондрей) Фрязин, генуэзец, печерский наместник вел. кн. Дм. Донского 69, 270
Андрей Хоробров, московский воев. 341
Андрей Юрьевич Боголюбский 74, 75, 84, 114, 204, 207, 383
Андриян (Ондреян), новгородский посадник 235
Андрон (Ондрон) Тимофеевич, псковский посадник 353
Анжу, гр. д' 346
Анна, византийская царевна, дочь имп. Романа II, шестая супруга вел. кн. киевского Владимира Святого 124
Анна Васильевна, кн., дочь вел. кн. Василия I Дмитриевича, жена византийского имп. Иоанна VIII Палеолога 124, 152, 309

Анна Дмитриевна, дочь вел. кн. Дм. Донского 278
Анна Ивановна, кн., дочь вел. кн. Ивана Красного, жена кн. Дмитрия Михайловича волынского 28, 238
Анна Святославовна, дочь кн. Святослава смоленского, первая жена литовского вел. кн. Витовта 284
Антоний, литовский христианин 238
Антоний, патриарх константинопольский 78, 262, 264, 269, 282, 309, 318
Антоний, еп. тверской 299, 325, 327
Антоний, еп. туровский 125, 310
Арапша (Араб-Шах), золотоордынский царевич, сын хана Фулата 30, 31, 236
Ариан (Арриан), др.-греч. историк 220, 397
Аркан, см. Орхан
Арнт (Арндт, Арнд), Иоганн Готфрид, немецкий историк 230, 293, 302, 353
Арриан, см. Ариан
Арсений, еп. ростовский 239, 266
Арсений, московский архидиакон, затем — еп. тверской 98, 288, 310, 316, 318, 319, 321, 322, 324
Арсений, ключник новгородского архиеп. 329
Артемий, новгородец 304
Артемий Дианов, см. Дианов
Асан, посол жены золотоордынского хана 226
Аська, вогульский кн. 196
Афанас Есипович, новгородский воев. 302
Афанасий, см. Ярослав, кн., сын кн. Владимира Андреевича Храброго
Афанасий, св. 98
Афанасий, еп. костромской 272
Афанасий, еп. рязанский 239
Афанасий, еп. сарайский 239
Афанасий, новгородский священник, кандидат в архиеп. 278
Афанасий (Афонасий), архимандрит московского Симонова мон. 377
Афанасий, игумен серпуховского Высоцкого мон. 64, 264
Афанасий, монах при митр. Исидоре 347
Афанасий Терентеевич, псковский посол в Москве 380
Афанасий Юрьевич, псковский боярин 353
Ахмат (Ахмед, Ахмут), хан Большой (Золотой) Орды, сын Кичим-Ахмета 193, 373
Ачисан, татарский парламентер 355
Ачихожа, посол Мамая в Твери 233, 236
Ашраде, фон ливонский комтур 350

Б*, командор Тевтонского ордена 350
Баазит, см. Баязет
Базилович, автор 228
Байрамхози, посол золотоордынского хана 226
Бакон, Рогер, см. Бэкон Роджер
Барак, золотоордынский царевич, претендент на золотоордынский престол, сын хана Койричака 115, 300, 301
Барбаро, Иосафат венецианский торговец, путешественник и дипломат, автор записок 395
Бардос, легенд., сын Картлоса, внук Ноя 254
Бартольд Шварц, см. Шварц
Басенок, Федор Васильевич, боярин и воев. вел. кн. Василия Темного 175, 179, 185, 188, 189, 214, 358, 395
Батый (Бату, Сагин, Саин-хан), золотоордынский хан, сын хана Джучи, внук Чингисхана 22, 28, 29, 37, 46, 47, 50, 58, 83, 85, 86, 92, 93, 96, 110, 201, 205, 208, 209, 215, 217, 220, 241, 270, 389, 397
Бахмет, Усеинов сын, кн. ширинский, первый кн. мещерский 337

Бахтый, в крещении Ананий (Бахты Хозя), золотоордынский вельможа 126, 317
Баязет (Баазит, Баязид) II, султан турецкий из династии Османов 80, 81, 124, 197, 268, 283, 309
Бегич, золотоордынский мурза 32, 237
Бегичка, татарский кн. 237
Беда, подьячий 188
Беззубцев, см. Кошкин-Беззубцев К. А.
Бекетов, Иван Петрович, капитан гвардии в отставке, нумизмат 271
Беклемиш, в крещении Михаил, якобы сын Бахмета, первого кн. мещерского, (на самом деле Федор Елизарович) 337
Бектут, см. Беткут
Бекшик, посол золотоордынского хана Тимур-Кутлука 287
Белевут, см. Белеут
Белеут (Белевут), Александр Андреевич, московский боярин, сын боярина Андрея Ивановича Одинца из рода Редеди 73, 254, 281
Белозерские, князья 242, 244, 249
Белосельские, князья 242
Бердата, татарский царевич 169
Березуйские, князья 230
Бержерон Пьер, французский историк 241, 270, 395
Беткут (Бектут), золотоордынский царевич 73, 74, 280
Бетсабула, кн. татарский, претендент на золотоордынский трон, ставленник Витовта 115
Бигич, мурза, посол казанского хана Махмета к Дмитрию Шемяке 171, 172, 355, 356
Бирита (Бирута), жена литовского вел. кн. Кестутия Гедиминовича 14
Бишинг (Бюшинг), Антон Фридрих, немецкий историк 253
Бобр, московский воев., брат Ивана Ощеры 357
Богдан, посадник новгородский 91
Богдан Аввакумович (Обакумович, Обакунович), новгородский посадник 284, 285, 316, 318
Богдан Аввакумович, новгородский тысяцкий 254
Богдан Обакумович (Обакунович), см. Богдан Аввакумович
Богдан Осипович, новгородский боярин 354
Богемский король 301
Боголюбский, см. Андрей Юрьевич
Болеслав Свидригайло, см. Свидригайло
Болтин, Иван Никитич, автор 395
Борейков Василий, чиновник Витовта в Смоленске 88
Борис Александрович (Олександрович), вел. кн. тверской, сын вел. кн. Александра Ивановича тверского 136, 138, 139, 154, 167, 171, 173, 175, 179, 180, 182, 192, 330, 347, 352, 355, 356, 358, 360, 368, 385, 401
Борис Васильевич, кн. волоцкий, сын вел. кн. Василия Темного 194, 374, 375, 376, 385, 386
Борис Васильевич, псковский кн. 382
Борис Васильевич, новгородский посадник 304
Борис Васильевич, новгородский тысяцкий 327
Борис (в крещении Роман) Владимирович, св., кн. муромский, ростовский, сын вел. кн. Владимира I Святого 247, 388
Борис Галичский, см. Галицкий Б. В.
Борис Городецкий, см. Борис Константинович
Борис Иванович, сын кашинского воев. 231
Борис Константинович, кн. нижегородский и городецкий, сын кн. Константина Васильевича суздальского 9—11, 31, 59, 63, 71, 74—76, 114, 226,

233, 236, 257, 262, 274, 276—281, 400
Борис Константинович, литовский кн. 233
Борис Конюшкович, новгородский боярин 230
Борис Михайлович, тверской кн., сын вел. кн. Михаила Александровича тверского 98, 277, 288, 299, 318
Борис Тоболин, см. Тоболин
Боровский, см. Василий Ярославич
Братоша, посол Лугвения в Новгороде 255
Бренко (Бренок, Брянок), Михаил Андреевич, московский боярин, родоначальник Челищевых 41, 44, 247, 248
Бреденбах Тилемон, каноник, доктор богословия, автор 230
Брянский, кн. 23
Булактемир, см. Булат-Темир
Булат, золотоордынский царевич, военачальник хана Едигея 109, 110, 296
Булат, московский баскак 141
Булат (Булут), см. Булат-Салтан
Булат-Салтан (Булут), золотоордынский хан 69, 108, 112, 113, 289, 296, 299, 300
Булат Темир (Булактемир), татарский мурза 11, 28, 226
Бунко, дворянин вел. кн. Василия Темного 173
Бурнак, золотоордынский кн. 296
Бутурлины, боярский род 263
Бучак, золотоордынский царевич 296
Бэкон Роджер (Рогер Бакон), францисканский монах, преподаватель Оксфордского ун-та, английский философ и естествоиспытатель 70, 271

В. В., см. Василий II Васильевич Темный
Вайсель, герцог 301
Вакх, завоеватель Индии 79
Варлаам (Варлам, Варламий) Хутынский, св. 325, 388
Варлаам, еп. коломенский 181, 362
Варлам, новгородский архим. 303, 328
Варфоломей, московский монах 343
Василий Великий, св. 123
Василий, еп. рязанский 239, 240
Василий еп. тверской 227, 239, 273, 274
Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский и владимирский, старший сын вел. кн. Дмитрия Донского 53, 58—62, 67, 70—78, 86, 88—93, 96—100, 102—109, 112—119, 121—126, 129, 131, 133, 135, 136, 141, 142, 152, 207, 211, 239, 252, 256, 258—261, 263, 271, 274, 279—281, 285—287, 289, 291—293, 295, 296, 299, 300, 306—308, 311, 312, 314, 315, 317—320, 322, 323, 325, 327, 330, 335, 360, 388, 405
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский и владимирский, сын вел. кн. Василия I Дмитриевича, внук Дмитрия Донского 119, 134—136, 138, 140—151, 154, 161—164, 167—169, 171—196, 199, 204, 206, 207, 209, 214, 215, 263, 297, 306—308, 327, 332, 335—337, 339—341, 348, 349, 354—356, 358—361, 363, 367, 369—371, 377, 385, 388—390, 394—396
Василий III Иванович, вел. кн. московский и всея Руси, сын вел. кн. Ивана III 271
Василий, кн. шехонский (шохонский) 376
Василий, новгородский боярин 277
Василий, новгородский боярин 353
Василий (Василей) Беда, дьяк вел. кн. Василия Темного 377
Василий Борейков, см. Борейков
Василий Борисович, новгородский посадник 285
Василий Борисович, новгородский боярин 285

Василий Борисович, новгородский воев. 253
Василий Васильевич Гребенка, кн. суздальский, псковский 188, 360, 384, 386
Василий Васильевич, кн. ярославский, сын кн. Василия Давидовича Грозные очи 25, 42, 233, 234, 262
Василий Васильевич, московский тысяцкий, см. Вельяминов В. В.
Василий Вепрев, см. Вепрев В. Б.
Василий Владимирович, кн. перемышльский и угличский, сын кн. Владимира Андреевича Храброго 113, 136, 297, 298, 318, 330, 358, 375
Василий Грозный, см. Василий Давидович
Василий Давидович Грозный (Грозные очи), кн. ярославский, сын Давида Федоровича ярославского, внук Федора Черного 262
Василий Даниилович, новгородский боярин 227
Василий Дмитриевич Кирдяпа, кн. суздальский и нижегородский, сын вел. кн. Дмитрия Константиновича владимирского и суздальского 9, 29, 49, 59, 75, 76, 114, 164, 175, 182, 192, 226, 233, 236, 250, 251, 257, 272, 273, 280, 281
Василий Есипович, новгородский посадник 302, 303
Василий Есипович (Есифович), новгородский тысяцкий 314, 327
Василий Есифович, см. Василий Есипович
Василий Захарьинич, новгородский посол к Василию Темному 360, 367
Василий Иванович, кн., сын кн. Ивана Федоровича рязанского 190
Василий Иванович (Иоаннович), кн. смоленский 90, 233, 284, 319
Василий Иванович, кн. бережуйский, из князей смоленских, московский воев. 17
Василий Иванович, новгородский посадник 255, 279, 322
Василий Иванович, боярин вел. кн. Василия Темного 377
Василий Иванович, боярин новгородского архиеп. 275
Василий Капица, сурожский купец 244, 246
Василий Карло, дьяк митр. Ионы 362
Василий Кирдяпа, см. Василий Дмитриевич Кирдяпа
Василий Константинович, кн. ростовский, старший сын кн. Константина Борисовича ростовского и угличского 25
Василий Кузмин, новгородский мастер крепостных дел 278
Василий Кузминич, боярин новгородского архиеп. 275
Василий Михайлович, кн. кашинский, сын вел. кн. Михаила Ярославича владимирского и тверского 12, 13, 227, 228
Василий Михайлович, кн. кашинский, сын кн. Михаила Васильевича, внук кн. Василия Михайловича кашинского 25, 27, 42, 228, 234, 270, 276
Василий Михайлович, кн. кашинский, сын вел. кн. Михаила Александровича тверского 97, 98, 114, 136, 277, 288, 291, 299, 300, 319, 330
Василий Обакунович, новгородский тысяцкий 327
Василий Оболенский, см. Оболенский В. И.
Василий Огафонов, новгородский посол к Дм. Донскому 232
Василий Ольгердович, кн. черторижский 237
Василий Пантелеевич, новгородский тысяцкий 360, 367, 369
Василий Романович, кн. белозерский, предок кн. Андомских, Кемских, Белосельских 242

Василий Синец, новгородский воев. 282
Василий Степанов (Степанович), новгородский посадник 360, 367, 369
Василий Стефанович, новгородский посадник 360
Василий Тупик, воев. Дмитрия Донского 242
Василий Федоров, новгородский посол к Дмитрию Донскому 232
Василий Федорович, кн., сын кн. Федора Ольговича рязанского 323
Василий Федорович, новгородский посадник 255, 279, 284, 316
Василий Федорович, воев. новгородских ушкуйников 227
Василий Филиппович, новгородец 329
Василий Черторижский, см. Василий Ольгердович
Василий Шенкурский, двинский воев. 167
Василий Шига, наместник кн. Ивана можайского в Москве 358
Василий Щечкин, московский посол в Константинополе 282
Василий Юрьевич Косой, кн., сын вел. кн. Юрия Димитриевича, внук вел. кн. Дмитрия Донского 143—147, 175, 192, 335, 337—339, 357, 377
Василий Юрьевич, кн. суздальский и шуйский, внук кн. Василия Кирдяпы 164, 175, 349, 357, 367
Василий Юрьевич, сын новгородского посадника, ушкуйник 304
Василий Ярославич Квашня, вел. кн. владимирский, кн. московский, сын вел. кн. Ярослава II Всеволодовича 202, 235
Василий Ярославич, кн. боровский (Ярославич), сын кн. Ярослава-Афанасия Владимировича боровского, внук кн. Владимира Андреевича Храброго 169, 170, 175, 177, 179, 180, 182, 188, 190—192, 335, 354, 355, 357, 358, 360, 361, 366, 370, 371, 375, 377, 405
Василий Ярославский, см. Василий Васильевич
Василиса, кн., в монашестве Феодора, жена кн. Андрея Константиновича суздальско-нижегородского 225, 226
Василиса Семеновна, кн., жена кн. Михаила Васильевича кашинского, дочь вел. кн. Семена Гордого 273
Василиса Васильевна, кн., супруга суздальского кн. Александра Ивановича Брюхатого, во втором браке за суздальским кн. Александром Даниловичем Взметнем, дочь вел. кн. Василия I Дмитриевича 76, 281, 328
Василиса Семеновна, княжна новосильская, вдова московского кн. Семена Владимировича серпуховского 261, 375
Василиса Федоровна, кн., жена московского кн. Ивана Владимировича серпуховского, дочь кн. Федора Ольговича рязанского 288
Васиян (Вассиан), еп. сарский 377
Васиян, игумен Киевского Сергиева мон. 359
Ватазин, тиун кн. Дмитрия Шемяки 364
Веледдин, кади, придворный историк Тамерлана 81
Вельямин, см. Веньямин
Веньямин (Вельямин) Протасий Федорович, московский тысяцкий, родоначальник Воронцовых-Вельяминовых 245
Вельяминов (Вениаминов) Василий Васильевич, последний московский тысяцкий, боярин вел. кн. Ивана II Красного, сын тысяцкого Василия Протасьевича-Вельяминовича Вельяминова 25, 143, 233, 243, 261, 323
Вельяминов Иван Васильевич, сын московского тысяцкого

Василия Васильевича Вельяминова 25, 27, 28, 233, 235, 237, 261
Вельяминов, Микула Васильевич, см. Вельяминов Николай Васильевич
Вельяминов Николай (Микула) Васильевич, московский боярин и воев. вел. кн. Дмитрия Донского, сын тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова 41, 44, 143, 242, 245, 335
Вельяминов Полуект (Полуэкт, Полиевкт) Васильевич, сын тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова 323
Вельяминов Тимофей Васильевич, окольничий, воев., затем боярин вел. кн. Дмитрия Донского, сын тысяцкого Василия Протасьевича-Вельяминовича Вельяминова 41, 244, 258, 261
Вельяминова Мария Михайловна, жена тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, дочь московского боярина Михаила Александровича 61, 261
Вениаминов, см. Вельяминов В. В.
Вепрев, Василий Борисович, воев. Дмитрия Шемяки, сын Бориса Федоровича Вепря, внук кн. Федора Красного Фоминского и ржевского 341, 357
Вигунт Кревский, см. Вигунт Василий Ольгердович
Вигунт Василий Ольгердович, кн. кревский, литовский кн., сын Ольгерда 87, 238
Вильгельм Фреймерзен, см. Фреймерзен
Вильрабе, ливонский ландмаршал 117
Винке Генрих (Инри Винки), ливонский магистр 354
Виргилий Полидор, итальянец, английский придворный историк 271
Виссарион, архиеп. никейский, кардинал, католический патриарх константинопольский 156, 157, 160, 379
Витовт (Юрий), в крещении Александр, вел. кн. литовский, сын Кейстута, племянник Ольгерда 14, 21, 33, 58, 71, 73, 86—90, 92—108, 113—116, 121—123, 125, 127, 128, 134—139, 167, 199, 217, 228, 256, 280, 284, 286—293, 295, 299—302, 307, 309, 311, 312, 319, 322, 325, 328, 331—333, 343, 351, 377, 379, 385, 400
Владимир I Святославич, св., в крещении Василий, вел. кн. киевский, кн. новгородский 65, 105, 124, 125, 162, 181, 196, 198, 205, 207, 210, 213, 224, 311, 383, 388
Владимир (Василий) II Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский, сын вел. кн. Всеволода Ярославича киевского и переяславского 62, 74, 94, 101, 103, 133, 194, 202, 317, 377, 388, 389, 395, 402
Владимир (Володимер), тверской кн., сын вел. кн. Александра Михайловича тверского 10, 226
Владимир Андреевич Храбрый, кн. боровско-серпуховской, кн. радонежский, сын кн. Андрея Ивановича боровско-серпуховского 7—9, 11, 14—17, 19, 22, 23, 25, 27, 33, 35, 39, 41—45, 47, 51, 53, 55, 59, 60, 63, 71, 72, 77, 84, 99, 106, 109, 111—113, 123, 136, 142, 169, 190, 220, 221, 226, 230, 232, 233, 238, 239, 242, 244—252, 257, 258, 260, 262, 270, 274—276, 279, 292, 296—298, 306, 307, 309, 314, 315, 318, 322, 324, 374—376, 395, 397, 405
Владимир Андреевич, ростовский кн., московский наместник в Пскове 373
Владимир (Володимер) Андреевич Зворьксим, московский воев. 338
Владимир Даниилович (Володимер Данильевич), кн. псковский 381—383
Владимир (Володимер) Данилович, нижегородский воев. 281

Владимир Дмитриевич, кн. пронский 11, 17, 20, 231, 233, 270, 405
Владимир Мономах, см. Владимир (Василий) Всеволодович
Владимир Мстиславич, кн. волынский и дорогобужский, сын вел. кн. Мстислава Владимировича Великого 388
Владимир Иоанн Зедзевит Ольгердович, кн. подольский, литовский кн., сын Ольгерда от первого брака 237
Владимир Ольгердович, кн. бельский, затем кн. киевский, сын Ольгерда от второго брака 52, 57, 64, 87, 237, 265, 277, 319, 358, 383
Владимир Пронский, см. Владимир Дмитриевич
Владимир Святославич, кн. смоленский 102
Владимир Ховрин, см. Ховрин
Владимир Ярославич, кн. новгородский, сын вел. кн. Ярослава Мудрого 383
Владислав III, король польский, см. Ягайло
Владислав, король Венгрии и Польши 159
Владислав, король Венгрии 197
Власий, св. 119
Воин Васильевич, кн., сын кн. Василия Васильевича ярославского 262
Воислав Попович, новгородский посол к Дм. Донскому 232
Вол..., московский боярин 309
Володимер, см. Владимир
Володимер (Владимир) Всеволож, воев. Дм. Донского 245, 247
Володислав, см. Владислав
Володя Давыдов, см. Давыдов
Волуй, московский боярин 44
Волынец, см. Димитрий Михайлович Волынский
Волынские, род 236
Вольфганг Зауэр, см. Зауэр
Воронец, боярин тверской княгини, вдовы кн. Бориса Михайловича 288
Всеволод III (Дмитрий) Юрьевич Большое гнездо, вел. кн. киевский и владимирский, сын вел. кн. Юрия Долгорукого 133, 204, 207, 317
Всеволод Александрович, кн. холмский, сын вел. кн. Александра Михайловича тверского 10, 12, 226
Всеволод Великий, см. Всеволод Большое Гнездо
Вяземская, кн., см. Ульяна
Вяземский, кн., см. Симеон Мстиславич

Гавриил (Гаврила), псковский наместник 291
Гавриил (Гаврила) Кирикович, новгородский боярин 304
Гадебуш, Фридрих Конрад, лифляндский историк 301, 303, 314, 332, 349
Гаклуйт (Гаклюйт), автор 270
Галицкий, см. Дмитрий Иванович
Галицкий, Борис Васильевич, московский, затем звенигородский боярин, сын Василия Дмитриевича Галицкого, внук галицкого кн. Дмитрия Ивановича 330
Галицкий Федор Васильевич, звенигородский боярин, сын Василия Дмитриевича Галицкого, внук галицкого кн. Дмитрия Ивановича 358
Гамант, литовский кн. 276
Ганнс, немецкий купец в Новгороде 303
Гарасим, см. Герасим
Гарман, литовский посол в Москве 183, 362
Гастовт (Кгаставт), пан, воев. виленский 343
Гваньини, Алессандро, итальянский историк 266
Гедимин (Гедименик), конюший литовского кн. Витена, затем вел. кн. литовского 94, 96, 139, 165
Геласий, архим., наместник митр. Исидора в Пскове 344, 346, 383
Генниг, директор Кенигсбергского архива 256

Генрих, рыцарь, ливонский артиллерист 166
Генрих, тевтонский рыцарь 352
Георгий (Иорге), кн. Бельский (фон дер Белзе) 280
Георгий Победоносец, св. 247, 254, 331
Георгий Писид, св. 278
Георгий, константинопольский протодиакон 275
Георгий, см. Юрий
Георгий Нос, литовский кн., наместник Витовта в Пскове 302
Герасим, еп. смоленский, затем митр. киевский 129, 152, 154, 312, 343, 344, 382
Герасим (Гарасим), еп. коломенский, наместник московской митрополии 41, 65, 239, 244, 245, 251, 265, 266, 279
Герасим, еп. владимиро-волынский 128, 311
Герасим, брат главного двинского воев. Ивана 92, 102, 286, 289
Герберштеин Сигизмунд, барон, имперский посол в Москве, автор записок 270, 271, 286, 377
Геремферден, хан Золотой Орды 115
Герман, иерусалимский митр. 274
Герман, архидиакон в свите митр. Пимена 267
Герман, авва, священник 378
Герман, ливонский фогт 117
Геронтий, еп. коломенский 367, 377
Геронтий, игумен московского Симонова мон. 362, 374
Гиреи, династия крымских ханов потомков Ази-Гирея 199
Глеб Васильевич, кн., сын ярославского кн. Василия Давидовича Грозные очи 262
Глеб Василькович, кн. ростовский, первый кн. белозерский, сын кн. Василька Константиновича ростовского 234
Глеб Владимирович (в крещении Давид), св., кн. суздальский и муромский, сын вел. кн. Владимира Святого 247, 388
Глеб, кн. друцкий (дрютцкий) или брянский 245
Глеб Иванович Оболенский, см. Оболенский Г. И.
Глеб, легенд. кн. каргопольский и цыдонский 242
Глеб Святославич, кн. смоленский, сын кн. Святослава Ивановича смоленского 58, 88, 280, 400
Глеб Святославич, кн. смоленский 88, 96, 256
Глеб Семенович, боярин московского кн. Юрия Дмитриевича звенигородского 303
Гоголь, см. Иоанн
Головины, боярский род 263
Голтяевы, см. Кошкины-Голтяевы
Гомер, др.-греч. поэт 220
Госвин, феллинский командор 117
Гостило, вильяндисский командор 302
Григорий Великий, св. 364
Григорий IV Мамма, патриарх константинопольский 347
Григорий Болгарин, см. Григорий Цамблак
Григорий Цамблак (Семивлах, Цемивлак, Самблак, Чамьблак), Григорий Олект, болгарин, митр. киевский (Южной Руси) 127—129, 163, 182, 312, 347, 348, 359, 360
Григорий Олект, см. Григорий Цамблак
Григорий, архим., затем еп. коломенский 310, 316, 318, 322
Григорий, архиеп. ростовский 126, 310, 311, 318, 325, 327
Григорий, еп. черниговский 239
Григорий, архим., наместник митр. Исидора в Пскове 346, 384
Григорий, дьякон московского Спасского мон. 240
Григорий, протодиакон в свите митр. Пимена 267
Григорий, герцог клевский 349
Григорий, новгородский посадник 279

Григорий, порховский посадник 137
Григорий Богданович, новгородский посадник 314
Григорий Богданович, новгородский воев. 302
Григорий Владимирович, нижегородский воев. 281
Григорий (Григорей) Данилович, новгородский посадник 360, 367, 369
Григорий Евстафьевич (Остафьевич, Остафивич), кн. псковский 290, 319—323, 328, 388
Григорий Евстафьевич (Остфьинич), псковский посадник 275
Григорий Капустин, русский воин 249
Григорий Кирилович, новгородский посадник 333, 339, 382
Григорий Кириллович, новгородский ушкуйник 304
Григорий Михайлович, боярин кн. Владимира Храброго 298
Григорий Остафьевич (Остафьинич), см. Григорий Евстафьевич
Григорий Перхушков, московский наместник в Вятке 371
Григорий Протасьев (Протасьевич), мценский воев. 115, 140, 300, 341
Григорий Псковский, см. Григорий Евстафьевич, кн.
Григорий Степанович, сын московского боярина Степана Дмитриевича 374
Григорий Судок, воев. Дм. Донского 242
Григорий Федосович, псковский посол к Витовту 291
Григорий Холопищев, знатный костромич, воин Дм. Донского 248
Григорий Чурилович, отец боярина Ивана Драницы 241
Григорий Щебелков, новгородский воев. 232
Григорий Якунович, новгородский посадник 255
Гуссеин, эмир Чагатайского улуса 78
Давид (Давыд), библ., древнеиудейский царь, отец Соломона 404
Давид, казначей митр. Ионы, затем еп. рязанский 388
Давид, архимандрит Киево-Печерской лавры, духовник литовской вел. кн. Ульяны 32, 237
Давид, протодьякон в свите митр. Митяя 240
Давид Долгошеин, см. Долгошеин Д.
Давид Иванович, сын кашинского воев. 231
Давид Федорович, кн. ярославский, сын кн. смоленского Федора Ростиславича Черного 234, 262
Давыд Дмитриевич, новгородец 329
Давыд Засекин, см. Засекин Д.
Давыдов Владимир (Володя), боярин кн. Василия Ярославича Боровского 369, 371
Даниель, историк 271
Даниил, еп. владимиро-волынский и берестейский 348
Даниил, еп. звенигородский 68, 279, 309
Даниил, еп. переяславский 276
Даниил (Данило), еп. смоленский 239, 319
Даниил (Данилей), еп. смоленский 261, 319
Даниил, еп. суздальский 272
Даниил (Данило), еп. суздальский 239
Даниил (Данило), тверской протопоп 309
Даниил, тверской протопоп 97
Даниил Заточник, сочинитель 237, 402
Даниил, король Галицкий, см. Даниил Романович
Даниил (Данила), псковский посол в Риге 292
Даниил (Данило) Александрович, св., кн. московский, переяславль-залесский, младший сын вел. кн. Александра Невского 206, 320, 405
Даниил (Данилей, Данилий, Данил) Александрович, кн. ро-

стовский, псковский и порховский 291, 294, 322, 324
Даниил (Данило) Башмак 358
Даниил (Данило) Белеут, воев. кн. Владимира Храброго 245
Даниил (Данило) Борисович, кн., сын кн. Бориса Константиновича нижегородского и городецкого 114, 270, 281, 298
Даниил Божин, см. Даниил Иванович
Даниил (Данило) Васильевич, кн. московский, сын вел. кн. Василия I Дмитриевича 320
Даниил (Данило) Васильевич Кирдяпин, кн. суздальский, сын кн. Василия Дмитриевича Кирдяпы 298
Даниил Дмитриевич, кн. московский, старший сын вел. кн. Дм. Донского 261
Даниил (Данило) Иванович Божин, новгородский боярин 117, 118, 303
Даниил с Городца, московский иконописец 131, 132, 324
Даниил, кн. пронский 32, 237
Даниил Романович, кн. галицко-волынский, сын кн. Романа Мстиславича галицко-волынского 96
Даниил Феофанович (в монашестве Давид), московский боярин 314, 316
Даниил (Данило) Филтяев, псковский боярин 295
Даниил (Данило) Чешко, боярин кн. Юрия Дмитриевича звенигородского 330
Данило, Данилей, см. Даниил
Дашко Феодорович, кн. острожский 328
Дегин Жозеф де, французский историк-ориенталист 379
Дементий (Дементей), дьякон кн. Дмитрия Красного 342
Дементий Сараев, см. Дмитрий Саларев
Джанибек (Чанибек) I, золотоордынский хан, сын хана Узбека 40, 46, 112, 231
Джекинсон, автор 270
Джустиниани, Джованни Джустиниани Лонго, генуэзец, кондотьер, участник обороны Константинополя 197
Дианов Артемий, псковичъ 229
Дидрих (Дитрих), ливонский командор Ревеля 117
Димейтер Солтан, золотоордынский кн. 228
Димитрий, см. Дмитрий
Дитрих, еп. дерптский 332
Дионисий, еп. луцкий 128, 311
Дионисий, архиеп. ростовский 328
Дионисий, печерский архим., затем архиеп. суздальский, нижегородский и городецкий, кандидат в митр. 24, 35, 64, 65, 129, 225, 239, 240, 264, 265, 275, 277, 320
Дионисий Суздальский, см. Дионисий, еп. суздальский
Длугош Ян, польский историк и дипломат, краковский каноник, затем архиеп. львовский 116, 256, 286, 300, 332, 333
Дм., см. Дмитрий Иванович Донской
Дмитрий (Димитрий), св. 247
Дмитрий Солунский (Селунский), св. 258
Дмитрий Константинопольский, св. 348
Дмитрий, св., в миру Туптало Даниил Саввич, украинский игумен, позднее митр. сибирский, затем митр. ростовский, русский церковный деятель и писатель 264
Дмитрий, кн. друцкий (дрютский), воев. Ольгерда 20, 231
Дмитрий, кн. ростовский 242
Дмитрий (Дмитрей, Димитрий), кн. ряполовский, московский воев., брат кн. Ивана Ряполовского 175, 341, 371
Дмитрий (Дмитрок), боярин московского митр. Киприана 282
Дмитрий, шпион литовского кн. Витовта 328
Дмитрий Александрович, вел. кн. владимирский, сын вел. кн. Александра Невского 235

Дмитрий Александрович, кн., сын ростовского кн. Александра Федоровича 380
Дмитрий Александрович Всеволож, московский воев., наместник в Нижнем Новгороде 75, 245
Дмитрий Александрович Монастырев, кн. дорогобужский, потомок кн. смоленских 44, 233, 237
Дмитрий Андреевич, гонец 358
Дмитрий Афинеевич, московский боярин, свидетель духовной вел. кн. Василия I 309
Дмитрий Боброк, см. Дмитрий Михайлович Волынский
Дмитрий Брянский, см. Дмитрий Ольгердович
Дмитрий Васильевич, кн., сын кн. Василия Михайловича кашинского 288
Дмитрий Васильевич, кн. заозерский, сын кн. Василия Васильевича ярославского 147, 262
Дмитрий Всеволодич, кн. литовский 300
Дмитрий (Дмитрей) Васильевич Глухов, новгородский посадник 354
Дмитрий Всеволож, см. Дмитрий Александрович
Дмитрий Галицкий, см. Дмитрий Иванович, кн.
Дмитрий Данилович, кн. волынский 96
Дмитрий Деспот, см. Дмитрий Палеолог
Дмитрий Еремеевич (Иеремеевич), кн. тверской, сын кн. Иеремей (Еремея) Константиновича дорогобужского, правнук св. вел. кн. Михаила тверского 231, 323—325
Дмитрий Завережский, новгородский воев. 243
Дмитрий Заозерский, см. Дмитрий Васильевич, кн.
Дмитрий Иванович, кн. галицкий, сын кн. Ивана Давидовича галицкого 8, 225
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. владимирский и московский, сын вел. кн. Ивана II Ивановича Красного 7—10, 12, 13, 15—28, 31—48, 51—65, 67, 69—72, 76—78, 84, 96, 100, 110, 123, 124, 131, 133, 135, 141, 143, 146, 169, 172, 176, 195, 202, 207, 209, 214, 218, 220—222, 227, 230—235, 238, 242—245, 248, 250—254, 256—258, 261—265, 270—272, 274—279, 308, 309, 314, 316, 317, 323, 337, 359, 360, 364, 388, 389, 395—398, 401, 405
Дмитрий Иванович, сын новгородского посадника Ивана Васильевича 243
Дмитрий Иванович, новгородский воев. 302
Дмитрий Иеремеевич, см. Дмитрий Еремеевич
Дмитрий Кака, московский воев. 341
Дмитрий Клочков, новгородский купец 243
Дмитрий Константинович, в крещении Фома, в монашестве Феодор, вел. кн. владимирский, кн. суздальский и нижегородский, сын кн. Константина Васильевича суздальского 8—11, 24, 25, 28—31, 47, 49, 59, 143, 176, 225, 226, 236, 250, 251, 256, 257, 273—275, 277, 400
Дмитрий Константинович Ноготь, кн. суздальский, сын кн. Константина Васильевича, суздальского, брат вел. кн. Дмитрия Константиновича 233
Дмитрий Константинович, московский боярин 261
Дмитрий Минин (Минич), московский боярин и воев., сын Мины, боярина вел. кн. Ивана Калиты 14, 15, 314
Дмитрий Михайлович Боброк (Боброков) Волынский (Волынец), московский боярин и воев., зять вел. кн. Дмитрия Донского 20, 28, 42, 43, 214, 233, 238, 246, 248, 258, 395
Дмитрий Михайлович, боярин Дмитрия Донского 261

Дмитрий Монастырев, см. Дмитрий Александрович Монастырев, кн.
Дмитрий Ноготь, см. Дмитрий Константинович
Дмитрий Обиручев, литовский боярин 233
Дмитрий Ольгердович, кн. трубчевский и брянский, союзник вел. кн. Дм. Донского 33, 40, 41, 57, 96, 233, 238
Дмитрий Палеолог, деспот морейский, брат византийского имп. Иоанна VIII и Константина XI, сын имп. Мануила II 153
Дмитрий Саларев (Дементий Сараев), сурожский купец 244
Дмитрий Черный, сурожский купец 244
Дмитрий Юрьевич меньшой, Красный, кн., сын вел. кн. Юрия Дмитриевича, внук вел. кн. Дмитрия Донского 134, 145, 147, 148, 150, 151, 335, 337, 341, 376
Дмитрий Юрьевич Шемяка, вел. кн. московский, кн. звенигородский и галицкий, сын вел. кн. Юрия Дмитриевича, внук вел. кн. Дмитрия Донского 134, 143—147, 150, 151, 163, 164, 169, 171—180, 182—186, 188, 190, 192, 335, 337, 340—342, 347, 355—360, 362, 364—367, 377, 395
Дмитрий Юрьевич, кн. тверской 361
Доброгостий Самотульский, литовский воев. 94
Довмонт, в крещении Тимофей, кн. нальщанский из династии Ромунда, затем кн. псковский 193
Долаберт, ордынец 301
Долгошеин Давид, устюжанин 365
Долхозя, посол хана Улу-Махмета в Москве 355
Донского супруга, см. Евдокия Дмитриевна
Дорофей, архим., митрополичий печатник 240, 323
Драница Иван Григорьевич, московский боярин 241
Друцкие, князья 401
Дука, автор 378
Дюканж (Дю-Канж), Шарль, французский византинист 309

Еван, см. Иван
Евгений IV, римский папа, в миру Габриэле Кондульмер, венецианец, племянник папы Григория XII 153, 155—161, 346—348
Евдокия, жена тверского кн. Андрея Александровича 226
Евдокия (Авдотья), жена тверского кн. Константина Михайловича 226
Евдокия (Овдотья), кн., жена вел. кн. Михаила Александровича тверского 288, 322
Евдокия (Овдотья) Дмитриевна, в монашестве Евфросиния, вел. кн., жена вел. кн. Дмитрия Донского, дочь вел. кн. Дмитрия Константиновича 10, 61, 62, 133, 220, 222, 226, 243, 244, 309, 317, 323, 373, 401
Евдокия (Овдотия) Дмитриевна, вел. кн., дочь тверского кн. Дмитрия Еремеевича, вторая жена вел. кн. Ивана Михайловича тверского 325
Евпраксия, см. Елена Ольгердовна
Евпраксия, кн., жена кн. Олега Ивановича рязанского 322
Евстафий (Остафий), кн. изборский 10, 226
Евстафий (Остафей) Осипович (Есипович), новгородский боярин 339, 382
Евстафий Сыта, московский боярин, наместник в Новгороде 73
Евф., см. Евфимий
Евфимий (инок Емельян), архиеп. новгородский 138, 330, 332, 380
Евфимий (Евфим), новгородский инок, затем архиеп. новгородский 149, 152, 154, 190, 340, 343, 345, 365, 381—387

Евфимий, еп. суздальский 322
Евфимий Вислен, еп. тверской 26, 125, 239, 275, 278, 310, 316
Евфимий, еп. туровский 128, 311
Евфимий Ежевина 365
Евфимия, паломница 318
Евфросиний (Ефросин), еп. рязанский 310
Евфросиний (Евфросим) Звенец, архиеп. рязанский 377, 388
Евфросин, архиеп. суздальский 68, 124, 265, 309, 318, 323
Евфросиния, см. Евдокия Дмитриевна
Евфросиния Полуэктовна, кн., жена московского кн. Петра Дмитриевича угличского, дочь Полуэкта Васильевича Вельяминова 374
Егрос, сын легенд. Картлоса, внук Ноя 254
Едегей, см. Едигей
Едигей (Едегей, Эдигей), золотоордынский кн., тесть хана Шадибека, военачальник хана Булат-Султана 71, 95, 107—113, 115, 116, 126, 199, 288, 295, 296, 298, 300, 301, 337, 379
Езикей, см. Иезекия
Екатерина II Алексеевна, имп. всероссийская 249
Елеазар Васильев, боярин кн. Ивана можайского 364
Елена, св., римская имп., первая жена имп. Констанция Хлора 262, 316, 320
Елена, кн., вторая жена кн. Константина Васильевича суздальского 226
Елена, кн., жена кашинского кн. Василия Михайловича 227, 234
Елена (Олена) Ольгердовна, в иночестве Евпраксия, кн., жена боровско-серпуховского кн. Владимира Андреевича Храброго, дочь вел. кн. Ольгерда литовского 17, 19, 113, 297, 374, 383
Елентей, псковский боярин 322
Елентий Лубка, псковский посадник 293
Елецкие, князья 283
Елисей Чечетка, архим. Чудова мон. 238
Ельбердей, золотоордынский кн., зять хана Махмета 334
Ельча, посол тверского кн. Михаила Александровича в Орде 287
Емельян, инок, см. Евфимий, архиеп. новгородский
Емельян Лузсков, устюжанин 365
Епиктит (Эпиктет), др.-греч. философ 397
Епифан Кореев, см. Кореев
Епифаний, инок, сподвижник Стефана пермского 67
Еремей (Ермий), грек, еп. рязанский 68, 309
Еремей, псковский водчий 327
Еремей Кузмич (Кузминич), новгородский посол к Василию Темному 360, 367
Еремейка, фогт, см. Иеремия
Ериклибердей, золотоордынский кн. 296
Ермий, см. Еремей
Ермола, игумен псковского Николинского мон. 290
Есип Варфоломеевич, воев. новгородских ушкуйников 227
Есип Васильевич, новгородский боярин 339, 382
Есип Захариинич, новгородский посадник 255, 318, 325
Есип Фалелеевич, новгородский тысяцкий 279
Есип Фалелеевич, новгородский боярин 319
Есип Филиппович, новгородский воев. 302
Есип Филиппович, двинский посадник 289
Есипович, новгородский боярин 303
Есиф Андриянович, новгородский боярин 382
Еска, новгородский посадник 290
Ефрем, еп. ростовский 181, 362, 366, 385
Ефрем, псковский посадник 319
Ефрем, псковский боярин 322

Ефрем Картач, псковский посадник 293
Ефросин, см. Евфросин

Жидимонт, см. Сигизмунд
Жукотинские, князья 298

Засекин Давыд, кн. 376
Зауэр Вольфганг, фогт, ливонский рыцарь 351
Захар, новгородский посол 303
Захарий, игумен новгородского Благовещенского мон. 329
Захарий (Захарья) Иванович, см. Кошкин
Захария, псковский посадник 318
Захария Костроминич, псковский посадник 319—321
Захария Тутчев, см. Тютчев
(За)харьинич, новгородский посол к Свидригайлу 333
Зебра, золотоордынский царевич 300, 301
Зелени-Салтан (Солтан), золотоордынский хан, сын Тохтамыша 113, 114, 298—300
Зеновей, см. Зиновий
Зенович, пан, литовский воев. 354
Зиновий, игумен Троице-Сергиева мон. 149, 163
Зиновий (Зеновей) Михайлович, псковский посадник 353, 373
Зосима, св., один из основателей и игумен Соловецкого мон. 196, 378

Иакинф Слебятев, боярин митр. Фотия 135
Иакинф Крылов, московский игумен 251
Иакинф Шуба, воев. кн. Владимира Андреевича серпуховского 15
Иаков, московский архим. 251
Иаков, см. Олег Иванович рязанский
Иаков Усатый, см. Андрей Волосатый
Ива... Ива..., см. Иван II Иванович Красный
Иван, царь царегородский, см. Иоанн V Палеолог
Иван, еп. галицкий, см. Иоанн
Иван, еп. сарайский, см. Иоанн
Иван, см. Иоанн
Иван I Данилович Калита, в чернечестве Анания, вел. кн., сын московского кн. Даниила Александровича 7, 8, 15, 25, 39, 41, 42, 51, 61, 72, 73, 78, 90, 112, 121, 149, 195, 202, 206, 250, 360, 388, 389
Иван II Иванович, Кроткий, Красный, вел. кн., сын вел. кн. Ивана Калиты, кн. звенигородский и рузский 20, 72, 257, 270, 360, 404
Иван III Тимофей Васильевич, Великий, вел. кн. московский и всея Руси, сын вел. кн. Василия II Темного 45, 69, 134, 149, 175, 179, 182, 186, 188, 193, 194, 200, 205, 244, 262, 292, 340, 359, 360, 366, 367, 369, 371, 372, 374—377, 385—387, 391
Иван IV Васильевич Грозный, русский царь, сын вел. кн. Василия III Ивановича 230, 263, 308, 315
Иван, кн. козельский, см. Иван Титович
Иван, западнорусский кн. 280
Иван, новгородский посадник 232
Иван, псковский посадник 294
Иван, новгородский боярин, главный двинский воев. 92, 285, 286
Иван, новгородский стенописец 277
Иван Александрович, новгородский посадник 304
Иван Александрович, новгородский воев. 282
Иван Александрович, новгородский посол к Дм. Донскому 254
Иван Андреевич, кн. можайский, сын кн. Андрея Дмитриевича можайского, внук вел. кн. Дмитрия Донского 145, 147, 169, 170, 173—175, 177, 179, 180, 182, 183, 188, 190, 191, 195, 335, 336, 354—

360, 363, 364, 367—370, 375, 377
Иван Андреевич, кн. псковский, сын литовского кн. Андрея Ольгердовича 104, 279, 286, 290, 319, 383
Иван Андреевич, московский боярин 258
Иван Андреевич Уда, московский боярин и воев. 254, 281, 282
Иван Баба, кн. друцкий, московский воев. 147, 300, 338
Иван Богданович, новгородский посадник 327, 328
Иван Борисов, новгородский посол к Дм. Донскому 232
Иван Борисович Тугой Лук, кн., сын кн. Бориса Константиновича городецкого 257, 262, 274, 277, 281, 298
Иван Борисович, кн. киевский 96
Иван Борисович Ольшанский, кн. псковский, киевский наместник 287
Иван Борисович, кн. кашинский и коснятинский, сын тверского кн. Бориса Михайловича 97, 288, 299, 300
Иван Брынк, московский воев. 289
Иван Васильевич, кн., сын вел. кн. Василия I Дмитриевича 123, 297, 308, 318, 327
Иван Васильевич, см. Иван III
Иван Васильевич, кн., сын кн. Василия Васильевича ярославского 262, 300, 325, 330
Иван Васильевич, кн. суздальский и нижегородский, старший сын кн. Василия Дмитриевича Кирдяпы 281, 360
Иван Васильевич, кн. смоленский, сын кн. Василия Ивановича 25, 41, 58, 233, 256
Иван Васильевич, кн. боровско-серпуховской, сын кн. Василия Ярославича боровского 191, 369, 370
Иван Васильевич, сын тысяцкого, см. Вельяминов И. В.
Иван Васильевич, новгородский посадник 243, 339, 382
Иван Васильевич, сын новгородского боярина Василия Даниловича 227
Иван Васильевич, московский волостель 303
Иван Васильевич Усатой, новгородский купец 243
Иван Владимирович, кн. серпуховской, алексинский и козельский, старший сын кн. Владимира Андреевича Храброго 99, 113, 276, 279, 288, 297, 375
Иван Владимирович, вел. кн. рязанский, кн. пронский 100, 289, 307
Иван Владимирович, кн. новгородский, кн. литовский, сын кн. Владимира Ольгердовича киевского 164, 349
Иван Всеволодович, кн холмский, московский наместник в Торжке, сын тверского кн. Всеволода Александровича 97, 108, 242, 287, 288, 318
Иван Всеволодович, кн. стародубский 228
Иван Григорьевич, см. Драница И. Г.
Иван Данилович, новгородский воев. 302
Иван Дмитриевич, кн., сын вел. кн. Дмитрия Александровича 206
Иван Дмитриевич, в монашестве Иоасаф, кн., сын вел. кн. Дмитрия Донского 61, 259—261, 317
Иван Дмитриевич, кн., сын вел. кн. Дмитрия Константиновича, кн. суздальского 30, 31, 236
Иван Дмитриевич Шемякин (Шемячич, Шемячиць), кн. звенигородский, сын кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки 357, 367, 368
Иван Дмитриевич Всеволож, московский боярин, дипломат 141—144, 308, 309, 329, 334, 335
Иван Еремеевич, кн. тверской 291
Иван Еремьинич (Иван Кремнич), новгородец 235, 402

Иван Ермолинич, новгородский посол к Свидригайлу 333
Иван Засека, кн. 341
Иван, кн. звенигородский 366
Иван (Иоанн) Зедзевит, см. Владимир Иоанн Зедзевит
Иван Златой, московский монах 343
Иван Иванович, кн., сын вел. кн. Ивана II Красного, брат Дмитрия Донского 225
Иван Иванович молодой, вел. кн. тверской и московский, сын вел. кн. Ивана III 387, 391
Иван (Ивашко) Иванович, кн., сын вел. кн. Ивана Михайловича тверского 291, 321
Иван Иванович, московский воев. 371
Иван Иванович, боярин Вел. кн. Василия Темного 377
Иван Иевлич, новгородский боярин 303
Иван Калистрат, см. Иван Михайлович, кн.
Иван Киселев, нижегородский вотчинник, устюжский наместник кн. Дмитрия Шемяки 355, 366
Иван Константинович, кн. торусский 26, 42, 44
Иван Копорский 290
Иван Корелькович, смоленский воев. 292
Иван Кремнич, см. Иван (Еван) Еремьинич
Иван Кузминский, московский воев. 341
Иван Кумганец, новоторжский боярин 329
Иван Ларионов, псковский посол к вел. кн. Василию Темному 382
Иван Ларьянович, псковский боярин 331
Иван Лихорь, нижегородский воев. 281
Иван Лукинич, новгородский степенной посадник 360, 369
Иван Лукинич Щока, новгородский боярин 354
Иван Максимович, новгородский посол к Василию Темному 339
Иван Марин, московский боярин 289
Иван Микишин, двинский наместник 285
Иван Михайлович, вел. кн. тверской, сын вел. кн. Михаила Александровича тверского 20, 97, 98, 104, 108—110, 114, 115, 136, 231, 275, 287, 288, 291, 296, 298—300, 310, 321, 322, 324, 325, 329, 330
Иван Михайлович, кн. 319
Иван Михайлович, московский боярин 233
Иван Михайлович Калистрат, кн. стародубский, сын кн. Михаила Ивановича стародубского, родоначальник кн. Пожарских, Ряполовских, Гагариных, Хилковых, Татевых 234
Иван Михайлович Тропарь, боярин 317
Иван Можайский, см. Иван Андреевич
Иван (Ивашко) Монивидович, пан, посол Витовта в Орде 334
Иван Никитич, боярин вел. кн. Василия Дмитриевича 112
Иван Ольгердович, кн. острожский, сын вел. кн. Ольгерда литовского 237
Иван Ольгимонтович (Монтивич), литовский кн., кн. голшанский 73, 105, 292, 405
Иван Ольшанский, кн., киевский наместник 87
Иван Ощера, московский воев. 177, 357, 358
Иван Прокшинич, московский наместник в Новгороде 275
Иван Ржевский, кн. 225
Иван Родионович Квашня, в монашестве Игнатий, московский боярин, сын боярина Родиона Нестеровича Рябца 41, 245, 248, 258, 261, 315
Иван, кн. ряполовский 175, 371
Иван Святослав, воев. Дмитрия Донского 242
Иван Святославич, кн. вяземский 100

Иван Сидорович, псковский посадник 293—295, 331, 381
Иван смоленский, см. Иван Васильевич
Иван Старков, см. Старков И. Ф.
Иван Стефанович, в иночестве Феодор, племянник Серия Радонежского 262
Иван Стрига, см. Оболенский И. В.
Иван Тимофеевич, новгородский воев. 232
Иван Титович, кн. козельский, третий сын кн. Тита Мстиславича карачевского 276
Иван Уда, см. Иван Андреевич
Иван Федорович, кн. стародубский, сын кн. Федора Ивановича стародубского 8
Иван Федорович, в чернечестве Иона, вел. кн. рязанский, сын вел. кн. Федора Ольговича рязанского 145, 182, 190, 332, 360, 369
Иван Федорович, кн., сын кн. Федора белозерского 8, 44
Иван Федорович, московский боярин 258, 261
Иван Федорович, см. Кошкин-Кобылин И. Ф.
Иван Федорович, боярин новгородского архиеп. 276
Иван Федорович, новгородский воев. 253
Иван Федорович, новгородец 304
Иван Федорович, новгородец 262
Иван Федорович Квашнин, боярин Дмитрия Донского 261
Иван Хахилович, псковский священник 327
Иван, кн. черторижский, литовский кн., внук Ольгерда 140
Иван Шахов, новгородский воев. 232
Иван Ших, сурожский купец 244
Иван Юрьевич, кн. зубцовский, сын вел. кн. Юрия Александровича тверского 136, 330, 356, 361
Иван Юрьевич, кн., московский боярин и воев. 193, 371, 377, 388
Иван Юрьевич, новгородский посол к Василию Темному 360, 367, 369
Иван Ярославич, кн. рязанский, сын кн. Ярослава Романовича пронского, отец Ивана Коротопола 307, 337
Иванец, см. Иона, архиеп. новгородский
Ивашенец, посол польского короля в Москве 360
Ивашко, см. Иван Михайлович, кн. тверской
Ивор, двинский воев. 353
Игнатий, иконник, московский монах 343
Игнатий, еп. ростовский 239
Игнатий, еп. в свите митр. Пимена 267
Игнатий, монах, сопровождавший митр. Пимена 268
Игнатий Крень, воев. Дмитрия Донского 245
Игнатий Пятков, псковский боярин 353
Игнатий Семенович Жеребцов, коломенский воев., внук московского боярина Андрея Ивановича Кобылы 289
Иев (Иов) Булатов, десятинник новгородского архиеп. в Устюге 338
Иев Обакумович, боярин новгородского митр. 276, 279
Иезекия (Езикей), иудейский царь 403
Иеремий Константинович, кн. дорогобужский, сын кн. Константина Михайловича тверского 12, 13, 227, 230, 274
Иеремия (Еремейко), ливонский фогт в Нарве 302
Иеремия, грек, еп. рязанский 124
Изяслав II Мстиславич, вел. кн. киевский, сын вел. кн. Мстислава Владимировича Великого, внук Владимира Мономаха 128, 388
Илия, господарь волошский 138, 401
Илия, см. Илья

Илларион, еп. коломенский 311
Илларион (Ларион), еп. смоленский 324
Илларион (Ларион), архим. московского Симонова мон., затем еп. коломенский 322, 323
Илларион (Ларион), псковский посадник 294, 328
Илларион (Ларион), псковский боярин 295
Илларион (Ларион) Дойникович, псковский посадник 291
Илья (Илия), в схиме Иоанн, св., архиеп. новгородский 383
Илья, келарь Троице-Сергиева мон. 277
Илья Иванович, см. Лыков
Илья, шпион кн. Витовта 328
Иляк, посол хана Мурута (Амурата) 225
Иннокентий IV, папа римский, в миру Синибальдо Фиески, генуэзец 218
Инри Винки, см. Винке Г.
Иоаким, см. Олег Иванович рязанский
Иоаким, новгородский архим. 278
Иоаким, архидиакон митр. Фотия 326
Иоаким, псковский посадник 333
Иоанн V Палеолог, византийский имп. 273
Иоанн VIII Палеолог, византийский имп., старший сын Мануила II 124, 152, 153, 155, 156, 158, 160, 161, 264, 345
Иоанн, король богемский 271
Иоанн, архиеп. новгородский, см. Илья
Иоанн, архиеп. новгородский 76, 91, 102, 120, 125, 132, 211, 278, 279, 281, 282, 289, 290, 306, 310, 316, 318—321, 323—327, 343
Иоанн Гоголь, священник, затем еп. владимиро-волынский 322
Иоанн, еп. галицкий 311
Иоанн, еп. сарайский 239
Иоанн Непейца, спасский архим. 34, 238
Иоанн, петровский архим., кандидат в митр. 36, 240, 241
Иоанн, новгородский игумен 278
Иоанн, новгородский протопоп 273
Иоанн, протопоп в свите митр. Пимена 267
Иоанн, константинопольский протодиакон 275
Иоанн, священник, отец Митяя 238
Иоанн, новгородский священник, летописец («поп Иоанн») 285, 286, 289, 290, 295, 301, 304, 343
Иоанн, ливонский фогт 117
Иоанн, литовский христианин 238
Иоанн Галеас, герцог миланский из дома Сфорца 120
Иоанн Гусс, см. Ян Гус
Иоанн Мазовский, литовский боев. 94
Иоанн, см. Иван
Иов Аввакумович, новгородский посол к Дмитрию Донскому 254
Иона, библ. 379
Иона, митр. московский и всея Руси, ранее еп. рязанский, церковный деятель и публицист 152, 153, 162, 163, 181—183, 186, 187, 194, 209, 219, 343, 347, 348, 359, 360, 362, 365—367, 369, 373, 377, 385—388
Иона, архиеп. новгородский 196
Иона, св., в миру Иванец, архиеп. новгородский 372, 377, 378, 387, 389
Иона, еп. рязанский 176, 177, 362
Иона, игумен Соловецкого мон. 378
Иорге, см. Георгий
Иосиф, библ. 404
Иосиф Волоцкой, св., преподобный 343
Иосиф II, патриарх константинопольский 153, 158
Иосиф, патриарх московский и всея Руси, ранее архим. Симонова мон. 263

Иосиф (Осия), духовник кн. Дмитрия Красного 342
Иосиф, новгородский посадник 56
Иосиф, новгородский посадник 92
Иосиф, новгородский тысяцкий 253
Иосиф (Осиф) Андреевич Горшков, новгородский боярин 354
Иосиф Захарьевич, новгородский посадник 278
Иосиф Носов, новгородский посадник 367
Иосиф Фалалеевич, новгородский тысяцкий 285
Ираклий, легенд. божество 248
Ирина (Орина), вдова московского боярина Семена Васильевича 374
Ирод I Великий, иудейский царь 363
Исаак (Исак) Акинфович, новгородец 329
Исаак (Исак) Андреевич (Ондреевич), новгородец 304
Исаак Борецкий, новгородский воев. в Порхове 137
Исаак (Исак) Окинфов, знатный новгородец 318
Исаакий, еп. брянский 319
Исаакий, еп. пермский, один из преемников св. Стефана пермского 196, 319, 327
Исаакий, архиеп. черниговский 68, 105, 124, 309—311
Исаакий, архим. московского Чудова мон. 319
Исаакий Молчальник, инок Троице-Сергиева мон. 278
Исаакий Черниговский, еп., поддержавший митр. Григория Цамблака 128
Исайя (Исаиа), управляющий новгородского архиеп. 285
Исак, см. Исаак
Исакий, см. Исаакий
Исидор (Сидор), грек, южнорусский митр., еп. сабинский, кардинал, папский легат в Венгрии 152, 154—156, 160—163, 182, 197, 198, 218, 312, 344—348, 356, 360, 379, 383, 389
Исмаил, новгородский протопоп 278
Исупсюлимень, золотоордынский кн. 296
Иулиан, еп. родосский 156, 157
Иулиания, см. Ульяна
Иустиниан, см. Юстиниан

Кавгадый, золотоордынский вельможа 19
Каверцик, см. Койричак
Кади Веледдин, см. Веледдин, кади
Кавказос, легенд., сын Картлоса, внук Ноя 254
Казат Улан (Казат Улан-Мурза), главный полководец татарского хана Ахмата 193, 373
Казимир IV (Андрей), польский король, вел. кн. литовский, сын и преемник короля Владислава III (Ягайла) 140, 163—165, 167, 168, 175, 183, 192, 194, 343, 347—351, 354, 362, 376
Каин, библ. 103, 184, 363
Калайдович Константин Федорович, историк, археограф 401, 404
Каликст (Калист, Каллист) III, римский папа, в миру Алонсо де Борха (Борджа), испанец 348
Калита, см. Иван I Данилович
Каллист, см. Каликст
Калоан 309
Кантемир, Дмитрий Константинович, господарь молдавский, затем светлейший кн., тайный советник, сенатор, молдавский историк 378
Карагалук, татарский кн. 237
Карамзин, Николай Михайлович, историк 400
Карач, татарский мурза 13, 53, 228
Карл I Великий, имп. священной Римской империи германской нации, король французский, основатель династии Каролингов 200
Карл VII, французский король из династии Валуа 394
Карл Кнутсон, кн. выборгский,

маршал в шведской Финляндии 165, 349
Карп, псковский монах 322
Карп, новгородский посадник, посол в Пскове 371
Карп, цирюльник (стригольник), основатель ереси в Новгороде 64, 264
Карп Евстафьевич, кн., сын кн. Евстафия (Остафия) псковского 226
Карп Зобанов, псковский посол в Москве 380
Карп Олексин, воев. Дмитрия Донского 245
Карпин, см. План-Карпин
Картлос, легенд. предок грузин, сын Ноя 254
Касим, татарский царевич, сын казанского хана Улу-Махмета, затем московский воев. 179, 180, 186, 188, 365, 366
Касиян (Кассиан), см. Константин Димитриевич
Кахос, легенд., сын Картлоса, внук Ноя 254
Качибейкирей, золотоордынский кн. 228
Кашгарский, хан 78, 400
Кгаставт, см. Гастовт
Кедрин, Георгий, византийский историк, хронист 309
Келх (Кельх) Христиан, лифляндский историк 230, 256
Кемские, князья, потомки белозерского кн. Василия Романовича 242, 243
Керим-Бердей (Кирмбердей, Керимбердей), хан Золотой Орды, сын Тохтамыша 114, 115, 299, 300
Кестутий (Кестут, Кейстут), кн. тракайский и жемайтский, сын вел. кн. Гедимина литовского, брат и соправитель Ольгерда 14, 17, 21—23, 26, 33, 58, 73, 87, 89, 94, 139, 231, 238, 275, 287, 322
Кибака, золотоордынский хан, брат Зелени-Солтана 300, 301
Киприан, митр. киевский и всея Руси 34, 37, 48, 52, 64, 65, 76, 78, 84, 89, 90, 109, 114, 124—127, 129, 131, 238, 241, 242, 249, 251, 252, 264, 275, 282, 284, 287, 289, 308—311, 314, 316—319, 321—323, 342, 356, 377, 389, 405
Киприян, сын летописца Матвея 325
Кирдяпа, см. Василий Дмитриевич, кн.
Кирилл, св., игумен белозерского мон. 181, 358, 380
Кирилл, еп. тверской 287
Кирилл, псковский зодчий 275
Кирилл Адрианович, новгородский посол к Дмитрию Донскому 280
Кирилл (Кирила) Андрианович (Ондреянович), новгородский посадник 321, 325
Кирилл (Кирила) Дмитриевич, новгородский посадник 326
Кирилл Дмитриевич, новгородский боярин 285
Кирисайло, кн. литовский, сын Ольгерда 237
Кичи-Махмет, см. Кичим-Ахмет
Кичим-Ахмет (Кичи-Махмет), золотоордынский хан, отец последнего хана Ахмета 142, 149, 151, 193, 337, 341
Клевский (фон Клеве), см. Эбергард
Климент, св. 301
Климент (Клим) Смолятич, митр. киевский и всея Руси, ранее монах великосхимник 128
Климент Поленин, воев. Дм. Донского 242
Климентий, митрополичий стольник 285
Климентий Васильевич, новгородский посол в Литве 290
Климок, слуга тевтонского комтура Людовика 333, 334
Климонт Васильевич, сын новгородского посадника 255
Кобылин, Федор Андреевич Кошка, московский боярин, дипломат, сын Андрея Ивановича Кобылы 112, 258, 282, 316
Коверга, татарский кн. 237
Когча, татарин 300
Козельский, кн. 320

Козловы — Морозовы, см. Морозовы
Койричак Аглен (Каверцик), золотоордынский кн., сын Уруса 83, 86, 99, 115, 300
Колударов, боярин 377
Комат, см. Некомат
Кондрат Прус, кремецкий воев. 328
Копийский, верейский воев. 354
Конон, двинский воев. 285, 286
Конрад Фитингоф, см. Фитингоф
Константин (Костянтин) I Гай (Луций или Марк) Флавий Валерий Константин Август, св., равноапостольный, Великий; цезарь, затем римский имп. из династии Диоклетиана, сын западноримского имп. Констанция Хлора 124, 153, 156, 262, 314, 320
Константин VII Багрянородный, византийский имп. из Македонской династии, историк 215
Константин XI Драгас, последний византийский имп. из династии Палеологов 197, 198, 378
Константин, тверской посол в Орде 288
Константин, кн. белозерский, псковский 294
Константин Англичен, см. Бартольд Шварц
Константин Андреевич (ошибочно), летописный ростовский кн. 225
Константин Васильевич, кн. ростовский, сын кн. Василия Константиновича ростовского 8, 10, 225
Константин Васильевич, кн. суздальский и нижегородский, сын кн. Василия Михайловича суздальского 270
Константин Владимирович (ошибочно), летописный ростовский кн. 225
Константин (Костянтин) Волк, сурожский купец 244
Константин Дмитриевич, в иночестве Кассиан, кн. московский, московский наместник в Пскове, сын вел. кн. Дмитрия Донского 61, 104, 106, 107, 116, 119, 122, 135, 140, 142, 146, 173, 260, 261, 263, 293, 294, 301—304, 308, 317, 323, 324, 326, 327, 330, 331, 335, 337, 375
Константин Дмитриевич, московский боярин, свидетель духовной вел. кн. Василия I 309
Константин Добровский, боярин московского кн. Константина Дмитриевича 293
Константин Иванович, кн. белозерский 77, 317, 318
Константин Иванович, боярин серпуховского кн. Владимира Храброго 298
Константин Конанович, воев. кн. Владимира Андреевича Храброго 245
Константин Кориатович, литовский кн., племянник вел. кн. Ольгерда 228
Константин Михайлович, кн. тверской, сын кн. Михаила Ярославича тверского 10, 226
Константин Оболенский, см. Константин Юрьевич
Константин Ольгердович, кн. чарторижский, сын Ольгерда 238
Константин Федорович Улемец, кн. ярославский, сын кн. Феодора Ростиславича Черного 262
Константин чарторижский, см. Константин Ольгердович
Константин Юрьевич, кн. оболенский, сын кн. Юрия Михайловича торусского и оболенского 15, 228
Константинович, см. Михаил
Константинович, новгородский посол
Кончак, половецкий хан 70
Корачаров, воев. 354
Кореев Епифан, рязанский боярин 38, 314
Кориатовичи, см. Александр, Константин, Георгий, Федор
Корибут-Димитрий Ольгердович, литовский кн., кн. нов-

город-северский, сын вел. кн. Ольгерда 87, 237, 238, 256
Коригайло Ольгердович, литовский кн., сын вел. кн. Ольгерда 87
Корнилко Олисейков, новгородец 253
Косой, см. Василий Юрьевич
Кострок, татарский кн. 237
Кочевин-Олешинский, Юрий Васильевич, московский боярин 36, 37
Кошкин Захарий (Захарья) Иванович, предок Романовых 335, 354
Кошкин Федор Федорович Голтяй, московский боярин 309, 364, 375
Кошкин-Беззубцев, Константин Александрович, московский воев., родоначальник Шереметевых 366
Кошкин-Голтяев, Андрей Федорович, московский боярин, сын боярина Федора Федоровича Голтяя Кошкина 336, 338, 354
Кошкин-Кобылин, Иван Федорович, казначей вел. кн. Василия I Дмитриевича, сын боярина Федора Андреевича Кошки 112, 308, 309
Кошкина С. И., см. Козлова-Морозова С. И.
Кошкина-Голтяева (Голтаева) Марья, в иночестве Маремиана, жена боярина Федора Федоровича Кошкина-Голтяева, бабка вел. кн. Марии Ярославны, жены Василия Темного 194, 358, 364, 375, 405
Кранц Альберт, историк 119, 248, 256, 304
Красный, см. Дмитрий Юрьевич
Крейтон Роберт, переводчик 344
Кривоборские, князья, потомки кн. Стародубских 266
Кромер Мартин, немецкий историк 286, 379
Круг Иоганн Филипп, историк, археограф 270, 271
Круглец, в крещении Евстафий, литовский христианин 238
Ксения (Оксиния) Юрьевна, кн. тарусская, вторая жена вел. кн. Ярослава Ярославича 320
Кузьма Кувыря, сурожский купец 244
Кузьма Порховский 341
Кузьма Тарасин, новгородский воев 339
Кузьма Терентьевич, новгородский тысяцкий 329
Кузьма Терентьевич, новгородский боярин 303
Куйдадат (Куйдат), золотоордынский царевич, сын хана Койричака 115, 300
Кулудар, дьяк кн. Ивана Можайского 358, 359
Кураиш, казанский посол в Москве 355
Курбские, князья 243
Кутлубак Солтан, золотоордынский кн. 228
Кутузов Василий Федорович, московский боярин, сын Федора Александровича Кутуза 180, 358

Лавр, псковский посол 290
Лазарь, кн. (царь) сербский 268
Лазарь, афонский монах, часовой мастер 132, 315
Лазута, новгородец 272, 273
Ларивон, Ларион, см. Илларион
Лев VI Мудрый (Премудрый), византийский имп. из Македонской династии, философ 198, 378
Лев, новгородский игумен, кандидат в архиеп. 326
Лев, легенд., кн. курбский 242
Лев, кн. смоленский 274
Лев Аллаций, см. Аллаций
Легбен, см. Лугвений
Леонтий, св., первый еп. ростовский 181, 358
Леонтий, иерей Троице-Сергиева мон., первый игумен Дубенского мон. 264
Леонтий Макарьинич, псковский посадник и воев. 369
Леонтий (Левонтий) Макарьинич, псковский боярин 353
Лесгос, легенд., сын Картлоса, внук Ноя 254
Либей, кн. казанский 171, 355

Линденблат, ливонский хронист 249, 256, 288, 289, 292
Литовский, кн., см. Остей
Лобан, московский воев. 341
Логин, св. 327
Лодвик (Людовик), тевтонский комтур 333, 334
Лугвений (Лугвень, Легбен) Симеон Ольгердович, литовский кн. и воев., кн. мстиславский и волынский, кн. новгородский, копорский и ладожский, сын вел. кн. Ольгерда литовского 56, 73, 100, 116, 119, 164, 167, 237, 255, 256, 289, 301, 302, 308, 325, 349
Лука, св., апостол, евангелист 242
Лука, псковичь 229
Лука, можайский крестьянин 326
Лука Подеиваев, боярин кн. Василия Ярославича боровского 371
Лукьян, литовский боярин 233
Лукьян Онцифорович, новгородец 329
Львов Николай Александрович, издатель, поэт, архитектор 225
Львовы, князья 376
Лызлов Иван Андреевич, историк 236, 340, 341, 379
Лыков Илья Иванович (Илия Иоаннович), московский боярин и воев. 112, 354
Любарт Гедиминович, в крещении Дмитрий, кн. холмский, луцкий и владимиро-волынский, сын Гедимина 57
Людовик, патриарх антиохийский 379
Людовик XIV Великий, французский король из династии Бурбонов 198
Людовик, король Венгрии и Польши 57, 255
Ляпун, устюжанин 285

Магомет, лжепророк 80, 267
Магомет II (Мехмед), султан турецкий 160, 197, 198, 379
Мазовские, князья 138, 401
Мазовша, царевич, сын Седи-Ахмета ногайского 186, 187
Макар, золотых дел мастер 261
Макарий, патриарх константинопольский 125
Макарий, мисолинский игумен 240
Македонский, см. Александр III
Максим, митр. киевский и владимирский 239
Максим, псковский воев. 369
Максим, новгородец 77, 282
Максим Ананьевич, новгородский воев. 253
Максим Ларивонович, новгородский посадник 349, 372, 373, 388
Максим Онцифорович, новгородский боярин 275
Малбердей, татарский военачальник 366
Малахий Философ, монах 264
Мамай, золотоордынский темник, затем беклярибек (высший чиновник), правитель правобережного улуса Золотой Орды 7, 16, 18, 19, 24, 25, 28—33, 36—38, 40, 41, 43—46, 74, 84, 85, 95, 202, 214, 220, 221, 230, 231, 233, 237, 240—243, 245, 247, 250, 264, 275, 309, 388
Мамант Салтан, хан соединенных Золотой и Волжской Орды 16, 230
Мамат (Мамать Хозя), в крещении Мисаил, золотоордынский вельможа 126, 317
Мамат-Салтан, золотоордынский царевич 320
Мамутек (Мамутяк, Мамотяк), царевич, затем хан казанский, сын хана Улу-Махмета 150, 169, 171, 184, 334, 341, 355, 363—366
Мансуп, золотоордынский кн. 151, 341
Мануил II, византийский имп. из династии Палеологов, сын Иоанна V 124, 129, 268
Мария, см. Александра Васильевна, вел. кн.
Мария, см. Вельяминова
Мария, мать св. Стефана Пермского 266
Мария, кн. 357

Мария, жена византийского имп. Иоанна VIII Палеолога 158
Мария, кн., жена кн. Даниила 337
Мария, кн. оболенская, см. Оболенская М. Ф.
Мария, вел. кн., первая жена вел. кн. Всеволода III Большое Гнездо 133, 317
Мария Александровна, в монашестве Фетиния, вел. кн., вдова вел. кн. Семена Гордого, дочь кн. Александра Михайловича тверского 320
Мария Борисовна, вел. кн., первая жена вел. кн. Ивана III, дочь вел. кн. Бориса Александровича тверского 179, 385
Мария Васильевна, кн., жена литовского кн. Юрия Патрикеевича Наримантова, дочь вел. кн. Василия I Дмитриевича 328
Мария Дмитриевна, кн., жена литовского кн. Лугвения-Симеона Ольгердовича, дочь вел. кн. Дмитрия Донского 100, 289
Мария Дмитриевна, жена Микулы (Николая) Васильевича Вельяминова, старшая дочь кн. Дмитрия Константиновича суздальского 143
Мария Ивановна, кн., жена кн. Александра Федоровича ростовского, дочь кн. Ивана Васильевича ярославского 325
Мария Ивановна, княжна серпуховская, дочь московского кн. Ивана Владимировича серпуховского, алексинского и козельского, внучка кн. Владимира Храброго 375
Мария Кестутиевна, в иночестве Марфа, кн., жена кн. Андрея Ивановича серпуховского, дочь вел. кн. Кестута литовского 315
Мария Кестутиевна, в монашестве Марфа, жена кн. Ивана Михайловича тверского, дочь вел. кн. Кестута литовского 97, 275, 321, 322
Мария Федорова, см. Кошкина-Голтяева
Мария Ярославна, княжна боровско-серпуховская, вел. кн., жена вел. кн. Василия Темного, дочь Ярослава — Афанасия Владимировича, внучка кн. Владимира Храброго 142, 175, 373, 386, 405
Марк (Марко), св., митр. эфесский 156—159, 345
Марко, синайский митр. 266
Марко Поло (Пауло), венецианский путешественник 217
Мартин, коломенский архим. 240
Мартиниан (Мартинян), игумен Троице-Сергиевого мон. 362
Матей, польский кн., еп. виленский 343
Матей, библиотекарь 397
Матвей (Матфей) Михайлович, летописец 275, 276, 323, 325
Матвей (Матфей) Фрязин, московский боярин, наместник печерский 69, 270
Матвей (Матфей) Фалелевич, новгородский тысяцкий 232, 234, 235
Матфей, патриарх константинопольский 325
Матфей, митр. адрианопольский 265, 309, 310, 316
Матфей, еп. сарайский 239
Матфей (Матвей), кн. псковский 275
Матфей, инок, см. кн. Михаил Александрович тверской
Матфей Грек, еп. ростовский 276, 277
Махмат-Салтан, булгарский кн. 29
Махмет (Магметь), татарский хан, царь казанский, основатель Казанского ханства 137, 140—142, 149—151, 169, 171, 173, 174, 183, 186, 301, 334, 341, 363
Махмет Исупусюлименевич, золотоордынский кн. 296
Махмут-Хозя, золотоордынский царевич 337

Меркурий, литовский боярин 233
Мефодий «Патръский», св. 198, 378
Мещерин, дьяк серпуховского кн. Владимира Храброго 298
Мещерские, князья 339
Микита Головня 289
Микита Неелов, московский посол в Пскове 323
Микита Туриков, московский воев. 341
Микита Федорович, новгородский тысяцкий 290
Микита Федорович, новгородский тысяцкий 282
Микитич, новгородский посадник 303
Микифор Совкин, псковский посол в Москве 380
Микула, псковский боярин 294
Микула, новгородский купец 243
Микула Васильевич, см. Вельяминов М. В.
Микула Павлович, псковский посадник 295
Микула Павлович, псковский посадник 380
Миллер Герард (Гергард) Фридрих, историк 254, 265, 395
Мин-Булат, ордынский дорогамин в Москве 335
Минигайло, литовский кн., сын вел. кн. Ольгерда 237
Минин, см. Дмитрий Минин
Миня Жугулев, устюжанин 365
Мирза, казначей золотоордынского хана Шадибека 107, 295
Мисаил, еп. смоленский 359, 367, 386
Мисаил, новгородский старец 149
Мисаил, св. отрок 126
Мисаил, см. Мамат
Митереван, отец татарского кн. Азбердея 354
Митрофан, патриарх константинопольский 159
Митрофан, еп. суздальский 310, 323, 327
Митя Московский, см. Дмитрий Донской
Митяй (в иночестве Михаил), священник с. Коломенского, духовник и печатник вел. кн. Дм. Донского, позднее спасский архим., затем митр. киевский и всея Руси 34—37, 64, 238, 240, 265, 394
Михаил, инок, см. Митяй
Михаил, св., архангел, архистратиг 247, 262, 348
Михаил, патриарх антиохийский 273
Михаил, еп. вифлеемский (вифлеомский) 282, 318
Михаил (Михайло), еп. смоленский 67, 68, 124, 265, 268, 277, 279, 309, 310, 319, 321
Михаил, новгородский игумен, кандидат в архиеп. 326
Михаил, монах, сопровождавший митр. Пимена 268
Михаил, кн. глуховский и новосильский 292
Михайло, литовский кн., воев. киевский 333, 334
Михайло, пан, литовский канцлер 344, 367
Михаил, см. Беклемиш
Михаил, новгородский посадник 234
Михаил Александрович, в иночестве Матфей, вел. кн. тверской 7, 12, 13, 16, 18, 20—28, 52, 53, 63, 96—98, 217, 226—228, 230—235, 242, 251, 252, 273—275, 277, 278, 287, 309, 310, 316, 318—320, 322, 402
Михаил Александрович, кн. тверской, в иночестве Матвей 7
Михаил Андреевич, кн. верейский, сын кн. Андрея Дмитриевича можайского, внук вел. кн. Дмитрия Донского 145, 169—172, 180, 182, 192, 335, 336, 354, 355, 358—360, 362
Михаил Андреевич, кн. полоцкий, сын Андрея Ольгердовича полоцкого 252
Михаил (Михайло) Андреевич, новгородский степенной тысяцкий 340, 369

Михаил, сын и наследник кн. Бориса Александровича тверского 193
Михаил Борисович, последний вел. кн. тверской, сын вел. кн. Бориса Александровича тверского 193, 361
Михаил Бренок (Брянок), см. Бренко М. А.
Михаил Васильевич, кн. кашинский, сын кн. Василия Михайловича кашинского 13, 21, 26, 227, 231, 234, 273, 274
Михаил Верейский, см. Михаил Андреевич
Михаил Всеволодович, св., вел. кн. киевский, кн. новгородский и черниговский, сын кн. Всеволода (Даниила) Святославича Черного 11, 15, 26, 68, 89, 99, 105, 226, 228, 276
Михаил, сын Глеба Васильковича, первого кн. белозерского 234
Михаил Давидович, отец Федора Моложского 234
Михаил Данилович Волынский, кн. 96
Михаил Данилович, новгородский посадник 278
Михаил Данилович, боярин новгородского архиеп. 276
Михаил Деев, кн. 376
Михаил Иоаннович, боярин, внук Акинфов (Акинфия Великого) 42, 44
Михаил (Михайло) Иванович 289
Михаил Литовец, автор 379
Михаил Лялин, московский воев. 289
Михаил Поновляев, новгородский воев. 243
Михаил Рассохин (Розсохин, Разсохин), «беглец новогородский» 102, 118, 290, 314
Михаил Сараев, сурожский купец 244
Михаил Сатин, боярин вел. кн. Василия Темного 363
Михаил, св., см. Михаил черниговский
Михаил, сын вел. кн. Сигизмунда Кестутьевича литовского 140, 333, 377
Михаил Тверской, см. Михаил Ярославич
Михаил Туча, новгородский посадник 189
Михаил Чепчик, московский воев. 388
Михаил Черниговский, см. Михаил Всеволодович
Михаил (Мишка) Щекотов, попович, новгородец 253
Михаил Юрьевич, новгородский боярин 302
Михаил Яковлевич Медоварцев 387
Михаил Ярославич, кн. тверской вел. кн. владимирский, третий сын вел. кн. Ярослава Ярославича 19, 273, 320, 361, 389, 396
Михайло, псковский посол 290
Михайло, отец летописца Матвея 276
Михайло Андреевич (Ондреевич), московский боярин 308
Михайло Арбанасс, боярин Витовта 334
Михайло Буйносов, новгородский посол к Василию Темному 339, 382
Михайло Вяж, московский боярин 308
Михайло Давидович, кн. моложский, внук Федора Черного 262
Михайло Данилович, новгородский посадник 316
Михайло Евнутиевич, кн., внук Гедимина 96
Михайло Иванович, боярин серпуховского кн. Владимира Храброго 298
Михайло Константинович, тверской посол в Новгороде 235, 402
Михайло Крупа, новгородец 320
Михайло Федорович, московский боярин, свидетель духовной вел. кн. Василия I 308
Михайло Фефилатов 289

Михайло Хотетовский 105
Михайло Юрьевич, новгородец 328
Михайло Яковлев, двинский воев. 167
Михайло Яковль, новгородский воев. 353
Можайский, см. Иван Андреевич
Мозгейм, автор 344
Моисей, библ., пророк 36
Мокош (Мокошь), языч. божество 248
Мокшей, московский посол в Орде 250
Монивид, пан, воев. троцкий (Тракайский) 343
Моисей, архиеп. новгородский 272
Мономах, см. Владимир II Всеволодович
Морозов Иван, новгородец 326
Морозов, Григорий Игнатьевич Козел, внук боярина Михаила Ивановича Морозова 366
Морозов, Лев Иванович, московский боярин и воев., сын Ивана Семеновича Мороза 42, 44
Морозов, Михаил Иванович, московский боярин, сын боярина Ивана Семеновича Мороза, родоначальник Морозовых, Салтыковых, Шеиных и Тучковых 252
Морозов Семен (Симеон) Федорович, боярин кн. Юрия Дмитриевича звенигородского 144, 146
Морозова, Степанида Ивановна, дочь боярина Ивана Ивановича Кошкина, жена Григория Игнатьевича Козла-Морозова, невестка кн. Марии Оболенской 366
Мстислав, кн. торусский 44
Мстислав Михайлович, кн. карачевский, сын вел. кн. Михаила Черниговского 276
Мстиславские, князья, боярский род 263
Муратори Л. А., миланский издатель 284
Муромский, кн. 320
Мурут (Амурат), царь (хан) сарайский 8, 9, 225
Мусин-Пушкин (Пушкин, Пушк., Пушкинское собрание) Алексей Иванович, гр., русский гос. деятель, коллекционер, археограф, историк 270, 271, 339, 367, 369, 401, 405
Мустафа, золотоордынский царевич 134, 168, 169
Мут-Мурза, татарский кн. 354
Мцхетос, легенд., сын Картлоса, внук Ноя 254

Назар Данилович Кусаков 237
Наримант Гедиминович, в крещении Глеб, литовский кн., кн. новгородский 73, 255
Наримант Ольгердович, литовский кн., сын вел. кн. Ольгерда 87, 89
Нарушевич Адам Станислав, польский историк 228, 286, 379
Насон, еп. смоленский 284
Настасия (Настасья), жена киевского кн. Александра (Олелько) Владимировича 358, 359
Настасья, жена тверского кн. Василия Михайловича кашинского 288
Настасья Андреевна, княжна можайская, дочь московского кн. Андрея Дмитриевича можайского, жена вел. кн. Бориса Александровича тверского 358
Настасья Еремеевна, кн., мать тверского кн. Дмитрия Еремеевича 323
Настасья Юрьевна, кн., жена кн. Юрия Дмитриевича звенигородского, дочь кн. Юрия Святославича смоленского 288, 329, 330
Наталья, приемная мать митр. Ионы 387
Наталья, жит. Новгорода 274
Наум, монах Чудова мон. 388

Наум Иванович, новгородский боярин 302
Наум Иванович, двинский посадник 289
Нафанаил, еп. брянский 239
Нафанаил, еп. суздальский 310
Неелов 314
Некомат, сурожанин, купец 25, 27, 28, 233, 236
Нестер, дьяк Дмитрия Донского 258
Нестор, летописец 59, 224
Никандр, греческий митр. 265, 309, 310
Никита, новгородский посадник 273
Никита, новгородский тысяцкий 290
Никита, московский посол в Дерпте (Юрьеве) 229
Никита, московский посол в Риге 292
Никита, дьякон, новгородский еретик 46, 264
Никита Константинович, боярин Дмитрия Шемяки 174, 356
Никита Федорович, московский боярин 261
Никифор, инок, радонежский пономарь 356
Николай V, римский папа, в миру Томмазо Парентучелли, итальянец 198, 348
Николай, немецкий артиллерист 137
Николай Васильевич, см. Вельяминов Н. В.
Николай Немирович, воев. 354
Никон, радонежский игумен 113, 288, 298
Никон, новгородский игумен 380
Нил, патриарх константинопольский 37, 63, 64, 262
Нифонт, архим. в Иерусалиме при Дмитрии Донском 67, 266
Новосилец, Яков Юрьевич, курмышский наместник, окольничий кн. Владимира Храброго 63
Новосильские, князья 336, 361
Новосильский, кн., см. Семен
Оандарь, золотоордынский вельможа, посол в Твери 228
Оболенская Мария Федоровна, кн., жена кн. Василия Ивановича Косого Оболенского, дочь боярина Федора Дмитриевича Турикова Всеволожского 366
Оболенский, Василий Иванович Косой, кн., боярин, московский наместник в Муроме, сын кн. Ивана Константиновича торусского 168, 172, 214, 354, 355, 365, 366, 395
Оболенский, Глеб Иванович, кн., московский наместник в Устюге, сын кн. Ивана Константиновича торусского 147, 338
Оболенский, Иван Васильевич Стрига, кн. оболенский, московский воев. и наместник в Новгороде, кн. псковский, сын кн. Василия Ивановича Косого Оболенского 177, 179, 185, 188, 189, 193, 357, 358, 372, 373
Оболенский Семен (Симеон) Иванович, кн., московский боярин и воев., сын кн. Ивана Константиновича торусского 175, 358, 366
Оболенский, Семен (Симеон) Константинович, кн., сын оболенского кн. Константина Юрьевича 26, 42
Обрягим (Ибрагим) Темирязевич, золотоордынский кн. 296
Овгимонт, посол литовского кн. Лугвения в Новгороде 255
Овдотия, см. Евдокия
Ографена, см. Аграфена
Одоевские, князья 138, 401
Озибаба, золотоордынский царевич 316
Окольский, Симон, польский историк 395
Оксентий Байборода, псковичь 323
Оксиния, см. Ксения
Олег Иванович, в крещении Иаков, в монашестве Иоаким,

вел. кн. рязанский сын кн. Ивана Ивановича Коротопола 7, 11, 20, 27, 31, 32, 38, 40—42, 46, 47, 51—54, 63, 68, 83, 88, 89, 99, 100, 121, 190, 214, 231, 233, 237, 242, 245, 246, 250, 252, 257, 271, 276, 278, 289, 307, 309, 318—320, 401
Олександр, см. Александр
Олексей, см. Алексей, Алексий
Оленко (Олелько) Ольгердович, кн. киевский 237
Олелько, см. Александр Владимирович
Олешинский, см. Кочевин-Олешинский
Олисей (Елисей), новгородский тысяцкий 230, 232, 275
Ольга, св., в крещении Елена, вел. кн. киевская, жена кн. Игоря Рюриковича 193, 219
Ольгерд, в крещении Александр, в монашестве Алексий, кн. витебский, кревский, затем вел. кн. литовский, второй сын Гедимина 7, 12—27, 32, 33, 40, 48, 52, 58, 63, 87, 94, 96, 100, 106, 116, 139, 140, 154, 164, 228, 230, 231, 233, 235, 237, 238, 244, 274, 276, 284, 290, 316, 383, 395
Омир, см. Гомер
Онания, псковский посадник 273
Онанья Семенович, новгородский боярин 339, 382
Ондреевич, см. Семен Андреевич
Ондрей, см. Андрей
Описий (Оникий), новгородский тысяцкий 235, 402
Онтон, см. Антон
Опцифор, новгородский посадник 273
Орхан (Аркан), турецкий султан, один из родоначальников династии Османов 267
Осан, кн. булгарский 28, 29, 236
Осей, сын воспитателя вел. кн. Василия I Дмитриевича 132, 315
Осей, псковский купеческий староста 327
Осиф, см. Иосиф
Осия, см. Иосиф
Ослебя Родион, монах 124, 309
Ослябя, инок Троице-Сергиева мон. 39, 44, 247, 249
Осман I Гази (Отоман), иконийский эмир, первый турецкий султан 196
Остафий, см. Евстафий
Остей, литовский кн., внук Ольгерда 7, 48—50, 251
Остей, Александр Андреевич, московский наместник в Коломне 53, 252
Отоман, см. Осман
Офонас Микулич (Никулинич), новгородский посол к Василию Темному 360, 367, 369
Офонас Остафьевич, новгородский посадник 340
Офонас Федорович, новгородский посадник 302
Офонас Федорович, новгородский боярин 301
Офонас Федорович, новгородский ушкуйник 304
Ощера, см. Иван

Павел, владимирский архим., затем еп. коломенский 279, 316
Павел, еп. червенский 311
Павел, игумен Соловецкого мон. 378
Павел, печерский монах 276
Павел, секретарь магистра Ливонского Ордена 350
Павел, псковский посол в Новгороде 273
Павел, новгородец 302
Павел Русдорф, вел. магистр Тевтонского ордена 333
Палеологи, династия византийских имп., знатный византийский род 378
Пама, пермский верховный жрец 66
Панкрат, псковский посадник 293, 322
Парамша, московский золотых дел мастер 308, 376

Параскева Тарновская, св. 129
Парфей, псковский наместник новгородского архиеп. 332
Парфей Володинич, псковский боярин 353
Парфен Бренно (боярин кн. Василия Ярославича боровского) 371
Парфений, еп. смоленский 239
Парфений, новгородский священник, кандидат в архиеп. 278
Парфений, нижегородский боярин 25
Патрекий, грек, настоятель владимирского Успенского собора 298
Патрикий, кн. звенигородский 105
Патрикий Наримантович (Наримунтович), литовский кн., кн. новгородский, сын кн. Нариманта Ольгердовича 54—56, 73, 89, 252, 253, 255, 284
Пахомий, инок 299
Пельцель, см. Пельцль
Пельцль (Пельцель) Франтишек Мартин, историк, лингвист, представитель чешского национального возрождения 271
Пенцель, издатель 300
Перекопский, хан 138, 401
Пересвет, Александр, монах Троице-Сергиева мон. 39, 44, 247
Перкун, литовское языч. божество 57
Перун, славянское языч. божество 248
Перхурий (Перхурей) Сопешка, псковский монах 329
Пети де ла Круа, Франсуа, французский историк-ориенталист 283
Петр, св., апостол 153, 342, 348
Петр, св. чудотворец, митр. киевский и всея Руси 126, 181, 187, 239, 246, 274, 311, 318, 324, 327, 358, 388
Петр, еп. ростовский 10, 239
Петр, рязанский игумен 290
Петр, московский боярин 357
Петр, литовский боярин 233
Петр, двинский воев. 353
Петр, воев. волошский 59, 256
Петр I Алексеевич Великий, русский царь, впоследствии имп. 45
Петр, кн. кузминский, московский воев. 341
Петр Горский, воев. Дмитрия Донского 245
Петр Дмитриевич, кн. дмитровский и угличский, сын вел. кн. Дмитрия Донского 61, 109, 114, 136, 142, 158—161, 177, 291, 298, 307—309, 317, 323, 331, 335, 376
Петр Константинович, боярин, московский наместник в Ростове 112, 143
Петр (Петраш) Монтикгирдович, пан, литовский вельможа 343
Петр (Петруша) Чюриков, московский воев. 245
Петраш, см. Петр
Петров Тарас, рязанский купец 31
Пий (Пиус) II, римский папа, в миру Энеа Сильвио Пикколомини, сиенец 182, 348
Пимен, митр. московский и всея Руси, ранее архим. переславский 7, 36, 37, 52, 64—69, 76, 124, 129, 240, 241, 265, 268, 276, 279, 395
Питирим, еп. пермский 181, 196, 362
Пифагор, др.-греч. математик 220, 397
План-Карпин (Плано-Карпини) Джиованни да, францисканский монах, глава папского посольства к вел. хану, автор воспоминаний 241
Платон, др.-греч. философ 220, 397
Платон, в миру Левшин Петр Григорьевич, митр. московский, проповедник и церковный писатель 290, 389

Плауэн фон, двоюродный брат вел. магистра Тевтонского ордена 301
Плещеев, Михаил Борисович, в иночестве Мисаил, московский боярин 179
Плещей, костромской воев. 54
Полидор Виргилий, см. Виргилий
Полтинка, киевлянин 358
Полуект, см. Вельяминов П. В.
Полуехт Море, московский боярин 162, 347
Понсе дю, иезуитский аббат, автор 346
Предислав Ланцкоронский, польский воев. 395
Прокопий, псковский судья, посол в Риге 349
Прокопий (Прокофь), воев. новгородских ушкуйников 54, 253
Прокофь, см. Прокопий
Пронский, кн. 182
Прохор с Городца, московский иконописец 131, 132, 322
Пузир, писец, литовский посол в Новгороде 351
Путята, кн. друцкий, литовский воев. 300
Пушкин, Пушк., Пушкинское собрание, см. Мусин-Пушкин А. И.

Райнальд (Ринальди) Одорико, историк церкви 344, 346, 347, 378
Рамузий, издатель 395
Рапин (Рапен-Туаре), Поль де, французский историк 271
Режский, боярин 377
Резеп-Хозя, кредитор Василия Темного в Орде 336
Роберт Крейтон, см. Крейтон
Рогер Бакон, см. Бэкон
Рогнеда, кн. полоцкая, первая жена вел. кн. Владимира Святого 229
Роденштейн Конрад, магистр Ливонского ордена («князь Местерь») 57, 256
Родивил Осесович, пан, литовский воев. 354
Родион, брат главного двинского воев. Ивана 92, 286
Родион Жидовинов, московский воев. 243
Родион Ржевский, московский воев. 242
Родслав, см. Родислав
Родислав (Родслав) Ольгович, кн., сын вел. кн. Олега Ивановича рязанского 99, 100, 278, 323
Роман, грек, митр. киевский, литовский и волынский 272
Роман, псковский посадник 290, 322, 328
Роман Галицкий, см. Роман Мстиславич
Роман Литовский, см. Роман Юрьевич
Роман Новосильский, см. Роман Семенович
Роман, кн. переяславский (переславский) 338, 377
Роман, легенд. кн. прозоровский 242
Роман, кн. рязанский 233
Роман Васильевич, ярославский кн., младший сын ярославского кн. Василия Давидовича Грозные очи 234, 262
Роман Михайлович, кн. брянский, литовский наместник в Смоленске 26, 42, 99, 288
Роман Мстиславич, кн. галицкий, сын Мстислава Изяславича кн. волынского, вел. кн. киевского 28
Роман Семенович, кн. новосильский, сын кн. Семена глуховского и новосильского 26, 42, 292, 307
Роман Сидорович, псковский посадник 293, 322
Роман Юрьевич, литовский кн., кн. новгородский 77, 255, 320
Ромодан Зиновьев, московский воев. 366
Ростислав-Михаил Мстиславич, кн. смоленский, вел. кн. киевский, сын киевского вел. кн. Мстислава Владимирови-

ча Великого, внук вел. кн. Владимира Мономаха 103
Ростислав Юрьевич (Георгиевич), кн. новгородский, переяславский и суздальский, старший сын вел. кн. Юрия Долгорукого 402
Ростовские, князья 262, 298
Ростопча, истопник вел. кн. Марии Ярославны 358
Рубруквис (Рубрук) Виллем ван, монах, посол французского короля Людовика Святого, автор записок 389
Румянец, вельможа кн. Бориса Городецкого 75
Руно, московский воев. 357
Русалко, московский воев. 357
Рычков, Петр Иванович, историк, экономист, автор соч. 341
Рюрик I, кн. новгородский 207
Рязанский, кн., см. Олег Иванович
Ряполовские, князья 176, 177, 179, 357, 358

Сабур Федор Иванович, московский боярин, сын боярина Ивана Дмитриевича Красного 248, 308
Сабуров Михаил Федорович, московский боярин и дворецкий, сын Федора Ивановича Сабура 180, 358
Савва (Сава) Луцкий, еп. в литовской России, низложенный митр. Киприаном 125, 310
Савва, еп. сарайский 261, 276, 279, 321
Савва (ошибочно), первый игумен Дубенского мон. 264
Савва (Сава) Спасский, игумен, свидетель духовной Владимира Андреевича Храброго 113, 298
Савва, новгородский архим. 275, 276
Савва Аврамиев, москвич 326
Савва Купров, новгородский посол 230, 273
Савватий, один из основателей Соловецкого мон. 196
Сагеб-Керем, см. Тамерлан
Сагин (Саин), хан, см. Батый
Саин (ошибочно), сын Батыя, легенд. основатель г. Казани 29
Саин, почетное, тронное имя татарских ханов 236
Сакар Вахтангович, грузинский царевич 254
Салех, второй мамелюкский султан Египта, библиофил и меценат 271
Салтан, сын Тохтамыша 298
Салтан-Бак, отец булгарского кн. 236
Сальчей, кн. астраханский 54
Самсон, библ. богатырь 404
Самсон, см. Симеон, архиеп. новгородский
Самсон Иванович, новгородский боярин 304, 354, 382
Сандивогий Остроpогский, литовский воев. 94
Сарай Урусахович, золотоордынский кн. 296
Сарайка, мурза, посол Мамаев в Литве 24, 233
Сарайский, хан, см. Мурут
Сарра, библ. 402
Сартак старший сын хана Батыя, правнук Чингисхана 29
Сарторий (Сарториус) Георг Фридрих Христоф, барон, немецкий историк 285, 396
Сарыхожа, золотоордынский феодал, посол хана 18, 19, 68, 230, 231
Саткин, посол золотоордынского хана Тимур-Кутлука 287
Свибел (Свибло) Феодор, московский боярин и воев. 31, 254
Свидригайло-Болеслав (Свитригайло, Швитригайло, Швитриргайло), кн. северский, брянский, стародубский и подольский, младший сын литовского вел. кн. Ольгерда 71, 87, 105—107, 110, 139—141, 154, 237, 238, 289, 292, 296, 328, 329, 333, 334, 343, 344, 352, 381, 382

Святополк I Владимирович Окаянный, вел. кн. киевский, кн. туровский, сын вел. кн. Владимира Святого 40, 41, 176, 184, 245, 363, 388
Святополк II Изяславич, вел. кн. киевский, кн. новгородский, сын вел. кн. Изяслава Ярославича киевского 28
Святополк-Михаил Юрьевич, кн. пинский, сын кн. Юрия Ярославича туровского 236
Святослав I Игоревич, Воитель, вел. кн. киевский, сын вел. кн. Игоря Рюриковича Старого 207
Святослав Иванович, вел. кн. смоленский, сын кн. Ивана Александровича смоленского 17, 23, 26, 27, 58, 230, 231, 233, 256, 277, 284, 404
Святослав Титович, кн., сын кн. Тита Мстиславича карачевского 276
Сгуропул Сильвестр, историк 344, 345
Севастиан Смоленский, еп., 128, 311
Севастиан, игумен 61, 258
Седи-Ахмет (Сиди, Седи-Ахмат), хан Синей (Ногайской) Орды 183, 184, 186, 193, 199, 337, 364, 366, 367, 373, 379
Сезострис, см. Сенусерт
Сеит-Асан, золотоордынский кн. 355
Секира, новгородский посадник 378
Селиван, московский боярин 73, 282
Селиверст Лентиевич, новгородский боярин 230
Селивестр, ливонский магистр 302
Селивестр, новгородец 235
Селивестр Левонтьевич, псковский посадник 295, 328, 331, 332, 380—382
Селило Щертовский, псковский воев. 229
Семен-Лугвений, см. Лугвений Ольгердович
Семен (Симеон), кн. перемышльский 105
Семен (Симеон), кн. ряполовский 121, 175, 306, 371
Семен. кн. шехонский (шохонский) 376
Семен (Симеон), отец св. Стефана пермского 266
Семен Алешкович, см. Семен Олелькович
Семен Аминев, московский боярин 337
Семен Андреевич (Ондреивич, Ондреевич), новгородский сановник 235, 402
Семен Андреевич Плот, московский боярин 362
Семен Андреевич (Ондреивич), новгородец 235
Семен Антонов Коротонос, сурожский купец 244, 246
Семен Бабич, кн. 373
Семен Васильевич, кн., сын вел. кн. Василия I Дмитриевича 322
Семен Васильевич, кн., сын вел. кн. Василия Темного 360
Семен Васильевич, кн. новленский, сын кн. Василия Васильевича ярославского 262
Семен Васильевич, московский боярин 319, 374
Семен (Симеон) Васильевич 289
Семен (Симеон) Владимирович, кн. боровский, сын кн. Владимира Храброго 113, 297, 298, 308, 322, 375
Семен Волынец, псковский воев. 341
Семен Глуховский, см. Семен Михайлович
Семен Горсткин, московский воев. 341
Семен (Симеон) Дмитриевич, кн., сын вел. кн. Дмитрия Донского 276
Семен Дмитриевич, кн. суздальско-нижегородский, сын вел. кн. Дмитрия Константиновича 31, 49, 50, 59, 75, 76, 233, 250, 251, 257, 277, 280, 281, 286
Семен (Симеон) Дмитриевич Крапива, кн. стародубский,

сын стародубского кн. Дмитрия Федоровича 15, 228
Семен Едиголдов, пан, литовский посол в Москве 371
Семен (Симеон) Жадовский, новгородец 118, 314
Семен Жирославич, муромский воев. 289
Семен (Симеон) Иванович Гордый, в монашестве Созонт, вел. кн. владимирский и московский, кн. можайский и коломенский, сын вел. кн. Ивана Калиты 7, 9, 10, 39, 51, 60, 72, 119, 270, 290, 308, 320, 360
Семен Иванович Добрыньский 234
Семен Иванович (Симеон Иоаннович), московский боярин 261
Семен Карамышев, нижегородский боярин 298
Семен Кгедикилович, пан, литовский боярин 343
Семен (Симеон) Липгвений, см. Лугвений
Семен Мелик, воев. Дмитрия Донского 245
Семен (Симеон) Михайлович, кн. 30, 236, 242
Семен Михайлович, кн. глуховский и новосильский, тесть кн. Семена Владимировича боровского 292, 322
Семен (Симеон) Михайлович, легенд., кн. белозерский 242
Семен Оболенский, см. Оболенский С. И., Оболенский С. К.
Семеп Олелькович (Алешкович), киевский кн., сын кн. Олелько Владимировича киевского 385
Семен Ржевский, воев. 354
Семен Романович, кн. новосильский 306
Семен Федорович, боярин вел. кн. Юрия Дмитриевича звенигородского 335
Семен Филимонов, московский воев. 356
Семен Яковлич, боярин Василия Темного 340
Семен (Симеон) Яма, москвич 278
Семирамида, ассиро-вавилонская царица, жена ассирийского царя Нина 79
Сентялибий, золотоордынский кн. 296
Сенусерт III (греч. Сезострис), египетский фараон XII династии, нарицательное имя воинственного и мощного царя 79
Сергий Радонежский, Старец, св., основатель Троицкой лавры, в миру Варфоломей Кириллович, сын ростовского боярина Кирилла 9, 10, 34—36, 39, 41, 44, 54, 61—63, 67, 173, 174, 181, 238, 240, 244, 245, 247, 249, 252, 258, 262, 264, 275—277, 314, 316, 321, 399
Сергий, спасский архим. 67, 265, 268
Сергий Озаков, митрополичий боярин 240
Серкизов, Андрей Иванович, московский боярин и воев. 42, 44, 245
Сигизмунд, имп. (цесарь) Священной Римской империи германской нации 138, 401
Сигизмунд, король венгерский 197
Сигизмунд I, король польский 215, 356
Сигизмунд (Жидимонт) Кейстутьевич, вел. кн. литовский 139, 140, 154, 332, 333, 344, 356, 381, 382
Сиди-Ахмет, см. Седи-Ахмет
Сидор, митр., см. Исидор
Сидор Дедьков, псковский посол к Витовту 292
Сидор Ольферьев, сурожский купец 244
Сильвестр Сгуропул, см. Сгуропул
Симеон, ранее Самсон, новгородский священник, затем архиеп. новгородский 118, 304, 326—329
Симеон, спасский архим. в Москве 251

Симеон Суздальский, иеромонах в свите митр. Исидора, автор 344, 345
Симеон Алгимунт, кн. Гольшанский, литовский кн., наместник Витовта в Новгороде 302
Симеон Константин, тверской кн., сын кн. Константина Михайловича дорогобужского 10, 12, 13, 16, 226, 227, 230
Симеон-Лугвений, см. Лугвений Семен Ольгердович
Симеон Михайлович, московский боярин 44
Симеон Мстиславич, кн. вяземский 102, 103, 290
Симеон Тимофеевич, московский боярин 252
Симеон Черный, московский иконописец 131, 133, 318
Симон, по прозвищу Чиж, митр. московский и всея Руси, ранее — игумен Троице-Сергиева мон., видный церковный деятель 266
Синагрипа, легенд. царь адоров 220
Сиферт, магистр ливонцев 117
Скандерберг, Йоанн Кастриот, албанский кн., национальный герой Албании 160, 346
Скиригайло (Скиргайло) — Казимир Ольгердович, литовский кн., кн. полоцкий, киевский, сын вел. кн. Ольгерда 57, 58, 86, 87, 237, 238, 256
Созонов, Кир московский посол в Константинополе 282
Солиман (Сулейман), сын турецкого султана Османа 267
Соловат, языч. бог 248
Соломон, библ., древнеиудейский царь, сын царя Давида 404
София, кн. жена кн. Всеволода Александровича холмского 226
София (Софья), кн., жена кн. Михаила Ярославича тверского 273
София (Софья) Витовтовна, в браке Анастасия, вел. кн., жена вел. кн. Василия I Дмитриевича, дочь вел. кн. Витовта литовского 73, 122, 135, 143, 175, 180, 187, 194, 280, 286, 307, 330, 373—375, 385, 390, 405
София Дмитриевна, кн., жена вел. кн. Федора Ольговича рязанского, дочь вел. кн. Дмитрия Донского 54
София Дмитриевна, княжна заозерская, жена вел. кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки 368
Софоний, еп. 239
Софроний (Софоний), иерей рязанский, автор 220, 241
Софря, золотоордынский посол в Твери 288
Спиридон Сатана, лжемитр. 347
Спитко, воев. краковский 94—96
Станислав, рязанский воев. 68
Станислав Кишка, литовский боярин и воев. 354
Старец, см. Сергий Радонежский
Старков (Серкизов) Иван Федорович, московский боярин, коломенский наместник, сын боярина Федора Андреевича Старко Серкизова 173, 374
Стародубские, князья 266, 357
Стародубский-Пестрый, Федор Давидович, кн., московский воев., сын стародубского кн. Давыда Андреевича Палицы 140
Степан, кн. новосильский 248
Степан, дьяк, см. Стефан
Степан, новгородский сановник 235
Степан Высокий, митрополичий боярин 240
Степан Григорьев, новгородский подвойский 369
Степан Дмитриевич, московский боярин 374
Степан Иванович 289
Степан Ильич, новгородский подвойский 369

Степан Обобуров, московский боярин 374
Степанко, см. Стефан
Степко, пан, литовский феодал 284
Стефан, св., архиеп. сурожский 267
Стефан Храп, св., еп. пермский, просветитель 65—67, 196, 265, 266, 277, 278, 310
Стефан (Кириллович), игумен московского Богоявленского мон., сын ростовского боярина Кирилла, брат Сергия Радонежского 252
Стефан, московский дьяк, посол в Литве 183, 362
Стефан (Степанко), новгородец 117, 118, 303
Стефан Аристович, псковский посадник 386
Стефан Баторий, трансильванский кн., король польский, вел. кн. литовский 215
Стефан Родионович (Родивонович), псковский боярин 382
Стефан Юрьевич, псковский посадник 353
Стрига, см. Оболенский Иван Васильевич
Стриковский, см. Стрыйковский
Стриттер (Штриттер), Иоганн Готхельф (Иван Михайлович), историк 240, 242, 396
Стрыйковский (Стриковский) Матвей, польско-литовский хронист 57, 228, 233, 237, 238, 256, 284, 286, 292, 332, 333, 354, 404, 405
Судивой, пан, наместник ковенский, литовский воев. 343, 354
Судок, верейский воев. 354
Сысой, псковский посадник 290

Тагай, мурза ордынский 11, 226
Тайдула, ханша, жена хана Джанибека I 46, 250
Талыч, казанский царевич 114
Тамерлан (Аксак Темир, Сагиб-Керем, Темир-Аксак, Тимур, монарх Чагатайский, эмир, затем хан, правитель монгольского Чагатайского улуса 7, 46, 71, 74, 78—86, 88, 92, 93, 95, 96, 99, 108, 110, 124, 168, 197, 250, 278, 281, 283, 284, 286, 300, 320
Тарас Петрович, купец 237
Татищев Василий Никитич, российский гос. деятель, историк 237, 254 283, 311
Тверской, кн., см. Михаил Александрович
Тегиня, золотоордынский мурза 141, 142
Тегиня Шихович, золотоордынский кн. 296
Тегиня, см. Ширин-Тегиня
Тегрибердий, золотоордынский царевич 296
Теляк, см. Тюлюбек
Темир, золотоордынский хан 113, 298, 300
Темир-Аксак, см. Тамерлан
Темир Кутлук, см. Тимур Кутлук
Темир-Хозя, посол золотоордынского хана Тохтамыша 319
Темирез, татарский военачальник 275
Темирязь, золотоордынский кн. 296
Темный, см. Василий II Васильевич
Терентий Фоминич, псковский боярин 295
Терентий Фоминич, псковский посол к Витовту 292
Тетюшков, см. Тутчев
Тимофей, борисоглебский игумен, затем еп. сарайский 321, 327
Тимофей, архим., наместник митр. Киприана в Киеве 321
Тимофей, псковский посадник 383
Тимофей, двоюродный брат ливонского магистра 302
Тимофей Ачкасов, московский дьяк 308
Тимофей Васильевич, новгородский посадник 329
Тимофей Васильевич, см. Вельяминов Т. В.
Тимофей Весяков, сурожский купец 244

Тимофей Власьевич, псковский боярин 353
Тимофей Волуевич, окольничий вел. кн. Дмитрия Донского 32, 245
Тимофей — Иоанн, см. Иван III
Тимофей Иванович, боярин новгородского архиеп. 279
Тимофей Иванович, новгородский воев. 282
Тимофей Поткин, псковский посол к вел. кн. Василию Темному 382
Тимофей Юрьевич, новгородский посадник 91, 282, 285, 290, 325
Тимофей Юрьевич, сын новгородского посадника 255
Тимур, см. Тамерлан
Тимур Кутлук (Темир Кутлуй), золотоордынский хан 86, 92, 94—96, 98, 107, 112, 281, 284, 287
Тиридат, армянский царь 364
Тит Мстиславич, кн. козельский 11, 226, 276
Тоболин Борис, московский воев. 147, 338
Товлумбека, ханша, жена Тохтамыша 278
Толбуга, московский посол в Орде 250
Толстой, Федор Андреевич, гр., коллекционер 241, 271
Толыш, татарский царевич 298
Торусский, кн. 336
Торусские, князья 306, 307
Тохтамыш, золотоордынский хан 7, 46—53, 59, 62, 70, 71, 73, 74, 81—83, 86, 92, 94—96, 99, 107, 112—115, 199, 241, 250—252, 257, 278—281, 295, 298, 300, 316, 318, 319
Трегуб, татарский царевич 358
Трифон, архим. московского Спасского мон. 374, 377
Трифон, игумен Кириллова мон. 178
Труфан, новгородский священник 329
Туровский, еп., см. Феодосий
Тютчев (Тутчев, Тетюшков) Захарий, московский боярин 242, 243
Тюлюбек, Тюляк (Теляк), золотоордынский хан, племянник Мамая 36, 240, 241, 247
Тютекаш, золотоордынский вельможа 228

Узбек, золотоордынский хан, сын хана Тохты 47, 206
Улан, золотоордынский царевич, посол Тохтамыша 75, 280
Улан, золотоордынский царевич, посланник хана Махмета 142
Улан, татарский военачальник 366
Улу-Махмет, хан Большой Орды, затем хан казанский 169, 179, 341, 354, 355, 365
Ульяна, игуменья московского Алексеевского мон. 317
Ульяна (Иулиания), вел. кн. владимирская и московская, вторая жена вел. кн. Ивана Калиты 9; 257
Ульяна (Иулиания, Иулиана) Александровна, в монашестве Марина, вел. кн. литовская, жена вел. кн. Ольгерда, дочь вел. кн. Александра Михайловича тверского 32, 87, 237, 238, 244, 316
Ульяна Михайловна, кн., жена московского кн. Василия Владимировича перемышльского 358, 375
Ульяна (Иулиания), кн. вяземская, жена кн. Семена Мстиславича вяземского 103, 290, 388
Урус, хан Большой Орды 46, 83, 250
Урусах, золотоордынский кн. 296
Урусманд, золотоордынский вельможа 9
Урустай, кн. минский 105
Усеин, отец ширинского кн. Бахмета 337
Усеин, постельник хана Махмета, двоюродный брат Тегини 334
Устюжские, князья 242

Утеш, посол хана Улу-Махмета в Москве 355

Фаруч, султан египетский, современник Тимура 80, 81
Фатьян Есипович, новгородец 262
Федко, литовский кн., воев. Витовта 333, 334
Федор, см. Дмитрий Константинович
Федор (Феодор), в монашестве Симеон, кн. фоминский 278
Федор (Феодор), кн. елецкий, воев. кн. Владимира Андреевича Храброго 83, 245, 283
Федор (Феодор), кн. торусский, московский воев. 44, 341
Федор, псковский посадник 331
Федор, московский дьяк 355
Федор, дьяк кн. Дмитрия Шемяки 358
Федор (Феодор), псковский литейщик 132
Федор, псковский кровельщик 329
Федор (Феодор) Александрович, ростовский кн., псковский и двинский наместник, сын ростовского кн. Александра Константиновича, правнук вел. кн. Ивана Калиты 91, 92, 107, 285, 286, 294, 295
Федор (Феодор) Александрович, кн. путивльский 105
Федор Андреевич, московский боярин и воев. 40
Федор Андреевич, московский боярин 259, 261
Федор Андреевич, см. Кобылин Ф. А.
Федор (Феодор) Андреевич Лужа, воев. Василия Темного 335
Федор Андрианович, кн. звенигородский, сын кн. Андриана Титовича звенигородского 276
Федор Васильевич, кн. ярославский, сын кн. Василия Васильевича ярославского 262
Федор Васильевич, московский боярин 377
Федор (Феодор) Владимирович, боровско-серпуховской кн., сын кн. Владимира Храброго 315
Федор Галичский, см. Галицкий Ф. В.
Федор Глебович, московский воев. 281
Федор Грунка, московский боярин 42
Федор Гурлен, тверской посол в Орде 288
Федор Давидович, см. Стародубский-Пестрый
Федор Долголдов, кн., новгородский воев. 354
Федор Дубенский, московский дьяк 171
Федор Елисеевич, новгородский тысяцкий 339, 382
Федор Жеребец, новгородский монетных дел мастер 378
Федор Иванович, см. Сабуров Ф. И.
Федор Константинович Добрынский, по прозвищу Симский, московский боярин и воев. 140
Федор Кориатович, кн. подольский, литовский кн., племянник вел. кн. Ольгерда 87, 228, 284
Федор Кошка, см. Кобылин Ф. А.
Федор (Феодор), кн. волынский, сын литовского кн. Любарта 57
Федор (Феодор) Михайлович, кн. кашинский, микулинский и телятевский, младший сын вел. кн. Михаила Александровича тверского 97, 288, 291
Федор (Феодор) Михайлович, в монашестве Феодорит, кн. моложский, сын кн. Михаила Давидовича ярославского 25, 42, 234, 319, 324
Федор Михайлович, угличский воев. 357
Федор Михайлович Беклемишев, легенд. мещерский кн. 337
Федор (Феодор) Челядня, московский воев. 338

Федор Одноуш, отец митр. Ионы 343
Федор Ольгердович Сангуско (Сангушко), литовский кн., сын вел. кн. Ольгерда 238
Федор Олегович, вел. кн. рязанский, сын вел. кн. Олега Ивановича рязанского 54, 100, 123, 288, 289, 306, 307, 321, 323, 324
Федор Остафьевич, новгородский боярин 339, 382
Федор Патрикиевич, кн. литовский, наместник Москвы в Пскове 107, 117, 295, 302, 379
Федор Патрикиевич (Патрикыевич), псковский степенной посадник 348, 353, 384
Федор Романович, кн. белозерский 25, 41, 44, 234, 242, 248
Федор (Феодор) Ростиславич Черный, св., кн. смоленский, можайский и ярославский, сын вел. кн. Ростислава Мстиславича киевского и смоленского 262
Федор Ростовский, см. Федор Александрович
Федор Сабур, см. Сабур Ф. И.
Федор Святославич, кн. 250, 361
Федор Семенович, кн. белозерский 242
Федор Славич, кн. торусский 307
Федор Степанович, сын московского боярина Степана Дмитриевича 374
Федор Тимофеев, стольник митр. Киприана 319
Федор Тимофеевич, новгородский посадник 254, 255, 284, 303, 329
Федор Тимофеевич, боярин 276
Федор Товарков, воев. Василия Темного 335
Федор Трябло, сын новгородского посадника Юрия Онцифоровича 301
Федор Федорович, тверской кн. 356
Федор Федорович, см. Кошкин
Федор Шеболкинич (Шибалкин), псковский боярин и посадник 294, 295, 329, 331, 380
Федор Юрьевич, суздальский кн., внук Кирдяпы 175, 357
Федор Юрьевич, сын кн. Юрия Святославича смоленского 102, 116
Федор Яковлич, новгородский посадник 360, 367, 369
Федор, см. Ярослав Лугвениевич
Федорчукова рать 229
Федос, еп. туровский, см. Феодосий
Федос Гоболь, псковский мясник 387
Федосий Обакумович, новгородский посадник 326
Федос (Феодосий, Феодос) Феофилович, псковский посадник 294, 295, 328, 331, 380, 382
Федосья, московская кн. 260
Федосья, см. Феодосия
Федько, московский дьяк 341
Феогност, митр. трапезундский 62, 279
Феогност, грек, митр. московский и всея Руси 239
Феогност, еп. рязанский 279
Феогност, еп. рязанский 318, 323
Феогност, еп. 310
Феодор, еп. луцкий 319
Феодор, основатель и первый настоятель московского Симонова мон., затем архиеп. ростовский, в миру Иван Стефанович, племянник св. Сергия Радонежского 63, 65, 68, 124, 241, 262, 265, 276, 277, 309, 318
Феодор, еп. тверской 239, 273
Феодор, см. Федор
Феодора, см. Василиса, вдова кн. Андрея Константиновича нижегородского
Феодора Ольгердовна, кн., жена карачевского кн. Святослава Титовича, дочь вел. кн. Ольгерда 276

Феодосий Бывальцев, митр. московский, ранее архим. московского Чудова мон., затем архиеп. ростовский 194, 377, 386
Феодосий, архиеп. новгородский, ранее новгородский игумен 329, 330, 378
Феодосий, еп. подольский 318
Феодосий, архиеп. полоцкий и литовский 128, 311
Феодосий, еп. туровский 124, 309, 401
Феодосий, игумен Соловецкого мон. 378
Феодосий, спасский архим., наместник митр. Киприана в Киеве 321
Феодосий, московский архим., духовник вел. кн. Софии Витовтовны 374
Феодосий (Федосий), новгородский игумен 328
Феодосия (Федосья), мать летописца Матвея 323
Феодосия Ивановна, княжна, дочь кн. Ивана Федоровича рязанского 190
Феодул, еп. трапезундский (тряпизонский) 323
Феоктист, архим. московского Симонова мон. 263
Феофан (Фефан), московский архим., духовник кн. Елены Ольгердовны боровско-серпуховской 375
Феофан Грек, московский иконописец 132, 133, 318, 320, 322
Феофил, архиеп. новгородский и псковский 391
Феофилакт, еп. смоленский 239
Феофилакт Васильевич, новгородский посол 303
Фердинанд I, король Арагона и Сицилии 346
Фефан, см. Феофан
Филимон, еп. коломенский 239
Филипп, еп. суздальский 377
Филипп, новгородский тысяцкий 235
Филипп Козачкович, псковский посол 290
Филипп Щокин, верейский воев. 354
Филофей, патриарх константинопольский 34, 37, 123, 238, 264, 275, 308, 376
Финке фон Оберберген, магистр Ливонского ордена 165, 166
Фитингоф Конрад, магистр Ливонского ордена 106
Флёри Клод, парижский приор, духовник Людовика XV, член Французской академии, историк церкви 344, 379
Фома, см. Дмитрий Константинович
Фома, тверской боярин 154, 344, 345
Фома Есипович, новгородский воев. 302
Фома Иванович, московский боярин 374
Фома Иванович, сын новоторжского боярина Ивана Кумганца 329
Фома Крестный, новгородский воев. 243
Фома Трощикин, новгородский воев. 302
Фома Тынин, московский воев. 245
Фома Хабычеев, воин Дмитрия Донского 246
Фотий, митр. московский и всея Руси 114, 123, 126—129, 132, 135, 136, 138, 139, 152, 162, 211, 264, 298, 299, 307, 311, 312, 325—327, 329, 330, 342, 343, 377, 390
Франза, автор 378
Фреймерзен Вильгельм, магистр Ливонского ордена 16
Фридерик (Фридрих) III Габсбург, имп. Священной Римской империи германской нации 159
Фромгольд, католический архиеп. 16
Фрязин, см. Андрей, Матвей
Фулат, татарский хан 236

Хазибаба, хивинский турок 75
Хазибей, татарский кн. 237
Харитон, киевский архим. 324

Харитоний, еп. холмский 128, 311
...Харьинич, см. Захарьинич
Хидырь (Хидырь Хозя), в крещении Азария (Озарья), золотоордынский вельможа 126, 317
Ховрин Владимир Григорьевич, казначей вел. кн. Василия Темного 385
Ходыкевич Климент, доминиканский монах, польский историк 312, 346, 348
Хорс, языч. бог 248
Храбрый, см. Владимир Андреевич
Христофор III, король Дании, Швеции и Норвегии 166, 350, 352
Христофор, католич. еп. 345
Хытря, псковский кожевник 385

Чагатайский монарх, см. Тамерлан
Чалибей (Челябий), в мусульманстве Амира, сын турецкого султана Амурата II 309, 317
Чанибек, см. Джанибек
Черкасские, князья, русский боярский род 263
Чингисхан (Чингис, Темучин), сын Есугея, вел. хан монгольский, основатель монгольской империи и династии Чингизидов 32, 46, 79, 82, 83, 96, 168, 199

Шадибек, золотоордынский хан, сын Тимур Кутлука 98—100, 104, 105, 107, 108, 112, 281, 289, 295, 300
Шахмат, см. Шихомат
Шварц Бертольд (Бартольд), (Константин Ангклицен), францисканский монах, изобретатель пороха 70, 271
Швитригайло, см. Свидригайло
Шемяка, см. Дмитрий Юрьевич
Шерефеддин, Али, персидский историк 85, 283
Шильтбергер, Иоганн (Ханс), баварский солдат, автор географических описаний 300, 301
Ширин-Тегиня, золотоордынский кн. 335
Ших, золотоордынский кн. 296
Шихомат (Шахмат), зять хана Тохтамыша, его посол в Суздале 51, 71
Шишка (Шышка), золотых дел мастер 261
Шпангейм, магистр Ливонского ордена 293
Штриттер, см. Стриттер
Шульгин А. С., московский купец 402
Шульц, Иоганн Кристоф Фридрих, немецкий историк 271

Щербатов, Михаил Михайлович, кн., историк 240, 242, 271, 274
Щербина, дьяк кн. Ивана Можайского 359
Щуковский, пан, польский рыцарь 95, 96

Эбергард, принц, герцог Клевский (фон Клеве) 165, 349, 350, 351
Эдигей, см. Едигей
Эдуард III, король Англии из династии Плантагенетов 70, 271
Эйнерлинг И., издатель 400
Эйтяк (Энтяк), татарский царевич 75, 107, 295
Энгель (Энгел) Иоганн Христиан фон, немецкий историк 271
Эрбелот Бартелеми, французский ориенталист 250, 283
Эрик VIII, король датский 332, 401

Юшман, сын Асыки, кн. вогуличей 196
Юрга, воев. 386
Юриевич, см. Василий Юрьевич Косой
Юрий, кн. елецкий 68, 283
Юрий, кн. козельский, московский воев. 324
Юрий, кн., мещерский воев. 245

Юрий, новгородский посадник 235, 275
Юрий, московский боярин 108
Юрий, новгородский посол в Твери 234, 235
Юрий, псковский посол в Риге 292
Юрий Александрович, вел. кн. тверской, сын вел. кн. Александра Ивановича тверского 136, 330
Юрий Александрович, порховский кн., брат псковского кн. Юрия Александровича 324
Юрий (Георгий) Васильевич, кн., сын вел. кн. Василия Дмитриевича 318, 320
Юрий (Георгий) Васильевич Большой, кн., сын вел. кн. Василия Темного 383
Юрий (Георгий) Васильевич Меньшой, Молодой, кн. дмитровский, можайский и серпуховской, кн. псковский, сын вел. кн. Василия Темного 175, 187, 193, 194, 372, 374—377, 383, 386
Юрий Васильевич, московский воев. 324
Юрий Васильевич Щека, московский наместник во Владимире 114
Юрий (Георгий) I Владимирович Долгорукий, кн. суздальский и вел. кн. киевский, сын вел. кн. Владимира Мономаха 402
Юрий Владимирович, литовский кн. 233
Юрий Всеволодович, кн. холмский, сын кн. Всеволода Александровича холмского 108, 296, 299, 316
Юрий (Георгий) Данилович, вел. кн. владимирский и московский, сын кн. Даниила Александровича московского 206
Юрий (Георгий) Дмитриевич, вел. кн. московский, кн. звенигородский, дмитровский, галицкий и рузский, сын вел. кн. Дмитрия Донского 60, 61, 77, 93, 99, 118, 121—123, 133, 135, 136, 140—147, 192, 239, 258—261, 275, 279, 288, 303, 306, 307, 317, 327, 329, 330, 334—337, 396, 405
Юрий Дмитриевич, новгородский посадник и воев. 285, 324
Юрий Дмитриевич, новгородский сын боярина 255
Юрий (Юшка) Драница, литовский воев. 180, 354, 357
Юрий Иванович, тверской кн., сын вел. кн. Ивана Михайловича тверского 329
Юрий Иванович, новгородский посадник 230, 232, 235
Юрий Иванович, кн., московский боярин 309
Юрий Иванович, новгородский боярин 304
Юрий Иванович, боярин новгородского архиеп. 276
Юрий Козачкович, псковский посадник 291
Юрий (Георгий) Кориатович, литовский кн., племянник Ольгерда 228
Юрий Лугвениевич-Семенович, кн. новгородский, сын кн. Лугвения-Симеона Ольгердовича 164, 165, 167, 349—352, 354, 381, 383
Юрий Михайлович, кн. торусский и оболенский, сын вел. кн. Михаила Всеволодовича Черниговского 228
Юрий Онцифорович, новгородский посадник 301, 316, 327
Юрий Онцифорович, боярин новгородского архиеп. 275, 276
Юрий Онцифорович, новгородский воев. 282
Юрий Патрикиевич, литовский кн., сын кн. Патрикея Наримантовича 151, 172, 276, 308, 328, 336, 339
Юрий Романович, кн. одоевский 115, 300
Юрий Семенович, см. Юрий Лугвениевич

Юрий Семенович (Симеонович), новгородский посол к Дмитрию Донскому 280
Юрий Святославич, кн. смоленский, сын вел. кн. Святослава Ивановича смоленского 58, 87, 88, 99—103, 116, 230, 256, 288—290, 321, 388
Юрий Тимофеевич, псковский степенной посадник 331, 372, 380, 381, 384, 385
Юрий Тимофеевич Винков, псковский боярин 294, 295
Юрий Федорович Беклемишев, легенд., кн. мещерский 337
Юрий Филиппович, псковский посадник 291
Юрий Хромый, новгородский воев. 243
Юрша, староста вроцлавский 344
Юстиниан I Флавий Петр Савватий, ранее Упранд, византийский имп. 201
Юсуп, сын казанского хана Улу-Махмета 365
Юшка, см. Юрий

Ябуб Ралович, воев. 354
Ягайло (Яков), вел. кн. литовский, король польский под именем Владислава III, сын и преемник Ольгерда 38, 40, 41, 44, 56—59, 73, 86, 87, 94, 96, 106, 116, 123, 138—140, 163, 237, 238, 242, 245, 255, 256, 284, 289, 301, 322, 325, 332, 343, 401
Ягуб (Ягуп), татарский царевич, сын казанского хана Улу-Махмета 169, 179, 180, 188, 358, 365, 366
Ягуп, татарский царевич, сын хана Мамутека 366
Ядвига, королева польская, жена Владислава III (Ягайло), дочь Людовика, короля Венгрии и Польши 56, 94
Яким, новгородский посол в Твери 234, 235
Яким Павлович, псковский посадник 292, 331, 380, 381
Яким Троидилов, пскович 229
Яков, новгородский посадник 235, 272
Яков, новгородский вечевой дьяк 369
Яков, брат новгородского посадника Юрия Дмитриевича 324
Яков Дмитриевич, новгородский боярин 302
Яков Дмитриевич Медоварцев (Медоварцов) 387
Яков Жестков, боярин вел. кн. Юрия Дмитриевича звенигородского 336
Яков Иванович, новгородский тысяцкий 360, 367, 369
Яков Иванович, новгородский посол к Василию Темному 360, 367, 369
Яков Кротов, псковский посол в Дерпте 373
Яков Стефанович, двинский посадник 117, 302
Яков Юрьевич, см. Новосилец
Якуб, писарь польского короля 360
Якшибий Едегеевич, золотоордынский кн. 296
Ямонт, литовский кн., смоленский наместник 88, 93, 96
Ян Гус (Иоанн Гусс), один из вождей Реформации 159
Яропко, воев. 354
Ярослав (Георгий) I Владимирович Великий, Мудрый, вел. кн. киевский, сын вел. кн. Владимира Святого 41, 45, 62, 72, 94, 125, 129, 131, 198, 200, 201, 203—205, 207, 208, 213, 219, 311, 401
Ярослав (Федор) II Всеволодович, кн. переяславский, вел. кн. владимирский, сын вел. кн. Всеволода III Большое Гнездо 71
Ярослав-Афанасий Владимирович, кн. боровско-серпуховской, сын кн. Владимира Андреевича Храброго 113, 136, 142, 279, 297, 298, 308, 314, 324, 327, 330
Ярослав Лугвениевич, в крещении Федор, литовский кн.,

сын кн. Лугвения-Симеона Ольгердовича 325
Ярослав Ярославич, вел. кн. владимирский, кн. тверской, новгородский и псковский, сын вел. кн. Ярослава II Всеволодовича 182, 235, 320
Ярославич, см. Василий Ярославич, кн. боровско-серпуховской
Ярославские, князья 242, 245, 262, 298, 330, 359
Ярославский, кн., тесть московского кн. Ярослава Владимировича боровско-серпуховского 324

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Агаряны, нар. 242
Адриатическое море 160
Азия 79, 85, 93, 119, 196, 217
Азия Малая 80, 124, 197
Азия Северная 74
Азов, г. 69, 71, 85, 86, 93, 94, 150, 216, 233, 267, 284, 301, 395
Азовское (Сурожское) море 46, 69, 216, 233, 267, 364
Акерман, см. Белый город
Актар, р. 241
Албания (Альбания) 160
Александрия, г. 273
Алексин, г. 89, 113, 191, 375
Алексинское (Алексино), сел. 259, 374
Алеп, г. 80
Альбания, см. Албания
Амальфи, г. 201
Америка 217
Амморейская (Аморейская) пустыня 299
Анатолия, см. Азия Малая
Англия 159, 210
Андреев, г. в Мещере 337
Андреевское, сел. 227, 259
Андреянов берег 302
Антиохия, г. 273
Аравитяне (аравы, сарацины), нар. 70, 254, 273, 317
Аравия, страна 79
Аральское (синее) море 30, 74, 79, 183, 364
Аргуз, см. Варгуз
Арзунум, г. 283
Армения 283
Армяне, нар. 12, 37, 227, 273, 348
Арская обл. 253
Архангельск, г. 117
Архипелаг 196
Ассирия (Асурия), страна 283
Астафьевское село 260
Астрабат, г. 301
Астравия, г. 267
Астраханская губ. 82
Астраханские степи 196
Астраханцы, жит. 86
Астрахань (Хазиторокань, Хозарь) 54, 150, 254
Асурия, см. Ассирия
Атель (Балангиар), г. 254
Аугсбург, г. 155
Афонская гора 132
Африка 119, 159
Ахемская земля 271
Ахтуба, р. 45

Бабышево, сел. 260
Багдад, г. 79, 81, 283
База, г. 271
Бакота (Бекота), г. 228
Бамберг, г. 155
Бардова, р. 382
Бежецк, г. 19, 20, 55, 231
Бежецкая обл. 147
Бежецкий Верх, вол. 91, 121, 145, 146, 148, 180, 191, 194, 285, 335, 338, 339, 353, 355, 359, 375
Бездеж, г. 10, 226
Безка, р. 259
Бекота, см. Бакота

* Приняты сокращения: вол.– волость, г.– город, гос-во – государство, губ.– губерния, д.– деревня, жит.– жители, княж.– княжество, м.– местечко, нар.– народ, о-в – остров, оз.– озеро, обл.– область, р.– река, сел.– селение, слоб.– слобода, у.– уезд, ул.– улица, уроч.– урочище

Белград (Белой) г., Смоленский 234
Белев, г. 89, 134, 149, 150, 151, 354
Белое море 196
Белозерск (Белоозеро), г. 26, 55, 61, 77, 91, 111, 145, 183, 207, 226, 259, 282, 318, 336, 357, 358, 402, 404
Белозерская обл. 190, 260, 368
Белой город в Москве 132
Белоозеро, см. Белозерск
Белый город (Акерман) 395
Белый камень, г. 293
Белый яр, р. 267
Берег, вол. 258
Береза, уроч. 244
Березовое поле (у Нижнего Новгорода) 237
Берендеева слоб. 259, 260
Берендеи, нар. 215
Берестий, г. 332, 336
Берестов, вол. 259
Берлад, г. 228
Бертасы (буртасы), нар. 37, 241
Бесермены, см. харазы
Бечева, уроч. 274
Битюг, р. 68, 186, 366
Блудкин, г. 279
Богемцы (чехи) 137
Богона, р. 259
Богородицкое сел. в Ростове 259
Богородицкое сел. на р. Богона 259
Бокг, см. Буг
Болгария Волжская (Казанская, Камская) 7, 12, 28, 29, 47, 71, 93, 94, 140, 150, 151, 171, 246, 286, 334
Болгарское царство 217
Болгары, г. 54, 93, 227, 253, 286, 290
Болгары, нар. 28, 29, 42, 129, 150, 151, 214, 236
Болобин конец, в Пскове 385, 387
Болонеск, сел. 259
Болонский лес 231
Болото, в Пскове 274
Болоты, вол. 294
Болхов, г. 401
Борисовское, сел. 259, 263
Боркова, ул. в Новгороде 316, 381
Боровицкие ворота в Москве 123, 308, 388
Боровск, г. 55, 89, 113, 183, 192, 242, 244, 249, 257, 375
Боровский луг 259
Борок, вол. 303
Босфор (Воспор), пролив 153, 160, 197, 267
Боянь, вол. 259
Боярово, село 175
Бранденбург, г. 166
Брауншвейг, г. 155
Брашева, вол. 258, 366
Брашевский перевоз в Боровске 244
Брезаница, г. 228
Брест, г. 87
Броднич, г. 250, 361
Броды, уроч. в Пскове 322, 384
Брянск, г. 16, 26, 99, 167, 175, 292, 358
Брянский удел (княжество) 105
Бряславль (Бряцслав), г в Подолии 228
Бряцслав, см. Бряславль
Буг, р. 249, 395
Будин, г. 160, 346
Бузук, см. Бузулук
Бузулук, р. 183, 267, 364
Бурковы ворота, в Пскове 321, 385
Бурса, г. 300
Буртаны (буртасы) см. бертасы
Бутов сад, в Москве 297
Бухария 46, 69, 270
Бухарцы, нар. 12

Вавилон, г. 283
Вага, р. 366
Ваганьково в Москве 172
Важане (жит. г. Вага) 289
Валахи (волохи), нар. 94, 137, 160, 166, 167, 228, 352
Валок, уроч. в Пскове 318
Варварская (Варьская), ул. в Москве 389
Варгуз (Аргуз), пог. 302
Васильев острог 353
Васильева горка, в Пскове 319, 326
Васильево (Васильцево, Василевское), сел. 258

Вежищи, уроч. 329, 383
Велетов, г. 375
Великая, р. 272, 275, 319, 320, 321, 381
Великая, ул. в Москве 389
Великая Ворона, р. 239
Великие Волохи 256
Великие ворота в Пскове 385
Великие Луки, г. 89, 104, 267, 284, 291, 382
Великий мост в Новгороде 253, 281, 305, 323, 329, 383
Великий пруд в Москве 308
Великое оз., см. Чудское
Великороссы, см. россияне
Вель, вол. 285
Велье (Велья), г. 229, 293, 294, 331, 387
Велья, см. Велье
Вельяне, жит. г. Велье 291, 294
Венгрия (Угорская земля) 159, 160, 208, 228, 255, 328, 329
Венгры (угры), нар. 268
Венейцы, см. венецияне
Венеция, г. 160, 301, 345, 378
Венецияне, нар. 70, 268, 271
Веренда, р. 323
Верея, г. 61, 168, 183, 194, 231, 249, 259, 260, 354
Верро, г. 229
Вертязин, г. 97
Веряжь, р. 325
Ветлуга, р. 186, 253, 366
Вехря, р. 58
Взвоз (Узваз), уроч. в Пскове 322
Видбеск, см. Витебск
Видогоща, р. 326
Византия 153, 160, 197, 198
Вильна, г. 16, 23, 24, 33, 57, 93, 115, 138, 139, 237, 238, 256, 318, 331, 332, 344
Вильснак 351
Виляжане, нар. 266
Винница, г. 228
Висмар, г. 166
Витебск (Видбеск), г. 23, 87, 154, 167, 344
Витебское княж. 238
Вифиния, обл. 196
Владимир, г. 8, 16, 18, 25, 44, 51, 55, 71, 84, 110, 114, 132, 142, 145, 171, 193, 204, 205, 225, 252, 262, 279, 298, 305, 317, 322, 324, 335, 354, 355, 357, 359, 366, 375, 377, 388
Владимирская губ. 299
Владимирское княж. 206
Владимирцы (жит. г. Владимир) 18, 84
Владычень двор, в Новгороде 273, 318, 322, 323, 330, 381, 382, 383
Вобрын, г. 97
Вогуличи, нар. 196, 266
Водская земля (Водь), обл. 166, 349, 368
Вожа, р. 32, 37, 237
Вожане, нар. 305
Войново, уроч. 226
Волга (Атель, Эдиль), р. 11, 12, 24, 26, 30, 31, 32, 47, 53, 54, 74, 82, 83, 102, 108, 113, 151, 187, 226, 227, 234, 237, 240, 253, 254, 263, 265, 267, 273, 274, 290, 299, 300, 316, 318, 319, 321, 323, 336, 338, 339, 354, 357, 366
Волжские улусы 45
Вологда, г. 12, 55, 66, 91, 92, 121, 130, 147, 148, 178, 179, 185, 186, 194, 227, 285, 314, 338, 339, 358, 364, 365, 366, 376
Волок, р. 25, 51, 353, 368, 380, 384
Волок Ламский, см. Волоколамск
Волоколамск (Волок Ламский), г. 17, 55, 72, 91, 106, 113, 136, 148, 179, 189, 194, 230, 279, 285, 290, 305, 339, 367, 375
Волотово, под Новгородом 255, 272
Волохи, см. Валахи
Волочек, сел. 260
Волошская земля (Валахия) 256
Волхов, р. 55, 64, 90, 92, 164, 166, 195, 274, 275, 276, 279, 305, 320, 321, 329, 353, 383
Волховец, р. 195, 377
Волчья вода, р. 236
Вольское, сел. 259
Волынция, обл. 28, 87, 236
Вора, вол. 259
Воробьевы горы в Москве 126

Воронач, г. 137, 293, 331, 332, 383
Вороначане, жит. г. Воронач 291, 293, 294, 331
Воронеж, р. 68, 242, 243
Ворскла, р. 94, 95, 105, 122
Воскресенский луг 259
Воспор, см. Босфор
Вотяки, нар. 29
Вохна, сел. 259
Враговка, ул. в Пскове 385, 387
Врев, г. 331
Вревичи, жит. 331
Вселуцкая вол. 263
Всос, уроч. в Пскове 274
Всходня, р. 315
Выбодск, сел. 380
Выборг (Выбор), г. 117, 165, 302, 303, 326, 349, 380
Выбуть, сел. 290, 293
Вымь, р. 66
Выпользов, сел. 250
Высокие горы, р. 267
Высокое, г. 264, 290
Вычегда, р. 196
Вычегжане, нар. 266
Вышегород, г. 84, 183, 259, 290, 362, 388
Вышегород, вол. 260, 337
Вышелес, сел. 375
Вышний Волочек 154
Вышняя, вол. 259
Вязьма, г. 100, 104, 105, 167, 289, 291, 354
Вятичи, нар. 26, 89, 121, 145, 147, 192, 228
Вятка, г. 29, 71, 74, 121, 134, 146, 175, 180, 183, 192, 207, 280, 281, 290, 303, 306, 337, 339, 364, 371
Вятка, р. 54, 74, 102, 118, 253, 365
Вятская земля, обл. 76, 375
Вятчане (жит. Вятки) 54, 253, 266, 303, 336, 338, 339, 364, 371

Гавшин двор 228
Галата в Царьграде 36, 240, 268
Галиция, обл. 89, 186, 192, 271, 285
Галич, г. 55, 61, 91, 111, 135, 136, 140, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 151, 180, 185, 188, 204, 207, 218, 241, 259, 305, 330, 334, 336, 337, 338, 343, 359, 364, 365, 366, 367, 375, 395, 396
Галичане, жит. 186, 218, 336
Гамаль, гамалы, нар. 266
Гангане, нар. 266
Гангес, р. 79, 81
Ганза, Ганзейский союз 165, 166
Гвоздна, Гал. 258
Гданьск, см. Данциг
Гдова, р. 380
Гебры, нар. 79
Генуэзцы, нар. 37, 46, 69, 70, 233, 241
Генуя, г. 301
Германия 90, 155, 166, 218, 248, 303, 371, 372, 373, 382
Геты, нар. 78
Гжеля (Гжель), вол. 258, 308
Гзень, ручей 326, 330
Гилянь, г. 283
Гледен, см. Устюг
Глиньско, вол. 259
Глухая башня, в Пскове 385
Голенищево, сел. 126, 311, 323
Головина, ул. в Новгороде 273
Голуб (Кульм), г. 116, 301
Голустани, обл. 283
Гомель, г. 175
Гордошевичи, вол. 259
Городец, г. близ Твери 10, 31, 55, 59, 74, 109, 227
Городец (Городок), в Шелонской пятине 384
Городец на Волге, см. Радилов
Городецкий конец, в Пскове 387
Городище Андрониевское, в Москве 389
Городище под Новгородом 254, 280, 336, 338, 367, 368
Городна, д. 258
Городок, г. 13
Городок, сел. 260
Гороховец, г. 169
Гостень, вол. 294
Готландия, о-в 90
Готфы, нар. 210
Гоцы, см. узы
Гочков двор, в Новгороде 323
Грейфсвальд, г. 166
Греки, нар. 65, 67, 69, 131, 153,

156, 157, 158, 159, 161, 181, 197, 198, 219, 220, 254, 309, 345, 396
Гремичи, вол. 259
Гремячая гора, в Пскове 277
Греция 7, 35, 36, 64, 65, 67, 69, 71, 93, 97, 124, 126, 153, 158, 160, 161, 162, 181, 198, 199, 200, 202, 210, 219, 264, 283, 298, 317, 347, 394
Грузия (Картлия, Гургистан, Гурж, Георгия) 86, 254, 283
Гурзустани, см. Грузия
Гусин брод 245
Гуслица, вол. 259

Дагестанцы, нар. 254
Далмация, обл. 160
Дамаск, г. 80, 81, 283
Даниловское, в Москве 389
Дания 159, 166
Данциг (Гданьск), г. 166, 280, 352, 405
Даньславля, ул. в Новгороде 273, 277, 316, 318, 327
Двина, р. 65, 77, 188, 227, 282, 285, 286, 313, 314, 353, 366
Двинская земля (Заволочье) 56, 90, 91, 92, 102, 118, 131, 138, 148, 217, 218, 255, 282, 302, 303, 306, 313, 332, 338, 339, 384
Двинская обл. 12, 147
Двинские пустыни 41
Двиняне (заволочане), нар. 12, 56, 97, 92, 129, 131, 149, 167, 218, 226, 227, 266, 282, 285, 286, 302, 304, 314, 340, 353, 366, 383, 396
Двор Ярослава (Дворище в Новгороде) 54, 105, 189, 253, 275, 303, 326, 340, 391
Девичье поле у Коломны 40, 244
Дели, г. 79, 81
Демль, см. Жадемль
Демон, г. 340
Демяница, р. 293
Дербент (Железные вороты, Темир-Кабы), г. 83, 254, 283, 300
Деревская обл. 340
Деревяница, р. 326, 327, 330
Дерпт (Юрьев), г. 15, 90, 119, 229, 230, 291, 304, 329, 373
Десятина, в Новгороде 326
Детинец, в Новгороде 273, 320, 322, 383
Детинец, в Пскове 277, 385
Деунинское, сел. 259
Дмитриева слоб. 259
Дмитриевские ворота в Нижнем Новгороде 257
Дмитров, г. 21, 51, 55, 61, 109, 136, 142, 145, 147, 191, 194, 259, 279, 304, 305, 335, 337, 338, 362, 370, 375
Дмитровец, г. 105, 292
Днепр, р. 14, 89, 96, 199, 215, 395
Днепровские княж. 93
Днестр, р. 199
Доброе, сел. 259
Добрынина, ул. в Новгороде 276
Добрятиньское, сел. 258
Довмонтова (Домантова) стена, в Пскове 279, 318, 319, 320, 323, 383, 385
Домантова стена, см. Довмонтова
Домантовское, сел. 259
Дон, р. 40, 41, 45, 47, 68, 69, 84, 85, 86, 111, 216, 228, 239, 242, 244, 245, 246, 249, 250, 266, 267, 301, 320, 337
Дорогобуж, г. в Тверской губ. 227
Дорогомилово, в Москве 325, 386, 389
Дорожево, сел. 227
Дорожен, г. 332
Дороговичи, в Новгороде 316
Драчин всход, в Пскове 321
Друцк, г. 87
Дубенка, р. 264
Дубжа, вол. 361
Дубков, г. 294
Дубна, р. 187
Дубок, г. 237, 250
Дубравна, г. 325
Дубровна, сел. 372
Дунай, р. 159, 221
Духовская, ул. в Новгороде 277

Евреи (иудеи, жиды) 241, 273
Европа 90, 93, 119, 138, 153, 158, 159, 160, 166, 197, 198,

200, 201, 210, 211, 213, 218, 219, 394
Европа западная 69
Европа северная 139
Европейцы 80, 132, 210, 224, 283
Евфрат, р. 79, 80
Египет 80, 85, 254
Екатериноград 83
Елатом, г. 250
Елец, г. 83, 85, 115, 186, 300, 326
Елизарово, сел. 258
Елизаровский двор, в Москве 374
Еллиньские воды 263
Елох, сел. 260
Ельна, сел. 358
Емца, вол. 303, 313
Ефес, г. 317

Жадемль, г. 250, 361
Жадене городище 250, 361
Жалачко (Жолочко), сел. 229, 371, 373
Железкова, слоб. 260
Железные вороты, см. Дербент
Железный борок 365
Желтиково, уроч. 322, 324
Жемайты, пар. 382
Жемоть, см. жмудь
Жиды, см. евреи
Жилотуг 255, 329, 336, 383
Жирошкины деревни 258, 308
Жмудь (жемоть), нар. 94, 231
Жолочко, см. Жалачко
Жомоить, см. жемайты
Жукотин, г. 74, 93, 286

Заберега, вол. 259, 261
Заборовье, вол. 355
Завеличье, часть Пскова 384
Заволочане, см. двиняне
Заволочье, см. Двинская земля
Завотские погосты 302
Загородный конец, в Новгороде 274, 381
Загородье, часть Москвы 11, 17
Загорье, вол. 259
Задонье 300
Залесье, в обл. Псковской 229, 279
Заляпчиково, село 237
Замошская слоб. 259
Занеглименье, см. Неглинная р.
Заозерье,вол. 194, 359, 376
Запрудное, село 237
Запсковье, часть Пскова 229, 380, 384, 387
Заречье (Замоскворечье), в Москве 11
Заречье, в Новгороде 336
Засурье, вол. 236, 253
Заячков, сел. 260
Звенигород, г. 51, 55, 61, 135, 146, 148, 180, 191, 194, 257, 258, 260, 266, 305, 330, 335, 336, 337, 366, 396
Звенигородская обл. 337
Зверинец, под Новгородом 320
Зверковское, сел. 259
Зворыкин двор, в Москве 297
Зеновицы, нар. 268
Зраковицы, сел. 386
Зубцев, г. 16, 97, 136, 234, 321, 330, 400

Иванова, слоб. 259
Ивановское, сел. 259, 260
Иваны, вол. 258
Иворова, ул. в Новгороде 278
Игнатьев двор, в Москве 297
Иерусалим, г. 266, 270, 273, 274, 283, 288
Ижво, вол. 259, 260
Ижера, р. 166, 349
Изборск, г. 16, 90, 104, 229, 230, 284, 291
Изборяне, жит. 291, 294
Измаильтяне 198, 237
Иледам, вол. 259, 308, 364
Илмовское, сел. 260
Ильина, ул. в Новгороде 274, 275, 281
Инд, р. 79
Индия 79, 85. 202, 220
Исконь, слоб. 260
Исмея, вол. 259
Испагань, г. 283
Испания 159, 268
Истерва, вол. 259
Истея, вол. 259
Италия 69, 120, 152, 153, 154, 155, 159, 160, 198, 210, 218, 344, 347
Итальянцы, нар. 7, 69, 219

Кабарда, обл. 254
Кавказ 86
Кадом, г. 250
Казаки днепровские (запорожские, малороссийские) 215, 216, 395
Казаки донские 267
Казаки ординские, азовские, ногайские 216
Казаки рязанские 168, 200, 215, 216, 354
Казанское царство 134, 150
Казанцы (казанские татары) 29, 186
Казань (Саинов юрт), г. 7, 29, 54, 74, 93, 150, 171, 183, 186, 193, 217, 236, 286, 339, 341, 355, 360, 365, 366
Казахия, страна 215
Калея, вол. 313
Калка, р. 250, 397
Калмыки, нар. 78, 400
Калуга, г. 22, 61, 89, 145, 168, 259, 354, 375
Калужская губ. 89, 106, 228, 292
Калужский у. 233
Кама, г. 12, 227
Кама, р. 54, 102, 196, 253, 290
Камарев, сел. 258
Каменец, г. в Подолии 228
Каменка, р. 169, 355
Каменно, оз. 379
Каменское, сел. 259
Канев, д. 258, 259, 260
Капчак 69, 301
Капчакские степи 86
Карачев, г. 89, 401
Каргополь, г. 180
Касоги, нар. 215
Каспийское море 74, 79, 81, 215, 217
Кафа Генуэзская (Феодосия), г. 36, 46, 250, 301
Кафинский лиман 267
Кафинцы, жит. 250
Качалинская станица 267
Кашин, г. 13, 21, 27, 97, 98, 114, 227, 231, 234, 274, 288, 299, 300, 318, 323, 325, 338, 356, 361
Кашинская обл. 13
Кашинцы, жит. г. Кашина 234
Кексгольм, г. 54
Кенигсберг, г. 165, 166
Киг, о-в 302
Киев, г. 23, 34, 52, 65, 67, 87, 89, 92, 94, 96, 114, 115, 116, 127, 128, 161, 196, 204, 205, 215, 219, 238, 239, 241, 264, 265, 275, 287, 295, 299, 309, 311, 312, 316, 319, 321, 323, 325, 328, 334, 358, 359, 379
Киевляне (кияне), жит. 382
Киевская обл. 215
Килова, ул. в Новгороде 274
Кир-Михайлово, уроч. 68, 246
Киргизские степи 81
Кирьепига, см. Киремпе
Киремпе (Кирьепига), г. 104, 229, 291, 294
Кистма, г. 231, 375
Китай 69, 202, 271, 283
Кичменьга, вол. 338, 366
Киша, р. 25, 226
Кияны, см. киевляне
Клементьевское, село 174
Клин, г. 110
Клинская вол. 296
Кличен, г. 77, 282
Кличенская вол. 263
Клопсо, уроч. 325, 328, 329
Клязьма, р. 114, 143, 355
Княж, о-в 313
Княжинский берег, в Новгороде 321
Князьцева труба, в Новгороде 277
Кобыла, г. 388
Ковалево, под Новгородом 255
Ковен (Кобек), см. Ковна
Ковна (Ковен), г. 274, 379
Козаки, см. казаки
Козаров, г. 54
Козары, см. хазары
Козельск, г. 104, 106, 113, 121, 168, 180, 191, 207, 291, 296, 306
Козлов брод, г. 257, 279
Кокшаров, см. Котельнич
Кокшенга, вол. 366
Колашна, сел. 260
Колмово, под Новгородом 255, 326, 327, 328, 329, 330
Колмогоры (Холмогоры), г. 102, 118, 290, 303, 313
Коложе, г. 104, 326, 379
Коломенское, сел. 34, 109, 110, 111, 113, 297, 375
Коломна, г. 10, 37, 40, 51, 53, 55, 61, 67, 75, 84, 89, 106, 123, 132,

144, 145, 147, 151, 193, 206, 226, 241, 242, 243, 244, 249, 252, 257, 258, 260, 276, 279, 289, 307, 315, 316, 323, 324, 327, 336, 338, 341, 342, 359, 366, 383
Колоча, вол. 259
Колывань, см. Ревель
Комела, вол. 259, 308
Конечный, погост 302
Конская, слоб. 260
Константино-Еленские ворота в Кремле в Москве 40
Константиновское, сел. 258, 308
Константинополь (Царьград), г. 35, 36, 63, 64, 65, 67, 76, 97, 124, 127, 129, 134, 152, 153, 158, 162, 163, 181, 197, 198, 210, 216, 220, 240, 241, 262, 264, 265, 266, 268, 277, 282, 286, 309, 312, 318, 320, 323, 325, 343, 346, 347, 379, 395, 403
Констанция, г. 312
Копор, см. Хопер
Копорье, г. 54, 252, 290, 325, 352
Копотенское, сел. 258, 308
Корелия, обл. 117, 329, 330
Корельский, г. 252, 253, 272, 290
Корельский, погост 302
Корелы, нар. 120, 226, 305, 353
Коржан, вол. 259
Корзенево, вол. 259
Коснятин, г. 97
Кострома, г. 19, 44, 48, 54, 55, 108, 109, 111, 120, 130, 135, 140, 143, 144, 145, 181, 185, 231, 239, 241, 251, 253, 254, 259, 272, 305, 308, 314, 327, 334, 336, 338, 359, 366, 375
Кострома, р. 147, 365
Костромичи, жит. 54, 248, 253
Костромские вол. 335
Котельн, г. 104, 291, 331, 380
Котельнич (Кокшаров), г. 192, 366, 371
Котлы (Котел), сел. 124, 244, 290, 309
Которосль, р. 339
Кочема, д. 258
Кошкин, г. 290, 294
Краков, г. 57, 352
Крапивна, г. 105, 260
Красильницкая, ул. в Новгороде 277
Красная горка, в Новгороде 326
Красная площадь, в Москве 172
Красное, сел. 258, 259
Красный остров, в Киеве 324
Красный остров, в Новгороде 329
Кременец, г. Волынский 295, 328
Кременчуг, г. Казанский 93, 286
Кремична, вол. 259
Кремль, в Москве 7, 11, 15, 17, 24, 40, 48, 50, 67, 109, 138, 145, 170, 172, 173, 179, 187, 209, 228, 315, 385, 396
Кремль, в Муроме 387
Креси 70
Крест, под Новгородом 277
Кречево, сел. 384
Кривой, погост 313
Кривой бор 68
Кристмемель, г. 350, 351
Кричев, г. 354
Кроация, см. Хорватия
Кром, часть Пскова 305, 318, 321, 322, 323, 328, 385, 387
Кропивна, г. 260
Крутицы, в Москве 375
Крым (Таврида) 14, 36, 94, 141, 150, 199, 228
Крымцы (крымские татары) 199, 215
Куба, р. 183, 364
Кубань, р. 241
Кубена, вол. 91, 194, 376
Кубенское оз. 178
Кудима, р. 31, 237
Кудрино, в Москве 298
Кузмодемьянская, ул. в Новгороде 118, 303, 318, 319, 328
Кузмодемьянское, сел. 259
Кузовская слоб. 260
Куклина лавица 387
Куликово поле 42, 44, 45, 57, 84, 221, 246, 249, 309
Кумины ворота, в Пскове 320
Кур, о-в 313
Кура, р. 83
Кургия, сел. 313
Курляндцы, нар. 106
Курмыш, г. 63, 171, 172, 355
Курск, г. 89, 402
Курья гора 302, 313
Кусь, р. 145, 336

Кутная башня, в Пскове 385, 387
Кучково поле, в Москве 28, 84, 86, 132, 235, 283, 318
Кучрея, р. 226
Кярь, о-в 302

Ладога, г. 54, 56, 102, 290, 304
Ладожское оз. 166
Ландскрона, г. 166, 353
Лапландия, обл. 167
Лапландцы (лопь), нар. 266
Лаче, оз. 237, 402
Левичин, д. 258
Лейпциг, г. 155
Леженицы, вол. 294
Ливония (Лифляндия) 15, 71, 106, 107, 136, 154, 165, 166, 303, 314, 346, 350, 351, 352
Ливонские немцы, см. ливонцы
Ливонский Орден (Немецкий) 15, 16, 57, 104, 165, 167, 292, 293, 350, 352
Ливонцы (ливонские немцы), нар. 90, 117, 166, 167, 193, 199, 294, 350
Лидва, р. 229
Ликурга, сел. 335
Лисина вотчина 359
Лисич, о-в 313
Листань, р. 168
Лисья (Лисичья) горка, под Новгородом 279, 316, 317, 321, 329, 380
Литва 7, 12, 14, 16, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 32, 33, 38, 40, 46, 56, 58, 59, 63, 71, 73, 86, 87, 88, 89, 92, 93, 94, 96, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 113, 116, 117, 121, 122, 123, 127, 134, 136, 138, 139, 141, 149, 154, 163, 164, 167, 175, 177, 179, 182, 183, 188, 191, 192, 193, 199, 204, 208, 215, 227, 228, 230, 233, 238, 245, 249, 255, 256, 275, 286, 287, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 299, 301, 305, 312, 316, 318, 321, 322, 324, 325, 327, 331, 334, 335, 346, 347, 349, 351, 354, 356, 357, 359, 367, 368, 369, 372, 379, 381, 383, 400, 406
Литовская земля, обл. 115, 175, 329
Литовцы, литва, нар. 17, 21, 23, 26, 57, 58, 88, 93, 94, 95, 96, 97, 105, 120, 137, 168, 228, 231, 248, 249, 256, 275, 288, 292, 294, 354, 356, 361, 382
Лифляндия, см. Ливония
Логовицкое поле 293
Лонгобарды, нар. 210
Лопасня, вол. 250, 257, 361
Лопасня, р. 41, 245
Лопь, см. лапландцы
Лохно, вол. 260
Лубяница, ул. в Новгороде 320, 321, 325, 330, 348
Луг (Лух), г. 140, 354
Луга, р. 63, 262
Лужа, вол. 183, 249, 257, 375
Лужище, в Новгороде 319, 330
Лужские ворота, в Пскове 320, 385
Лукина, ул. в Новгороде 276, 381
Луское, оз. 288
Луское, сел. 253
Лутосна, вол. 259
Луцинское село на р. Яуза 259, 335
Луцк, г. 96, 138, 295, 322, 328, 332, 333, 334
Луческ, см. Луцк
Лысково, сел. 114, 298
Лысцево, сел. 259
Лыткино, сел. 260
Любек, г. 90, 155, 166, 248, 285, 351
Любудское, сел. в Калужском у. 233
Любутск, г. 89, 100, 106, 113, 231, 233, 257
Лугоща, ул. в Новгороде 275, 276, 303, 323
Людин Конец, в Новгороде 55, 255, 273, 274, 316, 322, 324, 327, 329, 379, 381
Люлеховские воды 263
Люнебург, г. 155
Лятка, ул. в Новгороде 255, 272
Ляхи, см. поляки

Македония, обл. 317
Маковец, д. 258
Малаховское, сел. 258, 308
Малинское, сел. 259

Малороссия 177, 215
Малоярославец, г. 113
Мамелюки 81
Маначь, р. 364
Мариенбург, г. 280, 325, 405
Мариуполь, г. 46
Марокваш 253
Марьин город, см. Мариенбург
Марьин двор, в Москве 297
Матигоры, сел. 313
Медведица, р. 68, 267
Медуши, сел. 280
Медынь, г. 259, 375
Межибож, г. 228
Мелетово (Мелотово), под Псковом 388
Мелотово, см. Мелетово
Мемель, г. 166, 352
Меча, р. 43, 68
Мещера, обл. 46, 55, 63, 74, 146, 250, 307, 336, 337
Мещерка, вол. 258
Микитина, см. Никитина ул.
Микулин, г. Галицкий 97
Микулин, г. Тверской 12, 16, 26, 97, 227, 234, 400
Микульское, сел. 259, 260
Милолюб, г. 322
Милолюбский ез 259
Митин починок 258, 260
Михайлова (Михалица), ул. в Новгороде 272, 276, 277, 385
Михайлово, см. Кир-Михайлово
Михалевское, сел. 259
Могилевская губ. 58
Моголы, см. татары
Можайск, г. 24, 51, 55, 61, 89, 145, 168, 188, 192, 194, 206, 257, 259, 260, 326, 375, 377
Можайская вол. 259, 305
Можайцы (можаичи), жит. 230, 354
Мойшин холм, вол. 259
Мокрое, уроч. в Москве 389
Молвотицы, г. 321
Молдавия 58, 73, 89, 139, 256
Молога, вол. и р. 18, 19, 26, 55, 145, 231, 262, 318, 357
Молога, г. 324
Монастыри:
Андроньев, в Москве 63, 249, 389
Антониев, в Новгороде 255, 272, 276, 319
Аркадиевский (Аркаж, Оркаж), в Новгороде 255, 318, 324
Архангельский (Архангела Михаила) в Иерусалиме 266
Архангельский в Москве, см. Чудов
Благовещенский, Новгородский, 278, 329
Благовещенский на Песках, в Пскове 329
Богородичный, в Константинополе 309
Пресв. Богородицы на Михалице, в Новгороде 277
Богородицын на Перыне, в Новгороде 255
Богородицын на Торговой стороне, в Новгороде 255
Борисоглебский, в Новгороде 255
Васильевский, в г. Берлад 228
Вознесенский, в Москве 133, 278, 373
Воскресенский, в Новгороде 255
Воскресенский, в Пскове 387
Воскресенский на Деревянице, Новгородский 275, 278, 326
Высоцкий, близ Серпухова 63, 64, 249, 264
Григория Богослова, в Ростове 65, 266
Георгиевский, в Городце Шелонском 384
Деревянитский, см. Воскресенский
Дубенкский 264
Дудин 172, 355
Духов, в Новгороде 255
Евфимиев, в Суздале 170, 355
Зачатьевский, в Нижнем Новгороде 225
Иоанна Златоустого, в Москве 326
Иоанна Предтечи (Продром), в Константинополе 67, 266
Иоанна Предтечи под Бором, в Москве 327
Иоановский Росткин, в Новгороде 255, 319, 323, 381,
Иосифов, Волоколамский 344

Киево-Печерская лавра 87, 96, 115, 265, 316
Кириллов, Белозерский 178
Кириллов, в Новгороде 255
Клопский 340
Колочинский, Можайский 326
Константиноеленский, во Владимире 262
Лазарев, в Новгороде 255
Лисицкий на Лисьей горке, в Новгороде 316, 325
Михайловский, в Архангельске 117, 302
Михайловский на Сковоротке, в Новгороде 272
Моисеев, в Новгороде 272
Никитский, в Пскове 384
Николаевский, в Архангельске 117
Николаевский Мостищский (на Веряжи), Новгородский 325
Николаевский на Перерве, Московский 290
Николаевский Старый, в Москве 309
Николаевский, в Неноксе 302
Николаевский на р. Папоротне, Новгородский 322
Николаевский на Чудинцеве ул., в Новгороде 316
Николаевский, в Новгороде 118, 125, 255
Николаевский на р. Понеделье, Новгородский 255
Николаевский над Ручьем, в Твери 278
Отроч, в Твери 273
Павлов, Новгородский 329
Печерский, см. Киево-Печерская лавра
Рождественский, в Боровске 375
Рождественский, во Владимире 279
Рождественский на Ковалеве, в Новгороде 255
Рождественский на Поле, в Новгороде 305.
Рождественский на Перыне, в Новгороде 255
Росткин, см. Иоанновский
Сергиев, см. Троице-Сергиева лавра
Симонов, в Москве 44, 63, 125, 141, 152, 262, 263, 276, 310, 343, 397
Снетогорский, Псковский 273, 328, 381
Соловецкий 196
Солотчинский, близ Рязани 100
Спасский, в Велье 387
Спасский, в Кремле в Москве 135, 225, 266, 317, 320, 327
Спасский, в Пскове 322
Спасский на Хутыне, см. Хутыньский
Сретенский, в Москве 28, 84, 235, 318
Троице-Сергиева лавра 10, 34, 39, 143, 149, 173, 180, 240, 249, 262, 264, 277, 288, 309, 321, 330, 356, 359, 362, 366, 388, 397
Троицкий, см. Троице-Сергиева лавра
Успенский в Радоковицах, Новгородский 316
Хутыньский (Спасо-Варлаамиев), Новгородский 278, 325, 327, 328
Чудов (Архангела Михаила), в Москве 63, 125, 161, 262, 289, 316, 319, 389
Юрьевский, в Новгороде 188, 255, 275, 328
Моравия, обл. 167, 351
Мордва, пар. 29, 30, 168, 237, 354
Мордовская земля, обл. 11, 31, 46, 75, 150, 169, 281
Морж, о-в 304
Москва, г. 7, 8, 10—21, 24, 25, 28, 31—33, 35—40, 44, 46—53, 55, 56, 59, 62—67, 69—71, 73, 75—78, 84—86, 91, 93, 94, 96—108, 110—113, 115, 119, 120—128, 131, 132, 134—136, 141—145, 147—151, 154, 161—164, 167, 170—173, 175—183, 186—188, 190, 193, 195, 198, 200, 204—210, 214, 216, 218, 219, 226—228, 230, 231, 233—239, 241—244, 249—252, 254, 256—258, 262, 265, 266, 271, 272, 274, 275, 277—281, 283, 285—300, 304, 305, 307—312, 314—

327, 329—331, 335—339, 341—344, 346, 347, 349, 354, 355, 357—359, 361—364, 366, 367, 372, 373, 375, 376, 379—381, 383—390, 395, 396, 405
Москва, р. 123, 126, 132, 244, 317, 318, 325, 327, 375, 389
Московитяне (москвичи), жит. 19, 20, 22, 27, 28, 33, 49, 50, 56, 57, 60, 84, 85, 105, 106, 109, 115, 120, 126, 135, 143, 145, 149, 152, 162, 166, 167, 169, 170, 176, 185, 187, 189, 193, 218, 230, 266, 284, 292, 301, 305, 333, 341, 352, 358, 367
Московская обл., губ. 114, 119, 121, 149, 186, 228
Московское княж., гос-во 9, 46, 52, 61, 88, 93, 94, 107, 108, 110, 112, 142, 149, 167, 178, 181, 194, 207, 357, 368, 388
Мощеная ул., в Пскове 387
Мста, р. 147, 154, 195, 338, 377
Мстиславль, г., уезд 58, 100, 175, 250, 256, 354, 358, 361
Мстиславские жит. 58
Мункач, г. 228
Мурманы, см. норвежцы
Муром, г. 55, 74, 121, 123, 169, 171, 172, 175—177, 207, 278, 280, 289, 308, 354—357, 366, 375, 387
Муромцы, жит. 289
Мухарни, село 237
Мушкова гора, вол. 259
Мценск, г. 89, 140, 401
Мюнхен, г. 301

Напрудское, село в Москве 259, 376
Нара, р. 228
Нарва (Ругодив), г. 166, 349, 350, 352, 380
Нарова (Норова), р. 54, 106, 117, 166, 167, 293, 302, 303, 349, 351, 353, 371
Наровчат, г. 11
Насавиты, нар. 273
Нева, р. 166, 349
Невадичи, сел. 382
Неглинная, р. в Москве 297, 389
Негуча, вол. 259
Незнанова горка, в Пскове 320, 328
Нейгаузен (Новый городок на р. Пивже), г. 16, 107, 229, 230, 291, 294, 349
Нейшлот (Новый городок, Олофсбург) 166, 253, 352
Немецкий двор, в Новгороде 303, 321
Немецкий Орден, см. Ливонский
Немецкий (Тевтонский, Прусский) Орден 13, 17, 94, 116, 166, 230, 280, 292, 293, 301, 333
Немцы, нар. 15, 16, 56, 65, 69, 73, 87, 89, 90, 91, 94, 97, 101, 104, 106, 107, 116, 117, 120, 131, 132, 137, 165—167, 176, 193, 217—219, 229, 230, 232, 267, 268, 271, 274, 284, 287, 289—291, 293—295, 301—303, 314, 318, 325, 329, 349, 350, 353, 356, 361, 368, 371—373, 380, 382, 383, 405
Немцы ливонские, см. ливонцы
Ненокса 167, 302, 313, 353
Непрядва, р. 41, 221, 246, 249
Неревский Конец, в Новгороде 55, 253, 255, 273, 274, 277, 323, 326
Нередица, под Новгородом 255, 329
Нерехта, г. 308, 338, 376
Нерль, р. 169
Нижегородская вол., обл. 30, 31, 59, 72, 74, 257
Нижегородское княж. 114
Нижегородцы, жит. 12, 233, 236
Нижний Новгород, г. 7, 9, 10, 12, 17, 24, 30, 31, 47, 54, 55, 59, 71, 75, 93, 109, 120, 121, 123, 135, 140, 145, 169, 171, 172, 175, 176, 182, 207, 225—227, 233, 236, 237, 240, 257, 262—265, 273, 274, 276, 279—281, 286, 296, 298, 299, 305, 308, 316, 323, 325, 334, 354, 371, 375, 376
Низ, Низовская земля 226, 276, 354
Низовцы 254, 255
Никитина, ул. в Новгороде 273, 277, 278, 316, 348
Никольские ворота в Кремле в Москве 40, 179, 387
Никополь, г. 300

Нил, р. 81
Нобаш, вол. 259
Новгород Великий (Новагород, Новегород, Новогород, Новый город) 7, 15, 16, 27, 41, 54—56, 64, 66, 71—73, 76—78, 90—92, 100, 102, 104, 117, 119—121, 134, 136, 138, 145, 147—149, 154, 164, 166, 167, 176, 182, 183, 185, 188—190, 193, 195, 196, 204, 212, 216—218, 227, 229, 230, 232—235, 238, 249, 251, 253—255, 262, 264, 272—282, 284—295, 301, 302, 304—306, 310, 316, 318—320, 322—333, 336, 338—340, 343, 345, 348—355, 360, 361, 363, 365—369, 371—373, 376—388, 391—394, 402, 405
Новгород Северский 87, 106
Новгородская вол. 234, 254, 332, 353
Новгородская земля, обл. 72, 75, 77, 103, 138, 149, 163, 165, 166, 294, 305, 383
Новгородцы, жит. 11, 16, 21, 22, 26—28, 34, 54—57, 63, 69, 71—74, 76, 77, 89—92, 102—104, 106, 116—120, 137, 138, 140, 148, 163—167, 182, 184, 186, 188—190, 193, 199, 213, 217, 218, 223, 226, 227, 229—232, 234, 238, 252—255, 273—275, 278, 280, 282—284, 286, 290, 291, 294, 295, 301—303, 305, 314, 316, 318, 320, 321, 324, 326, 329, 331—333, 339, 340, 349—354, 360, 367—369, 373, 378, 380—382, 384, 389, 392, 396, 398, 405
Новогродок, г. литовский 127, 128, 139, 347
Новое село 259
Новолок, сел. 313
Новоржев, г. 104, 339, 382
Новосиль, г. 26, 121, 207, 235, 292
Новоторжцы, жит. г. Торжка 218, 234, 305, 368
Новоторьская (Новоторжская) вол. 231, 234, 340
Новый, г. (Новгород Нижний), см. Нижний Новгород
Новый городок (Городец на Оке) 97, 249
Новый городок, см. Нейшлот
Новый городок немецкий, см. Нейгаузен
Новый городок на р. Старица 318, 321
Новый, г. Тверской 299, 318
Новый Торг, см. Торжок
Ногаи (ногайцы, ногайские татары) 364
Норвегия 117, 166
Норвежцы (мурманы), нар. 117, 302, 353
Норова, см. Нарова
Нукурья, вол. 226
Нутная, ул. в Новгороде 274, 276, 277, 302
Нюренберг, г. 155

Обдория, обл. 66, 266
Обези, обл. 283
Обнора, р. 364, 365
Оболенск, г. 15, 26, 228
Обухов, сел. 253
Обь, р. 12, 226
Овла (Олва), р. 253
Огузы, см. узы
Одноушево, сел. 343
Одоев, г. 41, 105, 115, 245; 292, 300
Озерецкое, сел. 366
Озолица, уроч. 371
Ока, р. 19, 32, 36, 38, 41, 44, 46, 47, 51, 68, 84, 89, 123, 172, 182, 186, 193, 220, 233, 237, 238, 240, 241, 243, 245, 249, 250, 289, 307, 336, 354, 361, 397
Околоток, в Новгороде 275
Окс, р. 79
Олексинское, см. Алексинское
Олонецкая губ. 237
Ольгина гора 290
Ондреевское, см. Андреевское
Опоки, г. 97, 321
Опоцкий конец, в Пскове 329, 387
Опочане, жит. 331, 380, 388
Опочка, г. 136, 326, 331, 377, 383
Орда Волжская, см. Капчакская
Орда Заяицкая 94
Орда Золотая (Большая, Сарайская) 7, 8, 9, 11, 16, 18—21,

23, 25, 29, 32, 33, 40, 45, 47, 53, 58, 59, 71, 73—76, 83, 92, 94—96, 99, 103, 104, 107, 108, 111—115, 121, 123, 126, 134, 140, 141, 145, 146, 149—151, 168, 176, 182, 193, 203, 205—208, 216, 217, 223, 226, 228, 230, 231, 233, 236, 237, 241, 243, 251, 252, 256, 257, 260, 262, 272, 274—278, 280, 281, 286—291, 295—300, 307, 308, 316, 318, 334, 335, 337, 341, 356, 359, 362, 376, 389, 406, 407
Орда Капчакская (Кипчакская, Волжская) 16, 46, 78, 81—83, 86, 115, 199, 236
Орда Крымская 134, 199
Орда Ногайская, Синяя 183, 186, 283, 364
Орехов (Орешек, Нетеборг, Шлиссельбург), г. 54, 166, 230, 252, 253, 278, 290, 302, 353
Орешек, см. Орехов
Оригенс, г. 300, 301
Орининское, сел. 258, 308, 374
Орлец, крепость 91, 285, 286, 313, 366
Орлов, г. 192, 371
Орловская губ. 89
Ормены, см. армяне
Ормус, г. 79
Орначь, г. 278, 283
Орша, г. 87, 401
Осатна, сел. 293
Осетинцы, нар. 215
Осиновое поле (Осиновец), г. 366
Ослебятево, сел. 260
Османы, см. турки
Остафьевское, см. Астафьевское
Острая Лука 68
Остров, г. 104, 291, 350
Островичи, жит. г. Остров 291, 331
Островское, сел. 258, 308
Острод, г. 325
Острый конец, в Москве 389
Острый конец, в Пскове 387
Оттоманская империя 160, 378
Охна, сел. 241
Очаков, г. 395
Павлова, ул. в Новгороде 277
Палестина (Св. земля) 67, 158, 165
Пандораклия 267
Папоротня, р. 322
Париж, г. 198
Пасынково, сел. 136
Пафлагония, обл. 196
Пахра (Похра), р. 186, 324, 366
Пашкова гать 291
Пегу, страна 271
Пекша, р. 259
Пенежане, нар. 266
Перевозская степь 30
Переволока Тверская 299
Перемера, р. 310
Перемышль, г. 17, 106, 113, 121, 183, 207, 257, 259, 279, 306
Перерва, уроч. 290, 337
Переславль, см. Переяславль Залесский
Переяславль Залесский, г. 10, 18, 21, 33, 44, 51, 55, 68, 105, 109, 143, 168, 172, 177, 206, 225, 226, 231, 241, 251, 257, 259, 274, 275, 276, 288, 305, 320, 322, 336, 338, 355, 358, 375
Переяславль Рязанский, см. Рязань
Переяславцы, жит. 168
Пермская земля 266
Пермь, г. 7, 29, 65, 319
Пермь, пермяки, нар. 65, 66, 266
Персидский залив 79
Персия (Иран) 71, 79, 82, 217
Персияне (персы), нар. 254
Пертасы, нар. 266
Перынь, под Новгородом 255
Пески, в Пскове 328, 329
Песочна, вол. 258—260
Петровское, сел. 260
Печенеги, нар. 44, 211, 247, 267
Печера, см. Печора
Печерская обл. 69, 270
Печеряне, жит. 69, 270
Печора (печера), нар. 266
Пидба, в Новгороде 328
Пинск, г. 236
Плава, р. 291
Плесков, см. Псков
Плесковский двор, в Новгороде 323

Плесковичи, см. псковитяне
Плеснь, вол. 259
Плесо, г. 140, 305, 325
Плотинский (Плотницкий, Плотники) Конец, в Новгороде 55, 253, 255, 273, 274, 276, 277, 320, 321, 323, 326, 328
Плотские ворота, в Пскове 385
Пневичи, вол. 259
Подол, в Новгороде 253, 274, 277, 375
Подолия, обл. 14, 87, 228, 256, 284, 292, 333, 334, 348
Поклонная гора в Москве 22, 24, 126
Половецкие степи 36
Половцы, нар. 37, 94, 211
Полонга, г. 14
Полоница (Полонище), в Пскове 387
Полонное, местечко 88
Полоцк, г. 23, 57, 167, 256, 291, 316, 334, 381—383, 404
Полоцкая обл. 57
Полочане, жит. 382
Полтеск, см. Полоцк
Полуозерье, вол. 359
Польша 58, 121, 139, 159, 163, 208, 256, 333, 346, 395
Поляки (ляхи), нар. 13, 97, 120, 231, 284, 287, 289, 292, 325, 356, 361, 386
Понеделья, р. 255
Поротва, вол. 230, 259
Португалия 159
Порх, г. 106, 293
Порхов, г. 63, 137, 262, 290, 294, 304, 320, 324, 325, 332, 340, 380
Порховичи, жит. 332
Посад, часть Москвы 11, 17
Похра, см. Пахра
Похряне, вол. 258
Почен, г. 249, 250, 361
Починки, сел. 310
Проватово, сел. 258
Пронск, г. 289, 336
Протва, р. 292
Пруссия 14, 33, 73, 256, 280, 301, 351—353
Прусская ул., в Новгороде 303, 305, 306, 316, 321, 322, 327
Прусский Орден, см. Немецкий, Тевтонский
Пруссы (прусь), нар. 301, 325
Псков (Плесков), г. 10, 16, 33, 64, 96, 103, 104, 106, 107, 119, 120, 136, 154, 164, 165, 204, 217, 226, 229, 256, 264, 273—275, 277—279, 286, 290—295, 302—306, 316, 318, 320—324, 326, 328—332, 338, 339, 342, 344, 346, 349, 353, 360, 362, 367, 369, 371—373, 379—388, 390, 391, 405
Пскова, р. 319, 322, 328, 382, 386
Псковитяне (псковичи), жит. 15, 16, 104, 106, 107, 119, 120, 131, 132, 137, 149, 164, 165, 167, 190, 193, 199, 212, 218, 229, 230, 264, 272—275, 277, 279, 290—295, 301, 302, 304—306, 314, 318—321, 324, 326, 329, 331—333, 340, 349, 351—353, 367, 369, 371—373, 379—387, 389, 392, 405
Псковская вол., обл. 165, 229, 293, 294, 379, 382
Псковское оз. 293
Пудожня, р. 349
Пустынки (Пустая), ул. в Пскове 384
Путивль, г. 292
Пьяна, р. 11, 25, 30, 31, 236

Радилов (Городец на Волге) 97, 113, 175, 176, 182, 191, 207, 236, 273, 278, 296—298, 319, 326
Радоковичи, в Новгороде 273, 276, 277, 329
Радонеж, г. 113, 183, 356
Ракула, погост. 313
Раменка, вол. 258, 259
Раменка, р. 311
Раменьеце, вол. 259, 260
Растовец, вол. 257
Ревель (Колывань), г. 90, 285, 303, 352, 381
Репинское, сел. 259, 260
Ржев, г. 14, 33, 55, 72, 89, 97, 106, 113, 146, 148, 180, 194, 225, 228, 233, 238, 279, 280, 284, 291, 305, 321, 324, 375
Ржева Пустая (Новоржев), г. и вол. 339
Ржевичи, жит. 339

Ржевский у. 263
Рига, г. 90, 155, 165, 166, 285, 292, 338, 349
Рим, г. 57, 67, 129, 152, 153, 160, 162, 163, 166, 198, 205, 210, 268, 312, 344, 347, 348
Римляне, жит. 156, 157, 268, 396
Рогатица, ул. в Новгороде 274, 321, 327
Рогож, вол. 259
Родень, см. Рудня
Рожа, см. Рожалов
Рожалов, г. 296, 375
Рожек, слоб. 263
Рожкино, сел. 371
Розважа, ул. в Новгороде 319, 329
Рокитна, сел. 234
Романиха (Романова), ул. в Пскове 384
Романов, г. 194, 234, 262, 376
Россия, Русь 7, 8, 10—15, 17, 18, 21—24, 26, 28, 29, 33—35, 37—40, 42—45, 47, 50, 51, 53, 55, 59—63, 67, 69—73, 75, 76, 78, 81, 83—87, 93, 94, 96—98, 101, 103, 104, 106—108, 110—114, 119—124, 128, 131, 134—136, 139—142, 147, 149, 150, 152, 154, 160—162, 165, 171, 172, 175, 176, 179, 181, 184, 190, 193, 200—202, 204, 205, 207—209, 211, 213, 215—220, 222—224, 229, 232, 238—242, 250, 251, 256, 258, 263—266, 271, 275, 278—280, 283, 292, 295, 296, 298, 299, 301, 303, 305, 309, 311, 312, 316, 324, 337, 340, 341, 343, 344, 346—348, 352, 356—358, 360, 367, 369, 373, 377, 391, 395, 397, 398
Россия Литовская 71, 89, 125, 140
Россия северная 121, 126, 127, 216
Россия северо-восточная 75
Россия северо-западная 138, 164
Россия южная 40, 89, 105, 121, 125, 127, 129, 163, 204, 216
Россияне, нар. 11, 13—15, 17, 23, 24, 29—34, 37, 39, 41, 43—45, 47, 49—54, 57—59, 62, 65, 67, 69, 70, 74, 83, 96, 100, 104, 106, 109, 110, 112, 114—117, 120, 124, 131, 132, 137, 139, 140, 150, 154, 155, 161, 163, 165—172, 181—183, 185, 193, 195, 196, 198, 199, 201—203, 205, 209—211, 214, 215, 217, 224, 228, 230, 233, 236, 237, 248, 249, 254, 267, 292—294, 301, 303, 309, 341, 350, 352, 354, 378, 396
Росткина, ул. в Новгороде 316
Ростов, г. 10, 26, 44, 55, 109, 121, 171, 181, 194, 207, 217, 225, 241, 251, 258, 259, 262, 279, 305, 318, 324, 328, 359, 368, 376
Ростовская обл. 29, 147, 190, 338
Ростовци, вол. 259
Росток, г. 166
Роща, вол. 259
Ругодив, см. Нарва
Рудина гора 359
Рудня (Родень), сел. в Смоленской губ. 228
Рудь, вол. 259
Руза, г. 61, 173, 194, 259, 337, 375
Рузский у. 228
Руса, г. 54, 56, 102, 189, 274, 290, 304, 321, 325, 384, 386
Русь, см. Россия
Руха, сел. 272
Рушане, жит. г. Руса 384
Рыбники, в Новгороде 329
Рядятина, ул. в Новгороде 272, 273
Рязанская земля, обл. 31, 32, 38, 41, 46, 75, 88, 103, 119, 123, 149, 168, 169, 216, 233, 242, 245, 250, 290, 354
Рязанское княж. 46, 336
Рязанцы, жит. 20, 53, 89, 100, 140, 220, 325
Рязань, г. 11, 20, 31, 32, 46, 52, 60, 63, 68, 96, 100, 111, 121, 190, 193, 226, 233, 236, 237, 245, 249—252, 257, 284, 289, 300, 305, 307, 316, 319, 321, 325, 341, 373
Ряховское, село 237

Савас, г. 283
Савельевский починок 260
Садово, село 237
Саинов юрт, см. Казань
Саленга, вол. 366
Самарканд, г. 81, 82, 280, 283
Самогития, обл. 344
Самоеды (самоядь), нар. 266
Самойлов починок 260
Самоядь, см. самоеды
Сар, р. 226
Сарай (Кокорда), г. 9, 29, 54, 59, 71, 86, 92, 240, 253, 265, 279, 283, 321
Саратовские степи 83
Сарацины, см. аравитяне
Сарматы, нар. 211
Свеи, см. шведы
Святица, р. 343
Святое оз. 114, 298, 299
Святые горы 315
Севастия, г. 283
Северка, р. 244
Северский удел (княж.) 105
Селиврия, г. 317
Селижарова, р. 263
Селна, вол. 259
Семцинское (Семчинское) село в Москве 260, 308, 389
Сенежские пустыни 114, 299
Сенег, см. Сенежское оз.
Сенежское оз. 298, 299
Сербия, обл. 317
Сербы, нар. 129, 160
Серица, р. 291
Серклия (Саркел, Терклия), г. 68, 267
Сернач, р. 251
Серпейск, г. 104, 291
Серпухов, г. 48, 55, 63, 64, 72, 109, 113, 183, 194, 233, 236, 262, 263, 276, 279, 296, 375
Серьяне, нар. 266
Сетунь, р. 311
Сибирь 90, 217, 227
Сигон, р. 81
Сижка, сел. 263
Сиз, обл. 283
Симоново, в Москве 263
Симоновский двор, в Москве 387
Синай, гора 266
Синжаны, сел. 299
Синоп, г. 267
Синяя Вода, г. 228, 249
Синяя Вода, р. 14, 249
Сирия 80, 85
Ситеска, см. Ситецка
Ситецка (Ситенка, Ситеска), р. 255, 274
Скирменово, сел. 259, 260
Скифы, нар. 211
Сковородка, под Новгородом 255, 272, 325, 326
Скорнищево 231
Скоротин, сел. 338
Скульнев, д. 258
Славкова, ул. в Новгороде 276, 321
Славяне 210, 211, 231
Славянский Конец, в Новгороде 54, 253, 272—274, 277, 321, 327, 328, 386
Смирна, г. 81
Смоленск, г. 11, 24, 26, 58, 71, 88, 89, 93, 99—101, 117, 122, 152, 167, 168, 226, 230, 278, 284, 286, 288, 289, 305, 307, 326, 333, 334, 343, 344, 354, 377, 386
Смоленская земля, обл. 75, 93, 100, 101, 119, 228
Смольняне, жит. 231, 256, 259, 292, 382
Смоляные, сел. 260
Смотрич, г. 228
Смядва, р. 289
Снетная гора 328, 381, 384
Содомляны 248
Соколья горка (Сокольница), под Новгородом 279, 329
Соловки (Соловецкий о-в) 378
Соль Галицкая 259, 263, 343
Сольца, сел. 290
Сосна, р. 68, 267
Софийская сторона в Новгороде 56, 118, 255, 273
Сохна, сел. 259, 260
Сохоньский починок 259
Сочава, г. 228
Средиземное море 80, 81
Сретенская, ул. в Москве 389
Сретенские ворота в Москве 132
Старица, р. 318, 319, 321
Стародуб, г. 26, 33, 55, 175, 292
Стародубский удел (княж.) 105
Сторожи, уроч. 335

Стражково, сел. 299
Суда, вол. 260
Судак (Сурож), г. 233, 267, 401
Суздаль, г. 8, 30, 55, 59, 71, 75, 121, 169, 171, 175, 176, 182, 191, 207, 236, 264, 273, 281, 320, 323, 354, 355, 357, 370, 371, 375, 384
Суздальское княж. 40, 75, 175, 192, 207
Суздальцы, жит. 30, 383
Сула, р. 89, 94
Сулишин, погост 259
Сундовак, см. Сундовить
Сундовить (Сундовак), р. 226, 237
Сура, р. 31, 135, 226, 330
Сурож, см. Судак
Сурожик, сел. 259, 335
Суходол, г. 259, 260, 375
Суходров, вол. 168
Сухона, р. 186, 188, 365, 366
Сушов, вол. 259
Сущевское, сел. под Москвой 337, 375
Сыр, р. 236
Сысоевы ворота, в Пскове 328, 381
Сяма, вол. 259

Таврида, см. Крым
Таврис (Тевризий), г. и обл. 283
Тагай, г. 226
Тайнинское, сел. 113, 297, 376
Такасов, г. 250
Талица, г. 250
Тамашенские луга под Москвой 337
Танинское, см. Тайнинское
Таруса (Торуса), г. 26, 74, 121, 207, 280, 305
Татария Великая 217, 281, 296
Татары (моголы), нар. 7, 8, 11, 15, 16, 18, 20, 24, 25, 27—33, 36—53, 58, 60, 62, 68, 69, 71, 74, 75, 78, 80—86, 93—97, 99, 102, 104, 108—110, 113—115, 120, 121, 134, 140, 149—151, 166—170, 175, 179, 180, 182, 184—188, 193, 195, 196, 199, 200, 202—204, 206, 207, 209—211, 214—218, 226—229, 233, 235—237, 245, 248—251, 254, 257, 266, 267, 275, 276, 281, 284, 287, 289, 292, 298—301, 306, 307, 316—321, 324—327, 331, 334, 341, 352, 354—358, 361, 363, 364, 366
Татары волжские 12, 199
Татары заднепровские, нар. 14
Татары заяицкие 283
Татары казанские 151, 365
Татары крымские, см. крымцы
Ташкент, г. 81
Тверитяне, жит. 22, 25, 26, 120, 243, 301, 305
Тверская обл., губ. 27, 28, 98, 119, 227, 275
Тверское княж. 108, 110, 252, 296
Тверца, р. 22
Тверь, г. 10, 12, 13, 18, 23, 25—28, 48, 52, 63, 97, 98, 110, 121, 136, 142, 143, 173, 179, 182, 192, 204, 205, 217, 227, 230, 231, 233, 234, 241, 251—253, 272, 274, 275, 278, 287, 288, 298—300, 304, 310, 316, 318, 319, 321—326, 336, 346, 347, 355, 356, 358, 361, 383, 390
Тевризи, см. Таврис
Темир-Кабы, см. Дербент
Темников, г. 250
Теребеньское, сел. 279
Теребовль, г. 228
Терек, р. 83
Терехов сад, в Москве 297
Терклия, см. Серклия
Тернов, г. 317
Тефлизи, см. Тифлис
Тиверский, г. 290
Тигр, р. 79
Тироль, обл. 155
Тирольские горы 155
Тифлис, г. 79, 283
Тихая Сосна, р. 68, 242
Тмака, р. 274, 299, 318, 321, 322, 324
Тмакские ворота, в Твери 234
Тобол, р. 82
Тов, вол. 259
Тойма, вол. 313
Торг (Торговище), в Пскове 385, 387
Торговая сторона, в Новгороде 56, 118, 255, 277, 278, 328, 379, 387,

Торжок, г. 10, 21, 22, 25—27, 51, 55, 72, 77, 91, 97, 102, 103, 136, 148, 171, 190, 226, 231, 232, 234, 235, 272, 274, 279, 285, 287, 289, 290, 304, 325, 340, 353, 355, 368, 396
Торки, нар. 196, 215, 378
Торошина, сел. 385
Торуса, см. Таруса
Тошна, вол. 259, 296
Троки, г. 138, 199, 332, 377, 379
Тростеньское, оз. в Московской губ. 15, 228
Тростна, вол. 259, 337
Трубчевск, г. 33
Трупехова, ул. в Пскове 380
Тула, г. 46, 123, 145, 250, 332, 336
Тульская губ. 89, 105
Тунашма, р. 338
Турецкая империя 199, 347
Туркестан (Ясси) 81
Турки (османы), нар. 81, 120, 124, 134, 153, 159, 196—198, 202, 215, 267, 273, 300, 306, 309, 317, 320, 379, 395
Турки харазские, нар. 37, 70
Туров, г. 236, 309, 310
Тушков, вол. 259
Тферь, см. Тверь
Тцна, см. Цна
Тюмень, г. 107
Тютрюмов двор в Москве 323

Углечане, жит. 338, 339
Углече поле, см. Углич
Углич (Углече поле), г. 19, 25, 55, 61, 113, 140, 146, 148, 163, 173, 175, 177, 178, 180, 187, 191, 192, 194, 207, 259, 296, 318, 342, 347, 355, 357, 371, 375, 384
Угожь, вол. 259
Угорская земля, см. Венгрия
Угра, р. 24, 106, 301
Угры, см. венгры
Узваз, см. Взвоз
Узы (гоцы, огузы), нар. 196
Украина 215
Украйна Рязанская (окраина, приграничная к полю) 140, 257
Уна, сел. 313
Урал (Яик), р. 74, 82, 236, 280
Уральские горы 65
Уруктан, р. 279
Усос (Усох), уроч. в Пскове 387
Устьмерско, вол. 258
Устюг (Гледен), г. 8, 55, 77, 91, 118, 130, 147, 186, 188, 192, 225, 282, 286, 304, 313, 314, 318, 338, 339, 365, 366, 371, 375, 383
Устюжане, жит. 74, 148, 266, 285, 303, 338, 339, 365, 371
Устюжна, г. 77, 192, 282, 375
Устюжская обл. 188
Ухт, о-в 313

Федоров ручей и ул. в Новгороде 328
Феррара, г. 155, 156
Фессалоники (Солунь), г. 152, 317
Финляндия 165
Флорентийцы, жит. 156
Флоренция, г. 156—158, 160, 345, 346
Флоровские (Спасские) ворота в Кремле в Москве 40, 49, 244, 249, 251
Фоминское, сел. 259, 308, 374
Фракия, обл. 134, 197
Франки (французы), нар. 210
Франция 159, 210, 213, 271
Французы, нар. 70
Фроловское, сел. 260
Фрязи (фрягове), нар. 69, 120, 241, 267, 268, 273, 306, 345

Хазары (козары), нар. 211, 254, 267, 395
Хазитороканъ, см. Астрахань
Харазы (бесермены), нар. 227, 241, 273, 309, 317
Хвостовское, сел. в Москве 258, 308
Хвостовское, сел. в Перемышле 259
Херсон, г. 7, 14, 301
Хечинима, погост 302
Хивинцы, нар. 12
Хлынов, г. 192, 371
Хмельник, г. 228
Ховрач, г. 228
Ходынский луг, под Москвой 259, 260, 337, 376

Холопий городок, в Новгороде 327
Холопья ул., в Новгороде 275, 319
Холхол (Холхля), обл. 228, 260
Хопер (Копор), р. 68, 239, 320
Хорасан (Хорусаний), обл. 283
Хорватия (Кроация); обл. 160
Хороброво, сел. 260
Хороль, р. 94
Хорусани, см. Хорасан
Хотунь, г. 183, 375
Хревкова (Фревкова), ул. в Новгороде 326
Хутынь, в Новгороде 278, 326, 384, 388

Царьград, см. Константинополь
Церкви:
Алексеевская, в Новгороде 316, 320
Анастасьина, в Новгороде 304, 328, 383
Андреевская, на ул. Щитной в Новгороде 327
Андрея Юродивого на р. Сытеске в Новгороде 274
Апостола св. на Чудинцевой ул. в Новгороде 381
Архангела Михаила собор, см. Архангельский собор в Москве
Архангела Михаила в Чудовом мон. в Москве 316, 317, 386
Архангельский собор в Москве 40, 62, 151, 225, 239, 272, 281, 320, 331, 336, 337, 385
Архистратига Михаила в Нижнем Новгороде 225, 244, 279
Афанасьевская, в Москве 315
Афанасьевская, в Новгороде 305, 327
Афанасьевская, в Пскове 324, 383
Благовещения, в Нижнем Новгороде 262
Благовещения на Михайловой ул. в Новгороде 272
Благовещенская, в г. Руса 325
Благовещенская, на Дорогомилове в Москве 325, 386
Благовещенский собор, в Москве 131, 132, 315, 322, 386
Богоматери храм в Москве 38, 85, 132, 161, 187
Богоматери храм в Муроме 177
Богоматери в Новгородеке 128
Богоматери на Волотове в Новгороде 272
Богородицы пресв. в Вильне 237
Богородицы во Владимире, см. Успенская
Богородицы собор в Ростове 318
Богородицы в Твери 273, 274, 322, 326
Богородицы, на Деревянице в Воскресенском мон. 326
Богородичная, на городских воротах в Новгороде 328
Богородичная на Колмове 330
Богородичная на Лисичьей горке под Новгородом 317, 321
Богородичная на Михалице в Новгороде 276
Богородичная на Торгу в Новгороде 387
Богородичный собор в Суздале 384
Богоявления, в Москве 233, 388
Богоявления, в Пскове 319, 329
Богоявленская, в Бродах, Псковская 384, 387
Бориса и Глеба, в г. (в Околотке) в Новгороде 320, 322
Бориса и Глеба, в Плотниках в Новгороде 276
Бориса и Глеба, в Пскове 319, 381
Бориса и Глеба, в г. Руса 321
Бориса и Глеба, в сел. Садово 237
Бориса и Глеба, на Гзене в Новгороде 330
Варваринская, в Опоцком конце в Пскове 329
Варваринская, на ул. Черницыне в Новгороде 321
Варлаама св. на Хутыне в Новгороде 384

Васильевская, в Твери 316
Васильевская, на Горке в Пскове 326
Васильевская, на ул. Славковой в Новгороде 276
Васильевская, на ул. Ярышева в Новгороде 274
Василия Великого, см. Трехсвятительская
Введенская, в мон. Отрочь в Твери 273
Введенская, у Никольских ворот в Москве 387
Веры, Надежды, Любови в Пскове 327
Владимирская, на Неревском конце в Новгороде 326
Владимирская, под Москвой 308
Власьевская, в Людине конце в Новгороде 323
Власьевская, в Пскове 119, 274, 304
Власьевская, на Черницине ул. в Новгороде 328
Воздвижения, см. Крестовоздвиженская
Воздвижения, в Новгороде 272, 327
Вознесенская, в Москве 323, 330
Воскресенская, на Довмантове стене в Пскове 318
Воскресенская, на Людином конце в Новгороде 329
Воскресенская, на Полонище в Пскове 387
Воскресенский собор на воротах городских в Новгороде 276, 277, 286, 319, 327, 328
Всех Святых, в Москве 11
Гавриила Архангела, в Новгороде 326
Георгиевская, в Пскове 278, 387
Георгиевская, в г. Руса 325
Георгиевская, в Твери 310
Георгиевская, в Ферраре 156
Георгиевская, на Болоте в Пскове 274
Георгиевская, на Городище в Новгороде 255, 276
Георгиевская, на Лубянице в Новгороде 325, 348
Григория Богослова, см. Трехсвятительская
Димитриевская, в Пскове 385
Димитриевская, в г. Руса 384
Димитриевская, на ул. Даньславля в Новгороде 316, 318
Димитриевская, на Иворове ул. в Новгороде 278
Димитриевская, на Славковой ул. в Новгороде 276
Св. Духа на Гремячей горе в Пскове 277
Евпатьевская, на Рогатице в Новгороде 274, 321, 327
Евпатьевская, на Щеркове ул. в Новгороде 319
Екатерининская, в Новгороде 320
Ефимиевская, в Плотницком конце в Новгороде 326
Ефимиевская, на дворе Владычине в Новгороде 380, 384
Зачатия св. Иоанна Предтеча, на Десятине в Новгороде 326
Ильинская, в Славянском конце в Новгороде 386
Ильинская, в Хутыньском мон. 328
Ильинская, на Прусской ул. в Новгороде 304, 327
Иоанна Богослова, в Твери 322
Иоанна Златоустого, см. Трехсвятительская
Иоанна Златоустого, в Околотке в Новгороде 275, 382
Иоанна Златоустого, на дворе Владычине в Новгороде 148, 340, 383
Иоанна Милостивого, в Воскресенском мон. в Новгороде 255
Иоанна Предтечи, в Росткине мон. в Новгороде 323
Иоанна Предтечи, в Твери 321
Иоанна Предтечи, на ул. Чудинцеве в Новгороде 282
Иоанна Предтечи, у Боровицких ворот московского Кремля 388
Иоанновская, в Радоковичах в Новгороде 276, 277

Иоанновская, в Росткине мон. в Новгороде 319
Иоанновская, на Лужище в Новгороде 330
Иоанновская, на дворе Снетогорском в Пскове 273, 384
Иоанновская, на Торгу в Новгороде 277
Кафедральный храм в Флоренции 157
Кирилловская, в Пскове 275
Козьмы и Демьяна, в Твери 320
Козьмы и Демьяна, на Городище в Новгороде 255, 275
Козьмы и Демьяна, на Гремячей горе в Пскове, 277, 387
Константиноеленская, на ул. Росткина в Новгороде 316
Константиноеленская, на Яневе ул. в Новгороде 320
Крестовоздвиженская, в Кремле в Москве 355
Крестовоздвиженская, в Твери 275
Крестовоздвиженская, на дворе Княжем в Пскове 277
Лазаревская, в Городце Волжском 273
Лазаревская, в Москве, см. Рождества Богородицы
Лазаревская, на Неревском конце в Новгороде 277
Леонтьевская, в Галиче 342
Лукинская, в Новгороде 272, 327
Лукинская, на Лубянице в Новгороде 321, 330
Св. Мины, в Новгороде 277, 327
Мироносиц св., в Новгороде 384
Михайловская, в Пскове 320, 371, 373
Михайловская, в Суздале 273
Михайловская, в Твери 322
Михайловская, на Колмове в Новгороде 255
Михайловская, на Михайлове ул. в Новгороде 385
Михайловская, на Прусской ул. в Новгороде 321, 322
Михайловская, на Сковородке под Новгородом 325, 326
Михайловская, на Старице р. 318
Михайловский собор, в Аркадиевском мон. в Новгороде 318, 324
Михайловский собор, в Городце Волжском 273, 274, 278, 319
Нерукотворного образа, на ул. Добрынине в Новгороде 276
Никитская, в Плотниках в Новгороде 276, 323
Николаевская, в г. Котельн 380
Николаевская, в г. Руса 274
Николаевская, на Бечеве в Нижнем Новгороде 274
Николаевская, на Валку в Пскове 318
Николаевская, на Вежищах 383
Николаевская, на Всосе в Пскове 274
Николаевская, на Гремячей горе в Пскове 277
Николаевская, на Колмове 327
Николаевская, на Лятке в Новгороде 272
Николаевская, на Мокром уроч. в Москве 389
Николаевская, в Песках в Пскове 328
Николаевская, на Пидбе в Новгороде 328
Николаевская, на Сокольей горке в Новгороде 279
Николаевская, на р. Старица 321
Николаевская, на Узвазе в Пскове 322
Николаевская, на Холопьем городке в Новгороде 327
Николаевская, на Чудинцеве ул. в Новгороде 320
Николаевская, на княжем дворе Ярославле в Новгороде 282, 303
Николаевский собор, в Изборске 229
Николаевский собор, в Порхове 137, 325, 332
Св. Николы в Вильне 238
Отец, в Славянском конце в Новгороде 328

Отец, на Княжем дворе в Новгороде 380
Пантелеймона, в Пскове 319
Петра св. в Риме 198
Петра св. на Славянском конце в Новгороде 272, 273, 327
Петровская, на воротах в Новгороде 383
Петропавловская, в Пскове 274, 381
Петропавловская, на Неревском конце в Новгороде 277, 323
Покровская, в Домантовой стене в Пскове 320
Покровская, в Новгороде 279
Покровская, в Твери 275
Покровская, в Устюге 383
Покровская, на Зверинце под Новгородом 320
Похвалы Богородицы, в Пскове 384
Преображения, в Соловецком мон. 196
Преображения, в Торжке 272
Преображенская, на р. Веренде 323
Пятницкая, на Торгу в Новгороде 277
Риз Положение, на дворе митрополита в Москве 385
Рождества Богоматери, в Муроме 357
Рождества Богоматери, на Лисьей горке в Новгороде 279
Рождества Богоматери, на Старом Симонове в Москве 249, 263
Рождества Богородицы (с прид. св. Лазаря) в Кремле в Москве 133, 140, 289, 315, 317, 318, 322, 386
Рождества Богородицы, на Сенежском оз. 299
Рождества Христова, на сенях в Новгороде 272, 276
Рождества Христова, на Довмонтове стене в Пскове 279
Рождественская, в Новгороде 255
Рождественская, в Пскове 321
Саввинская, на Кузьмодемьянской ул. в Новгороде 328
Симеона, в Аркадьевском мон. в Новгороде 255
Симеоновская, на ул. Чудинцеве в Новгороде 316
Софийская, в Пскове 327
Софийский собор в Константинополе 37, 198, 268
Софийский собор в Новгороде 56, 76, 118, 239, 255, 278, 281, 282, 286, 305, 316, 318, 319, 323, 326, 329, 330, 381, 383, 384
Спасопреображенская, в г. Андреев 337
Спасопреображенская, в г. Руса 384
Спасопреображенская, на Ильине ул. в Новгороде 274, 275, 281
Спасопреображенский собор, в Галиче 330
Спасопреображенский собор (Св. Спаса), в Нижнем Новгороде 31, 225, 236, 237, 257, 264, 274
Спасопреображенский собор, в Твери 97, 272, 275, 296, 310, 316, 318—320, 322
Спасопреображенский собор, на Бору (мон. Спасский) в Москве 67, 317, 320, 396
Спасская, в Новгороде 232, 318, 326
Спасская, в г. Опочка 383
Спасская, в Порхове 320
Спасская, в Торжке 289
Спасская, за св. Софией в Новгороде 330
Спасская, на Розважи в Новгороде 329
Спасская, на Святом оз. 298
Спасская, на Торгу во Пскове 382, 385, 387
Спасская, на Хутыне в Новгороде 388
Спасская, у Старого Костра в Пскове 277, 304, 383, 385
Сретения, на воротах в мон. св. Антония в Новгороде 272
Стефана св., в Спасском мон. в Пскове 322
Тимофеевская, в Пскове 275, 319

Трех Святителей, в Киеве 324
Трехсвятительская (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого) в с. Голенищеве под Москвой 311
Троицкая, на Рядятине в Новгороде 272, 381
Троицкий собор, в Пскове 193, 272, 273, 294, 321, 329, 344, 382, 384
Троицкий собор, в Серпухове 276
Усекновения главы Иоанна, в Новгороде 321
Успения Богоматери, в Симоновом мон. 262, 322
Успенская златоверхая (десятинная), собор во Владимире 324
Успенская, в Новгороде 316
Успенская, на Завеличье в Пскове 384
Успенская, на Мелетове в Пскове 388
Успенская, на р. Тмака 321
Успенский собор, в Коломне 314, 316
Успенский собор, в Москве 84, 126, 335, 342, 377
Успенский собор, в Устюге 91
Феодосия и Антония, в Твери 318
Феодоровская, в Пскове 277
Филипповская, на ул. Нутной в Новгороде 276, 277
Флора и Лавра, на ул. Лугощи в Новгороде 276
Чудотворца Николы, в сел. Рожек 263
Юрия св. (Георгиевская), на Боркове ул. в Новгороде 381
Яковлевская, на ул. Яковли в Новгороде 316
Цибирца, сел. 281
Цна, р. 46, 249

Чагатай (Чигатай), страна 78, 79, 283
Челмахта, вол. 313
Червленые горы 267
Червленый Яр, р. 68, 239, 320
Черемисы, нар. 29, 150
Череха, р. 293, 380
Черкасская земля 86, 179, 241, 365
Черкасы, г. на Днепре 215, 358
Черкасы, см. берендеи, торки
Черкесы, нар. 37, 273
Черкизово, сел. 389
Чернигов, г. 204
Черниговская земля, обл. 75, 228
Черниговский удел (княж.) 121, 207
Черницына, ул. в Новгороде 321, 328
Черное море 14, 69, 113, 183, 199, 215, 301, 364, 402
Черноморские улусы (улус Эдигея) 115, 199
Черный лес 137
Чиглоним, погост 302
Чирски, сел. 329
Числов, вол. 259, 260
Чичаков сад, в Москве 298
Чудинцева, ул. в Новгороде 276, 282, 303, 316, 320, 381
Чудское оз. 276, 349, 388
Чудь (финны), чудьские народы 120, 305, 371, 380
Чусовая, р. 266
Чухлома, г. 37, 175, 180, 241
Чухонцы, см. эстонцы
Чухчелем, вол. 313
Чюдинцова ул., см. Чудинцева
Чюр, р. 246

Шабран (Шибран), г. 283, 300
Шаготь, вол. 259
Шамаха, г. и обл. 283
Шачебал, вол. 335
Шведы (свеи), нар. 41, 56, 117, 166, 167, 199, 214, 302, 349, 353
Швеция 159, 166, 208, 302, 351
Шексна, р. 357, 376
Шелона, р. 320
Шепково, вол. 260, 335
Шерна, г. 259
Шибран, см. Шабран
Шилово, уроч. 255
Шираз, г. 283

Ширван, г. и обл. 300
Шишевский лес 226

Щеркова ул. в Новгороде 319
Щитная, ул. в Новгороде 327

Эдиль, см. Волга
Эльбинг, г. 166
Эмба, р. 82
Эрфурт, г. 155
Эстонцы (чухонцы), нар. 165, 349, 371

Юг (Юз), р. 282, 338, 366
Югра (Югорская земля) 217, 226, 353
Югры, нар. 167, 266, 353
Южане, нар. 266
Юз, см. Юг
Юлка, вол. 259
Юрьев немецкий, см. Дерпт
Юрьев Польской, г. 51, 55, 106, 169, 175, 285, 354, 355
Юрьева слоб. 259, 260
Юрьевцы, жит. 294

Яжелбицы, сел. 190, 369
Яик, см. Урал
Яковля, вол. 302
Яковля (Яковлевская), ул. в Новгороде 275, 316
Яма (Ямбург), г. 63, 117, 164—166, 262, 290, 302, 349, 353
Ямны, сел. 255
Янева, ул. в Новгороде 303, 319, 320, 322, 381
Ярополчь, сел. 280
Ярославль, г. 26, 54, 55, 147, 180, 207, 253, 262, 305, 317, 318, 330, 335, 338, 339, 359, 366
Ярославцы, жит. 338, 339
Ярышева, ул. в Новгороде 274
Ясеневское, сел. 376
Ясси, см. Туркестан
Ясы, нар. 37, 86, 211, 254
Яуза, р. 113, 259, 389

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Том V

Глава I

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ ДОНСКИЙ

Г. 1363—1389

Гнев Ханский. Стеснение Князей Удельных. Договор. Усмирение Князя Нижнегородского. Язва. Великий пожар. Каменный Кремль. Частные победы над Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобия Тверских Князей. Запустение Херсона. Нашествие Литвы. Войны с Орденом. Сила Мамая. Вторичное нашествие Ольгерда. Благоразумие Михаила Тверского. Любовь народная к Димитрию. Знамения. Возвращение Вел. Князя из Орды. Война с Олегом. Новое впадение Литвы. Междоусобие. Третие нашествие Ольгерда. Избиение Татар в Нижнем. Последний Тысячский в Москве. Война с Тверским Князем. Первая смертная казнь в Москве. Поход в Болгарию. Начало Казани. Нашествие Моголов. Пословица. Победа над Моголами. Успехи в войне с Литвою. Дела церковные. Нашествие Мамаево. Измена Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерлан. Нашествие Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступ к столице. Вероломство Тохтамыша. Взятие и разрушение Москвы. Скорбь Димитрия. Изгнание Олега. Восстановление Москвы. Изгнание Митрополита. Ненависть Князя Тверского к Димитрию. Сын Димитриев в Орде. Тяжкая дань. Мир с Олегом. Ссора и мир с Новымгородом. Крещение Литвы. Жестокость Князя Смоленского. Бегство сына Димитриева из Орды. Смерть Князя Нижегородского. Вражда между В. Князем и Владимиром. Их примирение. Новый порядок наследства. Кончина Вел. Князя. Свойства Димитриевы. Строение городов и монастырей. Дела церковные. Ересь Стригольников. Крещение Перми. Сношения с Грециею. Путешествие Пимена. Италиянцы в нашей службе. Деньги вместо кун. Огнестрельное искусство в России. Кометы. Зима до 20 Апреля 7

Глава II
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ.
Г. 1389—1425

Великое Княжение сделалось наследием Владетелей Московских. Характер Аристократии. Договор. Политика Василиева. Брак. Великий Князь в Орде. Разорение Вятки. Нижний Новгород и Суздаль присоединены к Москве. Дела с Новымгородом. Нашествие Тамерлана. Славная икона Владимирская. Бедствие Азова. Дела Литовские. Взятие Смоленска. Свидание Вел. Князя с Витовтом. Россия Литовская. Дела Новогородские. Происшествия в Орде. Замыслы Витовта. Наши завоевания в Болгарии. Война Витовтова с Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверского. Временная независимость Велик. Княжения. Удача и неблагоразумие Князя Смоленского. Политика Витовта. Неудовольствия Новогородцев. Злодейство Князя Смоленского. Разрыв с Литвою. Свидригайло. Войны с Ливониею. Нашествие Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владимира Храброго. Происшествия в Орде. Дела Новогородские. Язва. Голод. Мысль о преставлении света. Кончина и характер Василия. Завещание. Договор с Рязанским Князем. Дары посланные в Грецию. Дочь Василиева за Императором. Дела церковные. Судная грамота. Разные известия. Добродетель супруги Донского 71

Глава III
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛИЕВИЧ ТЕМНЫЙ.
Г. 1425—1462

Чудо. Междоусобие. Язва. Нашествие Литвы. Съезд в Литве. Характер Витовта. Происшествия Литовские. Набеги Татар. Суд в Орде. Междоусобия. Злодейство. Распря с Новымгородом. Рождение Иоанна Великого. Дань Ординская. Изгнанный Хан в Белеве. Царство Казанское. Смерть Димитрия Красного. Собор Флорентийский. Новая вражда. Дела Новогородские. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествие Царя Казанского. Плен Великого Князя. Ужас и бедствия Москвы. Разбой Князя Тверского. Освобождение Василия. Землетрясение. Злодейство Шемякино. Ослепление Вел. Князя. Безрассудность Шемяки. Пословица. Вероломство. Смирение Василия. Обручение юного Иоанна. Изгнание Шемяки. Клятва. Благоразумное правление Василиево. Булла Папы. Иоанн Соправитель. Договоры. Достопамятное послание. Последняя из знаменитых битв Княжеского междоусобия. Нашествие Татар. Смерть Шемяки. Успехи Единовластия. Усмирение Новагорода. Рязанский Князь воспитывается в Москве. Неблагодарность Василиева. Покорение Вятки. Дела Псковские. Набеги Татар. Кончина и свойства Василиевы. Жестокость тогдашних нравов. Суеверие. Перемена монеты в Новегороде. Дела церковные. Взятие Константинополя Турками. Начало Крымской Орды 134

Глава IV
СОСТОЯНИЕ РОССИИ ОТ НАШЕСТВИЯ ТАТАР ДО ИОАННА III

Сравнение России с другими Державами. Следствие нашего ига. Введение смертной казни и телесных наказаний. Благое действие Веры. Изменение гражданского порядка. Начало Самодержавия. Медленные успехи Единодержавия. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имеет и добрые следствия. Выгоды Духовенства: характер нашего. Мы не приняли обычаев Татарских. Правосудие. Искусство ратное. Происхождение Козаков. Купечество. Изобретения. Художества. Словесность. Пословицы. Песни. Язык 200

ПРИМЕЧАНИЯ К V ТОМУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» 225

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРИАНТЫ И РАЗНОЧТЕНИЯ К ТОМУ V «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО 400

КОММЕНТАРИИ К ТОМУ V «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

М. И. Афанасьева, В. Ю. Афиани, В. П. Козлов, Г. А. Космолинская

Комментированный список источников и литературы, использованных Н. М. Карамзиным в «Примечаниях» . . . 406

В. А. Кучкин

Конец «темного периода» русской истории 446

УКАЗАТЕЛИ К ТОМУ V «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Указатель имен 480

Указатель географических и этнических названий . . . 528

Карамзин Н. М.

К21 История государства Российского в 12-ти томах. Т. V/Под ред. А. Н. Сахарова.— М.: Наука, 1993, 560 с.

ISBN 5-02-008661-4

Том V «Истории государства Российского» посвящен героическому и драматическому времени правления Дмитрия Донского, его сына Василия I и внука Василия II Темного.

К $\frac{0503020200-046}{042(02)-93}$ Подписное

ББК 63.3(2)43

КАРАМЗИН
Николай Михайлович

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

в двенадцати томах

Том V

Редакторы издательства
А. В. Болдов, Л. М. Пряжникова

Художник
М. В. Большаков

Художественный редактор
И. Ю. Нестерова

Технический редактор
Н. Н. Кокина

Корректоры
Р. В. Молоканова, Е. Л. Сысоева

ИБ № 47940

Сдано в набор 25.11.92
Подписано к печати 02.03.93
Формат 84×108 1/32
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 29,4.
Уч.-изд. л. 35,7
Тираж 100 000 экз.
Тип. зак. 3625

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6